

Санкт-Петербургский
государственный
университет

РОССИЯ

в глобальном мире:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

*Сборник работ X международной
студенческой научной конференции*

Санкт-Петербург
2023

УДК 316.42

ББК 60.56

P76

Редакторы:

*Агафонов Д. И.,
Альмуков Т. М.,
Габриелян М. О.,
Ефимова А. А.,*

*Зенков М. А.,
Коновалова К. А.,
Лебедева Е. А.,
Матяшова Д. О.,*

*Попов Д. И.,
Смирнов Е. В.,
Харин А. О.*

Рецензенты:

Портнягина М. Д., к.и.н., доцент кафедры международных гуманитарных связей

Барынкин А. В., к.и.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ

Григорьева О. В., к.п.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ

Трещенок Е. Ю., к.и.н., доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве СПбГУ

Голубев Д. С., к.п.н., доцент кафедры американских исследований СПбГУ

Фёдоров Н. В., к.и.н., доцент кафедры американских исследований СПбГУ

Андреев А. С., к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ

Чихачёв А. Ю., к.п.н., ассистент кафедры европейских исследований СПбГУ

Цветков И. А., к.и.н., доцент кафедры американских исследований СПбГУ

P76 Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности:

Сборник работ X международной студенческой научной конференции. — СПб.: Издательство Скифия-принт, 2023. — 620 с.

ISBN 978-5-00197-065-1

Сборник содержит доклады участников Десятой международной студенческой научной конференции «Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности», проведенной на базе Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета с 24 по 26 марта 2022 г. Представлены результаты работы 11 секций, сформированных по региональному и проблемному принципу и объединённых целью осмыслить место России в политических, экономических и социокультурных процессах современности.

УДК 316.42

ББК 60.56

P76

ISBN 978-5-00197-065-1

© Коллектив авторов, 2023

© Санкт-Петербургский

государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА»

Альмуков Т. М.

Отношения России с левыми режимами Латинской Америки в восприятии кубинского лобби в Конгрессе США. 9

Еремينا Н. Д.

Развитие торгово-экономических отношений между Россией и Аргентиной в современных реалиях 20

Стрельцов Л. Е.

Основные проблемы и препятствия в развитии российско-мексиканских торгово-экономических отношений. 33

Калинин Н. Д., Персианов Д. И.

Карибский кризис 2.0: есть ли у России сателлиты в Латинской Америке? 43

Перевозчиков М. С.

Имидж России в латиноамериканских странах: опыт интерпретации статистических данных. 55

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Бугаев Ф. Н.

«Ассоциированное трио» как пространство геополитической конкуренции за сферы влияния между Россией и Европейским союзом. 67

Карулин А. А.

Гибридные конфликты как новый феномен международных отношений на примере конфликта на востоке Украины. 79

Лифтиев Э. Н.

Роль России в процессе определения границы между Азербайджаном и Арменией 92

Муленкова П. М.

Основные направления развития российско-белорусских отношений в настоящее время 101

Смирнов Е. В.

Особенности реализации международных связей республик в составе РФ в период пандемии COVID-19 113

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН»

Анисимов А. А.

Российско-монгольское акционерное общество «Улан-Баторская железная дорога» как часть экономического коридора Китай — Монголия — Россия: перспективы и противоречия развития 126

Дроздова А. Д.

Влияние традиций дипломатического этикета на современную российско-китайскую переговорную практику 139

Шохина Ю. О.

Развитие российско-китайских экономических отношений в XXI в. на примере товарооборота, инвестирования и сопряжения проектов ЕАЭС и ЭПШП 153

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА»

Агафонов Д. И.

Россия и Германия: столкновение интересов в Арктике 165

Болиев С. О.

Российско-итальянские отношения на фоне международной напряженности 2021–2022 годов 178

Выстороп Р. С.

Перспективы российско-германского энергетического сотрудничества в сфере обеспечения европейской энергетической безопасности. 188

Дмитриев Д. А.

Российское направление внешней политики «светофорного правительства» в Германии: вызовы, возможности и формирование тенденций. 198

Егорова Е. Э.

Сохранение русского языка и культуры во Франции: история вопроса и перспективы развития (на примере региона Прованс — Альпы — Лазурный Берег) 209

Иванова Е. С.

Российско-швейцарское сотрудничество: вызовы современности и пути решения 221

Кузьмин И. А.

Сотрудничество Федеральной земли Бавария и Российской Федерации на современном этапе (2018–2021 гг.) 232

Олейник С. В.

Развитие российско-французских отношений в период президентства Эммануэля Макрона: политические и торгово-экономические аспекты 242

Субботин И. А.

Механизм формирования внешней политики ФРГ в отношении России на современном этапе 255

Чепурнаева О. Ю.

Цифровизация российско-германских отношений: достижения и перспективы в период широкомасштабных западных санкций. 268

СЕКЦИЯ «RUSSIAN FOREIGN POLICY AND THE GLOBAL ENERGY TRANSITION»

Abahtimova Darya

Perceptions of Energy Security in Germany and Its Influence on the Russian-German Energy Dialogue 279

Trajduk Valeriya, Fokin Mikhail

Modern Tendencies of Nuclear Energy Development in Europe. Nuclear Policy of France and Germany. 289

Kharin Artyom

German Hydrogen Diplomacy towards Russia 301

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»*Сидоров А. С.*

Основные тенденции развития российско-венгерских
отношений в 2021 — начале 2022 гг. 310

Тесленко В. А.

Отношения стран Вишеградской группы с Российской
Федерацией. 321

Токарев Н. О.

Миграционный кризис на границе Польши и Белоруссии
в контексте дискурса СМИ России и Германии 332

Чарчян Г. О.

Роль Болгарии в системе европейской безопасности
в контексте отношений Россия — НАТО 342

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И КРИЗИС В АФГАНИСТАНЕ»*Гарифзянов Р. Р.*

Место стран Центральной Азии в российской политике
в отношении Афганистана: вызовы безопасности для региона . 353

Зотова А. С.

Дипломатические средства урегулирования
внутриполитического конфликта в Афганистане. 366

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК»*Varabanova Elizaveta*

Россия в архитектуре мирного процесса в израильско-
палестинском конфликте: возможные сценарии участия 376

Дорошенко Г. А., Шелковников А. И.

Эволюция российской концепции безопасности региона
Персидского залива. 390

Емельяненко Е. Г.

«Африканский вектор» в стратегии России: проблема
африканского самосознания 401

Ефимова А. А., Баранов И. Н.

Конституционные реформы в конкурентно-авторитарных
режимах на примере Турции и России 413

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА»*Демихов К. А.*

Влияние фактора секьюритизации российской угрозы в регионе Балтийского моря на эволюцию оборонной политики Швеции с 1990 по 2021 годы 425

Коровина А. М.

Северная Европа и экологизация энергетического сектора: трансформация сотрудничества Российской Федерации и скандинавских стран 435

Коршунова Е. А.

Украинский кризис в норвежских СМИ: ключевые идеи нарратива 447

Файзеева М. Р.

Не плюшками, а митболами балуемся: сравнение культурных особенностей СССР и Швеции на примере советских экранизаций произведений Астрид Линдгрен. 457

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»*Гриднева А. О.*

Влияние исторической политики В. Орбана на отношения с Россией: формирование, функционирование, прогнозы. . . . 469

Кашапов Т. И.

Опыт Бразилии и России в преодолении наследия организованного террора в контексте правосудия переходного периода 481

Коцур Г. В.

Три типа связи между политическими эмоциями на примере российской исторической политики. 493

Погорельский Д. М.

Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и Межведомственная комиссия по историческому просвещению: сравнительный анализ 505

Попов Д. И.

Роль исторической памяти в обострении отношений России и Чехии в 2021 г. 514

Уварова А. В.

Отражение исторической памяти в музеях исторического
профиля. Опыт Российской Федерации и стран
постсоветского пространства. 526

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА»

Зацепя Е. И.

Особенности реализации образовательных и цифровых
проектов публичной дипломатии США для молодежи России. . 536

Коровашикина Е. С.

Процесс принятия внешнеполитических решений РФ и США
как фактор противоречий в двусторонних отношениях. 550

Kurlaeva Aleksandra

Role of the US Diplomatic Mission in Moscow in the Formation of
American Postwar Foreign Policy towards the USSR (1945–1946) . . 561

Мильдзихова Э. И.

Сравнительный анализ стратегий арктической политики
Российской Федерации и Канады 571

Теплякова А. И.

Национальные интересы России и Канады в отношении
правового статуса морских путей Арктики 580

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА: ЛУЧШИЕ РАБОТЫ

Белевцева В. П., Белякова А. М.

Роль концепции «Изменение через сближение» («Wandel durch
Annäherung») во внешней политике ФРГ по отношению к РФ
на современном этапе 590

Иванов Г. И.

Общественное мнение и российская внешняя политика 2020–
2021 гг. 600

Кравчик Е. И.

Российско-финляндские отношения: состояние финского
общественного мнения в отношении России на современном
этапе 610

СЕКЦИЯ

«РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА»

Альмуков Тимур Маратович

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат*

Отношения России с левыми режимами Латинской Америки в восприятии кубинского лобби в Конгрессе США

Russia's Relations with the Leftist Regimes of Latin America in
the Perception of the Cuban Lobby in the US Congress

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проанализировать восприятие отношений России с Венесуэлой, Кубой и Никарагуа кубинским лобби в Конгрессе США. Под кубинским лобби подразумевается группа сенаторов и конгрессменов кубинского происхождения, имеющих и антикоммунистические взгляды, которые выражаются в принятии враждебных политических решений по отношению к левым режимам Латинской Америки. Ставится цель выявить наличие у представителей лобби особого отношения к России и ее присутствию в Латинской Америке. В результате использования концепции восприятия Р. Джервиса автор приходит к выводу, что искаженное восприятие кубинским лобби образа России приводит к тому, что взаимодействие России со странами Латинской Америки относится к вопросам, затрагивающих национальную безопасность США.

Ключевые слова: кубинское лобби, концепция восприятия, секьюритизация, Россия, Венесуэла, Никарагуа, Куба.

Abstract. This article aims to examine how the Cuban lobby in the US Congress views Russia's relations with Venezuela, Cuba, and

Nicaragua. The term “Cuban lobby” refers to a group of anti-communist senators and congressmen of Cuban ancestry who demonstrate their anti-communist sentiments by pursuing hostile activities against Latin American leftist administrations. The goal is to expose the existence of a distinct attitude among lobbyists toward Russia and its presence in Latin America. The author finds that the Cuban lobby’s misperception of Russia’s image elevates Russia’s relationship with Latin America to the status of concerns affecting US national security, using R. Jervis’ concept of perception.

Keywords: Cuban lobby, concept of perception, securitization, Russia, Venezuela, Nicaragua, Cuba.

Введение

Растущее взаимодействие Российской Федерации со странами Латинской Америки и Карибского бассейна соответствует комплексному характеру ее внешней политики, которая, в свою очередь, отражает внутривнутриполитические реалии страны после распада СССР. Несмотря на серьезные экономические и социальные потрясения, а также зависимость от мирового рынка сырья, активность внешней политики России свидетельствует о нежелании политического руководства страны мириться со сложившимся после окончания холодной войны миропорядком и стремлении увеличить свой политический вес на международной арене.

Наращивая взаимодействие со странами латиноамериканского региона, в котором исторически преобладает влияние США, Россия бросает вызов устоявшейся в регионе американской гегемонии и демонстрирует желание трансформации международной системы в сторону многополярности. Этим объясняется кооперация России с Кубой, Венесуэлой, Никарагуа — странами с левыми правительствами, которые антагонистично настроены по отношению к Соединенным Штатам. Несмотря на тенденцию к увеличению взаимодействия России с этими странами, российское присутствие в регионе не является столь ощутимым из-за ряда объективных факторов, к которым прежде всего относится географическая отдаленность России от Латинской Америки.

Несмотря на это, присутствие России в Латинской Америке очень болезненно воспринимается американскими властными элитами. Среди них особенно выделяются представители кубинского лобби в обеих палатах Конгресса США. К кубинскому лобби принадлежат различные группы кубинских эмигрантов и их потомков, живущие в Соединенных Штатах. Представители лобби известны своими антикоммунистическими взглядами, враждебностью по отношению к режиму Кастро и другим левым режимам в Латинской Америке. На сегодняшний день самыми яркими представителями лобби являются: сенатор- республиканец М. Рубио из штата Флорида, сенатор-республиканец из штата Техас Т. Круз, сенатор-демократ Р. Менендес из Нью-Джерси, а также конгрессмен-республиканец из Флориды М. Диас-Баларт. Вышеперечисленные сенаторы являются членами комитета Сената по международным делам, Р. Менендес является его председателем, и в связи с этим имеют возможность оказывать непосредственное влияние на формирование внешней политики Соединенных Штатов.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что участие Российской Федерации в политических процессах стран Латинской Америки становится все более ощутимым. Позиция России является одной из ключевых в региональных процессах, будь то венесуэльский кризис или серия антиправительственных выступлений на Кубе. Кооперация России с этими режимами превращает Латинскую Америку в зону столкновения геополитических интересов, где позиция США хоть и остается ключевой, но не всегда может быть решающей.

Новизна исследования состоит в том, что основной акцент сделан на позициях кубинского лобби в отношении российского присутствия в регионе. Автор заключает, что именно идентичность лобби играет ключевую роль в восприятии России в качестве угрозы интересам и безопасности США в Западном полушарии.

Эмпирическим материалом исследования являются множественные публичные выступления и заявления представителей кубинского лобби. Помимо этого, для демонстрации конструирования России в качестве угрозы автором использована теория

секьюритизации, разработанная представителями Копенгагенской школы исследований безопасности Б. Бузаном и О. Вейвером.

Искажение в восприятии присутствия России в Латинской Америке

Враждебное отношение к российскому присутствию в Латинской Америке и взаимодействию с недружественными США режимами можно объяснить с помощью концепции восприятия, разработанной американским ученым Робертом Джервисом [1]. Согласно Джервису, восприятие политиками текущей реальности может быть искажено несколькими важными факторами. Во-первых, основным фактором недопонимания среды. Исследователь считает стремление политика к соответствию новой информации уже сложившимся представлениям [2, с. 47]. Во-вторых, уделяется внимание механизмам восприятия, которые не позволяют политику изменить свои взгляды. В-третьих, Джервис отмечает психологический настрой политика на принятие определенного решения. Восприятие сенаторами отношений России с Венесуэлой, Никарагуа и Кубой искажено целым рядом факторов. Данные критерии применимы и по отношению к кубинскому лобби. Антагонизм по отношению к России и ее латиноамериканским партнерам может объясняться собственным опытом законодателей и их идентичностью.

Марио Диас-Баларт родился в 1961 г. в штате Флорида. Его отец, Рафаэль Диас-Баларт, был видным кубинским политиком, лидером большинства в Палате представителей Конгресса Кубы, а также заместителем министра внутренних дел во времена диктатуры Фульхенсио Батисты. После прихода к власти Фиделя Кастро семья Диас-Баларт была вынуждена иммигрировать в США.

Аналогичные обстоятельства есть и в биографии сенатора Теда Круза. Рафаэль Круз, отец Т. Круза, был революционером и одним из соратников Фиделя Кастро в начале 1950-х. В 17 лет Рафаэль Круз возглавил группу повстанцев, устраивавших городские диверсии против кубинского диктатора Фульхенсио Батисты. Круз был заключен в тюрьму, а после освобождения вступить

в отряд Кастро в горах Сьерра-Маэстра. Однако, узнав о невозможности объединиться с повстанцами, был вынужден покинуть страну и уехать в США. Р. Круз вернулся на Кубу в 1959 г., вскоре после прихода к власти Фиделя Кастро. По словам Т. Круза, его отец был поражен коммунистическими взглядами Кастро, так как о социалистическом характере революции было упомянуто только во время американской операции в заливе Свиней в 1961 г. [3].

Семьи сенаторов Менендеса и Рубио не сталкивались с режимом Кастро напрямую и были вынуждены покинуть Кубу из-за тяжелых социально-экономических условий, однако их отношение к кубинскому режиму являлось крайне негативным. Это позволяет сделать вывод о том, что у представителей лобби изначально существовало негативное восприятие кубинского режима, которое основывалось на личном опыте их ближайших родственников. Вместе с этим, логичным было бы предположение о негативном восприятии СССР как коммунистического режима и одного из ближайших союзников Кастро и Кубы.

Такое восприятие заметно в речах законодателей. Так, Марко Рубио, комментируя визит президента России В. Путина в Гавану, подчеркнул, что это свидетельствует о заинтересованности России в восстановлении присутствия в Западном полушарии как во времена холодной войны [4]. Сравнение отношений России с левыми режимами Латинской Америки с годами холодной войны постоянно присутствует в речах М. Рубио на протяжении многих лет [4, 5, 6]. Проведение таких исторических параллелей свидетельствует о том, что восприятие нынешнего присутствия России в Латинской Америке уже искажено имевшимися представлениями об СССР и антагонизмом по отношению к левым режимам Латинской Америки.

Вместе с тем, говоря о М. Диас-Баларте и М. Рубио важно отметить и фактор кубинской диаспоры в штате Флорида, который они представляют в Конгрессе. Согласно исследованию, проведенному Международным университетом Флориды, в этом штате проживает 25,2% кубинцев и других испаноговорящих, в южном округе Майами-Дейд доля кубинцев составляет 36,3%, а совместно с другими испаноговорящими — 68,1% [7]. Большинство кубин-

цев, иммигрировавших в США, являются противниками Кастро, так или иначе пострадавшими от проводимой режимом политики, и в связи с этим склонны поддерживать жесткую политику США в отношении Кубы и дружественных ей государств. Более того, 60% респондентов поддерживает сохранение эмбарго в отношении Кубы [7]. Таким образом, М. Рубио и М. Диас-Баларту следует придерживаться жесткой позиции в отношении Кубы и ее взаимодействия с Россией, чтобы не потерять доверие избирателей, живущих во Флориде.

Не стоит оставлять без внимания и идеологическую направленность представителей лобби. Принадлежность М. Рубио, М. Диас-Баларта и Т. Круза к Республиканской партии также во многом объясняет их враждебный настрой к левым режимам и сказывается на восприятии реальности, не оставляя пространства для маневра и заставляя действовать в рамках курса партии. Р. Менендес является членом Демократической партии, и его антагонизм объясняется характерным для демократов вниманием к соблюдению прав человека, которые нарушаются в вышеперечисленных латиноамериканских государствах. Говоря об отношении к России, можно отметить наличие межпартийного консенсуса по формированию политики на данном направлении. Так, комментируя инициативу Дж. Байдена о продлении договора СНВ-III, Роберт Менендес заявил: «Я рад, что президент нацелен на продление СНВ-III, но в то же время придерживается жесткой позиции по отношению к России во всех других вопросах. Россия понимает только язык силы и поэтому это отличное начало» [8]. Заявления М. Рубио также подтверждают консенсус обеих партий по российскому направлению: «Весь этот шум вокруг Путина и Трампа был из-за того, что Трамп что-то не говорил публично. Но если смотреть на политику, не было администрации, которая жестче вела бы себя с Россией» [9]. Таким образом, персональный опыт взаимодействия с кубинским режимом и СССР, проведение исторических параллелей с временами холодной войны, консервативно настроенная электоральная база во Флориде и идеологическая принадлежность дают основание утверждать об искаженном восприятии левых режимов и их отношений с Россией со стороны представителей кубинского лобби.

Секьюритизация российского присутствия в Латинской Америке

Представляет интерес анализ речевых практик, с помощью которых представители лобби возводят отношения России с Кубой, Венесуэлой и Никарагуа в ранг вопросов, затрагивающих национальную безопасность и интересы США. В своей статье для издания “The Hill” Марко Рубио сравнил российское влияние в Латинской Америке с временами холодной войны, называя российское присутствие в регионе «пагубным», а цели российского руководства — «деструктивными» для интересов США [6]. Рубио отмечает, что Россия на протяжении десятилетий подрывала демократические институты во всей Латинской Америке, развивая сотрудничество с авторитарными режимами. В статье Рубио содержится призыв к руководству США «быть бдительнее» в отношении взаимодействия России с левыми режимами. Рубио обращается к союзникам США в лице Канады, Мексики, стран Группы Лимы, призывая их к кооперации для противодействия внеполусферным акторам в лице России и предотвращения дальнейшей эрозии демократических институтов и стабильности в регионе [6].

Используя теорию секьюритизации, разработанную представителями Копенгагенской школы исследований безопасности Б. Бузаном и О. Вэйвером, можно сделать целый ряд выводов касательно речи М. Рубио [10]. Во-первых, объектами секьюритизации представляются интересы США в Латинской Америке, а также стабильность и демократия в регионе, угрозу для которых Рубио видит в увеличивающемся российском влиянии на региональные процессы. Аудиторией, к которой обращено это заявление Рубио, является прежде всего администрация президента, а также представители законодательной власти Соединенных Штатов, в компетенцию которых входят вопросы национальной безопасности и принятие внешнеполитических решений.

Данный процесс секьюритизации можно считать успешным, так как в нем присутствовали все необходимые компоненты — определенная риторика, семиотическая структура и т.д. (см. рис. 1). Результатом секьюритизирующего движения стало принятие целого ряда законов, вводящих санкции в отношении Венесуэлы,

Кубы и Никарагуа. Помимо этого, на очередном заседании комитета Сената США по международным делам, которое состоялось 7 февраля 2022 г., Рубио предложил законопроект о стратегии Соединенных Штатов по обеспечению безопасности в Западном полушарии [11]. Примечательным является то, что в качестве угроз для региональной безопасности упоминаются два внешних актора — Китайская Народная Республика и Российская Федерация. Соавтором этого законопроекта выступил другой представитель лобби — председатель комитета, сенатор Р. Менендес.

Рисунок 1. Процесс секьюритизации присутствия России в Латинской Америке

Аналогичные законопроекты предлагались и другими лобби-стами. Так, в ответ на подписание целого ряда соглашений [12], а также участвовавшие сообщения о наращивании сотрудничества в военной сфере и разведке [13], Роберт Менендес внес законопроект, который устанавливает меры по мониторингу, отчетности в борьбе с коррупцией и нарушениями прав человека в Никарагуа. Кроме того, законопроект требует от Государственного департамента отчета о деятельности России в Никарагуа, включая сотрудничество между российскими и никарагуанскими военными и спецслужбами [14]. В ноябре 2021 г. законопроект был подписан президентом Байденом и вступил в силу. Присутствие России

в Латинской Америке отмечено и Т. Крузом, который также относит его к рангу вопросов, затрагивающих национальную безопасность и интересы США. Круз внес 30 поправок к законопроекту о формировании бюджета США на 2019 г. [15]. Среди них наиболее выделяется поправка, касающаяся взаимодействия России со странами Латинской Америки. Ее суть заключается в создании системы регулярных отчетов Разведывательного управления министерства обороны о российском присутствии в Западной полушарии и российском сотрудничестве с Никарагуа, Кубой и Венесуэлой [16].

Заключение

Таким образом, используя концепцию восприятия Р. Джервиса, можно сделать вывод об особом отношении к взаимодействию России с левыми режимами Латинской Америки. Оно искажено персональным опытом их предков, серьезной электоральной базой в штате Флорида, идеологической и партийной принадлежностью. Стоит также отметить, что в вопросах, связанных с политическими процессами в Латинской Америке, кубинское лобби действует согласованно, несмотря на принадлежность к разным политическим партиям. Это свидетельствует о том, что фактор принадлежности к кубинской идентичности может превалировать над различными идеологическими разногласиями. Регулярные упоминания холодной войны в статьях и выступлениях позволяют сделать вывод, что, несмотря на распад СССР, лоббисты по-прежнему видят угрозу в сохранении российского влияния в регионе, во многом игнорируя объективные факторы, делающие российское присутствие в регионе не столь ощутимым, а взаимодействие с латиноамериканскими странами — носящим ограниченный характер. Результатом такого восприятия становится секьюритизация российского присутствия в Западной полушарии, принятие множества законов, направленных на конфронтацию с левыми режимами Латинской Америки, которые сотрудничают с Россией. Это позволяет сделать вывод о том, что определяющая роль представителей лобби в формировании внешней политики оставляет возможность для принятия нерациональных мер на латиноамериканском направлении внешнеполитического курса США.

Библиография

1. *Jervis R.* Perception and misperception in international politics. New Edition. REV-Revised, Princeton University Press, 1976.
2. *Крылов М. М.* «Концепция восприятия» Р. Джервиса в теории и историографии международных отношений (последняя четверть XX — начало XXI в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2008. № 5. С. 46–57.
3. Ted Cruz's father an early Fidel Castro revolutionary, memoir claims // The Guardian. 27.07.2015. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/jun/27/ted-cruz-memoir-father-cuba-revolutionary-fidel-castro> — 18.04.2022.
4. Russia-Cuba Cooperation a Sign of Growing Threats in Latin America // Power Line. 17.07.2014. URL: <https://www.powerlineblog.com/archives/2014/07/exclusive-to-power-line-marco-rubio-on-the-russian-threat-to-the-western-hemisphere.php> — 19.04.2022.
5. Rubio: Presencia rusa sería el retorno a la “Guerra Fría” // Diario Las Américas. 15.01.2022. URL: <https://www.diariolasamericas.com/america-latina/rubio-presencia-rusa-seria-el-retorno-la-guerra-fria-n4241030> — 19.04.2022.
6. *Rubio M.* Putin's Russia is propping up the Maduro dictatorship in Venezuela // The Hill. 02.10.2020. URL: <https://thehill.com/blogs/congress-blog/foreign-policy/482276-putins-russia-is-propping-up-the-maduro-dictatorship-in> — 04.03.2022.
7. *Grenier G. J.* 2020 FIU Cuba Poll: How Cuban Americans in Miami View US Policies Toward Cuba. URL: <https://cri.fiu.edu/research/cuba-poll/2020-fiu-cuba-poll.pdf> — 19.04.2022.
8. Biden confronts Russia — and Republicans are listening // Politico. 27.01.2022. URL: <https://www.politico.com/news/2021/01/27/biden-confronts-russia-republicans-listening-463256> — 19.04.2022.
9. Республиканцы и демократы сошлись на России // Коммерсант. 28.01.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4663917> — 20.04.2022.
10. *Buzan B, Wæver O, Wilde Jde.* Security : A New Framework for Analysis. Boulder Colo: Lynne Rienner Pub; 1998.
11. S.3589 — 117th Congress (2021–2022): Western Hemisphere Security Strategy Act of 2022. 07.02.2022. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/3589> — 03.03.2022.
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Никарагуа о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 19 июля 2021 года. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110080026> — 20.04.2022.

13. Russian influence in Cuba, Nicaragua, and Venezuela // The Counterterrorism Group. 26.07.2021. URL: <https://www.counterterrorismgroup.com/post/russian-influence-in-cuba-nicaragua-and-venezuela> — 20.04.2022.
14. S.1064 — 117th Congress (2021–2022): Reinforcing Nicaragua’s Adherence to Conditions for Electoral Reform Act of 2021 or the RENACER Act. 25.03.2021. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1064> — 20.04.2022.
15. H.R.5515 — 115th Congress (2017–2018): John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. 13.08.2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5515/text> — 20.04.2022.
16. Sen. Cruz: NDAA fortifies Texas’ position as a pillar of America’s defense. Official website of Ted Cruz. 13.08.2018. URL: <https://www.cruz.senate.gov/newsroom/press-releases/sen-cruz-ndaa-fortifies-texas-and-rsquo-position-as-a-pillar-of-america-and-rsquo-defense> — 20.04.2022.
17. Why Trump is focused on making Marco Rubio happy // Politico. 08.03.2020. URL: <https://www.politico.com/news/2020/08/03/marco-rubio-trump-latin-america-policy-390858> — 25.02.2022.
18. *Pavlova E.* Russian Challenge to Multipolarity? The Prospects for Political Cooperation between Russia and Latin America // Problems of Post-Communism. 2018. Vol. 65. No. 6. P. 394–408.

Ермина Наталья Дмитриевна

Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ

Факультет экономистов-международников

Бакалавриат

Развитие торгово-экономических отношений между Россией и Аргентиной в современных реалиях

Development of Trade and Economic Relations between Russia and Argentina in Modern Realities

Аннотация. Статья посвящена исследованию дипломатических и торгово-экономических отношений между Россией и Аргентиной. Актуальность темы определяется активно развивающейся политической и экономической ситуацией как внутри стран, так и на мировой арене. На основе анализа уже существующих и планируемых совместных проектов, а также торговых показателей между странами сделаны выводы о настоящем и будущем сотрудничестве России и Аргентины.

Ключевые слова: внешняя торговля Аргентины, внешняя торговля России, экспорт и импорт, торгово-экономические отношения, совместные проекты.

Abstract. The article is devoted to the study of diplomatic and trade-economic relations between Russia and Argentina. The relevance of the topic is determined by the political and economic situation both within countries and in the world. Based on the analysis of existing and planned joint projects, as well as trade indicators between the countries, the article draws conclusions about the present and future cooperation between Russia and Argentina.

Keywords: Argentina's foreign trade, Russia's foreign trade, exports and imports, trade and economic relations, joint projects.

Аргентина является крупнейшим торговым партнером России из всех стран Латинской Америки. С данной страной постоянно идет динамичный политический диалог, а также проводятся обширные культурные и гуманитарные обмены. Отношения между странами строятся на прочной основе многолетнего сотрудничества и охватывают все сферы взаимодействия, а именно: экономику и торговлю, политику и дипломатию,

техническое сотрудничество, научные, культурные и гуманитарные связи.

Актуальность доклада заключается в том, что на основе проведенного исследования уже существующих и планируемых совместных внешнеэкономических проектов, а также экономических показателей между Россией и Аргентиной можно выявить пути расширения торгово-экономических отношений двух стран в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Научная новизна исследования поднимает новую проблему развития внешнеэкономических отношений между Россией и Аргентиной в контексте пандемии COVID-19 и обостренной геополитической обстановки в мире и раскрывает, в связи с этим, вызовы и угрозы, показывает пути их преодоления.

Теоретической и методологической основой проведенного исследования являются фундаментальные исследования в области мировой экономики, монографии и статьи российских и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам внешнеторговой деятельности.

Дипломатические отношения между Аргентиной и СССР были официально установлены 6 июня 1946 г. В тот период страны приняли ряд мер, которые способствовали организации советско-аргентинских отношений. Наилучшие показатели послевоенного товарооборота были зарегистрированы в 1980-х годах благодаря масштабному советскому импорту из Аргентины пшеницы, кукурузы, сои, растительного масла, мяса и других продуктов агропромышленного сектора. Аргентина же закупала в СССР энергетическое и металлургическое оборудование, а также оборудование для дорожного строительства [1]. После распада Советского Союза Аргентина стала выстраивать торгово-экономические отношения с Россией. С 1991 по 2007 год происходило постепенное сближение двух государств, а в период с 2008 до 2014 года отношения достигли наивысшего уровня благодаря включению стран Латинской Америки в список приоритетных партнеров России. Немалый вклад в российско-аргентинские торговые отношения внесли «украинский кризис» и введение санкций против России — данные обстоятельства поспособствовали росту российского импорта из Аргентины. Однако в 2015 году ситуация изменилась,

и объем российского импорта аргентинских продуктов питания упал ниже досанкционного уровня. Это можно объяснить результатами активно проводимой политики импортозамещения и девальвацией рубля. Несмотря на это, 2015 год ознаменовал начало нового периода сотрудничества, когда во время визита в Москву президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер был подписан документ о повышении российско-аргентинских двусторонних отношений до уровня комплексного стратегического партнерства [2].

В настоящее время по объему товарооборота Аргентина занимает видное место среди латиноамериканских государств, хотя ее доля в общей внешней торговле России относительно невелика [3]. На рис. 1 представлен объем импорта России из Аргентины в период с 2013 по 2020 гг.

Рисунок 1. Объем импорта России из Аргентины с 2013 по 2020 год [3]

В частности, по итогам 2020 года на Аргентину пришлось около 0,03% всего объема экспорта России и 0,4% ее объема импорта. Россия также не входит в число основных экономических и торговых партнеров Аргентины: в 2020 году на нашу страну

пришлось 0,8% аргентинского экспорта и 0,4% импорта. При этом российский рынок считается в Аргентине одним из самых перспективных с точки зрения продажи своей продукции, прежде всего сельскохозяйственной. Так, в импорте России из Аргентины в 2020 году преобладают фрукты и овощи, мясо и мясные субпродукты, молочная продукция, яйца и мед, масло, рыба и ракообразные. В 2020 году российский импорт фруктов и овощей из Аргентины достиг отметки в 195 млн долл., мяса и мясных субпродуктов — 144 млн долл., молочной продукции, яиц, меда натурального — 143 млн долл., масличных семян и плодов — 83 млн долл., рыбы и ракообразных — 82 млн долл. Отдельно стоит отметить, что рост импорта рыбы и ракообразных, моллюсков и прочих водных беспозвоночных из Аргентины составил 27% за 2016–2020 годы. Однако экспорт России в Аргентину заметно сокращается: за 2016–2020 гг. он уменьшился на 6%, а в 2019–2020 гг. — на 71%, что можно связать с непростой экономической и политической ситуацией в Аргентине и пандемией коронавируса [4]. Структура российского импорта из Аргентины с 2013 по 2020 год представлена на рис. 2.

Рисунок 2. Структура российского импорта из Аргентины с 2013 по 2020 год [3]

На Москву и Московскую область в 2013–2020 гг. пришлось 39,2% российского импорта из Аргентины, на Санкт-Петербург и Ленинградскую область — 29,5%, на Калининградскую область — 8,4%, на Краснодарский край — 4,7% [4].

Экспорт из России в Аргентину в 2020 году составил 94 млн долл. — один из самых низких показателей за последние годы [3]. Основной причиной стала эпидемия коронавируса, уменьшение производственных мощностей, а значит, снижение спроса на российские товары. На рис. 3 представлен объем российского экспорта в Аргентину с 2013 по 2020 год.

Рисунок 3. Объем экспорта России в Аргентину с 2013 по 2020 год [4]

Основными статьями товаров, поставляемых из России в Аргентину, в 2020 году стали удобрения, которые составили 44 млн долл., и черные металлы, которые составили 16 млн долл. [3]. С 2013 по 2020 год Аргентина импортировала из России в основном минеральные продукты, продукцию химической и смежных отраслей промышленности, машины и механические приборы, электрооборудование и металлы [4]. Подробное распределение представлено на рис. 4.

Рисунок 4. Структура российского импорта в Аргентину с 2013 по 2020 год [4]

В настоящее время наблюдается негативная тенденция в экспортно-импортных отношениях между РФ и Аргентиной: в связи с обостренной политической ситуацией и введением множественных санкций аргентинский импорт из России за март 2022 года снизился на 69% в годовом исчислении. Дело в том, что введенные санкции затрудняют логистику, проведение платежей и усложняют цепочки поставок. В то же время правительство Аргентины не стало присоединяться к введению санкций против России [5].

Отдельной областью торгово-экономических отношений являются совместные проекты. Так, например, в 2011 году АО «Силовые машины», крупнейшая энергомашиностроительная компания России, и аргентинская компания УТЕ заключили договор об изготовлении основного генерирующего оборудования для двух гидроагрегатов ГЭС «Пунта Негра». В настоящее время свыше 20% электроэнергии в Аргентине вырабатывается на российском оборудовании. АО «Силовые машины» также поставило агрегаты на такие аргентинские ГЭС, как «Пьедра дель Агила», «Лос Караколес», «Сальто Гранде» и «Пьедра Буэна» [6].

Пандемия открыла новые горизонты для сотрудничества между Россией и Аргентиной. Аргентина стала первой страной Западного полушария, которая одобрила использование российской вакцины против коронавируса Sputnik V, при этом количество доз, которые Россия поставила в латиноамериканскую страну, составляет почти 15 миллионов. Российская вакцина Sputnik V была первой вакциной, которая стала применяться в Аргентине, а летом прошлого года аргентинская компания Richmond начала производство препарата. Аргентина уже произвела более 6 миллионов доз вакцины на своей территории. В сентябре 2021 года фармацевтическая компания заявила о намерении в течение года запустить новый завод для производства российской антиковидной вакцины. Этот завод сможет производить 500 миллионов доз в год, что позволит Аргентине начать поставлять вакцину в другие страны. В начале февраля 2022 г. Richmond Laboratories получили разрешение продавать вакцину Sputnik V, обретя, таким образом, возможность стать частью производственной цепочки не только для внутренней торговли, но и для экспорта. Целевыми экспортными рынками станут другие страны Латинской Америки: Боливия, Парагвай, Перу, Бразилия, Чили и Мексика [7].

Отдельной темой для обсуждения российско-аргентинских отношений стал визит российской делегации, организованный Российским фондом прямых инвестиций и Совкомбанком, в Аргентину в начале декабря 2021 года. Представители Российской Федерации встретились с президентом Аргентины Альберто Фернандесом, министрами экономики, здравоохранения, сельского хозяйства, иностранных дел и другими высокопоставленными чиновниками. В рамках встречи поднимались вопросы не только уже существующего сотрудничества по борьбе с коронавирусом, но и, например, создание корреспондентских счетов между Россией и Аргентиной, открытие банковских представительств и постепенный переход на национальные валюты. Также на одной из встреч российскими предпринимателями было выдвинуто предложение сборки продукции ПАО «КАМАЗ» на аргентинских объектах. Аргентина, в свою очередь, готовит международный тендер на реконструкцию железнодорожной линии и ожидает, что Россия примет активное участие в данном мероприятии [8].

Таким образом, сотрудничество в рамках производства вакцин стало серьезным поводом для улучшения торгово-экономических отношений в таких областях, как агропромышленный комплекс, горнодобывающая промышленность и информационная экономика. Развитие отношений в данных сферах может быть достигнуто путем укрепления научно-технической системы и улучшения инфраструктуры Аргентины.

Одним из ключевых моментов в развитии отношений между двумя странами стал недавний визит президента Аргентины в Россию. Альберто Фернандес посетил Москву в качестве первой остановки во время визита в Китай. Он отметил необходимость укрепления сотрудничества между Россией и Аргентиной и желание Аргентины уменьшить свою зависимость от Соединенных Штатов Америки и Международного валютного фонда [9].

Данное намерение объясняется непростой экономической ситуацией Аргентины, в том числе ее долгом перед МВФ, и напряженной политической обстановкой. По данным МВФ, потребительские цены во всем мире вырастут на 4,8% в 2022 году, что будет самым быстрым ростом с 2007 года. Особенно сильно это отражается на развивающихся странах, таких как Аргентина, Бразилия и Турция. Экономика Аргентины столкнулась с кризисом еще до пандемии коронавируса, несмотря на то, что страна обладает внушительными энергетическими ресурсами и является одним из крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции: в 2020 году Аргентина заняла 1-е место в мире по экспорту соевого масла и арахиса, 2-е место в мире по экспорту кукурузы и готовых кормов для животных [3]. Правительство Аргентины долгое время полагалось на эмиссию национальной валюты для покрытия дефицита бюджета и особенно нуждалось в денежном финансировании с момента дефолта по государственному долгу в девятый раз за свою историю в мае 2020 года. За последние два года количество денег в обращении росло в среднем на 50% в год. С начала 2021 года песо подешевел более чем на 60% по отношению к доллару.

В настоящее время инфляция в Аргентине продолжает расти. В январе 2022 года цены выросли в среднем на 3,9% по сравнению с декабрем 2021 года и на 50,7% в годовом исчислении [10].

Не менее важной проблемой является мировой рост цен на продукты питания. Индекс цен на продовольствие Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций достиг в марте 2022 года исторического максимума в 159,3 пункта (уровень индекса в 100 пунктов соответствует среднему уровню взвешенных цен на продовольственный экспорт в период с 2014 по 2016 гг.). Четыре из пяти категорий, составляющих индекс: растительные масла, зерновые, молочные продукты и мясо, никогда не достигали таких высоких цен [11].

Повышение цен на растительные масла и зерновые связано с российско-украинским конфликтом, так как данные страны являются крупными экспортёрами растительной и зерновой продукции. Также среди негативных факторов специалисты ООН выделяют озабоченность посевами пшеницы в США, рост цен на сырую нефть и сокращение выработки соевого масла в Южной Америке. Ожидается, что Европейский союз увеличит экспорт пшеницы, а Аргентина, Индия и США будут продавать больше кукурузы. В то же время Аргентина планирует присоединиться к инициативе Китая «Один пояс — один путь», благодаря чему она получит свыше 23 миллиардов долларов на осуществление различных национальных проектов. Аргентина и Китай договорились о сотрудничестве в таких отраслях, как зеленые технологии, цифровая экономика, космическая и атомная сферы, технологии и инновации, образование, сельское хозяйство и СМИ. Это позволяет говорить о перспективах экономического и социального развития страны [12].

Во время встречи глав государств РФ и Аргентины Альберто Фернандес не только поблагодарил президента России за своевременную поддержку в борьбе с коронавирусом, но и отметил перспективы в сотрудничестве в энергетическом секторе — как в добыче газа, так и в передаче опыта использования возобновляемых технологий. Визит президента Аргентины в Москву способствует укреплению дипломатических связей между странами, позволит привлечь инвестиции и осуществить необходимые структурные изменения в аргентинской экономике [9].

Следующий масштабный совместный проект — поставка в Аргентину электропоездов общей стоимостью 864 млн долл.

США для пригородного сообщения Буэнос-Айреса и городов-спутников. Дочерняя компания АО «Трансмашхолдинг» «ТМХ Интернэшнл» выиграла международный тендер на поставку 70 электропоездов переменного тока, модифицирует уже выпускающиеся на базе Тверского вагоностроительного завода поезда «Иволга» для Аргентины и выполнит поставки продукции в течение 4 лет. Контракт включает разработку, производство, поставку и послепродажное обслуживание поездов [13].

Более далекая перспектива — участие России в разработке крупного нефтяного и газового сланцевого месторождения *Vaca Muerta*, геологического образования, которое обладает обширными запасами дорогостоящих ресурсов. *Vaca Muerta* занимает 30 000 квадратных километров и представляет собой второй по величине газовый резервуар и четвертый нефтяной резервуар в мире [14]. Разработка данного месторождения поспособствует не только удовлетворению энергетических потребностей Аргентины, но и существенно увеличит аргентинский экспорт энергоресурсов [15]. Однако, обладая такими обширными ресурсами, правительство Аргентины до сих пор так и не смогло полностью реализовать его потенциал. Причиной этому дефицит инфраструктуры, который усложняет и без того непростую логистику, экономические и политические колебания и необходимость дальнейшего увеличения инвестиций. Устойчивый рост инвестиций необходим также и с точки зрения социальной и экологической стабильности. Правительство Аргентины ожидает, что Россия примет активное участие в разработке месторождения. Это особенно касается будущего международного тендера на реконструкцию железнодорожной линии между городом Баия-Бланка и самим месторождением сланцевых углеводородов [8].

На своей территории, площадь которой составляет 2,8 миллиона квадратных километров, Аргентина также обладает обширными запасами лития. Литиевое месторождение *Totillar* располагается в аргентинской провинции Сальта, во всемирно известном «литиевом треугольнике» и является еще одним перспективным направлением для российских компаний на рынке Аргентины. Так, 29 ноября 2021 года организация Госкорпорации «Росатом» *Uranium One Holding N.V.* заключила соглашение о совместной

разработке месторождения. Развитие этой отрасли стратегически важно для обеих стран, так как литий — необходимый материал для перехода к «зеленой» экономике и устойчивого развития [16].

Россия также готова развивать сотрудничество с Аргентиной в сфере мирного атома, планируя строительство АЭС, что способствует улучшению энергетической ситуации в Аргентине. Между странами действует межправительственное соглашение о сотрудничестве таких областях энергетической сферы, как фундаментальные и прикладные исследования, проектирование, сооружение, эксплуатация и вывод из эксплуатации АЭС и исследовательских ядерных реакторов. Более того, Россия ранее уже проявляла интерес к участию в тендере на сооружение сухого хранилища отработавшего ядерного топлива АЭС «Атуча-2», которое находится в Аргентине [17].

Таким образом, многолетние дипломатические отношения между Россией и Аргентиной в последние годы стали укрепляться благодаря взаимовыгодной торговле и множеству совместных проектов, в которых Аргентина рассчитывает на участие и поддержку России. В свою очередь Аргентина является одним из надежных партнеров России в условиях международной напряженности. Всё это — предпосылки к изменению современного миропорядка, переходу от активного взаимодействия нескольких крупных государств, диктующих направления развития экономики и политики, к партнерству с множеством стран, в особенности с развивающейся экономикой, а также развитие межгосударственных связей по линии интеграционных объединений (в случае России и Аргентины это ЕАЭС и МЕРКОСУР).

Библиография

1. Железняк А. А., Кондратьева Е. А., Нутенко Л. Я., Холодков Н. Н. Наш деловой партнер — Аргентина. М.: Информ. центр «Коринф» при в/о «Росвнешторг», 1993.
2. Яковлева Н. М. Россия и Аргентина на вираже взаимного притяжения // Латинская Америка. 2015. № 12.
3. Данные об экспорте и импорте по исследованиям Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/> — 22.04.2022.

4. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. URL: <https://customs.gov.ru/> — 22.04.2022.
5. Argentina descarta aplicar sanciones unilaterales contra Rusia: “No son un mecanismo para generar paz o concordia” // RT en Español. URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/422386-argentina-descarta-sanciones-unilaterales-rusia> — 22.04.2022.
6. История успеха. Аргентина // АО «Силловые машины». URL: https://power-m.ru/press-center/video-news/success-story-argentina/?sphrase_id=113026 — 22.04.2022.
7. Los laboratorios argentinos Richmond reciben la autorización para comercializar la vacuna Sputnik V // RT en Español. URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/418802-laboratorios-argentinos-richmond-autorizacion-comercializar-sputnik> — 22.04.2022.
8. Una delegación empresarial rusa visita Argentina: ¿qué temas están tratando y cuáles son los avances? // RT en Español. URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/412967-resultados-visita-delegacion-rusa-empresarial-argentina> — 22.04.2022.
9. Alberto Fernández, en la reunión con Putin: “Argentina tiene que dejar esa dependencia tan grande que tiene con el FMI y EE.UU” // RT en Español. URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/418860-alberto-fernandez-reunion-putin> — 22.04.2022.
10. Argentina arranca 2022 con una inflación mensual del 3,9% en enero // El País. URL: <https://elpais.com/economia/2022-02-15/argentina-arranca-2022-con-una-inflacion-mensual-del-39-en-enero.html> — 22.04.2022.
11. ONU: Los precios mundiales de alimentos alcanzaron en marzo un nuevo récord y el conflicto en Ucrania fue uno de los factores que más influyó // RT en Español. URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/426378-onu-precios-alimentos-marzo-record> — 22.04.2022.
12. Аргентина присоединится к инициативе Китая «Один пояс — один путь» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220206/argentina-1771324190.html> — 22.04.2022.
13. ТМХ объявлен победителем тендера на поставку 560 вагонов серии «Иволга» в Аргентину // АО «Трансмашхолдинг». URL: <https://tmholding.ru/media/events/14098.html> — 22.04.2022.
14. Захаров А. Н., Овакимян М. С. Топливо-энергетические комплексы ведущих стран мира (России, США, Франции, Италии): учеб. пособие. 2-е изд., доп. М.: МГИМО-Университет, 2016. 177 с.
15. Захаров А. Н. Глобальная энергетическая проблема в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 3. С. 3–10; 2017. № 4. С. 14–24.

16. Компания Uranium One Holding N.V. подписала соглашение о создании совместного предприятия по разработке литиевого месторождения в Аргентине // Официальный сайт госкорпорации РОСАТОМ. URL: https://rosatom.ru/journalist/news/kompaniya-uranium-one-holding-n-v-podpisala-soglashenie-o-sozdanii-sovmestnogo-predpriyatiya-po-razr/?sphrase_id=2939489 — 22.04.2022.
17. Россия готова к сотрудничеству с Аргентиной по мирному атому, заявили в МИД // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220406/atom-1782017917.html> — 22.04.2022.

Стрельцов Леонид Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Основные проблемы и препятствия в развитии российско-мексиканских торгово-экономических отношений

The Main Problems and Obstacles in the Development of Russian-Mexican Trade and Economic Relations

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать основные проблемы в торгово-экономических отношениях между Россией и Мексикой. Для осуществления поставленных целей автором был рассмотрен ряд проблем во взаимоотношениях двух стран в рамках торгово-экономического сектора, в результате чего были сделаны выводы и оценены дальнейшие перспективы развития двустороннего сотрудничества. Автором были выделены три основные проблемы в торгово-экономическом секторе, которые на данный момент являются наиболее важными в контексте торгово-экономических связей России и Мексики. После рассмотрения изложенных проблем автор делает выводы о том, как можно справляться с препятствиями, которые на данный момент существуют в двусторонних отношениях Мексики и России в торгово-экономической сфере, а также описывает возможные перспективы данных отношений.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения, Россия, Мексика, США, товарооборот.

Abstract. This article attempts to analyze the main problems in trade and economic relations between Russia and Mexico. In order to achieve these goals, the author considered a number of problems in the relations between the two countries within the trade and economic sector, as a result of which conclusions were drawn and further prospects for the development of bilateral relations were assessed. The author mentioned three main problems in the trade and economic sector, which are currently the most important in the context of trade and economic relations between Russia and Mexico. After considering the above issues, the author draws conclusions

about how to cope with the problems that currently hinder the development of bilateral relations between Mexico and Russia in the trade and economic sphere, and also describes possible prospects within the framework of these relations.

Keywords: trade and economic relations, Russia, Mexico, USA, trade turnover.

Введение

В последние годы Мексика занимает позицию одного из ключевых партнеров России в Латинской Америке в сфере торгово-экономических отношений. Однако даже при активном развитии взаимоотношений объем связей в данной отрасли внешней политики заметно ниже возможностей. На сегодняшний день Россия и Мексика стремятся интенсифицировать двусторонние контакты, однако испытывают ряд проблем и препятствий при осуществлении торгово-экономических взаимоотношений. Так, основными и наиболее важными проблемами на данный момент являются: зависимость Мексики от США в торгово-экономической сфере, географическое положение Мексиканских Соединенных Штатов и низкая конкурентоспособность российских компаний на мексиканском рынке по сравнению с американскими.

Актуальность темы данной работы обусловливается ростом значимости торгово-экономических отношений между Россией и Мексикой. Подтверждением данного тезиса является статистика сайта посольства Российской Федерации в Мексике, согласно которой в 2021 году (по сравнению с 2020 годом) рост товарооборота между двумя странами составил 121,85% [13]. При этом международный контекст вносит свои коррективы в данную ситуацию. В первую очередь это связано с санкциями, которые США и Европейский союз вводят против России. На этом фоне поиск и улучшение торгово-экономических отношений с другими странами, в том числе со странами Латинской Америки, приобретает особую значимость.

Целью настоящего исследования является определение основных проблем и препятствий, а также факторов, влияющих на торгово-экономические связи России и Мексики.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать основные тенденции развития торгово-экономических связей Мексики с Россией.
2. Осуществить анализ влияния США на проведение экономической политики Мексики.
3. Изучить основные препятствия и проблемы, а также факторы, влияющие на развитие отношений в торгово-экономическом секторе.
4. Сравнить развитие торгово-экономических отношений между Россией и Мексикой в 2020 и 2021 годах, выявить тенденции на 2022 год.
5. Определить роль России для Мексики в рамках торгово-экономических отношений, сделать общий вывод и сформулировать ряд прогнозов на 2022 год.

Тенденции развития российско-мексиканских торгово-экономических отношений

Для проведения анализа взаимоотношений России и Мексики в торгово-экономическом секторе необходимо отметить важность таких двусторонних отношений. Наиболее показательной, по мнению автора, может считаться статистика динамики торговли России с Мексикой с 2010 по 2021 год. С 2010 года Федеральная таможенная служба Российской Федерации начала декларировать товарооборот между Мексикой и Россией в общедоступном формате. В 2010 году общий товарооборот двух стран составлял 768 миллионов долларов США, однако уже в 2021 году общий товарооборот составил 4783 миллионов долларов США [13, 14]. Можно заметить, что за одиннадцать лет успешного налаживания контактов товарооборот между двумя странами увеличился более чем в шесть раз. С каждым годом динамика взаимоотношений России и Мексики улучшается, из чего можно сделать вывод, что такого рода торгово-экономические отношения выгодны обеим странам.

Стоит отметить, что и российские, и мексиканские компании активно интегрируются во внутренние рынки друг друга. В данный момент на мексиканском рынке активную деятельность ведут

несколько крупных российских компаний: ГК «Ростех» продвигает продукцию военного и гражданского назначения, на рынке присутствует «Лукойл Лубрикантс» с широким спектром нефтепродуктов, ОАО «Силовые машины» занимается энергомашиностроительной деятельностью. Мексиканские компании продвигают на российский рынок алкогольную продукцию и продукты питания, выражая заинтересованность в импорте из России металлургической продукции, минеральных удобрений, нефтехимии, нефтегазового оборудования. В России, в свою очередь, работают мексиканские фирмы «Грума», «Немак», группа «Омнилайф», «Мабе» [15].

Также важно сказать о том, что в рамках усовершенствования торгово-экономических связей страны организуются деловые встречи. В апреле 2020 года состоялось первое заседание Комитета предпринимателей Россия — Мексика. В 2019 году мексиканская делегация посетила Санкт-Петербургский международный экономический форум. В рамках этих встреч делегации обменивались идеями и проектами по взаимному сотрудничеству.

Таким образом, на сегодняшний день существует ряд факторов, позволяющих утверждать, что взаимоотношения между Россией и Мексикой в торгово-экономическом секторе действительно укрепляются. Так, анализ товарооборота между двумя странами с 2010 года позволяет увидеть качественное улучшение двусторонних взаимодействий, с каждым годом увеличивается присутствие компаний двух стран во внутреннем секторе друг друга, происходит постоянный обмен опытом и проектами для взаимного сотрудничества.

Однако все же существуют факторы, которые значительно тормозят или вовсе исключают возможность сотрудничества России и Мексики.

США как фактор торгово-экономических отношений России и Мексики

Одной из основных проблем в развитии торгово-экономических отношений России и Мексики является фактор соседства с США. За счет своего географического расположения Соединенные Штаты Америки всегда были основным партнером

Мексика в торгово-экономическом секторе. Однако ввиду того, что дипломатические и иного рода отношения США с Россией нельзя назвать успешными или положительными, Вашингтон зачастую негативно относится к планам Мексики укрепить торгово-экономическое сотрудничество с Россией. Так, примером этого может являться договоренность между Россией и Мексикой о поставке военных вертолетов в латиноамериканское государство в 2020 году. После такого заявления заместитель госсекретаря США Х. Родригес пригрозил Мексике санкциями [9], и сделка по поставке вертолетов так и не состоялась. Тем не менее, торгово-экономические связи России и Мексики успешно развиваются и в наши дни, особенно после прихода к власти в Мексике нового президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора. Об этом может свидетельствовать то, что в 2022 году президент Мексики не поддержал антироссийские санкции, которые ввели США и ЕС на фоне кризиса отношений между Украиной и Российской Федерацией «Мы не будем принимать никаких карательных мер экономического типа, потому что хотим сохранить хорошие отношения со всеми правительствами мира», — заявил Лопес Обрадор во время брифинга. При этом Лопес Обрадор осудил действия Российской Федерации на территории Украины [10]. Такие заявления показывают, что позиция правительства Мексики остается чуть более дружественной по отношению к России в торгово-экономическом секторе, Андрес Мануэль Лопес Обрадор не позволяет Мексике вступать в какие-либо конфликты, не касающиеся страны напрямую. Данные высказывания можно связать с утверждениями Лопеса Обрадора, который неоднократно заявлял, что «лучшая внешняя политика — это политика внутренняя».

Таким образом, мы можем утверждать, что несмотря на сильное влияние США по отношению к Мексике, мексиканский курс на развитие отношений с другими странами укрепляется с каждым годом, и Россия не является исключением. Более того, динамика торговли России с Мексикой демонстрирует более высокие темпы по сравнению с другими странами Латинской Америки несмотря на то, что Мексика еще не вышла на уровень торгового партнера номер один в Латинской Америке [16].

Возможные вызовы российско-мексиканских торгово-экономических отношений

Помимо зависимости Мексики от США в торгово-экономическом секторе, что, по мнению автора, является наиболее важной и основной проблемой, существуют еще побочные проблемы, которые так или иначе тормозят развитие торгово-экономических отношений. К таким проблемам можно отнести географическое положение России и Мексики, их удаленность друг от друга, и слабую конкурентоспособность российских компаний по сравнению с американскими. Эти две проблемы даже можно назвать частично взаимосвязанными друг с другом.

Географическая удаленность России от Мексики является достаточно серьезной проблемой при построении отношений. Издержки на поставку и передачу тех или иных грузов, чаще всего являются достаточно большими, а иной раз и вовсе приносящими убытки. Из-за такой удаленности часто не удается согласовать новые планы поставок или торговых обменов. Однако эта проблема демонстрирует пассивность русских торговых и бизнес-компаний, и слабая конкурентоспособность по сравнению с крупными фирмами других стран. Автор данной работы уверен, что из-за географической отдаленности многие российские компании просто отказываются сотрудничать с Мексикой, так как это приносит лишь убытки. Более того, российские компании сталкиваются с серьезной конкуренцией со стороны иностранных компаний, пользующихся привилегиями в рамках соглашений о свободной торговле, которые Мексика не имеет с Россией [12].

Несмотря на все сложности развития торгово-экономических отношений, описанные проблемы уже находятся на стадии их частичного решения. Так, по мнению автора, решению обеих проблем может поспособствовать ряд факторов. С 2020 года Россия и Мексика активно продвигают идею взаимной отмены виз для въезда в страну [11]. Данный шаг может способствовать увеличению туристического потока, а также улучшить согласование двусторонних поставок и привлечет внимание как российских, так и мексиканских бизнесменов. Более того, на 2021–2024 годы между Россией и Мексикой заключен план проведения политиче-

ских консультаций [17], в рамках которых обсуждаются не только политические вопросы, но и торгово-экономические соглашения.

Развитие торгово-экономических отношений России и Мексики за 2020-2022 гг.

Для анализа и выявления тенденций в торгово-экономических отношениях России и Мексики необходимо изучить данные Федеральной таможенной службы России за 2020 и 2021 годы. За 2020 г. общий товарооборот двух стран вырос на 121,85%. Экспорт России в Мексику в 2021 году увеличился на 199,04%, а импорт — на 35,57% [13]. Также для общего понимания необходимо изучить экспортно-импортную структуру двусторонних отношений. В структуре экспорта России в Мексику в 2021 году основная доля поставок пришлась на следующие товары: металлы и изделия из них, продукция химической промышленности, древесина и целлюлозно-бумажные изделия, минеральные продукты, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а также машины, оборудование и транспортные средства [13]. В структуре импорта России из Мексики в 2021 году основная доля поставок пришлась на следующие виды товаров: машины, оборудование и транспортные средства, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, продукция химической промышленности, а также металлы и изделия из них [13].

Помимо экспорта и импорта, Мексика уже зарекомендовала себя как торгово-экономический партнер Российской Федерации: доля Мексики во внешнеторговом обороте с Россией увеличилась с 0,38% до 0,69% в 2021 году, а Мексика с 48 места в рейтинге партнеров России сдвинулась на 32 место [13]. Базовым механизмом двустороннего взаимодействия в практической сфере является российско-мексиканская смешанная комиссия по экономическому, торговому, научно-техническому и морскому судоходству (МПК).

Несмотря на небольшое процентное соотношение, российско-мексиканские торгово-экономические отношения развиваются активнее с каждым годом. По общим тенденциям развития за 2020 и 2021 годы можно сделать прогноз, что в 2022 году общий товарооборот между Россией и Мексикой увеличится примерно на 15%.

По оценке автора настоящей статьи, товары, которые ранее поставлялись на российский и мексиканский рынки, не поменяются по своей структуре. Единственной проблемой в 2022 году может стать затруднительное положение России на международной арене в связи с проведением специальной военной операции на Украине, однако на данный момент Мексика продолжает активно выстраивать торгово-экономические отношения с Российской Федерацией.

Заключение

В целом, для России Мексика является одним из ключевых латиноамериканских партнеров в рамках торгово-экономических взаимоотношений. Результаты двустороннего экономического сотрудничества свидетельствуют о растущем числе бизнес-сделок и совместных проектов. Даже несмотря на значительное влияние США на Мексику, анализ данных Федеральной таможенной службы России позволяет говорить о том, что взаимоотношения России и Мексики в торгово-экономическом секторе являются наиболее развивающимися и перспективными по сравнению с другими латиноамериканскими странами.

На данный момент существует ряд факторов, которые осложняют развитие торгово-экономических отношений Мексики и России. Однако, исходя из принимаемых соглашений и договоренностей, в будущем большинство проблем могут исчезнуть, а влияние США на Мексику может ослабеть в связи с суверенизацией этого латиноамериканского государства, ведь с каждым годом Мексика обретает все большее количество партнеров на мировой арене.

В условиях формирования многополярного мирового порядка, а также в условиях сложившейся политической ситуации на мировой арене вокруг России регион Латинской Америки становится особо важным в рамках укрепления торгово-экономических связей. Важно отметить, что помимо роста товарооборота Мексика и Россия также сходятся в позициях по многим международным вопросам, таким как недопустимость героизации нацизма, запрет на размещение оружия в космосе, укрепление международной информационной безопасности [17], а также развивают свои от-

ношения в других крупных сферах, что позволяет идентифицировать Мексику не только как сугубо экономического партнера, но и как надежного и дружественного государства.

Однако несмотря на позитивную тенденцию развития взаимоотношений в торгово-экономическом секторе российским компаниям и бизнесменам по-прежнему трудно выйти на мексиканский рынок из-за ряда факторов. Лишь дальнейшее взаимодействие двух стран поспособствует разрешению этих проблем, а также укреплению взаимоотношений не только в торгово-экономической, но и в других отраслях.

Библиография

1. Беляев С. А. О торгово-экономических отношениях России и Мексики / С. А. Беляев // Региональный вестник. 2020. № 5. С. 92–94.
2. Боровков А. Н. Россия — Мексика: исторические параллели в отношениях двух стран. К 130-летию дипломатических отношений / А. Н. Боровков // Латинская Америка. 2020. № 11. С. 52–66.
3. Захарцова А. С., Кучинов П. А., Лавут А. А., Лосева М. Ю., Маиур В. А., Николаева Л. Б., Пономарев Е. А., Пятаков А. Н., Симонова Л. Н., Тайар В. М., Холодков Н. Н., Школяр Н. А. Латинская Америка в системе международных экономических отношений. М.: ИЛА РАН, 2020. 487 с.
4. Косевич Е. Ю. Мексикано-американские отношения в период президентства Барака Обамы / Е. Ю. Косевич // Латинская Америка. 2018. № 1. С. 63–75.
5. Косевич Е. Ю. Новые ориентиры внешней политики Мексики / Е. Ю. Косевич // Латинская Америка. 2019. № 9. С. 23–37.
6. Хейфец В. Л. Внешняя политика А. М. Лопеса Обрадора: декларации и реалии / В. Л. Хейфец // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 171–202.
7. Школяр Н. А., Пивикова Е. К. Стратегия выхода на рынок Мексики / Н. А. Школяр, Е. К. Пивикова. М.: Весь мир, 2019. 192 с.
8. México se enfrenta a una sanción de EEUU si concreta la compra de heli cópteros a Rusia // HCH.tv. 15.02.2020. URL: <https://hch.tv/2020/02/15/mexico-se-enfrenta-a-una-sancion-de-eeuu-si-concreta-la-compra-de-helicopteros-a-rusia/> — 13.04.2022.
9. México no impondrá sanciones a Rusia por invadir Ucrania: AMLO // Infobae. 01.03.2022. URL: <https://www.infobae.com/america/mex>

- ico/2022/03/01/mexico-no-impondra-sanciones-a-rusia-por-la-invasion-a-ucrania-amlo/ — 01.04.2022.
10. Rusia y México planean eliminar sus visas pronto // Forbes. 13.06.2019. URL: <https://www.forbes.com.mx/rusia-mexico-eliminar-visas-en-breve/> — 01.03.2022.
 11. Соглашения о свободной торговле Мексики // Ruwiki.press. 2020. URL: https://ruwiki.press/es/Tratados_de_libre_comercio_de_México — 10.03.2022.
 12. Торговля между Россией и Мексикой в 2021 году // Сайт внешней торговли России на основе данных Федеральной таможенной службы России. 2022. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-meksikoy-v-2021-g/> — 10.03.2022.
 13. Торговля между Россией и Мексикой. Динамика торговли за период 2010–2017 годы // Сайт внешней торговли России на основе данных Федеральной таможенной службы России. 2018. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-meksikoy-v-2010-2017-godah/> — 10.03.2022.
 14. Торговля между Россией и Мексикой в 2021 году // Сайт посольства Российской Федерации в Мексиканских Соединенных Штатах. 2021. URL: https://mexico.mid.ru/ru/rusia-mexico/dvustoronnie_otnosheniya/torgovo-jekonomicheskie-otnosheniya/ — 26.02.2022.
 15. Торговля России со странами Латинской Америки: ориентиры на третье десятилетие // РСМД. 03.02.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-rossii-so-stranami-latinskoj-ameriki-orientiry-na-trete-desyatiletie/> — 01.03.2022.
 16. Эффективность и перспективы сотрудничества России и Мексики // РСМД. 03.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dikinov-vyacheslav/effektivnost-i-perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-meksiki/> — 01.03.2022.

Калинин Никита Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет политологии

Бакалавриат

Персианов Дмитрий Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Карибский кризис 2.0: есть ли у России сателлиты в Латинской Америке?

**Caribbean Crisis 2.0: Does Russia Have Satellites in Latin
America?**

Аннотация. В настоящей статье представлено развернутое описание современных отношений между Российской Федерацией и Республикой Куба в разных сферах: дипломатической, парламентской, социально-экономической, военной. Оцениваются возможности и условия для размещения российских вооружений на Кубе с тем, чтобы обеспечить стратегическую безопасность России. По данному вопросу приводятся мнения экспертов в сфере международных отношений, дается авторский прогноз.

Ключевые слова: Куба, Россия, сотрудничество, вооружения.

Abstract. This article presents a detailed description of the modern relations between the Russian Federation and the Republic of Cuba in various spheres: diplomatic, parliamentary, socio-economic, military. The possibilities and conditions for the deployment of Russian weapons in Cuba are being assessed in order to ensure Russia's strategic security. The opinions of experts in the field of international relations are given on this issue, the author's forecast is given.

Keywords: Cuba, Russia, cooperation, armaments.

Введение

В настоящее время мы можем наблюдать заметное усиление международной напряженности, проходящее, прежде всего, по оси Россия — США. Затянувшийся украинский кризис не предвещает

скорой развязки. Многие эксперты-международники говорят о «новой холодной войне», которая делает блоковое разделение мира и угрозу ядерной войны вновь актуальными. Нет нужды следовать правилам хорошего тона и лишний раз констатировать, что Фукуяма ошибался и никакого «конца истории» не наступило. Однако стоит отметить, что в вопросе предвосхищения мировой политики сыграла карта Сэмюэля Хантингтона, чья теория столкновения цивилизаций весьма походит на эмпирику современного положения дел в мире. Можно спорить о степени влияния культурно-цивилизационных факторов на гордиев узел мировой политики, однако то, что современный мир суть полиакторная субстанция с рядом противостоящих друг другу центров силы — бесспорный факт.

События второй половины XX века повторяются — Россия стремится найти союзников для гарантий стратегической безопасности в противостоянии Западу. Положение РФ куда сложнее, чем СССР: в отличие от времен холодной войны современная Россия не имеет какой-либо идеологии, которая могла бы стать предметом экспорта. Тем не менее, Россия может сделать ставку на банальный антиамериканизм — настроение, разделяемое рядом развивающихся стран. Таким образом, Россия утратила позитивную часть советской идеологии (интернационализм, братская солидарность, всемирное объединение рабочего класса), но сохранила негативную часть (апокалиптическая борьба с экзистенциальным врагом в его шмиттовском понимании).

Важной частью в истории холодной войны стали страны Латинской Америки, в первую очередь Республика Куба. Латинская Америка еще со времен введения в действие доктрины Монро воспринималась как «задний двор США». Американская администрация всегда с особым вниманием относилась к событиям в латиноамериканских республиках. В эпоху холодной войны силами США было свергнуто несколько левых политических режимов в Латинской Америке, которые представляли опасность для Вашингтона как гипотетические очаги советского влияния. Самой большой неудачей США стало допущение кубинской революции 1959 г. и последующего установления на Кубе социалистического режима, ставшего главной опорой СССР в Западном полушарии.

В настоящее время, когда мы живем, используя термин политолога Станислава Белковского, в «эпоху возвращения», когда политические практики мира эпохи модерна становятся вновь актуальными, разговор о союзниках России в Латинской Америке становится все более злободневным. В своем исследовании мы намерены рассмотреть положение российского присутствия в Латинской Америке, в частности, в Республике Куба. Объект исследования — двустороннее военно-политическое и экономическое сотрудничество России с Кубой. Предмет исследования — возможности создания альтернативного военно-политического альянса России с Кубой. Цель работы — проследить устойчивую динамику и выявить тенденции в развитии двустороннего сотрудничества. В исследовании мы будем использовать метод контент-анализа. Мы проанализировали ряд информационных сводок в СМИ, интервью, официальных заявлений, аналитических статей и заметок с целью выявить ряд смысловых закономерностей, на основе которых могут быть выделены тенденции и сделаны выводы.

Краткая характеристика кубинского вектора российской внешней политики

В 1990-е годы отношения Кубы и России были не столь тесными, как в советскую эпоху. Внешнеполитический курс Козырева не предполагал плотного взаимодействия со странами третьего мира, в особенности со странами социалистической ориентации. Козырев обозначил цель российской внешней политики как партнерство и союзы во имя демократии и рыночной экономики со странами, разделяющими эти ценности.

Российский латиноамериканист Владимир Петрович Сударев отмечает, что «распад СССР и появление на его месте целого ряда независимых государств для латиноамериканского региона означало прежде всего исчезновение полюса военно-политической мощи и влияния, который, несмотря на конфронтационное начало, все же обеспечивал определенное равновесие в международных отношениях» [1]. Это означает, что был потерян своеобразный противовес западному влиянию. Многие страны, негативно относящиеся к США и их союзникам, оказались буквально «под открытым огнем».

В январе 1996 г. новым руководителем МИД РФ стал Е. М. Примаков — человек более консервативных взглядов, сторонник проведения в жизнь концепции многополярного мира, не раз отмечавший, что нет главных и второстепенных государств, все они должны играть активную роль на мировой арене. С приходом Е. М. Примакова произошел коренной пересмотр внешнеполитических доктрин, пришло понимание того, что расширение сотрудничества с развивающимися странами имеет существенное значение для становления независимой внешней политики, отвечающей национальным интересам Российской Федерации, поэтому в этот период подписывается ряд соглашений в различных сферах с латиноамериканскими государствами, начинается обновление договорно-правовой базы сотрудничества [2]. Таким образом, Латинская Америка была «реабилитирована».

Социально-экономическое сотрудничество России и Кубы

Куба издавна считается главным российским союзником в Западном полушарии. Крепкая дружба, заложенная Хрущевым и Кастро, выражалась в тесном экономическом и военно-политическом сотрудничестве СССР и Кубы. Эта дружба несколько ослабла в начале 1990-х годов в ходе переориентации российской внешней политики, в результате чего Куба лишилась прежней протекции «старшего брата». Потепление отношений началось к концу 1990-х.

С начала 2000-х гг. российско-кубинские отношения развивались продуктивно, и даже ликвидация в 2003 году на Кубе радиолокационной базы, построенной в 1967 году, не сбавила интенсивность сотрудничества. В 2014 году в ходе визита Владимира Путина в Гавану стороны договорились о списании 90% кубинского долга перед Россией при том, что остальные 10% должны быть инвестированы в экономику Кубы. В 2018 году товарооборот России и Кубы составил более 387 млн долларов и лишь ненамного снизился в связи с пандемией COVID-19 [3].

Российский экспорт представлен машинами, оборудованием и транспортными средствами, продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем, металлами и изделиями из них,

древесиной и целлюлозно-бумажными изделиями, продукцией химической промышленности, минеральными продуктами. В структуре импорта России из Кубы — драгоценные металлы и камни, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, продукция химической промышленности [4].

Российские компании участвуют в реализации крупномасштабных долгосрочных проектов в энергетике, металлургии, в сфере транспортной инфраструктуры, по поставкам автомобильной и железнодорожной техники, в области сельского хозяйства и легкой промышленности [4]. На кубинской территории успешно работают российские энергетические компании. «Роснефть» проводит геологоразведку на кубинском шельфе, модернизирует перерабатывающие заводы страны, «Зарубежнефть» осваивает крупное нефтяное шельфовое месторождение [4]. В октябре 2019 года ОАО «РЖД Интернешнл» и «Железные дороги Кубы» подписали контракт на восстановление и модернизацию железнодорожной инфраструктуры Кубы. Реализация контракта рассчитана на 10 лет при стоимости 1,9 миллиарда евро [4]. В августе 2019 года «РЖД Интернешнл», «Синара — Транспортные Машины» и «ПромТехКом» подписали меморандумы о сотрудничестве в развитии железнодорожной инфраструктуры на острове [4]. 29 октября 2021 г. вице-премьер России Юрий Борисов заявил, что российская автомобилестроительная компания «Группа ГАЗ» запустила на Кубе сборочное производство автомобилей ГАЗ и «Урал» [5].

Военно-стратегическое сотрудничество России и Кубы

Как отметил в интервью RT заместитель директора Института истории и политики МПГУ Владимир Шаповалов, интенсивное развитие отношений между Россией и Кубой, наблюдающееся в последние годы, связано во многом с тем, что Россия сейчас активно восстанавливает связи со своими традиционными друзьями и союзниками. По словам директора Центра геополитических экспертиз Валерия Коровина, Куба заинтересована в возобновлении военно-технического сотрудничества с Россией. «Куба давно ждала возвращения России, Куба устала быть в изоляции, Кубе

необходимо обеспечить безопасность, и сделать это может только Россия», — считает Коровин [5].

Можно сказать, в данный момент времени Россия стремится реанимировать прежний вектор советско-кубинских отношений, которые были подчеркнута антиамериканскими. СССР обеспечивал Кубе оборонную и экономическую безопасность, десятилетиями создавая в Карибском бассейне атмосферу невроза, который вылился в Карибский кризис 1962 г. Недаром советские остряки интерпретировали слово «Куба» как аббревиатуру «коммунисты у берегов Америки».

В 2018 году президент РФ Владимир Путин и председатель Государственного совета Республики Куба Мигель Диас-Канель в ходе официальной встречи обсудили перспективы военно-стратегического партнерства на фоне ухудшения американо-кубинских отношений. Лидеры стран выразили обеспокоенность в связи с угрозой выхода США из договора о сокращении ракет малой и средней дальности. Пресс-секретарь президента РФ Д. С. Песков, комментируя встречу, заявил: «Это не индексируется каким-то отдельным моментом, холодной войной или иным. Это постоянный процесс, постоянная составляющая внешней политики России». Тем не менее, визит нового кубинского лидера в Россию на фоне усиления антикубинской риторики Вашингтона кажется более чем символическим [6].

Путин и Диас-Канель встретились повторно в 2019 году, после избрания Диаса-Канеля на пост президента Кубы. В ходе встречи Путин заявил: «Мы продолжаем контакты на высшем и высоком уровнях на постоянной основе. Активно сотрудничаем и поддерживаем друг друга на международной арене. В России всегда с особой симпатией относились к независимой позиции Кубы, к ее суверенной политике». Диас-Канель, в свою очередь, отметил положительную динамику российско-кубинских отношений, передал горячий привет от первого секретаря ЦК Компартии Кубы Рауля Кастро и выразил благодарность за визит на остров председателя Правительства РФ Д. А. Медведева: «Для нас очень много значил визит Медведева в октябре месяце. Очень интересный, позитивный визит. Он имеет особенность, что высокое руководство Российской Федерации посетило Кубу в сложный момент, когда

происходит эскалация агрессии США против Кубы, и дает урок миру в том, что позиция России и Кубы остается под угрозами Соединенных Штатов. С другой стороны, в этом визите мы смогли оценить развитие всех проектов. Но также в рамках визита появились новые идеи о новых областях и новых проектах, в которых мы можем сотрудничать. Хотел бы сказать, что в нашей повседневной деятельности, в наших чувствах каждый день есть моменты, посвященные России. В первую очередь потому, что мы очень пристально следим за растущей ролью, которую играет Россия, чтобы сломить превосходство, которое старается установить США» [7].

Визит в Москву Диаса-Канеля — во многом политический жест, проявление вежливости, считает Николай Калашников, советник директора Института Латинской Америки РАН. Буквально за две недели до визита, 29 октября 2019 г., его избрали главой государства в восстановленной должности президента. «Это новая должность, и как вновь избранный президент он совершает визиты в те страны, с которыми Куба стремится развивать отношения», — пояснил эксперт [4]. Важным событием стало участие делегации Кубы в Международном военно-техническом форуме «Армия 2019». Кубинские военнослужащие впервые приняли участие в международных армейских играх «АрМИ-2019» [4].

Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев, описывая перспективы российско-кубинского сотрудничества, отметил, что Куба может по более выгодным ценам покупать российское сырье и товары взамен американских и канадских аналогов. «Можно перекрыть поставки нефти, но если США примут решение о запрете поставок или контроле за поставками продовольствия, это уже будут не шутки. И в этом смысле наши кубинские друзья эти предложения ценят», — указал глава правительства. При этом Медведев заявил, что «Советского Союза больше нет, ни о какой просто безвозвратной помощи, которую бы потом приходилось списывать, сейчас речи не идет и идти не может» [4].

В декабре 2021 года начались переговоры о поставках на Кубу российских вооружений. Как сообщил тогда журналистам заместитель директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству России Анатолий Пунчук, Москва готова в полной мере удовлетворить потребности кубинской стороны. «Диалог

в этом направлении продолжается. На сегодняшний день диалог из плоскости заявлений перешел в практическую область», — подчеркнул представитель российского ведомства [5]. По некоторым данным, вопрос о военных поставках обсуждался еще в 2020 году в ходе визита на Кубу главкома ВМФ РФ, адмирала Николая Евменова [8].

23 июня 2021 года министр обороны России Сергей Шойгу на конференции по международной безопасности заявил, что Куба, Венесуэла и Никарагуа нуждаются в военной поддержке со стороны Москвы больше, чем когда-либо прежде, из-за различных форм давления, которое испытывают эти страны [9].

Стоит упомянуть об интервью Владимира Путина телеканалу «Россия» от 9 июня 2021 года, в ходе которого президент заявил: «Если взять то, что являлось бы опасным и неприемлемым для Штатов — размещение наших ракет на Кубе. Подлетное время до центрального региона промышленного США, до Вашингтона — 15 минут. Это для США красная линия или нет? А для нас? Но кто-то вообще должен об этом подумать? Подумать о том, как мы должны реагировать на то, что, по сути, предлагается и обсуждается» [10]. Можно сказать, что Путин сделал предупреждение, что в случае создания американских военных баз на границах России в качестве симметричной меры может быть рассмотрено размещение ракет на Кубе.

Немаловажным показателем степени взаимодействия двух стран является новогоднее поздравление Владимира Путина лидеру Кубы, опубликованное на сайте kremlin.ru. Список новогодних поздравлений лидерам государств является своеобразной табелью о рангах в российской внешней политике. «Президент России направил поздравления Президенту Республики Куба Мигелю Диас-Канелю и генералу армии Раулю Кастро по случаю национального праздника республики — Дня освобождения, а также Рождества и наступающего Нового года, в которых отметил развитие российско-кубинских отношений в духе всеобъемлющего стратегического партнерства. Владимир Путин констатировал, что Россия и Куба последовательно реализуют перспективные совместные проекты в торгово-экономической, научно-технической и гуманитарной сферах. Глава Российского государства также выразил надежду на продолжение тесной совместной работы по актуальным

вопросам двусторонней и международной повестки дня на благо российского и кубинского народов» [11].

28 января 2022 года заместитель министра обороны РФ А. В. Фомин заявил: «В настоящее время Куба, Венесуэла и Никарагуа являются нашими стратегическими партнерами и сохраняют нацеленность на укрепление и развитие разноплановых межгосударственных связей с Российской Федерацией, в том числе — и в оборонной сфере... На регулярной основе ежегодно проводятся заседания Межправительственной российско-кубинской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. С учетом сложившихся дружественных отношений Российская Федерация, как правило, идет навстречу кубинским партнерам и учитывает предложения Гаваны по укреплению оборонного потенциала острова Свободы» [3].

Как бы дополняя заявление замминистра, по поводу российско-кубинского военного сотрудничества высказался посол РФ на Кубе А. А. Гуськов: «Наше сотрудничество в военно-технической сфере активно развивается еще с советских времен, оно носит конструктивный и неконъюнктурный характер. При развитии сотрудничества в области ВТС с Кубой мы исходим, прежде всего, из интересов укрепления обороноспособности наших стран, обеспечения национальной безопасности в современном турбулентном мире» [12]. При этом, по словам Гуськова, на развитие отношений в военной и военно-технической сфере не могут не влиять внешние факторы и актуальная международная повестка. 26 января 2022 г. на сайте kremlin.ru появилось сообщение, что в ходе телефонного разговора Владимира Путина с президентом Республики Куба Мигелем Диас-Канелем был «подтвержден настрой на тесную совместную работу по укреплению двусторонних отношений, условлено об активизации контактов на различных уровнях» [13].

Тем не менее, вряд ли на повестке дня стоит вопрос о военном присутствии российских войск на Кубе. Заместитель директора Института Латинской Америки РАН Николай Калашников в интервью сайту Газета.Ru отметил, что и сама Куба на сегодняшний день вряд ли заинтересована в российском присутствии на своей территории: «Кубе такой вариант не нужен. Появление там военных баз РФ фактически заблокирует любую попытку Гаваны

нормализовать отношения с США, что так им необходимо» [14]. Также эксперт отметил, что американское правительство могло бы повторить «кубинский поворот» Обамы, способствовавший временной нормализации кубино-американских отношений. Если администрации Байдена удастся преодолеть антикубинское наследие Трампа, есть вероятность, что у Кубы отпадет необходимость в тесном военно-стратегическом сотрудничестве с Россией. «До тех пор для Кубы абсолютно неприемлемо размещение в данной ситуации наших военных сил. Военно-техническое сотрудничество, включая обновление техники и поставки боеприпасов, продолжается — это другое дело. Но присутствие наших военных в настоящее время в этой стране невозможно» [14].

Агент кубинской государственной безопасности Перси Альваро так ответил на вопрос журналистов издания Украина.ру о возможности размещения российских военных баз в Латинской Америке: «По моему личному мнению, строительство российской базы в Латинской Америке привело бы к созданию дополнительной напряженности в уже достаточно опасной международной обстановке. Я сторонник мира, выступаю за диалог между странами и надеюсь, что международные организации сыграют свою роль в уменьшении существующей в мире напряженности» (ссылка?).

Это означает, что Куба не готова строить свою внешнюю политику по принципу игры с нулевой суммой и возвращаться к мирополитическим категориям времен холодной войны, отдавая предпочтение тому или иному лагерю. Куба не может позволить себе потерять имеющиеся экономические и гуманитарные связи, в том числе и с США. Обращение к России на уровне военного сателлита лишит Кубу ряда преимуществ на международной арене, возможно, превратит ее в страну-изгоя в Западном полушарии, так как создание препятствий российскому военному присутствию на Кубе будет исходить не только от США, но и от многих стран Латинской Америки. Для самой России это также было бы слишком опасным маневром: все-таки уроки Карибского кризиса должны быть усвоены. К тому же, как отмечает известный российский латиноамериканист В. Л. Хейфец, размещение на Кубе военных объектов для России во многом бессмысленно: «Никакого военного смысла в размещении баз нет, если только не разместить там

пусковые установки ядерных ракет. Пусть там будет 30 тысяч солдат или 50, они все равно будут не в состоянии конкурировать с американской армией в таких условиях» [16].

Заключение

Проведя обзор и сущностный анализ российско-кубинских отношений, мы пришли к следующим выводам:

1. Социально-экономическое сотрудничество между Россией и Кубой в последние два десятилетия отличается высокой продуктивностью: Россию связывает с Кубой интенсивный товарооборот, экспорт транспортной продукции и технического оснащения для предприятий, активная деятельность российских энергетических компаний на Кубе.
2. Политическое взаимодействие между лидерами России и Кубы отличается высокой степенью солидарности: руководство обеих стран объединяет антиамериканизм и стремление к многополярному устройству мира.
3. Социально-экономическое и политическое сотрудничество России и Кубы подкрепляется военно-стратегическим сотрудничеством, которое представлено экспортом российской военной техники на Кубу и проведением совместных учений.
4. Развертывание российских вооружений и строительство военных баз на Кубе по ряду объективных причин не представляется возможным.

Библиография

1. *Сударев В. П.* Взаимозависимость и конфликт интересов. США и Латинская Америка. Вторая половина XX века. М.: ИЛА РАН, 2000.
2. Куба: от адаптации к переменам? / Отв. ред. В. М. Давыдов. М.: ИЛА РАН, 2007.
3. Внешняя торговля России. Товарооборот России с Кубой. 9 февраля 2019 г. Подготовлен сайтом Внешняя торговля России на основе данных Федеральной таможенной службы России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kuboy-v-2018-g/> — 22.04.2022.

4. Межгосударственные отношения России и Кубы // РИА-Новости. 29.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191029/1560294341.html> — 22.04.2022.
5. Алексеева Н., Бовдунов А. Особые отношения: как Россия и Куба укрепляют экономические и военно-технические связи // Russia Today. 31.10.2018. URL: <https://russian.rt.com/world/article/569083-kuba-peregoviry-rossia-vashington> — 22.04.2022.
6. Злобин А. Начинать сначала: Россия и Куба вспомнили о военном сотрудничестве // Forbes. 02.11.2018. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/368717-karibskiy-katarsis-rossiya-i-kuba-vspomnili-o-voennom-sotrudnichestve> — 22.04.2022.
7. Переговоры с президентом Кубы Мигелем Диас-Канелем Бермудесом // Президент России. 29.10.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61930> — 22.04.2022.
8. Степушина Л. Россия подготовилась к развертыванию военных баз на Кубе и в Венесуэле // pravda.ru. 14.01.2022. URL: https://www.pravda.ru/world/1675244-cuba-venezuela_russia/ — 22.04.2022.
9. Шойгу заявил, что российская поддержка востребована в странах Латинской Америки // ТАСС. 23.06.2021. URL: https://tass.ru/politika/11723123?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru — 22.04.2022.
10. Васильев В. Куба ждет российских ракет? // Regnum. 23.06.2021. URL: <https://regnum.ru/news/3303616.html> — 22.04.2022.
11. Поздравление глав государств и правительств зарубежных стран с Новым годом // Президент России. 30.12.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67468> — 22.04.2022.
12. Россия и Куба планируют развивать контакты в военно-технической сфере // АиФ. 28.01.2022. URL: https://aif.ru/politics/world/rossiya_i_kuba_planiruyut_razvivat_kontakty_v_voenno-tehnicheskoy_sfere?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop — 22.04.2022.
13. «Близкие по духу». Россия действительно будет развивать военное сотрудничество с Кубой, подтвердил глава МИД Лавров // Фонтанка.ру. 26.01.2021. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/01/26/70402748/> — 22.04.2022.
14. Фоломов Н. Кому в Латинской Америке нужны наши войска — и нужны ли они там самой России // Газета.ру. 14.01.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/01/14/14418991.shtml> — 22.04.2022.
15. Кубинский разведчик ответил на вопрос о военной базе РФ в своей стране // Украина.ру. 12.02.2022. URL: <https://ukraina.ru/news/20220212/1033262824.html> — 22.04.2022.
16. Степушова Л. Россия подготовилась к развертыванию военных баз на Кубе и в Венесуэле // pravda.ru. 15.01.2022. URL: https://www.pravda.ru/world/1675244-cuba-venezuela_russia/ — 22.04.2022.

Перевозчиков Михаил Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Аспирант

Имидж России в латиноамериканских странах: опыт интерпретации статистических данных

Russia's Image in Latin American Countries: Experience in Interpreting Statistical Data

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка анализа статистических данных социологического опроса относительно мнения жителей латиноамериканских стран о России. Предлагается использовать результаты таких опросов в качестве критерия эффективности внешней политики. Преимуществами подхода являются его объективность, возможность сравнения показателей по разным странам и в исторической перспективе. Автором проводится статистический анализ, который подкрепляется качественной интерпретацией результатов. Также проверяется гипотеза о связи отношения к России с экономическим показателем торгового оборота со странами Латинской Америки

Ключевые слова: Латинская Америка, Россия, имидж, социологический опрос, внешняя политика, критерий эффективности.

Abstract. This article seeks to analyze statistical data from surveys regarding the attitude of the citizens of Latina American countries toward Russia. The results of such surveys are proposed to use as a criterion for the effectiveness of foreign policy. The advantage of the approach lies in its objectivity, the possibility to compare indicators for different countries and its historical perspective. The author conducts a statistical analysis, which is supported by a qualitative interpretation of the results. The hypothesis of a relationship between attitudes towards Russia and trade turnover is also tested.

Keywords: Latin America, Russia, survey, foreign policy, criterion of effectiveness.

В современном мире имидж является важнейшей составляющей влияния государства на международной арене. Создание положительного имиджа способствует благоприятному отношению

к государству и проводимой им политике. Носителем представлений о другом государстве становится общество в целом.

Развитие теории международных отношений привело к появлению ряда концепций, направленных на объяснение возросшей необходимости государств казаться привлекательными для чужих сообществ. Так, в 1980-е годы Джозеф Най ввел в научный оборот концепцию «мягкой силы», понимаемой как способность государства влиять на поведение других (государств) для достижения собственных целей без применения силы или угрозы силой [1, с. 6]. Методами мягкой силы становятся культура, политические ценности и привлекательность проводимой внешней политики. Идеалистическая теория о «конце истории» и отказе государств от военной силы не выдержала проверки политическими событиями 1990-х годов. Доработанная концепция «умной силы» была призвана свести в единую стратегию как традиционную военную мощь, так и мягкую силу. В 90-ые годы была создана эффективная оптика описания внешнеполитической деятельности современных государств, в которой важное место отводилось созданию положительного имиджа.

Текущее положение России в мире является опасным с точки зрения имиджевой стратегии. Несмотря на огромный потенциал использования мягкой силы, России пока приходится заботиться лишь о сохранении своего имиджа. Стремление к сохранению статус-кво во внешней политике ощущается и внутри российского общества. Периодически проводимый социологической службой «Левада-Центр»¹ опрос показывает, что на вопрос «Какие приоритеты во внешней политике должны быть, по вашему мнению, у руководства России?» большинство — около 59% — в 2017 году ответило однозначно: «Обеспечение мирного и безопасного существования страны» [2]. По мнению россиян, *modus operandi* российского государства на современном этапе становится обеспечение физического существования государства. Причины такой экзистенциальности внешней политики можно искать и в слабой физической или экономической вовлеченности большинства рос-

¹ Внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

сиян в процесс глобализации, и в исторической важности внешней политики для идеологического «сшивания» большого пространства страны, слабо связанного коммуникациями или локальной самоидентификацией. В любом случае, идея расширения влияния страны через установление благоприятных отношений с обществами других стран не находит значительной поддержки в обществе. Для россиян внешняя политика — это пространство жесткой силы.

Традиционным источником представлений о России для жителя другого государства могут послужить как исторические сведения, в основном из истории противостояния СССР и стран Запада времен холодной войны, так и современные мировые события. Имиджевый путь постсоветской России на Западе (или, по крайней мере, то, каким он казался из России) был следующим. Сперва — падение «железного занавеса» и трансформация авторитарного советского режима в сторону более открытого общества перестройки и гласности. Затем — быстрое превращение бывшего противника в государство с молодой демократией и рыночной экономикой. Позднее, особенно начиная с мюнхенской речи Владимира Путина 2007 года, Россия стала дрейфовать в сторону от Запада, провоцируя настороженность в свой адрес. С 2014 года Россия и страны Запада вошли в прямой политический конфликт, исключая другие варианты развития событий. Однако стоит отметить, что такая траектория возможна только для взаимоотношений России со странами «коллективного Запада». Значительная часть мира остается в стороне от этих событий и поэтому с ней возможно выстраивание имиджевых стратегий.

Главным инструментом выявления отношения к стране являются социологические опросы. На основании опроса репрезентативной выборки статистически можно сделать вывод о распространенности того или иного убеждения или отношения в обществе. Однако во многом результат зависит и от формулировки задаваемого вопроса, что затрудняет интерпретацию. Например, служба Gallup задает следующий вопрос [3]:

Вы одобряете или не одобряете работу руководства России?

Такая форма вопроса помогает выявить отношение латиноамериканцев к деятельности политического руководства страны,

поэтому не может служить для оценки имиджа страны в целом. Более нейтральной является формулировка от аналитического центра Pew Research [4]:

Скажите, пожалуйста, у вас сложилось очень благоприятное, несколько благоприятное, несколько неблагоприятное или очень неблагоприятное мнение о России?

Такая форма вопроса помогает раскрыть отношение к стране в целом, поскольку сам респондент решает, какие мотивы, политические или неполитические, он закладывает в свой ответ. В данном исследовании, проведенном в 2020 году в 14 развитых странах Европы, Северной Америки и Азии, лишь 29% респондентов отметили позитивное отношение к России. Однако стоит отметить, что опрос проводился в наиболее ангажированных по отношению к России обществах.

Опрос международной службы ВВС помогает получить реальную картину восприятия России. Опрос проводился 17 декабря 2013 года и 28 апреля 2014 года, в нем приняло участие 24,5 тысяч человек из 24 стран мира. Вопрос звучал следующим образом [5]:

Скажите, пожалуйста, как вы думаете, какая из следующих стран оказывает в основном положительное или преимущественно негативное влияние в мире?

В среднем лишь 30% населения относится положительно к Российской Федерации, однако эти низкие показатели компенсируются положительными оценками из других регионов мира. Среди лидеров из стран, которые участвовали в опросе, — Турция, Гана, Бразилия, Мексика, Китай, Индия. Как можно увидеть, лучший имидж Россия имеет среди стран, поддерживающих идеологию антиамериканизма, либо среди экономических партнеров страны.

Нынешняя стратегия России по построению положительного имиджа за рубежом строится в основном на деятельности государственных органов либо при государственном партнерстве. Впервые, локомотивом продвижения имиджа России на протяжении 2010-х годов являлись экономические форумы (Петербургский международный экономический форум, Восточный экономический форум), проводимые при непосредственной поддержке государства или государственных компаний. Целями данных проектов

должны были стать формирование положительного инвестиционного климата, усиление сотрудничества в экономической сфере, подписание международных договоров и, главное, подтверждение роли России как важного экономического игрока, безотносительно политической конъюнктуры.

Во-вторых, культура является ключевым направлением для продвижения имиджа России. Будучи наследницей двух великих культур — советской и российско-имперской, Россия в своей государственной политике стремится синкретически совместить лучшее из двух эпох. Такая синергия позволяет продвигать как классическое искусство Российской империи, так и авангардное искусство Советского Союза. Ключевым культурным событием является организация Санкт-Петербургского международного культурного форума. Другим способом продвижения становится организация международных выставок с участием российских экспонатов.

В-третьих, несмотря на известный принцип «спорт — вне политики», спортивная дипломатия давно стала ключевой частью российского имиджа. Это достигается через популяризацию ключевых российских спортсменов, а также путем организации крупных спортивных турниров, таких как Зимние Олимпийские игры 2014 года и Чемпионат мира по футболу 2018 года.

Главной сложностью в формировании положительного отношения со стороны других государств является трудность формализации результатов имиджевой политики и разработке способов оценки успеха. Естественным образом государство стремится выработать некие метрики, то есть количественный показатель, отражающий состояние системы, для оценки своей внешнеполитической деятельности и закрепить их на уровне государственного управления. Так, в 2014 году была принята государственная программа «Внешнеполитическая деятельность», в которой были представлены следующие показатели оценки, названные критериями и показателями эффективности: «1. Количество государств, с которыми Российская Федерация поддерживает дипломатические и консульские отношения (ед.). 2. Объем консульских действий, связанных с обслуживанием российских граждан (тыс. ед.). 3. Объем консульских действий, связанных с обслуживанием

иностранных граждан (тыс. ед.). 4. Количество международных и межгосударственных организаций и объединений, через взаимодействие в рамках которых реализуется государственная политика Российской Федерации в сфере международных отношений и в бюджет которых осуществляются платежи (взносы) ответственным исполнителем (соисполнителями) государственной программы (ед.). 5. Полнота исполнения расходных обязательств Российской Федерации, принятых в целях реализации межгосударственных договоров и подлежащих исполнению за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета (%). 6. Доля стран, в которых осуществляется деятельность Россотрудничества, в общем числе стран мира (%)» [6].

Как мы видим, данные метрики концентрируются на двух аспектах внешнеполитической деятельности: консульская работа и активность государства в рамках международных соглашений. Практически не учитывается отношение граждан других стран к России. Хотя именно положительное отношение граждан является одним из способов достижения поставленных в этом же документе целей внешней политики: «Закрепление позитивных тенденций в международной политике... в интересах создания благоприятных внешних условий для долгосрочного развития Российской Федерации... Формирование многовекторных отношений дружбы, добрососедства, партнерства и взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами» [6].

В данной работе предлагается использовать данные социологических опросов в странах Латинской Америки в качестве показателя эффективности для анализа имиджа России в регионе. Преимуществом такого подхода является независимость таких данных от искусственной манипуляции, поскольку они отражают объективное отношение жителей других стран, что является одной из конечных целей построения позитивного имиджа страны. Кроме того, такой подход при сохранении методологии опросов позволяет использовать исторические данные для отслеживания динамики показателя во времени и сравнивать показатель между странами.

Постсоветская внешняя политика России в Латинской Америке осуществлялась по трем основным направлениям: уста-

новление позитивных отношений с латиноамериканскими межгосударственными организациями, повышение объемов торговли и обеспечение мировой безопасности [7]. Для успешного осуществления своей политики Россия нуждалась в благожелательном или, по крайней мере, нейтральном отношении со стороны латиноамериканских сообществ. Этому способствовало несколько факторов.

Во-первых, современная Россия, как и большинство латиноамериканских стран, относятся к политическим режимам, сформированным третьей волной демократизации. Поиск своего места в новой политической реальности сопровождался неудачными изменениями, в рамках новой неолиберальной политики. Во-вторых, обновленная Россия ассоциируется с СССР, который являлся главным защитником левых идей, имеющих большую популярность в Латинской Америке. В-третьих, Россия и Латинская Америка имеют долгую и сложную историю взаимоотношений с США. Негативное отношение к северному соседу подталкивало страны Латинской Америки к установлению более тесной связи с Россией. Особую роль в этом сближении играет продвижение российской повестки через сеть информационных ресурсов, главным среди которых является телеканал *Russia Today*, работающий практически в каждой из стран региона. Информационные бюро канала, открытые в 2009 году, расположены в Буэнос-Айресе, Каракасе, Гаване и Манагуа. Также в 2014 году была запущена испаноязычная версия радио «Спутник».

Для анализа отношения современных латиноамериканских обществ к России были взяты данные опросов, проведенных чилийской социологической службой *Latinobarómetro* в 2020 году [8] в 18 странах. Вопрос звучал следующим образом:

У вас сложилось очень благоприятное (1), несколько благоприятное (2), несколько неблагоприятное (3) или очень неблагоприятное (4) мнение о России?

Ответы респондентов были объединены автором в три категории — благоприятное отношение, неблагоприятное отношение и нет отношения. На основе полученных данных были построены графики по каждой категории (см. рис. 1–3).

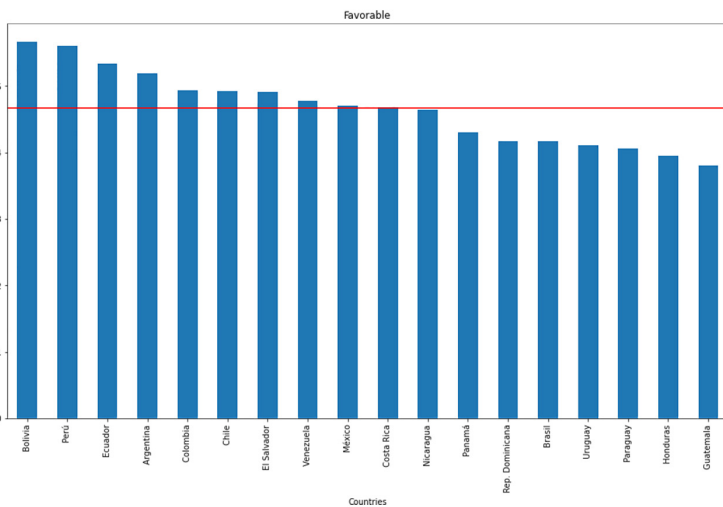

Рисунок 1. Доля респондентов по странам, благоприятно относящихся к России. Красная линия отмечает среднее значение по всем странам

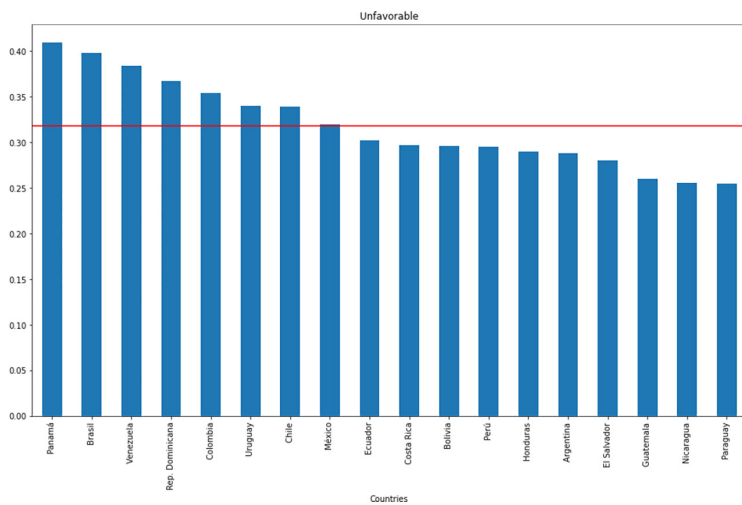

Рисунок 2. Доля респондентов по странам, неблагоприятно относящихся к России. Красная линия отмечает среднее значение по всем странам

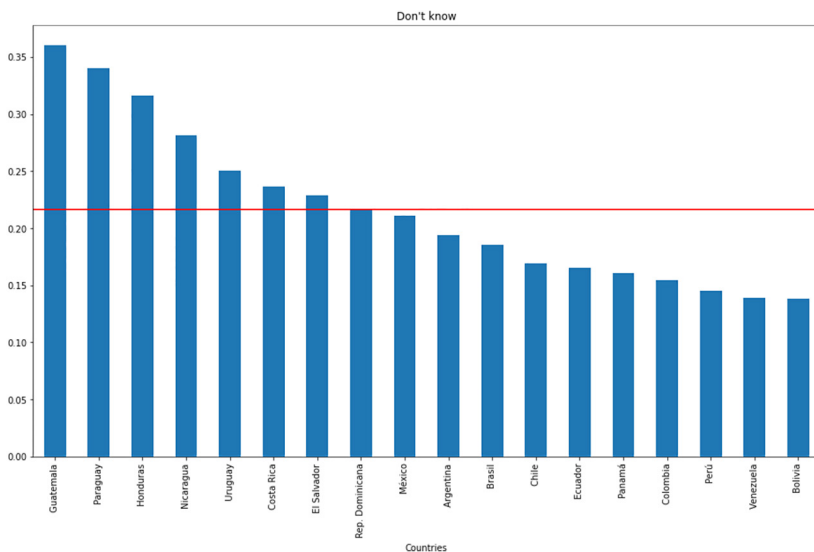

Рисунок 3. Доля респондентов по странам, не имеющих выраженного отношения к России. Красная линия отмечает среднее значение по всем странам

Наиболее благоприятное отношение к России — более половины опрошенных — продемонстрировали жители Боливии, Перу, Эквадора и Аргентины. Объяснение такого результата кроется в популярности левых идей в данных странах (за исключением Перу). Режимы Рафаэля Корреа в Эквадоре и Эво Моралеса в Боливии не раз заявляли о поддержке России в международных делах. Например, в 2014 году при голосовании по Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 о непризнании смены статуса Автономной Республики Крым Боливия голосовала против, а Эквадор и Аргентина воздержались от голосования. Помимо взаимных политических симпатий, Боливию, Эквадор и Венесуэлу объединяют тесные экономические и военные связи. Перу особое внимание уделяет военным связям с Россией. Например, в 2015 году между Россией и Перу было подписано соглашение о стратегическом партнерстве [9].

Наиболее неблагоприятное отношение к России — около 40% опрошенных — демонстрируют жители Панамы, Бразилии, Венесуэлы, Доминиканской Республики и Колумбии. Частично это объясняется тем, что Панама, Доминиканская Республика и Колумбия являются близкими союзниками США в регионе и имеют с последними тесные экономические связи. Колумбия также тесно сотрудничает с США в военной сфере для совместной борьбы с леворадикальными партизанскими движениями внутри страны. Неожиданным является негативное отношение к России жителей Венесуэлы и Бразилии, ведь первая является политическим форпостом России в регионе, а вторая связана с Россией крупным политическими проектом — БРИКС. Вероятно, такое отношение вызвано усталостью части общества от связанного с Россией режима Николаса Мадуро в Венесуэле и режима Лула да Силвы и Дилмы Русеф в Бразилии.

Неопределенное отношение к России испытывают более 30% опрошенных респондентов в Гватемале, Парагвае и Гондурасе. Данные страны не находятся в сфере непосредственного политического и торгового интереса России.

Также автором была выдвинута гипотеза о влиянии торговых отношений между странами на имидж России. Для ее проверки были использованы данные импорта из России и экспорта в Россию в латиноамериканских странах, чьи жители участвовали в социологическом опросе [10]. Для всех стран, кроме Панамы и Доминиканской Республики, были взяты данные 2019 года. Из анализа был исключен Парагвай, где Россия занимала 7,9% от общего экспорта товаров, т.е. значительно больше, чем у других стран. Такая выборка неизбежно искажает достоверность результатов. В результате была построена корреляция Пирсона между признаками «доля импорта», «доля экспорта» и признаками «благоприятное отношение», «неблагоприятное отношение» и «нет отношения». Были получены следующие результаты (см. рис. 4).

Получена слабая отрицательная корреляция между признаками «доля импорта», «доля экспорта» и признаком «нет отношения» (коэффициенты корреляции Пирсона: $r = -0.20$ и $r = -0.13$ соответственно). Данный результат означает, что низкая доля экспорта или импорта оставляет узнаваемость страны в обществе

Рисунок 4. Корреляция между признаками «доля импорта», «доля экспорта», «благоприятное отношение», «неблагоприятное отношение» и «нет отношения»

на низком уровне. Также была получена слабая положительная корреляция между признаками «доля импорта», «доля экспорта» и признаком «благоприятное отношение» (коэффициенты корреляции Пирсона: $r = 0.14$ и $r = 0.20$ соответственно). То есть усиление торговых связей положительно влияет на имидж государства. Стоит отметить, что полученные корреляции являются слабыми и не могут говорить о наличии четкой причинно-следственной связи.

Таким образом, качественный анализ используемых показателей отношения жителей латиноамериканских стран к России подтвердил возможность использования и интерпретации статистических данных. Наиболее благоприятное отношение к России демонстрируют жители стран с левыми стабильными режимами, в торговом балансе которых Россия занимает относительно высокое место.

Библиография

1. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
2. Приоритеты во внешней политике. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/17/prioritety-vo-vneshnej-politike/> — 20.04.2022.

3. Russia's Leadership Not Highly Popular Before Ukraine War. URL: <https://news.gallup.com/poll/391775/russia-leadership-not-highly-popular-ukraine-war.aspx> — 20.04.2022.
4. Views of Russia and Putin remain negative across 14 nations. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/12/16/views-of-russia-and-putin-remain-negative-across-14-nations/> — 20.04.2022.
5. Negative views of Russia on the Rise: Global Poll. URL: <https://downloads.bbc.co.uk/mediacentre/country-rating-poll.pdf> — 20.04.2022.
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность»: распоряжение Правительства РФ от 20.03.2013 № 386-р. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-20032013-n-386-r/> — 20.04.2022.
7. *Gurganus J.* Russia: Playing a Geopolitical Game in Latin America, 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/05/03/russia-playing-geopolitical-game-in-latin-america-pub-76228> — 20.04.2022.
8. Informe Latinobarómetro 2021. URL: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> — 20.04.2022.
9. Perú y Rusia firman en París declaración de cooperación estratégica // Sputnik Mundo. URL: <https://mundo.sputniknews.com/20151130/peru-rusia-paris-cooperacion-estrategica-firma-1054277790.html> — 20.04.2022.
10. Данные о торговле Мирового банка. URL: <https://wits.worldbank.org/> — 20.04.2022.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Бугаев Федор Николаевич

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет политологии
Аспирантура*

«Ассоциированное трио» как пространство геополитической конкуренции за сферы влияния между Россией и Европейским союзом

“Association Trio” as the Space of Geopolitical Competition for
the Spheres of Influence between Russia and European Union

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить факторы, оказавшие влияние на внешнеполитические приоритеты Украины, Грузии и Молдовы в современных условиях геополитической турбулентности. Было установлено, что прагматичные национальные интересы зачастую ставятся государствами региона выше удовлетворения амбиций внешних игроков, что проявилось, в частности, в отказе Грузии и Молдовы от присоединения к антироссийским санкциям. Одновременно с этим наблюдается тенденция по активизации усилий стран «Ассоциированного трио» на пути евроинтеграции, что демонстрирует усиление идейно-ценностной поляризации в рамках стремительно трансформирующейся международной среды.

Ключевые слова: внешняя политика, «Ассоциированное трио», геополитика, национальные интересы, европейская интеграция, сфера интересов.

Abstract. The article attempts to identify the factors that influenced the foreign policy priorities of Ukraine, Georgia and Moldova in the current conditions of geopolitical turbulence. It was found that pragmatic national interests are often put by the states of the

region above satisfying the ambitions of external players, which was manifested, in particular, in the refusal of Georgia and Moldova to join the anti-Russian sanctions. At the same time, there is a tendency to intensify the efforts of the countries of the “Associated Trio” on the path of European integration, which demonstrates the strengthening of ideological and value polarization within the rapidly transforming international environment.

Keywords: foreign policy, “Association Trio”, geopolitics, national interests, European integration, sphere of interests.

Введение

Постсоветское пространство как часть глобальной системы безопасности подвержено значительным геополитическим трансформациям. Обострившаяся до предела борьба за сферы влияния в регионе вылилась в эскалацию украинского кризиса и всерьез поставила вопрос о реформатировании складывавшихся на протяжении трех десятилетий отношений России с республиками бывшего СССР. Активизация усилий Украины, Грузии и Молдовы по вступлению в Европейский союз на фоне происходящих событий свидетельствует о том, что правительства каждого из этих ассоциированных с ЕС государств ищут в рамках евроинтеграции защиты собственных национальных интересов. Россия, в свою очередь, оказавшись в условиях международного изоляционизма в связи с введением западных санкций, будет стремиться нарастить свое давление на страны постсоветского пространства, обеспечив собственные гарантии безопасности и закрепив за собой эксклюзивное право на сферу влияния в регионе.

Цель представленной работы заключается в установлении преобладающих внешнеполитических нарративов государств «Ассоциированного трио», которые определяют их текущее геополитическое позиционирование в контексте региональной конкуренции между Россией и ЕС.

Для достижения указанной цели были сформулированы следующие ключевые задачи:

- 1) выявить существенные характеристики стратегических подходов России и Европейского союза к осуществле-

- нию внешней политики в отношении Украины, Грузии и Молдовы;
- 2) определить концептуальные рамки формата «Ассоциированного трио», а также факторы, оказавшие влияние на запуск данной инициативы;
 - 3) проанализировать российский и европейский векторы внешней политики Грузии, Молдовы и Украины в условиях нарастания геополитической турбулентности.

«Ассоциированное трио» через призму внешнеполитических подходов России и Европейского союза

Россия и Европейский союз осуществляют свою внешнюю политику в рассматриваемом регионе с точки зрения устоявшихся идейно-ценностных парадигм, представляющих собой во многом антагонистичную логику. Так, Россия стратегически рассматривает постсоветское пространство (как и международные отношения в целом) через призму неореализма, подразумевающего «игру с нулевой суммой», мышление в категориях сфер влияния и геополитическую конкуренцию с целью обеспечения национальных интересов. Европейский союз, в свою очередь, позиционирует себя в качестве «нормативной силы», которая не предполагает целенаправленной инструментализации и институционализации, то есть существует объективно в результате привлекательности норм международной организации для внешних акторов [1, р. 242–243]. Особую роль во внешней политике ЕС играет ценностный компонент, так как превалирующее большинство программ и проектов в регионе «Восточного партнерства» обладают аксиологической окраской и сконцентрированы на распространении либерально-демократических ценностей посредством широкого круга инструментов. Кроме того, в случае с Украиной, Грузией и Молдовой проявляется также «преобразующая сила» Евросоюза, базирующаяся на идее сближения законодательства соседних государств с европейским законодательством, поддержке в осуществлении соответствующих реформ и углублении секторального сотрудничества с ассоциированными с ЕС странами [2].

Европейский союз с момента запуска «Восточного партнерства» последовательно отвергал неореалистскую логику своей инициативы, делая акцент на аксиологической составляющей своей политики. Тем не менее, российское руководство восприняло старт этой программы практически сразу после российско-грузинского вооруженного конфликта в августе 2008 года как угрозу своим национальным интересам и как активизацию усилий ЕС по утверждению в считающейся традиционно российской сфере влияния [3, р. 90]. Как следствие, Россия предложила государствам региона альтернативу евроинтеграции в виде присоединения к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), что на саммите в Вильнюсе привело к отказу Армении и Украины от подписания соглашения об ассоциации с ЕС. Армения впоследствии присоединилась к ЕАЭС, сохранив при этом тесные отношения с Европейским союзом, в то время как Украина погрузилась в длительный политический кризис.

Таким образом, с течением времени в условиях возросшей турбулентности все более явственно проявлялась геополитизация господствующего дискурса, в рамках которой усиливалась идейно-ценностная поляризация стратегических подходов России и Евросоюза к региону «общего соседства».

«Ассоциированное трио»: новый формат для фаворитов «Восточного партнерства»

В июне 2021 года три государства, имеющие действующие соглашения об ассоциации с Европейским союзом, инициировали создание новой платформы под названием «Ассоциированное трио» с целью более тесного сотрудничества на трехсторонней основе и скоординированной интенсификации усилий на пути к вступлению в ЕС в ранге полноправных членов [4]. Вызвано это решение было во многом определенным разочарованием в проекте «Восточное партнерство», который наряду с Грузией, Молдовой и Украиной включает Армению, Азербайджан и Беларусь. За 13 лет своего существования «Восточное партнерство» сыграло весомую роль в демократическом реформировании стран-участниц, финансировании совместных проектов и инициатив широкого

спектра, а также в углублении торгово-экономических связей с ЕС [5], однако ни провозглашенный в рамках дифференцированного подхода принцип «большее за большее», ни относительные успехи ряда государств в отдельных сферах не заставили руководство Европейского союза предложить «фаворитам» в лице «Ассоциированного трио» перспективы членства.

По мнению ряда экспертов, «Восточное партнерство» обладает в настоящий момент высокой степенью инерционности [6], что проявляется в недостаточной дифференциации подходов к отдельным государствам региона, слабом стратегическом видении, игнорировании интересов стран-партнеров и, как следствие, в асимметричном характере всей инициативы. «Ассоциированное трио» Украины, Грузии и Молдовы, таким образом, представляет собой попытку более выраженной артикуляции евроинтеграционных устремлений этих стран вкупе с созданием нового формата многостороннего сотрудничества между самими странами «Восточного партнерства» с целью активизации их сближения с Европейским союзом посредством углубления секторального сотрудничества, выходящего за рамки действующих соглашений об ассоциации. В условиях, когда два других государства-партнера, Армения и Беларусь, ограничены в действиях своими обязательствами в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а в случае с Беларусью еще и фактической приостановкой участия в «Восточном партнерстве», и принимая во внимание сохраняющийся внеблоковый статус поддерживающего нейтралитет Азербайджана, идея разноскоростной интеграции в ЕС видится вполне логичной. Тем не менее, в самом Евросоюзе инициативу «Ассоциированного трио» хоть и поддержали, но с осторожностью: в заявлениях из Брюсселя четко прослеживается посыл о том, что новая платформа является неотъемлемой частью восточного фланга европейской политики соседства. Помимо этого, в итоговой декларации по итогам саммита «Восточного партнерства» в декабре 2021 г. в очередной раз не было четкого упоминания перспектив членства ассоциированных государств [7]. Все это свидетельствует об отсутствии принципиальных изменений в стратегическом видении региона со стороны ЕС.

«Ассоциированное трио» в условиях трансформирующейся геополитической среды

Инициативность на пути закрепления своих стремлений к евроинтеграции проявили Украина, Грузия и Молдова, причем эта решимость оказалась обусловлена стремительно изменившейся геополитической реальностью. Спустя несколько дней после начала российской специальной военной операции Украина подала заявку в ЕС на предоставление ей статуса страны-кандидата, но руководствовалась она, в первую очередь, мотивами вполне прагматичными: ускоренное принятие Украины в ЕС могло бы отрезвляюще подействовать на российские власти или, по крайней мере, предотвратить гипотетическое повторение подобного сценария в будущем, а постконфликтное восстановление потребует внушительного внешнего финансирования, которое можно получить в гораздо большем объеме, уже находясь в «европейской семье». Стоит отметить, что Россия изначально довольно сдержанно отреагировала на этот шаг, сделав акцент на том, что Евросоюз — это политико-экономический блок, поэтому в отличие от гипотетического вступления Украины в военно-политический альянс НАТО данный вопрос «лежит в другой плоскости» [8]. С течением времени российская риторика несколько изменилась, и уже в начале апреля заместитель председателя Совета Безопасности России Дмитрий Медведев усомнился, что членство в ЕС возможно без членства в НАТО [9]. Так или иначе, ответ на вопрос, подразумевается ли под «внеблоковым» статусом Украины ее отказ от идеи евроинтеграции, по-прежнему остается открытым. В то же время необходимо четко понимать, что никакой специальной ускоренной процедуры по рассмотрению заявок на вступление в ЕС нет, сам процесс этот очень затяжной, да и менять установленные правила, судя по заявлениям официальных лиц Европейского союза, пока не планируется. Наиболее быстро удалось стать членом Европейского союза Финляндии, но даже в ее случае период от подачи заявки до полноправного членства занял порядка двух лет. Вместе с этим, с точки зрения критериев членства Украина, очевидно, также не демонстрирует впечатляющих успехов. Так, в результате промежуточного исследования «Украинского центра

европейской политики», проведенного в 2020 г., было определено, что Соглашение об ассоциации к середине срока своего действия было выполнено лишь на 41,6%. Следовательно, если Евросоюз продолжит проявлять свойственную ему принципиальность в вопросах расширения, Украина в обозримой перспективе не сможет стать членом ЕС, однако существует минимальная вероятность того, что вступление Украины в Европейский союз может стать неким символическим жестом доброй воли, демонстрацией общеевропейской сплоченности в период кризиса [10]. Наконец, не стоит сбрасывать со счетов и то, что целый ряд государств уже достаточно давно имеют статус кандидатов на вступление в интеграционное объединение, и такого рода «обход очереди» может быть негативно воспринят этими странами и значительно ударит по имиджу Евросоюза в их глазах.

Практически одновременно с Украиной заявки на предоставление членства в ЕС подали и два других участника «Ассоциированного трио» — Молдова и Грузия. Последняя, к примеру, как и Украина, планировала официально стучаться в двери Европейского союза только в 2024 году, то есть относительно рационально оценивала свой прогресс на пути евроинтеграции. События же 2022 г. дали неожиданный импульс намеченным планам: новая реальность и изменившиеся политические обстоятельства вынудили грузинское и молдавское руководство действовать быстро и решительно. Заявки Молдовы и Грузии, поданные практически одновременно с Украиной, можно рассматривать, с одной стороны, как попытку «запрыгнуть в уходящий поезд» и получить искомое членство единой волной расширения, а с другой — как проявление солидарности в рамках «Ассоциированного трио», подразумевающего синхронизацию и координацию усилий всех трех стран — членов инициативы. Вероятнее всего, ответ лежит в плоскости национальных интересов: оба государства находятся в сложном экономическом и финансовом положении, которое вызвано как последствиями пандемии COVID-19, так и нарушением продовольственных цепочек в связи с введением антироссийских санкций, а наличие неразрешенных «замороженных» территориальных конфликтов демонстрирует их уязвимость, связанную с дефицитом безопасности. Следовательно, стремительное измене-

ние геополитического ландшафта на постсоветском пространстве заставляет их всерьез переосмыслить свое место на континенте, что и привело к кажущемуся на первый взгляд спонтанным и необдуманным решению подать заявку на членство в ЕС.

В то же время Молдова и Грузия отказались от присоединения к антироссийским санкциям, ссылаясь на тесные торгово-экономические связи с Россией и энергетическую зависимость от нее. В частности, премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили считает, что от санкций пострадает сфера туризма (один из ключевых источников доходов бюджета), «тысячи виноделов, экспортеров и фермеров», поэтому он не поддерживает введение санкций «против своего народа» [11]. Действительно, если посмотреть на статистику внешнеторгового оборота, можно сделать вывод, что в структуре внешней торговли Грузии Россия занимает 3 место с долей в 11,4% [12], в то время как для Молдовы РФ является вторым по объему партнером (10,5%), при этом значительно уступая по этому показателю Евросоюзу (52,2%) [13]. Молдова также на 100% зависит от импорта российских энергоресурсов, поэтому в условиях текущих сложных переговоров с «Газпромом» стремится наряду с Грузией найти баланс между собственными интересами и выражением поддержки Украине. Бывший министр иностранных дел Грузии Давид Залкалиани, совсем недавно ставший послом Грузии в США, подчеркнул, в свою очередь, что в подобных ситуациях страну «заставляет говорить ответственность» [14], пояснив, что государство опасается повторения сценария 2008 года на своей территории. Можно также предположить, что отказ от присоединения к санкциям против России стоит рассматривать как элемент некоего торга: Европейский союз способен нарастить торговлю и с Молдовой, и с Грузией, постепенно вытесняя из региона Россию экономически, а те, в свою очередь, в обмен на новый статус со всеми вытекающими привилегиями ответят лояльностью и не будут блокировать новые пакеты санкций в отношении нашей страны, будучи уже кандидатами на вступление в ЕС.

В этом же контексте стоит учитывать, что в грузинской конституции закреплена ее приверженность курсу на вступление не только в ЕС, но и в НАТО, тогда как Молдова предусматри-

тельно закрепила свой внеблоковый статус в основополагающем документе страны. Таким образом, членство Грузии в Евросоюзе в нынешних условиях вполне может рассматриваться российской стороной как предмет торга: закрепленный письменными обязательствами отказ от вступления в НАТО в обмен на отсутствие препятствий по присоединению к ЕС. Возвращаясь к вопросу соответствия Молдовы и Грузии критериям членства, можно подчеркнуть, что готовность этих стран к вступлению в ЕС тоже далека от идеальной. Представители Европейского союза уже публично заявили, что планируют рассматривать эти 2 заявки по стандартной процедуре в обычном порядке [15], а значит, ожидать положительного решения по ним в обозримой перспективе явно не стоит. Впрочем, похожая участь, по всей видимости, уготована и украинской заявке.

Грузия, Молдова и Украина предприняли попытку сформулировать однозначный посыл как политической верхушке Евросоюза, так и российскому руководству о готовности к дальнейшей евроинтеграции. В соответствии с подходом «большее за большее» они выразили решимость интенсифицировать сотрудничество с ЕС в обмен на обеспечение собственных гарантий экономической и продовольственной безопасности. Тем не менее, необходимо учитывать то, что гарантии конвенциональной безопасности этим трем государствам Европейский союз дать не в состоянии в силу специфики интеграционного проекта, равно как и обеспечить их запросы в сфере энергетики [16]. Кроме того, неурегулированные территориальные конфликты в «замороженном» состоянии также являются существенным препятствием на пути их европейских устремлений.

В целом же, решение о подаче заявки каждой из трех стран на предоставление статуса кандидата на вступление в ЕС носит исключительно политический характер, обусловлено текущим военным обострением на Украине и связано с гарантиями экономической безопасности для них: Украине необходимы серьезные финансовые вливания для постконфликтного восстановления, а Грузия и Молдова как члены «Ассоциированного трио» пытаются воспользоваться ситуацией, умело разыгрывая случайно попавшую к ним в руки геополитическую карту.

Выводы

Таким образом, не до конца оформившийся суверенитет ряда республик бывшего СССР, высокий уровень внутривнутриполитического напряжения ввиду проблем институционального характера, значительный конфликтогенный потенциал сецессионистских территорий, а также тяжелое социально-экономическое положение, вызванное последствиями пандемии COVID-19 и антироссийскими санкциями, являются фундаментальными причинами переосмысления государствами региона своего внешнеполитического позиционирования. Мы становимся свидетелями, с одной стороны, ренессанса реалистической парадигмы с его прагматичностью национальных интересов, а с другой — углубления идейно-ценностного раскола и ускорения процесса поляризации общества.

Резюмируя вышесказанное, стоит подчеркнуть, что на данный момент и у ЕС, и у России попросту отсутствует политическая воля к рассмотрению внешнеполитических запросов Молдовы и Грузии: все внимание приковано исключительно к Украине. Одновременно с этим нельзя забывать, что гипотетическое принятие Украины в Евросоюз по ускоренной процедуре способно эффектом домино захватить с собой и двух других членов «Ассоциированного трио», что будет являться неким символическим жестом и сигналом к тому, что Европейский союз действительно способен на решительные шаги. С точки зрения России подобные действия могут быть восприняты двояко: с одной стороны, политико-экономическая интеграция вызывает у российского руководства гораздо меньшее раздражение, чем военно-политическая, а с другой — это может рассматриваться как очередной виток эскалации напряженности в отношениях с Западом и как попытка редуцировать российскую сферу влияния. Так или иначе, логика политики расширения Евросоюза, равно как и превалирующий в ЕС дискурс подсказывают нам, что сиюминутное удовлетворение внешнеполитических амбиций Украины, Грузии и Молдовы вряд ли возможно, однако сам факт предоставления им статуса кандидатов на вступление в значительной степени изменяет расстановку сил в локальной борьбе за сферы влияния между Россией и Европейским союзом,

повышая и без того значительную степень непредсказуемости в международных отношениях.

Библиография

1. *Manners I.* Normative Power for Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies.* 2002. Vol. 40. No. 2. P. 235–258.
2. *Leonard M.* Europe's transformative power / M. Leonard. 01.02.2005. URL: <https://www.cer.eu/publications/archive/bulletin-article/2005/europes-transformative-power> — 20.04.2022.
3. *Crombois J.* The Eastern Partnership: Geopolitics and policy inertia // *European View.* 2019. Vol. 18(1). P. 89–96.
4. Memorandum of Understanding between the Ministry of Foreign Affairs of Georgia, the Ministry of Foreign Affairs and European Integration of the Republic of Moldova and the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine on Establishing Enhanced Cooperation on European Integration — the “Association Trio”. URL: <https://mfa.gov.ge/getattachment/News/%E2%80%8Bsaqartvelom,-ukrainam-da-moldovam-evrointegraciis/MoU-Trio.pdf.aspx> — 20.04.2022.
5. *Bentzen N., Przetacznik J.* Eastern Partnership 3.0. Principles, priorities, and prospects // *European Parliament, Members' Research Service*, PE 651.966. 2020. 28 p.
6. *Ciolan I. M., Paul A.* Lessons from the Eastern Partnership: Looking back to move forward // *European Policy Centre.* 2021. URL: <https://www.epc.eu/en/Publications/Lessons-from-the-Eastern-Partnership-Looking-back-to-move-forward~44d130> — 20.04.2022.
7. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Brussels, 15 December 2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/53527/20211215-eap-joint-declaration-en.pdf> — 20.04.2022.
8. Песков прокомментировал заявку Украины на вступление в Евросоюз. 01.03.2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3520669.html> — 20.04.2022.
9. *Нуриева С.* Медведев рассказал о позиции России по намерению Украины вступить в Евросоюз. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/04/02/17512021.shtml> — 20.04.2022.
10. *Youngs R.* Ukraine's EU Membership and the Geostrategy of Democratic Self-Preservation. URL: <https://carnegieeurope.eu/2022/04/01/ukraine-s-eu-membership-and-geostrategy-of-democratic-self-preservation-pub-86771> — 20.04.2022.
11. *Абрамов Н.* Премьер Грузии рассказал о причинах отказа присоединяться к санкциям против РФ. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/02/28/17357047.shtml> — 20.04.2022.

12. European Union trade in goods with Georgia, Directorate-General for Trade, 31 March 2022. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_georgia_en.pdf — 20.04.2022.
13. European Union trade in goods with Moldova, Directorate-General for Trade, 31 March 2022. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_moldova_en.pdf — 20.04.2022.
14. В Тбилиси объяснили отказ от санкций нежеланием повторять события 2008 года. 28.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220228/gruziya-1775600755.html> — 20.04.2022.
15. EU starts membership application process with Georgia, Moldova. Anadolu Agency. 11.04.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/eu-starts-membership-application-process-with-georgia-moldova/2560958> — 20.04.2022.
16. *Mirel P.* The Eastern Partnership, between resilience and interference // Fondation Robert Schuman. European Issue. 2022. No. 589. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0589-the-eastern-partnership-between-resilience-and-interference> — 20.04.2022.

Карулин Андрей Алексеевич

Государственный академический университет гуманитарных наук

Факультет политологии

Магистратура

Гибридные конфликты как новый феномен международных отношений на примере конфликта на востоке Украины

Hybrid Conflicts as a New Phenomenon of International Relations on the Example of the Conflict in Eastern Ukraine

Аннотация. В данной статье осуществляется попытка применения теории гибридного конфликта к конфликту на востоке Украины. Для осуществления поставленной цели автором была рассмотрена современная теория гибридных конфликтов, которая постулирует возникновение качественно новых видов войн. Изучив генеалогию зарождающегося дискурса о гибридной войне, автору удалось выявить условия возникновения такого конфликта на примере украинского кейса и прийти к выводу, что в современных международных отношениях конфликты трансформируются из классических видов войн в гибридные.

Ключевые слова: гибридизация, гибридный конфликт, глобализация, украинский конфликт, санкции, информационная война, Россия.

Abstract. This article attempts to apply the theory of hybrid conflict to the conflict in the eastern Ukraine. To achieve this goal, the author considered the modern theory of hybrid conflicts, which postulates the emergence of qualitatively new types of wars. Having studied the genealogy of the emerging discourse about the hybrid war, the author was able to identify the conditions for the emergence of such a conflict on the example of the Ukrainian case and come to the conclusion that in modern international relations conflicts are transformed from classic types of wars into hybrid ones.

Keywords: hybridization, hybrid conflict, globalization, Ukrainian conflict, sanctions, information war, Russia.

Введение

Система международных отношений на современном этапе постоянно трансформируется и усложняется, обретая все новые формы и методы решения конфликтов. Глобализация сделала государства, с одной стороны, более транспарентными, но, с другой стороны, обострила противоречия в восприятии собственной субъектности. Из-за тесной взаимосвязи различных политических акторов и новых информационных возможностей мир столкнулся с новыми явлениями, среди которых можно выделить феномен гибридизации.

В данном контексте используется определение глобализации как гибридизации в рамках теории голландского ученого Яна Питерса [1, р. 161]. Он утверждает, что в ходе глобализации разворачивается процесс не стандартификации и унификации всего и вся, а смешения различных структур, явлений и функций социальных субъектов. Такая гибридизация провоцирует появление новых социально-политических практик соперничества или сотрудничества.

Связь гибридизации с глобализацией. Роль информации в современном мире

С возрастающей ролью глобализационных процессов в мире общество стало подвергаться все большему количеству рисков. В эпоху глобализации риск становится одной из главных констант мирового развития — прогресс современного общества в информационно-технологическом инструментарии выводит на новый уровень возможности государства. Новая реальность усиливает риск возникновения потенциальных точек нестабильности. Общество, по мнению британского социолога Э. Гидденса, находится в «среде риска» [2, р. 107].

В значительной степени в современном обществе возросла роль информации, которая является инструментом в политической борьбе между государствами. Фактически информация превратилась в реальную общественную силу. В частности, американский социолог Э. Тоффлер отмечал возрастающую мощь и роль

знания в постиндустриальном мире: «Знание перестало быть приложением к власти денег и власти силы, знание стало их сущностью... Это ключ к пониманию грядущих метаморфоз власти, и это объясняет, почему битва за контроль над знаниями и средствами коммуникации разгорается на всем мировом пространстве» [3, р. 40]. Таким образом, знание приобретает в современных условиях доминирующее значение в различных международно-политических событиях — государство, владеющее той или иной информацией, в информационной среде способно создать риск из любого информационного повода, поэтому ученый справедливо отметил, что знания «оказываются не только источником самой высококачественной власти, но также важнейшим компонентом силы и богатства» [3, р. 40].

Информация способна наполняться определенными значениями и смыслами в процессе взаимодействия политических акторов для борьбы за власть и символическое пространство. Еще американский политолог Дж. Барбер подчеркнул важную особенность, что те политические игроки, которые формируют смыслы и образы, «осуществляют власть, которая представляет собой не что иное, как власть определять направление развития цивилизации» [4, р. 3]. В гибридных же конфликтах идеологическое влияние обеспечивается посредством активной информационной кампании, когда одно государство пытается дискредитировать официальный нарратив другого государства — идеологическое обоснование гибридного конфликта нуждается в сильной информационной подпитке для «культурной гегемонии» в информационном поле, а затем уже в общественно-политической среде.

Гибридный конфликт — продукт глобализации

Феномен гибридных конфликтов в современной научной среде имеет множество различных трактовок, поэтому нельзя сказать, что данный термин строго концептуализирован. Так, П. А. Цыганков отмечает, что термин наполнен идеологемами, «страдает неопределенностью» и во многом связан с украинским кейсом [5, с. 211]. К тому же в академической среде нет консенсуса относительно новизны данного феномена. Цыганков, в частности,

отмечает две позиции по отношению к гибридным войнам. Одна группа исследователей исходит из того, что классические войны в целом не изменились, а асимметричные войны или иррегулярные конфликты были всегда и не являются чем-то новым для сегодняшних международных отношений. Например, российский военный аналитик Р. Пухов придерживается мнения, что классические конфликты всегда сопровождались информационным давлением, наложением санкций и др. инструментами, которые в современном мире считаются новаторскими: «В целом действия, приписываемые гибридной войне, являются достаточно стандартным набором действий в любом вооруженном конфликте низкой интенсивности на земном шаре за последние десятилетия, если не столетия. Трудно себе представить применение военной силы без одновременного информационного обеспечения, без экономических санкций, без методов тайной войны, без попыток разложения противника и без попыток использования противоречий (этнических, социальных, экономических, политических и т.д.) в стане противника. Это азбука любой войны вообще со времен античности» [6]. Другая же группа исследователей уверена в том, что конфликты в современном мире вышли на новый уровень и представляются новым явлением — это позиция социальных конструктивистов. При этом данная группа ученых не считает, что гибридные конфликты радикально изменились. Они лишь подчеркивают, что классические конфликты достаточно сильно обновились, поэтому появление гибридных конфликтов — это закономерное продолжение классических вариаций войн, но с новыми возможностями и инструментами: «как в тех, так и в других, явно или косвенно участвуют государства, преследующие собственные политические цели. Важно то, что гибридная война зачастую является результатом перерождения обычного вооруженного конфликта» [5, с. 210].

Таким образом, феномен гибридных конфликтов рассматривается сегодня с разных позиций, но с учетом всех мнений можно сказать, что гибридный конфликт — это современный вид международно-политических конфликтов без официального объявления войны, участие в котором не ограничено только классическими субъектами конфликта — национальными государствами,

но и представлено широким спектром новых политических акторов — иррегулярные движения, бандформирования, добровольческие отряды, транснациональные террористические и экстремистские группировки, организованные преступные ячейки, частные военные компании.

Все они могут участвовать в военном конфликте и поддерживаться сторонним государством, в интересах которого — дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку другого государства, втянуть в конфликт или добиться принятия собственных условий, акцентировать внимание государств на тех или иных проблемах. Инструментами подобного конфликта становятся экономические санкции, информационная война, кибератаки, различные провокации.

Важная особенность данного конфликта — он может протекать на начальных этапах без человеческих жертв и прямых военных столкновений. Методы же могут применяться асимметрично. Таким образом, гибридизация современных конфликтов заставляет по-новому взглянуть на конфронтацию государств. По замечанию Дмитрия Тренина, гибридный конфликт отмечается важной чертой — многоаспектностью и многовариативностью ведения конфликта: традиционные практики дополняются информационным, экономическим, технологическим, финансовым аспектами, коими противник может пользоваться [7].

Тематика гибридных войн пришла в научный дискурс из американской военной среды — военный аналитик Фрэнк Хоффман впервые отметил новый вид конфликтов с применением асимметричных методов и иррегулярных сил: «Гибридные войны могут вестись как государствами, так и различными негосударственными субъектами. Гибридные войны включают в себя целый ряд различных способов ведения войны, включая обычные средства, нерегулярные тактики и формирования, террористические акты, включая неизбирательное насилие и принуждение, а также преступные беспорядки» [8, р. 29].

Следует отметить, что применительно к международно-политическому анализу ситуаций именно в американском политическом дискурсе зародился термин «гибридная война», который был достаточно политизирован и лишен академической объектив-

ности. Так, в 2015 г. на Совете министров иностранных дел НАТО в Нидерландах была сформирована и принята «Стратегия гибридных войн». По замечанию генерального секретаря Й. Столтенберга, «гибридная война охватывает широкий перечень различных типов военных действий... Этот термин используют для описания сочетания военных и невоенных средств, скрытых и открытых операций... Это комбинация различных гражданских и военных приемов». Руководствуясь сутью данного термина, Столтенберг акцентировал внимание на действиях России в Крыму в 2014 г. и отметил, что действия РФ можно классифицировать как ведение гибридной войны, начавшейся с «аннексии Крыма» и продолжающейся в конфликте на Донбассе [9].

Военные силы сегодня приобретают дополнительные функции — происходит расширение их использования за границей конкретного государства для различных целей. Новизну методов изучения политических конфликтов справедливо отметила британская исследовательница Мэри Калдор. Войны в эпоху глобализации существенно изменились, так как актуализировалась проблема идентичности — войны стали вестись не столько за территорию, сколько за поддержание собственной идентичности [10, с. 155]. Новым видам войн, таким образом, имманентно присуща цель контроля символического пространства общества, нежели борьба за территории. Распространение ценностей становится превалирующим фактором гибридных конфликтов. Именно поэтому они наследуют в большей степени партизанскую технику ведения войны, не имеющей единого организационного ядра.

В конфликтах все чаще используются транснациональные политические силы, неправительственные организации: «НПО наиболее активны на локальном и транснациональном уровнях — отчасти потому, что там и находятся проблемные места, вызывающие их озабоченность, а отчасти потому, что доступ к национальной политике перекрыт организованными на национальном уровне политическими партиями» [10, с. 160]. Негосударственные акторы могут также спонсироваться различными диаспорами, заинтересованными в решении конфликта. Таким образом, гибридные конфликты представляют многоуровневый и комплексный феномен

глобализационных процессов, границы которого в значительной степени размываются.

Использование различных информационных технологий создает дополнительную опасность для потенциального конфликта. Зачастую для дестабилизации политической ситуации используются массированные кибератаки на инфраструктуру государства, а также ведется информационное давление, которое отрицательно влияет на общественное мнение благодаря «фейкам», вбросам и тотальной дезинформации. Информационная война становится частью гибридного конфликта и является необходимым этапом перед потенциальным вооруженным столкновением. По замечаниям И. Д. Звягельской, одним из отличий гибридного конфликта от классического являются «активные психологические и дезинформационные операции» [11, с. 81]. Недостоверность информации и невозможность добраться до правды в рамках гибридного конфликта создает, пользуясь терминологией К. Клаузевица, «туман войны» — неопределенность того, как протекает конфликт, что не позволяет опираться на совокупность данных для формирования объективной картины происходящего: «Война — область недостоверного: три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, и следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, пронизательный ум» [12, с. 60].

Критерии гибридного конфликта

Чтобы идентифицировать гибридный конфликт, следует обратиться к его критериям. Опираясь на исследования Звягельской, можно выделить следующие критерии: участие нерегулярных сил или негосударственных акторов, использование новых технологий, создание дезинформационного климата, поддержка локальных игроков со стороны глобальных или региональных держав [11, с. 82]. В совокупности эти факторы могут способствовать затягиванию конфликта на неопределенный срок. Согласно Цыганкову, гибридность конфликта определяется: 1) многообразием политических акторов конфликта, каждый из которых имеет собственные цели; 2) отсутствием открытого столкновения, после кото-

рого можно было бы утверждать о победе той или иной стороны; 3) уклонением от переговоров или их намеренным затягиванием, провалами; 4) «отсутствием потенциальных интеграционных институтов» [5, с. 210].

Украинский кейс как пример гибридного конфликта

Для России проблематика гибридных конфликтов является актуальной проблемой в разрезе кейса Украины [13]. В данный конфликт втянуты как глобальные державы, так и негосударственные акторы, а непрекращающаяся информационная борьба поляризует общество и формирует недостоверные знания о конфликте на юго-востоке Украины. Он также имеет трансрегиональное измерение и давно вышел за рамки этих территорий [14].

В 2014 г. на Украине произошел переворот, в результате которого произошла смена правительства и политического режима. Международное сообщество раскололось в своих оценках данного события: страны Запада и США признали смену политического режима, Россия же признала нелегитимность киевской власти. В контексте данных событий гибридный конфликт маркируется прежде всего высокой долей информационной войны между вышеназванными государствами, благодаря которой обеспечивается публичность противостояния. Например, в статье И. Кузнецова отмечается конкретный случай, когда британский блогер в социальных сетях в утвердительной форме заявил об обстрелах Украины со стороны России. На основе информационного повода в публичном поле начали тиражироваться публикации. Кульминацией этого события стало то, что премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон начал цитировать блогера и фактически имплицитно соглашаться с его позицией без проверки фактов и попытки объективно подойти к проблеме [15, с. 227]. Рассказ о ложных событиях является хрестоматийным примером ведения информационной кампании против стороннего государства. Например, сенатор от Республиканской партии США Джим Инхоф в 2015 г. якобы получил фотоматериалы от украинских депутатов, подтверждающие наличие военных сил РФ на территории Украины [16]. Фактически информация симулируется

и превращается, пользуясь терминологией постмодернистской мысли, в симулякр, не имеющий под собой связи с реальностью, но подменяющий ее (или термин «постправда»). Как отметил И. Чихарев, «Симуляция имеет две составляющие: первая — представление о том, что сам ход войны, поведение ее участников, промежуточные результаты симулируются, то есть на самом деле то, что отражается в СМИ, в этом рефлексивном пространстве мировой политики может сильно отличаться от происходящего де-факто. И второе — измерение симуляции (это влияет уже собственно на само вооруженное столкновение, на военное насилие в ходе конфликта) — это отсутствие непосредственного соприкосновения участников войны» [17, с. 224]. Основной «фронт» гибридного конфликта, таким образом, смещается в информационную область для формирования «правильного» дискурса у населения: «Гибридная война втягивает в антагонизм все население и охватывает все участки информационного пространства, включая печатные и электронные СМИ, интернет и кибератаки, организацию семинаров, обучающих курсов с чтением лекций для сторонников оппозиционных движений и т.п. Она распространяется на все сферы общественной жизни — политическую, экономическую, социальную, культурную. Ее мишень — ментальная составляющая и сама система общественной организации противника» [18, с. 256]. НАТО, например, заявляло об участии регулярных войск в конфликте на юго-востоке Украины с применением военной инфраструктуры. Россия направляла запросы правительству США о предоставлении спутниковых снимков, но положительного ответа не получила [19].

Помимо ведения информационной войны США совместно с ЕС в 2014 г. начали вводить экономические санкции против России. В речи экс-президента США Барака Обамы перед Генассамблеей ООН в 2014 г. было отмечено, что санкции могут быть сняты только в случае, если Россия «изменит курс» [20], то есть политические цели были выражены в экономическом санкционном давлении для принуждения государства к выполнению своих условий. По замечаниям Камалудина Гаджиева, «санкции стали серьезным и все более часто используемым средством политического и экономического давления на противника» [21]. Тем не менее, санкции

буют не просто по экономике государства, но и по простым жителям, которые не участвуют в политическом противостоянии.

Стоит отметить, что Украина и Россия официально не находились в военном конфликте, но после образования внутри Украины ДНР и ЛНР отношения серьезно испортились. Возникшие республики актуализировали процесс появления иррегулярных вооруженных движений в виде национальных добровольческих батальонов и ополчения, которые выведены за рамки государственно-правового поля. Практика «поездов дружбы» в Крым использовалась радикальными группировками «Азов», «Айдар» (обе запрещены в РФ) для дестабилизации политической ситуации и разжигании настоящего конфликта против русскоязычного населения: «Русское население Крыма было напугано как поспешными попытками Киева существенно ограничить использование русского языка, так и проникновением на территорию полуострова экстремистов из западных областей Украины, в том числе с использованием специальных поездов» [22]. Тем не менее, на стороне ополчения народных республик воюют в основном добровольцы из России, по заявлениям местных властей [23]. В сам же конфликт включены США, ЕС и Россия, которые преследуют свои цели. Запад поддерживает киевский режим, снабжая вооружением, а также оказывает информационную и финансовую поддержку. Россия же, по словам Цыганкова, «присутствует в этом конфликте — добровольцами, гуманитарной помощью, политической и информационной поддержкой, различными группами гражданских волонтеров» [5, с. 237]. До присоединения Крыма на полуострове начали появляться «Вежливые люди» без знаков отличия, которые, согласно заявлению российской стороны, использовались российскими властями для бескровного предотвращения конфликта в Крыму [24]. Стоит отметить, что наметившийся в 2015 г. путь к перемирию и установлению мира посредством Минских соглашений не привел к успеху — со стороны Киева, несмотря на согласие всех сторон минского формата, положения Минских соглашений не выполнялись, идти на переговоры с представителями ДНР и ЛНР киевский режим был не намерен. В свою очередь, переговорный процесс заходил постепенно в тупик и откладывался,

что на сегодняшний момент привело к горячей фазе конфликта между Украиной и Россией.

Выводы

Таким образом, дискурс о гибридном конфликте на Украине изначально появился в американской политической среде. Условия же гибридизации конфликта отчетливо проявились в ходе продолжительного политического противостояния на Украине и являются результатом слабой политической власти и государственности в этой стране. Кроме того, гибридизация произошла под влиянием внешних факторов. Несмотря на то, что термин «гибридный конфликт» достаточно политизирован и переполнен идеологемами, не брать в расчет новые техники и инструменты ведения боевых действий без применения оружия будет ошибкой — конфликты в современном мире вышли на качественно новый уровень и уже не являются классическими видами ведения войны.

Библиография

1. *Pieterse J. N.* Globalization as Hybridization // *International Sociology*, 1994. Volume 9. №2. 161–84 pp.
2. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // *Thesis*. 1994. № 5. С. 134.
3. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2002. С. 669.
4. *Barber J.* The Pulse of politics: electing presidents in the media age. NY, London, 1980. P. 353.
5. *Цыганков П. А.* Гибридные войны как предмет теоретических дискуссий. М.: Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2015. Т. 11. № 2. С. 226.
6. *Пухов Р. Н.* Миф о «гибридной войне». 2015. URL: https://nvo.ng.ru/reality/2015-05-29/1_war.html — 23.03.2022.
7. *Тренин Д. В.* От гибридной войны к взаимному отстранению. 2019. URL: <http://svop.ru/main/30914/> — 01.02.2022.
8. *Hoffman F. G.* Conflict in the 21-st Century: the Rise of Hybrid Wars. Arlington, Virginia: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. P. 65.
9. НАТО приняла стратегию против гибридных войн. 2015. URL: <https://newsland.com/user/4296735949/content/nato-priniala-strategiiu-protiv-quotgibridnykh-voinquot/4854888> — 27.03.2022.

10. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского, ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 416 с.
11. Звягельская И. Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Аспект Пресс, 2019. 224 с.
12. фон Клаузевиц К. О войне. М.: Логос, МАИК «Наука», 1998. 448 с.
13. Ланцов С. А. Государства и негосударственные акторы в вооруженных конфликтах второго десятилетия XXI века. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI в.: монография. / Ред. П. А. Цыганков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 51–69.
14. Черкашин К. В. О термине «гибридная война» в контексте украинских событий // Материалы научного семинара «Гибридные войны в мировой политике XX века». Февраль 2015 г., факультет политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2015. Т. 11. № 2. С. 208–237.
15. Кузнецов И. И. Трансформация форм войны в условиях современной политики: военное и невоенное противостояние на территории Украины. 2014–2015 гг. // Материалы научного семинара «Гибридные войны в мировой политике XXI века». Февраль 2015 г., факультет политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2015. Т. 11. № 2. С. 228–230.
16. Сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150213/1047545186.html> — 28.03.2022.
17. Чихарев И. А. «Гибридные войны» и «Цветные революции» // Материалы научного семинара «Гибридные войны в мировой политике XXI века». Февраль 2015 г., факультет политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2015. Т. 11. № 2. С. 224–225.
18. Цыганков П. А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Межуниверситетский научный семинар «Гибридные войны» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 253–258.
19. Editorial Board. No time for passivity in Ukraine. https://www.washingtonpost.com/opinions/no-time-for-passivity-in-ukraine/2015/04/09/61a93eba-de1e-11e4-a1b8-2ed88bc190d2_story.html — 13.04.2022.
20. Full text of President Obama's 2014 address to the United Nations General Assembly, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/full-text-of-president-obamas-2014-address-to-the-united-nations-general-assembly/2014/09/24/88889e46-43f4-11e4-b437-1a7368204804_story.html — 13.04.2022.
21. Гаджиев К. С. Метаморфозы конфликтов и войн в современном мире. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1738> — 13.04.2022.

22. Князев Ю. К. О непротиворечивости принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2174> — 10.04.2022.
23. ДНР: На Донбассе воюет четыре тысячи российских добровольцев // Российская газета. 28.08.2014. URL: <https://rg.ru/2014/08/28/donbass-site-anons.html> — 23.02.2022.
24. Путин рассказал, каковы были задачи «вежливых людей» в Крыму // Ведомости. 17.04.2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/04/17/putin-rasskazal-kto-takie-vezhlivye-lyudi-v-krymu> — 23.02.2022.

Лифтиев Элвин Низаминович

*Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации
Факультет международных отношений
Бакалавриат*

Роль России в процессе определения границы между Азербайджаном и Арменией

The Role of Russia in the Process of Definition of the Border between Azerbaijan and Armenia

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка оценить роль и степень участия Российской Федерации в процессе делимитации и демаркации государственной границы между Азербайджаном и Арменией. Для осуществления поставленной цели автором были проанализированы публикуемые на портале Президента России сообщения о всех мероприятиях с участием президента России В. Путина, на которых в той или иной степени затрагивались вопросы, связанные с проблематикой азербайджано-армянских отношений. К тому же, для оценки реальной ситуации в зоне делимитации и демаркации границы между Азербайджаном и Арменией были проанализированы сообщения о ходе боевых действий и данные о количестве жертв конфликта, публикуемые министерствами обороны Азербайджана и Армении. Изучив эти два аспекта, автор делает выводы касательно меняющегося отношения российского руководства к процессу определения границы между Азербайджаном и Арменией и степени вовлеченности Российской Федерации в этот процесс в период с 10 ноября 2020 г. по 20 апреля 2022 г.

Ключевые слова: делимитация, демаркация, государственная граница, армяно-азербайджанский конфликт, российские пограничники.

Abstract. This article aims at estimating the role and the degree of the participation of the Russian Federation in the process of the delimitation and demarcation of the state border between Azerbaijan and Armenia. To this end, the author has analysed the content of the releases, published on the website of the President of Russia, concerning the events with the participation of Russian President

V. Putin, during which matters relating to the Azerbaijani-Armenian relations were to some extent touched upon. Moreover, the reports concerning hostilities and casualties, published by the defence ministries of Azerbaijan and Armenia, were analysed in order to estimate the real situation in the region of border delimitation and demarcation. Having studied these two aspects, the author concludes about the changing attitude of Russia's leadership to the process of the delimitation and demarcation of the border between Azerbaijan and Armenian and its degree of the participation in this process during the period from 10th November 2022 to 20th April 2022.

Keywords: delimitation, demarcation, state border, the Armenian-Azerbaijani conflict, Russian border guards.

Введение

Армяно-азербайджанский конфликт является одним из самых длительных и глубоких конфликтов на всем постсоветском пространстве и ключевым в вопросах установления мира и безопасности во всем Закавказье. После 44-дневной войны, которая изменила статус-кво, существовавший на протяжении почти 30 лет, конфликт между этими двумя странами стал более комплексным и многоуровневым. Новой стороной давнего конфликта явился вопрос определения границы между двумя странами. Данная работа посвящена степени участия и роли России, имеющей тесные связи с обеими странами и прямо заинтересованной в поддержании мира и безопасности в регионе, в процессе делимитации и демаркации границы. Стоит отметить, что в силу того, что сам процесс определения границы был запущен относительно недавно, отдельных исследований, посвященных только этому аспекту азербайджано-армянских отношений, не так много, что, в свою очередь, делает этот вопрос одновременно и крайне актуальным, и малоизученным.

Для определения отношения российского руководства к процессу делимитации и демаркации границ автором настоящего исследования были проанализированы публикуемые на портале президента России мероприятия с участием президента России В. Путина (телефонные разговоры, переговоры, правительственные заседания, выступления на саммитах международных орга-

низаций и конференциях, заявления средствам массовой информации, многосторонние заявления), на которых затрагивались в той или иной степени вопросы, связанные с проблематикой азербайджано-армянских отношений. К тому же, для оценки реальной ситуации в зоне делимитации и демаркации границы между Азербайджаном и Арменией были проанализированы сообщения о ходе боевых действий и данные о количестве жертв конфликта, публикуемые министерствами обороны двух стран.

Проблема отсутствия границы

Стоит сразу отметить, что граница между Азербайджаном и Арменией, современные территории которых были установлены после выделения из состава Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики соответственно Азербайджанской Советской Социалистической Республики и Армянской Советской Социалистической Республики, никогда не была делимитирована и демаркирована. В условиях, когда обе эти республики входили в состав одного союзного государства, государственная граница существовала только на бумаге в силу того, что в ней не было никакой практической необходимости. Но даже после выхода этих республик из состава СССР и его распада все равно не удалось приступить к процессу делимитации и демаркации границ. Причиной тому явилась армяно-азербайджанская война, вспыхнувшая сразу же после распада союзного государства в 1992 г. В центре конфликта находился вопрос принадлежности Нагорно-Карабахской автономной области — заселенной преимущественно армянами части Азербайджанской ССР, образованной в 1923 г. Поддерживаемая Арменией самопровозглашенная Нагорно-Карабахская республика вышла из состава Азербайджана. В ходе военных действий в 1992–1994 гг. Азербайджану так и не удалось восстановить контроль над территорией Нагорно-Карабахской автономной области. 3 мая 1994 г. в Бишкеке при посредничестве Киргизии и России представителями Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха было подписано перемирие и установлен режим прекращения огня. Таким образом, Азербайджан временно лишился контроля

не только над территорией Нагорно-Карабахской автономной области, но и территориями семи прилегающих районов, занятых армянскими войсками: Физулинского, Агдамского, Зангеланского, Джабраильского, Кубатлинского, Кельбаджарского и Лачинского. Последние два района, граничащие с Арменией и составляющие больше половины всей протяженности армяно-азербайджанской границы, имели стратегическое значение, так как связывали Армению и Нагорный Карабах.

Ситуация кардинально изменилась после 44-дневной войны в октябре-ноябре 2020 г., завершением которой стало подписание 10 ноября трехстороннего заявления Президентом РФ В. Путиным, Президентом Азербайджана И. Алиевым и Премьер-министром Армении Н. Пашиняном. На смену ранее установленному статускво, основанному на режиме прекращения огня, пришли новые договоренности. Согласно заявлению, 7 районов вокруг Карабаха и южная часть Карабаха с городом Шуша возвращались под контроль Азербайджана, а в районе северного Карабаха размещался российский миротворческий контингент. Также Заявление затрагивало вопросы обмена военнопленных и разблокирования всех экономических и транспортных связей в регионе.

Актуальность вопроса определения границы между тремя странами в период с ноября 2020 г. по май 2021 г.

Примечательно, что проблема отсутствия границы и необходимости ее делимитации и демаркации не упоминалась ни в трехстороннем заявлении от 10 ноября 2020 г., ни даже в трехстороннем заявлении от 11 января 2021 г., которое было подписано по итогам двусторонних переговоров В. Путина и И. Алиева, а также трехсторонних переговоров глав государств. Но, без сомнений, российское руководство понимало всю важность проблемы отсутствия границы, которая могла при определенных условиях привести к срыву имплементации договоренностей, закрепленных в Заявлениях. Так, уже в ноябре 2020 г. пограничной службой ФСБ в Армении были развернуты пять новых пограничных постов, в том числе один в населенном пункте Тех, находящемся вблизи границы Азербайджана, в том месте, где Армения сосед-

ствуует с Лачинским районом и городом Лачин, которые являются ключевыми для обеспечения связи Армении и Нагорного Карабаха (представляют из себя так называемый «Лачинский коридор») и в которых сейчас располагается российский миротворческий контингент.

Слабую вовлеченность российского руководства в процесс делимитации и демаркации границ на первых этапах также подтверждает тот факт, что эта тема не затрагивалась в многочисленных переговорах В. Путина, на правительственных заседаниях и саммитах международных организаций с участием президента РФ, а также в его заявлениях СМИ. Об этом свидетельствует проведенный автором анализ сообщений, публикуемых сайтом Президента РФ, касательно мероприятий, в которых участвовал В. Путин и на которых затрагивались проблемы урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. Таких мероприятий с 10.11.2020 (после подписания трехстороннего заявления глав государств) до 17.05.2021 (когда проблема демаркации и делимитации была впервые упомянута) было очень много, а именно:

- восемь телефонных разговоров с Н. Пашиняном и две встречи в двустороннем формате;
- семь телефонных разговоров с И. Алиевым и одна встреча в двустороннем формате;
- одна встреча с И. Алиевым и Н. Пашиняном в трехстороннем формате, а также сделанное по итогам переговоров заявление для прессы и подписанное трехстороннее заявление;
- двенадцать телефонных разговоров с руководителями других стран, в том числе с Р. Эрдоганом (пять), Э. Макроном (четыре), а также по одному разговору с К.-Ж. К. Токаевым, А. Меркель и А. Г. Лукашенко;
- четыре совещания государственных органов;
- одно обращение к Федеральному собранию;
- девять иных мероприятий, в том числе саммиты международных организаций, конференции, форумы и прямая линия.

Рост значимости проблемы отсутствия границы

17 мая 2021 г. российская сторона выступила с инициативой создания двусторонней комиссии по делимитации, в которой она бы предоставила Азербайджану и Армении и картографический материал, и консультационные услуги [1]. Также тема определения границы начала часто подниматься на переговорах и в заявлениях В. Путина. В частности, вопрос делимитации и демаркации был поднят уже во время телефонного разговора с И. Алиевым 19 мая. Достаточно развернутый комментарий на эту тему был дан В. Путиным также во время прямой линии 30 июня, когда президент России опять выразил готовность российской стороны всячески способствовать процессу определения государственной границы, подчеркнув, что основная проблема заключается в том, что между Азербайджаном и Арменией «государственной границы по существу никогда и не было. Это была только административная граница между союзными республиками» [2].

К тому же для поддержания стабильности и режима прекращения огня непосредственно на границе Азербайджана и Армении начиная с мая 2021 г. было увеличено количество российских пограничников [3].

Вооруженные столкновения на границе Азербайджана и Армении, сопровождавшиеся потерями с обеих сторон, побудили российское руководство пойти на эти шаги. Вызваны эти столкновения, во-первых, отсутствием когда-либо существовавшей государственной границы, и, во-вторых, наличием анклавов и эксклавов с обеих сторон. Показательны в этом смысле майские столкновения 2021 г. 12 мая армянская сторона сообщила, что азербайджанские военные продвинулись вглубь Сюникской области Армении и попытались закрепиться в районе Черного озера. Официальный Баку отверг обвинения в оккупации и заявил, что проводит работы по определению границы. Причем, по мнению некоторых кавказоведов, «единственной всеми признанной карты, которая бы позволила решить вопрос без споров, нет» [4]. Армянская сторона опирается на советские карты, показывающие, что большая часть Черного озера принадлежит ей. Азербайджан тоже опирается на советские карты, но уже другого масштаба, де-

монстрирующие, что озеро целиком и полностью находится на его территории.

Квинтэссенцией всех кризисов и столкновений, происходивших в 2021 г., явился вооруженный конфликт в ноябре, который стал самым крупным столкновением после 44-дневной войны. По официальной информации сторон:

- Потери со стороны Азербайджана: 7 погибших и 10 раненых военнослужащих [5];
- Потери со стороны Армении: 6 погибших, 13 военнопленных и 24 пропавших без вести [6].

Причем, по сообщениям Министерства обороны РФ, остановлены боевые действия были только после того, как министр обороны России Сергей Шойгу провел телефонные переговоры с главами военных ведомств Армении и Азербайджана Суреном Папикяном и Закиром Гасановым. В свою очередь Минобороны Армении подтвердило эту информацию, заявив, что при посредничестве России на армяно-азербайджанской границе объявлено перемирие [7].

Это побудило страны провести переговоры на уровне глав государств, которые прошли в Сочи 26 ноября 2021 г. По итогам переговоров было подписано совместное трехстороннее заявление, в котором, в отличие от предыдущих, выделялась проблема нестабильности на границе. Стороны «условились предпринимать шаги по повышению уровня стабильности и безопасности на азербайджано-армянской границе и вести дело к созданию двусторонней Комиссии по делимитации государственной границы между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения с последующей ее демаркацией при консультативном содействии Российской Федерации по запросу сторон» [8].

Несмотря на то, что к апрелю 2022 г. специальная комиссия по определению не была создана, а сам процесс делимитации и демаркации еще, по сути, не запущен, остался на повестке. Так, в своем заявлении В. Путин после переговоров с И. Алиевым, состоявшихся 22 марта 2022 г. в Москве, отметил, что одной из приоритетных задач «видится запуск процесса делимитации и демаркации азербайджано-армянской границы» [9]. Кроме того, наличие проблемы установления государственной границы между

Азербайджаном и Арменией было отдельно обозначено и в совместном заявлении В. Путина и Н. Пашиняна от 19 апреля 2022 г. [10].

Выводы

Несмотря на то, что сразу после 44-дневной войны руководство Российской Федерации осознавало значимость проблемы отсутствия делимитированной и демаркированной государственной границы между Азербайджаном и Арменией и понимало, что в определенных условиях эта проблема может привести к срыву процесса урегулирования в регионе, до мая 2021 г. оно в этот процесс прямо вовлечено не было. Тем не менее, рост напряженности в районе государственной границы между двумя республиками поспособствовал тому, что российское руководство поменяло свое отношение к этому вопросу.

Как мы видим, в период с мая по ноябрь 2021 г. уровень вовлеченности России в процесс делимитации и демаркации границы между Азербайджаном и Арменией значительно вырос, что проявляется, во-первых, в предложении России создать специальную комиссию и принимать в ней активное участие, и, во-вторых, в увеличении количества российских пограничников на границе двух постсоветских стран. Таким образом, значение проблемы делимитации и демаркации границы между Азербайджаном и Арменией в контексте урегулирования конфликта между этими двумя странами для российского руководства возросло, а, по оценкам некоторых экспертов [11], вопрос определения границы сейчас и вовсе вышел на первый план, затмив собой другие проблемы конфликта.

Библиография

1. Лавров: РФ готова оказать содействие Еревану и Баку в вопросе делимитации границы // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/05/17/rf-gotova-okazat-sodejstvie-erevanu-i-baku-v-voprose-delimitacii-granicy.html> — 20.04.2022.
2. Прямая линия с Владимиром Путиным // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65973> — 20.04.2022.

3. РФ увеличила число пограничников в Армении // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/770583> — 20.04.2022.
4. Что и почему происходит на границе Азербайджана и Армении? // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57150521> — 20.04.2022.
5. Азербайджан подсчитал число погибших и раненых в боях на границе // lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/11/17/kavkaz/> — 20.04.2022.
6. У ВС Армении 13 пленных и 24 пропавших: МО о боестолкновениях на границе // Sputnik Армения. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211117/u-vs-armenii-13-plennykh-i-24-propavshikh-mo-o-boestolknoveniyakh-na-granitse--35431794.html> — 20.04.2022.
7. Ереван и Баку прекратили боевые действия после переговоров с Шойгу // РБК. URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/rbcfreeneews/61945c339a794716127e9b9d> — 20.04.2022.
8. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5741> — 20.04.2022.
9. Заявления для прессы по итогам российско-азербайджанских переговоров // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67837> — 20.04.2022.
10. Совместное заявление Президента Российской Федерации В. В. Путина и Премьер-министра Республики Армения Н. В. Пашиняна // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5791> — 20.04.2022.
11. «Пересмотр итогов войны в Карабахе маловероятен» — Маркедонов // Sputnik Азербайджан. URL: <https://az.sputniknews.ru/20220127/peresmotr-itogov-voyny-v-karabakhe-maloveroyaten--markedonov-438520372.html> — 20.04.2022.

Муленкова Полина Михайловна

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Гуманитарный факультет, направление «Международные отношения»*

Бакалавриат

Основные направления развития российско-белорусских отношений в настоящее время

The Main Areas of Development of Russian-Belarusian Relations at Present

Аннотация. В статье рассматривается динамика построения двусторонних отношений России и Беларуси на современном этапе. Представлен подробный контекст четырех прошедших лет, что позволило выявить как точки соприкосновения, так и вопросы, до сих пор не нашедшие решения среди представителей элиты обеих стран. Описывается возникновение и значение принятых на Высшем совете в ноябре 2021 г. союзных программ. Используя данные социологических опросов, автор демонстрирует общественные настроения граждан двух государств относительно тех или иных событий и политических решений. Основным результатом исследования стал субъективный прогноз о возможной будущей траектории движения российско-белорусских отношений.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, Союзное государство, интеграция, постсоветское пространство.

Abstract. This article examines the dynamics of the bilateral relations between Russia and Belarus at the present stage. The context of the past four years is presented in detail, revealing both points of convergence and issues that have not yet been resolved among the elites of both countries. Describes the emergence and significance of the alliance programs adopted in November 2021. Using data from sociological surveys, the author demonstrates the public attitudes of citizens in the two countries towards certain events and political decisions. The main result of the study is a subjective forecast of the possible future trajectory of Russian-Belarusian relations.

Keywords: Russia, Belarus, Union State, integration, post-Soviet space.

Введение

Данная тема является дискуссионной на протяжении уже многих лет. Ввиду динамичного характера изменений в международной сфере в целом, двусторонние отношения отдельно рассматриваемых государств также представляются весьма нелинейными и подверженными влиянию разнообразных внешних и внутренних факторов. Российско-белорусское сотрудничество, помимо экономических составляющих, имеет в основе своей прочный исторический, культурный, социальный фундамент, поэтому отношения двух стран кажутся многим исследователям по-настоящему уникальными и перспективными. Российский и белорусский социумы действительно имеют множество точек соприкосновения, главной из которых, на мой взгляд, на данный момент является схожесть внутри- и внешнеполитических обстановок, отсюда такой неподдельный интерес к исследованию путей дальнейшего развития двух обществ в современном мире.

Целью данной работы является выявление основных закономерностей в двусторонних отношениях России и Беларуси, роли и влияния тех или иных факторов на это сотрудничество. Для достижения цели предполагается проведение анализа динамики сотрудничества в 2018–2020 гг. и выдвижение предположений о векторах дальнейшего развития двусторонних отношений.

В работе использовались такие общие методы исследования, как анализ двусторонних отношений на разных этапах, синтез — на основе проанализированных этапов были сделаны выводы о дальнейших векторах сотрудничества. Также были использованы историко-генетический метод для обзора отношений в историческом контексте, историко-системный — для выявления причинно-следственных связей.

Сотрудничество в период с 2018 по 2020 гг.

Приступая к описанию данного временного отрезка, хотелось бы предоставить сравнительные данные социологических исследований. По опросам, проведенным «Белорусской аналитической мастерской» (BAW) в январе 2018 г., 60,4% респондентов высту-

пали за углубление российско-белорусской интеграции, 22,4% опрошенных — за объединение с Евросоюзом [1]. Видно, что более половины населения РБ в тот момент поддерживало идею более тесного союза с Россией.

В 2018 г. в России состоялись президентские выборы, на которых победил В. В. Путин, после этого (а также после чрезвычайно непопулярной пенсионной реформы) его совокупный политический рейтинг значительно снизился впервые после т.н. крымского консенсуса. На этом фоне обозначилась необходимость решительного действия, способного улучшить сложившуюся ситуацию. В этот период снова активно обсуждаются перспективы российско-белорусской интеграции.

19 июня 2018 г. состоялось заседание Высшего Госсовета СГ в Минске, по итогам которого была объявлена заинтересованность в развитии двусторонних отношений, принят ряд «приоритетных направлений развития» [2] до 2022 г. Несмотря на довольно дружественную риторику о сотрудничестве, белорусский президент достаточно резко выразился относительно России уже в августе, сказав, что «россияне ведут себя варварски по отношению к нам <...> Они от нас требуют чего-то, как будто мы вассалы у них» [3]. Подобные высказывания продолжились и на осеннем Форуме регионов, прошедшем в октябре в Могилеве, где еще раз обозначилось российское желание более тесной и глубокой интеграции, в то время как белорусская сторона осторожно подчеркивала приоритет сохранения суверенитета. Уже на данном этапе можно констатировать очередное обострение двусторонних отношений, и дальше уровень напряженности только усиливался. 14 декабря А. Лукашенко объявил, что Москва хочет присоединить Белоруссию под предлогом «глубокой интеграции» [4], такое заявление было вызвано анонсированным ранее предполагающимся российским налоговым маневром относительно обнуления экспортных пошлин на нефть и, безусловно, спровоцировало ухудшение российско-белорусских отношений как на высоком уровне, так и на уровне общественного мнения. Например, по данным соцопросов, проведенных в нескольких областях РБ, большинство белорусов негативно отнеслись к вхождению своей страны в состав РФ [5]. 25 декабря состоялась инициированная президентом

Беларуси встреча с Путиным, на которой в ходе рассмотрения сложившейся ситуации выдвигались и взаимные претензии о нарушении или невыполнении союзного договора и более поздних соглашений. Таким образом, в 2018 г. можно зафиксировать очередной кризис в российско-белорусских отношениях, во многом вызванный противоречием в интересах двух сторон. Хотелось бы также отметить, что взаимодействие в рамках Союзного государства хотя и упоминается практически в каждом двустороннем заявлении, однако является не чем иным, как тесным сотрудничеством в определенных сферах и отраслях, по крайней мере на данном этапе.

В феврале 2019 г. в Сочи состоялись переговоры двух лидеров, где обсуждался налоговый маневр РФ, однако на этот раз А. Г. Лукашенко сменил прежнюю «агрессивную тактику выбивания компенсаций» [6]. Тем не менее, финансовый конфликт не урегулировался, а скорее заморозился, по крайней мере российской стороной, ведь уже в марте Лукашенко вернулся к прошлогодней риторике, активно отстаивая суверенитет своей страны [7]. Общая напряженность в отношениях на фоне налогового маневра сохранялась, она выражалась, например, в весьма агрессивном обращении белорусской стороны по отношению к российскому послу. В частности, МИД Беларуси сравнил представителя России М. Бабича с «подающим надежды бухгалтером», его обвинили в неспособности отличить «независимое государство от российского федерального округа» [8]. Даже из этих словосочетаний, на наш взгляд, можно уловить достаточно негативное отношение к углублению интеграции с РФ, а именно — некое опасение поглощения Москвой.

Осенью 2019 г. стали известны положения проекта «Программы действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений договора о создании Союзного государства» [9], предполагающего частичное объединение экономических систем России и Беларуси начиная с января 2021 г. Данный документ планировался как план экономического «поглощения» белорусской экономики российской, также шла речь об объединении таможенной и энергетической политики. Однако каких-либо конкретных договоренностей о едином бюджете СГ в проекте не содержалось, как не было в нем и положений касательно единой валюты. Уже

к ноябрю стороны согласовали больше половины «дорожных карт» [10], которые должны сопровождать «Программу действий». Эти дополняющие документы посвящены налоговому и бухгалтерскому взаимодействию, сотрудничеству в промышленной и сельскохозяйственной сферах, тем не менее, по целому ряду пунктов эксперты так и не смогли договориться. На президентских встречах в декабре эти ключевые вопросы так и не были разрешены [11].

Описывая двустороннее политическое сотрудничество, мы не можем обойти и экономическую сторону отношений. На основании анализа РБК мы бы хотели проиллюстрировать связь экономик России и Беларуси. Во-первых, если учитывать инвестиции напрямую из РФ, то в период с 2014 по 2019 гг. таковых было осуществлено на сумму в 3,777 млрд долл., а на 1 января 2020 г. 25% активов банковского сектора республики приходилось на банки с российским капиталом. Во-вторых, Российская Федерация — главный и основной кредитор Республики Беларусь: на март 2020 г. на российские кредиты приходилось около 48% внешнего долга страны (7,92 млрд долл.). В-третьих, РФ — крупнейший торговый партнер для Беларуси, за первые 9 месяцев 2021 г. товарооборот составил 27,34 млрд долл. (на 39,57% выше, чем за тот же период 2020 г.); Россия является первым партнером по импорту (50,4% к общему объему РБ) и экспорту (45,1% к общему объему РБ). В-четвертых, уже упоминавшийся нефтегазовый вопрос, связанный с ценой на поставляемые Россией энергоносители: например, в 2018 г. средняя цена экспорта нефти в Беларусь составляла 51 долл./баррель, в то время как средняя цена на мировом рынке была 69,8 долл./барр., в 2020 г. для РБ нефть стоила 26,6 долл./барр., на рынке — 39,7 долл./барр. [12]. Нетрудно предположить, сколько российский бюджет недополучает от таких скидок и субсидий, отсюда и разговоры Москвы о корректировке нефтегазовых отношений с Беларусью.

Подводя промежуточный итог, мы можем предположить, что отношения Минска и Москвы определенно вышли на некий новый уровень, где российская сторона хотя и нуждается в белорусской по многим аспектам (в основном геополитическим, но присутствуют и некоторые внутренние мотивы), но эта потребность не настолько велика, чтобы идти на чрезмерные уступки.

Лукашенко же в свою очередь, по-видимому, руководствуясь личными основаниями сохранения власти, повышает для Москвы цену своей лояльности, параллельно отстаивая белорусский суверенитет.

Вектор развития отношений с 2020 г.

Как известно, в кризисные моменты процессы ускоряются и становятся лакмусовой бумажкой предыдущих событий и явлений. 2020 год, на наш взгляд, можно считать таким индикатором. Так, в начале года граждане двух государств имели достаточно различающиеся настроения. Популярность интеграции среди населения Республики Беларусь стабильно снижалась и, по данным ВАУ, в феврале за союз с РФ выступили 40,4% опрошенных, с ЕС — 32%. Среди российского населения 67% респондентов в той или иной форме поддерживали сотрудничество с РБ [13], причем россияне воспринимали Беларусь как образцовую страну с ориентиром на общество и сильной властью [14].

Говоря о нерешенной нефтегазовой проблеме, важно понимать ее глубокое значение и в вопросе интеграции, и во внутриполитическом российском контексте. Многие эксперты небезосновательно считали усиление интеграции (вплоть до физического объединения) одним из вариантов решения так называемой проблемы 2024 г. Здесь речь шла о создании новой политической единицы, требующей, соответственно, «нового», а главное — одного лидера, роль которого отводилась бы В. В. Путину. Однако Кремль в этом вопросе сделал ставку на иной вариант — изменение Конституции, таким образом, идея о построении настоящего СГ, выдвинутая еще в 2018 г., перестаёт быть интересной для российской политической элиты. При этом по экономическим вопросам Москва занимает весьма твердую позицию, так как эти положения касаются жизненно важной нефтегазовой сферы. С другой стороны, для руководства Беларуси главной причиной углубления интеграции является низкая цена на российские нефть и газ; страна ведёт переговоры, принимая во внимание российскую неуступчивость, в условиях снижения необходимости построения фундамента для дальнейших возможных политических действий. Исходя

из этих реалий, Лукашенко также не видит смысла в интеграции, если необходимые ему уступки в ценообразовании невозможны. В этом и заключается современный кризис Союзного государства.

К данной ситуации добавляется испытание в виде пандемии COVID-19, которое тоже в негативном ключе повлияло на российско-белорусские отношения. Выразилось это ухудшение, например, в проблеме закрытых границ, что повлекло за собой целую информационную войну между двумя странами [15]. На наш взгляд, то, как Союзное государство проявило себя на начальном этапе пандемии, является чрезвычайно показательным и олицетворяет неспособность сторон выстраивать по-настоящему интеграционные отношения по типу ЕС, к чему так часто призывает, например, президент Беларуси. Эта ситуация в какой-то степени катализировала затянувшийся нефтегазовый спор и явила неготовность обеих систем к текущим внешне- и внутривнутриполитическим вызовам.

Мы не можем обойти стороной президентские выборы в Беларуси в 2020 году, приведшие к острому политическому кризису. Массовые шествия после оглашения результатов голосования явно не ожидалось ни Лукашенко, ни уж тем более Москвой. Сложилась достаточно шаткая ситуация, так как, при всех сложностях отношений с официальным Минском, Лукашенко все-таки является союзником и играет для России важную роль в геополитическом аспекте и на западном, и на восточном направлениях. Поэтому с уходом Лукашенко может не просто измениться вектор внешней и внутренней политики РБ, но есть вероятность возникновения новых внешних опасностей для России (например, в случае разворота Беларуси к Западу). Эти опасения вполне обоснованы: у оппозиции были достаточно четкие национально-освободительные призывы [16], касающиеся как свободы внутри страны, так и ее независимости от внешних акторов. В этой связи довольно логична поддержка Кремлем Лукашенко. Таким образом, можно сказать, что события августа 2020 г. предопределили развитие внешней политики Беларуси: теперь возможность сотрудничества с Евросоюзом кажется туманной как никогда.

Нам кажется, что эти выборы можно в какой-то степени считать «точкой подъема» российско-белорусских отношений на нескольких уровнях. С одной стороны, мы имеем в виду еще большую

реабилитацию идеи Союзного государства и плотной интеграции на государственном, официальном уровне — между президентами, правительствами, провластными СМИ и т.д. С другой стороны, нам кажется немаловажным уровень взаимной общественной поддержки народных движений как в одной, так и в другой стране. К примеру, во время массовых протестных акций в Беларуси множество российских общественных деятелей (актеры, музыканты, журналисты и др.) освещали эти события, всячески выказывая сочувствие и поддержку белорусам; на следующий день после объявления итогов выборов и с началом протестных маршей оппозиционный лозунг-тег «Жыве Беларусь» вошел в топ русскоязычного «Твиттера» [17], во время акций в поддержку Сергея Фургала в Хабаровске некоторые вышли с плакатами «Жыве Беларусь!» [18]. Со стороны белорусских протестующих тоже была проявлена поддержка, выразившаяся, например, в скандировании «Хабаровск, мы с тобой!» на одном из мероприятий августа. Хотя, согласно исследованию «Левада-центра», в этот период 25% опрошенных россиян относились к протестующим положительно и 39% — отрицательно; при этом действия представителей органов правопорядка больше трети респондентов (35%) охарактеризовали как «бесчеловечные». Эти данные, на наш взгляд, также характеризуют поддержку действий белорусов и сочувствие им со стороны достаточно большого процента россиян.

Как уже отмечалось ранее, именно после августовских событий двустороннее взаимодействие поднялось на следующую ступень — это, на наш взгляд, ярко демонстрируют события и явления в российско-белорусских отношениях в 2021 г. В феврале на съезде Всебелорусского народного собрания (ВНС) Лукашенко подтвердил кризисное внутривнутриполитическое состояние и подчеркнул стратегическую роль Москвы. Самым важным аспектом, освещенным на ВНС, стало заявление об изменениях в Конституции РБ, которые Кремль активно поддерживал и продвигал последние полгода. Реформа Конституции, какой хотела видеть ее Россия, предполагала бы внесение изменений в полномочия президента республики, следовательно, для российской стороны это облегчало бы возможность диалога по многим ключевым экономическим и интеграционным вопросам, таким образом, Москва бы медленно

выходила из-под зависимости от Лукашенко. Сам же президент Беларуси добровольно на такие значительные уступки в виде разделения полномочий пойти не захочет, поэтому российская сторона готова «платить» за них — речь идет о кредитах, предоставляемых Беларуси: согласно советующим решениям, принятым еще осенью 2020 г., РФ направит в РБ в общей сложности 1,5 млрд долл. в течение 2020–2021 гг. [19]. В конце февраля 2021 г. в Сочи и 22 апреля 2021 г. в Москве состоялись переговоры Путина и Лукашенко, где в том числе поднимался вопрос о дорожных картах, которые не удалось подписать в полном объеме в декабре 2019 г.

Через месяц после возвращения к идее плотной интеграции с Россией белорусское руководство, по всей видимости, на практике решилось подтвердить свой уход от диалога с Европой. После задержания одного из координаторов белорусских протестов 2020 г. Романа Протасевича Европейский союз ввел против Беларуси ряд санкций, также страны Европы приостановили авиасообщение с РБ. Таким образом, А. Г. Лукашенко, предположительно окончательно лишил Минск возможности диалога с Западом, тем не менее, полагать, что в этом случае Беларусь в полной мере совершила поворот к России, ошибочно. Очевидно, за прошедший год Лукашенко осознал свое кризисное положение и постарался силовыми путями закрепить внутривнутриполитическую ситуацию (хотелось бы обратить внимание на интервью А. Г. Лукашенко русской службе ВВС от 22 ноября 2021 г. [20]), посыл таким образом сигнал во внешний мир о своей решимости и о векторе новой белорусской политики в отношении любого иностранного вмешательства в ее внутренние дела.

Общественное ожидание, ставшее объектом воздействия со стороны ангажированных источников в последние месяцы, в сентябре оправдалось: состоялась встреча президентов, на которой были окончательно согласованы дорожные карты, превратившиеся теперь в 28 союзных программ. Россия и Беларусь смогли прийти к компромиссу по спорным вопросам, что подтверждает высказанный нами тезис об изменении позиции Лукашенко. Опираясь на экспертное мнение специалистов [21], можно заключить следующее: эти документы на деле являются очередными констатациями поддержки Лукашенко со стороны России. Во-первых,

они рассчитаны на 2-3 года, а для их реализации необходимо составление еще большего числа подзаконных актов, во-вторых, внутривнутриполитическая ситуация в Беларуси за год «стабилизировалась» сверхсиловыми методами (репрессиями, блокировками любого оппозиционного, в том числе пророссийского, мнения), то есть Лукашенко сейчас не нуждается в той поддержке, которая требовалась ему еще полгода назад, в-третьих, возможность ухода Беларуси на Запад больше не находится на повестке дня (что подтвердили ситуация с самолетом Ryanair в мае и миграционный кризис на границе с Польшей в ноябре 2021 г.), а вместе с этим снизилась и тревожность Москвы по этому поводу, следовательно, и необходимость тесной интеграции, предохраняющей от западного продвижения, также уменьшилась. Все это подтверждает, что программы не имеют значительного влияния на углубление двустороннего сотрудничества, а носят вполне формальный характер, имея главной целью, в большей степени, насыщение информационной повестки.

Выводы

Таким образом, следует отметить, что в последнее время, а именно с августа 2020 г., российско-белорусские отношения подверглись некоторым изменениям. Взаимодействие двух стран в основном развивается в русле изменения внутренних факторов, в частности, индивидуального положения каждого из руководителей двух государств. Исходя из необходимости сохранения настоящего положения, они вынуждены искать новые возможности для этого, и Союзное государство, как нам представляется, отлично вписывается в повестку. Тем не менее, с учетом политических факторов, нельзя не заметить, что кажущееся «потепление» имеет экономическую основу. В целом же двусторонние отношения похожи на «американские горки», где за высоким подъемом следует крутой спуск, а вся поездка сопровождается громкими заявлениями, начиная от особо активной защиты суверенитета в периоды спада и заканчивая обменом дружественных заявлений в самых высоких точках.

Библиография

1. Социологи зафиксировали у белорусов падение популярности союза с Россией // РБК. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e3ad1429a794740b8d1ecf4> — 19.04.2022.
2. Заявления для прессы по итогам заседания Высшего Госсовета Союзного государства // Президент России. 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57813> — 18.04.2022.
3. Лукашенко обвинил россиян в варварском отношении к Беларуси // Sputnik Беларусь. 2018. URL: <https://sputnik.by/20180810/lukashenko-obvinil-rossiyan-varvarskom-otnoshenii-belarusi-1037033282.html> — 18.04.2022.
4. Лукашенко заподозрил Россию в стремлении присоединить Белоруссию // РБК. 2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/12/2018/5c13aa219a794759837b27bf> — 18.04.2022.
5. Белорусы высказались о присоединении к России // lenta.ru. 2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/12/23/belorussia/> — 18.04.2022.
6. «Водка и закуска»: с чем Лукашенко приехал в Россию // Газета. Ru. 2019. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/02/13/12181207.shtml> — 18.04.2022.
7. Встреча с представителями общественности и экспертного сообщества, белорусских и зарубежных СМИ «Большой разговор с Президентом» // Президент Республики Беларусь. 2019. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predstaviteljami-obschestvennosti-i-ekspertnogo-soobshchestva-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-20590> — 18.04.2022.
8. Шрайбман А. Обострение после чая. Почему Минск шумно разругался с российским послом // Московский центр Карнеги. 2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78609> — 18.04.2022.
9. Бутрин Д. Дружба налогов // Коммерсантъ. 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4094365> — 18.04.2022.
10. Соловьев В. Судьба Союзного государства поставлена на карты // Коммерсантъ. 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4154335> — 19.04.2022.
11. Мизин Д. Нефть и интеграция: о чем договорились Путин и Лукашенко // Газета. Ru. 2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/12/20_a_12876128.shtml?updated — 18.04.2022.
12. Как связаны экономики Белоруссии и России. Что важно знать // РБК. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2020/5f3bcfd09a7947dbc3afb76b> — 19.04.2022.
13. Почти четверть россиян поддержали объединение с Белоруссией // РБК. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/01/2020/5e2eda4a9a79473c98eeb8d0> — 19.04.2022.

14. Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен — 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения // Московский центр Карнеги. 2019. URL: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273> — 19.04.2022.
15. Шрайбман А. Куда коронавирус ведет отношения Минска и Москвы // Московский центр Карнеги. 2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81595> — 19.04.2022.
16. Баунов А. Внутренняя геополитика. Белорусский протест и российский транзит // Московский центр Карнеги. 2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/82606> — 19.04.2022.
17. Лейзаренко Д. #ЖывеБеларусь: в соцсетях массово поддерживают протестующих и намекают на проведение аналогичных акций в России // TJ. 2020. URL: <https://tjournal.ru/internet/196586-zhyvebelarus-v-socsetyah-massovo-podderzhivayut-protestuyushchih-i-namekayut-na-provedenie-analogichnyh-akciy-v-rossii> — 15.02.2022.
18. В Хабаровске шестую субботу подряд люди вышли на акцию в поддержку Сергея Фургала. Появились лозунги «Жыве Беларусь!» и призывы к забастовке // Meduza. 2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/08/15/v-habarovske-shestuyu-subbotu-podryad-proshla-aktsiya-v-podderzhku-sergeya-furgala-poyavilis-lozungi-zhyve-belarus-i-prizvyv-k-zabastovke> — 15.02.2022.
19. Качев И., Старостина Ю. Минфин раскрыл детали финансовой помощи Белоруссии // РБК. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/09/2020/5f6232f09a7947874bf31a8e> — 19.04.2022.
20. «Вырежем всех мерзавцев, которых вы финансировали»: полная расшифровка интервью Александра Лукашенко Би-би-си // BBC News. Русская Служба. 2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-59323131> — 18.02.2022.
21. Баунов А., Мошес А., Саморуков М. Беженцы и дорожные карты. Лукашенко между Европой и Россией // Московский центр Карнеги. 2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85768> — 19.04.2022.

Смирнов Егор Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Особенности реализации международных связей республик в составе РФ в период пандемии COVID-19

Features of the Practice of Paradiplomacy of the Republics within the Russian Federation during the COVID-19 Pandemic

Аннотация. Работа посвящена определению особенностей реализации российскими республиками своих внешних связей в период пандемии COVID-19. Целью исследования было раскрыть, какие задачи решает их парадипломатия. Период пандемии был выбран, так как из-за коронавирусных ограничений сохранились только самые важные внешние связи, что позволяет определить настоящие цели парадипломатии. В работе проанализировано, посредством каких профильных ведомств российские республики ведут парадипломатию и какие конкретные международные мероприятия в период COVID-19 проводились. Сделан вывод, что в ряде российских республик модель парадипломатии полностью подчинена интересам центра. В результате анализа внешних связей республик они были поделены на четыре группы по направленности своей парадипломатической активности.

Ключевые слова: парадипломатия, международные связи российских республик, парадипломатия в период COVID-19, российское законодательство о парадипломатии, протодипломатия.

Abstract. The work is devoted to the derivation of the features of the implementation by the Russian republics of their external relations during the COVID-19 pandemic. The purpose of the study was to reveal what tasks their paradiplomacy solves. The pandemic period was chosen because that only the most important external relations were preserved due to coronavirus restrictions, which made it possible to reveal the real goals of paradiplomacy. The paper analyzes through which relevant departments the Russian republics conduct paradiplomacy and what specific international events were held during the COVID-19 period. It is concluded

that in a number of Russian republics the model of paradiplomacy is completely subordinated to the interests of the center. As a result of the analysis of the external relations of the republics, they were divided into 4 groups according to the direction of their paradiplomatic activity.

Keywords: paradiplomacy, international relations of the Russian republics, paradiplomacy in the period of COVID-19, Russian legislation on paradiplomacy, protodiplomacy.

Введение в законодательство и теорию российской парадипломатии

Настоящее исследование посвящено определению особенностей реализации российскими республиками международных связей в период пандемии COVID-19. В соответствии с Конституцией РФ в состав Российской Федерации входят 22 республики. Парадипломатия отнесена к совместному ведению центра и регионов, и возможности ее осуществления ограничены законодательством. В настоящем исследовании выделяется республика как особый вид субъекта федерации в России для проведения общего анализа международных связей республик в период пандемии (с марта 2020 г. по декабрь 2021 г.) и ставится вопрос, на решение каких задач направлена парадипломатия российских республик.

Выбор именно российских республик для проведения кейс-анализа представляет исследовательский интерес в контексте того, что существует мнение, что российские республики осуществляют особенные внешние связи по сравнению с другими субъектами. Ряд российских исследователей, среди которых Р. Гиматдинов, И. Насыров, Э. Садыкова и Ю. Акимов, в своих работах представляют точку зрения, что фактически политика регионов, особенно республик, в международных отношениях является продолжением внешней политики всей страны и может быть даже условно подчинена ей, что является отходом от политики протодипломатии российских республик в 1990-е гг., которая была направлена на достижение большей автономии от центра. Проблемы протодипломатии 1990-х гг. Ю. Г. Акимов связывает именно с неспособностью центра на первом этапе выработать и предложить работоспособные механизмы согласования интересов [1].

Приводя в пример развитие внешних связей Республики Татарстан, группа исследователей пытается показать существование на настоящем этапе в сравнении с 1990-ми гг. прямой взаимосвязи между приоритетами внешней политики России и тем, по каким именно направлениям свои внешние связи развивает Республика Татарстан [2]. Ю. Г. Акимов в своей статье использует понятие «ауксилиарная парадипломатия», чтобы рассмотреть парадипломатию как средство реализации целей внешней политики государства [3]. В этой связи необходимо выполнить кейс-анализ мероприятий и событий, которые проводились российскими республиками в сфере парадипломатии в период пандемии, чтобы систематизировать цели развития международных связей республиками и подтвердить или опровергнуть тезис о подчинении этих целей интересам внешней политики.

Период пандемии был выбран как точка отсчета при рассмотрении практической деятельности республик в сфере парадипломатии, чтобы сократить объем данных для анализа. Кроме того, исследование построено на гипотезе, что коронавирусные ограничения существенно повлияли на возможности проведения совместных мероприятий с зарубежными партнерами, поэтому власти республик могли отдавать приоритет только самым важным направлениям работы, что позволит сделать вывод о настоящих целях проводимой парадипломатии.

Под парадипломатией следует понимать международное неполитическое взаимодействие национальных административных территориальных единиц разных стран с целью совместной реализации своих интересов. В этой связи можно сказать, что неполитическая парадипломатия противостоит политической «протодипломатии», о которой писали Р. Гиматдинов, И. Насыров и Э. Садыкова [2]. В нашем исследовании предполагается, что в России именно опасность развития протодипломатии в форме «идентификационной парадипломатии» в 1990-е гг. обусловила формирование современной российской модели парадипломатии с внешнеполитическим контекстом, в рамках которой существуют ограничения осуществления внешних связей субъектами федерации [4].

Российское федеральное законодательство достаточно четко регулирует вопросы, связанные с осуществлением российскими

субъектами парадипломатических связей. Помимо упомянутой Конституции РФ, тремя основными нормативно-правовыми актами в сфере парадипломатии субъектов являются: Федеральный закон № 4 от 4 января 1999 г. «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» [5], Федеральный закон № 164 от 8 декабря 2003 г. «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [6] и Указ Президента РФ № 1478 от 8 ноября 2011 г. «О координирующей роли МИД РФ в проведении единой внешнеполитической линии РФ» [7]. По разным направлениям двумя ответственными за координацию парадипломатии федеральными ведомствами являются МИД РФ и Минэкономразвития РФ.

Согласно российскому законодательству, субъекты федерации не могут участвовать в осуществлении «внешней политики», так как это сфера исключительной ответственности национальной центральной власти. С другой стороны, в парадипломатию российских субъектов вносится внешнеполитический контекст, так как свои официальные контакты с иностранными субъектами они вынуждены согласовывать с федеральными органами власти. Это доказывает, что изучать парадипломатию невозможно в отрыве от сопоставления ее целей с задачами внешней политики [8]. Чтобы обойти существующие рамки, власти субъектов нередко прибегают к более гибким формам сотрудничества. Например, вместо официальных представительств открываются культурно-деловые центры или назначаются представители на общественных началах (что не требует согласования), а соглашения носят характер деклараций о намерениях. Тем не менее, следует понимать, что российские республики не могут осуществлять самостоятельную внешнюю политику.

Ответственные за парадипломатию ведомства в российских республиках

Задачей исследования также было ответить на вопрос, как власти российских республик распределяют полномочия внутри своих структур, то есть какие ведомства несут ответственность за осуществление парадипломатии, чтобы понимать, чьи источ-

ники анализировать. Изучены официальные интернет-страницы исполнительных органов республик и опубликованные там документы. 17 из 22 регионов относят парадипломатию к компетенции местных экономических ведомств, поскольку международные связи субъектов касаются в первую очередь вопросов экономического сотрудничества. Более того, именно Минэкономразвития РФ является исполнительным федеральным органом, ответственным за взаимодействие с субъектами РФ относительно заключения и соблюдения соглашений о сотрудничестве с иностранными партнерами (на основании Указа Президента РФ № 424 от 19 августа 2015 г.). Как следствие, региональные власти не выделяют специальный орган для осуществления внешних связей, а копируют структуру федеральных органов.

Самым распространенным вариантом наименования является «Министерство экономического развития» (7 республик). При этом словосочетание «экономическое развитие» с дополнениями используется еще в пяти республиках. Кроме того, несколько российских республик объединяют любые экономические и внешнеэкономические вопросы в единое ведомство — Министерство экономики (Бурятия, Удмуртия). Дагестан, Мордовия и Татарстан относят вопрос парадипломатии к промышленным и торговым ведомствам. В ряде республик внешние связи выносятся в отдельный орган власти: Башкортостан (Министерство внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности), Ингушетия (Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации), Республика Саха (Министерство по внешним связям и делам народов), Тыва (Министерство по внешнеэкономическим связям и туризму), Чечня (Министерство по национальной политике, внешним связям, печати и информации). В Калмыкии нет ответственного профильного ведомства, и функция координации деятельности органов власти в сфере парадипломатии отведена лично председателю Правительства республики [9].

Особым образом модель парадипломатии организована в Крыму, Чечне и Чувашии. В Чувашии выделяется отдельный орган, который находится уровнем ниже министерств и координирует внешнеэкономические связи — Сектор развития внешних связей [10]. В Крыму и в Чечне существуют сразу два органа,

которые официально ответственны за осуществление международных связей. В Чечне эта обязанность разделена между двумя министерствами (Министерство экономического, территориального развития и торговли, а также второе министерство, упомянутое в предыдущем абзаце). Первое министерство занимается общей координацией работы органов власти республики в сфере внешних связей и поддержкой малого и среднего бизнеса в области международных связей, второе министерство ответственно за разработку проектов соглашения с иностранными субъектами и обеспечение международного представительства республики [11, 12]. В Крыму особыми полномочиями, помимо Министерства экономического развития, обладает Совет министров республики. Именно Совет министров заключает соглашения и представляет интересы республики за рубежом, а министерство занимает подчиненное положение [13, 14].

Таким образом, в российских республиках реализована разная институциональная модель осуществления внешних связей, однако следует заметить, что большинство регионов не выделяют парадипломатию в особую сферу деятельности. Кроме того, большинство регионов фактически вводят парадипломатию в компетенцию ведомств, которые ответственны за экономическое развитие региона и, соответственно, имеют постоянное взаимодействие с Минэкономразвития РФ, то есть на институциональном уровне подчиняют парадипломатию политике центра.

Кейс-анализ внешних связей республик в период пандемии COVID-19

Коронавирусные ограничения существенно повлияли на возможности властей регионов поддерживать контакты со своими зарубежными партнерами. Основная доля парадипломатических мероприятий регионов ввиду законодательных ограничений представляет из себя либо «обмен информацией» (реклама партнера, культурные мероприятия о партнере), либо «обмен телами» (делегации, школьные обмены и пр.). В условиях же пандемии мероприятия, подразумевающие личный контакт представителей двух регионов, были перенесены или переведены в онлайн-формат.

В этой связи анализ парадипломатических мероприятий в период пандемии (с марта 2020 г. по декабрь 2021 г.) позволяет увидеть, какие мероприятия сохранились в очном режиме или с какими зарубежными партнерами общение сохранилось даже дистанционно, что позволяет сделать вывод о значимости тех или иных направлений и о целях парадипломатии субъекта.

В работе были проанализированы официальные интернет-порталы республик, а также сайт МИД РФ, если информация о международной деятельности на портале субъекта отсутствовала. Власти республик по-разному отображают информацию о своей международной деятельности на официальных порталах: в разделе новости; в специальном разделе с внешнеэкономической статистикой; в форме текстовых документов или таблиц. В ходе поиска возникли и различные технические сложности.

В результате проведенного анализа российские республики были разделены на четыре группы по целям парадипломатии:

1. Модель поддержки экспорта с опорой на федеральные инициативы (Адыгея, Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Крым и Чечня);
2. Модель опоры на культурные традиции в осуществлении международных связей (Карелия, Северная Осетия и Тыва);
3. Модель диверсифицированного развития связей и повышения имиджа (Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан и Хакасия);
4. Практически полное отсутствие внешних связей или проведение нескольких символических мероприятий за рассматриваемый период (Алтай, Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Коми, Якутия, Удмуртия и Чувашия).

Первая группа («Подчинение инициативам центра») была составлена по тому принципу, что власти данных республик концентрируют свое внимание на увеличении уровня экспорта, развитии внешнеэкономических связей с иностранными регионами и на поощрении участия местных экономических субъектов в различных внешнеэкономических программах и конкурсах, которые инициируются центром. Таким образом, республики из данной группы ве-

дут «ауксилиарную парадипломатию». Словами-маркерами были нацпроект «Международная кооперация и экспорт», организация «Российский центр экспортеров» и программа «Мой экспорт». В ряде этих субъектов были образованы специальные Центры поддержки экспорта (Адыгея, Бурятия, Кабардино-Балкария). В случае с Адыгеей и Бурятией большинство мероприятий в сфере внешних связей относятся именно к различным просветительским событиям [15, 16, 17]. В Крыму был учрежден специальный региональный проект «Системные меры развития международной кооперации и экспорта» для реализации национального проекта [13, 14].

Вторая группа («Культурное единение») была составлена по тому принципу, что в проведении парадипломатических мероприятий делается акцент на какой-либо одной стране, с регионами которой проводится большинство мероприятий. Такие проекты объясняются существованием в каждом случае тесных культурных связей: Карелии с Финляндией; Северной Осетии с Ираном; Тувы с Монголией. Финляндия является не только главным торговым партнером Карелии за рассматриваемый период, но и главным объектом культурного обмена. Например, в Петрозаводске и Сортавале был проведен форум «Приграничное культурное сотрудничество на Европейском Севере» с финскими гостями [18]. Северная Осетия проводила мероприятия в Иранском культурном центре Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова и участвовала в праздничных мероприятиях по случаю годовщины победы Исламской революции в Иране [19]. Руководитель Республики Тыва неоднократно встречался с Генеральным консулом Монголии в г. Кызыле, и местные власти поощряют культурное сотрудничество с Монголией [20].

Третья группа («Международная повестка») была составлена по тому принципу, что внешние связи этих республик отличаются различными мероприятиями и даже крупными международными событиями, которые проводятся на их площадках, и какого-то основного международного партнера у них выбрать нельзя. Можно предположить, что такая парадипломатия нацелена именно на улучшение имиджа республики в международной повестке, что представляет собой форму «идентификационной

парадипломатии». Башкортостан и Татарстан развивают сеть своих официальных представительств за рубежом, принимают большое количество зарубежных делегаций [21, 22]. В Казани прошел XII Международный экономический саммит «Россия — Исламский мир: KazanSummit 2021», однако нельзя сказать, что власти Татарстана нацелены на развитие связей только с мусульманскими государствами, также проводились мероприятия с участием представителей Венгрии, ЮАР, Германии.

Хакасия может похвастаться проведением пяти международных форумов с участием иностранных делегаций: VII Международная научная конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», Международная дистанционная научно-практическая конференция «Родной язык и глобальные компетенции», XI Международная научно-практическая конференция «Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования», XI Международный эколого-этнический фестиваль театров кукол «Чир Чайаан», XI Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири, Северного Китая». Кроме того, за рассматриваемый период республику посетили дипломаты и консулы Узбекистана, Молдовы, Республики Корея, Польши и Монголии [23].

Саранск принял Международный фестиваль энергосбережения в рамках российского председательствования в БРИКС. Кроме того, 11 иностранных делегаций посетили Мордовию только за 2020 г., и в июле того же года состоялось рабочее совещание межправительственной комиссии Венгрии и Мордовии по межрегиональному сотрудничеству [24]. Йошкар-Ола приняла Международный фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул» в сентябре 2020 г., а Марийский научно-исследовательский институт поддерживает контакты с научными центрами Австрии, Венгрии, Германии, Финляндии и Эстонии. Одновременно Марий Эл развивает сотрудничество с Туркменистаном, Узбекистаном и Беларусью, представители которых посетили республику в 2021 г. [25].

К четвертой группе были отнесены российские республики, которые фактически не осуществляли парадипломатические связи

с иностранными субъектами в условиях карантинных ограничений. Делегация Ингушетии провела один выезд в Стамбул [26], Чувашию посетили делегации из Вьетнама и Германии в 2020 г. [10], а Удмуртия ограничилась онлайн-встречей с немецким бизнесом в августе 2020 г. [27]. Якутия провела международный «Северный форум по устойчивому развитию» в сентябре 2020 г. [28]. Информацию о парадипломатических мероприятиях других республик, которые могли быть проведены с марта 2020 г. по декабрь 2021 г., найти не удалось.

В результате проведенного анализа был сделан вывод, что в большинстве случаев ввиду коронавирусных ограничений власти регионов делали акцент на официальных и экономических контактах с зарубежными партнерами. Лишь несколько субъектов поощряли культурный и научный обмен между гражданскими обществами своего региона и региона-партнера. Здесь следует выделить всю вторую группу, а также Хакасию и Марий Эл. Таким образом, в период пандемии власти республик сосредоточились на поддержании официальных контактов и поощрении торгового сотрудничества, включая адресные программы поддержки экспорта. Однако предполагается, что взаимодействие «снизу» делает связи регионов «сверху» более сильными, а не наоборот. Можно также предположить, что слабая активность регионов из четвертой группы объясняется как раз ограничительными мерами, однако при этом в двух регионах есть профильные парадипломатические ведомства.

Таким образом, тремя основными целями парадипломатии российских республик являются: интенсификация культурного и экономического сотрудничества, а также улучшение имиджа республики в международной повестке. Хотя власти республик действуют в рамках заданных центральными властями экономических проектов, они занимаются продвижением продукции именно своего региона на международный рынок. Однако в период пандемии самой многочисленной проанализированной группой стала группа республик, приостановивших парадипломатические связи, что говорит о формальном характере такого сотрудничества для этих республик.

Библиография

1. Акимов Ю. Г. Международная деятельность субъектов и внешняя политика Российской Федерации в конце XX — начале XXI века // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов Всероссийской научной конференции, приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны / Отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара: Самар. гуманитар. академия, 2014. С. 3–9.
2. Гиматдинов Р. Участие регионов в реализации внешней политики Российской Федерации / Р. Гиматдинов, И. Насыров, Э. Садыкова // Международная жизнь. 2019. Август. С. 12–26.
3. Акимов Ю. Г. Ауксилиарная парадипломатия: использование внешних связей субнациональных единиц для решения национальных внешнеполитических задач (прошлое и настоящее) // Сборник материалов IX Всероссийской научной конференции «Внешнеполитические интересы России: история и современность» / Отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара: Общество с ограниченной ответственностью «САМАРАМА», 2021. С. 66–72.
4. Акимов Ю. Г. Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности // Управленческое консультирование. 2016. № 2. С. 25–33.
5. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 04.01.1999 № 4-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21476/ — 19.04.2022.
6. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 22.12.2020). URL: https://economy.kbr.ru/upload/medialibrary/00b/164_fz2003.pdf — 19.04.2022.
7. О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации: Указ Президента РФ № 1478 от 8 ноября 2011 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/34205> — 19.04.2022.
8. Акимов Ю. Г. Правовые аспекты взаимодействия внешней политики федеративных государств и парадипломатии субъектов федераций // Материалы международной научной конференции «Гражданский мир — гражданская война: осмысление и прогнозы» / Под редакцией В. М. Доброштан. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 7–11.
9. Калмыкия. Правительство Республики Калмыкия. Распределение обязанностей. URL: <http://www.kalmregion.ru/organy-vlasti/raspredelenie-obyazanostey/> — 19.04.2022.

10. Чувашия. Сектор развития внешних связей Министерства экономического развития и имущественных отношений. URL: <https://mines.cap.ru/about/structure> — 19.04.2022.
11. Чечня. Министерство экономического, территориального развития и торговли. URL: <https://economy-chr.ru/o-ministerstve> — 19.04.2022.
12. Чечня. Департамент национальной политики и внешних связей Министерства по национальной политике, внешним связям, печати и информации. URL: <https://minnacinform-chr.ru/ministerstvo/departaments/departament-natsionalnoy-politiki-i-vneshnikh-svyazey/> — 19.04.2022.
13. Крым. Полномочия Совета министров Республики Крым. URL: <https://rk.gov.ru/ru/structure/34> — 19.04.2022.
14. Крым. Положение о Министерстве экономического развития Республики Крым. URL: <https://minek.rk.gov.ru/ru/document/show/869> — 19.04.2022.
15. Адыгeya. Сведения о полномочиях исполнительного органа. URL: <http://www.adygheya.ru/ministers/departments/ministerstvo-ekonomicheskogo-razvitiya-i-torgovli/obshchaya/svedeniya-o-polnomochiyakh-ispolnitelnogo-organa/> — 19.04.2022.
16. Бурятия. Министерство экономики Республики Бурятия. URL: https://egov-buryatia.ru/minec/about_authority/general_information/ — 19.04.2022.
17. Кабардино-Балкария. Международные и внешнеэкономические связи. URL: <https://economy.kbr.ru/activity/mezhdunarodnye-i-vneshneekonomicheskie-svyazi/> — 19.04.2022.
18. Карелия. Министерство экономического развития и промышленности. URL: <https://economy.gov.karelia.ru/> — 19.04.2022.
19. Северная Осетия — Алания. Полномочия. URL: <http://economy.alania.gov.ru/index.php/about/powers> — 19.04.2022.
20. Тыва. Министерство по внешнеэкономическим связям и туризму Республики Тыва. URL: <https://aves.rtyva.ru/topic/123/> — 19.04.2022.
21. Башкортостан. Министерство внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан. URL: <https://foreign.bashkortostan.ru/> — 19.04.2022.
22. Татарстан. Министерство промышленности и торговли. Краткое описание функций и реквизитов министерства. URL: https://mpt.tatarstan.ru/kratko_ministerstvo — 19.04.2022.
23. Хакасия. Министерство экономического развития. Положение. URL: <https://r-19.ru/authorities/ministry-of-economy-of-the-republic-of-khakkassia/common/1193/2284.html> — 19.04.2022.
24. Мордовия. Министерство экономики, торговли и предпринимательства. Функции и полномочия. URL: <https://www.e-mordovia.ru/>

-
- gosudarstvennaya-vlast-rm/ministerstva-i-vedomstva/mineco/funksii-i-polnomochiya/ — 19.04.2022.
25. Марий Эл. Министерство промышленности, экономического развития и торговли. URL: <http://mari-el.gov.ru/mecon/Pages/about.aspx> — 19.04.2022.
 26. Ингушетия. Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации. URL: <https://minnacri.ru/> — 19.04.2022.
 27. Удмуртия. Министерство экономики. URL: <http://www.udmurt.ru/about/ministry/ministry/economic.php> — 19.04.2022.
 28. Якутия. Министерство по внешним связям и делам народов. Полномочия. URL: <https://mvsgn.sakha.gov.ru/obisp/polnomochijaaa> — 19.04.2022.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН»

Анисимов Алексей Андреевич

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки
Бакалавриат*

Российско-монгольское акционерное общество «Улан-Баторская железная дорога» как часть экономического коридора Китай — Монголия — Россия: перспективы и противоречия развития

Russian-Mongolian Joint-Stock Company “Ulaanbaatar
Railways” as Part of the Economic Corridor China —
Mongolia — Russia: Prospects and Contradictions of
Development

Аннотация. В представленной статье проводится анализ фактического развития железнодорожных путей сообщения Монголии за последнее десятилетие и проектов в контексте реализации программы экономического коридора Китай — Монголия — Россия. С целью обозначить причины несостоятельности осуществления программы экономического коридора автор сравнивает основные проекты программы по развитию железнодорожной инфраструктуры и их реальное воплощение. Автор приходит к выводу, что именно ограничение инвестиционной вовлеченности Китая в сфере железнодорожного строительства Монголии и неясная позиция России по отношению к реализации ряда проектов приводят к фактическому отсутствию трехстороннего взаимодействия при реализации соответствующей программы.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Китай, экономический коридор, железнодорожный коридор, Улан-Баторская железная дорога.

Abstract. The present article provides an analysis of the actual development of Mongolian railways over the past decade and the declared projects in the context of the implementation of the China — Mongolia — Russia economic corridor program. In order to identify the reasons for the failure of the current implementation of the economic corridor program, the author compares the main projects of the railway infrastructure development program and their actual implementation. Author's survey shows that the limitation of China's investment involvement in the field of railway construction in Mongolia and the unclear position of Russia in relation to the implementation of projects lead to the virtual absence of trilateral cooperation in the implementation of the corresponding program.

Keywords: Mongolia, Russia, China, economic corridor, railway corridor, Ulaanbaatar railways.

Введение

Россия, Монголия и Китай на протяжении нескольких столетий объединены торгово-экономическими и социально-культурными связями. Великий чайный путь, являясь одним из самых известных трансконтинентальных маршрутов в XVIII–XIX вв., проходил через Китай, Монголию и Россию, объединяя тем самым Европу и Восточную Азию. В предшествующее десятилетие именно данная логистическая артерия, связывающая три государства, стала рассматриваться в качестве центрального транспортного коридора в рамках реализации северного ответвления китайского проекта «Один пояс — один путь» под названием экономического коридора «Китай — Монголия — Россия». В связи с этим определялись возможности дальнейшего выхода на более широкое поле сотрудничества между странами.

Целью данной работы является рассмотрение процесса осуществления «Программы экономического коридора Китай — Монголия — Россия» в контексте развития железнодорожных путей сообщения на территории Монголии, которое определялось в качестве ее ключевой составляющей. Таким образом, современный этап модернизации Трансмонгольской магистрали как глав-

ной сухопутной и единственной на сегодняшний день железнодорожной артерии, соединяющей три государства на протяжении практически 70 лет, будет представлен в контексте оформления обозначенной ниже концепции трехстороннего сотрудничества.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть и проанализировать проекты «Программы экономического коридора Китай — Монголия — Россия», посвященные развитию железнодорожной инфраструктуры Монголии.
2. Определить правовые основы современного железнодорожного строительства в Монголии и выявить роль акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога».
3. Провести анализ ключевых проектов «Программы экономического коридора Китай — Монголия — Россия» в контексте обеспечения их фактической реализации.
4. Выявить противоречия, ограничивающие реализацию программы, на примере работ по созданию проекта Северного коридора.

Экономический коридор Россия — Монголия — Китай в исторической ретроспективе

Рассмотрение современного определения экономического коридора Россия — Монголия — Китай предполагает, прежде всего, выявление исторических тенденций, способствовавших формированию вектора торгово-экономического взаимодействия и логистической связи в регионе. Так, для определения и формулирования географического и социально-экономического содержания феномена экономического коридора Россия — Монголия — Китай, которое будет использоваться в данной работе, были проанализированы ключевые аспекты исторического развития, представленные как в фундаментальных трудах отечественных и зарубежных историков-востоковедов, так и в непосредственных источниках — международно-правовых документах на региональном уровне.

Трансконтинентальный маршрут, который определил генеральное направление международной торговли в Северо-

Восточной Азии на протяжении XVIII–XIX вв., восходит к заключению Нерчинского мирного договора между Российским государством и Цинской империей 7 сентября 1689 г. [1, р. 57]. Впоследствии Кяхтинский договор от 21 октября 1727 г. более детально зафиксировал объемы и основное направление караванной торговли между двумя державами через территорию Внешней Монголии, входившей в состав империи Цин, и открытие первых пунктов беспошлинной торговли на границе. Кяхтинский договор оставался правовой основой торгового взаимодействия России и империи Цин вплоть до середины XIX века.

Заключение Айгунского договора 1958 г. и Пекинского договора 1860 г. существенно изменило торговую логистику в регионе, переместив центр российско-китайского торгового взаимодействия [1, р. 58]. Тем не менее, степной путь через Монголию, который получил название Чайного пути, продолжал оставаться осью русско-монгольской торговли и экономической экспансии России в Монголии.

Объявление независимости Монголии в 1911 г. и Кяхтинский договор 1915 г., определивший автономный статус Внешней Монголии в составе Китайской Республики, придали имевшемуся караванному пути особую геополитическую значимость. Именно в этот период появляются первые проекты строительства железнодорожной колеи до монгольской столицы как продолжение планируемой в качестве ответвления Транссиба Кяхтинской железной дороги [2, р. 22–50].

Тем не менее строительство Трансмонгольской магистрали в действительности осуществляется только в послевоенный период силами МВД СССР. Строительство занимает чуть менее 10 лет, с 1947 по 1956 гг. [2, р. 159]. Данная железнодорожная магистраль на момент строительства имела огромное геополитическое значение, во многом превышавшее экономический потенциал. Для управления и эксплуатации железнодорожной магистрали, получившей название «Дорога дружбы», создается совместное советско-монгольское акционерное общество «Улан-Баторская железная дорога» (АО «УБЖД»), которое и на сегодняшний день осуществляет управление железнодорожной сетью Монголии

и сохраняет равное долевое участие российской и монгольской стороны.

С момента введения в эксплуатацию Трансмонгольской магистрали железнодорожная сеть Монгольской народной республики перестает активно расширяться. Тем не менее, осуществляется модернизация Трансмонгольской магистрали и строительство новых участков, соединявших ее с крупными промышленными центрами страны (например, Эрдэнэт).

В современной Монголии начиная с 1990-х гг. активно растет экономическая значимость существующей железнодорожной магистрали, которая определяет основные направления растущего импорта в Китай и экспорта из России. Тем не менее транзитный потенциал существующего железнодорожного пути явился ключевым фактором, запустившим активную деятельность по разработке новых и модернизации старых железнодорожных сетей.

Проект экономического коридора Китай — Монголия — Россия — катализатор экономической активности в сфере железнодорожного строительства?

В сентябре 2013 г. Китай представил концепцию создания Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Эта концепция заставила многие страны на всем евразийском пространстве по-новому взглянуть на возможности кооперации. В этом контексте широко обсуждались и вызовы для России, вошедшей в активную фазу формирования Евразийского экономического сотрудничества. На фоне активного продвижения китайской концепции ЭПШП летом 2014 г. Монголия представила концепцию «Степного пути», направленную на организацию на территории страны целого комплекса коммуникационных линий [3].

Номинально главный замысел монгольской инициативы «Степной путь» состоял в том, чтобы путем активного участия Монголии в широкомасштабном сотрудничестве между Россией и Китаем создать в стране современную транспортную, энергетическую и другую инфраструктуру. Однако фактическая реализация проекта столкнулась с серьезными препятствиями, что проявилось в затягивании его реализации.

Тем не менее, 9 июля 2015 г., с учетом сопряжения строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, а также инициативы «Степной путь», руководствуясь принципами равноправия и взаимной выгоды, в г. Уфе разработали настоящую программу создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия [4]. Летом 2016 г. на полях саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в присутствии глав трех государств была подписана «Программа создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия».

Согласно программе, целями создания Экономического коридора являются обеспечение условий для развития и расширения трехстороннего сотрудничества между Китайской Народной Республикой, Монголией и Российской Федерацией путем реализации совместных проектов, нацеленных на увеличение торгового оборота, обеспечение конкурентоспособности продукции, облегчение трансграничных перевозок, развитие инфраструктуры [5]. Отдельно отмечено, что перспективой Экономического коридора является создание и укрепление пространства совместного взаимовыгодного экономического развития, реализующего потенциал и преимущества каждой из сторон, способствующего их процветанию и укреплению совместной конкурентоспособности на мировом рынке.

Программой устанавливаются соответствующие направления взаимодействия, первым из которых обозначено содействие взаимосвязанному развитию транспортной инфраструктуры [6, р. 2]. Данное направление имеет соответствующие уточнения: среди них – развитие железнодорожного и автомобильного транзитного потенциала сторон, включая модернизацию существующих и строительство новых железных и автомобильных дорог.

Отдельной составляющей программы является перечень проектов, подразделенных на соответствующие отраслевые блоки. Так, среди 13 проектов данной программы, посвященных развитию транспортной системы, первые 7 определяют планы развития (и создания) транзитных железнодорожных путей сообщения. Расположение железнодорожных проектов естественно определяет их приоритетность и ключевое значение для обеспечения

системы сухопутного экономического коридора. Соответственно, следует рассмотреть те из представленных проектов, которые должны были определить развитие железнодорожной сети Монголии [6, р. 9–10].

Первый проект включает в себя комплексную модернизацию и развитие Центрального железнодорожного коридора. Собственно Центральным и единственным железнодорожным коридором является представленная выше Трансмонгольская магистраль. Определение Центрального коридора данная магистраль получила в контексте планирования новых масштабных железнодорожных линий, проходящих через территорию Монголии. Планирование этих новых участков восходит еще к планам 1980-х гг. Соответственно, с этого периода продолжает разрабатываться концепция новых железнодорожных коридоров. Впервые официально она оформляется в правительственной программе 2010 г., тем не менее, не находит своей реализации. Как результат, в 2015 г. при составлении проектов программ развития железнодорожной инфраструктуры последующие проекты со 2 по 6 представляют разработки линий, спланированных ранее. То есть в данном аспекте программа не подразумевает качественно новых проектов коридоров, а опирается на изначальные планы монгольской стороны.

Все эти пункты содержат формулировку «изучить и при экономической обоснованности начать реализацию проекта». Это указывает на то, что фактически их планирование и экономическое обоснование ранее не выходило за рамки формальных деклараций. Соответственно, в первую очередь обозначается необходимость изучить экономическую обоснованность, а само начало строительства переходит в разряд условной модальности, подразумеваясь, но не обеспечиваясь в рамках проекта. Тем не менее в программе представлен широкий перечень железнодорожных коридоров, проходящих через территорию Монголии с обозначенным продолжением на территории России и Китая. Так, программа вводит Северный, Западный и Восточный железнодорожные коридоры, а также реализацию расширения железнодорожных проектов «Туманганского транспортного коридора» («Приморье-2») и «Приморье-1» [7].

Правовое регулирование железнодорожного строительства в Монголии

Для управления и эксплуатации созданных в Монголии железнодорожных путей 6 июня 1949 г. было создано акционерное общество «Улан-Баторская железная дорога» на основе соглашения между правительствами СССР и Монгольской Народной Республики с распределением долей в уставном капитале 51% на 49% акций соответственно. Структура, основные принципы работы акционерного общества отражены в соглашении об учреждении (27 июля 1949 г.), уставе и учредительном акте (19 сентября 1949 г.) акционерного общества [8, р. 122]. Эти документы контролировали деятельность акционерного общества в социалистический период, когда фактически вся экономическая система Монголии была ориентирована на СССР. Меняется лишь распределение долей, так, согласно соответствующему протоколу от 8 апреля 1953 г., советская и монгольская доли уравниваются (по 50% акций каждому), и с этого момента акционерное общество становится действительно советско-монгольским. Режим распределения долей остается неизменным по настоящее время.

В настоящее время АО «УБЖД» является единственной железнодорожной компанией в Монголии, общая эксплуатационная длина которой составляет 1815 км (из них 1111 км — непосредственно Трансмонгольская магистраль). До 2008 г. строительство и эксплуатация новых железных дорог в Монголии находились в ведении АО «УБЖД» [8, р. 128]. После создания новой государственной компании «Монголын төмөр зам» («Монгольские железные дороги») в 2008 г. к ней перешли компетенции строительства и управления всеми новыми железными дорогами страны. В 2009 г. президент РФ Дмитрий Медведев утвердил предложение правительства РФ о передаче в доверительное управление ОАО «Российские железные дороги» находящихся в федеральной собственности 50% акций российско-монгольского АО «УБЖД», обозначив это в указе № 965 от 22 августа того же года [9]. Впоследствии срок доверительного управления продлевался согласно указам президента РФ № 447 от 4 сентября 2015 г. и № 592 от 9 декабря 2019 г. [10]. Таким образом, к 2010-м гг. качественно меняется структура

владения железной дорогой: от государственных структур акции переходят в руки государственных корпораций.

Постановлением № 32 от 24 июня 2010 г. Великий государственный хурал (высший законодательный орган Монголии, далее — ВГХ) утвердил «Государственную политику в области железнодорожного транспорта» с целью создания интегрированной железнодорожной сети [11]. Постановлением Правительства Монголии № 121 от 3 ноября 2012 г. Монгольской железной дороге предоставлена лицензия на строительство первой и второй очереди железнодорожной инфраструктуры из списка, изложенного в «Государственной политике в области железнодорожного транспорта». Однако из-за финансовых затруднений, вызванных экономическим спадом в стране начиная с 2015 г., подготовка к строительным работам на всех направлениях была приостановлена.

Принятие программы экономического коридора в 2016 г. было призвано прежде всего возобновить разработку проектов монгольской государственной политики в области железнодорожного транспорта с опорой на транзитный потенциал. Таким образом, осуществление проектов растягивалось на период до 2020 г. [12].

Проект Северного коридора как отражение противоречий

Нами были рассмотрены железнодорожные проекты программы экономического коридора Китай — Монголия — Россия и основы регулирования железнодорожного строительства непосредственно на территории Монголии. Принимая во внимание явное противоречие положений программы фактическим принципам их реализации, следует выявить основные причины заморозки большинства проектов, которые с 2010 г. входили в «Государственную политику в области железнодорожного транспорта». Примечательно, что АО «УБЖД» при этом не рассматривается в качестве потенциального исполнителя данной программы. Инициатива полностью возлагается на Монгольские железные дороги и возможное участие ОАО «РЖД» в целом не подразумевается. С целью обозначить главные противоречия в процессе реализации программы экономического коридора, опираясь на рас-

смотренный выше материал, следует рассмотреть воплощение этих противоречий при работе над проектом Северного коридора.

Проект железнодорожной линии, в перспективе соединяющей ответвление Трансмонгольской магистрали в Эрдэнэт (второй по численности населения город Монголии) и Транссибирскую магистраль через участок пути, ведущий в Кызыл (столица Республики Тыва), входил в план развития железнодорожной сети Монголии на период 1981–2000 гг. Тем не менее впоследствии этот проект не был отражен в постановлении ВГХ № 32 от 24 июня 2010 г., уступив место Восточному коридору и развитию транспортной сети на юге страны. Во многом это может быть связано с переориентацией монгольской экономики на китайские рынки и ростом разработки южных месторождений страны [13].

Впрочем, в постановлении ВГХ № 64 от 24 октября 2014 г. вновь обозначается проект строительства линии Эрдэнэт — Арц-Сурь, более того, ВГХ поручает правительству Монголии организовать и обеспечить строительство данного пути наряду с другими [14]. Как результат, в 2015 г. план строительства соответствующей линии включается уже в программу экономического коридора Китай — Монголия — Россия и получает наименование «Северный коридор». Хотя срок выполнения большинства проектов в железнодорожной инфраструктуре не обозначен в программе экономического коридора, монгольской стороной рассматривался период с 2016 по 2020 гг.

Особенность реализации проекта Северного коридора заключается в том, что она в меньшей степени опирается на трехстороннее сотрудничество, обозначенное в программе экономического коридора. Так, австралийская компания *Aspire Mining Limited*, которая занимается разведкой коксующегося угля, сооружением и эксплуатацией соответствующей инфраструктуры в Монголии (в частности, угольным месторождением Овоот на северо-западе Монголии), в 2015 г. [15, с. 83] достигла соглашения с Государственным инвестиционным агентством Монголии о заключении концессионного договора сроком на 30 лет, согласно которому компания *Northern Railways LLC* (дочерняя структура *Aspire*, далее — *NR*) обязывалась вести строительство и эксплуатацию железнодорожной линии Эрдэнэт — Овоот (составная часть планируемой линии Эрдэнэт — Арц-Сурь) в Северной Монголии длиной 548 км.

Документ предусматривал прежде всего подготовку технико-экономического обоснования (ТЭО) для обеспечения финансирования проекта. Согласно этому NR назначила инженерной компанией железнодорожного проекта дочернюю компанию Строительной корпорации китайских железных дорог (China Railway Construction Corporation) China Railway First Survey and Design Institute Group. Первый этап подготовки ТЭО проекта был завершен в январе 2017 г. Результаты исследования подтвердили целесообразность проекта, стоимость которого оценивается в 1,25 млрд долл. В соответствии с условиями подписанного соглашения China Gezhouba Group International Ltd завершила работу над подготовкой второго и заключительного этапа ТЭО в марте 2018 года. Со своей стороны, NR рассмотрела возможность привлечения China Gezhouba Group International Ltd и China Railway Construction Corporation к последующим работам по проектированию и строительству. В том же 2018 г. NR заключила соглашение с российским проектным институтом «Мосгипротранс» о совместной подготовке предварительной экономической оценки для следующего участка Северного маршрута [15, р. 84]. Этот путь должен был проходить от Овоот до Арц-Сурь на российской границе и затем идти в российский город Кызыл. Примечательно, что ОАО «РЖД» не принимало непосредственного участия в формировании данного проекта.

Активная работа по подготовке строительных работ останавливается в 2019 г., а затем ВГХ издает постановление № 57 от 15 мая 2020 г., которое фактически аннулирует постановление № 64 от 24 октября 2014 г. [16]. Это означает, что строительство не только замораживается, но и удаляется из приоритетных планов экономического развития на неопределенный срок [17], как раз в тот момент, когда полностью готова предварительная экономическая оценка всех участков Северного коридора.

Выводы

Рассмотрение основных положений программы экономического коридора Китай — Монголия — Россия и выявление влияния основных принципов регулирования железнодорожного

строительства в Монголии на реализацию соответствующих проектов позволяет нам выделить ограничения, приведшие к заморозке и фактической отмене ряда важных логистических и инфраструктурных проектов на территории Монголии. Анализ работы над конкретным проектом Северного коридора, в свою очередь, отражает практическую сторону проблематики развития данного экономического коридора в целом. Исходя из оценки соответствующих действий главных инициаторов воплощения программы экономического коридора в сфере железнодорожного строительства, можно утверждать, что отсутствие организованности равноправного трехстороннего взаимодействия Китая, Монголии и России, обусловленного историческим развитием транспортной системы современной Монголии, является определяющим ограничением, блокирующим ее своевременную реализацию. В частности, пассивность АО «РЖД», обладающего максимальными инвестиционными возможностями и наиболее прочными позициями в Монголии, способствует торможению большинства потенциальных проектов. Координация совместных действий главных инвесторов в инфраструктуру Монголии способна коренным образом изменить ситуацию.

Библиография

1. *Бадарев Д. Д., Ван И. Д.* Монгольский коридор как ревитализация великого чайного пути: возможности развития сотрудничества России, Монголии и Китая // *Власть*. 2018. № 9. С. 56–62.
2. *Улан-Баторская железная дорога (начало XX в. — 1957 г.): документы и материалы / науч. ред.: Л. В. Курас, Н. Хишигт.* Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010.
3. *Бадарев Д. Д., Винокурова А. В., Литвинова Т. Н.* Создание экономических коридоров «Китай — Монголия — Россия» как альтернатива «Шелковому пути» // *Ойкумена*. 2017. № 2. С. 7–17.
4. *Борисов Г. О., Дондоков З. Б.-Д., Намжилова В. О.* Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: режим ожидания // *ЭКО*. 2017. № 5. С. 98–106.
5. *Булатова Н. Н., Алексеев А. В., Тихонова П. В.* К вопросу формирования экономического коридора «Россия — Монголия — Китай» // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2017. Вып. 4. С. 33–40.

6. Программа создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия. Ташкент, 2016.
7. *Грайворонский В. В.* Китайский мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии // Восточная аналитика. 2018. № 3. С. 49–59.
8. *Грайворонский В. В.* Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества // Восточная аналитика. 2011. № 2. С. 123–130.
9. О передаче в доверительное управление открытому акционерному обществу «Российские железные дороги» находящихся в федеральной собственности акций Советско-Монгольского акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога»: Указ Президента РФ от 22 августа 2009 г. № 965.
10. О продлении срока действия договора доверительного управления находящимися в федеральной собственности акциями Советско-Монгольского акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога»: Указ Президента РФ от 4 сентября 2015 г. № 447.
11. Монгол Улсын Их Хурлын Тогтоол Дугаар 32 2010 оны 06 сарын 24 өдөр, Улсын Их Хурал, Улаанбаатар хот, 2010 он.
12. Улаанбаатар хотыг 2020 он хүртэл хөгжүүлэх ерөнхий төлөвлөгөөний тодотгол, 2030 он хүртэл хөгжлийн чиг хандлага. Улаанбаатар хотын өнөөгийн байдлын судалгаа, дүгнэлт / I Боть Улаанбаатар хот, 2013 он.
13. *Монхбаяр М.* Состояние горнорудной промышленности Монголии: проблемы и перспективы развития // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2012. № 2-1. С. 13–18.
14. Монгол Улсын Их Хурлын Тогтоол Дугаар 64 2014 оны 10 сарын 24 өдөр, Улсын Их Хурал, Улаанбаатар хот, 2014 он.
15. *Пале С. Е.* Тува как связующее звено в железнодорожном коридоре Россия — Китай — Монголия // Восточная аналитика. 2018. № 3. С. 82–85.
16. Монгол Улсын Их Хурлын Тогтоол Дугаар 57 2020 оны 05 сарын 15 өдөр, Улсын Их Хурал, Улаанбаатар хот, 2020 он.
17. Монгол улсын хөгжлийн 2022 оны төлөвлөгөө. Монгол улсын эдийн засгийн газар. Улаанбаатар хот, 2021 он.

Дроздова Анна Дмитриевна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,*

Бакалавриат

Влияние традиций дипломатического этикета на современную российско-китайскую переговорную практику

Influence of Traditions of Diplomatic Etiquette on Modern Russian-Chinese Negotiation Practice

Аннотация. В данной статье автор стремится выяснить степень влияния традиций дипломатического этикета на современную российско-китайскую переговорную практику. Автор выдвигает гипотезу, что знание тонкостей китайского дипломатического этикета в значительной степени способствует эффективности переговорного процесса. В Китае, как ни в какой другой стране, дипломатический этикет имеет особые черты, на которые российским дипломатам и политикам важно обращать внимание при ведении переговоров, сопоставляя их с особенностями собственного менталитета. Автор проследил этапы развития протокола в России и Китае с XVII века до настоящего времени. В результате исследования, помимо определения роли этикетного фактора в российско-китайской переговорной практике, автор делает выводы касательно различий в этикетах двух государств, которые обусловлены историческим развитием и ментальными установками.

Ключевые слова: дипломатический этикет, культурные особенности, «китаецентризм», конфуцианские догмы, русское гостеприимство.

Abstract. This article aims at finding out the degree of influence of the traditions of diplomatic etiquette on modern Russian-Chinese negotiation practice. The author hypothesizes that knowledge of the subtleties of Chinese diplomatic etiquette greatly contributes to the effectiveness of the negotiation process. In China, more than in any other country, diplomatic etiquette has specific features that it is important for Russian diplomats and politicians to pay attention to when negotiating, to compare them with the peculiarities of their own mentality. The author traced the stages of development of the

protocol in Russia and China, identified differences and patterns. As a result of the study, in addition to determining the role of the etiquette factor in Russian-Chinese negotiation practice, the author draws conclusions about the differences in the labels of the two states, which are due to historical development and mental attitudes.

Keywords: diplomatic etiquette, cultural peculiarities, “Chinese-centrism”, Confucian dogmas, Russian hospitality.

Введение

В настоящее время во внешней политике России в связи с ухудшением отношений с западными государствами просматривается ее поворот на Восток. В первую очередь Российская Федерация стремится к поддержанию дружественных отношений с ее ближайшим соседом на Дальнем Востоке — Китайской Народной Республикой, экономика которой занимает второе место на планете. Возрастающие политические, торгово-экономические, научно-технические контакты в рамках развивающегося стратегического партнерства двух стран способствуют интенсификации дипломатических контактов и переговоров по выработке различных соглашений. В этой связи дипломатический этикет играет важную роль в установлении и развитии межгосударственных отношений. Дипломаты должны согласовывать свои действия с общественным мнением как внутри своей страны, так и в стране пребывания. Поэтому важно учитывать традиции и культуру той страны, куда приезжает дипломат, что особенно важно при ведении переговоров. Соответственно, исследование китайского дипломатического этикета, определение роли этикетного фактора в отношениях между двумя ведущими державами XXI века — Россией и Китаем — представляется крайне актуальной темой.

Изучение китайского дипломатического этикета крайне важно в современных условиях, поскольку известно, что китайские переговорщики — очень трудные партнеры. Поэтому российским дипломатам важно использовать знания традиций китайского дипломатического этикета. Таким образом, новизна данной исследовательской темы очевидна, но в российских исследованиях в области международных отношений она недостаточно изучена, поэтому важно уделить этому аспекту внешней политики РФ осо-

бое внимание. Для углубленного изучения данной темы автор использовал работы китайских ученых, которые до этого не переводились на русский язык.

Целью данного исследования является выяснение степени влияния традиций дипломатического этикета на современную российско-китайскую переговорную практику. Автор выдвигает гипотезу, что знание тонкостей китайского дипломатического этикета в значительной степени способствует эффективности переговорного процесса. В Китае как ни в какой другой стране дипломатический этикет обладает специфическими чертами, на которые российским дипломатам и политикам важно обращать внимание при ведении переговоров, сопоставлять их с особенностями своего собственного менталитета.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Последовательно рассмотреть этапы российско-китайских отношений с момента их возникновения до наших дней с учетом влияния на них дипломатического этикета
2. Выявить особенности дипломатического этикета России и Китая на современном этапе.
3. Сопоставить черты китайского и российского дипломатического церемониала.

Методология исследования основывалась на сравнительном подходе. Был использован кросс-национальный и кросс-темпоральный анализ исторических материалов, связанных с дипломатическим этикетом Китая и России в разные эпохи, включая современность. Используя метод исторической ретроспекции, автор проследил этапы развития протокола в обеих странах, выявил различия и закономерности. Рассуждения автора подкреплены примерами, доказывающими важность учета культурного фактора в отношениях между Россией и Китаем.

Источниковой базой исследования стали мемуары китайских и российских дипломатов, библиографической основой — научные труды российских и китайских ученых.

Практическое значение данной работы заключается в том, что собранный и проанализированный материал по традициям китайского дипломатического этикета может быть использован

как рекомендательный для российских работников дипломатической службы при проведении переговоров с китайскими коллегами.

Влияние дипломатического этикета на развитие российско-китайских отношений с XVII века

Проследим развитие русско-китайских отношений с учетом влияния на них дипломатического церемониала.

Первые дипломатические контакты произошли в 1618 году во время посольства Ивана Петлина. Петлин стал первым российским представителем в Китае, прибыв туда северным путем через Монголию. В случае с посольством Петлина стало проблемой то, что китайские придворные не знали, как его представить императору Чжу Ицзюню, так как Петлин не принес дань. В итоге ему дали грамоту и разрешение на приезд торгового каравана. Данный документ получил в России название «китайская грамота» [1].

Идея о превосходстве цивилизации «Срединного государства» над всем миром наложила особый отпечаток на китайскую дипломатию. Практика отношений между Китаем и «варварами четырех сторон» окончательно сложилась в классическую «данническую систему вассалитета». Главной частью дипломатического протокола была церемония «коутоу», что в переводе на русский означает «три раза встать на колени и девять раз совершить земной поклон», причем иногда даже не перед самим императором, а перед табличкой с его именем. Тот, кто исполнял эти поклоны и другие процедуры, тем самым признавал себя и свое государство «данником» китайского монарха. Отказывавшиеся исполнять эти процедуры иностранные представители не принимались при дворе, и их миссии в Китае, как правило, оказывались безрезультатными [2]. Так, первая официальная посольская миссия России в Китае под руководством Ф. И. Байкова в 1656 году окончилась неудачей именно потому, что Байков отказался отдать присланные с ним грамоту царя Алексея Михайловича и подарки кому-либо, кроме императора, и выполнить обряд «коутоу». В дальнейшем российские послы стали выполнять китайский протокольный церемониал и принимались императором [3].

Ярким примером, демонстрирующим важность этикетного фактора в официальных контактах между российской и китайской сторонами, является миссия Эверта Избрандта Идеса, купца, датчанина по происхождению. Он был отправлен Петром I в Китай для выяснения отношения китайского двора к Нерчинскому договору с Россией (1689). Обе стороны две недели определялись с церемонией вручения подарков и русского текста договора императору Китая. В итоге русскому посланцу по прибытии в императорский дворец было предложено положить текст договора на стол, покрытый желтым атласом. Подарки, привезенные Идесом, были поставлены на другие столы. Потом китайский чиновник взял договор русской стороны в руки и поднял высоко над головой, а затем передал его императору Канси. Однако в тексте договора титул китайского императора стоял после титула русского императора, поэтому на следующий день чиновники Цин вернули и текст договора, и подарки русской стороне» [4]. Видно, что правила и нормы дипломатического протокола и этикета двух сторон отличаются друг от друга, что помешало проведению аудиенции. Решающим фактором стал «китаеццентризм». Впоследствии между сторонами даже проводились специальные переговоры по вопросам этикета.

Важно подчеркнуть, что проблемы этикета не исчезли и в XX веке, свидетельством чему служит история пребывания русской миссии в январе 1906 года в Урге (теперь Улан-Батор, Монголия). Как пишет китайский историк Е Байчуань, «изначально обе стороны не могли прийти к согласию по вопросу о том, кто должен первым нанести визит. В итоге глава русской миссии Головкин по своей инициативе в первую очередь посетил вана, и ван скоро нанес ответный визит, что положило начало дружественным отношениям. Однако затем князь устроил банкет для миссии. Русские гости были встречены ваном с чиновниками, одетыми в парадные одежды. К главе миссии обратились с просьбой следовать традиции: перед банкетом Головкин вместе с представителями цинского правительства должен был сделать три коленопреклонения с девятикратным челобитьем перед символом (столиком для курильницы) императора Цзяцин. Головкин отказался, объяснив свой отказ тем, что не было предварительного уведомления о такой церемонии. Он заявил, что только

перед самим императором Цзяцин сделает три коленопреклонения с девятикратным челобитьем, а здесь по русскому этикету согнет спину для того, чтобы желать императору здоровья. Обе стороны настаивали на своем мнении и в течение целого месяца вели переговоры по этому вопросу» [5]. Миссия Головкина закончилась безрезультатно. Из-за его отказа выполнять достаточно унижительную процедуру без соответствующего указания российского императора он был вынужден вернуться в Россию. Данный пример иллюстрирует важность этикета и его влияние на успех развития дипломатических отношений государств.

Стоит отметить, что идея исключительности китайской нации прослеживается в особенностях дипломатического этикета Китая в разные исторические периоды и во многом до сих пор находит отражение в дипломатическом церемониале.

В этой связи представляет интерес характеристика дипломатической практики Китайской империи, которую дал великий революционер-демократ Сунь Ятсен: «Китайский придворный и дипломатический этикет до такой степени тонок и изыскан, что достаточно видоизменения одного слога, чтобы превратить сообщение, обращенное к иностранцу, из комплимента в обиду. К этому и направлены старания во всех сношениях с иностранцами, и нужно очень основательное знание китайской литературы и культуры, чтобы быть вполне уверенным, что то или иное обращение к иностранцу не доставило китайскому дипломату высочайшее наслаждение сознать, что он оскорбил какого-нибудь высокопоставленного иноземца без ведома последнего. Этим способом китайский официал показывает в глазах окружающих свое превосходство и, наоборот, насколько ниже его стоят «чужеземные черти» — «ян гуйцзы»» [6].

С приходом к власти в России большевиков дипломатический протокол и этикет подверглись естественной «демократизации», в то же время стали ориентироваться на общемировые стандарты, хотя для советской стороны и было неприемлемо полное принятие норм, характерных для капиталистических государств.

После революции 1911 года Китай принимает международные нормы и общепринятые правила, соответствующие XX столетию. В 1961 году СССР и КНР вошли в список государств, подписавших

Венскую конвенцию о дипломатических сношениях, тем самым подтвердив тот факт, что протоколы их стран включаются во всеобщую систему международных отношений и с этого момента базируются на международных нормах права, а не на традиционных национальных особенностях. Но существенные различия в дипломатическом этикете по-прежнему остаются [7].

Сравнение особенностей дипломатического этикета КНР и РФ на современном этапе

Рассмотрим ключевые аспекты дипломатической коммуникации: приветствие, обмен подарками, модель ведения переговоров, переписку на современном этапе каждой из стран.

В рамках российского дипломатического этикета и протокола на официальной встрече при представлении принято рукопожатие. На него может рассчитывать любой от того, кому его представляют. Во время общения с группой необходимо обменяться рукопожатиями со всеми ее членами. Приветствия, принятые в российских деловых кругах по случаю прибытия представителей сотрудничающей стороны, обычно выражаются в следующих этикетных формулировках: «Мы счастливы приветствовать вас», «Сердечно желаем, чтобы этот визит был плодотворным и оставил у вас самые приятные воспоминания». Руководитель дипломатического корпуса может начать беседу с партнерами такими словами: «Мне чрезвычайно приятно приветствовать вас от имени нашей организации», «Я с радостью приветствую вас в стенах этой уважаемой организации» [8].

При знакомстве в дипломатических кругах обязателен обмен визитными карточками. В России используются двусторонние визитные карточки на русском и английском языках. Согласно гостеприимной русской традиции, во время дипломатических контактов первыми визитные карточки вручают хозяева, инициаторы встречи. При вручении визиток друг другу партнеры в России обмениваются легкими поклонами. В Китае же предпочтительным способом приветствия является поклон или кивок, хотя рукопожатие также приемлемо. В Китае человека представляют очень формально, в строгой и официально выдержанной

форме. При представлении китайцы сдержанны, не улыбаются. Для них очень важно своим поведением продемонстрировать лучшие качества китайской нации, такие как благородство, мудрость, стремление к морали и другие.

Существует несколько наиболее часто используемых китайцами формул вежливости: приветственные «认识您很高兴» («Очень рады Вас видеть»), «欢迎 您来中国» («Добро пожаловать в Китай»), выражающие благодарность партнерам за хорошо организованную встречу «你们安排得真周到 / 对您的安排 我很满意» («Вы очень хорошо все организовали / Мне очень нравится, как Вы все организовали»), выражающие пожелания «希望你们在北京期间工作顺利, 生活愉快 / 希望我们合作愉快» («Надеюсь, что в Пекине дела на работе у Вас сложатся удачно, а время Вы проведете счастливо / Надеюсь, что наше сотрудничество будет успешным»). Во время деловой беседы к партнеру принято обращаться по фамилии, также принято назвать должность. Например: 王经理 — «директор Ван», 杰明先生 — «господин Дзе Минг». В китайском языке фамилия человека в обращении всегда идет перед его титулом или должностью, в отличие от классического русского «господин Иванов». В Китае обмен визитными карточками так же, как и в России, является непременным условием налаживания дружеских отношений при ведении переговоров. Рекомендуется иметь визитные карточки, отпечатанные как на китайском, так и на английском языке. В Китае их подают и принимают двумя руками, с легким наклоном головы [9].

В нашей стране при обращении к лицам, которые имеют определенный государственный статус или дипломатическое звание, нужно назвать только их должность (к примеру, «господин премьер-министр») [10]. Китайские эксперты в области дипломатического этикета рекомендуют к должности добавить форму «阁下» («Ваше превосходительство»): «副总理阁下» («Ваше превосходительство заместитель премьер-министра») [11].

Рассмотрим еще одну немаловажную составляющую дипломатического этикета — дипломатическую переписку. В соответствии с нормами оформления реквизитов делового письма в России, в обращении к адресату сначала надо указать должность официального лица, затем его фамилию и инициалы. Реквизит

«подпись» состоит из наименования должности лица, подписывающего письмо, его личной подписи с расшифровкой («Иванов — Иванов И. А.») [12]. Отечественная дипломатическая переписка предполагает клишированные обороты с отыменными предложениями («в соответствии»), собирательные существительные («организация»), шаблонные языковые обороты («Прошу Вас»). Часто употребляется страдательный залог («Данный факт подтверждается актом № 567»). Можно согласиться с П. В. Веселовым, одним из крупнейших отечественных специалистов в области документной лингвистики, в том, что основными чертами дипломатической переписки в России являются краткость, достаточность информационного сообщения, отвечающая целям письма и характеру отношений, ясность [13].

Согласно нормам китайской дипломатической переписки, в реквизите «обращение к адресату» в письмах используются формы обращения к организации и к отдельным лицам. Обращение к получателю помещается в левом углу над текстом письма, без отступлений от поля. Оно состоит из нескольких элементов, каждый из которых пишется с новой строки и не отделяется запятой. В заключении письма употребляется «此致， 尊» — аналог русского «С уважением». Китайская дипломатическая переписка также характеризуется частым использованием устойчивых шаблонных конструкций (感谢您方 — благодарим вашу сторону, 与...合作 — сотрудничать с кем-либо). Также употребляются в данной переписке громоздкие синтаксические конструкции, в которых союзы 但是 (но), 由于 (поскольку/по причине), 所以 (поэтому), 如果 (если), 因而 (ввиду этого; следовательно) выражают сочинительные и подчинительные связи между частями сложного предложения [14].

Интересно, что определенные формулировки, характерные для дипломатического этикета в России и Китае, имеют национальную специфику. Например, в Китае при приветствии принято задать вопрос: «您吃饭了吗?» («Вы покушали?»), ставший непременным атрибутом демонстрации вежливости к партнерам. Данная традиция зародилась в XX веке в трудный для страны экономический период. На данный вопрос принято отвечать: «吃了， 谢谢!» («Кушал, спасибо!»), даже если человек голоден [15].

Стоит отметить, что китайская дипломатическая переписка по сравнению с российской кажется более яркой. Это можно объяснить чрезмерным использованием вежливых фраз, слов благодарности адресату: «我们认为与您合作是一种荣幸» («Мы считаем честью сотрудничать с Вами»).

При ведении переговоров китайская сторона стремится строго следовать нормам протокола. Глава делегации КНР встречает и провожает партнеров по переговорам либо у входа в здание, где ведутся переговоры, либо непосредственно у входа в зал переговоров. В ходе переговоров периодически подается зеленый чай [16]. По китайскому этикету, при рукопожатии или при вручении визитки более молодой по возрасту или занимающий по должностной иерархии более низкое положение должен сопровождать это поклоном, протягивая обе руки. Китайская сторона особо следит за соблюдением протокольного старшинства, что является одной из ключевых особенностей китайского дипломатического этикета, уходящей корнями в древность. На китайский дипломатический этикет очень сильно повлияли конфуцианские догмы [17]. В рамках переговорного процесса также необходимо иметь в виду, что в китайской культуре важную роль играет искусство намека, еще одна традиционная черта китайского дипломатического этикета. Если иностранная делегация не высказывает желания о проведении переговоров, то проводится лишь дипломатическая беседа. Русские переговорщики, как правило, придерживаются иной концепции: занимают «твердокаменную позицию», используя основное правило покера: не раскрывай своих карт, пока не узнаешь карт противника. Родоначальником такого подхода к переговорам в России является А. А. Громыко [18].

Для китайцев очень важно, чтобы с ними обращались вежливо, любезно, даже церемониально. При ведении переговоров с дипломатами КНР стоит избегать панибратских отношений, соблюдать дистанцию. Так, когда президент Российской Федерации В. В. Путин во время ужина лидеров стран АТЭС в 2014 году набросил плед на плечи жены председателя КНР Си Цзиньпина Пэн Лиюань, первая леди КНР негативно отнеслась к галантному для западного человека жесту и вскоре заменила плед курткой. Недоброжелательную реакцию поведение российского президента

также вызвало у китайской общественности. Различия в дипломатическом этикете двух государств могут помешать налаживанию отношений.

В Китае принято обмениваться подарками с коллегами. Дарить их принято в конце переговоров. Делая подарки китайской делегации, следует иметь в виду, что сувениры следует дарить не отдельным сотрудникам, а делегации в целом, так как для китайцев чрезвычайно важен принцип коллективизма. В этикете стран Восточной Азии общей чертой является непрменная вежливость. Члены китайской делегации никогда не примут подарок с первого раза, сначала, согласно нормам дипломатического протокола, принято дважды отказаться, и только потом принять подарок. В Китае не принято дарить острые предметы, цветы, что-либо, связанное с цифрой 4. Дарить и принимать подарки необходимо исключительно двумя руками. Цветы преподносят только лежащим в больнице или приносят их на похоронную церемонию прощания. В России считается неприемлемым дарить партнерам иконы, жемчуг, зеркала или ножи — это считается плохой приметой. По этикету при первой встрече подарки делают представители принимающей стороны — это знак гостеприимства и желания развивать отношения. Сувениры вручают упакованными, и разворачивать их тотчас необязательно (в отличие от бытовых ситуаций) [19]. Говоря о подарках, нельзя не вспомнить о панда-дипломатии, которая с древних времен вплоть до настоящего времени применялась китайскими правителями для налаживания отношений с иностранными государствами [20]. Так, передача двух панд Московскому зоопарку Си Цзиньпином в 2019 году способствовала созданию благоприятной дружественной атмосферы для ведения переговоров. Данный жест символизировал проявление уважения и доверия к России. Приведенный пример наглядно демонстрирует важность этикетного фактора в развитии взаимоотношений между государствами.

Выводы

Во-первых, было установлено, что знание церемониала и культурных традиций необходимо для успешного построения совре-

менного диалога между РФ и КНР, а порой его роль даже определяющая.

Во-вторых, автор выявил, что во многом формы и выражение деловых этикетов в России и Китае имеют сходство по своей семантике и значению, проявляющиеся в ходе дипломатических контактов. Это можно объяснить влиянием глобализации на все сферы жизнедеятельности людей в современном мире, включая дипломатию. Однако дипломатические этикеты обеих стран обладают рядом особенностей, которые необходимо учитывать при взаимодействии. Они обусловлены различиями в историческом развитии и ментальных установках. Даже вобрав в себя множество западных правил делового общения, китайский дипломатический этикет во многом по-прежнему, как и на начальном этапе своего формирования, опирается на традиционные конфуцианские этические нормы. Идея исключительности китайской нации, появившаяся в китайском самосознании со времен зарождения государственности, находит отражение и в современном дипломатическом этикете КНР. В этом контексте нельзя не упомянуть принцип коллективизма, присущий многим азиатским странам, включая Китай, который также наложил отпечаток на особенности церемониала.

В-третьих, дипломатический этикет в России в большей степени носит европейский характер, хотя в различные периоды истории страны влияние Востока на ее этикетные нормы также присутствовало (в этой связи можно вспомнить контакты России с Византией и Золотой Ордой).

В-четвертых, различия в дипломатическом этикете проявляются непосредственно в церемониале: приветствии, обращении, стиле ведения переговоров, поднесении подарков и других.

Библиография

1. Чжоу Цзяли. Развитие и изменения китайского дипломатического протокола и дипломатии Великой державы с китайской спецификой // Дипломатическое обозрение (Журнал Академии иностранных дел). 2019. № 2. С. 1–20 (周加李. 中国外交礼宾的发展变化与中国特色大国外交. // 外交评论 (外交学院学报). 2019年01月第一版. - 第1–20页).
2. Зонова Т. В. Дипломатия иностранных государств. М.: РОСПЭН, 2004. С. 182–194.

3. Ли Юньцюань. Между равенством и неравенством — спор между китайским и западным дипломатическим этикетом и трудное начало модернизации китайской дипломатии // История Цзинаня. 2009. № 1. С. 436–453 (李云泉. 平等与不平等之间——中西外交礼仪之争与中国外交近代化的艰难起步 // 暨南史学. 2009年01月第一版。- 第436 - 453页).
4. Васильев Л. С. Этикет народов Востока: нормативная традиция, ритуал, обычаи. М.: Восточная литература, 2011. С. 55–64.
5. Е Байчуань. Исследование русских миссий в Китае, 1618–1807. Пекин: Изд-во академии общественных наук Китая, 2010. С. 55–98 (叶柏川. 俄国来华使团研究: 1618 - 1807. — 北京: 社会科学文献出版社, 2010。- 第55 - 98页).
6. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М.: Наука, 1985. С. 57.
7. Венская конвенция о дипломатических сношениях. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900372> — 03.04.2022.
8. Брунков А. Ф. Дипломатический протокол в России и дипломатический этикет. М.: Интерпракс, 1993. С. 91–155.
9. 外交礼仪欢迎辞 (中文) (Приветствия в дипломатическом этикете на китайском языке). URL: <https://wk.baidu.com/view/fc7742534431b90d6c85c7b5?pcf=2#2> — 12.04.2022.
10. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1794412/ — 13.04.2022.
11. Ван Кайси. Краткое обсуждение современного китайского дипломатического этикета // Обзор иностранных дел. 2000. № 1. С. 85–91 (王开玺. 中国近代外交礼仪略论. // Foreign Affairs Review. 2000年01月第一版。- 第85 - 91页).
12. Государственный стандарт РФ ГОСТ Р 6.30-2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» (принят и введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 3 марта 2003 г. № 65-ст). URL: <http://base.garant.ru/185891/#ixzz4kAMjTOzr> — 14.04.2022.
13. Веселов П. В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. М.: Информ.-внедренч. центр «Маркетинг», 1993. С. 34–42.
14. Корец Г. Б. Китайский язык. Деловая переписка. М.: Живой язык, 2010. С. 45–61.
15. Юльметова Д. Р. Сравнение культурологических особенностей делового этикета в России и Китае // Теория и практика: совершенствование современного знания. Казань: ИП Кузьмин Сергей Владимирович, 2017. С. 285–293.

16. 驻华使馆礼宾指南。(Руководство посольств по церемониалу в КНР). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fw_673051/lb_fw_673061/lbzn_673063/t285583.shtml — 13.02.2022.
17. Конфуций. Ли Цзы. Записки о нормах поведения. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Drvnkit_fil/rametext12.htm — 12.04.2022.
18. Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. М.: Центрполиграф, 2015. С. 67–211.
19. Баулина В. Роль национального стиля в переговорном процессе (на примере стран азиатско-тихоокеанского региона) // Власть. 2008. № 11. С. 106–110.
20. 非常时期“熊猫外交” 习近平这封贺信饱含情谊 («Дипломатия панд» в экстраординарные времена. Поздравительное письмо Си Цзиньпина полно дружбы). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1670561309031225025&wfr=spider&for=pc> — 10.04.2022.

Шохина Юлия Олеговна

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений*

Бакалавриат

Развитие российско-китайских экономических отношений в XXI в. на примере товарооборота, инвестирования и сопряжения проектов ЕАЭС и ЭПШП

The Development of Russian-Chinese Economic Relations in 21st Century on the Example of Trade Turnover, Investment and Conjugation of EAEU and SREB Projects

Аннотация. В статье раскрывается экономический вектор развития взаимоотношений России и Китая с начала XXI в. на примере трех аспектов — товарооборота, инвестирования и сопряжения проектов ЕАЭС и ЭПШП. Освещаются различные инвестиционные проекты Китая на территории России, стадия их реализации. Рассматривается товарооборот России и Китая, экспортные и импортные составляющие товарооборота друг с другом. Кроме этого, оцениваются уже достигнутые результаты в области сопряжения ЕАЭС и ЭПШП и возможность полной реализации проекта.

Ключевые слова: ЕАЭС, ЭПШП, товарооборот, Инициатива «Один пояс — один путь», «Арктик СПГ-2», «Great Wall».

Abstract. The article reveals the economic vector of the development of relations between Russia and China since the beginning of the 21st century on the example of three aspects — trade turnover, investment and conjugation of the EAEU and SREB projects. Various investment projects of China on the territory of Russia, the stage of their implementation are covered. The trade turnover between Russia and China, export and import components of trade turnover with each other are considered. In addition, the results already achieved in the field of the EAEU and SREB Coupling and the possibility of the full implementation of the project are being evaluated.

Keywords: EAEU, SREB, trade turnover, “One Belt One Road” Initiative, “Arctic LNG-2”, “Great Wall”.

Актуальность

В XXI в. Россия и Китай последовательно укрепляют взаимоотношения в различных областях деятельности, определяющими среди которых являются политическая и экономическая. Китай является одним из крупнейших торговых партнеров России, высока роль его инвестиций в российской экономике, особенно в Дальневосточном регионе. Сотрудничество России и Китая развивается в атомной энергетике, нефтегазовой отрасли, металлургии, сельском хозяйстве, развитии транспортной инфраструктуры и других экономических отраслях. Это демонстрирует многовекторность сотрудничества наших стран и актуализирует написание данной статьи, в которой будут рассмотрены некоторые аспекты взаимоотношений двух государств в торгово-экономической сфере и примеры, характеризующие современные тенденции с акцентом на инвестиционную и проектную составляющие.

Научная новизна исследования состоит в том, что в статье освещены как общие экономические моменты, к примеру, товарооборот России и Китая, так и конкретная инвестиционная составляющая взаимоотношений, различные экономические и инвестиционные проекты.

Российско-китайские экономические отношения носят многовекторный характер. Хочется остановиться на таких аспектах, как сопряжение ЕАЭС и ЭПШП, инвестирование и товарооборот, которые, на наш взгляд, являются одними из значимых показателей экономических отношений.

Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП

Говоря об экономической составляющей взаимоотношений России и Китая, на наш взгляд, стоит упомянуть проект сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Недаром между двумя сторонами в 2019 году было подписано взаимовыгодное «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем» в 8 наиболее приоритетных направлениях, среди которых можно выделить торговое сотрудничество — к примеру, обеспечение взаим-

ного признания общих правил его осуществления. Среди других направлений — создание дополнительных возможностей для развития предпринимательской деятельности, поиск новых факторов обеспечения экономического роста, создание благоприятных условий для ведения бизнеса на территориях обеих стран и т.д. Обращаясь к данным статистики, можно отметить, что за первые три квартала 2020 года российский экспорт сельхозпродукции в Китай возрос на 15,8%, прямые инвестиции Китая в нефинансовый сектор России увеличились на 7,4% [1].

Заметим, что такие значительные показатели достигаются несмотря на тяжелую экономическую обстановку в период пандемии.

Можно отметить особый вклад в проект сопряжения ЕАЭС и ЭПШП созданного в рамках Инициативы «Один пояс — один путь» Азиатского банка инфраструктурных инвестиций для расширения программы финансирования различных проектов во многих странах мира. По статистике, на начало марта 2019 г. в проектный портфель банка входило 35 проектов общим объемом 7,5 млрд долл. На сегодняшний день его акционерами являются более 90 стран. КНР, РФ и Индия выступают крупнейшими региональными акционерами АБИИ [2].

Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП рассматривается лидерами России и Китая как возможность расширения сотрудничества в экономической сфере, т.к. обе державы заинтересованы в продвижении своих интересов на евразийском пространстве. Конечной целью является объединение ЕАЭС, АСЕАН и ШОС для построения Евразийского экономического пространства. Но данное потенциальное событие нельзя трактовать как оказывающее исключительно положительное влияние на его участников. Помимо выгод, например, модернизации в технологической сфере, экономического подъема в производстве продукции, создания логистической инфраструктуры, поддержания общей основы новой, полицентричной структуры международных отношений на глобальном пространстве, существует и ряд вызовов данному проекту. К примеру, несмотря на наличие обоюдных выгод, в первую очередь, для России и Китая, проблемой является вероятная конкуренция между товарами из этих государств, которая, вероятно, будет развиваться в достаточно бы-

стром темпе из-за открытия новых рынков сбыта для реализации все большего количества произведенной продукции. Кроме этого, может возникнуть проблема недостаточной индустриализации и развитости некоторых стран, участвующих в ЕАЭС, что может стать препятствием для сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

Здесь также важно подчеркнуть, что Китай и Россия рассматривают проект сопряжения не только как носящий исключительно торгово-экономический характер. Одним из приоритетных направлений в рамках целей реализации сопряжения являются обеспечение евразийской безопасности и устойчивости международной политической обстановки, учитывая тесную взаимосвязь между политическими и экономическими аспектами деятельности государств. В качестве приоритетного направления рассматривается оказание финансовой поддержки развивающимся государствам, улучшение инфраструктурной взаимосвязанности регионов и стран в целом. Балансирование между ЕАЭС и ЭПШП позволяет сохранить суверенитет и обеспечить невмешательство, в частности, финансовое, в дела центральноазиатских стран, к примеру, со стороны Китая, а также чрезмерное политическое влияние на выработку ими определенных решений. Но де-факто данный механизм сдерживания может оказаться недостаточно эффективным.

В условиях пандемии COVID-19, которая нанесла тяжелый удар по экономикам большинства стран, совместная разработка стратегий их восстановления была бы наиболее эффективным решением в сложившейся на данный момент ситуации в рамках поднятой выше проблематики. Взаимная поддержка разных сфер экономики, например, развитие инфраструктуры, внедрение новых технологий и инноваций в промышленности и других отраслях, совместное развитие туризма, является ключевым направлением в осуществлении эффективных мер для борьбы с экономическими проблемами, вызванными эпидемией.

Сотрудничество России и Китая в разных областях в рамках инициативы сопряжения ЕАЭС и ЭПШП представляется эффективным шагом к решению вопроса об устранении глобального доминирования США на международной арене и имеет потенциал для укрепления геополитических позиций двух государств в Евразийском регионе среди государств — участников ЕАЭС и ЭПШП.

Для более продуктивного продвижения на пути сопряжения ЕАЭС и ЭПШП России и Китаю требуется выработка более четкой и конкретной общей стратегии действий, создание более выверенной в отношении интересов наших стран дорожной карты проекта, активизация контактов на межгосударственном уровне и более энергичные шаги по внедрению различных инициатив в жизнь.

Инвестирование

Россия и Китай, будучи территориальными соседями, плотно сотрудничают друг с другом, помимо вышесказанного, и в области инвестиционной политики, особенно в регионе Дальнего Востока. Представляется наиболее интересным в рамках статьи осветить ключевые инвестиционные российско-китайские проекты, которые видятся обоими государствами как приоритетные.

В первую очередь можно рассмотреть инвестиции в наиболее важные сферы сотрудничества, например, энергетическую, нефтехимическую, газовую отрасли. В энергетической сфере необходимо сказать о крупнейшем за последние 5 лет инвестиционном проекте «Ямал СПГ», который сейчас реализуется при активном участии китайских компаний. К примеру, такая китайская корпорация, как CNPC, владеет долей в 20% акций данного проекта, а Фонд Шелкового пути — почти 10%. Нередко важнейшим условием участия китайских компаний в различных российско-китайских проектах является финансирование деятельности со стороны китайских компаний или банков. «Ямал СПГ» не является исключением, т.к. объем инвестиций, предоставленный государственным Банком Развития Китая, составляет около 20 млрд долл. [3].

Еще одним ярким примером сотрудничества России и Китая в экономической сфере являются проекты холдинга «СИБУР» и «Sinopet». В данном примере инвестиционное взаимодействие заключается, в первую очередь, в покупке «Sinopet» акций как непосредственно холдинга «СИБУР», так и других крупных российских заводов, например, Красноярского завода синтетических каучуков. Это выгодно не только российским производителям и крупнейшим корпорациям, но и потребителям в КНР.

Одной из первых крупнейших сделок китайского нефтегазового сектора в России является ОАО «Удмуртнефть». В данном случае нестандартным является метод, с помощью которого китайская корпорация проникла на российский рынок. В 2000-е годы, приобретя долю у данной ТНК, «Синорес» затем продала большую часть компании ПАО «Роснефть», создав таким образом устойчивое партнерство с российскими компаниями нефтегазовой отрасли, в первую очередь, с уже названными.

Есть и китайские проекты иного плана, реализуемые в различных регионах России. Например, проект корпорации «Great Wall» с говорящим названием, традиционно ассоциирующимся с проектом построения Великой Китайской стены, но более модернизированного плана, созданного с абсолютно другой прикладной направленностью, но схожей целью — показать величие и неповторимую мощь и своеобразие Китая. Этот проект в области автомобилестроения реализуется в Тульской области, участие китайской корпорации в нем составляет несколько сотен миллионов долларов, что является довольно весомым показателем для данного российского региона.

Из схожих проектов, но уже в другой отрасли и в другом российском регионе, стоит назвать «Angel Yeast Rus». Для данной корпорации этот зарубежный инвестиционный проект с созданием завода по производству сухих дрожжей и органических удобрений, реализованный в Липецкой области, является одним из крупнейших и наиболее выгодных, поэтому китайские корпорации рассматривают и другие проекты в области биотехнологий как приоритетные и предполагают расширять дальнейшее сотрудничество по ним с Россией.

Безусловно, есть большое количество российско-китайских проектов и в других сферах экономики, но автору статьи представляется наиболее интересным остановиться еще на одном проекте, который имеет большие перспективы для реализации в ближайшем будущем — «Арктик СПГ-2». И здесь России также было невозможно обойтись без активного участия китайских корпораций в финансировании его запуска. В 2023 году планируется запустить первую очередь «Арктик СПГ-2», в 2024 г. — вторую, а третью, завершающую, — в 2026 г. При этом общая стоимость проекта

составляет более 21 млрд долл., из которых около половины — иностранные вливания [4].

В связи с невозможностью расширения финансирования проекта исключительно из средств российских банков и в условиях недостаточности финансирования (сложности предоставления кредитов европейскими странами и Японией, которые также являются важнейшими сторонами — участницами проекта) остается надеяться именно на китайские кредиты. Так, в июне 2021 г. на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) российская компания «НОВАТЭК» и китайская компания «Zhejiang Energy» подписали соглашение, по которому на финансирование проекта будут предоставлены дополнительные китайские средства, а Россия, в свою очередь, обеспечит поставки в Китай до 1 млн тонн СПГ каждый год [5].

Из всего вышесказанного о данном проекте можно сделать вывод: несмотря на серьезные финансовые и иные вызовы, с которыми сталкиваются российские энергетические компании, ставящие себе целью укрепление позиций нашей страны в Арктике и развитие собственных маршрутов транспортировки российского топлива, они продолжают наращивать объемы сотрудничества по данному проекту с другими странами, привлекая новых партнеров и новые кредиты/инвестиции, которые становятся неотъемлемой составляющей развития заявленных инициатив, благодаря чему экспортный потенциал России в углеводородной области также возрастает.

В целом, говоря об инвестициях, наиболее актуальными и последовательными являются действия китайских инвесторов на Дальнем Востоке России, что объясняется географической близостью, развитой инфраструктурой и другими базовыми факторами. На ближайшее будущее по китайской программе развития северо-восточных территорий планируется реализовать более 100 различных проектов, которые, в первую очередь, нацелены именно на российский рынок. На этом пути открывается множество направлений в области создания новых предприятий с огромным спектром производств: свинца, олова, автомобилей, солнечных батарей, мебели, бытовой электротехники и, в особенности, технологий, например, для повышения качества угля

или в области рыбного хозяйства. Россией также не упускается возможность реализации собственного потенциала в области осуществления крупнейших проектов на территории Китая. Здесь рассматриваются такие направления, как логистика, совместная разработка лекарственных препаратов, вакцин, развитие оптового рынка древесины, проведение биологических научных исследований и т.д.

Таким образом, из вышесказанного можно увидеть, что в целом инвестиционные возможности достаточно велики как у России, так и у Китая. И русские, и китайские предприниматели согласны инвестировать свои средства в крупнейшие проекты в самых разных областях, начиная от разработки новейших технологий для улучшения разных типов производств и заканчивая созданием новых предприятий на территориях обеих стран.

Товарооборот

В области сотрудничества по реализации сбыта разного рода продукции в рамках совместного товарооборота перед Россией и Китаем открывается большой потенциал.

Темпы товарооборота между Россией и Китаем растут довольно быстро, но при этом сами объемы пока не достигли значений, которые могли бы соответствовать уровню развития экономик двух держав. Например, если сравнить товарооборот между Россией и США и между Россией и Китаем, то показатели будут далеко не в пользу последних. В допандемийном 2019 году товарооборот между Россией и Китаем составил 111 млрд долл., а между США и Китаем — 541,2 млрд долл. [6].

Увеличение показателей товарооборота является одним из приоритетов, стоящих перед руководством России и Китая. К 2024 году планируется выйти на показатель взаимного товарооборота 200 млрд долл., что будет достигаться путем реализации проектов в различных сферах, начиная от развития энергетики, промышленности, совместной разработки инновационных технологий и заканчивая сельским хозяйством, о чем подробнее речь шла в предыдущем разделе. Безусловно, трудно делать прогнозы в условиях пандемии COVID-19, но по итогу 2021 года показа-

тели товарооборота после снижения в 2020 году до 103 млрд долл. возросли до рекордных 146,88 млрд долл. [6], что демонстрирует положительную динамику товарооборота двух стран.

На данный момент импорт из Китая в Россию превалирует над экспортом — 55 и 49 млрд долл. соответственно, что является показателем необходимости разворачивания масштабов взаимодействия в торговой сфере, в первую очередь, со стороны России. Важнейшими статьями экспорта в данном случае являются такие российские товары, как древесина, продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье и т.д. В свою очередь, Россия импортирует из Китая автомобили, товары химической промышленности, металлы, изделия из них и т.п.

За последние 10 лет структура китайского экспорта претерпела большие изменения. Сейчас в России более популярными китайскими товарами становятся оборудование и электроника, которые приходят на смену базовой экспортной продукции — с/х товарам, одежде. Но данная тенденция может в ближайшее время поменяться в связи с притоком на российские рынки южнокорейских товаров, в первую очередь техники. Кроме этого, китайские экспортные поставщики активно используют механизмы «мягкой силы» в рамках культурной и туристической составляющей — на различных выставках, форумах, так или иначе связанных с Китаем, китайские экспортеры продвигают всевозможные туристические туры по Китаю, таким образом привлекая большое число потенциальных клиентов из России.

В 2010-е годы экспорт продовольствия из России в Китай рос стабильными темпами. Например, к 2016 году по объемам среди экспортных направлений для российского АПК Китай занял 2-е место среди государств мира — 1,6 млрд долл., а к 2018 году произошло увеличение почти в 2 раза — 3,14 млрд долл.

В 2017 году около 60% российского экспорта в целом приходилось на морепродукты, также важными составляющими экспорта были рапс, рапсовое масло и другие продукты питания. Зерно, которое почти всегда воспринималось Россией как важнейшая статья экспорта, не считалось ключевым в рамках поставок Китаю. Мясо птицы и говядина также не получали большого признания в Китае как импортируемый из России товар [7].

С течением времени ситуация несколько меняется. Одной из самых доходных статей российского экспорта по-прежнему является продажа топлива в Китай. Несмотря на снижение поставок в 2020 году из-за пандемии коронавируса, Россия экспортировала в Китай почти два миллиарда кубометров СПГ. Также важнейшим показателем является то, что в 2019 году начались поставки газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири». Этот проект планируется расширить и увеличить поставки газа по нему до 38 млрд кубометров к 2025 году, с возможным увеличением до 44 млрд кубометров газа в год [8].

В 2018 году де-юре был разрешен ввоз ячменя из России в Китай, но де-факто из-за отсутствия необходимых сертификатов поставки тормозятся. Открытие рынков Китая для поставок ячменя является важнейшим фактором для России, т.к. на территории нашей страны его собирается около 22 млн тонн ежегодно, а экспортные поставки не поддерживаются на том уровне, который был бы выгоден России. В 2019 году был разрешен импорт сои в Китай, который ранее был запрещен в отношении определенных российских регионов и некоторых видов транспорта по причине выявления некачественных составляющих в продукции, вывозимой из этих регионов, которые могли бы быть опасны для здоровья или даже для жизни людей.

Прибыльным для отечественных поставщиков также стало открытие китайского рынка для мяса птицы из России, принеся им сотни миллионов долларов в год. Внутренний российский рынок сейчас насыщен товарами и сталкивается с проблемой перепроизводства, поэтому открытие китайских рынков было бы чрезвычайно актуально как для поставок вышеназванных продуктов, так и для поставок, к примеру, свинины, на которую пока наложены ограничения в сфере китайского импорта. Поставки именно на китайские рынки особенно своевременны и в связи с тем, что цены на свинину в КНР в несколько раз выше, чем в европейских странах или США, поэтому в случае продолжения ситуации с закрытостью китайского рынка, одного из крупнейших в мире, для российских поставщиков, российская отрасль животноводства может понести серьезные убытки.

По мнению эксперта в исследовании области аграрного рынка России, генерального директора Института конъюнктуры аграр-

ного рынка Д. Рылько, для России отмена вышеназванных запретов является делом крайней важности, и у нее есть широкий ассортимент товаров, которые пока не нашли признания в Китае. В сфере АПК это, в первую очередь, свинина, мясо птицы и сельскохозяйственные культуры из европейской части России, такие как пшеница, ячмень, кукуруза и др. Необходимо нарастить объем поставок в несколько раз, таким образом реальные показатели могут достичь 4–5 млрд долл. в год при условии снятия всех ограничений с китайской стороны.

По мнению А. Сизова, другого эксперта в данной области, помимо пшеницы, которая является одним из приоритетных товаров в области аграрного сектора, необходимо также обращать внимание и на рынок других зерновых, к примеру, ячменя (в связи с прекращением поставок этой культуры в Китай из Австралии), кукурузы (поставки пока осуществляются лишь в небольшом объеме, т.к. Россия не является страной-лидером по поставкам данной продукции за рубеж) [9].

Необходимо также сказать и еще об одном аспекте экономического взаимодействия между Россией и Китаем, в особенности в последние годы — экспорт профессионалов в разных областях деятельности. Здесь в первую очередь можно выделить специалистов в нефтегазовой отрасли, области ИКТ, инженерии.

Итак, потенциал товарооборота между Китаем и Россией пока не реализован в полной мере, но предпринимаемые усилия дают результат, благодаря чему показатели его объема планомерно растут, и в дальнейшем, с отменой ограничений на поставку определенных товаров из России, предполагается выход торгового сотрудничества двух крупнейших государств мира на новый уровень.

Заключение

В связи с вышесказанным, можно подвести итог: инвестиционный и торговый потенциалы России и Китая планомерно растут, несмотря на многие трудности, с которыми сталкиваются партнеры в процессе реализации различных инициатив.

Не только разработка совместных проектов, но и снятие Китаем ограничений на импорт российских товаров являются

приоритетными задачами для нашей страны. Работа над этими задачами постепенно ведётся в настоящем, планируется продолжать её и в будущем.

Сопряжение таких крупнейших организаций, как ЕАЭС и ЭПШП, является отправной точкой для реализации новых проектов. Китай и Россия в целом последовательно продвигают свои инициативы в разных областях деятельности, что придает новый импульс развитию отношений, не только экономических, но и политических, и культурных. Реализация накопленного потенциала является приоритетной задачей и для России, и для Китая, поэтому наши страны не останавливаются на достигнутом, а двигаются вперед, к достижению максимальных результатов в различных сферах сотрудничества.

Библиография

1. Интервью посла КНР в РФ Чжан Ханьхуэя российскому новостному агентству «Спутник» МИА «Россия сегодня». URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus//rus/dssghd/t1842946.htm> — 17.04.2022.
2. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/vzaimodeystvie_s_mezhdunarodnymi_bankami_razvitiya/aziatskiy_bank_infrastrukturnyh_investitsiy_abii/ — 17.04.2022.
3. А. Топалов: «Ямал» на треть китайский». URL: <https://m.gazeta.ru/business/2016/03/15/8125055.shtml> — 17.04.2022.
4. Проект «Арктик СПГ-2». URL: <https://arcticspg.ru> — 17.04.2022.
5. Соглашения по поставкам СПГ между «НОВАТЭК» и «Zhejiang». URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=4493 — 17.04.2022.
6. Товарооборот России и Китая. URL: <https://www.google.com/amp/s/tass.ru/ekonomika/13424783/amp> — 17.04.2022.
7. Рынок Китая для российской продукции АПК. URL: <https://www.fao.org/3/ca5459ru/ca5459ru.pdf> — 17.04.2022.
8. Объем поставок газа в Китай по «Силе Сибири». URL: <https://www.interfax.ru/amp/805457> — 17.04.2022.
9. Российско-китайское сотрудничество в области сельского хозяйства: состояние и перспективы. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-v-oblasti-selskogo-khozaystva-sostoyanie-i-perspektivy/> — 17.04.2022.

СЕКЦИЯ

«РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА»

Агафонов Даниил Иванович

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат*

Россия и Германия: столкновение интересов в Арктике

**Russia and Germany:
a Clash of Interests in the Arctic**

Аннотация. В академическом дискурсе некогда огромную силу обрел нарратив о мире и согласии в Арктике. Большая часть международных научных и научно-популярных мероприятий — от студенческих научных конференций до академических форумов — долго и упорно удерживала главным предметом арктической дискуссии вопросы международной кооперации и единства взглядов по климатической проблематике. При этом постепенное проникновение новых и обострение старых геополитических противоречий в Арктике оставалось без должного внимания. Интернационализация арктических проблем привела к появлению в регионе государств, географически далеких от него, однако имеющих собственные интересы в зоне многолетней мерзлоты, которые в большинстве случаев противоречат интересам «арктической восьмерки».

Ключевые слова: Арктика, «Арктика 2035», «Руководящие принципы арктической политики Германии», Арктический совет, Северный морской путь.

Abstract. The narrative of peace, serenity and harmony in the Arctic has gained enormous traction in our society. Most international scientific and popular science events, from student scientific conferences to

academic forums, have long and persistently kept international cooperation and unity of views on climate issues at the forefront of the Arctic debate. At the same time, the gradual penetration of new and aggravation of old geopolitical contradictions in the Arctic has remained without due attention. The internationalization of Arctic problems has led to the emergence of states in the region that are geographically distant from it, but have their own interests in the “permafrost zone”, which in most cases contradict the interests of the “Arctic Eight”.

Keywords: Arctic, “Arctic 2035”, “Руководящие принципы арктической политики Германии”, Arctic Council, Northern Sea Route.

Длительное время арктический регион действительно считался пространством гуманитарного и плодотворного сотрудничества государств. Преимуществами арктического вектора в международных отношениях после Холодной войны были низкий уровень политизации и относительная обособленность арктической зоны от проблем «большой политики». На протяжении 1990–2000-х гг. доминирующим в международной политике подходом становится концепция «Arctic Exceptionalism», закреплявшая за Арктикой статус исключительной зоны, не входящей в зону международных конфликтов. Так или иначе, арктический дискурс в XXI веке постепенно вышел за границы «Low politics». Арктика сегодня — регион конфронтации на фоне сотрудничества.

В целом арктическое направление научных исследований в политической науке стало крайне актуальным в прошедшее десятилетие. Это следует связывать с несколькими причинами.

Во-первых, огромное влияние на политику государств в Арктике оказывали и продолжают оказывать традиционные глобальные и региональные проблемы, к которым следует отнести экологическую безопасность, защиту арктических флоры и фауны, сохранение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Постепенно их производными стали актуализация и популяризация «зеленой» повестки, привлечение внимания к проблемам арктических этносов.

Во-вторых, в минувшую декаду серьезно обострились вопросы по поводу международной безопасности и сохранения статус-кво

в регионе. Редкими, но широкими шагами «арктическое измерение» начинает входить в зону обострения геополитической нестабильности, становясь отражением и, если угодно, новым фронтом глобального противостояния сильнейших мировых держав и блоков.

Отдельное внимание стоит уделить большим запасам неразработанных месторождений, по преимуществу углеводородов, а также открытию перспективных северных морских маршрутов сообщения в связи с таянием многолетней мерзлоты. Таким образом, всё большее количество государств выступает за пересмотр норм морского международного права, заявляя претензии на суверенитет морских владений арктических стран. Подобное «ресурсное противостояние» в Арктике будет только усиливаться по мере таяния льдов и модернизации способов добычи полезных ископаемых.

Всё громче звучит запрос на перераспределение мирового потенциала арктического развития — неарктические государства, такие как ФРГ, Великобритания, КНР, Южная Корея, все сильнее и увереннее ратуют за изменение настоящей структуры арктического регулирования, желая большей инклюзивности в процессе принятия решений, тем самым поднимая вопрос о релевантности и легальности Арктического совета. Описанные выше проблемы и опасения вводят в арктический дискурс категории «милитаризация» и «передел», которые символизируют рост и обострение национальных противоречий на территориях многолетней мерзлоты.

Фактической целью работы является поиск точек и причин столкновения интересов РФ и ФРГ в Арктике, закрепленных в соответствующих стратегиях, исходя из положения государств в структуре арктического регулирования.

Акцентируя внимание на том, что большая часть работ по германо-российскому взаимодействию в Арктике своим базисом определяет институциональное научное и экологическое сотрудничество двух государств, в данной работе смысловой акцент смещен в сторону трех вопросов. Первый — о защите и реализации национальных интересов РФ и ФРГ через Арктический совет, второй — о соотношении сил двух государств в Арктике, третий —

о безопасности в дискурсе арктического измерения каждой из двух сторон. Новизна работы обусловлена рассмотрением российско-германских отношений в Арктике с концептуальных положений реалистской традиции.

Арктические стратегии двух государств

Арктика является зоной жизненно важных интересов Российской Федерации. Здесь проживает 19 коренных малочисленных народов. Шельф Сибири имеет стратегически важное значение. Арктическая зона обеспечивает добычу более 80% горючего природного газа и 17% нефти в России, а континентальный шельф РФ в Арктике содержит более 85 трлн куб. м горючего природного газа, 17,3 млрд тонн нефти [1]. На данный момент более 60% нефтегазовых ресурсов всей Арктики располагается на территориях, которыми Россия либо владеет, либо на которые она претендует легально, согласно нормам международного права. Залежи угля в российской арктической зоне составляют около 780 млрд тонн, из которых 81 млрд тонн является коксующимся углем, что составляет около половины всех угольных ресурсов России [2]. Неоспоримой является значимость Северного морского пути (далее СМП) — транспортного коридора, внимание к которому, как ожидается, будет только увеличиваться по мере таяния многолетней мерзлоты. Так, с 2014 по 2019 гг. объем торговых перевозок в акватории СМП уже вырос с 4 до 31,5 млн тонн [1]. Важное значение имеет и оборонительный потенциал — в Арктике располагаются стратегические силы сдерживания, основными задачами которых являются оборона северных рубежей нашей родины и недопущение агрессии в сторону российских союзников. Сама же стратегия российской политики в Арктике изложена в Указе Президента Российской Федерации № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [1].

Главными проблемами РФ в регионе были обозначены экологические угрозы, сокращение демографических показателей, слабая доступность и низкое качество социальных услуг, а также

отставание от среднего уровня жизни по стране. При этом отдельно были выделены угрозы суверенитету России, связанные с милитаризацией Арктики. Так или иначе, главным объектом арктической политики России являются люди, а именно поиск способов улучшения качества их жизни. В отличие от неарктических государств, арктическая зона для России является частью государственной территории, в связи с чем Москва крайне заинтересована в улучшении социально-экономического положения региона, это является первостепенной задачей.

Аналогичный арктический документ в Германии носит название «Руководящие принципы арктической политики Германии» («Leitlinien deutscher Arktispolitik»). Документ по своему размеру куда меньше, нежели отечественный аналог, в силу объективных причин — несмотря на желание и ограниченные возможности Германии влиять на положение дел в арктическом регионе, ФРГ не является арктическим государством, ее территория находится за пределами арктической зоны.

Арктическая политика ФРГ неразрывно связана с экологической повесткой, «зелеными инновациями» и стрессоустойчивостью во внешнеполитическом дискурсе. Берлин настаивает на рационализации добычи ресурсов в арктической зоне, выступает за научное сотрудничество в регионе и его устойчивое развитие. Важно понимать, что именно ФРГ прикладывает серьёзные усилия для актуализации «экологической проблемы» в Арктике, задавая тем самым тон активности всего Евросоюза [3].

Основные принципы арктической политики Германии можно разделить на три главных трека: во-первых, уважение природы, защита экологии и применения принципа «нарушитель платит» в Арктике; во-вторых, соблюдение всех международных договоренностей и многостороннее международное сотрудничество; в-третьих, обеспечение свободы судоходства в арктических водах. Ключевыми угрозами ФРГ считает несоблюдение международных соглашений как в области безопасности, так и в области природопользования, милитаризацию и гонку вооружений. При этом решение потенциальных конфликтов в Арктике Берлин видит только при интенсивном участии ЕС и НАТО.

Арктический совет и его роль в арктической политике России и Германии

С повышением значимости Арктики, с ростом ее роли в современных международных отношениях вопрос арктического регулирования вышел далеко за пределы юрисдикции арктических государств. Однако существующий международный режим в Арктике не был образован в одночасье, а, напротив, устанавливался постепенно.

История создания главного совещательного органа в регионе — Арктического совета — начинается в 1989 году. Тогда представители восьми арктических стран — СССР, США, Канады, Швеции, Норвегии, Исландии, Финляндии и Дании — впервые встретились в городе Рованиеми с целью обсуждения вопросов природно-климатического регулирования в Арктике. Два года спустя, в 1991 г., при активном участии коренных малочисленных народов Севера был создан целый комплекс международных институтов, главной целью которых была защита и сохранение арктических флоры и фауны. Именно эта «экологическая кооперация» стала основой учреждения Арктического совета 19 сентября 1996 года в Оттаве [4].

Совет представляет собой международный форум, призванный гарантировать взаимное доверие, интенсифицировать сотрудничество и упростить координацию в среде арктических государств. Его деятельность при этом не ограничилась участием постоянных членов — был учрежден статус наблюдателя, который могли получить как неправительственные и межправительственные организации, так и неарктические государства. Соответственно, состав государств-наблюдателей расширился поэтапно. В 1998 году статус наблюдателей первыми получили ФРГ, Нидерланды, Польша и Великобритания; в 2000 г. — Франция; в 2006 г. — Испания; в 2013 г. — Италия, Япония, КНР, Индия, Республика Корея, Сингапур; в 2017 г. — Швейцария. Получение статуса наблюдателя привлекательно для неарктических государств в силу возможности оказывать влияние на деятельность совета, непосредственно участвовать в принятии решений. Некоторые из государств преследуют конкретную цель — ограни-

чение суверенных прав арктических стран. Однако цель оказывается слабо сопоставимой с возможностями — фактическое участие наблюдателя Арктического совета оказывается сведено к участию в деятельности рабочих групп и внесении проектов на обсуждение (при этом последнее возможно исключительно через постоянного участника совета).

Арктический совет является межправительственным форумом высокого уровня, т.е. не обладает самостоятельной международной правосубъектностью и не имеет инструментов по принуждению государств. В целом он отличается обособленностью от вопросов политики и военной безопасности. Этот феномен длительное время оставался ее преимуществом, он гарантировал относительный паритет мнений. Однако постепенная политизация Арктики привела к тому, что регион за считанные годы начал становиться новым фронтом зарождающегося глобального конфликта. И это не пустые слова — в Госдепартаменте США Арктику с недавних пор совершенно открыто называют «северным флангом НАТО» [5]. Иными словами, Арктический совет, являясь действительно успешным проектом неполитической региональной кооперации, постепенно становится проводником, т.е. инструментом национальных интересов арктических и приарктических государств в регионе.

Россия выступает за сохранение превалирующего статуса Арктического совета в регионе, т.е. обеспечение центральной роли арктических государств в делах по региональному регулированию. Параллельно Москва стремится наращивать двустороннее сотрудничество с неарктическими государствами, интересы которых совпадают или близки к российским. Россия также считает, что арктические государства имеют «коллективные интересы», в связи с чем они могут и должны пытаться поддерживать диалог и общими усилиями способствовать поддержанию стабильности в регионе без участия неарктических акторов.

Отношение Германии к Арктическому совету трудно назвать однозначным. С одной стороны, ФРГ стремится к увеличению собственной роли в организации, с другой — Германия идет в авангарде европейской политики и стремится обеспечить самостоятельное участие как ЕС, так и НАТО в делах Арктики, обосновывая

это необходимостью более широкого сотрудничества в регионе. Германия в полной мере экстраполирует концепцию «нормативной силы» на Арктику, т.е. выдвигает конкретные экологические стандарты, которым все должны следовать [6].

Арктический потенциал государств

Интересы государств в Арктике понятны, однако возможности и России, и Германии ограничены объективными причинами, пусть и в разной степени.

Как уже было отмечено ранее, ФРГ не является арктическим государством, что лишает Берлин фактической возможности самостоятельно наращивать свой арктический потенциал. Германия относительно слабо интегрирована в структуры арктических режимов — в первую очередь речь идет об Арктическом совете. Статус наблюдателя в нем не отвечает немецким амбициям. Следовательно, основными ресурсами Германии в Арктике являются давление по направлению экологической повестки, участие в совместных научно-исследовательских проектах и предложение передового технологического оборудования. Требование использования в Арктике «экологически чистых технологий и применения наивысших экологических стандартов» в соответствии с Парижским климатическим соглашением отвечает интересам немецкой промышленности и науки — важно помнить, что именно Германия является одним из локомотивов «зеленой» трансформации мировой экономики, и немецкие ученые и производители значительно преуспели на этом поприще. Параллельно Берлин стремится полностью использовать свое центральное положение в Евросоюзе, пытаясь определять «европейский» арктический курс через страны — участницы ЕС и НАТО в Арктическом совете [7].

Германия последовательно выступает против милитаризации арктической зоны, однако практические действия Берлина противоречат официально заявленному курсу. Страна является активным участником учений НАТО в регионе. В прошедших в 2020 году учениях НАТО в Арктике «Cold Response» и «Dynamic Mongoose» приняли участие 40 немецких военнослужащих, на постоянной основе базирующихся в Норвегии.

В 2021 году Россия стала председателем Арктического совета. Это стало причиной возникновения опасений повторения «крымского сценария на Крайнем Севере» в СМИ Германии [8]. Масла в огонь подлили заявления немецкого МИД. В ходе мероприятия «Геополитика на Северном полюсе — внешнеполитический взгляд на изменения климата» бывший министр иностранных дел Хайко Маас заявил о возможности пересмотра «экономических» границ в Арктике: «Арктика будет становиться все более важной с точки зрения экологии, торговой политики, геостратегических факторов. Возможно, нужно будет по-новому определять исключительные экономические зоны, прокладывать пути торговли... Некоторые пути будут открыты для мореплавания, по ним смогут ходить не только коммерческие суда, но и военные, а это значит — будут затронуты интересы безопасности России, потому что военные суда смогут ходить в тех районах, где раньше это было невозможно...» [9]. Соответственно, учитывая настроения 2021 года и недавние события, связанные с началом военной спецоперации на Украине, перспективы перехода подобной риторики в положительное для России русло практически сходят к нулю. Так или иначе, не следует забывать о том, что и в странах НАТО нет консенсуса по ряду спорных вопросов, касающихся немецких инициатив. Например, Норвегия, США и Канада не готовы к пересмотру границ своих суверенных вод и их интернационализации.

Арктика для России является частью суверенной территории, что гарантирует Москве наличие определенных стратегических возможностей. На 2020 год в распоряжении России находилось более 40 ледоколов, что составляет примерно 57% от общего числа ледоколов всех стран — членов Арктического совета (например, ФРГ имеет в своем распоряжении лишь ледокол «Полар-штерн», который используется как международная дрейфующая исследовательская станция) [10]. Кроме того, Россия является единственной страной, обладающей атомным ледокольным флотом. Однако подобные цифры весьма условны, так как они учитывают как ледоколы, находящиеся на «длительном ремонте», так и суда, пребывающие «на стоянке» далеко от Арктики. В настоящее время на СМП работают 4 дизельных и 4 атомных ледокола [2]. В скором времени Москва планирует серьёзное увеличение своего арктиче-

ского флота, однако прогнозировать сроки строительства и спуска на воду новых ледоколов, учитывая колоссальное санкционное давление, довольно сложно. Параллельно идет активная модернизация вооружений и арктического оборонительного рубежа. Основное внимание уделяется усилению сил ПВО и ПРО. Говоря о географическом измерении, наибольшее внимание привлекают к себе о-ва Земля Александры и Земля Франца-Иосифа, буквально пополняющиеся новыми или модернизированными военными базами и аэродромами. Сейчас можно смело утверждать, что Россия является одним из ведущих субъектов в Арктике в военном измерении [11].

На повестке остаётся и развитие СМП. До обострения конфликта на Украине в Кремле планировали нарастить объем перевозок в акватории СМП до 90 млн тонн к 2030 г. и до 130 млн тонн к 2035 г. [2]. Так или иначе, именно с экономической стороны вопроса связаны основные ограничения России в Арктике. Для максимизации выгоды от торговли по СМП Россия не имеет «портов-хабов» для остановки кораблей по пути своего движения. Кроме того, СМП даже в текущих реалиях глобального потепления не может обеспечить свободный круглогодичный ход торговых судов. Слабо развита местная логистическая инфраструктура, она затрудняющая эксплуатацию СМП. Российская Федерация пытается привлекать зарубежные инвестиции для развития портовой инфраструктуры и местных предприятий, однако в существующих условиях единственным партнером России на этом поприще может быть только Китай, хотя отношения РФ и КНР в Арктике также нельзя характеризовать однозначно: Китай претендует на право свободного судоходства в Арктике, равно как и на усиление собственного влияния в регионе, выступая за более тесное вовлечение в Арктический совет.

Таким образом, арктические интересы Москвы и Берлина расходятся по следующему ряду принципиально важных вопросов.

Во-первых, вопрос суверенитета. В отличие от Германии, арктическое пространство для России является частью государственной территории, напрямую связанной с обеспечением национальной безопасности. Кроме того, принципиальную важность представляет Северный морской путь, проходящий через терри-

ториальные воды Российской Федерации. «Арктический вопрос» для Москвы является вопросом экзистенциальной важности, и Россия в рамках своих суверенных границ стремится к одностороннему регулированию возникающих в Арктике проблем. Для Германии Арктика является геополитическим регионом, лишь одним из векторов внешней политики. Арктические проблемы в Берлине представляются в качестве вопросов международного характера, которые должны решаться коллективно. К интересам ФРГ в Арктике следует относить и интернационализацию Северного морского пути, чего РФ не может позволить.

Во-вторых, вопрос инклюзивности и роли Арктического совета. Принципиальным интересом России является нерасширение Арктического совета, сохранение его центральной роли. Германия выступает за расширение организации, параллельно стараясь обеспечить самостоятельность Евросоюза в кооперации с НАТО в Арктике.

В-третьих, вопрос милитаризации арктического пространства. Российская Федерация, наращивая военный потенциал в регионе, считает это «возвращением в Арктику» после утрат раннего постсоветского периода, мотивируя свои действия ростом военной угрозы в арктической зоне. Германия в одностороннем порядке выступает категорически против наращивания вооружений в Арктике, хотя сама активно принимает участие в учениях НАТО.

В-четвертых, вопросы экологического регулирования. Берлин традиционно предлагает своим партнерам нормы определенного экологического поведения, соблюдение которых поставит другие государства в зависимость от экспорта европейских «зеленых» технологий. Подобное вмешательство в Арктику недопустимо с точки зрения Кремля.

Перспективы российско-германского взаимодействия в Арктике

Таким образом, Арктика представляет собой по-настоящему уникальный геополитический регион, где постепенно размываются очертания блоковой солидарности, а главные соперники в существующей системе международных отношений

легко способны найти точки соприкосновения для начала диалога. Параллельно идет милитаризация и политизация Арктики. Научно-энергетическое сотрудничество России и Германии в регионе с началом века все более и более вытесняется на второй план вопросами «большой политики»; учитывая события «Украинского кризиса», продолжение конструктивного взаимодействия Москвы и Берлина по всем направлениям до урегулирования конфликта представляется маловероятным. Недавние заявления Бундестага о колоссальном в истории объединенной Германии увеличении военных расходов на 100 млрд евро, открытое столкновение России и НАТО и антироссийские настроения в странах Западного мира в скором времени откликнутся и в Арктике. При продолжении подобной риторики противоречия между Россией и Германией в регионе будут обостряться. В таком случае радикальная конфронтация между сторонами реально окажется возможной, а перспективы перетекания конфликта на поля международных и региональных организаций могут привести к дестабилизации всей существующей системы арктического регулирования. В подобных условиях даже ограниченное сохранение каналов научного, экономического и культурного диалога между двумя странами следует считать большим достижением.

Библиография

1. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/> — 22.02.2022.
2. Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Впереди «Арктическое столетие». URL: <http://geopolitics.ru/2013/03/vpered-arkticheskoe-stoletie> — 23.02.2022.
3. Leitlinien deutscher Arktispolitik. Verantwortung übernehmen, Vertrauensschaffen, Zukunftgestalten. URL: https://www.arctic-office.de/fileadmin/user_upload/www.arctic-office.de/PDF_uploads/Leitlinien_deutscher_Arktispolitik_2019_Web.pdf — 22.02.2022.
4. The history of the Arctic Council. URL: arctic-council.org — 23.02.2022.
5. США объявили Арктику «северным флангом НАТО» // Рамблер/новости. URL: <https://news.rambler.ru/world/44619219-ssha-obyavili-arktiku-severnym-flangom-nato/> — 23.02.2022.

6. Котов А. В. Арктический вектор внешней политики Германии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2(20). С. 48–54.
7. Germany's interests in the Arctic, as exemplified by its Arctic Council engagement: A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master In Arctic and Northern Studies / Schley K. A. URL: <https://scholarworks.alaska.edu/handle/11122/10537> — 23.02.2022.
8. Арктика: Берлин тоже в деле // Junge Welt. URL: <https://inosmi.ru/20200812/247908578.html> — 23.02.2022.
9. Маас заявил о необходимости пересмотра границ ИЭЗ в случае таяния льдов. URL: <https://ria.ru/20210706/arktika-1740126338.html> — 23.02.2022.
10. *Simona R. Soare*. Great power competition and Euro-Atlantic defence in the high North // European Union Institute for Security Studies. 2020. URL: <https://www.iss.europa.eu/content/arctic-stress-test> — 23.02.2022.
11. Армия внутри армии. Строительство и развитие войск в Арктике. URL: <https://topwar.ru/173559-armija-vnutri-armii-stroitelstvo-i-razvitie-vojsk-v-arktike.html> — 23.02.2022.

Болиев Сергей Олегович

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений*

Бакалавриат

Российско-итальянские отношения на фоне международной напряженности 2021–2022 годов

**Russian-Italian Relations against the Backdrop of International
Tensions 2021–2022**

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка выявить ключевые особенности двусторонних отношений между Российской Федерацией и Итальянской Республикой в период обострения взаимоотношений между Россией, с одной стороны, и Украиной с западными державами, с другой. Данное исследование содержит в себе анализ событий, которые происходят в настоящий момент и не имеют документов, содержащих список мер по выходу из этого кризиса. Обострение отношений между Россией и странами Запада является следствием столкновения двух диаметрально противоположных позиций по безопасности в мировом масштабе. На фоне этого российско-итальянские отношения выделяются, так как являются девиацией относительно других отношений в контексте «Запад — Россия».

Ключевые слова: Россия, Италия, особые отношения, украинский кризис, США, Евросоюз, министры иностранных дел.

Abstract. This article attempts to identify the key features of bilateral relations between the Russian Federation and the Italian Republic at a time of aggravated relations between Russia on the one hand and Ukraine and the Western powers on the other. International tensions are not off the top of the agenda these days. This article analyses current events and are not documented to propose measures for a way out of it. The exacerbation of relations between Russia and the West is the result of two diametrically opposed positions on global security. Against this background, Russian-Italian relations stand out as a deviation from other relations in the “West — Russia” context.

Keywords: Russia, Italy, special relations, Ukraine crisis, US, EU, foreign ministers.

Введение

«Особые» отношения Российской Федерации и Итальянской Республики всегда выделялись хорошими двусторонними связями. Следует выделить следующие признаки: 1) повышенная степень доверительности двустороннего диалога на всём протяжении отношений между II республикой и Российской Федерацией с начала 1990-х годов; 2) схожей эволюции политических институтов государства в период перехода от тоталитарного политического строя к демократическому и последующая переоценка ценностей; 3) отсутствии геополитических точек соприкосновения и территориальных споров; 4) межличностных и доверительных отношениях между лидерами стран в разное время. Даже в самые непростые времена, когда многие союзники Италии были настроены решительно антироссийски, отношения Рима и Москвы были наиболее прочными в российско-европейском дискурсе.

Говоря о причинах двусторонних «особых отношений», то следует выделить два ключевых момента. Следует начать с положения Италии в Евросоюзе. Итальянская Республика предпринимала попытки перестать выйти из ряда с т.н. «государством вторых ролей» в ведении внешней политики объединенной Европы. Она хотела создать собственный вектор выстраивания внешних отношений. Для этого Италия пыталась найти партнеров за пределами единой Европы. Выбор пал на СССР, который в тот момент уже проводил политику перестройки и был открыт для сотрудничества. Так, уже в конце 1980-х гг. Италия проводила независимую торговую политику с РСФСР, а в 1990 году Итальянская Республика стала одним из первых государств, признавших РСФСР в качестве правопреемника СССР [1, с. 208], что стало началом «особых отношений» двух стран в различных сферах еще до провозглашения Российской Федерации как суверенного государства. К тому же одним из успешных эпизодов является политика, которую выстраивал советский дипломат А. А. Громько в период пребывания на должности главы МИД СССР [2, с. 104]. Также были выделены тенденции на фоне обмена санкциями с 2014 года между странами Запада и Российской Федерацией. Несмотря на экономические последствия, которые выражались в сокращении товарооборота,

итальянские компании продолжали создавать свои производства в России. Это объяснялось рядом экономических причин, представляющих для Рима особую выгоду.

Также, следует выделить такой немаловажный фактор, как межличностные отношения между лидерами двух держав. Кроме ранее упомянутых отношений в период политики А. А. Громыко, также следует отметить отношения между Владимиром Путиным и премьером Сильвио Берлускони, Путиным и премьером Маттео Ренци, а также Путиным и министром внутренних дел Маттео Сальвини. Все эти взаимоотношения знаменательны тем, что в период, когда вышеуказанные личности занимали ключевые посты. Это означало пик в отношениях между Москвой и Римом. В этот период увеличилось количество коммерческих компаний и производств двух стран на территории друг друга. В период премьерства Ренци, Италия стала одним из немногих государств Запада, которое посетило Петербургский экономический форум в 2014 году сразу после присоединения Крыма, что по мнению ряда экспертов означало жест поддержки со стороны Рима. Тот же вектор политики продолжался и в следующих кабинетах, когда их главами был Дж. Конте (до 2021).

В период пандемии новой коронавирусной инфекции в начале 2020 года первой страной, которая закрыла границы, стала Италия. Во многом это произошло из-за двух факторов. Первый — большой туристический поток, второй — большое количество пожилого населения среди итальянцев, вследствие чего выросло количество смертей от данного заболевания. В марте 2020 г. российские самолеты с гуманитарной помощью приземлились на военной базе Прадика ди Маре на следующий день после разговора В. В. Путина с Дж. Конте, связанного с установленным в Италии антирекордом по количеству заболевших COVID-19. Быстрота и своевременность данного решения характеризует особое место Италии во внешней политике России. Также следует заметить, что правительство Италии публично не поддержало российскую вакцину. Министр здравоохранения Италии Роберто Сперанца приравнивал ее к европейской и американской вакцинам, в то время как коллеги по ЕС не раз утверждали, что европейской вакцины будет достаточно.

Ранее, автором было проведено исследование российско-итальянских отношений на протяжении XX-ого - XXI-ого веков. На основе того исследования автором были сделаны ключевые выводы, озвученные в начале настоящей статьи: а) Идентичная трансформация государственных институтов в период перехода от тоталитарного к демократическому строю способствовало общему пониманию политической культуры и истории; б) Построение межличностных отношений между политическими элитами в 1980-ые - 2000-е годы. На основании этих фактов, а также ряда вытекающих и характеризуются отношения между Российской Федерацией и Итальянской Республикой как «особые».

Структура же настоящей работы состоит в нескольких составляющих: во-первых, она построена на освещении продолжающихся событий на мировой арене. Во-вторых, изучаемый автором вопрос мало исследован отечественными учеными. Кроме того, в рамках данной работы, будет проведен анализ отношений в настоящее время с опорой на тезисы из предыдущей работы автора.

В качестве теоретической базы в представленной работе будет использоваться концепция структурного неореализма. Данная теория исследует влияние структуры международной системы на государства. В рамках настоящего исследования производится анализ отношений двух государств в системе международных отношений, которые могут оказать определенное влияние на эту самую структуру.

Также за основу взяты российские и итальянские источники, которые представляют две стороны исследуемой проблемы. Из них вычленены факты без оценочных суждений, чтобы избежать ангажированности.

Особые ли отношения?

Как уже было сказано ранее, настоящее исследование является продолжением работы в рамках конференции «Россия в глобальном мире — 2021». В предыдущей работе исследовались отношения между Россией и Италией, начиная с 1980-х годов. Основным итогом исследования является тот факт, что что двусторонние отношения Российской Федерации и Итальянской Республики

во времена конфронтации между РФ и западными державами выделяются на фоне других на мировой арене. Это позволяет охарактеризовать их как «особые». И данная работа ставит перед собой цель выяснить, останутся ли отношения в столь сложный период таковыми или нет.

В 2022 году произошло изменение системы международных отношений. Начались боевые действия, и ряд стран, в том числе Италия, приняли однозначную и категоричную позицию по отношению к действиям Москвы. Так, премьер-министр Италии Марио Драги заявил о невозможности оправдать действия Москвы никоим образом. Он также отметил, что Италия совместно с НАТО и партнерами работает над общим и решительным ответом [4]. Также об этом свидетельствует ряд бесед итальянского премьера с президентом Украины Владимиром Зеленским, которому со стороны Драги была оказана значительная поддержка. Все это означает, что сейчас невозможно однозначно говорить о тех самых «особых отношениях» между Италией и Россией. Но все ли так однозначно на самом деле?

Как было сказано ранее, один из ключевых пунктов — это межличностные отношения между лидерами двух стран. С момента презентации предыдущего исследования многое изменилось. 13 февраля 2021 года в Италии назначен новый председатель правительства Марио Драги. По своим взглядам он сторонник евроатлантической политики ЕС, так как сам долгое время проработал в общеевропейских структурах. Это отличает Драги от его предшественников, которые имели иное видение внешней политики Итальянской Республики. С начала срока М. Драги (с марта 2021 года) начался новый виток в российско-украинском кризисе: взаимные обвинения в наращивании военных сил в зоне спорных территорий. Все это пришлось уже на деятельность кабинета Драги, который изначально публично осуждал действия Москвы в отношении Украины. Исходя из этого, изучаемый период данного исследования — с февраля 2021 года по настоящее время [5].

Поэтому будут озвучены подтверждения тезисов об «особых отношениях», которые относятся к изучаемому периоду, а далее — опровержения собственных тезисов, которые помогут составить более целостную картину происходящих событий.

Из подтвержденных тезисов об «особых отношениях»

Первое, что следует отметить, это публичные и многочисленные переговоры министров иностранных дел, которые произошли за несколько недель до начала эскалации конфликта (в начале февраля 2022). Переговоры Сергея Лаврова и Луиджи Ди Майо были более-менее благоприятные. Это можно увидеть на совместной пресс-конференции по итогам переговоров, которые давали надежду на положительный исход [3]. Это можно также заметить, сравнивая с другими переговорами в то же время: между министрами РФ и Великобритании (Лиз Трасс), которые были имели более резкие заявления в итоговом брифинге. Две вышеупомянутые пресс-конференции показывали диаметрально противоположные позиции сторон и взаимные обвинения. «Италия сделает все возможное, чтобы наладить диалог между Россией и Украиной и найти взаимопонимание, которое приведет нас к миру и стабильности», — говорится в итоговой пресс-конференции между министрами Лавровым и Ди Майо.

Также в период до начала основных боевых действий следует отметить общий настрой не только к улучшению двусторонних отношений между Италией и Российской Федерацией, но и между РФ и НАТО в целом. На пресс-конференции от 19 февраля 2022 года Луиджи ди Майо заявлял, что «Италия выступает за серьезное и полномасштабное восстановление работы Совета Россия — НАТО». Также министр Италии заявлял, что у Москвы «есть всякая готовность найти дипломатическое решение» кризиса между Россией и Украиной. Об этом заявил министр иностранных дел Луиджи Ди Майо по завершении встречи с главой российской дипломатии Сергеем Лавровым. Затем, ссылаясь на встречи, состоявшиеся во вторник в Киеве, глава министерства иностранных дел Италии сообщил, что «поэтому есть доступность обеих сторон». Планировалось, что в таком направлении будут работать лидеры двух стран на предстоящей встрече. Ряд исследователей также говорили о том, что Италия стремится вновь взять на себя роль моста между Москвой и Западом, чтобы на фоне ухудшения отношений выстроить на этой основе новую «дорожную карту» в этом дискурсе [8, 9].

Торговое сотрудничество накануне 24.02.2022 между Италией и Россией, несмотря на все вышеперечисленное, оставалось одним из наиболее продуктивных на фоне других западных стран. Товарооборот между странами вырос до 30 млрд долларов. Об этом заявил Министр Иностранных Дел РФ Лавров на встрече с итальянскими предпринимателями в январе 2022 года. «У нас неплохо взаимодействуют деловые круги, и в январе этого года состоялась встреча президента Путина в режиме видеоконференции с итальянскими предпринимателями, которая была инициирована российско-итальянской торговой палатой» [6]. Действительно, в такой непростой период это заслуга отношений Берлускони и Путина, когда оба занимали руководящие должности двух стран, и чье неформальное общение способствовало улучшению климата межгосударственных отношений по всем пунктам. Также следует отметить тот факт, что почти половина природного газа в Италию поставляется Российской Федерацией. Поэтому уменьшение поставок станет не ключевым, но одним из рушащих «особые отношения». И хотя сейчас Италия уже ищет замену российскому газу, делает она это на фоне заявлений нынешнего руководства. Зависимость Италии и Европы от России в плане поставок газа является одним из основных вопросов, рассматриваемых в дни кризиса, и Марио Драги подчеркнул, что события на Украине «демонстрируют неосторожность, связанную с тем, что мы не диверсифицировали наши источники энергии и наших поставщиков в последние десятилетия». Рассматривая газ как основной источник энергии, премьер-министр Драги сообщил в палате, что «правительство также работает над увеличением альтернативных поставок. Мы намерены увеличить импорт сжиженного природного газа из других маршрутов, таких как США». То есть Италия обозначила, что будет делать упор на поиск альтернативных поставщиков энергии, что также подтверждается тем, что «правительство также намерено работать над увеличением потоков из газопроводов, которые не полностью загружены, таких как ТАР из Азербайджана, TransMed из Алжира и Туниса, GreenStream из Ливии» [7].

В целом, если оценивать моменты, которые подтверждают «особые отношения», то они так или иначе выделяют отношения между Римом и Москвой из общеевропейского дискурса. Во мно-

гом речь здесь идет о торговых отношениях на уровне корпораций в сфере энергетики. Также, следует выделить межличностные отношения между министрами иностранных дел. Они далеки от тех, что были в 2000-ых годах, однако накануне 24.02. двухсторонний диалог был куда более позитивным (особенно в сравнении с другими странами Европы).

Моменты, опровергающие «особые отношения»

С приходом Марио Драги на пост Председателя Совета Министров Италии в 2021-ом, внешняя политика Италии стала более приближенной к общеевропейской или, как обозначили это другие исследователи, «возвращение Италии в Европу». Здесь, как уже было сказано, имеет место опыт и конъюнктура председателя правительства Драги. Касаемо моментов, которые опровергают тезисы об «особых отношениях», важно понимать, что это:

а) не означает разворот на 180 градусов от Москвы, потому что не было полного разворота от Европы. В данный момент это соответствующая общеевропейской позиции по отношению к России и ее действиям по отношению к Украине, а также отсутствие девиации в этом направлении;

б) по итогу изменился инструментарий в официальных заявлениях, в которых чаще подчеркивается приверженность Италии общеевропейским целям. Но все-таки остаются некое отсутствие ангажированности и попытка посредничества, основанные как раз-таки на «особых отношениях». Это можно заметить и по риторике двух пресс-конференций;

в) касаясь момента с торговлей, то есть и обратная сторона медали. По заявлению издания *La Repubblica*, одного из авторитетных итальянских изданий на территории страны, правительство Италии просило Торговую палату Италии отменить встречу с российским президентом Владимиром Путиным. Это происходило на фоне фигурирующей в СМИ информации о «вторжении» России. После этого информационного сообщения свое присутствие отменили представители ведущей итальянской нефтяной корпорации Eni и газовой группы Snam [7].

Поэтому, при очевидном отходе от этих самых «особых отношений», есть ряд аспектов, которые позволяют сделать вывод о том, что степень ухудшения этих самых отношений не является настолько необратимой, как кажется на первый взгляд. К тому же, в период СССР, было немало случаев, когда все страны Запада, вместе с Италией, выступали против действий Москвы. Например, введение войск СССР в Афганистан в 1979-ом. И тем не менее, страны сохранили свои двусторонние отношения в том же ключе спустя некоторое время (как мы помним из начала статьи, в середине 1980-ых).

Заключение

Несмотря на кажущуюся беспрецедентность нынешней международной обстановки, тезис об «особых отношениях» Российской Федерации и Итальянской Республики остается актуальным даже в нынешних условиях. Нынешние события — колоссальное обострение назревших претензий двух крупных держав ввиду полярного видения международного устройства. Это временное явление, которое после громкого падения, последует такое же стремительное улучшение. В этом контексте отношения Рима и Москвы, которые имеют длительную и уникальную историю, могут поспособствовать выходу из кризиса и повлиять на его дальнейшее разрешение. Нужен лишь повод, место и желание.

Библиография

1. *Гаврилова С. М.* Российско-итальянские отношения на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 206–217.
2. *Горшкова Е. А.* «Итальянский прорыв» в дипломатии А. А. Громько / Е. А. Горшкова // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 6(18). С. 103–111.
3. *Ucraina, Di Maio al G7 incontra Blinken: “Italia darà il massimo per la pace, ma il dialogo con la Russia è imprescindibile”* // Repubblica. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2022/02/19/news/di_maio_blinken-338408487/?ref=search — 03.03.2022.
4. Европейские политики выступили с официальным заявлением по ситуации на Украине // M24. URL: <https://www.m24.ru/news/politika/24022022/433829> — 03.03.2022.

5. “Pronti 3.400 militari italiani. I giorni più bui della storia europea” // *Ilgiornale*. URL: <https://www.ilgiornale.it/news/politica/pronti-3400-militari-italiani-i-giorni-pi-bui-storia-europea-2013249.html> — 03.03.2022.
6. Конфликт на Украине: взгляд из Италии // *Euronews*. URL: https://ru.euronews.com/2022/02/17/italy-ukraine-crisis-impact-by-gior?utm_source=telegram.messenger&utm_campaign=feeds_bcs_topstories&utm_medium=referral — 03.03.2022.
7. Ucraina, polemica sul summit di Putin con le imprese italiane. Manovre di Mosca in Crimea e nel Sud della Russia // *Repubblica*. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2022/01/25/news/ucraina_soldati_usa_in_europa_polemica_sul_summit_di_putin_con_le_impresa_italiane-335253421/ — 03.03.2022.
8. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с министром иностранных дел и международного сотрудничества Италии Л. Ди Майо по итогам переговоров. Москва, 17 февраля 2022 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1799184/ — 03.03.2022.
9. Встреча с представителями деловых кругов Италии. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67638 — 03.03.2022.

Высторон Роман Сергеевич

Дипломатическая академия МИД России

Факультет мировой экономики

Магистратура

Перспективы российско-германского энергетического сотрудничества в сфере обеспечения европейской энергетической безопасности

**The Perspectives of Russian-German Energy Cooperation in the
Sphere of Providing Europe's Energy Security**

Аннотация. В настоящей статье анализируется нынешнее состояние российско-германских отношений в сфере энергетики и предпринимается попытка выявить, в каких областях возможно наиболее продуктивное сотрудничество. Для достижения данных целей была рассмотрена кооперация России и Германии в сфере купли-продажи основных ископаемых ресурсов: газа, нефти и угля, а также обозначены возможные аспекты сотрудничества в области развития возобновляемых источников энергии и ядерных технологий. Основываясь на статистических данных, заявлениях высших должностных лиц и официальных документах, регулирующих энергетические отношения по линии Москва — Берлин, автор сделал выводы относительно будущего российско-германского взаимодействия в деле обеспечения энергетической безопасности в Европе.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, ЕС, российско-германские отношения, ядерная энергетика, «зеленая» экономика, возобновляемые источники энергии, санкции.

Abstract. The current state of Russian-German relations in the energy sector is analyzed in this article. Also, the attempts to identify some areas of the most productive cooperation were made. To achieve these goals, the author considered cooperation between Russia and Germany in the sphere of sale and purchase of the main fossil resources: gas, oil and coal; as well as perspectives of cooperation in the field of development of renewable energy sources and nuclear technologies were determined. The author drew conclusions regarding the future of Russian-German cooperation in ensuring energy security in Europe based on statistical data, statements by

senior officials and official documents regulating energy relations between Moscow and Berlin.

Keywords: energy cooperation, EU, Russian-German relations, nuclear energy, “green” economy, renewable energy sources, sanctions.

В настоящее время одним из наиболее острых вопросов в мировой экономике является переход к «зеленой» экономике. Эта экономико-экологическая концепция основана на постулатах о том, что с ростом темпов мирового производства, основанного на использовании энергии, получаемой при сжигании ископаемого топлива, человечество может столкнуться с рядом экологических катастроф, которые станут вызовом для его выживания. Для предотвращения таких последствий необходимо изменить вектор развития мировой экономики: более рационально использовать ресурсы, ограничивать потребление товаров и услуг, интенсивно развивать предприятия за счет внедрения инновационных технологий, а также распространять практику извлечения энергии из возобновляемых источников.

Именно последний пункт этой доктрины вызывает наибольшие споры, так как возобновляемые источники энергии пока не в состоянии обеспечить предприятия и рядовых потребителей необходимым количеством энергии. В связи с этим для всех регионов мира основным источником энергии являются ископаемые виды топлива: газ, нефть, уголь. Государства — члены ЕС в свою очередь пытаются уменьшить свою зависимость от добычи полезных ископаемых. С этой целью Брюссель провозгласил курс на реализацию принципов «зеленой» экономики, приняв 15 апреля 2021 года программу «European Green Deal» [1].

Несмотря на существенный прогресс в деле сокращения использования ископаемых ресурсов в некоторых странах (например, Швеция производит более половины необходимой электроэнергии с помощью гидроэлектростанций и ветряных мельниц), страны ЕС все еще в значительной степени зависят от добычи полезных ископаемых [2]. Так, ЕС потребляет ежегодно 350–400 млрд кубометров газа, из которых 175 млрд куб. м поставляется Россией.

Наиболее тесное сотрудничество в энергетической сфере выстроилось по линии Москва — Берлин. Учитывая турбулентную

цену на нефть и газ, рост геополитических противоречий между США и РФ, а также преодоление последствий пандемии COVID-19, представляется особенно важным рассмотреть возможные варианты взаимодействия России и Германии в сфере энергетики в деле обеспечения энергетической безопасности Европы. Особенно актуальной данная тема представляется в условиях специальной военной операции, начатой российскими вооруженными силами на Украине 24.02.2022, что повлекло за собой реакцию США и их союзников, выразившуюся в применении новых пакетов санкций в отношении РФ, высылку российских дипломатов, а также поставку различных типов вооружений Украине.

Посредством анализа, синтеза, генерализации и обобщения информации были изучены перспективы сотрудничества по следующим видам энергоресурсов: газ, нефть, уголь, атомная энергетика, возобновляемые источники энергии.

Газ среди других источников энергии занимает самую существенную долю в экономике Германии. Его использование и транспортировка связаны со строительством протяженных газопроводов. Наибольшие противоречия в Европе и США вызывает проект «Северный поток-2». Российские и европейские компании столкнулись с определенным давлением со стороны США, которое выразилось в форме санкций, дискредитирующих данный проект информационных кампаниях в СМИ, а также политических заявлений.

Однако США и раньше предпринимали попытки ограничить проникновение российских компаний на европейский энергетический рынок. Так, в 1981 году при строительстве газопровода Уренгой — Помары — Ужгород США ввели эмбарго на поставку турбин, необходимых для транспортировки газа из СССР в Западную Европу, что усложнило процесс строительства, но проект был успешно реализован. Тогда США официально обосновали свои действия как ответ на ввод советских войск в Афганистан, однако истинная причина заключалась в желании Вашингтона не допустить роста зависимости западноевропейских экономик от советского газа. Для провала такого курса есть существенная причина: в 1981 году проекты, предложенные СССР, были крайне выгодны Европе, так как позволили закупать оптом советский газ

более высокого качества, чем сжиженный газ, а также по ценам ниже рыночных [3]. В 1981 г. ФРГ и СССР удалось успешно реализовать совместный энергетический проект, несмотря на ограничения со стороны США. И хотя коллективный Запад отрицательно отреагировал на начало Советским Союзом боевых действий в Афганистане, экономические интересы были поставлены выше блоковой солидарности. В настоящий момент ситуация практически аналогичная: США стремились помешать запуску «Северного потока-2», а Россия начала специальную военную операцию на территории суверенного государства. Однако на этот раз Вашингтон сумел убедить европейских союзников в необходимости заморозить ввод в эксплуатацию «Северного потока-2».

Вашингтон аргументирует свою агрессию по отношению к российским поставкам газа тем, что европейские союзники могут стать слишком зависимыми от воли Москвы. Газопроводы понимаются американской стороной как «гибридное оружие» в случае конфронтации России и коллективного Запада. Данные опасения не имеют под собой основания, убежден Саша Ломанн, ученый из исследовательской группы «Америка» Германского института международной политики и безопасности. Исследователь заявляет, что между Россией и Западом за последние 50 лет возникали довольно серьезные противоречия: война в Южной Осетии в 2008 г., политический переворот на Украине в 2014 г., участвовавшие учения НАТО вблизи российской границы; однако ни в одной из вышеперечисленных ситуаций Россия не использовала поставки газа для оказания давления на европейские страны. Тем не менее, недавняя приостановка процесса сертификации «Северного потока-2» в краткосрочной перспективе делает невозможным эксплуатацию данного газопровода. Германия потребляет около 180 млрд куб. м, что составляет треть от всех поставок российского газа в Европу. Однако, учитывая потребности немецкого бизнеса, министерство экономики Германии не исключает возобновления работы с Россией по вводу газопровода в эксплуатацию. Также стоит отметить тот факт, что Россия добросовестно исполняет обязательства по поставкам газа, используя действующие газопроводы, в том числе поставки бесперебойно идут по территории Украины, что подтверждает намерения Москвы сохранять конструктив-

ные отношения с Европой в энергетической сфере. Распоряжение Президента РФ В. Путина об оплате российского газа в рублях также стало причиной серьёзного осложнения экспорта российских энергоносителей за рубеж. Представленная Россией новая схема оплаты не содержит в себе коренных изменений ранее заключенного контракта, из-за которых можно было бы расторгнуть данный контракт в одностороннем порядке, согласно заявлению Еврокомиссии, оплата российского газа рублями будет считаться нарушением ранее наложенных санкций. Тем не менее, недолго колеблющиеся Венгрия, а также Словакия и Болгария в конечном итоге выразили готовность проводить оплату в соответствии с новой схемой. Пойдет ли на такой шаг Германия, в настоящий момент сложно сказать, поскольку, с одной стороны, существует объективная потребность в российских углеводородах, но, с другой стороны, официально Германия выступила против инициативы России. Предполагается, что данная дилемма может быть разрешена в ближайшее время.

Таким образом, Германия настроена на сотрудничество с Россией в сфере экспорта российского газа, однако сложившаяся геополитическая обстановка мешает реализовать имеющиеся намерения в полной мере. Россия действительно занимает треть в объемах поставок газа на рынок Германии, но немецкий потребитель также использует газ из Норвегии и Нидерландов [4]. Эти поставщики были выбраны с целью диверсификации поставок, однако количества норвежского газа и нефти — при сохранении текущих объёмов поставок — хватит примерно до 2040 года; правительство Нидерландов в свою очередь приняло решение прекратить добычу газа в стране, поскольку в противном случае стране угрожает экологическая катастрофа. В такой ситуации РФ выступает надежным поставщиком, так как ее запасы ресурсов позволяют удовлетворить не только немецкий спрос, но и общеевропейский [5]. Также российская политическая элита не пойдет на риск потери поступлений в бюджет в связи с продажей газа в Европу и не станет использовать поставки как средство воздействия на ЕС. Тем не менее, возобновление сотрудничества возможно только после урегулирования украинского конфликта, что в краткосрочной перспективе маловероятно.

Помимо газа стороны также заинтересованы в экспорте российской нефти, который начался в 1960-е. Нефтепровод «Дружба» соединил СССР, Венгрию, Польшу, Чехословакию и ГДР, открыв путь советской нефти на рынок ФРГ. Сейчас основной объем нефти перекачивается по нефтепроводам БТС-1 и БТС-2, что позволяет не использовать транзит через страны Балтии. Россия поставляет 34% необходимой Германии нефти, что существенно меньше доли российского газа или угля в экономике Германии.

Безусловно, нефтепродукты в долгосрочном плане все еще будут являться основным источником топлива для многих средств наземного, водного и воздушного транспорта. Однако согласно «Энергетической дорожной карте 2050», принятой в Германии, планируется замена нефти и угля газом, объемы потребления которого ежегодно растут. Данное обстоятельство существенно усложняет процесс кооперации России и Германии в области поставок нефти в долгосрочной перспективе. Тем не менее, доля российской нефти составляет 1/3 от всего объема поставок, что будет способствовать российско-германской кооперации в области экспорта нефти в кратко- и долгосрочной перспективах. Ситуация осложняется на фоне возможного эмбарго на поставки российской нефти в страны ЕС. В настоящий момент европейские предприниматели стараются адаптироваться к проблемам, вызванным санкционным давлением на РФ. Так, появилась «латвийская нефтяная смесь», содержание российской нефти в которой составляет менее 50%, что позволяет некоторым иностранным компаниям (например, британско-нидерландской Shell) продолжать закупать российскую нефть, объявив при этом о выходе из совместных проектов и приостановке инвестиций в РФ. Для снижения зависимости от российской нефти ЕС может предпринять попытку диверсифицировать поставки, нарастив поставки с Ближнего Востока. Однако страны, обладающие наибольшими запасами углеводородов (Саудовская Аравия, Иран, Ирак), вследствие ряда причин, как геополитических, так и экономических, не могут в короткие сроки обеспечить Европу необходимым количеством топлива [6]. Европейские политики старательно обходят вопрос отказа от российской нефти и не спешат прибегать к подобным мерам, однако даже если эмбарго не будет наложено, учитывая критически воз-

росший уровень конфронтации между Россией и Западом, рассчитывать на углубление связей в сфере поставок нефти довольно бесперспективно. Наиболее вероятным сценарием в среднесрочной перспективе является постепенное сокращение доли российской нефти в немецкой экономике и расширение практики применения смесей, подобных «латвийской», содержащих существенное количество российской нефти.

Относительно схожие перспективы ожидают и уголь. Российский уголь составляет 45% от общего объема поставок в Германию, однако, по словам Клауса Эрнста, депутата Бундестага, немецкое правительство в будущем намерено отказаться от выработки электричества посредством сжигания угля, соответственно, доля данного вида источника энергии будет падать. Однако, как и в случае с нефтью, в ближайшие 25–30 лет полностью отказаться от угля Германия не сумеет, хотя и будет постепенно уменьшать его потребление. Касательно российского угля, сценарий будет схож с нефтяным. Доля российского угля в экономике Германии составляет практически половину. Заменить такой объем в течение 1 года, как об этом заявляют немецкие политики, достаточно проблематично, если вообще возможно. ЕС уже согласовал проект по эмбарго на закупку российского угля, которое вступит в силу в августе 2022 г. В теории для Германии останется возможность покупать российский уголь через посредников. Для этой роли подойдут европейские страны, которые не входят в ЕС: Сербия и Турция кажутся наиболее вероятными кандидатами. Однако цена товара может значительно вырасти, учитывая трудности с логистикой, а также оплату «посреднических» услуг.

Что касается ядерной энергетики, то в данном случае сотрудничество между Россией и Германией по линии строительства и эксплуатации атомных электростанций не представляется возможным в силу отказа правительства Германии от ядерной энергетики после трагических событий на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. в Японии. При строительстве АЭС необходимо учитывать географические условия местности, на которой возводится станция. Территория Японии сейсмически не стабильна, землетрясения и цунами — довольно частое явление. В то же время в Германии за последний год зафиксировано 3 землетрясения магнитудой

4 балла, что не представляет опасности для построек, в том числе и для АЭС [7]. Цунами на территории Германии также маловероятны. В контексте строительства подобных электростанций позиция Германии складывается из множества факторов, начиная от экологических и заканчивая вопросами партийной борьбы за избирателей, которые с опасением относятся к АЭС. Однако перспектива отказа от российских энергоресурсов может вновь поставить вопрос о необходимости использования атомной энергии. Локомотивом строительства АЭС выступает Франция, она будет являться главным реализатором подобных проектов. Традиционно ей оппонировала Германия, но в нынешних реалиях, возможно, немецкое общество пересмотрит свою позицию относительно «мирного атома». Несмотря на это, российские компании вряд ли смогут принять участие в гипотетическом строительстве немецких АЭС, соответственно, начала российско-немецкой кооперации в данных проектах ждать не стоит.

Тем не менее перспективы российско-германского сотрудничества в сфере развития технологий возобновляемых источников энергии были крайне многообещающими. В ЕС наиболее существенных успехов добилась Швеция, производящая более 50% необходимой электроэнергии с помощью ВИ. Турция также преуспела в деле развития «зеленых» технологий, там особо эффективными себя показали солнечные батареи и ветрогенераторы. Однако, как и с АЭС, необходимо учитывать географические особенности той или иной страны. В Нидерландах достаточно широкое распространение получили ветрогенераторы из-за частой ветреной погоды, но, например, на севере Италии такой способ добычи энергии не будет столь эффективен. Для данного региона страны больше подойдут солнечные батареи или приливные электростанции. В Германии наиболее перспективным является использование гидроэлектростанций. Несмотря на аварию на Саяно-Шушенской ГЭС, в целом можно сказать, что у России есть богатый опыт в качественном строительстве и эффективной эксплуатации подобных объектов [8]. В настоящий момент ВИЭ неспособны полностью заменить собой ископаемое топливо, а аналитик Кирстен Вестфаль отмечает, что спрос на газ в Европе будет расти в зависимости от погодных условий, что делает пока невоз-

можным отказ от данного вида энергии, однако необходимо совершенствовать практику добычи энергии «зелеными» технологиями для улучшения экологической обстановки в мире. Данное мнение разделяет Роберт Шперфельд из Фонда Генриха Бёлля. Эксперт считает, что немецким предпринимателям необходимо инвестировать в развитие российской инфраструктуры, позволяющей синтезировать «зеленый» водород для того, чтобы в дальнейшем получать более выгодные контракты на его транспортировку в Европу. Также возможны совместные проекты по строительству ветрогенераторов, малых гидроэлектростанций, солнечных батарей. Однако для более широкой кооперации с Германией Россия должна добиться успехов в собственной декарбонизации, считает Хубертус Бардт, директор Института немецкой экономики [9]. Тем не менее, последние события на Украине сделали практически невозможными инвестиции в российский сектор развития возобновляемых источников энергии.

Таким образом, энергетическое сотрудничество по линии Москва — Берлин способно решить проблему доступа европейского потребителя к дешевой энергии путем предоставления долгосрочных контрактов со стороны России. Кооперация в сфере использования ископаемых ресурсов будет постепенно снижаться, что обусловлено курсом ЕС на «зеленую» экономику, а также конфронтацией с РФ по вопросу будущего Украины. Сокращение практики использования ископаемых ресурсов затронет прежде всего уголь и нефть, в то время как доля газа в экономике Германии будет только увеличиваться, вопрос состоит в том, кто сможет в обозримой перспективе заменить российские поставки. России и Германии также стоит тщательнее рассмотреть возможность более тесного взаимодействия в области развития ВИЭ, но лишь в долгосрочной перспективе. В краткосрочной перспективе, к сожалению, невозможна не только интенсификация сотрудничества в сфере энергетики, но и сохранение продуктивного партнерства на уровне 2014–2021 гг. Усиливающееся санкционное давление на Россию, рост агрессивной риторики в заявлениях представителей высших эшелонов исполнительной власти Германии в отношении не только военно-политических акций Москвы, но и в сфере ведения торговых операций со своими прежними партнерами

не свидетельствуют о том, что Германия в настоящий момент готова вернуться к курсу на воссоздание доверительных отношений на том высоком уровне, на каком они пребывали до 24.02.2022. Тем не менее, правительство Германии в вопросах энергетического сотрудничества с Россией даже в момент конфронтации старается придерживаться конструктивной позиции, что свидетельствует о том, что к полному разрыву энергетических связей Берлин пока не готов. Это в свою очередь оставляет «точки соприкосновения» для поиска взаимовыгодного компромисса (насколько он в нынешних условиях возможен).

Библиография

1. Energy roadmap 2050. URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2012_energy_roadmap_2050_en_0.pdf — 12.02.2022.
2. Зеленый курс ЕС. URL: <https://wecoop.eu/ru/glossary/green-deal> — 12.02.2022.
3. В МИД рассказали о роли России в энергетической безопасности в Европе // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2022/01/27/nord_stream_zaycev — 12.02.2022.
4. Welt: ФРГ будет сложно найти замену российским энергоресурсам при прекращении поставок // TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13563255> — 12.02.2022.
5. В Германии заявили о важности российского газа для Европы // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2022/01/18/baerbock_gasrussia — 12.02.2022.
6. Европейский зеленый курс разорит сельское хозяйство не только в ЕС // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/3401861.html> — 12.02.2022.
7. Землетрясения в Германии магнитудой выше 1.0 (за прошедшие 365 дней). URL: <https://www.volcanodiscovery.com/ru/earthquakes/germany.html> — 16.04.2022.
8. Германия и Россия нашли новые точки роста // RBC.ru URL: <https://plus.rbc.ru/news/607564187a8a955d643171d> — 12.02.2022.
9. Позиция ВТП по партнерству РФ и ФРГ в сфере водородной энергетики. URL: <https://russland.ahk.de/ru/mediacentr/novosti/detail/pozicija-vtp-za-partnerstvo-rf-i-frg-v-sfere-vodorodnoi-ehnergetiki> — 12.02.2022.

Дмитриев Даниил Александрович

*Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации
Факультет международных отношений
Бакалавриат*

**Российское направление внешней политики
«светофорного правительства» в Германии:
вызовы, возможности и формирование тенденций**

The Russian Direction of Foreign Policy of “Traffic Light
Government” in Germany:
Challenges, Chances and Trend Formation

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать основные вызовы и возможности для двусторонних российско-германских отношений в период правления «светофорного правительства», а также выявить ключевую тенденцию их развития. Для осуществления поставленной цели автор прибегает к рассмотрению позиций правящих партий по отношению к России на основе предвыборных программных документов. Кроме того, автор изучает коалиционное соглашение «светофорного правительства». Существенная часть работы фокусируется на актуальных проблемах двусторонних контактов между странами на современном этапе. В частности, в работе уделяется внимание реакции правительства Германии на проведение Россией специальной военной операции.

Ключевые слова: «светофорное правительство», СДПГ, СвДП, Союз 90/Зеленые, коалиционное соглашение 2021, специальная военная операция.

Abstract. The article aims at analyzing the main challenges and chances for the bilateral Russian-German relations under the “traffic light government” and at detecting the key tendency in their development. To achieve that, the author analyses the ruling parties’ stances on the relations with Russia, based on the documents of their electoral programs. Moreover, the author explores the coalition agreement of the “traffic light government”. A substantial part of the paper is focused on current problems in bilateral contacts between the countries at

the present stage. The article pays attention to the reactions of the German government to the special military operation, conducted by Russia, in particular.

Keywords: the “traffic light government”, SPD, FDP, Alliance 90/The Greens, the 2021 coalition agreement, the special military operation.

Введение

В декабре 2021 года завершилась эра канцлерства Ангелы Меркель. В Германии было сформировано новое коалиционное правительство во главе с канцлером от СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) Олафом Шольцем. Кроме социал-демократов, министерские портфели получили «Зеленые» и свободные демократы, которые, в отличие от старших партнеров, впервые за долгое время перешли в категорию правящих партий. Образованное правительство носит имя «светофорное». В немецком политическом дискурсе «светофорным» следует называть правительство/коалицию, в состав которой входят «красная» (СДПГ), «зеленая» (Союз 90/ Зеленые) и «желтая» (СвДП — Свободная демократическая партия) партии. Подобная цветовая палитра — уникальное явление в истории страны на федеральном уровне.

С закреплением новой правительственной коалиции в Германии особый интерес приобретает изучение новых подходов во внешней политике страны. Настоящая работа посвящена российскому вектору внешней политики Германии, одному из ключевых и наиболее противоречивых.

Цель настоящего исследования заключается в анализе основных вызовов и возможностей для развития двусторонних российско-германских отношений. Кроме того, в целях выявления тенденций развития российско-германских контактов существенная часть работы фокусируется на актуальных кризисах между странами на современном этапе.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Изучить отношение правящих партий к России на основе программных документов.

2. Рассмотреть цели «светофорного правительства» на российском направлении внешней политики на основе коалиционного соглашения.
3. Проанализировать развитие двусторонних контактов в период с декабря 2021 г. по апрель 2022 г. и выявить общую тенденцию.

СДПГ

СДПГ — одна из двух «народных партий» Германии, в истории которой не последнюю роль играли особые отношения с Советским Союзом и впоследствии с Россией. Расцвет немецкой социал-демократии в 1970-е подарил советско-западногерманскому диалогу на волне разрядки международной напряженности эпоху «новой восточной политики», связанную с именем канцлера Вилли Брандта. Основным достижением «новой восточной политики» Брандта в отношениях с советской державой следует признать Московский договор от 12 августа 1970 года, в котором стороны подтвердили свои стремления «содействовать упрочению мира и безопасности в Европе и во всем мире» [1].

Из более позднего времени можно отметить период канцлерства Герхарда Шрёдера (СДПГ, 1998–2005). Примером потепления в отношениях может служить закрепленное в коалиционном соглашении 2002 года стремление немецкой стороны выстраивать с Россией «долгосрочное партнерство в сфере безопасности» [2, р. 73].

Тот факт, что СДПГ одержала победу на выборах в Бундестаг в сентябре 2021 г., в целом придавал будущим российско-германским отношениям определенную степень предсказуемости. В годы канцлерства Меркель СДПГ три раза становилась младшим партнером ХДС/ХСС (2005–2009, 2013–2017, 2017–2021). За этот промежуток две партии выработали общий устойчивый подход к восточному соседу, именуемый иногда парадигмой *business as usual* [3, р. 2]. Суть этой концепции состоит в выстраивании разумных, прагматичных отношений с Россией, отвечающих интересам Германии, без создания ложных иллюзий по отношению к партнеру. В сегодняшней ситуации исключать передачу политического наследия

«большой коалиции»¹ «светофорной» не следует. Тем не менее, в предвыборной программе СДПГ «Aus Respekt vor deiner Zukunft. Das Zukunftsprogramm der SPD» все же содержатся критические оценки действий Москвы. СДПГ критикует Россию за использование запрещенного международными соглашениями отравляющего вещества «Новичок», осуждает «аннексию» Крыма, поддержку «сепаратистов» на востоке Украины, многочисленные кибератаки [4, р. 59–60]. Тем не менее, тон критики в пунктах документа весьма сдержан.

Союз 90/«Зеленые»

В то время как победа СДПГ в целом устраивает российское руководство, появление «Зеленых» в новом кабинете не может вызывать положительную реакцию. Партия немецких «Зеленых» традиционно выступает одним из самых последовательных и непримиримых критиков России. В программном документе «Deutschland. Alles ist drin. Bundestagswahlprogramm 2021» партия открыто признает Россию страной, которая «превращается в авторитарное государство», угрожающее «демократии, стабильности и миру в ЕС» [5, р. 229] Однако ключевым пунктом критики «Зеленых» следует признать «Северный поток-2» (далее — «СП2»), который в документе признается как «направленный против энергетических и геостратегических интересов ЕС [5, р. 230]. Тем не менее, жесткая позиция «Зеленых» по «СП2» до эскалации конфликта на Украине в феврале 2022 года ненадолго стала более конструктивной. Подобная метаморфоза объясняется процессом перехода партии из оппозиции в правительство.

СвДП

Несколько иной акцент приобретает критика России в предвыборной программе СвДП. Свободные демократы — сторонники либерализма с ярко выраженными интересами в сфере реализа-

¹ «Большая коалиция» (GroKo) — принятое в немецком политическом дискурсе наименование коалиции, в состав которой входят обе «народные партии» (Volksparteien) — ХДС/ХСС и СДПГ.

ции и гарантии прав человека. Хотя документ «Nie gab es mehr zu tun. Wahlprogramm der Freien Demokraten», как и программа «Зеленых», содержит призыв к приостановке строительства «СП2» [6, р. 49], большее внимание все-таки уделяется состоянию прав человека в России. Так, реализация проекта «СП2» увязывается с «проведением всеобъемлющего независимого расследования» [6, р. 49] по инциденту с Навальным. Кроме того, Россию критикуют за поддержку «диктаторов» — Александра Лукашенко (Республика Беларусь) и Башара Асада (Сирия), за убийство Бориса Немцова в 2015 году, за «физическое и политическое уничтожение видных оппозиционных деятелей», за «массовое задержание мирных демонстрантов» и за «систематическое ограничение свободы прессы» [6, р. 53]. Более того, свободные демократы заявляют о своей готовности активно использовать каналы для общения с Россией по линии общественных организаций, таких как «Мемориал»² [6, р. 53].

Таким образом, нельзя сказать, что из трех партий «светофора» есть хотя бы одна, которая полностью или по многим вопросам разделяет курс России. Две младшие партии («Зеленые» и СвДП) выступают с жесткой критикой Москвы, СДПГ пытается не обострять отношения, делает ставку на поиск точек соприкосновения с РФ, но всё же ее характеристика как «пророссийской» партии была бы в корне неверна.

Коалиционное соглашение 2021

В коалиционном соглашении партий России уделено не так много внимания. В целом партнеры по «светофору» выступают за «субстанциональные и стабильные отношения» с Россией [7, р. 122]. Подобная формулировка на фоне предыдущего коалиционного соглашения между ХДС/ХСС и СДПГ 2018 года, в тексте которого использовалось словосочетание «хорошие отношения» [8, р. 149], успела разочаровать ряд исследователей.

Согласно актуальному соглашению, правящая коалиция видит перспективу сотрудничества с Россией в сфере разоружения и контроля над вооружениями [7, р. 115], в сфере здравоохранения

² 28 декабря 2021 г. «Международный мемориал» был ликвидирован по решению Верховного Суда РФ

и защиты климата [7, р. 122]. Кроме того, партнеры демонстрируют заинтересованность в создании безвизового пространства для определенных групп: например, для молодежи до 25 лет [7, р. 122]. В договоре не упускается возможность упомянуть «аннексию» Крыма, конфликт на Украине, права человека, а также непризнание легитимности режима Лукашенко в Беларуси, ближайшей союзницы России. «СП2» не упоминается.

Формирование тенденций

События последних пяти месяцев (декабрь-апрель) мало чем могут порадовать. Российско-германские отношения, к сожалению, продолжают приближаться к низшей точке своего развития.

Еще до начала специальной военной операции между Россией и Германией произошло несколько микрокризисов. К их числу следует отнести процесс по «убийству в зоопарке» («Tiergartenmord») и связанную с ним высылку российских и немецких дипломатов, запрет вещания на территории Германии RT DE — Russia Today в Германии и закрытие иностранного бюро «Немецкой волны» («Deutsche Welle») в Москве.

Серьезным испытанием для российско-германских отношений остается кризис на Украине. До начала специальной военной операции на Украине, несмотря на встречи на высоком (визит А. Бербок, главы МИД ФРГ, в Москву 18 января 2022 г.) и высшем (визит О. Шольца в Москву 15 февраля 2022 г.) уровнях, а также регулярные телефонные контакты, отношения тогда еще оставались напряженными.

Ситуация усугублялась массовой истерией в немецких СМИ о планируемом «вторжении России» на Украину. В этой связи показателен пример «желтого» издательства «Бильд» («Bild»), которое еще в начале февраля рассказало о «планах» Москвы на Украину, в числе которых было создание «народной» Рады, «марионеточного правительства» и лагерей для несогласных на территории западного соседа [9].

Тем не менее, нужно отдать должное дипломатическому подходу нового правительства в украинском конфликте на первом этапе (до начала специальной военной операции). Так, Германия

систематически отклоняла все просьбы украинской стороны о поставках оружия [10]. Кроме того, Шольц вплоть до признания ДНР и ЛНР 22 февраля 2022 г. долгое время не решался конкретизировать возможный пакет санкционных мер против России в случае ее вторжения в Украину [11]. Канцлер также ни разу не упомянул «СП2» и на встрече с Джо Байденом в Вашингтоне 7 февраля 2022 г.

Признание ДНР и ЛНР, а также начало специальной военной операции на Донбассе резко изменили международную ситуацию. Основные позиции немецкой стороны, которые в России при должном желании можно было бы охарактеризовать как «сдержанные» и «конструктивные» («СП2», отказ от поставок оружия), претерпели кардинальные изменения в первые же дни после начала военных действий.

На следующий день после признания ДНР и ЛНР правительство Германии приостановило сертификацию «СП2» [12], однако не заявило о полном отказе от проекта.

26 февраля 2022 г. эксперты-германисты назвали переломным моментом в российском векторе внешней политики Германии. В этот день ФРГ заявила о своей готовности начать поставку вооружений на Украину [13]. Речь шла об оснащении украинской стороны различными противотанковыми управляемыми ракетами (ПТУР), ракетами «земля–воздух» («Стингеры»), переносными зенитно-ракетными комплексами (ПЗРК).

Германия присоединилась к другим партнерам по НАТО и ЕС и приступила к формированию пакета санкционных мер. Общим трендом для западной индустрии стала временная приостановка деятельности в России. К этому тренду присоединились и немецкие промышленные гиганты. Об остановке производства автомобилей в России заявили BMW, Volkswagen, Mercedes-Benz. Поставки и новые проекты приостановил Siemens, а также другие крупные концерны.

Сотрудничество с Россией было свернуто по всем направлениям: не только в сфере экономики, но и в сфере научного обмена. Так, например, федеральный министр образования и научных исследований Германии Беттина Штарк-Ватцингер (СвДП) заявила, что «все текущие и планируемые проекты с Россией будут заморожены и критически пересмотрены». По ее словам, «трансфер

технологий больше невозможен» [14]. Существенный удар по академическому и научно-студенческому сотрудничеству был нанесен и решением DAAD (Deutscher Akademischer Austauschdienst — Германская служба академических обменов) о приостановке программ академического и студенческого обмена [15].

Показательно и серьезное изменение отношения населения Германии к России с момента начала специальной военной операции: по результатам опросов на конец января, лишь 22% респондентов выступало за более жесткий курс по отношению к России и лишь 36% верило, что Россия совершит нападение на Украину [16]. Однако результаты опросов, опубликованные 03.03.2022, свидетельствуют о резком изменении настроений в Германии: так, 77% опрошенных верят, что Украина будет полностью оккупирована, 69% респондентов считают, что события на Украине перерастут в большую войну в Европе, 53% считают проводимую санкционную политику правительства по отношению к России правильной, а 25% считают ее, напротив, слишком мягкой (результаты из одного опроса), 67% поддерживают приостановку сертификации «СП2», 65% высказались за выделение 100 млрд евро на нужды Бундесвера, 70% выступают за увеличение военных расходов до 2% от ВВП (критерий НАТО), 61% поддерживают поставки оружия Украине, и только 6% опрошенных рассматривают Россию в качестве надежного партнера [17].

Кризис на Украине нанес ощутимый урон и российско-немецким контактам в сфере энергетического сотрудничества. Помимо упомянутого «СП2», следует отметить запуск программы снижения зависимости от импорта энергоресурсов из России. Роберт Хабек, вице-канцлер Германии и министр экономики и проблем изменения климата, приступил к поиску новых экспортеров энергоресурсов для Германии. Например, им были проведены переговоры с представителями Катара 19–20.03.2022, а также с представителями ОАЭ 21.03.2022. До своего турне по странам Ближнего Востока Хабек посетил Норвегию 16–17.03.2022 [18]. На всех переговорах обсуждалась возможность реализации долгосрочного энергетического сотрудничества, в частности, были затронуты вопросы потенциального взаимодействия в сфере водородной энергетики. Визиты министра в арабские страны лишней раз сви-

детельствуют о серьезности складывающейся ситуации для двусторонних отношений. Ранее в Германии полностью исключалась любая возможность сотрудничества со странами (например, арабскими — Катар), где существуют проблемы с реализацией прав человека.

Тем не менее, несмотря на общую негативную оценку действий России на Украине, несмотря на рост антироссийских настроений в немецком обществе, несмотря на многочисленные санкции и приостановленные программы сотрудничества, Германия все же остается скорее на умеренных позициях. Германия, как и руководство НАТО в целом, выступила резко против любых предложений украинской стороны по установке бесполетной зоны над территорией Украины.

В середине апреля 2022 года в Германии разгорелась дискуссия о возможностях поставки на Украину тяжелых вооружений — танков, самоходных гаубиц. Хотя две правящие партии (СвДП и «Зеленые») настоятельно требуют приступить к поставкам тяжелых вооружений (показательны высказывания Мари-Агнес Штрак-Циммерман (СвДП, председатель комитета обороны Бундестага) и Антона Хофрейтера («Зеленые», председатель европейского комитета Бундестага [19])), личная позиция Шольца и партийного руководства СДПГ отличается от позиций младших партнеров. Известный «дипломатический подход» или, с позиции западных партнеров, «нерешительность» СДПГ на данный момент блокирует начало поставок тяжелых вооружений на Украину, что позволяет надеяться на возможность нормализации двусторонних российско-немецких контактов.

Выводы

Сейчас весьма трудно дать прогноз на будущее российско-немецкого диалога. Анализ предвыборных программ и коалиционного соглашения не сулит никакого прорыва в отношениях, однако потенциал для их нормализации остается (водородная энергетика, защита климата). Украинский кризис резко ухудшил отношения между Россией и Германией. Тем не менее, хочется верить, что традиционный прагматизм немецкой внешней политики, гарантом

которого, вероятно, сегодня выступает СДПГ, в ближайшем будущем все-таки возьмет верх над жестким антироссийским курсом.

Библиография

1. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германия [Московский договор]. 12 августа 1970 г. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0017_mos&object=translation&l=ru — 20.04.2022.
2. Koalitionsvertrag 2002–2006: Erneuerung — Gerechtigkeit — Nachhaltigkeit. Für ein wirtschaftlich starkes, soziales und ökologisches Deutschland. Für eine lebendige Demokratie, 2002. URL: <https://www.nachhaltigkeit.info/media/1248173898php7wc9Pc.pdf> — 20.04.2022.
3. *Adomeit Hannes*. German-Russian Relations: Change of Paradigm versus “Business as Usual” // Note du Cerfa. 2015. No. 120.
4. Aus Respekt vor Deiner Zukunft. Das Zukunftsprogramm der SPD // SPD. 2021. URL: <https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Programm/SPD-Zukunftsprogramm.pdf> — 20.04.2022.
5. Bündnis 90 / Die Grünen. Deutschland, Alles ist Drin. Bundestagswahlprogramm 2021. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf — 20.04.2022.
6. Nie gab es mehr zu tun. Wahlprogramm der Freien Demokraten // FDP. 2021. URL: https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-08/FDP_BTW2021_Wahlprogramm_1.pdf — 20.04.2022.
7. Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit // SPD, Bündnis 90 / Die Grünen & FDP. 2021. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf — 20.04.2022.
8. Ein neuer Aufbruch für Europa, eine neue Dynamik für Deutschland, ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD // CDU/CSU, SPD. 2018. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/847984/5b8bc23590d4cb2892b31c987ad672b7/2018-03-14-koalitionsvertrag-data.pdf?download=1> — 20.04.2022.
9. Bild сообщила о плане России создать «народную» Раду и лагеря на Украине // РБК. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/02/2022/61fe20069a7947bd8038cf06> — 20.04.2022.
10. Baerbock stößt mit ihrem „Nein“ zu Waffenlieferungen auf Unverständnis in der Ukraine // Handelsblatt. 2022. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/aussenministerin-in-kiew-baerbock-stoesst-mit-ihrem-nein-zu-waffenlieferungen-auf-unverstaendnis-in-der-ukraine/28046496.html> — 20.04.2022.

11. Nord Stream 2: Auch für SPD-Spitze „alle Optionen auf dem Tisch“ // Handelsblatt. 2022. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/ukraine-krise-nord-stream-2-auch-fuer-spd-spitze-alle-optionen-auf-dem-tisch/27999464.html?ticket=ST-2056932-hQjlvblgrewjdGxQo59G-ap5> — 20.04.2022.
12. Bundesregierung stoppt Zertifizierung von Nord Stream 2 // Frankfurter Allgemeine. 2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/ukraine-konflikt-scholz-stoppt-inbetriebnahme-von-nord-stream-2-17824275.html> — 20.04.2022.
13. Bundesregierung liefert Waffen aus Bundeswehr-Beständen an die Ukraine // Bundesregierung. 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/bundesregierung-liefert-waffen-aus-bundeswehr-bestaenden-an-die-ukraine-2008214> — 20.04.2022.
14. Wissenschaft, Kultur, Sport — überall wächst der Druck auf das System Putin // Welt. 2022. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article237151661/Ukraine-Konflikt-Druck-auf-Putin-in-Wissenschaft-Kultur-und-Sport.html> — 20.04.2022.
15. DAAD schränkt wissenschaftlichen Austausch mit Russland ein // DAAD. 2022. URL: <https://www.daad.de/de/der-daad/kommunikation-publikationen/presse/pressemitteilungen/einschraenkung-austausch-russland> — 20.04.2022.
16. Hälfte der Deutschen hält Putin für gefährlich — aber viele wollen keine Konfrontation // Spiegel. 2022. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-konflikt-die-deutschen-halten-putin-fuer-gefaehrlich-wollen-aber-keine-konfrontation-a-8c90b05e-2c2e-4657-a297-ad3788f1d631> — 20.04.2022.
17. Mehrheit unterstützt deutschen Ukraine-Kurs // Tagesschau. 2022. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-2925.html> — 20.04.2022.
18. Deutschland und Norwegen vereinbaren Zusammenarbeit für Wasserstoff-Importe Einleitung // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. 2022. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Pressemitteilungen/2022/03/20220316-deutschland-und-norwegen-vereinbaren-zusammenarbeit-fur-wasserstoff-importe.html> — 20.04.2022.
19. Strack-Zimmermann und Hofreiter fordern erneut Waffen für die Ukraine // Zeitonline. 2022. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-04/ukraine-waffenlieferung-anton-hofreiter-marie-agnes-strack-zimmermann> — 20.04.2022.

Егорова Елизавета Эдуардовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Аспирантура

**Сохранение русского языка и культуры во Франции:
история вопроса и перспективы развития
(на примере региона Прованс — Альпы —
Лазурный Берег)**

**Preservation of the Russian Language and Culture in France:
Background and Development Prospects
(The Case of the Provence — Alpes —
Côte d'Azur Region)**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема формирования и развития русской диаспоры в регионе Прованс — Альпы — Лазурный Берег с точки зрения сохранения русского языка и культуры у эмигрантов и их детей. Поставленная проблема была рассмотрена в исторической динамике, были проанализированы попытки представителей русской диаспоры распространить русский язык и культуру на юге Франции (музыкальные вечера барона фон Дервиза, русская школа «Александрино», центр двуязычного развития «Солнышко»). Изучив статистические данные Министерства национального образования Франции, была определена тенденция к уменьшению количества французских учащихся, выбирающих для изучения русский язык. Автором были предложены возможные варианты решения проблемы популяризации русского языка и культуры во Франции.

Ключевые слова: русская диаспора, регион Прованс — Альпы — Лазурный Берег, русский язык, русская культура, дореволюционный период, первая волна .

Abstract. This article discusses the problem of the formation and development of the Russian diaspora in the Provence — Alpes — Côte d'Azur region in terms of preserving the Russian language and culture among emigrants and their children. The problem was considered in historical dynamics, the author analyzed the attempts of the Russian diaspora to popularize the Russian language and culture in the south

of France (musical evenings of Baron von Derviz, the Russian school “Alexandrino”, the center of bilingual education “Solnyshko”). Having studied the statistics of the Ministry of National Education of France, the author determined a trend towards a decrease in the number of French students who study the Russian language. As a conclusion, the author suggested possible ways of popularization of the Russian language and culture in France.

Keywords: Russian diaspora, Provence — Alpes — Côte d’Azur region, Russian language, Russian culture, pre-revolutionary period, first wave.

Введение

Проблема российско-французских отношений имеет давнюю историю и по-прежнему остается одной из самых актуальных в сфере гуманитарных исследований. Особое место занимает тема русского зарубежья во Франции, так как русскоговорящая часть населения страны оказывает немалое влияние на характер отношений принимающей страны и страны происхождения.

Основным политическим, общественным и культурным центром русской эмиграции во Франции, безусловно, является Париж. Эта тенденция наблюдается во все периоды формирования русской диаспоры во Франции (первая, вторая, третья и четвертая волны русской эмиграции). Именно в Париже создано большинство эмигрантских организаций, открыты русские школы и культурные центры. В качестве примера можно упомянуть Русский дом науки и культуры, Тургеневскую библиотеку, Консерваторию им. Сергея Рахманинова, Ассоциацию классического танца Вагановой, Русскую школу дополнительного образования «Алые паруса» и т.д.

Однако наряду со столицей Франции еще один регион страны стал крупным центром сплочения представителей русского зарубежья — Прованс — Альпы — Лазурный Берег. Многие русскоговорящие эмигранты стали чаще выбирать в качестве места своего постоянного или временного пребывания такие города, как Ницца, Канны, Антиб, Ментона, Сен-Поль-де-Ванс, Мужен, Грас и т.д. В качестве подтверждения можно упомянуть данные,

которые приводит в книге «Русская Ницца» российский писатель и историк Сергей Нечаев: «...в зимний период 1881–1882 гг. в Ницце постоянно проживало более двух с половиной тысяч россиян... в 1913 году русская колония здесь насчитывала около 3300 человек» [1]. Не будем забывать, что эти цифры характеризуют состояние русской колонии (в частности, ее достаточно большой размер) в дореволюционный период, когда эмиграция еще не была массовой.

Следует подчеркнуть, что *актуальность* выбора данного региона объясняется не только значительным количеством выходцев из России в регионе, но и большим отставанием в плане научной освещенности проблемы формирования русской диаспоры в регионе Прованс — Альпы — Лазурный Берег.

С самого своего появления (с 1860-х годов) представители русского зарубежья ставили перед собой цель — способствовать популяризации русского языка и культуры в регионе, а также сохранению чувства принадлежности к России у эмигрантов и их детей. Эта цель объясняет появление русских школ и культурных центров во Франции, стремящихся воспитать молодое поколение в истинно патриотическом духе. Поэтому *научная новизна* исследования заключается в рассмотрении проблемы формирования русской диаспоры в регионе Прованс — Альпы — Лазурный Берег именно с позиции сохранения русского языка и культуры среди представителей русского зарубежья.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ и синтез информации), а также методы, традиционные для исторических исследований: диахронный и идеографический.

Теоретическую базу исследования составили труды ученых по вопросам изучения русского зарубежья во Франции, например, «Русская Ницца» Сергея Нечаева, «Был целый мир — и нет его. Русская летопись Лазурного Берега» Бориса Носика; научные статьи, посвященные проблеме популяризации русского языка и культуры во Франции (Т. М. Гулевич, М. Н. Мосейкина и др.); двусторонние соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Французской Республики; статистические и справочные материалы Управления DEPP.

Дореволюционный период формирования русской диаспоры

Активное формирование русской диаспоры в регионе Прованс — Альпы — Лазурный Берег началось с приезда в 1856 году в Ниццу вдовствующей императрицы Александры Федоровны. Это событие повлекло значительное изменение культурной, общественной и духовной жизни Лазурного Берега — в регион стал приезжать весь цвет петербургского общества, представители видных российских дворянских родов, поэты, писатели, художники. Профессор РУДН М. Н. Мосейкина так определяет вклад русскоязычного населения в общий культурно-просветительский уровень региона: «В рамках светских мероприятий происходило сохранение родного языка и национальной культурной традиции, а благодаря привлечению в этот круг иностранцев представители русского сообщества содействовали развитию межкультурного диалога» [2].

В качестве примера подобных светских мероприятий можно привести музыкальные вечера, которые организовывал в своем замке Вальроз барон Павел Григорьевич фон Дервиз. Он был известным русским предпринимателем и меценатом, крупнейшим строителем железных дорог в Российской империи. Знаменитый российский государственный и политический деятель Сергей Юльевич Витте дал ему следующую характеристику: «Дервиз несомненно был человек умный и на постройке дорог (на реализации капитала для постройки железных дорог) нажил очень большие деньги. <...> Когда он нажил очень большое состояние, то был настолько умен, что сразу бросил свои дела, уехал за границу, построил целый дворец, занимался музыкой, имел собственный театр и там же умер» [3].

Однако отметим, что Павел фон Дервиз уехал не просто так, не из-за своей прихоти, но по причине болезни своих детей и необходимости смены климата для их выздоровления. При строительстве замка Вальроз барон выгравировал на закладном камне: «Я русский, родился в России, люблю Россию и не нашел бы никакой надобности устраиваться где-либо в другом месте, если бы не находился в положении исключительном по состоянию здоровья моих

детей» [4]. Такая четкая национальная самоидентификация была характерна для большинства эмигрантов дореволюционного периода и первой волны, которые были вынуждены покинуть свою родину по различным причинам (политическим, религиозным, экономическим, медицинским и т.д.).

Замок Вальроз был центром музыкальной жизни региона Прованс — Альпы — Лазурный Берег в дореволюционный период. Концертный зал замка вмещал до 400 зрителей. Барон арендовал симфонический оркестр из 70 музыкантов под управлением величайших дирижеров того времени. 5 января 1879 года в этом театре состоялась премьера оперы Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя». Этот пример наглядно демонстрирует вклад русской диаспоры в распространение русского культурного наследия во Франции.

Сохранению и популяризации русского языка и культуры также способствовало возникновение первых очагов русского православия за пределами Российской империи. Так, благодаря стараниям и покровительству Александры Федоровны в Ницце появилась церковь Святителя Николая и Святой Мученицы Александры, которая считается одной из старейших приходских русских церквей в Западной Европе. Несмотря на «сопротивление католических властей, отнюдь не горевших желанием увидеть на своей земле церковь православной конфессии» [5], строительство, финансирование которого в большей части осуществлялось самими представителями русской колонии Ниццы, было начато. Этот факт отражает глубокую духовную связь людей, проживающих за границей (временно или на постоянной основе), со своей Родиной; и основу этой связи составляли православная вера, русский язык и русская культура.

Для существенного дополнения в воссоздании общей картины культурной жизни ниццкого общества 60–70-х гг. XIX века упомянем библиотеку, открытую в 1860 г. на первом этаже церкви Святителя Николая и Святой Мученицы Александры. Создание этого центра русской науки и культуры, который станет местом собраний представителей последующих эмигрантских волн, было инициировано поэтом и писателем, князем Петром Вяземским [6]. И сегодня в зале библиотеки регулярно проводятся мероприя-

тия для детей и их родителей, во время которых происходит более близкое знакомство русских эмигрантов с православными праздниками и церковными песнопениями.

Формирование русской диаспоры периода первой волны

Первая волна русской эмиграции также ставила перед собой задачу воспитать молодое поколение так, чтобы оно смогло внести значительный вклад в возрождение России. Многие эмигранты этого периода верили в скорое падение советской власти и надеялись, что их дети смогут когда-нибудь вернуться в Россию. В решении вышеупомянутой задачи большую роль сыграла основанная в 1925 году в Ницце школа «Александрино». Это частное учебное заведение было названо в память об Императорском Царскосельском (Александровском) лицее, открытом во флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе по указу императора Александра I, среди первых выпускников которого были Александр Горчаков, Антон Дельвиг, Вильгельм Кюхельбекер, Иван Пущин и, конечно же, Александр Пушкин. Для русского человека весьма символичным является тот факт, что учебное заведение, призванное сохранять русский язык и культуру у детей эмигрантов, тесно связано с местом, где учился основатель современного русского литературного языка, «Солнце русской поэзии» Александр Сергеевич Пушкин.

Заметим, что основатель школы «Александрино» Аркадий Николаевич Яхонтов тоже был выпускником Александровского лицея. Вместе со своей супругой он создал «русский культурный и моральный оазис», целью которого было «передать детям традиции русской культуры, поставить надежные препоны на пути их денационализации в инородной среде» [7]. «Культ оставленной родины» [8], царивший в школе «Александрино», а также качественное образование позволяли не только сохранить знание русского языка и причастность к русской культуре у эмигрантских детей, но и укрепить в их сознании тот факт, что они являются гражданами России. К сожалению, всего через 10 лет, в 1934 году, из-за возросших материальных трудностей школа вынуждена была прекратить свою деятельность.

Современный этап развития русской диаспоры

Своеобразным преемником школы «Александрино» и самым известным в регионе центром двуязычного развития является школа «Солнышко», открытая в Ницце в январе 2006 года. В качестве своей основной миссии эта школа видит оказание поддержки русскоговорящим детям, проживающим вне России, в сохранении родного русского языка. Однако школа «Солнышко» вовсе не является типичным языковым центром, где изучается исключительно иностранный язык в группах разного уровня или предлагаются курсы по подготовке к международным экзаменам. В ней кроме традиционного курса «Русский язык» также проводятся занятия по русской литературе, россиеведению, музыке, развитию речи, художественному творчеству и т.д. Одним из явных преимуществ школы является работа театральной студии, где дети имеют возможность не просто изучать русский язык, но впитывать его через песни, игры, театральные постановки, т.е. через близкое знакомство с русской культурой.

Школа «Солнышко» одной из первостепенных культурно-образовательных задач считает знакомство учащихся с так называемой русской Ниццей. Преподаватели школы рассказывают о деятелях культуры России, которые проживали в регионе (например, Антон Павлович Чехов, Иван Алексеевич Бунин, Александр Иванович Герцен), объясняют, как соотносятся названия некоторых ниццких улиц с историческими событиями, связавшими Россию и Францию (например, бульвар Царевич, авеню Николая II), показывают русские православные храмы и сохранившиеся виллы русских аристократов. Более того, в школе «Солнышко» регулярно проводятся праздники, где дети знакомятся с русскими обычаями и традициями — Новогодняя Ёлка, Масленица, Пасха, а также ежегодный летний отчетный концерт, где дети демонстрируют полученные знания в области русского языка и культуры.

Вторым важным направлением деятельности школы является обучение русскому языку как иностранному (РКИ) франкоговорящих детей и взрослых любого возраста. Обучение РКИ проходит в мини-группах по методике Санкт-Петербургского государственного университета в соответствии с тремя уровнями обучения:

начальный, средний и продвинутой. Безусловно, такие курсы вносят свой вклад в процесс популяризации русского языка в регионе Прованс — Альпы — Лазурный Берег.

Кроме школы «Солнышко» в рассматриваемом регионе существуют и другие русские центры: «Матрешка» в Ницце, «La Petite Russie» в Каннах, «Лазурики» в Жуан-ле-Пен. Однако несмотря на существование подобных языковых и культурных центров, а также старания их преподавателей, количество детей, желающих изучать русский язык во Франции, постоянно снижается. В качестве подтверждения данной тенденции можно привести данные, опубликованные на официальном сайте Министерства национального образования Франции (Ministère de l'Éducation nationale). Ежегодно Управление по оценке, перспективному прогнозированию и достижению эффективности (Direction de l'évaluation, de la prospective et de la performance, DEPP) публикует масштабный отчет «Repères et références statistiques. Enseignements. Formation. Recherche». В этом документе содержится статистическая информация о функционировании и результатах французской системы образования, в частности, рассматривается вопрос изучения различных иностранных языков учащимися общеобразовательных учреждений на всех ступенях образования.

Проанализировав архивные отчеты за период с 2009 по 2021 год, можно с уверенностью сказать, что с каждым годом, как уже было отмечено, количество французских детей, выбирающих для изучения в качестве иностранного языка русский, заметно снижается [9–15]. Так, если в 2009 году на средней ступени образования во Франции (колледжи и лицеи) 14 220 детей изучало русский язык, в 2011 г. их количество сократилось до 13 683, в 2013 г. — до 12 582, то в 2021 г. количество детей, изучающих русский язык, составило 9 303. Для сравнения рассмотрим количество детей, изучающих английский язык: 5 215 580 человек (2009 г.), 5 265 593 (2011 г.), 5 339 909 (2013 г.), 5 431 305 (2015 г.), 5 532 714 (2017 г.), 5 787 889 (2019 г.), 5 787 889 (2021 г.). Приведенные статистические данные демонстрируют стабильное увеличение французских учащихся, желающих изучать английский язык. Такая же тенденция наблюдается и в отношении испанского, немецкого и итальянского языков. В табл. 1 представлены данные по количеству француз-

ских учащихся, изучающих английский, испанский, немецкий, итальянский, русский языки на средней ступени французского образования.

Таблица 1.

Количество французских учащихся средней ступени образования (колледж и лицей) по изучаемому иностранному языку

	2009	2011	2013	2015	2017	2019	2021
Английский	5 215 580	5 265 593	5 339 909	5 431 305	5 532 714	5 787 889	5 890 968
Испанский	2 117 741	2 292 744	2 459 391	2 593 230	3 181 322	3 238 033	3 332 401
Немецкий	823 389	826 021	832 057	837 046	877 914	897 622	881 266
Итальянский	224 710	229 012	229 728	233 425	274 209	281 176	279 927
Русский	14 220	13 683	12 582	12 264	12 299	10 340	9 303

Исходя из приведенных статистических данных, можно сделать вывод, что только русский язык стремительно теряет свои позиции во французском обществе в последние десятилетия. Эту тенденцию нельзя объяснить лишь процессом глобализации, который выводит на первый план английский язык и культуру англоговорящих стран. Заинтересованность французских детей другими мировыми языками усиливается с каждым годом. Основной причиной ослабления интереса французской молодежи к русскому языку является недостаточно эффективная языковая политика Российской Федерации по популяризации русского языка за пределами России.

В подтверждение этой мысли можно привести слова Жан-Бернара Каур Д'Аспри, специалиста по русской культуре во Франции, автора книг о приездах Дягилева в Париж, русском балете, Санкт-Петербурге, русской музыке. В своем интервью сетевому изданию «Правда.Ру» в 2016 году он сказал: «К сожалению, Россия плохо переводит своих классиков, нет никакого перевода Лермонтова на французский язык. У вас все произведения только по-русски. Как же нам оценить творчество Лермонтова? Вы этого не делаете. Русские не делают то, что должны делать, то есть знакомить людей с творчеством своих национальных великих классиков». На вопрос, знают ли А. С. Пушкина во Франции, он отвечает: «Нет, к сожалению, Пушкин плохо знаком французскому

читателю, за исключением “Капитанской дочки” и пары других произведений. Мы вынуждены говорить только о Достоевском и Толстом просто потому, что мы можем их читать, они есть в переводе. Надо, конечно же, расширить присутствие русской культуры во Франции» [16].

Перспективы развития и выводы

Стоит отметить, что между Российской Федерацией и Французской Республикой существует ряд соглашений (о культурном сотрудничестве, об изучении русского языка во Франции, об учреждении культурных центров), активные действия в рамках которых могли бы способствовать масштабной популяризации русского языка и культуры в регионе. В качестве перспективных направлений работы можно выделить следующее:

1. Создание ассоциации Alliance Russe для координации уже существующих русских школ и культурных центров в регионе Прованс — Альпы — Лазурный Берег, а также для открытия новых русских культурно-образовательных учреждений на юге Франции;
2. Сертификация Тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ) на международном уровне с целью установления единой объективной системы оценивания уровня владения русским языком иностранными гражданами;
3. Перевод на французский язык (и другие мировые языки) произведений русских классиков и современных писателей и поэтов;
4. Расширение возможностей университетских обменов (увеличение количества квот и соглашений с вузами-партнерами);
5. Проведение фестивалей, выставок, форумов, ярмарок и других мероприятий, направленных на продвижение позитивного образа России во Франции и популяризацию русского языка и культуры в различных регионах страны (в том числе в регионе Прованс — Альпы — Лазурный Берег).

Подводя итог, следует подчеркнуть, что современное общество находится под влиянием процесса «неоглобализации», т.е. растущего национального самосознания представителей отдельных стран и народов на фоне всеобщей унификации культур. Данная тенденция означает острую необходимость усиления мер по сохранению и популяризации русского языка и культуры за рубежом, уточнения понятий «русскость» и «русский национальный характер», а также воспитания и образования молодежи в соответствии с фундаментальными ценностями отечественной культуры.

Библиография

1. *Нечаев С. Ю.* Русская Ницца. М.: Вече, 2008. С. 6.
2. *Мосейкина М. Н.* У истоков формирования русского мира (XIX — начало XX века) // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. 2015. № 4(27). С. 190.
3. *Витте С. Ю.* О железнодорожных королях // Воспоминания. Т. 1. Гл. 7. // Живая библиотека Livelib.ru. URL: <https://www.livelib.ru/book/144125/read-vospominaniya-tom-1-sergej-vitte/~8> — 15.04.2022.
4. *Нечаев С. Ю.* Русская Ницца. М.: Вече, 2008. С. 52.
5. Там же. С. 19.
6. *Волконский М. В.* Русский XIX век на Лазурном берегу // Монако, 2020. URL: <https://rusmonaco.fr/index.php/home/istoriya/item/2984-russkij-xix-vek-na-lazurnom-beregu> — 10.04.2022.
7. *Гулевич Т. М.* Русская эмигрантская школа «Александрино» как воспитательная среда патриотизма в 20–30-х гг. XX века // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. 2012. № 1. С. 8–12.
8. *Носик Б.* Был целый мир — и нет его... Русская летопись Лазурного берега. М.: Текст, 2016. 349 с.
9. Repères et références statistiques. Enseignements. Formation. Recherche. 2009 // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. URL: <https://www.education.gouv.fr/media/11195/download> — 15.04.2022.
10. Repères et références statistiques. Enseignements. Formation. Recherche. 2011 // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. URL: <https://www.education.gouv.fr/media/11189/download> — 15.04.2022.
11. Repères et références statistiques. Enseignements. Formation. Recherche. 2013 // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. URL: <https://www.education.gouv.fr/media/11183/download> — 15.04.2022.
12. Repères et références statistiques. Enseignements. Formation. Recherche. 2015 // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. URL: <https://www.education.gouv.fr/media/11177/download> — 15.04.2022.

13. Repères et références statistiques. Enseignements. Formation. Recherche. 2017 // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. URL: <https://www.education.gouv.fr/media/11171/download> — 15.04.2022.
14. Repères et références statistiques. Enseignements. Formation. Recherche. 2019 // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. URL: <https://www.education.gouv.fr/reperes-et-references-statistiques-sur-les-enseignements-la-formation-et-la-recherche-2019-3806> — 15.04.2022.
15. Repères et références statistiques. Enseignements. Formation. Recherche. 2021 // Ministère de l'Éducation nationale, de la Jeunesse et des Sports. URL: <https://www.education.gouv.fr/reperes-et-references-statistiques-2021-308228> — 15.04.2022.
16. Французский писатель — о любви к России и ее роли во французской культуре // Правда.Ру. 2016. URL: <https://www.pravda.ru/video/culture/19820.html> — 10.04.2022.

Иванова Елизавета Сергеевна

*Волгоградский государственный университет
Институт истории, международных отношений
и социальных технологий
Бакалавриат*

Российско-швейцарское сотрудничество: вызовы современности и пути решения

Russian-Swiss Cooperation: Today's Challenges and Solutions

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить экономическое и политическое направления развития российско-швейцарского сотрудничества на данном этапе. Для достижения поставленной цели были выделены современные вызовы данного сотрудничества: санкционная политика и последствия пандемии. Было охарактеризовано влияние двух аспектов на политическую и экономическую сферы отношений, а также установлены методы, применяемые странами для решения сложившихся противоречий. Кроме того, были выявлены закономерные черты путей решения данных вызовов: политика нейтралитета Швейцарии, дипломатические подходы обеих стран, стратегия достижения совместной выгоды.

Ключевые слова: российско-швейцарское сотрудничество, санкции, пандемия, экономическая сфера, политическая сфера.

Abstract. This article aims at formulating the economic and political directions of the Russian-Swiss cooperation development at the present stage. To achieve that aim, the cooperation challenges of today were highlighted: the sanction policy and the effects of the pandemic. The impact of those two aspects on the political and economic fields of the relations was characterized, as well as the measures taken by the countries to resolve the existing issues were established. Additionally to that, similar features of solving these challenging problems were identified: the Switzerland policy of neutrality, both states diplomatic approaches, the strategy of achieving mutual benefits.

Keywords: Russian-Swiss cooperation, sanctions, pandemic, economic field, political field.

Введение

Международные отношения на данном этапе претерпевают ряд изменений, связанных с разными факторами: пандемией COVID-19 и ее последствиями для всего мира в разных сферах, торгово-экономическими противоречиями, образованием новых акторов и др. Данные вопросы порождают некоторые трудности в развитии отношений между разными странами, в том числе между Россией и Швейцарией. Основными современными вызовами российско-швейцарского сотрудничества стали: введение антироссийских санкций и последствия пандемии.

Объектом исследования является российско-швейцарское сотрудничество. Предметом выступает экономико-политическая сфера российско-швейцарского сотрудничества.

Цель исследования: определить экономическое и политическое направления развития российско-швейцарского сотрудничества на современном этапе.

Для достижения обозначенной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Выделить вызовы современности данного сотрудничества:
 - 1) санкционная политика;
 - 2) пандемия COVID-19 и ее последствия;
2. Охарактеризовать влияние данных вызовов на политическую и экономическую сферы сотрудничества;
3. Установить пути решения данных вызовов, принимаемые странами;
4. Выявить закономерные черты принимаемых решений.

В качестве теоретико-методологической базы исследования выступили аспектный и структурно-функциональный подходы. Аспектный подход был применен для выбора именно двух сфер взаимодействия стран — экономической и политической, определения актуальных вызовов, влияющих на данные сферы. Структурно-функциональный подход способствовал представлению сотрудничества в качестве системы, с определенными структурными элементами и характерными функциями.

Применялись следующие методы: историко-генетический — для выявления динамики развития отношений, сравнение —

для сопоставления двух вызовов и характеристики в них общего и различного, обобщение — для формулирования вывода.

Источниковой базой выступают отчеты, статистические данные органов власти, статьи информационных агентств «Интерфакс» и SWI Swissinfo.ch, журнала «Международная жизнь», а также работы исследователей в области права, истории, экономики, туризма, международных отношений.

Новизна исследования заключается в рассмотрении проблемы в новом ракурсе, а именно: в выделении двух международных аспектов, влияющих на взаимодействие данных государств, и в определении выбираемых странами способов решения противоречий.

Развитие российско-швейцарского сотрудничества: история и современность

Вначале следует охарактеризовать динамику развития и сферы российско-швейцарского сотрудничества. Известно, что дипломатические отношения между Россией и Швейцарией сохраняются уже в течение более двухсот лет. Как сообщают источники, они были установлены 6 марта (по старому летоисчислению — 22 февраля) 1814 г. Однако в XX в. статус отношений претерпел ряд изменений. Так, в 1917 г. Швейцария официально не признала Советскую Россию [1], тем не менее, сотрудничество между странами продолжилось. Дипломатические отношения между СССР и Швейцарией были восстановлены 18 марта 1946 г., и в 1991 г. Швейцария признала Российскую Федерацию как государство — продолжателя СССР [2].

На современном этапе между странами заключен ряд договоров, регулирующих их отношения. Так, договорно-правовой базой являются различные декларации, соглашения о сотрудничестве в определенных сферах. Например, Меморандум о содействии развитию двустороннего сотрудничества, Декларация о намерениях по сотрудничеству между Правительством Российской Федерации и Федеральным советом Швейцарии, Соглашения о воздушном сообщении, о торговле и экономическом сотрудничестве, Декларация о намерениях в сфере культуры, Соглашения об упрощении выдачи виз, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве и многие

другие [3]. Таким образом, отмечается, что государства взаимодействуют по разным направлениям: и в политико-дипломатической, и в экономической, и в культурной сферах.

В политической сфере следует упомянуть тот факт, что поддерживаются регулярные политические контакты, это подтверждается организацией и проведением рабочих поездок, визитов президентов, премьер-министров, министров иностранных дел, глав внешнеполитических ведомств. Кроме того, между двумя странами не только проходят двусторонние встречи лидеров, но и осуществляется их взаимодействие на глобальном уровне, особенно в таких организациях, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Европы, Организация Объединенных Наций и др. [4]. Важно подчеркнуть, что Швейцария осуществляет мандат по представительству интересов России в Грузии, договоренности об осуществлении которого были оформлены межправительственными соглашениями, вступившими в силу 4 марта 2009 г. Как отметил министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров, «когда Швейцария согласилась это сделать (представлять российские интересы в Грузии), мы восприняли это с благодарностью» [5]. Предполагается, что такая договоренность была направлена на стабилизацию обстановки и способствовала укреплению сотрудничества России и Швейцарии.

В экономической сфере российский экспорт представлен преимущественно минеральными продуктами, металлами и изделиями из них, а импорт — продукцией химической промышленности, транспортными средствами, продовольственными товарами и др. Необходимо упомянуть и развитие межрегиональных отношений — кантонов Швейцарской Конфедерации и субъектов Российской Федерации, их экономическое сотрудничество. К примеру, в 2015 г. было заключено Соглашение о развитии экономического сотрудничества между региональными правительствами Самарской области и кантона Невшатель, а в 2016 г. — протоколы о намерениях о сотрудничестве между Свердловской областью и кантоном Тичино и между Краснодарским краем и кантоном Тичино [3]. Как отмечает исследователь И. В. Логвинова, новый особенный сотрудничества был достигнут между следующими кантонами и субъектами Российской Федерации: Московской областью

и кантоном Юра, Ивановской областью и Граубюнденом, Омской областью и Женево, Самарской областью и Фрибур, Самарской областью и Невшатель, Санкт-Петербург развивает сотрудничество с кантоном Тичино [6, с. 129–130]. Межрегиональные отношения строятся во многих сферах — это и культурный обмен, и инвестиционное сотрудничество, и т.д. Политические контакты также характеризуются регулярностью: организуются рабочие поездки, дипломатические миссии, визиты представителей науки, образовательных учреждений, национальные представители встречаются на полях международных форумов и др.

Как было замечено ранее, между странами происходит взаимодействие и в культурной сфере, которое включает разнообразные виды (литература, кинематограф и др.). Следует также выделить объявление 2014 года «перекрестным», приуроченным к двухсотлетию установления дипломатических отношений [2]. Осенью ежегодно в Швейцарии проводится акция «Суворовские дни» для сохранения исторической памяти о попытке освобождения Швейцарии от французской оккупации армией А. В. Суворова [7, с. 65–67]. Предполагается, что данные мероприятия способствуют культурному обмену и дальнейшему укреплению отношений в других сферах.

Однако ввиду изменений на международной арене осложняется и сотрудничество стран. Представляется, что основными современными международными вызовами, которые влияют на дальнейшее развитие отношений, являются введение антироссийских санкций и последствия пандемии COVID-19. Эти два аспекта, вероятно, влияют на многие сферы сотрудничества. Однако особое влияние было преимущественно оказано на экономическую и политическую сферы взаимодействия государств, поэтому необходимо охарактеризовать каждую из представленных областей и предпринимаемые пути решения данных противоречий.

Санкционная политика

Отмечается, что за последние несколько лет были введены санкции в отношении России в связи с разными обстоятельствами,

например, в 2014 г. По данным Федерального департамента иностранных дел Швейцарии, позиция страны по данному вопросу следующая: она отказывается признать референдум о статусе полуострова Крым [8], при этом она не включена напрямую в введение санкций против Москвы [4]. Реализуются только некоторые ограничения: ввиду участия в Шенгенских соглашениях Швейцария не разрешает въезд лицам, внесенным в санкционный список ЕС. В целом прилагаются усилия по недопущению использования своей территории для обхода санкций.

Введение антироссийских санкций влияет, с одной стороны, на торгово-экономическое сотрудничество: могут приостанавливаться сделки с партнерами, если они подверглись данным санкциям, и как результат — сокращение товарооборота и пр. С другой стороны, санкционная политика влияет и на развитие дипломатических контактов. Тем не менее, меры, которые реализует Швейцария в рамках данного вопроса, рассматриваются не как запрещающие, а как предупредительные, поскольку продолжается экономическое взаимодействие стран — как экспорт, так и импорт, деятельность компаний на территории стран. В политической сфере Федеральный совет Швейцарии призывает к урегулированию отношений посредством прямых многосторонних переговоров. Также возникающие вопросы могут решаться путем двусторонних официальных встреч.

С февраля по март 2022 г. были введены антироссийские санкции в отношении ряда физических лиц и структур. Например, в списки попали компании «Роснефть-Аэро», АО «Рособоронэкспорт», АО «НПО “Высокоточные комплексы”», ПАО «Курганмашзавод», АО «Вертолеты России», АО «Объединенная судостроительная корпорация», АО «Научно-производственная корпорация “УралВагонЗавод”», АО «Зеленодольский завод имени А. М. Горького» и др. В списки также были занесены предприниматели, бизнесмены, руководители: Р. А. Абрамович, А. С. Винокуров, А. Г. Гурьев, Д. В. Конов, А. И. Мельниченко, В. Н. Мошкович, М. Э. Осеевский, М. И. Полубояринов, К. Л. Эрнст и другие [9].

Последствия пандемии COVID-19

Как было отмечено, на современном этапе существуют определенные трудности в торгово-экономических отношениях, которые возникли не только ввиду санкционной политики, но и ввиду пандемии COVID-19. Она привела к спаду мировой экономики в целом, отразилась на экономическом партнерстве, товарообороте, частоте проведения политических саммитов. Пандемия предположительно повлияла и на сферу туризма, потому что были установлены карантинные ограничения на перемещения между двумя странами.

Сообщается, что распространение коронавируса в Швейцарии в 2020 г. привело к закрытию многих предприятий, заводов и фабрик, что отразилось на поставках, сократился товарооборот, также вся ситуация повлияла на уровень занятости в стране [10]. В статье, опубликованной информационным агентством Швейцарии SWI Swissinfo.ch, определяются препятствия восстановлению экономики: «узкие места в цепочках поставок, инфляция и ограничения, связанные с пандемией» [11]. По сравнению с 2019 г. российско-швейцарский товарооборот в 2020 г. сократился почти на 13%. Однако были предприняты действия по стимулированию активности предприятий, и уже в 2021 г. ситуация улучшилась: по статистике Министерства иностранных дел РФ, за период с января по сентябрь стоимостный объем товарооборота вырос на 11,2% [3] благодаря деятельности предприятий на территории обоих государств. В России ведут деятельность более 200 предприятий с участием швейцарского капитала, в Швейцарии — около 350 предприятий с российским капиталом [3]. Помимо этого, важную роль играет и инвестиционное сотрудничество, которое остается стабильным на протяжении длительного периода: в списке ведущих инвесторов в экономику России Швейцария занимает девятое место, то есть она инвестирует больше, чем Япония, Китай и отдельные государства ЕС. Среди крупных швейцарских инвесторов в России представлены «Нестле», концерн «Асеа Браун Бовери (АББ)», «Шиндлер» и др., а среди российских инвесторов в Швейцарии — Группа компаний «Ренова», объединенная компания «РУСАЛ».

В статье исследователя О. Е. Трофимовой выделяются сложившиеся три группы инвестиций Швейцарии в Россию: во-первых, масштабные капиталовложения крупных компаний; во-вторых, инвестиции небольших компаний и компаний, «желающих подключиться к прибыльному и иногда рискованному бизнесу»; в-третьих, портфельные инвестиции [12, с. 127].

В период пандемии по причине карантинных мер политические контакты, а именно официальные встречи, рабочие поездки и визиты не проводились, тем не менее, диалог поддерживался в онлайн-формате. Следует отметить роль деятельности межпарламентских групп дружбы. На данном этапе продолжается их работа: как сообщается на сайте Совета Федерации Федерального собрания РФ, в 2021 г. состоялась встреча заместителя председателя СФ, руководителя группы по сотрудничеству Совета Федерации с Советом кантонов Федерального собрания Швейцарской Конфедерации Юрия Воробьева и чрезвычайного и полномочного посла Швейцарской Конфедерации в РФ Кристиной Марти Ланг. Со стороны Швейцарии была выражена надежда на продолжение взаимного сотрудничества, а также было отмечено согласие «с подходами российской стороны к вопросам общей безопасности и урегулирования конфликтов политико-дипломатическими средствами» [13].

Закономерные черты

На основе характеристики процесса развития отношений обеих стран, а также их совместной деятельности во многих сферах, и посредством сравнения двух современных вызовов российско-швейцарского сотрудничества, можно выявить закономерные черты, которые прослеживаются в приведенных случаях. Выделим две закономерности.

Во-первых, это дипломатические подходы обеих стран к возникающим вопросам, а также политика нейтралитета Швейцарии, ее роль посредника в разрешении тех или иных споров как регионального, так и глобального уровней. Еще в XX в., когда между странами сложились определенные противоречия, сотрудничество не было полностью прекращено, наоборот, были попытки урегулировать

рования. Та же самая тенденция прослеживается и в XXI в. — когда появляются вызовы на международной арене, страны выбирают дипломатический путь решения вопросов.

Во-вторых, это стратегия достижения именно совместной выгоды. Россия и Швейцария нацелены на получение такого решения вопроса, которое удовлетворило бы обе стороны, как в экономической и политической сферах, так и в других областях. Это подтверждается проведением двусторонних переговоров, в ходе которых принимаются меры, удовлетворяющие обе стороны. Например, Россия и Швейцария были нацелены на пересмотр налогового соглашения [14]. Кроме того, на встрече глав государств в Женеве летом 2021 г. было подчеркнуто, что Россия находится в центре внимания швейцарской внешней политики, а также был обозначен большой потенциал, существующий в укреплении экономических связей [15]. Также в ходе работы межпарламентской группы Ю. Л. Воробьев отметил, что высоко ценит «конструктивное взаимодействие между Россией и Швейцарией по широкому кругу вопросов» [13].

Выводы

Итак, следует обобщить вышесказанное и сделать следующие выводы:

1. Ввиду постоянно изменяющейся ситуации на международной арене, оформления тех или иных вопросов, российско-швейцарское сотрудничество также сталкивается с рядом противоречивых аспектов. На данном этапе выделяются основные вызовы, в определенной степени усугубляющие друг друга и непосредственно влияющие на природу данных отношений, а именно: санкционная политика и последствия пандемии COVID-19.
2. Оба этих вызова влияют на экономическую и политическую сферы взаимодействия и характеризуются следующим: сокращением товарооборота, частоты проведения политических контактов, визитов и т.д.
3. Однако были выбраны эффективные пути решения: предупредительный, а не полностью ограничивающий

характер мер, а также адаптация к новым условиям реальности (онлайн-формат и пр.).

4. Выявляются следующие закономерные черты принимаемых решений: политика нейтралитета, участие обеих стран в переговорах как двустороннего, так и многостороннего форматов, в ходе которых вырабатываются взаимовыгодные программы, не противоречащие международным нормам. Это свидетельствует о взаимных интересах государств.

Таким образом, были определены экономическое и политическое направления сотрудничества. Экономическая сфера характеризуется стабильным инвестиционным партнерством, деятельностью компаний на территории обоих государств, взаимным импортом и экспортом. В политической сфере отмечаются регулярные политические контакты разных уровней и форматов. Важно подчеркнуть межрегиональное сотрудничество как в экономической, так и в политической сферах. Следует также напомнить, что развивается и культурный обмен.

Библиография

1. 200 years of diplomatic relations between Switzerland and Russia // Federal Department of Foreign Affairs FDFA. 26.01.2022. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/dfa/fdfa/aktuell/dossiers/alle-dossiers/200-years-switzerland-russia.html> — 17.02.2022.
2. В будущее российско-швейцарских отношений и мы, и наши партнеры смотрим с большим оптимизмом // Международная жизнь. 2014. № 3. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1032> — 17.02.2022.
3. Российско-швейцарские отношения // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1102971/> — 17.02.2022.
4. Bilateral relations Switzerland — Russia // Federal Department of Foreign Affairs FDFA. 08.02.2022. URL: <https://www.eda.admin.ch/countries/russia/en/home/switzerland-and/bilateral-relations.html> — 17.02.2022.
5. Швейцария представит Россию в Грузии // Интерфакс. 13.12.2008. URL: <https://www.interfax.ru/russia/51454> — 17.02.2022.
6. Логвинова И. В. Международные связи кантонов Швейцарии: вопросы права и управления // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 3. С. 122–133. URL: <https://cyberleninka>.

- ru/article/n/mezhdunarodnye-svyazi-kantonov-shveysarii-voprosy-prava-i-upravleniya — 17.02.2022.
7. Тинякова Е. А. Личность А. В. Суворова в зарубежных музейных экспозициях и туристических маршрутах // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 1. № 1. С. 60–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-a-v-suvorova-v-zarubezhnyh-muzeynyh-ekspozitsiyah-i-turisticheskikh-marshrutah> — 17.02.2022.
 8. Federal Council addresses the situation in Ukraine // Federal Department of Foreign Affairs FDFA. 26.03.2014. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/suche/suchresultat.html/content/eda/en/meta/news/2014/3/26/52440> — 17.02.2022.
 9. Швейцария добавила в санкционные списки по России 197 физлиц и 9 организаций // Интерфакс. 16.03.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/829535> — 20.03.2022.
 10. Трофимова О. Е. Швейцария: коронавирус и его последствия для экономики // ИМЭМО РАН. 23.04.2020. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/shveysariya-koronavirus-i-ego-posledstviya-dlya-ekonomiki> — 17.02.2022.
 11. Supply chain bottlenecks and Omicron hamper Swiss economic recovery // SWI swissinfo.ch. 09.12.2021. URL: <https://www.swissinfo.ch/eng/supply-chain-bottlenecks-and-omicron-hamper-swiss-economic-recovery/47177694> — 17.02.2022.
 12. Трофимова О. Е. Инвестиционная политика Швейцарии в России до и после введения санкций // Современная Европа. 2018. № 6(85). С. 123–133. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37617588> — 17.02.2022.
 13. Ю. Воробьев провел встречу с послом Швейцарии в России // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. 30.11.2021. URL: <http://council.gov.ru/events/news/131403/> — 17.02.2022.
 14. РФ и Швейцария могут договориться по налоговому соглашению в конце февраля // Интерфакс. 21.01.2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/817674> — 17.02.2022.
 15. Meeting in Geneva with Russia's President Putin focuses on good offices and economic relations // Federal Department of Foreign Affairs FDFA. 16.06.2021. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/suche/suchresultat.html/content/eda/en/meta/news/2021/6/16/84002> — 17.02.2022.

Кузьмин Иван Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Сотрудничество Федеральной земли Бавария и Российской Федерации на современном этапе (2018–2021 гг.)

**Cooperation between the Federal State of Bavaria and the
Russian Federation at the Present Stage (2018–2021)**

Аннотация. В статье предпринята попытка определить ключевые характеристики сотрудничества Федеральной земли Бавария и Российской Федерации. Для этого автор проанализировал правовую базу сотрудничества сторон, определил ключевые направления реализации кооперации, а также выделил ключевые особенности сотрудничества. В конце исследования автор делает ряд выводов о характере сотрудничества (политическое сотрудничество, сотрудничество по бизнес-линии, культурное и образовательное сотрудничество, кооперация в условиях пандемии) и выделяет его ключевой недостаток. Также автором даются рекомендации для построения будущего сотрудничества Российской Федерации и Баварии в условиях отказа от российских энергоносителей.

Ключевые слова: парадипломатия, Бавария, Российская Федерация, Федеральная земля, регион.

Abstract. The article attempts to identify the key attributes of cooperation between the Federal State of Bavaria and the Russian Federation. To achieve the goal, the author analyzed the legal framework for partnership between the parties, identified the keystone for the implementation of cooperation, and furthermore highlighted its fundamental features. At the end of the study, the author draws several conclusions about the nature of cooperation (political cooperation, business cooperation, cultural and educational cooperation, cooperation in a pandemic) and highlights its pivotal drawback. The article also gives recommendations for building a future cooperation between the Russian Federation and Bavaria in the face of the rejection of Russian energy resources.

Keywords: paradiplomacy, Bavaria, Russian Federation, Federal State, region.

Введение

Несмотря на различные политические вызовы, имевшиеся в отношениях сторон в период с 1991 по 2021 гг., сотрудничество Российской Федерации с Баварией сохранялось, а в 2018 году получило новый толчок в связи с избранием Маркуса Зёдера премьер-министром Баварии. В связи с этим представляется важным изучить сотрудничество сторон на современном этапе, проследить, какие формы оно приобрело при новом премьер-министре Баварии.

Актуальность работы обусловлена растущей ролью субгосударственных акторов в современном глобализирующемся мире. Работа также является актуальной в условиях новой реальности, создавшейся в мировой политике после 24 февраля 2022 года. Объясняется это тем, что знание ключевых интересов баварцев на российском направлении деятельности может помочь потенциальному восстановлению отношений, которые фактически были разорваны. Научная новизна работы связана с отсутствием академических работ на тему немецкой парадипломатии на русском языке. В связи с этим изучение вопросов сотрудничества субгосударственных акторов различных стран приобретает важное значение для развития исследований парадипломатии.

В данном исследовании автор ставит перед собой следующую цель: определить основные характеристики сотрудничества Федеральной земли Бавария и Российской Федерации. Для достижения поставленной цели следует выполнить следующие задачи: 1) определить, на какой правовой базе строится сотрудничество сторон; 2) определить, по каким направлениям реализуется сотрудничество; 3) выделить ключевые особенности сотрудничества.

Эмпирическим материалом для исследования служит широкая источниковая база, строящаяся преимущественно на материалах, содержащихся на официальных сайтах различных ведомств и организаций: сайты органов правительства Баварии, порталы мэрии Москвы, торгово-промышленной палаты Москвы, сайт предста-

вительства Баварии в Российской Федерации и др. При проведении исследования также были задействованы различные отчеты по сотрудничеству, подготавливаемые Министерством экономики Баварии. Методом исследования выступает ивент-анализ. В рамках работы автор также обращается к теории функционализма Дэвида Митрани, выделявшего взаимодействие в неполитических сферах как предпосылку для укрепления международного сотрудничества (т.н. рамификация — перетекание сотрудничества из одной сферы в другую). Поскольку в рамках данного исследования анализируется сотрудничество субнационального актора и национального государства, автором предпринимается попытка видоизменения упомянутой концепции и применение ее к отношениям упомянутых акторов (взаимодействие в экономической сфере обуславливает и укрепляет сотрудничество в политической).

Правовая база отношений

Договоров о сотрудничестве, которые бы напрямую связывали Российскую Федерацию и Баварию, не было обнаружено. Бавария формирует партнерство с Россией через сотрудничество с субъектами страны. Так, ключевой партнер Баварии на территории нашей страны — город Москва. Отношения Баварии со столицей России были заложены протоколом о сотрудничестве, подписанным еще в 1991 году [1] и де-юре действующим в настоящее время.

Содержание упомянутого выше протокола постоянно дополняется и конкретизируется посредством подписания дополнительных документов. Так, например, в 2006 году был заключен Меморандум о сотрудничестве между Москвой и Баварией, а в 2007 году была подписана обновленная и дополненная версия Протокола о сотрудничестве, превратившая его в Протокол о дружбе и сотрудничестве [2]. В этом же ключе в 2011 году сторонами был подписан Меморандум о дружбе и сотрудничестве [3].

Упомянутые выше документы действуют и по сей день. Тем не менее, в рамках исследования более интересным выглядит Заявление о сотрудничестве, подписанное в 2020 году премьер-министром Маркусом Зёдером и мэром Москвы Сергеем Собяниным. Данный документ предусматривает обмен опытом

и реализацию мероприятий и проектов по разным направлениям сотрудничества: экономике, культуре, образовании, строительстве и других. Маркус Зёдер отдельно подчеркнул, что Бавария имеет широкий опыт в сфере экологии и охраны окружающей среды, которой достаточно важен для Москвы, стремящейся двигаться в русле современных европейских городов, придерживающихся экоповестки. Также в заявлении обозначены новые направления взаимодействия, например, сотрудничество в сфере развития искусственного интеллекта [1].

Следует отметить, что в рамках исследуемого в данной работе периода иных соглашений, заявлений и иных подобных документов между сторонами подписано не было, что во многом может быть объяснено условиями, созданными пандемией коронавируса. Тем не менее, важно сделать ремарку, что в другие годы, не входящие в рамки данного исследования, Бавария подписывала соглашения, заявления о сотрудничестве, меморандумы и иные документы с рядом российских регионов (например, с Санкт-Петербургом [4] и Воронежем [5]), а также с компаниями (например, с ПАО «Газпром» [6]). Соответственно, можно сделать вывод, что исследуемый период характеризуется определенным затишьем в плане заключения подобных соглашений.

Важно заметить и преимущественно формальную природу большинства подобных соглашений. Как правило, подобные заявления, меморандумы, заявления о сотрудничестве ни к чему не обязывают стороны, а их реализация зависит преимущественно от воли сторон.

Многовекторность сотрудничества

Упомянутое выше заявление о сотрудничестве Баварии и Москвы было подписано по итогам встречи с мэром Москвы С. С. Собяниным. Но этой встрече предшествовала встреча с президентом России Владимиром Путиным. Хоть Зёдер и прибыл на встречу с президентом скорее не как премьер-министр Баварии, а как потенциальный (на тот момент) кандидат в канцлеры, можно предположить, что встреча подобного уровня показывает, что широкое экономическое сотрудничество Баварии с Россией подкреп-

ляется также политической кооперацией на высоком и высшем уровне. Это демонстрирует и многовекторность сотрудничества сторон: Бавария строит отношения с Российской Федерацией как на уровне субъектов, так и на федеральном уровне.

Следует отметить и то, что сотрудничество Российской Федерации с Баварией позволяет ей находить поддержку в Европе даже в трудные политические времена. Например, в настоящее время некоторые страны Запада планируют вновь ввести санкции против России, но премьер-министр Баварии выступает против этого [7]. Можно предположить, что сотрудничество с Баварией и другими субъектами Германии позволяет России находить политическую поддержку, которую сложно обрести на уровне федеральном, поскольку канцлер Германии более склонен придерживаться известных недружественных взглядов на отношения с Российской Федерацией.

Можно отметить, что ряд политических наблюдателей, в частности, деловая немецкая пресса, обращали внимание на то, что новый премьер Маркус Зёдер стал проводить иную политику по отношению к России, нежели его предшественник Хорст Зеехофер [8]. Отмечалось, что Маркус Зёдер стал выступать с антироссийской позицией по санкциям и якобы их отстаивал. Тем не менее, позиция премьер-министра с течением времени изменилась, и в январе 2022 года, как уже было упомянуто выше, Маркус Зёдер выступил против введения новых «превентивных» санкций по отношению к Российской Федерации.

Многовекторность прослеживается и в том, что помимо выстраивания сотрудничества с Москвой как столицей России, Бавария развивает отношения и с другими субъектами страны. Так, например, визиту Маркуса Зёдера в Москву предшествовали визиты и в другие города Российской Федерации. В октябре 2019 года состоялся визит министра экономики Баварии в Казань [9], в рамках которого была проведена его встреча с премьер-министром Татарстана. В том же году состоялся визит делегации из Баварии на предприятия Набережных Челнов и в Ульяновск [10]. В Набережных Челнах возглавляемая министром экономики Баварии Хьюбертом Айвангером делегация посетила завод «КАМАЗ», была отмечена важность сотрудничества в сфере авто-

мобильной промышленности и значительная роль Республики Татарстан в отношениях Баварии и России. Во время визита в Набережные Челны Хьюберт Айвангер отдельно подчеркнул широкое присутствие баварского бизнеса на рынке Республики Татарстан, выделив такие компании, как Siemens, Knorr-Bremse и LEONI [11]. В Ульяновске же были проведены переговоры с членами Правительства Ульяновской области. Министр Айвангер особо подчеркивал промышленный потенциал региона, а также то, что там уже действуют такие баварские компании, как Schaeffler и DMG Mai. Хьюберт Айвангер выделял, что Бавария может оказать содействие развитию промышленных предприятий России в таких важных сферах, как цифровизация промышленности и повышение производительности труда на предприятиях.

Следует отметить, что сотрудничество строилось и по линии малого и среднего бизнеса. Так, например, в апреле 2018 года в рамках мероприятия «Неделя Германии в Санкт-Петербурге» прошла конференция «Малый и средний бизнес России и Баварии — возможности для сотрудничества», организованная Общероссийской общественной организацией «Деловая Россия» [12]. Стороны обсудили ведение бизнеса в санкционных условиях, а также в напряженной макроэкономической обстановке.

Следует отметить и сотрудничество по культурно-образовательному направлению. Упомянутая выше «Неделя Германии в Санкт-Петербурге» условно проходила под знаком Баварии: премьер-министр Баварии обратился к участникам с приветственным словом и отметил высокий уровень сотрудничества университетов Баварии и Санкт-Петербурга [13].

Важен и факт того, что сотрудничество сторон в напряженный период пандемии COVID-19 продолжилось в онлайн-формате. Например, летом 2020 года состоялась онлайн-встреча Представительства Баварии в России с компаниями Swilar, Germany Trade and Invest и Bionorica на тему «Деловые возможности для баварских фирм в сфере здравоохранения в России: краткосрочные возможности в связи с корона-кризисом и долгосрочные тенденции». В мероприятии приняли участие представители баварского бизнеса, заинтересованные в развитии сотрудничества с Россией [14]. Осенью 2020 года имел место онлайн-семинар «Сельское

хозяйство в России: германо-российский аграрно-политический диалог и деловые возможности». На мероприятии были представлены представители компаний как из Баварии, так и из России, а также представители государственных учреждений [15]. В ноябре этого же года в формате онлайн-встречи состоялась презентация Ульяновской области представителям бизнеса Баварии, организованная Представительством Баварии в РФ совместно с Правительством Ульяновской области. На мероприятии присутствовали представители компаний, государственных учреждений и деловых объединений Баварии и Ульяновской области [16].

Особенности сотрудничества

Подводя итог проведенному анализу сотрудничества Баварии и РФ, можно сделать ряд заключений. Во-первых, стороны в указанный период проводили встречи политического руководства. Это были как встречи лидеров одного уровня (премьер-министр Баварии встречался с главой региона РФ), так и лидеров разных уровней (премьер-министр Баварии встречался с президентом РФ). Нельзя отрицать факт того, что баварские премьеры встречались с президентами России скорее в качестве потенциальных кандидатов на пост канцлера от ХСС, чем в качестве руководителей региона. Тем не менее, подобные мероприятия давали импульс сотрудничеству Баварии и России. Кроме того, поддерживались постоянные контакты на уровне малого и среднего предпринимательства, проводился научный обмен между Россией и Баварией.

Во-вторых, сотрудничество сторон являлось многовекторным. Бавария и Российская Федерация в указанный период выступали партнерами как по политической линии, так и по культурной, и по образовательной.

В-третьих, сотрудничество сторон в исследованный период имело достаточный запас прочности, чтобы не прекратиться даже на фоне напряженной обстановки, созданной пандемией коронавируса: в этот период сотрудничество Баварии и России перешло в онлайн-формат.

В-четвертых, можно сделать определенные выводы, исходя из наблюдений за тем, как сотрудничество развивалось на инсти-

туциональном уровне. Следует отметить, что партнерство России и Баварии удалось институционализировать. Оно строится как через Представительство Баварии в Российской Федерации, так и через иные организации, такие как Представительство Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG), Торгово-промышленные палаты сторон и другие институты.

В-пятых, в отношениях Баварии и России существует проблема непропорционального торгового баланса сторон. Правильнее будет сказать, что взаимодополняющий характер сотрудничества не является преимуществом для России. Россия не является для Баварии ключевым партнером, что демонстрируют, например, данные об объеме торговли Баварии с различными странами: Россия занимает в рейтинге лишь четырнадцатое место [17]. РФ для Баварии важна преимущественно как поставщик сырья. В России же действует значительное число баварских высокотехнологичных предприятий, а также в страну импортируется большое число продуктов, которые не производятся в России. Такое сотрудничество могло иметь место в условиях указанного в исследовании периода или же в предшествовавшие ему годы: кризисы были недостаточно сильными, чтобы разрушить кооперацию по линии поставок энергоресурсов. В современных же условиях (не входящих в рамки данного исследования) проблема диспропорционального сотрудничества обрела критический характер для отношения сторон. В условиях отказа от российского сырья кооперация рискует стать полностью односторонней.

Потенциальным решением упомянутой проблемы может стать развитие российского среднего и малого бизнеса. Так, президент Владимир Путин в марте 2022 года отметил, что частные предприятия могут сыграть решающую роль в преодолении кризиса, возникшего из-за введенных против России санкций [18]. Развитие российского бизнеса и его потенциальный выход на рынок Баварии (с учетом того, что в Баварии действовали и действуют ряд программ для поддержки выхода иностранных компаний на баварский рынок) могло бы стать потенциальной возможностью для выравнивания баланса торговли сторон в условиях отказа Германии (и, соответственно, Баварии) от российских энергоносителей.

Библиография

1. Сергей Собянин и Маркус Зёдер подписали заявление о сотрудничестве между Москвой и Баварией // Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/11299/6276050/> — 01.04.2022.
2. Протокол о дружбе и сотрудничестве между городом Москвой (Российская Федерация) и федеральной землей Вольное государство Бавария (Федеративная Республика Германия) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3688338> — 29.03.2022.
3. Меморандум о дружбе и сотрудничестве между Правительством Москвы (Российская Федерация) и Правительством земли Бавария (Федеративная Республика Германия) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/537915303> — 29.03.2022.
4. Глава Петербурга и премьер-министр Баварии подписали протокол о развитии экономического и научного сотрудничества // РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/5592c8c09a79473b7f4c4831 — 30.03.2022.
5. Визит баварской делегации в Россию — соглашение о сотрудничестве Баварии и Воронежской области // Сайт Германно-российского аграрно-политического диалога. URL: <https://agrardialog.ru/activities/details/id/150> — 30.03.2022.
6. «Газпром» и Бавария подписали Дорожную карту о сотрудничестве в области производства электрической энергии и газоснабжения // Пресс-центр ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2011/december/article126201/> — 30.03.2022.
7. Ханенева В. Премьер Баварии выступил против санкций в отношении России // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/01/23/17182237.shtml> — 30.03.2022.
8. Schnell L. Söder verteidigt seine Russland-Reise // Süddeutsche Zeitung. URL: <https://www.sueddeutsche.de/bayern/bayern-russland-soeder-putin-wirtschaftssanktionen-1.4775450> — 30.03.2022.
9. Bayerns Wirtschaftsminister trifft Premierminister der Republik Tatarstan // Bayerische Staatsregierung. URL: <https://www.bayern.de/bayerns-wirtschaftsminister-trifft-premierminister-der-republik-tatarstan/?seite=2453> — 30.03.2022.
10. Bayerische Wirtschaftsdelegation zu Gast in Uljanowsk // Bayerische Staatsregierung. URL: <https://www.bayern.de/bayerische-wirtschaftsdelegation-zu-gast-in-uljanowsk/?seite=2453> — 30.03.2022.
11. Wirtschaftsdelegation besucht Firmen in Nabereshnyje Tschelny // Bayerische Staatsregierung. URL: <https://www.bayern.de/>

- wirtschaftsdelegation-besucht-firmen-in-nabereschnyje-tschelny/?seite=2453 — 30.03.2022.
12. В Петербурге состоялся бизнес-диалог России и Баварии // Общероссийская общественная организация «Деловая Россия». URL: <https://deloros.ru/v-peterburge-sostoyalsya-biznes-dialog-rossii-i-bavarii.html> — 30.03.2022.
 13. Неделя Германии в Санкт-Петербурге: брошюра. С. 8 // Официальный сайт «Недели Германии» в Санкт-Петербурге. URL: <https://deutsche-woche.ru/years/2018/> — 30.03.2022.
 14. Wirtschaftsbeziehungen Bayern-Russland. Ausgabe 04. S. 4. 2020. URL: https://www.bavariaworldwide.de/fileadmin/user_upload/ausland_asien_russland/Dokumente/Newsletter/Wirtschaftsbeziehungen_Bayern-Russland_Ausgabe_04-2020.pdf — 30.03.2022
 15. Wirtschaftsbeziehungen Bayern-Russland. Ausgabe 05. S. 3–4. 2020. URL: https://www.bavariaworldwide.de/fileadmin/user_upload/ausland_asien_russland/Dokumente/Newsletter/Wirtschaftsbeziehungen_Bayern-Russland_Ausgabe_05-2020.pdf — 30.03.2022.
 16. Wirtschaftsbeziehungen Bayern-Russland. Ausgabe 06. S. 4–5. 2020. URL: https://www.bavariaworldwide.de/fileadmin/user_upload/ausland_asien_russland/Dokumente/Newsletter/Wirtschaftsbeziehungen_Bayern-Russland_Ausgabe_06-2020.pdf — 30.03.2022.
 17. Jahresübersicht 2020: Aus- und Einfuhr (Außenhandel): Bayern // Außenwirtschaftsportal Bayern. URL: <https://international.bihk.de/magazin/schwerpunktthemen/aussenhandel-bayern/jahr-2020.html> — 30.03.2022.
 18. *Герейханова А.* Путин заявил, что частный бизнес сыграет ключевую роль в российской экономике // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/03/16/putin-zaiavil-cto-chastnyj-biznes-sygraet-kliuchevuiu-rol-v-rossijskoj-ekonomike.html> — 30.03.2022.

Олейник София Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Развитие российско-французских отношений в период президентства Эммануэля Макрона: политические и торгово-экономические аспекты

**Development of Russian-French Relations during the
Presidency of Emmanuel Macron: Political, Trade and
Economic Aspects**

Аннотация. В данной работе был проведен анализ влияния политических и торгово-экономических аспектов на взаимоотношения России и Франции в период президентства Эммануэля Макрона. Рассматривается внешнеполитический курс французского лидера по отношению к России, целью которого стало переосмысление отношений между странами. Выявлены расхождения и сходства во взглядах касательно основных вопросов мировой политики. Особенное внимание в работе было уделено анализу торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Россией и Францией, акцент был сделан на отношения стран после введения санкций. Помимо этого, были выявлены тенденции развития взаимоотношений между странами после начала специальной военной операции на Украине.

Ключевые слова: Франция, Россия, стратегия, внешняя политика, торговля, инвестиции, санкции.

Abstract. This article analyzes the impact of political, trade and economic aspects on the relations between Russia and France during the presidency of Emmanuel Macron. The article considers the foreign policy course of the French leader in relation to Russia, the purpose of which was to rethink relations between the countries. Discrepancies and similarities in views on the main issues of world politics are revealed. Special attention was paid to the analysis of trade, economic and investment cooperation between Russia and France, the emphasis was placed on the relations of the countries after the introduction of sanctions and the factors preventing French investments in the Russian economy were identified. In addition, the

trends in the development of relations between the countries after the start of the military special operation in Ukraine were considered.

Keywords: France, Russia, strategy, foreign policy, trade, investment, sanctions.

Введение

Франция и Россия на протяжении многих лет являются стратегическими партнерами в экономической области, взаимодействуют в культурной и политической областях и имеют совпадающие позиции по некоторым вопросам мировой политики. При Э. Макроне Франция взяла курс на переосмысление отношений с Россией с целью совместного разрешения наиболее острых мировых кризисов. Основными направлениями экономического сотрудничества России и Франции являются отношения в сфере торговли товарами и услугами, а также инвестиционное сотрудничество. Особенно актуальным в свете событий, происходящих на Украине, представляется освещение торгово-экономических отношений России и Франции после введения санкций. Цель данной работы — выявить основные тенденции и проблемы во взаимоотношениях России и Франции в период президентства Эммануэля Макрона.

Политические аспекты взаимоотношений

В период президентства Эммануэля Макрона во внешней политике Французской Республики был взят курс на качественное обновление отношений страны с Российской Федерацией. Данное обстоятельство обусловлено как стремлением Франции играть более активную роль в разрешении крупнейших мировых кризисов и конфликтов в качестве «державы равновесия», так и ее нацеленностью на обеспечение широкого представительства своих интересов. В условиях происходящей стратегической и геополитической перестройки международных отношений, сопровождающейся пересмотром позиций ключевых акторов в рамках трансформирующейся мировой политико-экономической системы, выраженной в тенденции к снижению роли Европы при параллельном росте влияния России, Индии и Китая, формирование новой стратегии

для ЕС в качестве «уравновешивающей силы» расценивается руководством Франции в качестве наилучшего средства по предотвращению «исчезновения» единой Европы [1].

В связи с этим становление Европы в виде политического блока с собственной стратегией в различных сферах представляется руководству Республики реализуемым при обстоятельном подходе, включающем приобретение ею стратегической автономии в военном отношении, совместно с переосмыслением взаимоотношений с Россией, должно стать ключевыми факторами в укреплении положения Европейского союза и Франции. По мнению французского лидера, для поддержания безопасности и стабильности в Европе необходимо сотрудничество с Россией. Помимо этого, отдаление России от Европы может привести к ее изоляции или союзу с другими великими державами, такими как Китай [1].

В рамках взятого курса на переосмысление отношений между представителями России и Франции состоялся ряд встреч, первая из которых, несмотря на обвинения Российской Федерации во вмешательстве в выборы во Франции, прошла в Версальском дворце в 2017 г. вскоре после избрания Э. Макрона президентом. Уже в рамках этой встречи французский лидер настаивал на «бескомпромиссном» диалоге», подчеркивая при этом ключевую роль России в решении международных проблем [2]. 24 мая 2018 г. состоялся визит Э. Макрона в Россию, и на ПМЭФ произошла его встреча с президентом Российской Федерации. По итогам форума было подписано около 50 соглашений о сотрудничестве между российскими и французскими компаниями [3]. Эммануэль Макрон призвал французские компании больше инвестировать в российскую экономику, сделав акцент на пищевой промышленности, космосе и цифровых технологиях [4].

Встреча в Брегансоне 19 августа 2019 года стала важной вехой в переосмыслении взаимоотношений России и Франции. Э. Макрон выразил надежду на возрождение идеи единой Европы, «которая идет от Лиссабона до Владивостока», и построение «архитектуры безопасности и доверия», призванной восстановить сотрудничество и обеспечить безопасность и решение общих проблем, стоящих перед Францией и Россией [5]. 9 декабря 2019 г. состоялся саммит «Нормандской четверки» в Елисейском дворце

в Париже, на котором стороны подтвердили приверженность Минским договоренностям [6].

Кроме того, при активном участии Франции состоялось возвращение России в Парламентскую ассамблею Совета Европы (ПАСЕ) в 2019 году. В том же году были возобновлены встречи в формате «2+2» с участием министров обороны и министров иностранных дел России и Франции, ставшие «частью твердого и требовательного диалога, который Франция продолжает с Россией для повышения предсказуемости и стабильности наших отношений» [7].

Большую роль в развитии отношений двух стран играют личные взаимоотношения В. Путина и Э. Макрона, которые регулярно контактируют в рамках саммитов, конференций, а также на постоянной основе проводят телефонные беседы. Последняя встреча, которая прошла 7 февраля 2022 г., была нацелена на поиск точек соприкосновения между странами.

В то же время Франция и Россия не сходятся во многих вопросах мировой политики, таких как украинский и сирийский кризисы. Осложняются российско-французские отношения ростом влияния России в ЦАР и Мали, традиционной сфере влияния Франции, где присутствуют российские военные и гражданские инструкторы, осуществляются поставки вооружения. Франция, несмотря на декларируемое стремление к сотрудничеству, увеличила военное присутствие в странах Восточной Европы (Эстонии и Литве) в рамках антироссийской политики НАТО. Точкой соприкосновения между Россией и Францией является иранский вопрос, страны предпринимают усилия в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе с целью ограничения ядерного потенциала Ирана. Кроме того, обе страны заинтересованы в обеспечении безопасности в мире посредством сохранения и поддержания существующих договоров по ограничению и сокращению вооружений, в борьбе с международным терроризмом и в разрешении мировых кризисов.

Торгово-экономические отношения России и Франции

Франция еще в начале 1990-х гг. стала одним из главных стратегических торгово-экономических партнеров Российской

Федерации. В 1996 г. была создана основная структура для сотрудничества Франции и России в экономической сфере: Российско-французская межправительственная комиссия по вопросам двустороннего сотрудничества, в рамках которой функционирует Российско-французский совет по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам (СЕФИК). В 1996 г. была создана Франко-российская торгово-промышленная палата, способствующая экономическому сотрудничеству и осуществляющая функции сопровождения бизнеса обеих стран.

Для того, чтобы проследить изменения в экономических отношениях между Россией и Францией, представляется необходимым проанализировать внешнеторговый оборот между странами с конца XX века. С 1998 по 2003 гг. в связи с экономическим кризисом показатели взаимной торговли были снижены. Однако с 2003 г., когда Россия была включена в список приоритетных партнеров в экономической сфере, до 2008 г. наблюдался рост товарооборота между странами. В 2010 г., после мирового экономического кризиса, торговля между странами стабилизировалась, а пик внешнеторгового оборота пришелся на 2011 г. (28,1 млрд евро), что было связано с высокой потребностью у Франции в энергетических ресурсах России для восстановления быстроразвивающейся французской экономики. В 2013 г., с введением во Франции программы «Новая промышленная Франция» с целью перехода французских предприятий к возобновляемым источникам энергии, наблюдался спад спроса на энергоносители и, следовательно, спад товарооборота [8].

Другим фактором, повлиявшим на торгово-экономические отношения Российской Федерации и Французской Республики, стало введение Европейским союзом санкций против России в 2014 г. в ответ на присоединение Крыма. Россия в качестве ответной меры ввела продовольственное эмбарго, которое негативно повлияло на французский сельскохозяйственный экспорт, ежегодные потери сельскохозяйственных производителей Франции после введения санкций по настоящее время составляют 800 миллионов евро.

Под влиянием внешних факторов, в особенности санкций, а также пандемии показатели товарооборота отличались нестабильностью. Помимо этого, фактором, повлиявшим на падение

товарооборота, был внешнеполитический курс Франсуа Олланда, ориентированный на США. В 2014 г. наблюдалось снижение внешнеторгового оборота, который стабилизировался к 2018 г., но в 2019 и 2020 гг. упал в связи с пандемией. Однако в 2021 г. товарооборот возрос до рекордного досанкционного уровня и составил 22 млрд долл. США [9].

Если говорить о структуре импорта и экспорта, по данным на 2021 г. Россия импортирует из Франции: продукцию химической промышленности (26,8%), машины, оборудование и транспортные средства (18,9%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (9,7%), металлы и изделия из них (2,5%), древесину и целлюлозно-бумажные изделия (0,9%). В то же время в структуре российского экспорта преобладают нефть и нефтепродукты (84,1%), меньшая доля приходится на металлы и изделия из них (4,6%), продукцию химической промышленности (4,1%), транспорт и промышленное оборудование (2,4%), древесину и целлюлозно-бумажные изделия (1,5%) [9]. Россия является одним из крупнейших поставщиков газа и нефти во Францию (по данным на 2021 г.: 21% и 12,7% соответственно) [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что динамика товарооборота между странами изменялась под влиянием внешних факторов, таких как санкции, экономические кризисы, внешнеполитический курс. На данный момент российский экспорт носит в основном сырьевой характер, существует необходимость его диверсификации. Франция экспортирует высокотехнологичную продукцию с высокой добавленной стоимостью, которая способствует развитию высокотехнологичных отраслей России.

Инвестиционное сотрудничество

Франция активно инвестирует в российскую экономику, занимая 8 место среди стран мира и 4 место среди стран ЕС, и является одним из крупнейших иностранных работодателей (создает около 170 000 рабочих мест). Несмотря на санкции, объем инвестиций с 2010 по 2021 гг. вырос с 8,7 млрд долл. США до 21,7 млрд долл. США [10].

Более 500 филиалов французских компаний, а также 1200 российских компаний с французским участием на данный момент

функционируют в России. Крупнейшие французские компании осуществляют деятельность в сфере торговли (Auchan, Leroy Merlin), банковского сектора (Société générale), пищевой промышленности (Danone, Bonduelle), фармацевтики (Sanofi), косметики (L'Oréal), автомобилестроения (Renault, PSA Peugeot Citroën), авиационно-космической промышленности (Safran, Thales), производства строительных материалов (Saint-Gobain) [11]. Французские компании Engie и Total выступают акционерами в крупных проектах в нефтегазовой сфере: «Северный поток-2» (9% у компании Engie), «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ» (20% и 10% соответственно у компании Total).

Франция особенно важна для России в качестве инвестора в связи с тем, что она осуществляет так называемые «умные инвестиции», которые предполагают внедрение высокотехнологичных решений в экономику России, способствуют созданию высококвалифицированных рабочих мест и затрагивают такие сферы, как искусственный интеллект, энергоэффективность, «зеленые» технологии и медицина.

Существуют следующие препятствия для инвестирования Франции в Россию:

- Зависимость российской экономики от цен на углеводороды и сырье, а также от импорта средств производства и зарубежных технологий;
- Сложность и противоречивость законодательства, которое постоянно изменяется, бюрократия, коррупция в государственных органах;
- Нарушение прав интеллектуальной собственности;
- Закрытость многих отраслей, считающихся стратегически важными, для прямых иностранных инвестиций;
- Изношенность инфраструктуры и низкий уровень технической оснащенности предприятий в России;
- Низкая покупательная способность граждан Российской Федерации;
- Неблагоприятный инвестиционный климат (чему способствовал арест топ-менеджеров инвестиционного фонда Baring Vostok, одним из которых является гражданин Франции Ф. Дельпаль);

- Экономический кризис, связанный с коронавирусом.

Несмотря на санкции и экономические препятствия, вызванные пандемией, французские компании продолжают инвестировать в экономику России. Представители бизнеса и власти неоднократно высказывались за отмену санкций и проявляли заинтересованность в открытии новых предприятий и расширении старых на территории России [12]. Сенатом неоднократно принимались резолюции, призывающие к отмене санкций. Более того, при участии Э. Макрона в качестве министра финансов Франция и Россия возобновили деятельность Совета по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам, работа которого была приостановлена в связи с присоединением Крыма к России.

В то же время инвестиции России во французскую экономику остаются ограниченными. На данный момент во Франции действуют 86 российских компаний, которые создают около 4500 рабочих мест [10]. Самым крупным инвестором по состоянию на 2020 г. является РЖД, которое приобрело 75% акций промышленно-логистической компании GEFCO. Наибольшее количество инвестиций идет в отрасли, связанные с банковской деятельностью, гостинично-ресторанной сферой, высокими технологиями. Среди других компаний можно отметить VTB Bank (France), Gazprom Marketing & Trading France SAS, Starsem, Kaspersky Lab, Dr. Web, SuperOx, Chocolaterie de Provence.

Российские инвестиции в экономику Франции составляют только 3,1 млрд долларов и сконцентрированы в основном в Иль-де-Франс и регионе Прованс — Альпы — Лазурный Берег. Французские инвестиции также сконцентрированы в отдельных регионах: Санкт-Петербург, Москва, Нижегородская, Новосибирская, Самарская, Свердловская, Ростовская области, а также в регионах, где находятся крупные месторождения ископаемых. Для развития инвестиционного сотрудничества проводятся встречи в рамках Франко-российской торгово-промышленной палаты, в том числе с участием В. Путина. С целью расширения географии и вовлечения большего количества регионов во франко-российское сотрудничество был проведен Перекрестный год межрегионального сотрудничества России и Франции.

Влияние ситуации на Украине на российско-французские отношения

После начала специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. проблемы во взаимоотношениях России и Франции значительно обострились. Франция стала одной из первых стран, поддержавших введение санкций против России в рамках ЕС, последний пакет которых предполагает: отмену режима наибольшего благоприятствования в рамках ВТО; запрет на экспорт в Россию предметов роскоши, импорт российской металлургической промышленности, инвестиции в энергетические проекты; ряд санкций в банковской сфере и против отдельных граждан. 1 марта 2022 г. министр экономики и финансов Франции Брюно Ле Мэр заявил, что страны ЕС собираются начать «тотальную экономическую войну» против России, которая приведет к «коллапсу» российской экономики [13]. Франция также объявила о полном отказе от российской нефти и газа до 2027 г. Однако европейские экономики все еще зависят от российских энергоносителей. Так, Брюно Ле Мэр назвал нынешний энергетический кризис, сопровождающийся стремительным ростом цен, сопоставимым с нефтяным кризисом 1973 года [14].

Помимо этого, 2 марта 2022 г. в ходе телеобращения Э. Макрон заявил, что большое количество отраслей французской экономики может пострадать в результате санкций из-за зависимости от материалов, поставляемых из России [15]. Санкции против России на данный момент привели к росту цен на строительные материалы и энергоносители, что может оказать пагубное влияние на покупательную способность граждан Франции [16]. Более того, введение санкций против России оказывает негативное влияние на средние и малые предприятия, для которых Россия является одним из крупных рынков.

Что касается крупнейших французских компаний, по данным Франко-российской торгово-промышленной палаты, ни одна из них не ушла из России [17]. По мнению профессора базовой кафедры торговой политики РЭУ им. Г. В. Плеханова Вячеслава Чеглова, это связано с несколькими факторами: большие усилия были приложены французским правительством для вхождения

компаний на российский рынок; нежелание французских продовольственных компаний лишать российских потребителей продовольствия; наличие предприятий с полным циклом производства и налаженные логистические связи; стремление компаний сохранить место на российском рынке [18]. Компания TotalEnergies, около 5% денежного потока которой приходится на Россию, не стала уходить из страны, но приняла решение не заключать и не продлевать контракты на закупку российской нефти и нефтепродуктов и не инвестировать в новые проекты [19].

Тем не менее, лидеры Франции и России регулярно контактируют и продолжают обсуждение ситуации на Украине в форме телефонных переговоров, проводимых на регулярной основе. 28 февраля в ходе такого разговора Э. Макрон попросил В. Путина обеспечить прекращение огня на Украине, гарантировать сохранение гражданской инфраструктуры, безопасности на автострадах и защиту гражданского населения, на что В. Путин выразил согласие [20]. После этого состоялось еще несколько телефонных разговоров, включая беседы совместно с канцлером Германии Олафом Шольцем.

Заключение

Отношения Франции и России в период президентства Э. Макрона носят комплексный и противоречивый характер. С одной стороны, сохраняется ряд разногласий по основным кризисным ситуациям в мировой политике, но, с другой стороны, существуют некоторые точки соприкосновения и стремление Франции совместно с Россией разрешать крупнейшие мировые кризисы. Французский курс внешней политики при Э. Макроне в большей степени ориентирован на нахождение точек соприкосновения.

Разрешение существующих кризисов, по мнению президента Французской Республики, возможно только при участии Российской Федерации. Возможной причиной такой стратегии является стремление играть роль лидера и гаранта безопасности в Европейском союзе. Франция рассматривает Россию в качестве некоего контрбаланса, который может помочь Европейскому союзу сохранить свою роль в качестве центра силы, независимого

от внешних акторов, не находящегося между двух полюсов силы. Ослабление России, которое может привести к росту влияния Китая в противостоянии с США, невыгодно для Франции. Кроме того, несмотря на то, что Франция является страной — членом Европейского союза и НАТО, ее приоритетом являются собственные экономические интересы. Именно поэтому Э. Макрон поддерживал деловые круги, имеющие давние тесные связи с Россией.

На данный момент существует необходимость диверсификации российского экспорта, который носит в основном сырьевой характер, в то время как Франция инвестирует в высокотехнологичные отрасли, что способствует их дальнейшему развитию. Французские инвестиции на данный момент сосредоточены в основном в нефтегазовой и торговой областях, но Франция остается одним из ключевых инвесторов, осуществляющих «умные инвестиции», необходимые для ускоренного экономического развития России. В то же время Россия не является приоритетным инвестором для Франции, ее инвестиции пока ограничены и сосредоточены в нескольких областях. Несмотря на введенные ограничения, французские компании продолжают свою деятельность на территории Российской Федерации. В то же время французские компании объявили об ограничении инвестирования в новые проекты, из чего можно заключить, что роста инвестиций, вероятно, не будет.

Библиография

1. Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs // Élysée. 2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> — 14.02.2022.
2. Emmanuel Macron souhaite « repenser » le lien avec la Russie // Ouest-France. URL: <https://www.ouest-france.fr/politique/emmanuel-macron/emmanuel-macron-souhaite-repenser-le-lien-avec-la-russie-6493326> — 13.02.2022.
3. Ce qu'il faut retenir de la première rencontre entre Macron et Poutine à Versailles. // Le Parisien. 2017. URL: <https://www.leparisien.fr/politique/ce-qu-il-faut-retenir-de-la-premiere-rencontre-entre-macron-et-poutine-a-versailles-29-05-2017-6994962.php> — 15.02.2022.

4. Франция и Россия подписали 50 контрактов на полях ПМЭФ // Франко-российская торгово-промышленная палата. URL: <https://www.ccifr.ru/news/francija-i-rossija-podpisali-50-kontraktov-na-polah-pmf> — 13.02.2022.
5. Macron appelle les entreprises françaises à investir davantage en Russie // Le Figaro. 2018. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-eco/2018/05/25/97002-20180525FILWWW00174-macron-appelle-les-entreprises-francaises-a-investir-davantage-en-russie.php> — 14.02.2022.
6. Ce qu'il faut retenir de la rencontre entre Poutine et Macron // Le Figaro. 2019. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/ce-qu-il-faut-retenir-de-la-rencontre-entre-poutine-et-macron-20190819> — 15.02.2022.
7. Итоги первого с Зеленским саммита в «нормандском формате». Главное // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/12/2019/5dee195e9a79472e1948aacb> — 15.02.2022.
8. M. Le Drian et Mme Parly reçoivent leurs homologues russes // Représentation de la France auprès de l'Union Européen. URL: <https://ue.delegfrance.org/m-le-drian-et-mme-parly-recoivent> — 13.02.2022.
9. Константинова В. Е. Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество России и Франции как основа партнерских отношений // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskoe-i-investitsionnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-frantsii-kak-osnova-partnerskih-otnosheniy> — 13.02.2022.
10. Товарооборот России и Франции // Россия: статистика внешней торговли. URL: <https://ru-stat.com/date-M201607-201707/RU/trade/FR> — 14.02.2022.
11. Торгово-экономические связи // Посольство Российской Федерации во Франции. URL: [https://france.mid.ru/ru/russiefrance/relations/economica](https://france.mid.ru/ru/russiefrance/rerelations/economica) — 14.02.2022.
12. Комиссарова Ж. Н. Состояние и перспективы экономических отношений Франции и России // Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути / Отв. ред.: М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, Ю. И. Рубинский, П. П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 206 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_03.pdf — 14.02.2022.
13. *Pensec E.* Malgré la crise, les investissements bilatéraux franco-russes à la hausse // Russia beyond. URL: https://fr.rbth.com/economie/cap_sur_le_marche_russe/2017/04/17/malgre-la-crise-les-investissements-bilateraux-franco-russes-a-la-hausse_744157 — 13.02.2022.
14. Франция пригрозила России «тотальной экономической войной» // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/03/2022/621de3239a7947e2ecf80278> — 02.03.2022.

15. Energie : Bruno Le Maire compare la crise actuelle au choc pétrolier de 1973 // Capital. 2022. URL: <https://www.capital.fr/economie-politique/energie-bruno-le-maire-compare-la-crise-actuelle-au-choc-petrolier-de-1973-1430572> — 09.03.2022.
16. Guerre en Ukraine : ce qu'il faut retenir de l'allocution d'Emmanuel Macron // Ouest-France. 2022. URL: <https://www.ouest-france.fr/politique/emmanuel-macron/guerre-en-ukraine-ce-qu-il-faut-retenir-de-l-allocution-d-emmanuel-macron-0d737ebc-9a43-11ec-9acb-1f509311c936> — 03.03.2022.
17. Les conséquences économiques des sanctions contre la Russie s'inventent dans la présidentielle 2022 // Libération. 2022. URL: https://www.liberation.fr/economie/les-consequences-economiques-des-sanctions-contre-la-russie-sinventent-dans-la-presidentielle-2022-20220225_3NF2B3EDMBCVRL55RS2R3COFPM — 26.02.2022.
18. В Париже заявили, что ни одна французская компания не ушла из России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14139435> — 21.03.2022.
19. Почему французские компании не спешат покидать российский рынок? // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/3541388.html> — 22.03.2022.
20. Британские акционеры потребовали от французской Total выйти из бизнеса в России // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/459249-britanskie-akcionery-potrebovali-ot-francuzskoj-total-vyjti-iz-biznesa-v-rossii> — 16.03.2022.
21. Макрон в разговоре с Путиным призвал к прекращению огня на Украине // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13901097> — 28.02.2022.

Субботин Илья Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Механизм формирования внешней политики ФРГ в отношении России на современном этапе

The Mechanism Shaping Germany's Foreign Policy towards Russia at the Present Stage

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка выделить наиболее влиятельные на российском направлении внешней политики ФРГ (российская политика) внутригосударственные структуры и определить их относительную роль в ее формировании. Для достижения поставленной цели автор в первую очередь рассматривает ключевые характеристики двусторонних отношений на современном этапе, определяя в том числе основные германские интересы. Затем, сравнивая нормативный «базис» германского внешнеполитического механизма с тем, как он функционирует именно на российском направлении, автор отмечает наиболее сильные институты и характеризует их конкретные роли. Отдельно рассматривается трансформация исследуемого механизма в 2022 г., после начала российской спецоперации на Украине.

Ключевые слова: российско-германские отношения, внешняя политика ФРГ, германский внешнеполитический механизм, федеральный канцлер, министерства, Бундестаг.

Abstract. This article aims at identifying the most influential domestic institutions regarding German policy towards Russia and defining their relative role in its shaping. To achieve that, the author has examined the key characteristics of bilateral relations at the present stage, educing the main German interests. Then, paralleling the normative “basis” of the German foreign policy mechanism with how it operates specifically in the Russian direction, the author has highlighted the most prepotent institutions and has designated their specific roles. The transformation of the investigated mechanism in 2022, after the beginning of the Russian special operation in Ukraine, is reviewed singularly.

Keywords: Germany-Russia relations, foreign policy of Germany, German foreign policy mechanism, federal chancellor, ministries, Bundestag.

Введение

Механизм формирования внешней политики ФРГ представляет собой комплекс внутригосударственных институтов исполнительной и законодательной властей, обладающих определенными полномочиями в рамках формирования внешнеполитического курса. Отличаясь общей преемственностью и постоянством, исследуемый механизм, тем не менее, обладает характерными особенностями на российском направлении, которые и представляют особый интерес в рамках данного исследования. Эти особенности редко являются темой научных трудов. Поэтому предлагаемая статья внесет важный вклад в осмысление соответствующей проблематики.

Цель настоящего исследования — выявить, какие структуры внутри государства и в какой степени определяют германскую внешнеполитическую линию на российском направлении.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть характерные черты российско-германских отношений на современном этапе;
2. Проанализировать роль отдельных германских органов власти и характер их взаимодействия в формировании внешней политики ФРГ;
3. Рассмотреть особенности положения германских органов власти в системе формирования внешнеполитической линии ФРГ на российском направлении.

Ключевые характеристики российско-германских отношений

Двусторонние отношения РФ и ФРГ можно условно разделить на 3 области взаимодействия: политическую, экономическую и гуманитарную (культурно-образовательную). Динамика, присущая той или иной названной выше сфере, не всегда идентична. В политическом измерении на современном этапе довольно четко прослеживаются 3 периода: 1) 2000–2014 гг., 2) 2014–2022 гг. и 3) 2022–н.в. Первый отличается относительно стабильным и беспроблемным развитием, пусть и с оговорками. Второй — «стратегией двойных

решений» ФРГ, которая закрепляла важность «сдерживания и способности к обороне, равно как готовности к диалогу» [1, с. 66]. Третий период знаменует конец этой стратегии, резкое сворачивание сотрудничества и восприятие России как реальной угрозы безопасности. Хотя даже в таких условиях диалог не исключается.

В экономическом измерении взаимодействие отличалось большей стабильностью. Еще в 2000-х происходит «экономизация» отношений, и с того времени экономическая сторона во многом стала их фундаментом. Связанные с событиями 2014 г. негативные тенденции незначительно препятствовали сотрудничеству. Кратковременная «деэкономизация» отношений имела место в начале 2022 г. и связана со стремлением Германии повлиять на действия РФ на Украине.

В гуманитарном измерении до 2022 г. не возникало существенных противоречий. Однако проведение Россией спецоперации знаменует ограниченное сворачивание взаимодействия и в этой сфере.

Важно понимать, что на динамику отношений влияла не только российская, но и германская сторона, действия которой обуславливались ее собственными ключевыми интересами на российском направлении. Нами были выделены следующие из них: внесение посильного вклада в модернизацию российского общества и строя на всех уровнях, экономическое сотрудничество с предсказуемой Россией, обеспечение европейской безопасности не «против» России (на момент весны 2022 г. отложено в долгий ящик), преодоление кризисных явлений в Европе, вызванных, в глазах руководства ФРГ, действиями России, и, наконец, выстраивание российской политики в европейских и трансатлантических рамках.

Выявленные интересы определяли особенности двусторонних отношений. Целесообразно выделить их следующие ключевые характеристики: 1) несовместимость российской действительности и германских ожиданий касательно ее изменения, что отражалось в германском «балансировании» между прагматизмом и ценностным фактором (причем второй элемент перевешивает первый); 2) общая постепенная деградация отношений и переход к насыщенной конфронтацией взаимодействию во всех сферах; 3) дихотомия политического измерения отношений (диалог даже при кри-

тических развитиях не исключается); 4) «экономизация» отношений в 2000–2022 гг. и частичная «деэкономизация» зимой и весной 2022 г.; 5) относительная стабильность гуманитарной сферы.

Эти особенности сказываются и на характере самого внешнеполитического механизма ФРГ на российском направлении, определяют относительную роль различных институтов.

Канцлер

Общее положение канцлера в германском внешнеполитическом механизме высоко и обуславливается прочным нормативным базисом. Согласно Основному закону, канцлер обладает правом определять основные линии политики ФРГ [2, ст. 65], в частности внешней (что переводится как “Richtlinienkompetenz”).

Первостепенна позиция канцлера и в коллегиальных органах. Заседания кабинета и комитетов (к примеру, совета безопасности — BSR) правительства проводятся под руководством канцлера [3, §22.1]. Канцлер имеет полномочие создавать комитеты [4, s. 70].

Правительственные заявления, даваемые в бундестаге канцлером, являются особой формой выражения конституционной Richtlinienkompetenz и могут затрагивать и внешнеполитическую тематику.

Стоит отметить и фактор работы ведомства федерального канцлера (Bundeskanzleramt, ВКА). Роль этой структуры состоит в контроле за деятельностью ведомств и их общем координировании.

В рамках «канцлерской демократии» глава правительства, как отмечает германский исследователь К. Никлаус, «явно вовлекается во внешнюю политику» [4, s. 64–65]. Данное положение в целом справедливо — нередко первые лица правительства делали особый акцент на внешней политике

На российском направлении роль канцлера, естественно, не менее значительна и имеет характерные особенности. В немецкой исследовательской литературе распространен термин «Chefsache» («дело шефа») [5, s. 652], используемый преимущественно для описания периода Г. Шрёдера, характеризующегося: 1) особым значением личного уровня отношений («семейная дружба» Г. Шрёдера

и В. Путина) [5, s. 664] и 2) сильной централизацией внешнеполитических механизмов двух стран («вертикаль Шрёдера — Путина») [6, s. 449]. МИД если не подчинялось, то точно вытеснялось канцлером из процесса принятия решений. Как следствие, многие существенные инициативы исходили от канцлера. Среди прочих можно упомянуть создание «Петербургского диалога», Рабочих групп по политике безопасности и по экономике и финансам, реализацию проекта «Северный поток-1» (СП-1).

Однако, заявляя о том, что внешняя политика ФРГ на российском направлении, или российская политика ФРГ, перестала быть «делом шефа» после отставки Г. Шрёдера, немецкие исследователи могут обусловить возникновение ошибочных представлений о том, что в дальнейшем канцлер играл несущественную роль. Во-первых, имели место объективные факторы, влиявшие на высокое положение канцлера в российско-германских отношениях. Во-вторых, произошедшая при А. Меркель трансформация роли канцлера (менее тесные личные отношения с президентом РФ и относительное «выравнивание» внешнеполитического механизма) не означала ее существенного умаления. А. Меркель все-таки стабильно была вовлечена в российскую политику, разве что больший вес приобрело МИД при Ф.-В. Штайнмайере. Тем не менее, именно она дала двустороннему партнерству название «стратегического»; лично бундесканцлерин «защищала» СП-1 в переговорах с северо-европейскими странами, участвовала в правительственных консультациях и т.д. Если Г. Шрёдер «оркестрировал» сближение, то А. Меркель «претворяла в жизнь» [5, s. 668].

Важно уточнить, что в кризисных условиях роль канцлера становится еще более заметной, что проявилось в 2014 г., когда во многом личными усилиями бундесканцлерин формировалась европейская санкционная политика. Кроме того, «Минск-2» был заключен не без усилий А. Меркель. Кризис 2022 г. рассматривается автором далее в статье отдельно.

Российская политика неизменно является «делом шефа». В данной связи уместно говорить о двух сторонах «Chefsache» как принципа российской политики ФРГ: «Chefsache I» (2000–2005) и «Chefsache II» (2005 — н. в.), причем важную роль играет фактор взаимодействия канцлера и МИД. Первый феномен — «стиль

Шрёдера» — скорее исключение, чем правило. Второй — нормальное состояние российской стороны германского внешнеполитического механизма, характеризующееся: 1) существенной, но не монопольной ролью канцлера при отсутствии экстраординарных тенденций в отношениях; 2) ограниченной свободой ведомств; 3) существованием своего рода «тандема» канцлера и МИД; 4) решающим и даже исключительным значением канцлера в кризисных условиях.

Министерства

Нами было рассмотрено положение следующих ведомств: министерство иностранных дел (МИД), министерство экономики (МЭ), министерство обороны (МО). Кроме того, было оценено значение прочих структур.

1. МИД

На российском направлении положение МИД (в «постшрёдеровский» период) оценивается вдвойне высоко. Во-первых, это обуславливается нормативным базисом, который закрепляет особую позицию МИД, — внешнеполитическая активность профильных ведомств «привязана» к МИД многими документами (к примеру, законом о внешнеполитической службе), то есть без МИД любая структура не может выйти на международную арену даже в условиях глобализации и европейской интеграции. Во-вторых, имеются и иные особенности, связанные именно с российской стороной внешней политики ФРГ.

«Возвышение» МИД связано со следующими моментами. Во-первых, почти 10 лет главой ведомства являлся Ф.-В. Штайнмайер — член СДПГ, «коньком» которой после Г. Шрёдера считалась российская политика. Вместе с этим, его личное видение российской политики ФРГ способствовало активному вовлечению МИД в 2005–2009 и 2013–2017 гг. Во-вторых, особое место занимает профессиональный фактор. Концентрация наиболее компетентных на исследуемом направлении кадров происходит преимущественно в стенах МИД: в штабе планирования и в соответствующих отделах [7, s. 7].

Ключевые инициативы в конце 2000-х («Сближение через переплетение» и «Партнерство для модернизации») — плоды деятельности МИД. Рабочий межведомственный диалог поддерживался как на созданных Г. Шрёдером площадках (к примеру, Рабочая группа по политике безопасности), так и напрямую. Финансирование многих институтов, активных на российском направлении, связано с МИД. В данной связи уместно отметить «Петербургский диалог», Институт Гёте и Германскую службу академических обменов.

В целом МИД активно во всех трех измерениях отношений, его значение всеобъемлюще. Ограничиваться роль данного ведомства может разве что канцлером в условиях стремительного нарастания кризисных явлений. На его относительное положение влияет и субъективный фактор. В любом случае, было бы некорректным называть роль МИД и всецело доминирующей, что будет обосновано далее.

2. МЭ

Профильные министерства, рассматриваемые автором далее, все же способны вести «параллельную внешнюю политику» [6, s. 220], пусть и несколько зависимо от МИД. Даже если роль внешнеполитического ведомства остается ключевой, значение иных ведомств на современном этапе все-таки увеличилось.

Экономизация отношений в 2000-х обусловила возросшее значение МЭ, которое на российском направлении в не меньшей степени «делает» германскую политику (естественно, преимущественно в экономической сфере), чем само МИД.

Главы МЭ поддерживали разносторонние контакты с российскими коллегами. Ключевой площадкой являлась созданная Г. Шрёдером Рабочая группа по экономике и финансам. Однако и вне институциональных рамок нередко проходили встречи межведомственного и иных уровней. По итогам подобных встреч подписывались различные заявления, декларации и соглашения, посредством которых МЭ проявляет собственную внешнеполитическую инициативу. Так, в 2010 году имело место совместное заявление о направлениях сотрудничества в рамках «Партнерства для модернизации»; в 2021 году было заключено соглашение о сотрудничестве в области устойчивой энергетики.

Ведомству также подконтрольны многие «инструменты»: внешнеторговые палаты (АНК Russland), германское энергетическое агентство (dena), федеральное сетевое агентство (BNA) и др. АНК Russland предоставляет необходимые услуги германскому бизнесу, действующему в России, и участвует в организации некоторых культурных мероприятий (прежде всего «Годов Германии»). Dena ведет с 2010 года «Германо-российский диалог по энергетической эффективности и возобновляемой энергии». BNA — структура, ответственная за процесс сертификации СП-1 и СП-2. Без подтверждения этим органом безопасности поставок по газотранспортной сети проект не может быть окончательно осуществлен.

Относительная стабильность экономической сферы отношений отразилась и на деятельности МЭ: в 2020 и 2021 годах его усилиями были созданы Российско-германский экономический совет и Рабочая группа по устойчивой энергетике.

В общем и целом, МЭ в содержательном отношении — сильная структура, играющая первостепенную роль в оформлении российской политики ФРГ. Проблема может состоять лишь в том, что оно вдвойне ограничивается нормативно: и канцлером, и МИД.

3. МО и прочие ведомства

После украинских событий 2014 года «российский элемент» в политике безопасности ФРГ стал во многом ключевым. И наоборот, в политике в отношении России на первый план вышли вопросы безопасности. Соответственно, компетентное в этой области министерство обороны начинает значимо влиять на формирование российского вектора германской политики безопасности.

МО активно в двух отношениях — концептуальном и содержательном. Концептуально российский вектор политики определяется Белой книгой (последняя на данный момент издана в 2016 г.) [1]. В Белой книге 2016 г. МО был закреплен ранее упомянутый «двойной подход» в отношениях с Россией.

Содержательная сторона политики оформляется прежде всего в североатлантических рамках, хотя этим деятельность министерства также не ограничивается. Ведомство посредством руководства Бундесвером принимает участие в усилении восточных рубе-

жей Альянса. В данной связи можно отметить систематическое участие германских вооруженных сил в явно направленных против России учениях, равно как в некоторых программах НАТО (к примеру, «Усиленное передовое присутствие»).

Примечательно, что значение оборонного ведомства обратно пропорционально характеру тенденций, присущих двусторонним отношениям. Чем в большей степени Россия воспринимается как угроза и чем существеннее сворачивается сотрудничество, тем более высокую роль играет министерство обороны. Деятельность МО, таким образом, сопряжена с негативной, кризисной стороной двусторонних отношений.

Что касается иных структур, их значение нельзя назвать ключевым. Разумеется, так или иначе все ведомства вовлечены в российскую политику, дело лишь в характере этого вовлечения. Их фактор следует учитывать — так, деятельность министерства окружающей среды и министерства финансов на российском направлении имеет не последнее значение. В различные периоды определенные структуры будут приобретать новое и терять старое значение (Минобороны, в конце концов, тоже вышло на авансцену после 2014 г.). Тем не менее, роль всех прочих ведомств все-таки не первостепенна.

Бундестаг

На российском направлении Бундестаг относительно слаб. Три его основные компетенции — участие в европейской политике [2, ст. 23], ратификация международных договоров [2, ст. 59.2] и принятие решения об участии Бундесвера в зарубежных миссиях [8, §1.2] — не могут быть реализованы в отношениях с РФ.

С другой стороны, существуют и иные рычаги парламентского участия в российской политике. Можно выделить следующие из них: 1) деятельность внешнеполитического комитета (АА); 2) возможность принятия Бундестагом резолюций внешнеполитического характера и 3) институт групп парламентариев.

АА в качестве «моста» между депутатами и членами правительства, безусловно, оказывает влияние и на формирование российской политики ФРГ [7, s. 8]. Обеспечивая их неформаль-

ное взаимодействие, комитет тем самым влияет и на то, чтобы предпочтения парламентариев учитывались теми, кто «делает» ее в содержательном отношении. Проблема состоит в том, что такие контакты, равно как их значение для формирования германского курса, трудно полноценно и системно рассмотреть.

Стоит отметить, что и в составлении резолюций АА играет важную роль, так как его рекомендации (что переводится как “*Beschlussempfehlung*”) после рассмотрения всех проектов документа, как правило, являются окончательным решением. Резолюции Бундестага не обязывают ни к чему правительство, но могут вызвать существенную реакцию за рубежом, что произошло, в частности, в 2012 г. В ноябре Бундестаг выдвинул резолюцию, критиковавшую направление, в котором движется внутриполитическое развитие в России, и это вызвало резкую реакцию, осложнившую отношения.

Что касается двусторонней группы парламентариев, германская «дипломатия визитов» на российском направлении сводилась к обсуждению актуальных вопросов политического, экономического и культурно-образовательного характера. Никакие внешнеполитические решения группой не принимались и не могли приниматься.

Как видится, влияние парламента на российском направлении либо второстепенно, либо несистематично. Тем не менее, Бундестаг остается неотъемлемой частью исследуемого механизма.

Кризисный механизм: значение спецоперации

В беспрецедентных кризисных условиях первой трети 2022 г. исследуемый механизм трансформируется, роли ранее рассмотренных институтов претерпевают некоторые изменения.

Позиция канцлера стала, хоть и вынужденно, все же исключительной. Пожалуй, даже при Г. Шрёдере значение действий канцлера было не так высоко. Во-первых, именно Олаф Шольц отозвал технический отчет о безопасности поставок по СП-2, и министерству экономики осталось лишь исполнить волю канцлера [9]. Во-вторых, 27 февраля имело место правительственное заявление канцлера, определившее позицию Германии

в отношениях с Россией. В-третьих, канцлер координирует и во многом подчиняет министерства в целях обеспечения единых, слаженных и незамедлительных действий. Данная координация проходит благодаря ведущей роли канцлера в коллегиальных органах.

Так, советом безопасности принимаются решения об экспорте вооружений на Украину [10]. Также в начале марта 2022 г. ведомством канцлера была создана специальная рабочая группа (taskforce), призванная обеспечить должную координацию санкционной деятельности министерств [11, с. 61].

Наконец, как справедливо отмечает В. Б. Белов, поддержание политических контактов между двумя странами возможно лишь на уровне канцлер — президент, межведомственный диалог заморожен [11, с. 62].

МИД перенимает роль вторичного координатора этих усилий и ключевого «советчика». Без его участия (будь то прямое или косвенное) ни одно принципиальное внешнеполитическое действие профильного министерства, особенно в кризисных условиях, не может произойти.

Стремительная «деэкономизация» отношений обуславливает следующее положение МЭ. Значение МЭ, во-первых, уменьшается, а во-вторых, переходит в санкционную область — то есть ведомство теперь не сотрудничает, но принимает участие в сворачивании сотрудничества. В образованной ВКА taskforce министерство экономики формально занимает главенствующее положение наравне с финансовым ведомством [12]. Также министерство экономики приостановило действие механизма страхования немецких предприятий (по программе «Гермес»), экспортирующих свою продукцию в Россию.

Возрастание роли МО связано со своего рода милитаризацией всей российской политики ФРГ. Во-первых, МО осуществляет меры по усилению восточных рубежей НАТО. Кроме того, так как оценка возможности и необходимости экспорта вооружений в конфликтную зону входит в компетенцию МО, позиция МО в федеральном совете безопасности, принявшем в конце февраля решение об экспорте германских вооружений на Украину, имела, по мнению автора, принципиальное значение.

Роль Бундестага также трансформируется. Многие призывы к ужесточению санкций звучат именно из партийного руководства. В его стенах озвучиваются радикальные идеи, оказывающие существенное давление на правительство, следовательно, Бундестаг вполне может стать «мотором» российской политики ФРГ в кризисных условиях. С другой стороны, канцлера, выступившего с правительственным заявлением, поддержало подавляющее большинство депутатов, что дает канцлеру определенную свободу действий.

Выводы

Хотя российскую политику ФРГ реализуют в разной степени все структуры, существует группа институтов, значение которых здесь особенно велико и поэтому едва ли сравнимо с ролью прочих. Исполнительный «костяк» составляют канцлер, МИД, МЭ и МО. Российская политика — «дело шефа» (особенно в кризисные периоды), что, однако, не отрицает значимой роли выделенных министерств.

В сравнении с общим германским внешнеполитическим механизмом, на российском направлении правительство более заметно перевешивает парламент в контексте баланса сил между институтами. Тем не менее, как формальные, так и неформальные рычаги воздействия Бундестаг здесь имеет.

Нами были выделены следующие основные факторы, влияющие на изменчивость механизма: 1) деятельность российской стороны и сопряженная с этим реакция ФРГ, обусловленная наличием собственно германских интересов; 2) субъективный фактор, отразившийся наиболее ярко в деятельности Г. Шрёдера и Ф.-В. Штайнмайера.

Библиография

1. Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr // Bundesministerium der Verteidigung. 2016. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissb%20uch2016-barrierefrei-data.pdf> — 05.04.2022.

2. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Gesetze im Internet. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> — 16.03.2022.
3. Geschäftsordnung der Bundesregierung // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/geschaeftsordnung-der-bundesregierung-459846> — 16.03.2022.
4. *Niclauß K.* Kanzlerdemokratie: Regierungsführung von Konrad Adenauer bis Angela Merkel / K. Niclauß. — 3., aktualisierte und erweiterte Auflage. Wiesbaden: Springer VS, 2014. 452 s.
5. *Jäger T.* Deutsche Außenpolitik: Sicherheit, Wohlfahrt, Institutionen und Normen / T. Jäger, A. Höse, K. Oppermann. — 2., aktualisierte und erweiterte Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. 768 s.
6. *Schmidt S.* Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 968 s.
7. *Pörzgen G.* Auf der Suche nach der verlorenen Kompetenz: Russlandpolitik im deutschen Bundestag / G. Pörzgen // Osteuropa. 2009. Vol. 59. No. 9. S. 3–25.
8. Gesetz über die parlamentarische Beteiligung bei der Entscheidung über den Einsatz bewaffneter Streitkräfte im Ausland // Gesetze im Internet. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/parlbg> — 10.04.2022.
9. Deutschland stoppt Nord Stream 2 // ZDF. 22.02.2022. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/scholz-russland-ukraine-100.html> — 19.03.2022.
10. *Murphy M.* Deutschland will weitere Waffen an die Ukraine liefern — auch fabrikneue // Handelsblatt. 03.03.2022. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/ukraine-krieg-deutschland-will-weitere-waffen-an-die-ukraine-liefern-auch-fabrikneue/28128098.html> — 10.03.2022.
11. *Белов В. Б.* Реакция Германии на специальную военную операцию РФ на территории Украины / В. Б. Белов // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Вып. 1. № 8. С. 56–62.
12. Diese Sanktionen gegen Russland wurden beschlossen // Die Bundesregierung. 08.04.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/eu-sanktionen-2007964> — 09.04.2022.

Чепурнаева Ольга Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Цифровизация российско-германских отношений: достижения и перспективы в период широкомасштабных западных санкций

Digitalization of Russian-German Relations: Achievements and Prospects during the Period of the Large-Scale Western Sanctions

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть совместные достижения Российской Федерации и Федеративной Республики Германия в сфере цифровизации экономики и политики с целью сравнить эти две области взаимодействия и оценить возможности и перспективы дальнейшего сотрудничества после санкций со стороны западных государств. Для осуществления поставленной цели автором был проанализирован опыт цифрового сотрудничества России и Германии и его изменения после новых ограничений. Это позволило выявить ряд перспективных направлений и методов для становления новых форм российско-германских отношений в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровизация, экономические отношения, стратегическое партнерство, цифровая дипломатия, российско-германские отношения.

Abstract. This article aims at overviewing the joint achievements of the Russian Federation and The Federal Republic of Germany in the sphere of economy and politics digitalisation in order to compare them and consider possible future cooperation after the large-scale Western sanctions. To achieve that, author has analysed the experience of cooperation between Russia and Germany and its changes after the new restrictions. This allowed identifying the range of perspective directions and methods for the new forms of Russian-German relations.

Keywords: digitalisation, economical relations, strategic partnership, digital diplomacy, Russian-German relations.

Введение

Трендом развития современного общества и государства является цифровизация, которая затрагивает все сферы нашей жизни. Феномен цифровизации экономики многими исследователями рассматривается как важнейший во внешней и внутренней политике ведущих государств политической карты. Германия в этом направлении является пионером.

Российская Федерация отставала в развитии цифровизации по сравнению с другими странами. Однако благодаря партнерству с азиатскими и европейскими государствами, обмену опытом, специалистами Россия значительно укрепила свои позиции в этой области. Так российско-германские отношения, на протяжении всей мировой истории во многом определявшие обстановку и соотношение сил на международной арене, приобрели новый, цифровой вектор развития.

Цель настоящего исследования заключается в сопоставлении цифровых российско-германских экономических и политических отношений, их достижений и перспектив в период международной напряженности и санкционной политики Запада.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Установить эффективность цифровых отношений России и Германии посредством основных достижений совместных российско-германских проектов (с точки зрения выполнения поставленных целей): а) в сфере экономического сотрудничества и обмена технологиями; б) в области цифровой дипломатии с учетом существующих конфликтов и противоречий.
2. Оценить влияние санкций на сотрудничество России и Германии и рассмотреть возможные пути продолжения взаимодействия.
3. Сделать вывод о том, какие предпосылки для продолжения совместной деятельности в цифровой сфере остаются для двух государств, учитывая опыт КНР и санкций 2014 года.

Экономическое сотрудничество

Цифровизация является ключевым фактором мировой повестки многих государств, однако особую роль феномен цифровизации играет в экономической политике лидирующих стран мира. ФРГ в 2011 году разработала стратегию «Индустрия 4.0» — программу интеграции бизнеса и предприятий в новую цифровую систему, с целью подготовки немецкой промышленности к возможным технологическим вызовам [1, р. 62]. Данный концепт Германии был заимствован многими ведущими державами, и Россия начала цифровизацию своей экономики, используя опыт немецких коллег. С 2017 года на территории Российской Федерации реализуется программа «Цифровая экономика РФ», положения которой во многом совпадают с немецким подходом: цифровизация отраслей экономики, здравоохранения и образования, создание информационной инфраструктуры и поддержание информационной безопасности, цифровизация государственного управления. Был реализован ряд совместных российско-германских проектов. Особо отмечается Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ) 2016 года, на котором было положено начало новой дискуссии «Россия — Германия: цифровая экономика и Индустрия 4.0. Возможности для бизнеса», был заключен стратегический меморандум о сотрудничестве между ОАО «Российские железные дороги» и немецкой корпорацией «Сименс», на предпринимательском уровне были также достигнуты важные соглашения между «КАМАЗ» и «Сименс АГ» о совместном использовании ключевых инновационных решений стратегии «Индустрия 4.0» [2, 3].

В 2017 году появилась Германо-российская инициатива по цифровизации экономики (German-Russian Initiative for Digitalization, GRID), целью которой является «выработка рекомендаций по развитию двусторонних отношений России и Германии с учетом изменений международной среды, общих вызовов и интересов двух стран» [4]. В рамках GRID были реализованы регулярные встречи предпринимателей с целью обмена опытом, многостороннее взаимодействие в сфере развития концепции «Индустрия 4.0», выработка инструментов для оптимизации цифровой экономики и методов разрешения проблем и вызовов в данной сфере. В 2019 году

в Екатеринбурге на промышленной выставке ИННОПРОМ прошло выездное заседание GRID об итогах и перспективах, которое установило, что сотрудничество в сфере цифровизации чрезвычайно важно и должно развиваться, а местные российские компании продемонстрировали результаты внедрения в производство автоматизированных процессов в работе офиса и удаленных систем управления на предприятии [5].

Российско-германские отношения развивались хоть и медленно, но в верном направлении. Несмотря на то, что Европейский союз вводил санкции по отношению к Российской Федерации, Россия и Германия оставались долгосрочными партнерами. По данным Восточного комитета германской экономики (ОАОЕВ), в 2021 году товарооборот ФРГ и РФ вырос на 34%, достигнув почти 60 млрд евро [6].

На 2022 год были запланированы следующие инициативы по цифровой кооперации двух стран, которые в настоящее время остаются возможными для дальнейшего сотрудничества стран, несмотря на международную обстановку:

- Германо-российский год экономики и устойчивого развития (2020–2022 гг.). Данная инициатива подразумевает развитие производства вместе с сохранением естественных источников, окружающей среды. Германия поддерживает развитие современных экологических технологий, проекты по системе утилизации отходов и освоению ресурсов России в сфере возобновляемых источников энергии [7]. В рамках германо-российского года на 30 мая 2022 года была запланирована конференция «Технологическое сотрудничество в водной сфере для устойчивого развития», целью которой «является обмен опытом планирования и реализации мероприятий в водном секторе по достижению Целей устойчивого развития ООН в части развития городов (ЦУР-11) и рационального использования водных ресурсов и решение вопросов санитарии (ЦУР-6)» [8].
- ИННОПРОМ 2022: Промышленный переход: энергетика, цифровизация, кадры. Цифровое производство стало главной темой грядущей промышленной выставки

в г. Екатеринбурге. Страной-партнером станет Казахстан, но мероприятие носит международный характер, так что есть возможность, что ее посетили в том числе и немецкие представители [9].

- ПМЭФ 2022: ежегодный Петербургский международный экономический форум прошёл в июне 2022 года. Страна-партнер — Египет. Сложная международная и эпидемиологическая ситуации не позволили дать точных прогнозов относительно всех стран-участников. Принимая во внимание значительную роль ПМЭФ, участие в котором принимает президент РФ и другие представители всех ветвей власти РФ, а также иностранные дипломаты и партнеры, имелись основания надеяться на присутствие немецких коллег [10].

Санкции: угрозы и перспективы российско-германских отношений

После событий 24.02.2022 Россия попала под большое количество санкций со стороны США, ЕС и других государств. В этот раз ситуация отличается от отношения Германии к санкциям, вводимым до начала военного конфликта на Украине. В настоящее время Германия полностью разделяет экономические санкции Европейского союза, тем самым отстаивая принципы безопасности в Европе.

Санкции в первую очередь серьезно затронули сферу экономики. Ситуация остается очень нестабильной, и она уже в марте 2022 года представляла целый ряд вызовов для российской экономики. Во-первых, нестабильный курс валют. Во-вторых, ЕС и Великобритания ограничили вклады резидентов России в своих банках. В-третьих, некоторые российские банки были отключены от финансовой системы SWIFT — самой массовой межбанковской системы мира. В их число вошли ВТБ, «Открытие», «Новикомбанк», «Промсвязьбанк», «Россия», «Совкомбанк» и «Внешэкономбанк». Также США, ЕС и Япония заморозили активы Центрального Банка РФ.

Эти изменения значительно осложнили взаимодействие России не только с Германией, но и в целом со всем западным

миром. Все европейские страны, кроме балканских, закрыли небо для российских авиакомпаний. Иностранцы уходят из российского бизнеса.

Мнения экспертов касательно влияния санкций на развитие российско-германских отношений расходятся. Одни ученые склонны давать позитивную оценку происходящему, исходя из предположений, что санкции дадут возможность для развития национального производства, и, несмотря на ограничения, часть немецких компаний на российском рынке все-таки останется или вернется в будущем. Другие экономисты видят в заморозке торговых связей с Западом разрушительные последствия для бизнеса и других российских экономических структур.

По данным на 10.03.2022, такие ведущие немецкие компании, как Siemens и Bosch, ограничили работу в России. Siemens полностью прекратил импортные поставки в Россию, остановил работу над новыми проектами. Тем не менее, работа по заключенным ранее контрактам продолжается, например, в сфере обслуживания и ремонта подвижных составов РЖД «Сапсан» и «Ласточка» [11]. Не все немецкие компании решили уйти с российского рынка: сети гипермаркетов «Metro Cash&Carry» (93 гипермаркета в 51 регионе РФ) и «Globus», фармацевтическая компания «Stada» (производство в Нижнем Новгороде и Обнинске) работают без изменений [12].

В сфере цифровизации экономики важны новые технологии, которые в Россию поставляются из других стран, в том числе Германии. После введения санкций в 2014 году экономика России достаточно быстро восстановилась: она приспособилась к функционированию в рамках режима санкций уже к 2015 году, бизнес приспособивал свое поведение к новым условиям. Несмотря на это, основная опасность технологических санкций — это эффект долговременного действия. Техника, закупленная ранее, будет функционировать какое-то время, но с современными темпами развития технологии устаревают очень быстро. Даже если произойдет отмена санкций в ближайшем будущем, понадобится время, чтобы наладить прежний товарооборот, восстановить сотрудничество и совместные проекты, в то время как развитие технологий не стоит на месте. Исходя из этого, России необходимо

развивать комплексное импортозамещение, для чего у нее есть все необходимые ресурсы. В результате международных конфликтов сложится новая экономическая система, где Россия, при благоприятных обстоятельствах, сможет занять лидирующие позиции и продолжит развивать потенциально стратегически значимые отношения с западным миром, в том числе с ФРГ.

Цифровая дипломатия России и Германии

Важной вехой цифрового сотрудничества России и Германии является Интернет-дипломатия — процесс распространения информации государством в другие страны, установление диалога с зарубежной аудиторией посредством социальных сетей с целью достижения дипломатических и иных внешнеполитических задач. Интернет-дипломатия ставит своей ключевой целью установление контакта с зарубежной аудиторией посредством социальных сетей, СМИ, телевидения или радио. В период международной нестабильности, как было уже установлено, цифровая дипломатия становится одним из самых действенных методов пропаганды и влияния на зарубежную аудиторию. В качестве примера стоит привести конфликт, произошедший в начале февраля 2022 года между РФ и ФРГ по поводу государственных информационных каналов России — RT DE (Russia Today на немецком) и Deutsche Welle («Немецкая волна» на русском; прим. - СМИ внесено в реестр иностранных агентов в России). Он начался из-за закрытия российского источника на территории ФРГ из-за отсутствия некой лицензии, без которой у данного источника нет права транслировать новости в Германии. Правительство Российской Федерации приняло ответные меры и, в свою очередь, закрыло на своей территории немецкий канал Deutsche Welle. В совокупности только эти аккаунты России и Германии насчитывают свыше 1 681 000 человек российской аудитории и 750 тыс. немецкой, без учета удаленных каналов на «Ютьюбе» и той скрытой аудитории, которая читает новости на веб-сайте немецкой версии RT [13].

События февраля 2022 года, затрагивающие Россию и Украину, вызвали информационный взрыв в социальных сетях, сопровождающийся ростом активности государственных и негосударствен-

ных аккаунтов в социальных сетях как ФРГ, так и РФ. Аккаунт министра иностранных дел Германии Анналены Бербок в Инстаграме (прим. - социальная сеть Instagram запрещена в России, принадлежит компании Meta, которая признана в России экстремистской), на котором за январь было сделано 17 публикаций, всего за 10 дней в период 18.02.2022–27.02.2022 успел обновиться 10 новыми постами, в подавляющем большинстве информационного характера касательно конфликта с участием России и Украины [14]. Сейчас доступ российских пользователей ограничен к целому ряду зарубежных сайтов. На территории Российской Федерации на 20 марта 2022 года был принят закон о цензуре, ограничивший действие платформы «ТикТок» только для российских авторов и зрителей. Социальные сети «Фейсбук» (прим. - социальная сеть Facebook запрещена в России, принадлежит компании Meta, которая признана в России экстремистской), «Инстаграм», «Твиттер» (прим. - социальная сеть Twitter заблокирована на территории РФ) также недоступны в России. Все эти ограничения, безусловно, значительно подорвали доверие между государствами и серьезно усложнили межгосударственное взаимодействие.

Перспективы развития цифровых российско-германских отношений на современном этапе

Тем не менее, проанализированная выше ситуация не представляется безнадежной для продолжения сотрудничества. В связи с международной обстановкой сейчас для России взаимодействие во многих сферах с западным миром на неопределенный срок прекращено. Несмотря на это, стоит отметить факторы, вследствие которых Россия сможет продолжать свое присутствие на онлайн-площадках по всему миру, а также вернуться в международную экономическую среду в будущем.

С 2013 года в концепции внешней политики Российской Федерации был взят «курс на Восток». Этот разворот России от западного мира в настоящее время уже сказывается на сотрудничестве с Германией и всей Европой. Поворот на Восток — это такой же процесс с долговременным действием, как и технологические санкции. Китайская Народная Республика является веду-

щей экономической державой, конкуренцию которой составляют лишь США. Россия, оказавшись под давлением санкций, укрепила сотрудничество с азиатскими государствами, в особенности с КНР. Учитывая нестабильную международную обстановку, можно прогнозировать расширение цифрового присутствия России в западном мире, опираясь на опыт Китая, который, несмотря на строгую цензуру, использует исключительно собственные социальные сети, но при этом активно сотрудничает и конкурирует со многими государствами мира. Российские пользователи могут быть ограничены в доступе к зарубежным социальным сетям, но это не означает бесперспективность российско-германских отношений. Используя свой опыт и пример Китайской Народной Республики, Россия будет продолжать развивать цифровую сферу экономики и политики, в современном мире это неизбежно. Для цифровых российско-германских отношений будут созданы более актуальные формы взаимодействия, которые станут началом для выстраивания новой коммуникации.

Заключение

Сотрудничество России и Германии — это самый эффективный способ взаимодействия для обоих государств. Проанализировав их совместные проекты, были сделаны выводы о позитивном влиянии совместной деятельности двух держав: обмен опытом, совместные усилия для разработки новых технологий и систем в различных сферах, укрепление взаимного доверия, а главное, мирное развитие, подразумевающее взаимопомощь и выгоду для обеих сторон.

Актуальность цифровой дипломатии в очередной раз подтвердилась тем особым вниманием, которое государства оказали своим аккаунтам в социальных сетях, их защите и обеспечению безопасности для пользователей. Интернет-дипломатия государства способна вести активную деятельность даже если на территории страны конкретные источники недоступны, в этом можно убедиться на примере Китая. КНР применяет в сфере интернет-безопасности систему «Золотой щит»//«The Golden Shield Project», контролируя все публикации, появляющиеся на различных плат-

формах [15]. Вместе с этим Китай ведет активную деятельность в международных социальных сетях, также являясь лидером в мире цифровых финансовых рынков и банкинга [16].

Санкции и блокировка западных платформ — это серьезные преграды для отношений между Россией и всей Европой, однако уникальность процесса цифровизации заключается в его необратимости и неизбежности. Россия прошла через опыт санкций 2014 года, и можно с уверенностью сказать, что со временем сотрудничество между странами восстанавливается, образуя новую систему и приобретая другие формы и методы взаимодействия.

Для России именно такого рода ограничения становятся импульсом для развития собственного производства и технологий, что может вывести цифровые российско-германские отношения на совершенно другой уровень в будущем.

Библиография

1. Тарасов И. В. Технологии индустрии 4.0: Влияние на повышение производительности промышленных компаний // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 2. С. 62–69. URL: <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2018-2-62-69>
2. Петербургский международный экономический форум // Инновационный дайджест. URL: http://rzd-expo.ru/exhibitions/detail.php?ELEMENT_ID=233439 — 24.02.2022.
3. Белов В. Б. Сотрудничество России и Германии в области цифровизации экономики // Аналитические записки Института Европы РАН. 2018. № 10. С. 8.
4. Выездное заседание GRID в рамках ИННОПРОМ 2019 // Ant. Group. URL: <https://ant-prom.ru/media/events/2019/vyezdnoe-zasedanie-grid> — 21.02.2022.
5. Дудин М. Н. Индустрия 4.0: Российско-германское сотрудничество в сфере цифровых технологий / М. Н. Дудин // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 965–984.
6. Товарооборот ФРГ с Россией за 2021 год вырос на 34% // ТАСС. 10.02.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13673227> — 21.02.2022.
7. Правительство Германии в России. URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/aktuelles/themenjahr/2426098> — 24.02.2022.
8. Магоя Д. Удар по всем отраслям: главное о новых санкциях. URL: <https://pravo.ru/story/239494/> — 17.03.2022.
9. ИННОПРОМ 2022. URL: <https://expo.innopro.com> — 17.04.2022.

10. Санкт-Петербургский международный экономический форум 2022. URL: <https://forumspb.com/news/news/25th-edition-of-spief-to-take-place-in-2022> — 18.04.2022.
11. Российско-германский год экономики и устойчивого развития. URL: <https://russiagermany.ru/events/konferentsiya-tekhnologicheskoe-sotrudnichestvo-v-vodnoy-sfere-dlya-ustoychivogo-razvitiya-61eeb8e7da7e6/> — 19.04.2022.
12. *Шаранов Е.* Какие немецкие компании остаются в России? URL: <https://aussiedlerbote.de/2022/03/kakie-nemeckie-kompanii-ostayutsya-v-rossii/> — 17.03.2022.
13. Russia's RT blocked by German regulators // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/russias-rt-channel-blocked-by-german-regulators/a-60635397> — 22.02.2022.
14. Страница Аннелены Бербок @abaerbock. URL: <https://www.instagram.com/abaerbock/hl=ru> — 13.03.2022.
15. *Андреев В.* Цифровая дипломатия: понятие, эволюция и современные кейсы США, Китая и России. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/60076d3c267c3f280b8f7766/cifrovaia-diplomatia-poniatie-evoliuciia-i-sovremennye-keisy-ssha-kitaia-i-rossii-6062f9282b33936c16b27f1a> — 20.03.2022.
16. *Ярлова Т. В.* Опыт цифровизации в Китае и перспективы развития цифровой экономики в России на примере банковской отрасли / Т. В. Ярлова, Ф. А. Елисеев // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы X Международной научно-практической конференции. Благовещенск — Хэйхэ, 02–04 июня 2020 года. Благовещенск — Хэйхэ: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2020. С. 517–523.

СЕКЦИЯ «RUSSIAN FOREIGN POLICY AND THE GLOBAL ENERGY TRANSITION»

Abahtimova Darya

*Saint Petersburg State University
School of International Relations
Bachelor's degree*

Perceptions of Energy Security in Germany and Its Influence on the Russian-German Energy Dialogue

Восприятие энергетической безопасности в Германии и его влияние на российско-германский энергетический диалог

Аннотация. Большинство стран мира — импортеры энергетических ресурсов, зависимые от энергетики. Однако для стран-экспортеров энергетическое сотрудничество также важно, так как пополняет государственную казну, поэтому энергетический диалог приносит взаимозависимость и взаимную выгоду. Прекрасным примером такого сотрудничества недавно можно было считать энергетический диалог России и Германии. События 2022 г. принесли новые кризисы в энергетическую сферу, их корни глубоки и содержатся как в различии восприятия энергетической безопасности двумя государствами, так и во внешнем влиянии Европейского союза и во внутреннем влиянии партий Германии. Влияние и дискурс, формируемые как партиями, так и Европейским союзом, политизируют энергетический диалог с Россией и рождают новые вызовы для сотрудничества.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, энергетический диалог, российско-германское сотрудничество, дискурс партий, Европейский союз, «Северный поток-2».

Abstract. Most of the countries in the world are importers of energy resources, dependent on energy. However, energy cooperation is also important for exporting countries, as it refills the state treasury,

so energy dialogue brings interdependence and mutual benefit. The energy dialogue between Russia and Germany could be recently considered as an excellent example of such cooperation. The events of 2022 have brought new crises in the energy sphere, they are deep and contained both in the difference in the perception of energy security between the two states, and in the external influence of the European Union, and in the internal influence of the parties of Germany. The influence and discourse formulated by both the parties and the European Union politicize the energy dialogue with Russia and bring new challenges to cooperation.

Keywords: energy security, energy dialogue, Russian-German cooperation, party discourse, European Union, “Nord Stream-2”.

Introduction

Energy is an essential part of our life, we cannot imagine the situation, when we do not have electricity, petrol, and heating. Not only people's welfare but also industry is dependent on energy powers. Energy cooperation is considered as a perfect basis for more intensive cooperation and broader connections. States-exports of the energy resources shape their budget revenues due to trade of energy supplies, while countries, who import energy resources, are interested in stable supplies on reasonable prices because their own resources are not enough. So, energy cooperation brings mutual benefit and interdependence.

The Russian-Germany energy dialogue was recently an excellent example. According to the Gazprom's website, Germany is the largest foreign buyer of Russian natural gas. The international energy agency in its report mentions that 57% of natural gas was supplied by Russia to Germany in 2018 [1, p. 147]. This energy cooperation has started with the historical “gas-pipes” deal between the USSR and West Germany in 1970. Even in the era of the Cold the energy partnership was intensive, and economy was triumphed over politics. Nowadays the situation is different, and events of 2022 show us that politics is over economy in energy sphere. In fact, the reasons for present deterioration of energy dialogue between Russia and Germany are deeper. First, in the 21st century both sides have not been using the term “dialogue” speaking about bilateral energy connections. Terms “cooperation” or “partnership” are used instead in Russian and German discourse, so both states are

careful in this sphere and consider their interests. Secondly, energy turn to renewable energy sources also impact on this cooperation, especially nowadays, so this topic is relevant both for Russia and Germany. Thirdly, the conceptual difference in the perception of energy security in Germany and in Russia plays an important role in formulating German energy discourse. Finally, there are external and internal influence on the energy policy of Germany and its energy dialogue with Russia. This influence derives from the policy of the European Union (EU) and from the discourse of German parties. The analysis of this kind of impact helps us to understand German energy policy and to explain challenges and opportunities for Russian companies on German energy market. The aim of this article is to show the results of this analysis.

The new word in researching of this topic is analyzing external and internal impact on Russian-German dialogue in the framework of energy security, such significant for states prosperity today. The scientific novelty is that in previous articles, reports, and reviews only one facet — internal influence of German parties on energy cooperation with Russia or external impact of the European Union on this dialogue — is analyzing. In this article the two aspects are considering together, and the tendency of mutual impact is tracking. Methodological basis for this research is the securitization theory that explains the phenomenon of energy security discourse, combined with content-analysis, comparative analysis of doctrines, strategies and election programs are the key methods for conducting this research.

The phenomenon of energy security and energy dialogue between Russia and Germany

Nowadays energy is becoming the more securitized sphere. According to constructivists Barry Buzan and Ole Wever the issue becomes securitized when it is perceived as a vital threat for state or society [2, p. 15]. People all over the world have been concerning about the lack of energy since the oil crisis of 1973. In that time the International Energy Agency was established, and it gave the first international definition of “energy security”. It was sufficient energy supply at an affordable price. During almost 50 years the international community has produced many various definitions of this phenomenon.

All of them include statements about availability of energy supplies, reliability of energy infrastructure and reasonable prices for energy resources [3, p. 189]. Recently following the common concern about climate change and environmental problems the statement about eco-friendly energy appeared in the world discourse, so energy security today also includes energy supplies without any harm to the environment. It is important to mention, that actors of energy security, who are concerned about the lack of energy, are mostly countries, which do not have their own enough amount of energy sources. So, energy security can be explained by political affect, to be more precise energy security means independence from energy supplies. There are some contradictions in the general definition of energy security, that is why it seems logical to analysis definitions given by the EU, and by Russian and German officials to track the influence of security problem on energy policy and cooperation between Russia and Germany.

Nowadays energy security is an essential part of national and economic security of each state or integration community. Despite playing a role of leader in the EU Germany must follow regulations and rules of this integration community. Moreover, Germany also contributes to the formulation of the European policy and energy sphere and energy security are not exceptions. The EU represents its energy security in the framework of diversification, independence, energy efficiency and green energy. Quite similar is the discourse of Germany concerning energy security. According to its energy strategy energy security for Germany is reliability of energy supplies, reasonable prices, minimizing environmental damage and widespread use of “green energy” [4, p. 5]. In contrast with the discourse of the EU and Germany, the Russian perception of energy security has a different character. According to the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation, energy security is a security status of economics and population which protects them from menaces in energy sector and which provides accomplishment of Russian export contracts [5, p. 1, p. 6]. The increasing role of renewable energy sources is a challenge for Russia, as it mentions in this doctrine, nevertheless, Russia supports the fight with the climate change as it possible.

Comparative analysis of Russian, the EU and German official discourse about energy demonstrates some controversial tendencies,

which undoubtedly influence on their energy dialogue. It is obvious, that in general Russian energy security is the security of demand while German energy security is the security of supply. Moreover, the development of renewable energy sources is the main goal for Germany and the great challenge for Russia. This significant difference influences the energy cooperation between two states and brings new problems and opportunities.

External influence of the EU on Russian-German energy dialogue

The EU plays an important role in shaping common energy policy for Europe. All member states experience this impact, which has legal and political character. The legal influence of the EU on energy policy and cooperation with third countries can be tracked through analyzing of the key documents of the EU in the energy sphere: the Lisbon Treaty and the Third Energy Package.

The energy sector was assigned to the joint competence of the EU and the member states in the Lisbon Treaty, thus, since 2009, the energy sector of Germany and the relations of Germany with third countries in this area have been placed under the control of the EU. This control is only increasing every year. In 2012, the European Commission received the right to receive information from member states on interstate energy agreements with third countries and monitor their compliance with EU legislation, and since 2017 — to pre-check these agreements [6, p. 12].

The Third Energy Package, 2009, the bunch of laws aimed to control and structure the internal energy market, also concerned cooperation with third countries. There is a stipulation for connections with third countries: “Foreign operators of transportation systems can be certified if they prove that their certification will not entail a risk to the reliability of supplies” [7, p. 64]. This decision causes difficulties for long term planning and projects of Russia with European partners. For example, this proviso made difficulties for the part of the pipeline “Nord Stream” OPAL, because it got under the jurisdiction of the Third Energy Package. Also, legal actions were taken by the EU to stop the implementation of the project “Nord Stream-2” [8, p. 32]. The Gas Directive, the part of the Third Energy Package, was updated in 2019 and its regulations were

spread on the sea pipelines as well, so it has created more obstacles for the new pipeline from Russia. It is obvious, that this legal amendment had a political character and in terms of political influence the EU impact is also remarkable.

Political influence of the EU includes resolutions of the European Parliament judging the vital energy dependence of Europe from Russian natural gas as in the European Parliament resolution of 25 October 2016 on EU strategy for liquefied natural gas and gas storage [9, p. 6]. Leaders' speeches about energy security of the EU also impact on the discourse of member states about energy security and influence their connections with third countries. The stark example is declarations of the president of the European Commission, Ursula von der Leyen, criticizing cooperation with Russia and building the "Nord Stream-2". The political and normative influence of the EU is seen in programs of the European Commission, for example, the 'green deal' in 2019 with ambitious aim to use widely green energy for sustainable development presumes to refuse from the traditional energy sources, most of which are now coming from Russia [10, p. 8].

The perception of energy security in the EU and its desire for diversification and independence are driving legal and political actions which make obstacles for cooperation with third countries, especially with Russia. Germany, being the leader of the EU, has very tricky position. It simultaneously shapes the EU discourse, especially concerning the green turn, and should follow some European regulations which are unprofitable for it.

Internal influence of German parties on the Russian-German energy dialogue

The Federative Republic of Germany is parliamentary republic, where the impact of parties is high, so parties' discourse also affects the energy cooperation with Russia and perception of energy security. To research the prospects for energy dialogue between Russia and Germany in the framework of energy security it is interesting also to observe the impact of German parties in formulating the German energy discourse. Traditionally, since the time of big coalition in 2005 the Christian Democratic Union of Germany (CDU) and the Christian Social Union

in Bavaria (CSU) with the Free Democratic Party of Germany advocate for the reduction of energy dependence from Russia. The Social Democratic Party of Germany promotes energy optimization, and the party “Green/Union 90s” usually speaks about diversification and using of green energy.

More precise tendencies are seen in the election programs of German parties before the elections in Bundestag in 2021. Content-analysis of these programs shows some interesting trends.

The Free Democratic Party of Germany believes that Germany should totally follow the European energy legislation in maintaining its energy security. There is also a possibility to stop the realization of the project “Nord Stream-2” and to develop renewable energy sources with Russia according to this party [11, p. 49].

More furious is the discourse of the party “Green/Union 90s” [12, p. 230]. They believe that Russia disrupts energy security, energy transition and energy plans of Germany by increasing its supplies of natural gas and building new pipeline. Also, the party “Green/Union 90s” sees an opportunity to use energy dialogue with Russia to blackmail Russian officials in concern of protection of human rights in Russia, concerning Navalny Affair, so they want to use energy cooperation as an instrument of interfering in Russian internal policy. Moreover, like the Free Democratic Party of Germany, the Green presumes that Germany may cooperate with Russia in developing renewable energy.

Two most popular parties in Germany are more silent in issue of energy cooperation with Russia in the framework of energy security. The Christian Democratic Union of Germany (CDU) and the Christian Social Union in Bavaria (CSU) suppose that without Russia it is difficult to fight climate change. The Social Democratic Party of Germany only promised to foster energy cooperation with Russia [13, p. 57].

The discourse of the right-wing party “Alternative for Germany” is unique and unusual. This party highly supports cooperation with Russia and even proposes to cancel all sanctions imposed on Russia. Concerning the energy dialogue “Alternative for Germany” strongly criticizes the green turn and promote the intensive cooperation with Russia in using its traditional fossil fuels. However, on election this party has canvassed only 10.3% of votes, so its effect on general German policy is not so significant today.

Content-analysis of the parties' election programs shows that two of the ruling parties are pessimistic about energy dialogue with Russia. This tendency is very important, because parties not only shape their own discourse, but also, contribute to the implementation of the general policy of Germany and the perception of energy security in minds of its population. So, it has been shown before that the discourse of German parties towards the energy security and energy cooperation with Russia is contradictive and creates new challenges for Russia. The statements, contained in election programs, explain the deterioration of the energy cooperation between Russia and Germany in 2022, as in the discourse of critical parties the Free Democratic Party of Germany and the Green politics triumphs over economical profits in terms of energy. The events of 2022 and the new energy policy of Germany have proved it.

Conclusions

The events in the world in 2022, the Ukrainian crisis and Russian special military operation on Ukrainian territory bring new challenges for the energy dialogue between Russia and Germany, some experts augur its collapse.

However, it is undoubted that Germany is the biggest consumer of Russian natural gas, and it is very hard to refuse from Russian energy supplies. According to the Minister of economy Germany can easily reject Russian coal and oil but it will take time to refuse from gas. The turn to green energy is not so rapid as European anti-Russian politicians wish [14, p. 4]. Moreover, the refuse of certification of the "Nord Stream-2" does not mean the whole collapse of the project, the pipeline has been already built and it is waiting for permission to start working. Finally, there are some opportunities and hopes about innovative energy cooperation. The dialogue has been evolving from traditional natural gas supplies to the development of new renewable energy sources. In 2021 Germany and Russia have signed the Joint Declaration about sustainable energy and using of hydrogen as an energy source, where there are some cross interests in developing of this type of energy.

In the era of "green turn" in energy sector traditional terms and connections are changing rapidly. The energy dialogue between Russia and Germany is now experiencing the influence of this tendency. The

conceptual differences in the perception of energy security by the EU, Germany, and Russia, contained in attitude towards green turn and in economical facet of energy connections (the positions of suppliers and consumers), lead to misunderstandings. Also, this tendency formulates new energy policy of Germany and modifies its cooperation with Russia creating new challenges. Positions of parties on the energy cooperation and the general influence of the EU on perception of the energy security cause problems with certification of the “Nord stream-2” and changes the priorities of bilateral cooperation. The situation in the world in 2022 shows that politics is triumphed over economics and economic benefits lag the normative policy and political declarations of solidarity. Energy cooperation between Russia and Germany is politicized as higher as ever was possible.

References

1. Germany 2020 Energy Policy Review. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Downloads/G/germany-2020-energy-policy-review.pdf?__blob=publicationFile&v=4 — 31.01.2022.
2. *Buzan B. Wæver, O. Security: A new framework for analysis.* – Lynne Rienner Publishers, 1998.
3. *Захаров А. Н.* Глобальная энергетическая проблема: новые вызовы и угрозы, возможности их преодоления // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 1(52). С. 187–200.
4. Energieeffizienzstrategie 2050. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Energie/energieeffizienzstrategie-2050.pdf?__blob=publicationFile&v=12 — 31.01.2022.
5. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации от 13 мая 2019 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252> — 28.01.2022.
6. *Боровский Ю., Шишкина О.* Приоритетные цели энергетической политики ЕС // Современная Европа. 2021. № 3.
7. *Гудков И. В.* Третий энергетический пакет Европейского союза // Нефть, газ и право. 2010. № 3.
8. *Мельникова С. И., Геллер Е. И., Митрова Т. А., Кулагин В. А.* Газовый рынок ЕС: эпоха реформ. М.: ИНЭИ РАН-НИУ ВШЭ, 2016.
9. EU strategy for liquefied natural gas and gas storage, European Parliament resolution of 25 October 2016 on EU strategy for liquefied natural gas and gas storage (2016/2059(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2016-0278_EN.html — 31.01.2022.

10. Political guidelines for the next European Commission 2019–2024. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/political-guidelines-next-commission_en_0.pdf — 04.02.2022.
11. Das Programm der Freien Demokraten zur Bundestagswahl 2021 Beschluss des 72. Ord. Bundesparteitag der Freien Demokraten vom 14.–16. Mai 2021. URL: <https://www.freiheit.org/sites/default/files/2022-01/in5-1126-btw-2021-wahlprogramm.pdf> — 10.02.2022.
12. Deutschland. Alles ist drin. Bundestagswahlprogramm 2021; Bereit, weil Ihr es seid. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf — 11.02.2022.
13. Das Zukunftsprogramm der SPD; Wofür wir stehen. Was uns antreibt. Wonach wir streben. URL: <https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Programm/SPD-Zukunftsprogramm.pdf> — 10.02.2022.
14. Белов В. Б. Реакция Германии на специальную военную операцию РФ на территории Украины // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. Вып. I. № 8(275).

Trajduk Valeriya,

Fokin Mikhail

MGIMO University

School of International Relations

Bachelor's degree

Modern Tendencies of Nuclear Energy Development in Europe. Nuclear Policy of France and Germany

Современные тенденции развития ядерной энергетики в Европе. Политика Франции и Германии в сфере ядерной энергетики

Аннотация. В статье рассматривается текущая ядерная политика Франции и Германии, европейских экономических и политических лидеров Европы. Задача исследования — изучить и сравнить то, как две страны проводят свою политику в области атомной энергетики. Актуальность исследования состоит в том, что, с одной стороны, политическая ситуация вынуждает страны сокращать потребление российских углеводородов, что делает атомную энергетику более привлекательной, а с другой стороны, европейская зеленая политика выступает за признание ядерной энергетики неустойчивой и опасной. Статья основана на анализе статистических данных, научной литературы, средств массовой информации. Авторы приходят к выводу, что несмотря на то, что страны имеют разные позиции в отношении ядерной энергетики, в этой области все еще есть возможности для развития.

Ключевые слова: атомная энергетика, Франция, Германия, Россия, электростанции, возобновляемые источники энергии, ядерная политика.

Abstract. The article assumes consideration of the current nuclear energy policies of France and Germany, two economic and political leaders of the European Union. The task is to examine and compare the way two countries conduct their policy in the field of nuclear power. The relevance of the study is that, on the one hand, the political situation is forcing countries to reduce the consumption of Russian hydrocarbons, which makes nuclear power more attractive and, on the other hand, European green policy stands for recognizing nuclear energy as unsustainable and dangerous. The article is based on the

analysis of statistics, scientific literature and mass media. The authors come to the conclusion that although the countries have completely different attitudes towards nuclear power, there is still an opportunity for development in this area.

Keywords: nuclear power, France, Germany, Russia, power plants, renewable energy, nuclear policy.

Nuclear energy at the present stage of the development of the world economy exists as a significant, but not the leading segment of the world energy. Its share in primary energy consumption in 2018, according to the IEA, was about 5%, and in global electricity generation about 10% [1]. Currently, 60% of all electricity generation at nuclear power plants is produced by the United States and the European Union. In Russia the share of nuclear power plants in electricity generation exceeds 20%. Totally, 216 billion kWh were generated in 2020 which is the absolute maximum in the entire history of the existence of domestic nuclear power [2, p. 6–11]. European countries have completely different nuclear policies. It is the 21st century the fate of nuclear energy, which is one of the most important energy sectors of Russia, will be decided. The topic is relevant because modern the modern green movement is lobbying for a reduction in the share of nuclear energy, which has led to the development of a special energy policy in European countries. The Russian government and the State ROSATOM Energy Corporation are interested in promoting nuclear energy in the world, in cooperation with economically developed countries. It is all the more important today to analyse the nuclear policy of the leaders of the EU — France and Germany, in order to suggest further ways of international energy cooperation for Russia. So, this article assumes consideration of the current state of nuclear energy in Europe and comparison of two completely opposite positions regarding the development of nuclear power plants. The solution of the tasks facing the authors was carried out on the basis of the application of general scientific research methods such as comparative, logical and statistical analysis.

Natural monopolies in the fuel and energy complex of a great number of countries were formed in the first half of the 21st century and aimed at establishing a new market model. As the demand for electricity had increased, both national and international energy systems were

formed. The state had a significant influence on the organization of the energy industry in France, since it was supposed to control the activities of monopolistic companies in this sphere. Thus, the French vertically integrated model combined market mechanisms with traditional state interference. An important event in the history of the fuel and energy complex of France was the presidential decree of 1946 "About nationalization of electricity and gas" [3]. Thus, the nationalization of the sector was finally achieved, Electricité de France (EDF), a state-owned electric power monopoly, was presented

By the beginning of the next decade, the production of electricity in France allowed the country not only to fully support itself, but also to export. Undoubtedly, the already mentioned state policy ensured the sustainable development of the industry. France's cooperation with international organizations, such as the OECD (Organization for Economic Co-operation and Development) and the EEC (the European Economic Community), made a transition from indicative planning to strategic planning possible. The agenda of the European Energy Policy greatly influences the current state of the fuel and energy complex in France. Considerable attention is paid to the development and use of renewable energy sources. Nevertheless, the distinctive feature of French policy is still the priority of electricity generated at nuclear power plants.

The French Alternative Energies and Atomic Energy Commission (CEA) was founded by Charles de Gaulle in order to investigate the possibilities of using atomic energy in France for both military and civilian purposes. The first nuclear reactors were represented in France in the middle of the last century. Due to the oil crisis of the early 1970s France set a goal to begin an ambitious program for the construction of NPP in order to create an independent energy power.

Today domestic energy production mainly consists of nuclear energy (79%), bioenergy (13%) and other renewable energy sources (hydropower accounts for 3.7%) [4] (Fig. 1). The electric power sector of the fuel and energy complex of France is generally independent. It is based on the accelerated development of the nuclear power industry after the oil crisis and is a strategically important part of the energy security policy. France is significantly ahead of other countries in terms of the number of nuclear reactors located on its territory. In order to reduce waste, nuclear fuel is reused. France is among the leaders exporting

electricity and equipment necessary for nuclear power. Despite the consequences of the disaster at the Japanese Fukushima-1 in 2011, the government of the country has not abandoned the further development of nuclear energy, relying on the fact that constant electricity production is not accompanied by greenhouse gas emissions.

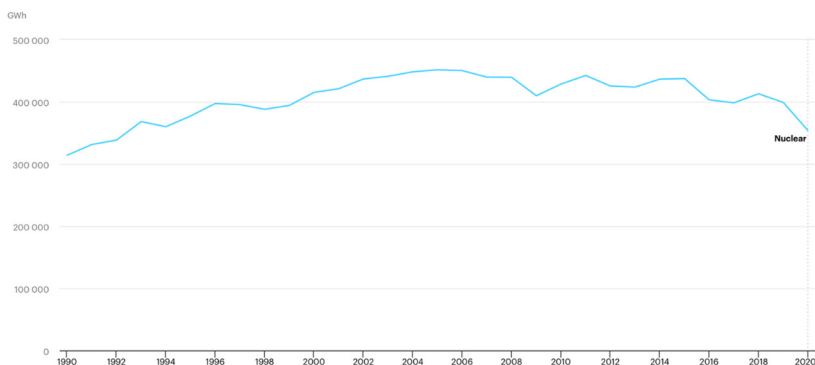

Figure 1. Nuclear electricity generation, France 1990–2020

Source: IEA (2019), IEA World Energy Statistics and Balances (database).

URL: www.iea.org/statistics (22.04.2022)

Nuclear power plays a significant role in the structure of electricity production in France. Generated from 56 reactors (Fig. 2) with an installed capacity of 63.2 gigawatts (GW), nuclear power made up 67% of France's electricity production, which amounted to 354 terawatt in an hour in 2020 [4]. Nevertheless, its amount has decreased from a maximum output of 450 TWh in 2006 to 78%. All reactors are operated by Électricité de France (EDF), the main public company in France, at 18 different locations. Nuclear power plays a key role in the Government's policy to reduce greenhouse gas emissions in order to achieve climate neutrality by 2050 based on low-carbon, affordable and safe electricity supply and energy independence. Moreover, nuclear power plants in France can operate flexibly. President Macron considers nuclear energy a guarantee of the country's sovereignty and believes that France should continue to develop it on the basis of new technologies. Thus, they actively interact with renewable energy sources, hydropower and

respond to demand, contributing to balancing supply and demand at the system level. Despite significant progress in the development of renewables, it is considered that the introduction of such energy-saving measures is not possible to completely replace nuclear energy.

Figure 2. Map of nuclear facilities in France

Source: IAEA (2021), The Country Nuclear Power Profiles.

URL: <https://cnpp.iaea.org/countryprofiles/France/France.htm> (22.04.2022)

Another European economic giant, the Federal Republic of Germany, is pursuing a specific nuclear power policy. In the second half of the 21st century the German Democratic Republic was a beneficiary of the soviet science technology share program that included nuclear power technologies. Thus, all the reactors in the Eastern Germany were VVER type, designed by the soviet scientists. In comparison all units in the Western Germany were built by Siemens-KWU — a branch of Siemens AG, one of the most powerful German conglomerates. However, almost all of them were closed according to the plan to phase out nuclear energy

adopted on June 6, 2011 at the government emergency meeting. Three of the most resonant nuclear accidents have influenced the perception of nuclear power among the Germans: 1979 Three Mile Island accident, 1986 Chernobyl disaster and 2011 Fukushima nuclear incident. Since the Japanese catastrophe 14 reactors across the country have been closed (Fig. 3). In December 2021, three more reactors were closed in

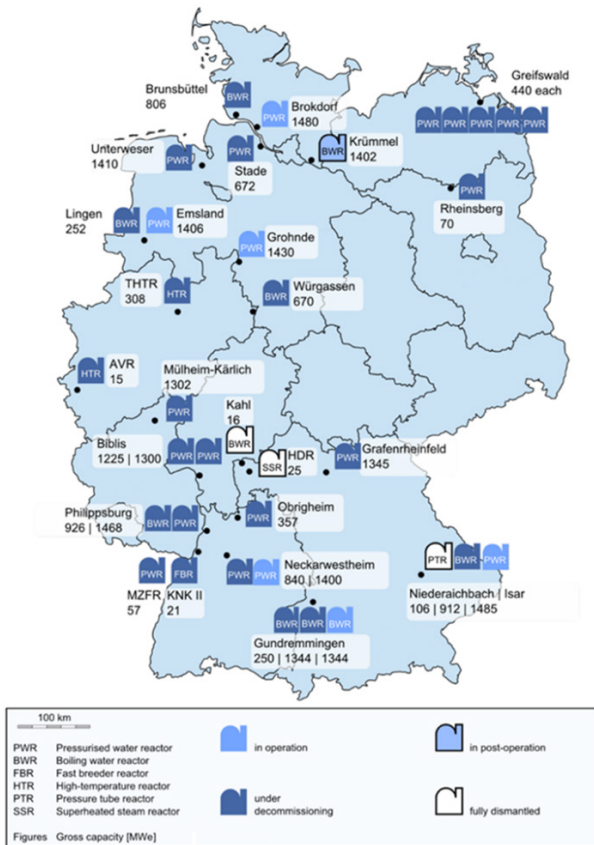

Figure 3. Map of nuclear facilities in Germany

Source: IAEA (2021), The Country Nuclear Power Profiles. URL: <https://cnpp.iaea.org/countryprofiles/Germany/Germany.htm> (22.04.2022)

Germany — Brokdorf, Grohnde и Gundremmingen, which provided 12% of the country's electricity production. Currently Germany has only three operational reactors: Isar, Emsland and Neckarwestheim nuclear stations with an electrical output of approximately 4,300 MW. The following German electricity sector structure for year 2019 is representative: coal 182 TWh (30%); wind 126 TWh (21%); natural gas 90.8 TWh (15%); nuclear 75.1 TWh (12%); biofuels & waste 57.0 TWh (9%); solar 46.4 TWh (8%); hydro 25.7 TWh (4%); oil 4.8 TWh (1%) [5] (Fig. 4). The statistics show that the decrease of nuclear power leads not only to increasing RES fields but also to growing coal consumption. According to the scientific analysis of National Bureau of Economic Research production from coal plants remained roughly constant over the nuclear phase out period [6]. This means that coal-fired power plants that are more costly and ecologically dangerous are considered as a good method in the fight against nuclear power. The researchers claim that “the phase-out of nuclear power cost Germany roughly \$12 billion per year. Over 70% of this cost is due to the 1,100 excess deaths per year resulting from the local air pollution” [6]. The conclusion is, despite innovativeness the German nuclear power policy is not as beneficial as planned.

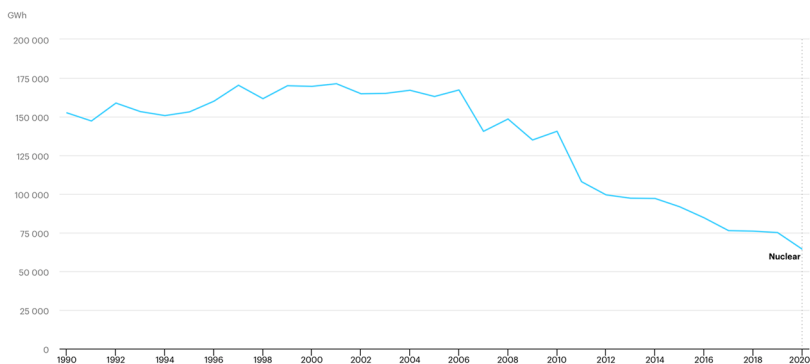

Figure 4. Nuclear electricity generation, Germany 1990–2020

Source: IEA (2019), IEA World Energy Statistics and Balances (database).

URL: www.iea.org/statistics (22.04.2022)

The Fukushima nuclear incident was one of the apparent causes why the country started the process of shutting down nuclear power stations. Whereas the media reaction in European countries was completely different, the German press created a frightening and negative image not of the catastrophe but of the nuclear power. The shut-out of nuclear power was not even discussed in British or French media, while German newspapers, for example the *Süddeutsche Zeitung* [7] started raising the topic of moving away from nuclear energy. The different reactions to the Fukushima disaster in Germany, France and the UK showed the influence that the German anti-nuclear movement had gained over the past decades and how skeptical the Germans are about nuclear technology [8, p. 37].

However, the decision on the perspective of nuclear energy in the Federal Republic was not made immediately and unanimously. RWE, E.On and EnBw, three German operators of nuclear power plants, have gone a long way through lawsuits in attempts to recognize the shutdown of stations as illegal. But the traffic light coalition led by Olaf Scholz, as the previous CDU/SPD/Green coalition, has been pushing the “phase-out” policy. The only party that stands for new nuclear power stations is AfD (Alternative for Germany). Furthermore, according to the law on the Reorganization of Responsibility in Nuclear Waste Disposal the operators of nuclear power plants are obliged to bear the costs for the decommissioning and dismantling of the nuclear power plants as well as for the disposal of the radioactive waste generated by them, including its final disposal. The companies have already formed the reserves of 38.3 billion euros, based on an estimated cost at current prices of about 47.5 billion euros [9].

The question why does Germany prefer to disable nuclear plants instead of getting rid of coal-fired power plants can make the reasons for the whole “phase-out” situation more clear. Most countries decided to abandon coal after the Paris Agreement of 2015. According to German experts, ending the use of coal, which has been a historically familiar and reliable energy source for a long time, would be irrational at a time when renewables didn't present a worthy alternative as they do now. But one of the reasons is the preferences of German society. The hard and brown coal was one of the main goods mined in several German states for over 200 years [10]. Some districts such as the Ruhr region mainly specialized

in coal mining. This long history formed a very specific perception of coal among the German population, people consider coal as one of the sources that guaranteed the prosperity of several generations. At the same time nuclear energy didn't have such historical background and was associated with danger. This image was formed not without the intervention of renewable energy lobbyists.

Today's international situation is controversial enough for the relations of Russia with Germany and France concerning energy resources issues. The German political leaders want to wean the country off Russian hydrocarbons in response to Russia's military operation in Ukraine as one of the ways to implement European sanctions. At first it seemed that the political situation forced the government in Berlin to rethink plans to shut down the last three stations and even consider the use of previously disconnected nuclear plants in order to avoid an escalation of the energy crisis in the country. German Economy Minister Robert Habeck, one of the supporters of the nuclear power plants decommissioning and a member of the Green Party, claimed that he would not resist for ideological reasons if the country decides to continue operating the plants. But on the eighth of March the economy and environment ministries stated that risks and costs of power plants life-time extension outweigh its benefits. Germany is now seeking other possibilities to gain energy, such as building liquefied natural gas (LNG) terminals in the country's northern region; increasing in gas and oil purchases from the Persian Gulf and OPEC countries, which cannot fully replace Russian supplies; and accelerating the development of wind and solar energy projects. However, these measures caused resentment among representatives of the German industry. German industrialists represented by the Federation of German Industries and even E.On, which does not have direct contracts with Russian providers, are sounding the alarm [11]. They warned the government that the boycott of Russian gas would have a significant effect on the German economy. German consumers and ordinary citizens will be most affected by the increase in electricity and gas prices due to the government's desire to act in line with American policy. It seems that the opportunity to delay the demise of the industry and give nuclear power a chance was missed by the German government.

On the second day of Russia's military operation in Ukraine French Finance Minister Bruno Le Maire announced an intention of all 27 European Union countries to provide sanctions against Russia that could target oil and coal. Despite the fact that Europe has already suffered from rising energy prices, he said that the economic implications of sanctions would be deeper for Russia and the political principle is more important for the EU than the consequences for its economy [12]. Nevertheless, natural gas and the fuel that is used to generate electricity and heat homes weren't mentioned as it would be even more difficult to secure a consensus on them. In the middle of March French government spokesman Gabriel Attal declared that all French companies had to respect sanctions against Russia decided by the European Union and that it was also necessary for oil giant TotalEnergies to fulfill the requirements. TotalEnergies condemned Russia's actions and suspended new investments in the country but has not followed the example of British peers BP and Shell (SHELL) which are withdrawing from Russia. The reason is that the French oil major holds a 19.4% stake in Novatek (NVTK.MM), Russia's largest producer of liquefied natural gas (LNG), as well as a stake in the Novatek-led Arctic LNG project [13]. Another international concern is reflected in the resolution of the IAEA about "The safety, security and safeguards implications of the situation in Ukraine" [14]. There the main theme is the operation of the Chernobyl Nuclear Power Plant and any other nuclear facility in Ukraine.

Comparing French and German nuclear policies in order to reveal trends and patterns may be vital for the Russian energy sector. On the example of France, it can be seen that nuclear power can become a pillar of energy independence and stability of the country and at the same time provide green policy that provides the opportunity to pursue energy policy more flexibly. On the contrary, Germany is sustaining losses due to betting on expensive wind, solar and hydrogen energy and has to compensate for closed nuclear power plants by increasing the use of coal and other fossil fuels. The current leaders of the country put the political and environmental agenda above the well-being of their own citizens and turn away from nuclear power, claiming the risks of operating stations built and operated by their own specialists. The way France and Germany interact with the nuclear sector may be useful for Russia to understand, which country in prospective may be interested

in cooperation with ROSATOM State Corporation and which country may continue buying Russian carbonates instead of exploiting nuclear power plants despite the green energy policy. Moreover, studying foreign experience is needed in order not to make the same mistakes with our own industry, to provide the development of Russian nuclear energy in a proper way. What are the tendencies of nuclear energy development in Europe? Countries are divided into two camps. France is the leader of a group of 11 states advocating the development of nuclear energy that includes such states as Finland, the UK, Czech Republic. On the contrary, Germany speaks out against nuclear power together with Italy, Austria, Denmark, Switzerland and Belgium. The development of nuclear power in countries of the first group will continue. Especially in France, where there is a large scientific base for further improvement of nuclear technologies. Germany and some other countries have chosen to abandon nuclear power in favour of renewable energy. This will seriously affect the economy and the energy sector of those countries that previously relied on nuclear energy, but we cannot completely rule out the possibility of returning to this type of energy in the event of fundamental changes.

References

1. IEA (2019). IEA World Energy Statistics and Balances (database). URL: www.iea.org/statistics — 22.04.2022.
2. Новак А. В. Развитие атомной энергетики — необходимое условие глобальной климатической повестки / А. В. Новак // Энергетическая политика. 2021. № 9(163). С. 6–11.
3. Loi n° 46–628 du 8 avril 1946 sur la nationalisation de l'électricité et du gaz. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000868448/> — 22.04.2022.
4. IEA (2021) IEA World Energy Statistics and Balances (database). URL: www.iea.org/statistics — 22.04.2022.
5. World Nuclear Association. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/germany.aspx> — 22.04.2022.
6. Jarvis S., Deschenes O., Jha A. The Private and External Costs of Germany's Nuclear Phase-Out. URL: <https://www.nber.org/papers/w26598> — 22.04.2022.

7. Wie sicher sind die deutschen AKWs? // Süddeutsche Zeitung. 12.03.2011. URL: <https://www.sueddeutsche.de/wissen/drohender-atom-gau-in-japan-wie-sicher-sind-die-deutschen-akws-1.1071305> — 22.04.2022.
8. History of environmental policy in Germany: CDU perspectives 1958–2015. P. 37 // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=57153b6c-1ac9-6dd4-4048-b7e8732ba709&groupId=252038 — 22.04.2022.
9. Derzeit unverzichtbar für eine verlässliche Energieversorgung // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Dossier/konventionelle-energietraeger.html> — 22.04.2022.
10. Appunn K. Q&A: Why is Germany phasing out nuclear power and why now? / K. Appunn // Journalism for the energy transition. URL: <https://www.cleanenergywire.org/news/qa-why-germany-phasing-out-nuclear-power-and-why-now> — 22.04.2022.
11. Miller J. Eon rules out German nuclear power plant extension // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/9a3228bd-6927-4d46-aa20-4c693811e720> — 22.04.2022.
12. EU Has Sanctions Ready If Russia Attacks Ukraine, Le Maire Says // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-21/eu-has-sanctions-ready-if-russia-attacks-ukraine-le-maire-says> — 22.04.2022.
13. French companies must implement sanctions against Russia — govt spokesman // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/frances-attal-says-french-companies-must-implement-sanctions-against-russia-2022-03-15/> — 22.04.2022.
14. The safety, security and safeguards implications of the situation in Ukraine. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/22/03/gov2022-17.pdf> — 22.04.2022.

Kharin Artyom

Saint Petersburg State University

School of International Relations

Bachelor's degree

German Hydrogen Diplomacy towards Russia

Водородная дипломатия Германии по отношению к России

Аннотация. В своей стратегии энергетического перехода, где одну из ключевых ролей играет развитие водородной энергетики, Германия активно применяет водородную дипломатию, в том числе и по отношению к России. Для этих целей Германия институционализирует отношения с заинтересованными в сотрудничестве в сфере водородной энергетики странами посредством создания бюро по водородной дипломатии. Открытие одного из таких бюро планировалось в России в феврале 2022 года. В статье анализируются процессы и причины, предшествующие этому, и дан прогноз на дальнейшее развитие сотрудничества, а также цели политики ФРГ.

Ключевые слова: водородная дипломатия, Россия, Германия, энергетическое сотрудничество, водородная энергетика, энергетический переход.

Abstract. The energy sector has been the most important area of cooperation in relations between Russia and Germany for decades. In its energy transition strategy, where one of the key roles is played by the development of hydrogen energy, Germany is actively using hydrogen diplomacy (H2-Diplo), including in relation to Russia. For these purposes, Germany is institutionalizing relations with countries interested in cooperation in the field of hydrogen energy through the creation of a bureau for hydrogen diplomacy. The opening of one of these bureaus was planned in Russia in February 2022. The article analyzes the processes and causes that preceded this and gives a forecast for the further development of cooperation.

Keywords: hydrogen diplomacy, Russia, Germany, energy cooperation, hydrogen energy, energy transition.

The need for a global energy transition, replacing “dirty” energy sources such as fossil fuels: gas, oil, coal, with environmentally neutral

energy sources, has recently become much more pronounced. This is primarily due to a growing awareness of the harm that human activity is causing to the environment. One of the key problems is the burning of fossil fuels for energy. The production of energy by this method generates large quantities of carbon dioxide, which pollutes the environment and leads to global warming — an increase in the average global temperature on the planet and climate change [1].

Combating the effects of climate change is now a key topic on the agenda of developed countries. This is reflected in official documents. For example, the European Union adopted the European Green Deal programme which aims to make Europe the first climate-neutral continent on the planet. One of the key points of the programme is to reduce greenhouse gas emissions by 55% by 2030 and to be emission-free by 2050. One of the conditions for achieving the Zero Emissions goal is a switch to hydrogen; this is described in the document “Hydrogen Strategy for a Climate Neutral Europe”. Switching to hydrogen in power generation is seen as the key to decarbonising production where other alternatives may not be possible or may be more expensive [2].

One of the pioneers in the use of hydrogen in the EU is Germany. Germany is actively promoting the hydrogen agenda; in 2021, the country adopted its own hydrogen strategy, the Nationale Wasserstoffstrategie, which calls for more than 300 million euros to be allocated by 2023 to fund research into hydrogen production, transport and use. The focus is on green hydrogen, facilitating its rapid entry into the market and the creation of the necessary value chains. It contains plans to build industrial demonstration and production hydrogen production plants with a total capacity of up to 5 gigawatts (GW) by 2030, corresponding to 14 terawatt-hours (TWh) of green hydrogen production and requiring 20 TWh (additional) renewable electricity energy. Seven billion euros have been allocated to develop the hydrogen value chain in all industries, as well as in heating and transport. In addition, the strategy expresses confidence that “in the next ten years, both a global and a European market for hydrogen will emerge, and that carbon-free hydrogen will be sold in this market”. At the same time, the programme indicates that Germany is willing to work with other countries and foreign representatives of the energy sector to develop hydrogen energy [3].

Therefore, Germany uses “hydrogen diplomacy” to develop a national hydrogen energy sector. The aim of this paper will thus be to clarify the aims of Germany’s hydrogen diplomacy, in particular in relation to Russia, and to give a forecast for the further development of cooperation between the countries. It is necessary to define hydrogen diplomacy

According to Stanislav Zakharovich Zhiznin, Professor at MGIMO and President of the Centre for Energy Diplomacy and Geopolitics (CED), the term “hydrogen diplomacy” can be understood as the activity of governments in cooperation with businesses to promote national economic and geopolitical interests in international relations related to the development of hydrogen economy, as well as hydrogen energy. This interpretation of the term will be used in this paper [4].

The novelty of the study stems from the recent emergence of the very possibility of cooperation in the field of hydrogen energy, the idea of extensive use of hydrogen as an energy source having only recently been updated, due to growing concerns about pollution and climate change.

The empirical basis for the study includes EU, German and Russian policy documents on the development of hydrogen energy, statements by Russian and German officials on cooperation in this field, and statements and documents by energy industry representatives from the two countries related to opportunities for cooperation in this field.

The cooperation between Russia and Germany in the field of hydrogen energy will be examined through the prism of institutionalisation. Institutionalisation is the process of turning any relationship into institutions, a form of organising relations with certain common norms and rules. Institutions in international relations, according to the liberal concept of the term, help to increase the efficiency of cooperative relations by increasing the awareness of the participants, reducing transaction costs and creating a certain field of possible actions. An important aspect of the functioning of institutions is to ensure constant interaction between representatives of the elites of the participants, during which there tends to be a certain commonality of ideas about the main problems that the policies of these elites are aimed at solving. One consequence of the institutionalisation of relations is also the political and ideological rapprochement between the parties. In the

field of hydrogen relations between Russia and Germany, steps are being taken to establish joint institutions for cooperation [5].

An indication of the parties' interest in cooperation is the joint Russian-German hydrogen conference, which is held within the framework of the Russian-German Raw Materials Forum together with the Organization for the Development of Scientific and Technological Cooperation in the Raw Materials Sector (WTZ e.V.). The conference was held for the second time in 2021. Leading experts from both countries discussed scientific and technical challenges at all stages of the hydrogen value chain. The current state of development of the hydrogen economy in Germany and Russia was discussed, and an overview of current research projects was presented. Scientific problems in the field of infrastructure, transport and storage of hydrogen in the context of the German-Russian hydrogen partnership were also discussed. They also talked about the use of hydrogen in the industrial sector.

In addition, three working group meetings on the development of hydrogen energy were held in 2021. For example, during a workshop of the Hydrogen Working Group on the Use of Hydrogen in Steel Production on 29 September 2021, it became clear that Russia and Germany share a common medium- and long-term climate protection perspective and are translating their efforts to reduce CO₂ emissions in the steel industry into strategies and initial pilot projects. The Hydrogen and New Gases working group held a workshop in April 2021 to discuss scenarios for transforming energy systems. The aim of the seminar was to analyse the determinants of future hydrogen development in the German-Russian context. It also provided a basis for understanding the future demand for hydrogen and the possible supply models that will determine the overall development of energy system transformation in Germany, Russia, Europe and the world in the coming decades.

To achieve the goals of the hydrogen programme, Germany actively cooperates with other countries around the world. For this purpose, the German Ministry of Foreign Affairs, together with interested business representatives and organisations such as DENA (German Energy Agency), is forming a special structure that will set up special offices for cooperation on hydrogen diplomacy with countries around the world. Their project, "Global Hydrogen Diplomacy (H₂-Diplo)", aims to develop hydrogen diplomacy with Russia, Saudi Arabia, Nigeria and

Angola, and supports the German Federal Foreign Office and German embassies in their dialogue on CO₂-neutral hydrogen with fossil fuel-exporting countries. The aim of this project is to show these countries how they can improve their energy and fuel economy in the long term by using green hydrogen and its derivatives. It can be seen that among Germany's goals, in addition to developing its own energy industry, is also to promote its climate protection values.

One such country where Germany intends to open a "hydrogen" office, as we can see, is Russia [6]. The opening of a hydrogen energy office in Russia was announced during German Foreign Minister Annalena Berbock's visit to Russia in February 2022. The opening of the office will allow Russian and German representatives of the energy sector to work together on creating a common legal framework, infrastructure projects for transporting hydrogen, and solutions to create production facilities for hydrogen fuel production. In addition, by establishing Offices of Hydrogen Diplomacy, Germany is promoting a political dialogue on energy with countries that export fossil fuels [7].

For Germany, cooperation with Russia in this field could be a priority. There are several ways to produce hydrogen; one of the cheapest and most efficient is to process natural gas using pyrolysis or steam conversion to hydrogen. Hydrogen obtained from gas is the cheapest, and there are no carbon dioxide emissions at gas-to-hydrogen facilities, if certain purification technologies are used. Given that Russia is the main supplier of gas to Europe and has a large technological base, there are good prospects for cooperation between Germany and Russia [8]. Already existing cooperation at company level is an important competitive advantage and saves time. In this context, Russia is an interesting potential partner for Germany that offers many opportunities to develop the international hydrogen economy. Not only would it be able to produce blue and turquoise hydrogen from natural gas; Russia also has abundant wind potential, which could be used to produce green hydrogen. Furthermore, the infrastructure to transport gas from Russia to the EU already exists.

In addition to directly establishing the legal and technological basis for hydrogen energy, the institutions influence the policies of the states involved, strengthening relations between them. RWE CEO Markus Krebber said: "We need Russian natural gas and Russia needs

foreign dollars. For years, Germany and Russia have had a “close interdependence”.

So, the goals of Germany’s hydrogen diplomacy are: developing its own hydrogen energy through cooperation with other countries, this includes developing a common legal framework, infrastructure projects as well as importing hydrogen from third countries to cover Germany’s energy deficit; advancing the climate agenda, global support for a climate neutral energy transition, including hydrogen; also, besides mutually beneficial energy cooperation, German hydrogen diplomacy. This could be particularly relevant in light of the “New Eastern Policy” announced by the new coalition government of the Federal Republic of Germany headed by the SPD in December 2021.

However, the situation has changed dramatically since the start of the special military operation in Ukraine. At the time of writing, it is still ongoing, so it is difficult to predict how cooperation between the FRG and the Russian Federation will develop, as the issue of cooperation on hydrogen energy has moved from the realm of economics to politics.

There have been statements by German officials that existing energy projects will not be cancelled, but that further cooperation in the energy field and the development of new projects with Russia are not possible [9]. Although no official announcement of a halt to cooperation has been made, plans to develop cooperation with Moscow in this field appear to have been suspended for the time being.

Germany is now actively looking for a replacement for Russian energy sources. For example, German Chancellor Olaf Scholz said that Germany will give up Russian gas faster than many people expect [11], and the head of E.ON Leonard Birnbaum said the country could completely give up Russian gas by 2025 [12].

As of April 2022, Germany is looking to replace Russian gas with gas from the US, the Persian Gulf, Norway and Algeria [13].

At the same time, the problem of switching to clean energy sources, including hydrogen, does not disappear. It is interesting to note that in this context, Germany continues to cooperate on hydrogen energy with its partners, planning not only to replace Russian energy sources with a similar type of fuel from another country, but also to restructure its energy consumption on a climate-neutral track [14]. For example, German Vice Chancellor and Climate and Energy Minister Robert

Habek visited the United Arab Emirates on 21 March 2022 to strengthen and accelerate hydrogen cooperation between Germany and the UAE. During Habek's visit, four hydrogen energy cooperation agreements for the German economy and one research and development cooperation agreement were signed. The UAE, according to Habek, has very good prerequisites for cost-effective production of hydrogen from renewable energy sources and there is a desire between the parties to secure the first hydrogen supplies to Germany in 2022 [15]. The UAE is a major gas supplier, so it could produce blue hydrogen, replacing Russia in the German energy transition strategy. On the other hand, the agreements between Germany and the UAE concern relatively small quantities of hydrogen, which represents only a first step towards the decarbonisation of industrial processes. It is a practical test of sorts for companies [16]. The price of blue hydrogen from the UAE is also questionable. Russia and Germany are connected by an extensive network of gas and oil pipelines, and pipelines are the cheapest way to transport energy. Blue hydrogen from Russia, both if produced from Russian gas in Germany, and if produced in Russia and transported to Germany, would be cheaper.

On that basis, it can be concluded that Germany will continue to develop its hydrogen energy and, as such, will continue to develop its hydrogen diplomacy with other countries. Given current developments, hydrogen diplomacy could develop even faster than expected, as Minister Habek stressed this aspect during his visit to the United Arab Emirates: the consequences of Russia's attack on Ukraine" Habek said that he could not predict the speed: "But now everyone can see that the old plans are not enough. Cooperation with Russia in this area has effectively ceased, and we should not expect it to resume in the short to medium term. However, given the economic benefits of this cooperation, we should expect that under different political circumstances the parties can resume cooperation on mutually beneficial terms.

References

1. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions: A hydrogen strategy for a climate-neutral reform, 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0301> — 23.02.2022.

2. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions: A European Green Deal, 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en — 23.02.2022.
3. Die Nationale Wasserstoffstrategie, 2020. URL: https://www.bmbf.de/bmbf/de/forschung/energiewende-und-nachhaltiges-wirtschaften/nationale-wasserstoffstrategie/nationale-wasserstoffstrategie_node — 23.02.2022.
4. Жизнин С., Тимохов Т. Будущее за гибридными энерго-системами // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/energy/2021-12-13/12_8325_future.html — 23.02.2022.
5. Панасенкова Т. В. Институционализация международных экономических отношений // Финансовые исследования. 2012. № 2(35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-mezhdunarodnyh-ekonomicheskikh-otnosheniy> — 23.02.2022.
6. Deutsch-russische Wasserstoffkooperation // АНК-Russland. URL: <https://russland.ahk.de/infothek/news/detail/deutsch-russische-wasserstoffkooperation> — 19.04.2022.
7. Germany's hydrogen diplomacy is a lifeline for Russia // Euractiv. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy-environment/news/niko-germanys-hydrogen-diplomacy-is-a-lifeline-for-russia/> — 19.04.2022.
8. Green hydrogen as a driver of energy transition // GIZ. URL: <https://www.giz.de/en/worldwide/104041.html> — 23.02.2022.
9. Шольц заявил о намерении ФРГ продолжить сотрудничество с РФ в области энергетики // Известия. URL: <https://iz.ru/1302057/2022-03-07/sholtc-zaiavil-o-namerenii-frg-prodolzhit-sotrudnichestvo-s-rf-v-oblasti-energetiki> — 19.04.2022.
10. Денисенко К. Политика энергетического перехода: Германия в поисках альтернативы // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/oilandgastoday/politika-energeticheskogo-perekhoda-germaniya-v-poiskakh-alternativy/?sphrase_id=90170764 — 19.04.2022.
11. Шольц: «Германия откажется от газа из России быстрее, чем многие ожидают» // EurAsia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/26/sholc-germaniya-otkazhetsya-ot-gaza-iz-rossii-bystree-chem-mnogie-ozhidayut> — 19.04.2022.
12. «Серьезный удар для Германии»: откажется ли ФРГ от российского газа к 2025 году // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/03/29/14678533.shtml> — 19.04.2022.
13. Шольц заявил о начале закупок Германией газа в обход России // Известия. URL: <https://iz.ru/1300370/2022-03-04/sholtc-zaiavil-ot-nachale-zakupok-germaniei-gaza-v-obkhod-rossii> — 19.04.2022.

14. Praxistest für Wasserstoff: Deutsche Industrie bekommt Hilfe aus den Emiraten // Handelsblatt. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/energiekrise-praxistest-fuer-wasserstoff-deutsche-industrie-bekommt-hilfe-aus-den-emiraten/28183740.html> — 19.04.2022.
15. Deutsche Unternehmen vereinbaren Wasserstoffkooperation mit Emiraten // Zeit. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2022-03/energiepolitik-wasserstoff-forschung-unternehmen-arabische-emirate-robert-habeck> — 19.04.2022.
16. Bundesminister Robert Habeck: „Wasserstoff-Zusammenarbeit mit den Vereinigten Arabischen Emiraten ausbauen“ // BMWK. URL: <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Pressemitteilungen/2022/03/20220321-bundesminister-robert-habeck-wasserstoff-zusammenarbeit-mit-den-vereinigten-arabischen-emiraten-ausbauen.html> — 19.04.2022.
17. Харин А. О. Диалог с Россией в дискурсе политических партий ФРГ на современном этапе // Россия — Германия в образовательном, научном и культурном диалоге: сборник материалов Международного научно-просветительского форума. Псков, 16–17 сентября 2021 года. Псков: Международная академия КОНКОРД, 2021. С. 159–164.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»

Сидоров Александр Сергеевич

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура*

Основные тенденции развития российско-венгерских отношений в 2021 — начале 2022 гг.

The Main Trends in the Development of Russian-Hungarian Relations in 2021 — early 2022

Аннотация. В настоящей статье были определены и изучены основные тенденции развития российско-венгерских отношений. В изучаемый период активно развивалось сотрудничество России и Венгрии в области энергетики и медицины. Несмотря на ухудшение взаимоотношений с ЕС и сохранения санкционного режима, между Россией и Венгрией наблюдается рост политического взаимодействия, об этом свидетельствуют регулярные контакты между президентом России В. В. Путиным и премьер-министром Венгрии В. Орбаном, а также системные консультации между министром иностранных дел России С. В. Лавровым и министром иностранных дел Венгрии П. Сийярто.

Ключевые слова: российско-венгерские отношения, санкции, энергетическая безопасность, вакцинная дипломатия.

Abstract. This article examines Russian-Hungarian relations. The main trends in the development of bilateral relations have been identified and studied. During the period under study, Russia and Hungary actively developed the energy and medicine sector. During the pandemic, relations in the field of vaccines developed rapidly. Despite the deterioration of relations with the EU and sanctions, there has

been an increase in political interaction between Russia and Hungary, evidenced by regular contacts between Russian President V. Putin and Hungarian Prime Minister V. Orban, as well as systematic consultations between Russian Foreign Minister S. Lavrov and Hungarian Foreign Minister P. Szijjártó.

Keywords: Russian-Hungarian relations, sanctions, energy security, vaccine diplomacy.

Введение

Из стран ЕС Венгрия является наиболее дружественной к России в настоящее время. Изучению российско-венгерских отношений в России и за рубежом посвящают исследования многие ученые, от студентов до академиков. Перед написанием работы мы ознакомились со множеством российских и зарубежных трудов, из которых хотелось бы отметить следующие: «Три десятилетия новых российско-венгерских отношений» Любови Николаевны Шишелиной, доктора исторических наук, заведующей отделом исследований Центральной и Восточной Европы и Центра Вишеградских исследований Института Европы РАН; «Российско-венгерские отношения: этапы эволюции» Игоря Владимировича Бахлова, доктора политических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» и Ольги Владимировны Бахловой, доктора политических наук, профессора ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» [1, 2]. Наиболее свежие работы датируются 2019 годом, после которого произошли важные события, повлиявшие на систему международных отношений — прежде всего, эпидемия COVID-19. Таким образом, необходимо исследовать российско-венгерские отношения в новых условиях, в 2021 и начале 2022 гг., и определить основные тенденции развития. Данная тема актуальна, так как Венгрия — одна из немногих стран, которые дружественно расположены к России, и несмотря на поворот на Восток, может играть роль посредника в отношениях между Россией и ЕС. Методологической основой послужили принципы историзма, системности и объективности. Использовались методы сравнительно-хронологического анализа, контент-анализ.

Энергетическая безопасность

Энергетическая безопасность является ключевой для Венгрии, в связи с чем наиболее активно развивающейся сферой взаимодействия венгерско-российских отношений является энергетика. Венгерское правительство заявляет, что тесное сотрудничество с Россией приносит взаимную выгоду и, следовательно, отвечает интересам государства. Хотя в 2020-2021 гг. личных встреч премьер-министра Венгрии Виктора Орбана с президентом России Владимиром Путиным не происходило, министры иностранных дел Петер Сийярто и Сергей Лавров регулярно проводят переговоры (в 2021 году они провели публичные консультации по меньшей мере пять раз) [3]. Эти переговоры, по крайней мере, их публичная часть, в течение многих лет были сосредоточены на энергетике, которая является основой взаимных политических и экономических отношений Венгрии и России.

Это доказывает новое долгосрочное газовое соглашение, подписанное 27 сентября 2021 г. в Будапеште венгерской MVM SEENergy и российским «Газпромом» о поставках в течение 15 лет. Детали были согласованы в ходе двух визитов: Лаврова в венгерскую столицу 24 августа, что совпало с Днём независимости Украины, и Сийярто в Санкт-Петербург 30 августа [4]. Сделка предполагает, что Венгрия будет закупать 4,5 млрд куб. м российского природного газа ежегодно, и, по данным венгерского правительства, по цене дешевле, чем раньше, с поставкой в обход Украины. Из общей суммы сделки 3,5 млрд куб. м будет проходить через сербско-венгерский интерконнектор, действующий с 1 октября и подключенный к газопроводу TurkStream, а оставшийся 1 млрд куб. м — через интерконнектор на австро-венгерской границе. Эти поставки покроют 90% текущих потребностей Венгрии в газе. С 2020 года страна также закупает небольшое количество газа (около 0,25 млрд куб. м в год) у западных поставщиков через хорватский терминал сжиженного природного газа на острове Крк. Изменение контракта с Россией по количеству покупаемого газа станет возможным через 10 лет. Правительство не раскрыло конкретные финансовые условия сделки. Со вступлением соглашения в силу в начале октября «Газпром» прекратил транзит

газа в Венгрию через Украину. Это может влиять на безопасность и финансовое положение последней, особенно с учетом планируемого запуска газопровода «Северный поток-2» (СП-2), который полностью обходит Украину.

Соглашение является результатом политики правительства Венгрии, проводимой с 2010 года, которая направлена на достижение энергетической безопасности в первую очередь за счет диверсификации маршрутов поставок российского газа, но не поиска альтернативных источников, и поддержания тесных отношений с Россией. Оба эти элемента соответствуют интересам России в регионе. Правительство Орбана и его предшественники поддержали строительство газопровода «Южный поток», которое было приостановлено в результате вмешательства Европейской комиссии в 2014 году. Уже тогда Венгрия выступала за исключение Украины из маршрутов поставок, чтобы гарантировать надёжность поставок. Этот прагматичный подход, независимо от того, какой вызов Россия представляет безопасности ЕС, не изменился даже после событий в Крыму и на юго-востоке Украины. Доказательства этого были замечены в дискуссиях вокруг СП-2, когда попытки некоторых членов ЕС заблокировать его завершение были охарактеризованы Сийярто во время недавнего визита Лаврова в Будапешт как лицемерные. Орбан, в свою очередь, сослался на негативную оценку украинскими властями новой газовой сделки, призвав их «решать свои собственные проблемы, не вовлекая в них Венгрию».

Венгрия зависима на 80% от поставок газа и нефти из России. Несмотря на нарастающие противоречия между Россией и ЕС, по итогам встречи 1 февраля 2022 года президента Владимира Путина и премьер-министра Виктора Орбана стало ясно, что Венгрия стремится увеличить объем газа, который она получает из России.

Для широких слоев населения Венгрии в настоящее время наиболее важным является заявление Путина на переговорах с Орбаном, согласно которому Венгрия платит только пятую часть от текущей рыночной цены в Европе в соответствии с контрактом на поставку природного газа, действующим до 2036 года [5]. И действительно, на данный момент цены на энергоносители для населе-

ния и малого бизнеса в Венгрии значительно ниже, чем в Западной Европе.

В связи с общеевропейской тенденцией достижения углеродной нейтральности, помимо газа в стратегической перспективе важным для Венгрии стал вопрос мирного атома. Также важным вектором в развитии отношений между Россией и Венгрией в области энергетики является начатый в 2014 году проект расширения АЭС «Пакш» двумя блоками реакторов российского производства государственным концерном «Росатом», финансируемый за счет миллиардного кредита из Москвы [6]. В 2021 году планировалось завершить лицензирование, однако оно было отложено венгерским агентством по атомной энергии. Проект по формальным причинам был отложен как минимум на пять лет и не получил разрешения на строительство от венгерского регулятора к концу сентября 2021 года, как это предусмотрено законом. Власти крайне политизированной венгерской государственной администрации не дали зеленый свет этому приоритетному правительственному проекту, что показала отставка президента венгерского регулятора в апреле. Это может указывать на серьезные проблемы с документацией, представленной «Росатомом». Стоимость «Пакш II» увеличилась с момента подписания контракта в 2014 году примерно на 20%, до 15 миллиардов евро, в результате изменения условий погашения российского кредита на строительство и из-за ослабления курса форинта по отношению к евро, в которых был взят кредит. Несмотря на задержку, венгерские предприятия, в основном те, которые, согласно нескольким анализам (например, Центра исследований коррупции в Будапеште), близки к правящей партии или напрямую связаны с премьер-министром, уже получили деньги от тендеров, связанных со строительством.

Политическое взаимодействие

В последние годы переговоры премьер-министра Орбана и президента России Владимира Путина стали привычными: обе страны заинтересованы в поддержании политических и экономических отношений на наилучших возможных условиях и с полной прозрачностью [7].

Согласно опросу, проведенному правительственным фондом Századvég Foundation, 75% венгров выступают за прагматичное, сбалансированное сотрудничество с Россией, если оно принесет пользу обеим странам. Однако две трети венгров считают, что интересы их страны лучше всего представлены при сохранении тесных связей с ЕС [8].

Около 35% опрошенных венгров называют Россию самым важным стратегическим партнером своей страны, и только 13% называют Соединенные Штаты [9]. Тем не менее, Россия не представляется заменой Европейскому Союзу: согласно опросу 2021 года о предпочтительной геополитической ориентации, проведенному Институтом политики GLOBSEC, 32% венгров выбрали западную ориентацию, в то время как большинство хотели бы видеть Венгрию где-то между Западом и Востоком. С учетом того, что 80% венгров поддерживают членство своей страны в НАТО, а 78% поддерживают членство в ЕС, нация, похоже, не видит возможности покинуть эти евроатлантические организации.

Долгое время премьер-министра Венгрии Виктора Орбана обвиняли в том, что он представляет интересы России в ЕС. Точкой отсчета этого восприятия венгерской политики можно назвать речь 2014 года о превращении Венгрии в нелиберальную демократию, где он описал российскую общественную и государственную модель как хороший пример для страны [10].

Отношения лидеров влияют на политическую ситуацию внутри Венгрии. Венгерские оппозиционные партии продолжают осуждать тесные отношения Орбана с Путиным [11]. Виктора Орбана называют «агентом Москвы», «троянским конем в ЕС», а на фоне обострения отношений ЕС и России критика стала нарастать [12].

В апреле 2021 года Будапешт не допустил принятия резолюции Вишеградской четвёрки (Польши, Чехии, Словакии, Венгрии), который должен был осудить якобы «разведывательную операцию» России в Чехии [13]. В версии Орбана отсутствовал призыв предотвратить прокладку трубопровода «Северный поток-2», а также оказать более сильную поддержку Украине.

Подавляющим большинством голосов парламент Венгрии проголосовал за принятие нового закона о борьбе с ЛГБТ, который предусматривает, что гомосексуализм запрещено пропаган-

дировать. Это затрагивает уроки просвещения в школах, а также фильмы и книги с героями-геями и рекламу, если она предназначена для несовершеннолетних. Закон не только уникален в ЕС, он также очень похож на подобный опыт в России. В России похожий закон действует с 2013 года: согласно ему все средства массовой информации, посвященные гомосексуализму, помечены надписью «18+» и не могут продаваться несовершеннолетним, частично они подвергаются предварительной цензуре. Эксперты называют это признаком того, насколько близко правительство премьер-министра Венгрии Виктора Орбана к Кремлю.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров был приглашенным гостем на ежегодном саммите послов, организованном Министерством иностранных дел и торговли Венгрии 24 августа 2021 года, что не случилось ни в одной другой стране ЕС с 2014 года.

Между тем новая стратегия национальной безопасности, принятая в 2020 году, подчеркивает важность НАТО в обеспечении коллективной обороны, как и новая Национальная военная стратегия 2021 года [14, 15]. Венгрия принимает у себя ряд подразделений НАТО и регулярно вносит свой вклад в передовое присутствие НАТО в регионе Балтийского моря. С 2010 года Венгрия выслала из страны более десяти сотрудников российской разведки, хотя эти действия проводятся в основном без какой-либо огласки, что является отклонением от обычной практики ЕС.

Санкционный вопрос

На фоне нарастающей напряженности в отношениях между Западом и Россией, после переговоров 1 февраля 2022 года премьер-министр Венгрии Виктор Орбан раскритиковал неэффективность санкций ЕС в отношении Москвы и акцентировал внимание на успешность его отношений с президентом России Владимиром Путиным [16].

Венгерская дипломатия последовательно критиковала санкции ЕС против России, и хотя Будапешт никогда не накладывал вето ни на одну из них, венгерское сопротивление, безусловно, усложняет введение дополнительных карательных мер.

Обострение конфликта на Украине в 2022 году, которое произошло прямо перед парламентскими выборами в Венгрии, вынуждает премьер-министра Венгрии в его предвыборной кампании лавировать между политикой последних лет и реакцией общества на происходящее. Премьер-министр Венгрии Орбан старался не ассоциироваться с политиками в России — точно так же, как лидеры союзных ему партий (Марин Ле Пен во Франции и Маттео Сальвини в Италии). Виктор Орбан сделал ставку на то, что повторится пандемийный сценарий, что из-за конфликта в соседней стране граждане Венгрии сплотятся вокруг сильного и хорошо знакомого лидера, что характерно для кризисных периодов, и будут придерживаться статус-кво. Для него статус-кво означает не ставить под угрозу долгосрочные газовые контракты, заключенные с Россией, и финансовое соглашение о расширении атомной электростанции в Пакше. Можно назвать дружественным шагом тот факт, что еще во время предвыборной гонки в феврале был запрещен транзит оружия для Украины через территорию Венгрии [17]. В то же время на уровне ЕС Венгрия не стала блокировать санкции против России [18]. Объединенная оппозиция Венгрии делала ставку на многочисленные сделки между В. Орбаном и Кремлем, чего в итоге оказалось недостаточно, и Орбан одержал убедительную победу. После выборов встал вопрос и о непринятии санкций в топливной сфере, об этом заявил министр иностранных дел Венгрии Петер Сийярто во время встречи министров иностранных дел НАТО [19].

Вакцинная дипломатия

Пандемия коронавируса привела к тому, что крайне актуальной стала так называемая вакцинная дипломатия. Она показала уровень отношений между Венгрией и Россией. Венгрия стала первой страной в ЕС, которая выдала разрешение на вакцину «Спутник V», и уже в феврале 2021 года началась вакцинация. Глава МИД Венгрии Петер Сийярто заявил о давлении со стороны ЕС в связи с одобрением «Спутника V» [20]. Закупка российских вакцин была организована по причине сбоев централизованной закупки внутри ЕС. Блокирование регистрации вакцины

«Спутник» П. Сийярто назвал «политическим и идеологическим» [21]. Всего 820 000 человек получили две дозы «Спутника V».

Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) сообщил, что вакцина «Спутник V» продемонстрировала эффективность 98% в предотвращении связанных с COVID-19 смертей в ходе обсервационного исследования в Венгрии. Исследование основано на реальных данных Национального центра общественного здравоохранения, охватывающих 3,7 миллиона человек, вакцинированных различными вакцинами в Венгрии. Венгрия в 2021 г. выразила намерение производить «Спутник V» [22]. Виктор Орбан на встрече с Владимиром Путиным в феврале 2022 года заявил, что венгерский завод по производству вакцины «Спутник V» будет введен в эксплуатацию к концу года.

Выводы

Энергетика является во многом опорным вектором развития отношений, который в свою очередь дает возможность развиваться в других направлениях. Скидки на газ для Венгрии стабилизируют и усиливают позиции премьер-министра Виктора Орбана, он, в свою очередь, получает таким образом возможность политического маневра вне страны.

Можно прийти к выводу, что противостояние внутри ЕС и попытка коллективного Запада влиять на Россию являются теми объединяющими позиции лидеров факторами, из которых лидеры Венгрии и России извлекают для себя политический актив: для Виктора Орбана Россия является отличным средством давления на Брюссель. В отношениях с Венгрией Владимир Путин может укрепить свои позиции в Европе, ослабив ЕС и НАТО. Последние опросы показывают, что позиция Орбана находит одобрение среди подавляющего большинства населения.

Строительство новых энергоблоков АЭС не только приблизит Венгрию к углеродной нейтральности, но и сделает более независимой от поставки углеводородов, в то же время позволит Венгрии работать с более современными атомными технологиями России, а новые энергоблоки суммарно по мощности превысили бы четыре старых советских энергоблока.

Немаловажным вектором в изучаемом периоде стала и вакцинная дипломатия. Венгрия не только пошла по пути, несвойственному странам ЕС, но и заключила договор на создание завода по производству российской вакцины. Это опять-таки приводит Венгрию к научному обмену опытом, а для России помимо контрактов это шанс создать пример успешного сотрудничества со страной Евросоюза.

Библиография

1. Бахлов И. В., Бахлова О. В. Российско-венгерские отношения: этапы эволюции // Финно-угорский мир. 2018. № 1. С. 62–74.
2. Шишелина Л. Н. Три десятилетия новых российско-венгерских отношений // Современная Европа. 2019. URL: <http://sov-europe.ru/images/pdf/2019/7-2019/2.pdf> — 20.02.2022.
3. Hungary's Relations with Russia // Polish Institute of International Affairs. 19.11.2021. URL: <https://pism.pl/publications/hungarys-relations-with-russia> — 20.02.2022.
4. Заключены 15-летние контракты на поставку российского газа в Венгрию // Газпром. 27.09.2021. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2021/september/article538438/> — 20.02.2022.
5. Встреча с Премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном // Президент России. 01.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67691> — 20.02.2022.
6. АЭС «Пакш-2» // Атомная энергия. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/10/01/11801> — 20.02.2022.
7. Zwischen Wirtschaftsrealismus und Krieg: Osteuropas Beziehungen zu Russland // Der Mitteldeutsche Rundfunk ist Mitglied der ARD. 15.03.2018. URL: <https://www.mdr.de/heute-im-osten/projekte/wir-und-russland/beziehungen-zu-russland-teil-zwei-100.html> — 20.02.2022.
8. Ungarn-Russland-Beziehungen: Glauben Sie nicht dem negativen Hype! // About Hungary. 05.11.2019. URL: <https://abouthungary.hu/blog/ungarn-russland-beziehungen-glauben-sie-nicht-dem-negativen-hype> — 20.02.2022.
9. Authoritarian Ties: The Case of Russia and Hungary // Wilson Center. 22.10.2022. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/authoritarian-ties-case-russia-and-hungary> — 20.02.2022.
10. Viktor Orbán's Close Ties to Putin's Russia Have Become Increasingly Dangerous for Him // Clinical Trials Arena. 18.03.2022. URL: <https://www.freiheit.org/germany/viktor-orbans-close-ties-putins-russia-have-become-increasingly-dangerous-him> — 20.02.2022.

11. The Kremlin's Influence in Hungary // German Council on Foreign Relations. 27.04.2016. URL: <https://dgap.org/en/research/publications/kremlins-influence-hungary> — 20.02.2022.
12. Orban und Putin: Wie russisch sind die Ungarn? // Deutsche Welle. 05.02.2022. URL: <https://www.dw.com/de/orban-und-putin-wie-russisch-sind-die-ungarn/a-60663429> — 20.02.2022.
13. Die Erosion von Putins Macht in Europa // Welt. 18.06.2021. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article231922815/Ungarn-Die-Erosion-von-Putins-Macht-in-Europa.html> — 20.02.2022.
14. National Military Strategy of Hungary // Honvédelem. 24.06.2021. URL: <https://defence.hu/news/national-military-strategy-of-hungary.html> — 20.02.2022.
15. Hungary's National Security Strategy // Honvédelem. 21.04.2020. URL: <https://honvedelem.hu/hirek/government-resolution-1163-2020-21st-april.html> — 20.02.2022.
16. In Moscow, Orbán offers 'Hungarian model', blasts idea of sanctions // Euractiv. 01.02.2022. URL: <https://www.euractiv.com/section/defence-and-security/news/in-moscow-orban-offers-hungarian-model-blasts-idea-of-sanctions/> — 20.02.2022.
17. Венгрия запретила транзит оружия для Украины по своей территории // РБК. 28.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/02/2022/621cd7bf9a794781128807c0> — 18.12.2022.
18. Венгрия не будет блокировать антироссийские санкции ЕС // Интерфакс. 03.03.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/825953> — 18.12.2022.
19. Венгрия не поддержала санкции против России в топливной сфере // Российская газета. 07.04.2022. URL: <https://rg.ru/2022/04/07/vengriia-ne-podderzhivaet-sankcii-protiv-rf-v-toplivnoj-sfere.html> — 18.12.2022.
20. Глава МИД Венгрии заявил о напаках ЕС из-за вакцины «Спутник V» // РБК. 21.03.2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/605769ab9a794715ad2a8f5a> — 18.12.2022.
21. Глава МИД Венгрии назвал политическим вопрос признания «Спутника V» в ЕС // Ведомости. 28.11.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/11/28/897888-priznaniya-sputnik> — 20.02.2022.
22. Sputnik V shows efficacy against Covid-19-linked death in Hungarian study // Clinical Trials Arena. 26.10.2021. URL: <https://www.clinicaltrialsarena.com/news/sputnik-efficacy-death-study/> — 20.02.2022.

Тесленко Виктория Александровна

Донецкий национальный университет

Исторический факультет

Бакалавриат

Отношения стран Вишеградской группы с Российской Федерацией

The Relations between the Visegrad Group Countries with the Russian Federation

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию позиций стран Вишеградской группы (Венгрии, Польши, Словакии и Чехии) по вопросу развития отношений с Российской Федерацией. Особое внимание уделено двусторонним отношениям каждого государства Вишеградской группы с Россией. В статье анализируется ряд противоречий среди стран. Для осуществления поставленной цели автором была рассмотрена и проанализирована нынешняя ситуация на международной арене, а также энергетическая безопасность в регионе.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Российская Федерация, сотрудничество, энергетическая политика, кризис, конфликт.

Abstract. The present article is dedicated to the study of the positions of the Visegrad countries (Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic) on the issue of the development of relations with the Russian Federation. Particular attention is paid to the bilateral relations of each state of the Visegrad Group with Russia. The article analyzes a number of contradictions among the countries. In order to achieve the goal, the author reviewed and analyzed the current situation in the international arena, and also the energy security in the region.

Keywords: Visegrad Group, Russian Federation, cooperation, energy policy, crisis, conflict.

Введение

Учредительная декларация Вишеградского треугольника (Венгрия, Польша и Чехословакия), а затем Вишеградской четверки, или V4 (с 1993 года в результате распада Чехословакии членами группы стали Чехия и Словакия), была подписана в вен-

герском городе Вишеград 15 февраля 1991 года. За 30 лет своего существования Вишеградская группа пережила взлеты и падения, успехи и неудачи. Четыре страны Центральной Европы достигли важного этапа в своем политическом, экономическом и социальном развитии. Они вовлечены в значимые события на Европейском континенте.

Сотрудничество Российской Федерации и стран Вишеградской группы важно как для одной, так и для другой стороны. Исследование позиций вишеградских стран по вопросу развития отношений с Россией представляется одной из самых важных и актуальных тем.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении возможностей развития сотрудничества и поиске точек соприкосновения между государствами.

Для достижения цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть ряд противоречий между странами V4 и Российской Федерацией.
2. Изучить аспекты энергетического сотрудничества исследуемых стран.
3. Выявить перспективы развития отношений между государствами Вишеградской группы и Российской Федерацией.

Теоретико-методологическая база исследования представлена системой различных общенаучных методов познания исследуемого вопроса. Для реализации целей и задач использовались такие научные методы исследования, как анализ и синтез, системный метод, исторический метод, институциональный и функциональный методы, контент-анализ.

Противоречия внутри Вишеградской группы

У каждой из стран V4 есть свои внутренние и внешние приоритеты, тем не менее, их сотрудничество сохраняется. Во многих случаях Вишеградская четверка доказывает свою полезность в оказании влияния на процесс принятия решений в Европейском союзе, а формат V4 укоренился в политическом пространстве

и практике стран региона. Принятая формула сотрудничества «Вишеград+» позволяет более гибко и открыто взаимодействовать с другими партнерами [1]. К тому же Вишеградская группа играет важную роль во внешней политике отдельных государств-членов в региональном измерении, что отражено в стратегических документах, определяющих внешнюю политику вишеградских стран.

Несмотря на столь позитивную картину, между государствами Вишеградской группы существует немало противоречий. Чаще всего трудности вишеградского сотрудничества связаны с разными национальными интересами отдельных государств, политическими элитами, правящими в Чехии, Польше, Словакии и Венгрии. Будущее Вишеградской группы, несомненно, будет зависеть от политиков, руководящих командами и их отношения к вишеградскому сотрудничеству. Много раз в прошлом именно из-за взглядов лидеров партий и их политики в отношении своих соседей Вишеградская группа вступала в фазу стагнации или ограниченного сотрудничества. Как, например, в середине 1990-х годов, когда и чешский премьер-министр Вацлав Клаус, и словацкий премьер-министр Владимир Мечъяр поставили под сомнение легитимность вишеградского сотрудничества.

Пессимистический сценарий для Вишеградской группы предусматривает завершение ее деятельности. Регион в целом сталкивается с угрозами безопасности, такими как терроризм и миграционный кризис, а в самой Центрально-Восточной Европе растет антиевропейская оппозиция с такими лидерами, как Ярослав Качиньски и Виктор Орбан, нежелающих подчиняться диктату Брюсселя. В нынешней политической ситуации во всех вишеградских странах ведущими являются консервативные партии: «Право и справедливость» в Польше, «Фидес — Венгерский гражданский союз» в Венгрии, «Обычные люди» в Словакии и «Гражданская демократическая партия» в Чехии. Различия во взглядах отдельных правящих групп на многие вопросы европейской повестки дня не способствуют достижению компромиссов или выработке общей позиции. Венгрия и Польша уже на протяжении нескольких лет пытаются добиться от ЕС признания верховенства национального права над европейским. В свою очередь, Чехия проявляет мало склонности к сотрудничеству по вопросам, требующим про-

тивоедействия правилам, действующим в Европейском союзе. Из-за тесных связей чехов с Германией вполне вероятно, что государство будет более четко дистанцироваться от политики Венгрии и Польши, если она примет конфронтационное направление. Чешская дипломатия, вдохновив создание Славковского треугольника, показала, что если сотрудничество в рамках Вишеградской группы не оправдывает ее ожиданий, она может выбрать другой формат регионального сотрудничества. Со словацкой стороны потенциальные угрозы вишеградскому сотрудничеству могут возникнуть из-за возможного возобновления недавних трений в отношениях с Венгрией, связанных с венгерским меньшинством, проживающим на юге Словакии, и подхода Словакии к необходимости реформы Европейского союза, отличного от позиции, представленной Польшей и Венгрией [2].

Ярким примером отсутствия единодушия в V4 являются разногласия по поводу отношений с Российской Федерацией. Вишеградская группа в целом никогда не делала официального заявления об отношениях с Россией, также не было ни одной встречи в формате «Вишеград+» с представителями Российской Федерации. Для понимания ситуации необходимо рассмотреть важнейшие сферы сотрудничества Российской Федерации отдельно с каждой страной V4.

Политические отношения стран V4 с Российской Федерацией

Диссонанс взглядов и проблемы в формулировании согласованной позиции стран V4 четко прослеживается в области национальной безопасности. Саммит НАТО в Ньюпорте в сентябре 2014 года, а также обсуждение ЕС санкций против России высветили расколы в Вишеградской группе. Страны V4 представили единодушную позицию по конфликту в Восточной Европе только по основным вопросам: не признали Крым частью Российской Федерации, подчеркнули необходимость прекращения огня и выполнения Минского протокола на Донбассе. На этом сближение позиций закончилось. Венгрия часто обвиняется в ведении «пророссийской политики», в то время как Польша готова пойти на прямую военную конфронтацию с Российской Федерацией.

Сравнение результатов по отдельным странам V4 показывает, что Венгрия более других готова к тесным контактам с Россией. 73,3% венгерских респондентов поставили ее на третье место по значимости отношений после США и Германии. Этот показатель намного выше, чем в Словакии (38,2%), Польше (29,4%) и Чехии (19,7%). Такой же разрыв наблюдается и в оценке качества отношений с Россией. Польская внешнеполитическая элита считает эти отношения плохими, что также разделяют чешские и словацкие респонденты, в то время как венгерско-российские отношения были оценены более позитивно. Несмотря на то, что страны V4 не пришли к единому мнению по вопросу партнерства и качества двусторонних отношений с Москвой, все согласны с тем, что Россия является важным актором на международной арене (по мнению 95,3% респондентов) [2].

Позиции вишеградских стран по отношению к России варьируются в зависимости от политической принадлежности политических партий, находящихся в настоящее время у власти в этих странах. В начале 1990-х годов Вишеградская четверка координировала свою политику в отношении действий, направленных на демонтаж структур Восточного блока и вывод российских войск со своей территории; позже в двусторонних отношениях с Россией возобладали индивидуальные интересы.

Польша последовательно скептически относится к сотрудничеству с Россией, являясь среди партнеров из Центральной Европы наиболее антироссийской в своей риторике и действиях. В стратегии национальной безопасности, принятой Польшей в 2020 году, Россия определяется как самая серьезная угроза.

В Чешской Республике в 2014 году среди политиков не было единодушия в оценке ситуации на Украине. Президент Милош Земан поставил под сомнение присутствие российских солдат на Украине, высказав мнение о продолжающейся гражданской войне в стране. Чешское правительство во главе с премьер-министром Богуславом Сobotкой более критично отнеслось к действиям России.

В Словакии на фоне конфликта наблюдалось значительное расхождение позиций между президентом Андреем Киской и премьер-министром Робертом Фико. Президент поддержал действия

Европейского союза и его подход к конфликту, а премьер-министр занял более пророссийскую позицию, критикуя западные санкции против России. Нынешнее правительство выражает желание строить отношения с Москвой на базе взаимного уважения.

Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в последнее время все более наращивает сотрудничество с Россией, особенно в области энергетики, и высказывается против экономических санкций в отношении России. Нежелание венгерского премьер-министра ужесточать отношения объясняется также его беспокойством за судьбу венгерского меньшинства, проживающего на Украине, и опасением роста националистических настроений в украинском обществе.

Виктор Орбан проводит частые встречи с президентом России Владимиром Путиным. Его правительство проводит политику «открытия на Восток», также называемую «доктриной восточных ветров» [3], в качестве основного внешнеполитического постулата с момента прихода партии «Фидес — Венгерский гражданский союз» к власти в 2010 году. Усилия Будапешта направлены на углубление политических и экономических отношений со своими азиатскими партнерами, особенно с Китаем и Россией [4, с. 114]. Прагматичный подход Венгрии, Словакии и Чехии к отношениям с Россией, который проявился в критике санкций, введенных против страны из-за ситуации на Украине, и во взгляде через призму экономических интересов, отличался от подхода Польши, для которой важна западная ориентация во внешней политике Украины как соседнего государства, рассматриваемого в качестве буфера, и которая критикует политику России.

Объявление о начале военной операции Российской Федерации против развития нацизма на Украине по-разному восприняли в странах Вишеградской группы. Польша и Чехия резко осудили действия России и выступили за введение санкций. Словакия воздержалась от комментариев. Венгрия, напротив, имея дружественную к России позицию, блокирует пакеты санкций и тем самым негласно поддерживает действия Москвы.

В список «Недружественные страны Российской Федерации» попали все страны Европейского союза, соответственно, и все страны Вишеградской группы. Тем не менее, избрание на пост пре-

мьер-министра Венгрии Виктора Орбана несомненно позитивно скажется на венгерско-российских отношениях.

Сильнейший удар по вишеградскому единству нанесла в апреле 2022 года Польша. В связи с «пророссийской» политикой Венгрии страна заморозила отношения со своим ближайшим партнером. Известная в обеих странах поговорка «Поляк, венгр, два племянника, сабля и стакан» вновь подтвердила свое значение — резкие переходы от тесной дружбы к взаимной вражде между двумя странами не прекращаются на протяжении истории их взаимоотношений.

Не всегда дружественные отношения Венгрии со Словакией и Чехией также не в пользу четырехсторонних отношений. Конфликты стран обусловлены так называемыми Декретами Бенеша, введенными главой Чехословакии после Второй мировой войны и подразумевавшими насильственную высылку и притеснение прав венгерского населения.

Накладывающиеся друг на друга кризисы могут постепенно привести к расколу, который распространится и поставит под угрозу сплоченность Вишеградской группы.

Очевидно, что в нынешней ситуации странам V4 не хватает объединяющего проекта как стратегической цели, определяющей курс действий на годы вперед. Индивидуальные интересы часто преобладают над групповыми.

Энергетическая политика: вынужденное сотрудничество

В последнее время V4 особенно часто обращается к вопросу энергетической безопасности. Хотя все страны зависят от поставок газа из России, в этой области также нет единства мнений.

Обеспечение энергетической безопасности является одной из главных задач вишеградских партнеров. Энергетический кризис, вызванный прекращением поставок газа Россией в Центральную Европу в январе 2009 года, высветил чрезвычайно сильную потребность в солидарности в этой области.

Энергетическая безопасность стран — членов группы в значительной степени определяется процессами, происходящими в других странах. В рамках V4 создание общего рынка газа стало важ-

ной целью энергетической политики, которая в последние годы является предметом многочисленных дебатов.

Анализируя положение отдельных стран Вишеградской группы на газовом рынке и их энергетическую политику, в случае Польши мы можем говорить, что у страны высокая зависимость от импорта газа из России и неразвитая инфраструктура. Однако Польша является одним из крупнейших производителей угля в Европе, и именно уголь преимущественно используется в качестве источника энергии (ожидается, что эта тенденция изменится из-за требований по охране окружающей среды). Что касается сырой нефти, Польша сильно зависит от ее импорта из России [5].

Чешская Республика покупает 98% природного газа из-за рубежа; в основном он импортируется из России. Одним из элементов энергетической безопасности Чехии является способность реверсировать поток газа в чешской части газопровода. Кроме того, в Чехии имеются значительные подземные запасы газа, которые обеспечивают более 1/3 годового потребления газа в стране [6, р. 127–136]. Важную роль в Чешском энергетическом секторе также играют атомные и бурогольные электростанции, а также нефть, которая в основном импортируется из-за рубежа по трубопроводу «Дружба» и IKL (Ингольштадт — Кралупы — Литвинов).

Словакия импортирует почти 90% основных источников энергии, что делает ее самой уязвимой страной Вишеградской группы с точки зрения энергетической безопасности. Основным поставщиком энергетического топлива также является Россия. С точки зрения политики энергетической безопасности Словакии отношения с Россией имеют стратегическое значение. Сырая нефть поставляется из России по трубопроводу «Дружба» на НПЗ «Словнафт» в Братиславе. В 2009 году, во время российско-украинского газового кризиса, Словакия была одной из европейских стран, наиболее сильно пострадавших от перебоев с поставками газа, что негативно сказалось на ее экономическом положении [6, р. 137–147]. Это повлияло на политику словацкого правительства, которое активизировало усилия по диверсификации поставок.

В Венгрии на природный газ приходится наибольшая доля энергетического рынка, но это сырье поступает только от од-

ного поставщика. Венгрия снабжается газом из России. Сырая нефть, которая является вторым по потреблению источником энергии в Венгрии, также поставляется в основном из России (импорт покрывает 80% спроса) через трубопроводную систему «Дружба II» и трубопровод «Адрия» из Хорватии [6, р. 51–114]. С октября 2021 года Венгрия получает газ из турецкого газопровода «Балканский поток», который является ответвлением от российского «Турецкого потока». Венгрия отличается последовательной политикой в отношении России. Правительство государства сконцентрировано в первую очередь на экономических выгодах своей страны, а не на слепом повиновении европейским тенденциям.

Российский проект «Южный поток», объявленный в 2006 году самым дорогостоящим из проектов, продвигаемых «Газпромом», имел большое значение для вишеградских стран в энергетической политике. Согласно проекту, газопровод должен был пересечь Черное море, соединив побережья России и Болгарии, затем газ должен был транспортироваться через Сербию в Венгрию, Словению и Австрию, а линия II должна была пройти из Болгарии через Грецию в Италию. Однако в декабре 2014 года президент России Владимир Путин объявил о своем решении остановить строительство этого газопровода. В качестве причины он назвал позицию Еврокомиссии, которая выразила обеспокоенность по поводу соответствия законодательству ЕС соглашений, заключенных Россией со странами, через которые должен пройти «Южный поток», а также позицию Болгарии, которая приостановила работу над проектом. Провал проекта «Южный поток» стал импульсом для дебатов о расширении газовой инфраструктуры в регионе Центральной Европы.

Необходимо упомянуть о еще одной важнейшей сфере сотрудничества, а именно атомной энергетике. В Венгрии, Словакии и Чехии действуют АЭС, построенные по советским проектам. Для реализации деятельности ядерных реакторов Россия поставляет запчасти и топливо, а российские специалисты оказывают помощь по эксплуатации станций [7].

Российско-украинский конфликт и ухудшение отношений между Россией и Западом представляют собой серьезную проблему

для стран Центральной Европы, которые зависят от поставок газа из России. В сентябре 2015 года между российским «Газпромом» и западноевропейскими энергетическими компаниями было подписано соглашение о создании компании по строительству еще двух нитей Северного газопровода («Северный поток-2»). Это решение было встречено критикой со стороны стран Центральной Европы. Наиболее критическое отношение проявила Словакия, через которую проходит основной трубопровод, транспортирующий российский газ из Украины, где доходы от транзита газа в Европу являются важным источником бюджетных поступлений. В Чехии тема «Северного потока-2» не вызывает столько споров, как в Словакии, поскольку чешский газовый оператор уже реализовал участок ответвления газопровода «Северный поток» в виде трубопровода «Газель». Венгрия — единственная вишеградская страна, которая избегает открытой критики энергетической политики России. Позиция Венгрии в отношениях с Россией делает невозможным принятие общей позиции Вишеградской группы в отношении проекта «Северный поток-2» [8, с. 641].

Выводы

Сотрудничество стран Вишеградской группы и Российской Федерации носит противоречивый характер. С одной стороны — «пророссийская» Венгрия, с другой — агрессивная Польша, а с третьей — «недружественные» Словакия и Чехия. Четыре страны сильно зависят от России, в первую очередь от энергоресурсов. Для России чрезвычайно важно развивать контакты с государствами, находящимися в географической близости. Все страны V4 являются членами НАТО, тем самым они создают определенные угрозы для России. Следовательно, взаимовыгодное партнерство и добрососедство необходимо для поддержания безопасности как стран региона, так и всего мира. Отсутствие единства и резкие отличия в подходах в отношениях с Российской Федерацией ставят под угрозу существование Вишеградской группы. С развитием событий на международной арене пессимистичный сценарий для вишеградского сотрудничества кажется все более вероятным.

Библиография

1. Вагнер П., Сикора И. Вишеградское сотрудничество: через взлеты и падения к успеху // Вишеградская Европа. Вып. 1. Приложение к журналу «Современная Европа» Института Европы РАН. 2012. № 4. С. 44–45.
2. Ogrodnik Ł. Grupa Wyszehradzka w polityce Republiki Czeskiej // Biuletyn PISM. URL: https://pism.pl/publikacje/Grupa_Wyszehradzka_w_polityce_Republiki_Czeskiej — 15.04.2022.
3. Dostál V. Trendy zahraničnej politiky V4. URL: https://www.globsec.org/wp-content/uploads/2017/08/v4trendy_sk_web_final.pdf — 15.04.2022.
4. Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции / под ред. Л. Н. Шишелиной. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 140 с.
5. Bernek Á. Hazánk keleti nyitás politikája és a 21. századi geopolitikai stratégiák összefüggései. URL: https://kki.hu/assets/upload/06_Bernek_Agnes.pdf — 15.04.2022.
6. Polityka energetyczna Polski do 2040 r. URL: <https://www.gov.pl/web/klimat/polityka-energetyczna-polski> — 15.04.2022.
7. Janowski M., Jastrzębski M., Nowakowski Ł., Protasowicki I. Polityka bezpieczeństwa energetycznego państw Europy Środkowo-Wschodniej. Rola i znaczenie Grupy Wyszehradzkiej. Warszawa, 2016. S. 127–136.
8. Европейская интеграция: учебник / под. ред. О. В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011. 720 с.
9. Басов Ф. Вишеградская «четверка» и развитие европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 12. С. 91–93.

Токарев Никита Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Миграционный кризис на границе Польши и Белоруссии в контексте дискурса СМИ России и Германии

Migration Crisis on the Poland and Belarus Border, in the Context of the Russian and German Media Discourse

Аннотация. В данной работе приводится анализ дискурсов в ключевых СМИ России и Германии в отношении миграционного кризиса на границы Польши и Белоруссии, или же прокси-конфликта России и ЕС. Так, особое внимание уделено анализу данных из сюжетов СМИ, тональности текстов, количеству запросов по данной теме, определению пика дискурса, его эволюции с сентября по декабрь 2021 года. Рассматривается то, как ключевые СМИ видят конфликт, его причины, виновных, угрозу безопасности, что доминирует в дискурсе.

Ключевые слова: миграционный кризис, Россия, Германия, Восточная Европа, ЕС.

Abstract. The article analyses the main Russian and German mass media discourses with regard to the migration crisis on Poland-Belarus border or the proxy conflict between Russia and the EU. The research is focused on the analysis of data and information from the mass media's sources i.e. What tonality dominating in texts before the peak of the discussion, during the peak and after its, the evolution of the discourses from September to December 2021. The paper also studies how the key media see the conflict, its causes, who was responsible for it, what is the threat to the security. Finally, what is dominating in the discourse?

Keywords: migration crisis, Russia, Germany, Eastern Europe, the EU.

Введение

Миграционный кризис, разразившийся на границе Польши и Белоруссии, быстро обрел черты прокси-конфликта и стал

активно продвигаться в СМИ как на Востоке, так и на Западе. За короткий срок была сформирована информационная кампания и повестка по дегуманизации Белоруссии, а через нее и России. Возник своеобразный прокси-конфликт не только на самой границе, но и в медиапространстве, выраженный двумя противоположными дискурсами. Информационная кампания вокруг данного кризиса представляет отдельный интерес, поскольку у СМИ ни одной из сторон не было должного доступа. Информация поступала неполной и довольно туманной. Актуальность данной темы для нас заключается прежде всего в слабой изученности таких кризисов с точки зрения дискурса анализа СМИ, а также в возросшей активности России и Запада в регионе Восточной Европы, все большем использовании электронных СМИ как оружия дезинформации и пропаганды. То есть та самая информационная, когнитивная война, которая развернулась на постсоветском пространстве, где Россия и Германия играют не последнюю роль. Для представления двух дискурсов внимание было обращено к ключевым массмедиа России и Германии. Из российских средств массовой информации были выбраны RT, РИА Новости и ТАСС, из германских — Euronews, DW, Der Spiegel. Для подробного анализа дискурса и того, как менялась главная тема за три месяца конфликта, были отобраны слова-маркеры. Эти маркеры можно распределить по нескольким корзинам (мигранты, бело-русско-польская граница, конфликт/гибридная война). С помощью маркеров удалось проследить, как эволюционировал дискурс в течение конфликта. Затем была произведена попытка сравнить обе позиции по ключевым положениям, касающимся кризиса, и на основе этого сделан общий вывод о том, как в дискурсах двух стран происходила информационная кампания и как это повлияло на отношения Германии и России. Данная работа дополняет представления о данном кризисе со стороны дискурса СМИ.

Для проведения анализа нужно было определить временные рамки. Датой начала кризиса принято считать 7 июля 2021 года. Поскольку рассматривать весь период кризиса с 7 июля вплоть до декабря было бы неэффективно, возникла трудность в определении оптимального промежутка времени для анализа. В августе проявляется первый рост интереса к миграционному кризису,

однако он пересекался с другими миграционными проблемами в Европе, что создавало трудность для отслеживания дискурса. Поэтому для определения дискурса в СМИ был выбран период наибольшей активности и популярности дискурса — с 1 сентября 2021 г. по 1 января 2022 г. Для определения пика дискурса были применены инструменты Google по отслеживанию количества запросов, сюжетов и трендов, связанных с кризисом. Также при выборке СМИ были проанализированы архивы сюжетов. По итогам анализа можно сделать вывод, что в сентябре публиковались редкие сюжеты, в октябре начинается резкий рост, который доходит до пика в 10-е числа ноября [1]. Так, с помощью инструментов Google и архивов сюжетов СМИ удалось определить, что дискурс приобрел в обеих странах суперпопулярность к ноябрю 2021 года [1]. Можно выделить 3 этапа эволюции дискурса:

- 1) сентябрь — первая половина октября: сюжеты про мигрантов, лишь редкие обвинения;
- 2) ноябрь: активная фаза;
- 3) декабрь: потеря интереса к ситуации и дискурсу, переключение на ситуацию на Украине и обращение к теме потенциального военного столкновения.

После определения рамок, пика и этапов можно переходить к непосредственному анализу дискурса России и Германии.

Дискурс в Российской Федерации

Российский дискурс был проанализирован на основании данных ВЦИОМ, чтобы представить общественное мнение, и на основании сюжетов ТАСС [2], РИА [3] и RT [4], чтобы увидеть позицию государства. Отбор СМИ происходил на основе цитируемости, почти всегда лидерство было за РИА и ТАСС. Также в отбор попала RT как крупнейшее русскоязычное СМИ зарубежного вещания. Для создания общей картины и прослеживания эволюции дискурса на сайте каждого из СМИ была произведена выборка сюжетов, связанных с кризисом, за период с 1 сентября 2021 г. по 1 января 2022 г. Для эффективности отбора дополнительно использовались хештеги «Польша», «Беларусь», «миграционный кризис».

Затем для анализа тональности текстов было выбрано по 30–40 наиболее популярных за месяц сюжетов. Анализируя тональность сюжетов, мы можем сказать, что на первом этапе в российском дискурсе проявляется озабоченность ситуацией на границе к концу августа — началу сентября. Заметен тезис о желании Российской Федерации помочь в разрешении конфликта и скорейшем урегулировании. СМИ просто освещают ситуацию на границе, периодически транслируя заявления представителей власти в ответ на обвинения, как правило, польской стороны. К октябрю количество обвинений в причастности России растет в геометрической прогрессии. Российский дискурс действует исходя из оборонительной тактики и продвигает свой меседж в виде ответов МИД и заявлений о том, что Европа и Польша сами виноваты в кризисе. Все это подкрепляется сюжетами про зверства польских пограничников. На ноябрь приходится пик событий миграционного кризиса. Российские СМИ переходят к наступательной тактике. Так, позиции РФ и Белоруссии полностью консолидируются, формируется некий информационный союзный блок в СМИ. Страны переходят к полному отрицанию причастности и начинают обвинять Запад в обострении кризисе. Интересен опрос общественного мнения ВЦИОМ от 30 ноября 2021 года, согласно которому 66% россиян слышали о конфликте на границе; считают, что в кризисе виноват ЕС 36% опрошенных, 15% — виновата Беларусь, 8% — виновата Польша, 12% — виноваты сами мигранты, 22% затруднились ответить [5]. Можно заключить, что, в совокупности с дискурсом российских СМИ, граждане склонны винить в кризисе Европейский союз и Польшу, нежели Беларусь и Россию.

На основании этих проанализированных и структурированных данных можно сделать вывод о российском дискурсе. На начальном этапе он изобилует мирными заявлениями о желании помочь, непричастности и редкими сюжетами про мигрантов, без особой реакции. К середине рассматриваемого периода дискурс переходит от нейтралитета к активизации и подготовке к информационной войне. На пике Россия переходит к наступательным действиям, выдвигая обвинения в сторону европейских стран, осуждая давление на Минск и возлагая виновность в конфликте на Европу. Также параллельно продолжается активная демониза-

ция польских силовых структур, что завершается на пике сюжетом про беглого польского силовика, который заявил об убийстве мигрантов на границе. Пик дискурса сопровождался мобилизацией общественного мнения в России. Помимо роста количества сюжетов в СМИ о текущей ситуации, что уже являлось когнитивным влиянием на аудиторию, был произведен опрос общественного мнения, который мобилизовал дополнительные ресурсы для информационной кампании. Все это привело к росту интереса российских граждан к кризису в ноябре 2021 года. Однако к концу 2021 года дискурс постепенно угасает и остаются лишь незначительные сюжеты с взаимными обвинениями и озабоченностью в наращивании военного контингента на границах с Беларусью. Дискурс хоть и угасает, но полностью переходит в военное русло, что косвенно уже готовит почву для обострения в СМИ по вопросам Украины в 2022 году.

Дискурс в Германии

Аналогично российскому был проанализирован немецкий дискурс. Были проанализированы сюжеты трех СМИ, затем все это было подкреплено опросом общественного мнения в отношении мигрантов. Отбор СМИ происходил исходя из все той же цитируемости и популярности. Deutsche Welle [6] и Der Spiegel [7] являются самыми популярными и известными немецкими СМИ. Аналогично RT был выбран Euronews [8, 9] — хоть он и является европейским СМИ, но все же одним из крупнейших по зарубежному вещанию. На сайтах СМИ в архивах была произведена аналогичная выборка сюжетов с 1 сентября 2021 г. по 1 января 2022 г. с целью определения эволюции дискурса и его информационной окраски. Были использованы хештеги, даты и ключевые слова. Можно сказать, что рост количества сюжетов по теме хоть и отличается от России, но пик остался аналогичным.

Для определения тональности и общего посыла сюжетов в немецких СМИ были выбраны также наиболее популярные сюжеты за месяц. С помощью слов-маркеров *migranten*, *Polen-belarus grenze*, *krise*, *hybridkreis* и анализа текста на тональность с акцентом на прилагательные удалось определить, что на начальном этапе,

когда интерес к кризису еще только набирает обороты, в немецкой повестке доминируют типичные для Европы сюжеты с мигрантами (какие трудности они терпят, почему бегут и в каких условиях находятся). Однако эти сюжеты уже с сентября чередуются с редкими политизированными сюжетами, связанными с обвинениями Лукашенко и возможностью нарастания конфликта. Сюжеты про мигрантов быстро себя изжили, с того момента, как доступ к границе был почти полностью ограничен для СМИ и посторонних людей. На втором этапе, к октябрю, сюжеты с мигрантами уже соседствуют с политизированными сюжетами, где высказывается прямое обвинение Белоруссии в кризисе, жертвах и страданиях мигрантов. Впервые прослеживаются заявления об использовании мигрантов в политических целях. Стоит отметить особое внимание немецких СМИ к действиям польских пограничников, которые, по мнению немецких СМИ, проявляли себя крайне радикально, за что польская сторона вскоре получила осуждение. К ноябрю дискурс вступает в свою пиковую фазу. Сюжеты с мигрантами как жертвами уходят на второй план или вообще исключаются из повестки, на первый план выходит радикализация пограничников с обеих сторон. Сюжеты становятся все более похожими на реальные военные действия с огромным количеством солдат и пограничников с обеих сторон. Появляются заявления о том, что мигранты заполучили петарды, используют камни, Беларусь снабжает их оружием и газом. Мигрант из образа жертвы становится настоящим гибридным солдатом, который готов ко все более радикальным действиям, в результате чего польские силовики получают ранения и появляются первые случаи смертей среди мигрантов. Также на пике в дискурс была интегрирована Россия. Так, по мнению немецких СМИ, Россия стремится расколоть Европу через кризис, что является угрозой безопасности. Это звучит как какой-то боевик, но на самом деле все это образ, созданный в СМИ. Здесь мы можем наблюдать реализацию доктрины когнитивной войны с элементом «милитаризации мозга» и подачи информации в виде готовых сюжетов с насилием [12]. Теперь в поисковых запросах наравне с «кризисом на границе» становится популярен запрос «гибридная война» [10], поскольку в последних сюжетах за ноябрь мигрантов уже называют живым

оружием и элементом гибридной войны не только Белоруссии и Польши, но и России, и Турции против Единой Европы. К декабрю дискурс уже не столь заметен, но, в отличие от российского дискурса, остаются редкие сюжеты про обвинения и то, что это и есть гибридная война.

Таким образом, проанализировав немецкий дискурс, мы можем сказать, что он прошел через одинаковые стадии, что и российский, однако с большей интенсивностью. Для немецкого общества тема миграционного кризиса оказалась куда важнее, чем для россиян. Можно сказать, что дискурс прошел от нейтральной стадии в сентябре, где акцент был на мигрантах и Польше с Беларусью, до нарастания в октябре, где появилась Россия, до пика, где Беларусь и Россия в немецких сюжетах стали единым антагонистом, желающим навредить Европе.

Что общего и в чем различия немецкого и русского дискурса?

По итогам анализа получились два противоположных дискурса, что довольно типично и естественно. Однако оба дискурса имеют ряд общих черт. Во-первых, оба дискурса имеют единый период сверхпопулярности. Во-вторых, дискурсы были нейтральны в сентябре в отношении друг друга. В-третьих, в ноябре оба дискурса были наполнены сюжетами с насилием и обвинением противоположной стороны в причинах кризиса. И наконец, в обоих дискурсах интерес к кризису угасает к декабрю. Также общим фактором можно назвать то, что ни у одной из сторон не было должного доступа к границе, что создавало нехватку информации. Из всего этого возникает вопрос — из какого источника получалась информация, если наполняемость сюжетов разных СМИ оказалась идентичной? Это еще раз подтверждает тезис о характере гибридного конфликта на границе. Обстоятельство, что ни у одной стороны не было должного доступа к границе. Сюжеты трех российских СМИ представляют абсолютно идентичные тексты с одинаковыми посылом и тональностью. Аналогично обстоит ситуация в немецких СМИ. При условии, что не было доступа к границе, напрашивается вывод о том, что присутствовал единый информатор как для российских, так и для немецких СМИ. Таким обра-

зом, СМИ с каждой стороны накачивались необходимой готовой информацией, которую они затем транслировали как уникальную на своих площадках. Российские и немецкие СМИ слились в единые системы по подаче информации, которые противостояли друг другу в информационной войне. Вся эта ситуация еще раз подтверждает, что в современных реалиях независимые СМИ работают прежде всего в интересах заказчика. Помимо этого, важно учитывать общественное мнение России и Германии. Несмотря на противоположные позиции в СМИ, мнение граждан двух стран совпало в отношении будущего мигрантов. Так, почти половина жителей Германии (45%) не желает принимать мигрантов [11]. В России 44% выступили за возвращение мигрантов на родину и 18% за их депортацию [11]. Стоит отметить действия RT и DW. Данные СМИ представлены в обеих странах и являются иностранными. Интересно то, что каждое из средств информации старается продвигать дискурс своей страны, однако с чуть меньшим энтузиазмом.

Вывод

Выявив особенности российского и немецкого дискурсов, а затем сравнив их, мы можем прийти к выводу, что миграционный кризис был быстро милитаризован. Полярное видение кризиса в дискурсах двух стран лишь усугубило ситуацию и добавило напряженности, несмотря на сходство общественных мнений в странах. Так, в последних сюжетах уже заметен тезис не только о миграционном кризисе, жертвах среди мигрантов и типичной для Европы мигрантской повестке, но и возможности будущего конфликта Белоруссии и Польши, стран Балтии или желание России через своего прокси дестабилизировать и расколоть Европу для дальнейшего распространения влияния в регионе и попытки вновь собрать империю. В итоге дискурс был переведен из гуманитарного русла в проблему безопасности и необходимости укрепления внешних границ ЕС, наращивания присутствия сил НАТО в соседних странах, ввода новых санкций в отношении России. Прослеживается типичное влияние стратегий когнитивной войны на сюжеты СМИ немецкой стороны. Российская сто-

рона, в свою очередь, не отставала от немецкой и применяла такую же методику. Тем самым конфликт ухудшил отношения двух стран, создал предпосылки для дальнейшего обострения и недопонимания. Ситуация в Восточной Европе достигла пика напряженности, что затем было выгодно использовано заинтересованными сторонами для наращивания военного присутствия. В то же время конфликт способствовал дальнейшему укреплению стратегических отношений России и Белоруссии в военной и политической сфере. Таким образом, Германия указала на свою доминирующую роль в Польше и Прибалтике, а Россия закрепила свое влияние в Белоруссии, страны не пошли на радикальные решения и сохранили более-менее конструктивный диалог, что было обусловлено выборами в Германии. Дискурс закрепит своеобразный статус-кво и создал предпосылки для такого же информационного конфликта на Украине в начале 2022 года. Так мир окончательно вступил в эру когнитивных войн.

Библиография

1. Анализ популярности запросов «Польша — Беларусь» (Polen-Belarus) // Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2021-07-01%202021-12-31,2021-07-01%202021-12-31&geo=RU,DE&q=%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0%20%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C,Polen%20Belarus> — 20.02.2022.
2. Миграционный кризис. Беларусь // ТАСС. URL: <https://tass.ru/search?sections=23&searchStr=%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81&sort=date> — 20.02.2022.
3. Миграционный кризис: сюжеты по запросу // РИА новости. URL: <https://ria.ru/search/?query=%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81> — 20.02.2022.
4. Миграционный кризис. Польша. Беларусь: сюжеты по запросу // RT. URL: <https://russian.rt.com/tag/migracionnyi-krizis> — 20.02.2022.
5. На границе тучи ходят хмуро. Как граждане РФ относятся к миграционному кризису // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nad-granicej-tuchi-khodjat-khmuro> — 20.02.2022.

6. Belarus Polen Migranten Krise // DW.com. URL: <https://www.dw.com/de/alle-inhalte/s-100814?filter=belarus&themes=19990020-19990022-19991200&from=01.07.2021&to=01.01.2022&sort=date&results=16> — 20.02.2022.
7. Belarus Polen Migranten Krise // Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/suche/?suchbegriff=Belarus%2BMigranten%2B> — 20.02.2022.
8. Migrantenkrise search // Euronews. URL: <https://de.euronews.com/search?query=migrantenkrise> — 20.02.2022.
9. Weissrussland search // Euronews. URL: <https://de.euronews.com/search?query=weissrussland> — 20.02.22.
10. Белорусско-польская граница. Гибридная война // Google Trends. URL: https://trends.google.ru/trends/explore?date=2021-07-01%202022-01-01&geo=DE&q=%2Fm%2F010lr2w_,%2Fm%2F0ddbvyg — 20.02.2022.
11. Опрос «Немцы не желают принимать мигрантов с белорусской границы» // DW.com. URL: <https://www.dw.com/ru/nemcy-ne-zhelajut-prinimat-migrantov-s-beloruskoj-granicy/a-59954567> — 20.02.2022.
12. Cognitive Warfare // Innovation Hub. Nov 2020. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf — 20.02.2022.
13. *Сытник А. Н.* Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты. URL: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_sytnik.pdf — 20.02.2022.
14. *Ухванова-Шмыгова И. Ф.* Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск: Технопринт, 2002. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/40695/1/%D0%92%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%203.pdf> — 20.02.2022.

Чарчян Гензел Ованесович

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Магистратура

Роль Болгарии в системе европейской безопасности в контексте отношений Россия — НАТО

**Bulgaria's Role in the European Security System in the Context
of Russia — NATO Relations**

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить роль Болгарии в системе европейской безопасности. Для осуществления поставленной цели автором был рассмотрен внешнеполитический курс Болгарии после распада социалистического блока в Восточной Европе. Изучены пять направлений в строительстве европейской безопасности Болгарией и ее деятельность в обеспечении стабильности. Не менее важным было определение баланса Болгарии между центрами силы, а конкретно между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. Автор делает выводы о том, что роль Болгарии в обеспечении европейской безопасности состоит в обороне юго-восточных рубежей ЕС и сдерживании России.

Ключевые слова: Болгария, Россия, НАТО, Европейский союз, Черное море, США.

Abstract. This article attempts to define the role of Bulgaria in the European security system. To achieve this goal, the author considered the foreign policy course of Bulgaria after the collapse of the socialist bloc in Eastern Europe. Having studied five directions in the construction of European security by Bulgaria and its activities in ensuring stability. Equally important was the determination of Bulgaria's balance between the centers of power, and specifically between the Russian Federation and the United States of America. The author concludes that Bulgaria's role in ensuring European security is to defend the EU's southeastern borders and deter Russia.

Keywords: Bulgaria, Russia, NATO, European Union, Black Sea, USA.

Введение

Начало 2022 года ознаменовалось обострением взаимоотношений России и Запада. Если в 1962 г. это вошло в историю как «Карибский кризис», то нынешнее положение дел, возможно, назовут «Украинским кризисом». Как и 60 лет назад, Болгария может быть втянута в боевые действия двух центров силы. Однако если тогда она была союзницей СССР, то в наши дни является членом НАТО. Территория балканской страны вполне может стать ареной боев двух сильнейших армий мира. Следовательно, актуально будет рассмотреть роль Болгарии в противостоянии НАТО и России.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении роли Болгарии в строительстве системы европейской безопасности.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Провести анализ внешнеполитического курса Болгарии с 1955 г. по настоящее время, рассмотреть взаимоотношения с Российской Федерацией.
2. Рассмотреть пять направлений деятельности Болгарии в системе европейской безопасности: продвижение демократии; обеспечение национальной безопасности; обеспечение экономической безопасности; урегулирование замороженных конфликтов; экология, энергетика и транспортная безопасность.
3. Выявить проблемы национальной безопасности Болгарии.

История взаимоотношений Болгарии с евроатлантическими структурами и РФ

Стратегическое значение Болгарии определяется географическим расположением на стыке Европы и Азии. Государство является своего рода мостом между ними, в то же время располагаясь на юго-восточной периферии Европы. Испокон веков Болгария привлекала внимание региональных держав. В 1955 году она присоединилась к Организации Варшавского договора (ОВД), став южным форпостом блока на границе с такими странами НАТО,

как Турция и Греция. Распад ОВД создал вакуум в Восточной Европе, который начал заполнять НАТО. Болгария в спешном порядке устремилась к интеграции с евроатлантическими структурами. Это было обусловлено лозунгом «вернуться в Европу», озвученным последним чехословацким президентом В. Гавелом на Вацлавской площади Праги в ноябре 1989 года в ходе предвыборных дебатов. Этот призыв определил внешнеполитический курс многих государств Восточной Европы в конце 1980-х — начале 1990-х гг. [1, с. 69].

Переориентация Софии на тесное сотрудничество с евроатлантическими структурами определила ее приоритеты по вопросам национальной безопасности. 13 июля 1990 года болгарское министерство иностранных дел установило регулярное дипломатическое взаимодействие с НАТО [2]. София присоединилась к НАТО в 2004 году после полной реорганизации армии под стандарты НАТО, предоставив тем самым свои вооруженные силы и территорию Объединенному командованию Альянса [3]. В 2007 году Болгария вступила в ЕС и, таким образом, полностью стала частью системы европейской безопасности. Членство Софии и Бухареста в Евросоюзе расширило границы ЕС до Чёрного моря. Роль черноморского региона, равно как и Болгарии, значительно выросла. Важное значение получил вопрос обеспечения безопасности черноморского региона для НАТО в свете присоединения Крыма к Российской Федерации.

Москва традиционно была и остается одним из ведущих акторов в черноморском регионе по многим факторам. В XIX веке благодаря помощи Российской империи Болгария получила независимость от Османской империи. Казалось бы, «братушки-болгары» должны были быть надежными союзниками для российского государства. Однако и в Первой, и во Второй мировых войнах Болгария была противником России: это объяснялось германофильской позицией болгарского руководства. Таковым она остается и в наши дни, являясь членом НАТО и проводником интересов США.

София развивает сотрудничество с Вашингтоном по различным направлениям, начиная с предоставления военных объектов под базы для размещения 2,5-тысячного контингента США и заканчивая следованием в фарватере внешнеполитического курса

Вашингтона. При этом наибольший интерес для Пентагона представляет географическое положение Болгарии. В апреле 2006 года Болгария заключила с США Соглашение о сотрудничестве в области обороны сроком на десять лет (в 2016 г. оно было продлено еще на 10 лет), согласно которому были установлены порядок и условия использования обеими сторонами четырех болгарских военных объектов: авиабаз Безмер и Граф-Игнатьево, тренировочной базы Ново Село и логистического центра Айтос [4]. Американо-болгарское сотрудничество негативно влияет на национальную безопасность Болгарии: в случае войны между США и Россией болгарская территория может стать полем боя между противоборствующими сторонами.

Воссоединение Крыма с Российской Федерацией в 2014 году привело к расширению военных возможностей Москвы касательно черноморского региона. Крымский полуостров стал «непотопляемым авианосцем» для российского руководства. Благодаря расположению Крыма практически в центре Черного моря ПВО и ПРО России контролируют большую часть акватории. Кроме того, в полном распоряжении Москвы оказалась такая стратегически важная военно-морская база, как Севастополь, где базируется большая часть (80%) российского черноморского военно-морского флота [5]. После воссоединения Крыма Болгария выбрала осторожный курс лавирования между Москвой и Вашингтоном, проводя курс нейтралитета. Однако под давлением США Болгария была вынуждена остановить строительство «Южного потока», что привело к охлаждению российско-болгарских взаимоотношений [6].

Деятельность и роль Софии в строительстве системы европейской безопасности

В 2003 г. Совет Европы утвердил «Европейскую стратегию безопасности», в которой указаны следующие угрозы для Европейского союза: террористическая опасность, глобальное потепление, информационная безопасность, нерешенные конфликты и угроза применения оружия массового поражения. Однако в реальности население больше озабочено проблемами организованной преступности, безработицы и коррупции [7, р. 38–41].

Ключевым направлением для Болгарии стало продвижение демократии, развитие дипломатических отношений со странами Балканского и черноморского регионов и рациональное использование ресурсов государства. София активно участвует в деятельности ОБСЕ, приоритеты и деятельность Болгарии укладываются в общий курс организации.

Вторым направлением обозначаются вопросы национальной безопасности. София придерживается политики обеспечения полноценной защиты и контроля границ Европейского союза. Болгария концентрирует внимание на борьбе с международными терроризмом и преступностью, наркоторговлей, нелегальной миграцией и другими. На государственном уровне разработан пакет институциональных, законодательных, организационных и административных мер для противостояния угрозам морских и сухопутных границ Болгарии и ЕС [8]. Грамотная охрана болгарских границ имеет первостепенное значение для выполнения вышеуказанных целей, поскольку юго-восточная и восточная границы Болгарии являются и внешним барьером ЕС.

Третьим направлением является обеспечение экономической безопасности государства. Экономика Болгарии имеет много проблем, в числе которых малый объем инвестиций, высокий уровень коррупции, бедная сырьевая база и дефицит рабочей силы. Болгарское правительство пытается проводить реформы по снижению государственного долга, инфляции и обеспечению высоких темпов экономического роста [9].

Четвертое направление — урегулирование замороженных конфликтов. София проявляет интерес к поддержанию стабильности, добрососедских и интеграционных взаимоотношений. Нерешенные конфликты в Приднестровье и Донбассе напрямую связаны с национальной безопасностью Болгарии и многих европейских государств. Для Североатлантического блока данные конфликты могут довольно быстро сказаться на дестабилизации Европы. В Глобальной стратегии Евросоюза, принятой в 2016 г., замороженные конфликты в районе Черного моря обозначены как вызов «системе европейской безопасности» [10].

Пятым направлением является экология, энергетика и транспортная безопасность. В связи с тем, что Черное море является

стратегическим транзитным коридором, по которому идёт поставка энергоносителей, серьезным вопросом является обеспечение безопасности газо- и нефтепроводов. В то же время импорт энергоресурсов неизбежно приводит к взаимозависимости и политическим последствиям, так как зависимость вполне может использоваться в конкретных политических целях [5].

Европейские страны стремятся к повышению доли возобновляемых источников энергии в структуре потребления. Для Софии важно принимать участие в энергетических проектах, обозначенных в Оперативной программе трансграничного сотрудничества в бассейне Черного моря, а также стратегии развития национальной инфраструктуры. В этом контексте Болгария уделяет внимание осуществлению энергетических проектов с Российской Федерацией. Вследствие остановки строительства «Южного потока» альтернативой стал «Турецкий поток». В 2020 году Россия начала поставки энергоносителей в Сербию и Болгарию. В итоге новопостроенный газопровод фактически воспроизвел маршрут «Южного потока», приостановленного в 2014 году [11].

Тем не менее, нельзя сказать, что между Турцией и Болгарией присутствуют добрососедские отношения. При президентстве Р. Т. Эрдогана Анкара выстраивает агрессивную внешнюю политику, основанную на идеологии «неосманизма». Сама идеология представляет собой возврат к наследию Османской Порты, в том числе возвращение утраченных в XX веке территорий. Режим Эрдогана поддерживает террористические силы на Ближнем Востоке, в то же время шантажируя Европейский союз мигрантами в своих политических целях. Кризис на Украине и Ближнем Востоке, подогреваемые Турцией, оказывают негативное влияние на национальную безопасность не только Болгарии, но и остальных европейских государств [12, с. 42]. В Болгарии проживает около 10% турок (в основном в пограничной Кырджалийской области), которые могут действовать в интересах Анкары.

Проблемы национальной безопасности Болгарии

После распада социалистического блока в Восточной Европе в конце XX в. болгарское руководство активно стремилось к инте-

грации в евроатлантические структуры. Общественность и все политические силы Болгарии поддерживали прозападный курс правительства. Для Софии членство в НАТО представлялось гарантией национальной безопасности. При этом интеграция в Североатлантический блок носила сбалансированный характер. Это, в первую очередь, было связано с учетом интересов России, поскольку Болгария исторически имеет тесные связи с Российской Федерацией. Болгары настроены дружелюбно по отношению к России, которая спасла Болгарию от турецкого ига ценой жизни своих солдат.

Интеграции Болгарии в Североатлантический блок способствовали несколько факторов. Во-первых, в черноморском регионе существует ряд проблем, угрожающих системе европейской безопасности, в числе которых наркотрафик, нелегальная миграция и нерешенные конфликты. Во-вторых, регион является точкой пересечения интересов Турции, США, Украины и России. В-третьих, через государства черноморского региона проходят маршруты поставок энергоресурсов в европейские государства. Кроме этого, Болгария активно поддержала Североатлантический блок в бомбардировках Югославии в 1999 г., предоставив свое воздушное пространство. Таким образом, интеграция Болгарии в Североатлантический блок означала укрепление левого фланга организации.

Накануне присоединения к евроатлантическим структурам Болгария не соответствовала критериям ни Европейского союза, ни НАТО. Даже спустя 10 лет многочисленных реформ государство лишь формально отвечает стандартам институциональной эффективности организаций (в частности, у болгарской армии было обновлено информационное и коммуникационное обеспечение). Военно-технический потенциал Болгарии недостаточен не только для обеспечения национальной безопасности, но и для выполнения задач, которые ставятся руководством Североатлантического блока. Представители организации неоднократно отмечали низкую подготовку и оснащение болгарской армии, имеющей на вооружении устаревшую и несовместимую с системами обороны НАТО боевую технику советского производства. Для участия в миссиях под эгидой Альянса Болгария может выделить только одну боевую единицу — фрегат «Верни» [13, с. 54–57].

Боевая техника болгарской армии не модернизировалась в последние годы, в наши дни 80% вооружения — советского производства [14]. Если в парке бронетехники числится около 160 модифицированных танков Т-72, то в авиапарке сложилась критическая ситуация: в середине 2010-х гг. он состоял только из 24 единиц боевой авиации, доставшихся Болгарии от Советского Союза. В то же время, из всех самолетов в летной пригодности находятся лишь четыре. Союзники по блоку в 1990-х гг. предоставили 20 вертолетов, кроме этого, были предоставлены восемь транспортных самолетов [15].

После событий 2014 года на Украине Болгария столкнулась с рядом проблем: воздушное пространство нечем прикрывать, а скудных средств, выделенных из бюджета, не хватало для решения ситуации. София могла решить это лишь следующими способами: или провести реконструкцию боевой авиации, или обновить авиапарк новыми единицами, или предоставить охрану воздушного пространства соседним государствам — членам Североатлантического блока Греции и Турции [16]. Имелась и другая альтернатива — охрана воздушного пространства силами НАТО по примеру прибалтийских государств.

В качестве решения министр обороны Болгарии Н. Ненчев предлагал союзникам по Североатлантическому блоку передать стране военную технику безвозмездно [17]. На предложение Н. Ненчева ответили США, которые выразили готовность поставить истребители F-16 с условием, что Болгария проведет их модернизацию. Однако болгарское правительство отказалось от приобретения, сославшись на тяжелую экономическую ситуацию в стране. Против американской техники высказались и военнослужащие ВВС, которым потребовалось бы полное переобучение.

В наши дни болгарская армия недоукомплектована, она насчитывает около 30 тысяч человек. Ежегодно нехватка военнослужащих составляет более 5 тысяч человек. Молодых людей не привлекает служба из-за низкой зарплаты, нехватки обмундирования и некомпетентности должностных лиц [18].

Болгария взяла курс на активную интеграцию и совместимость своих ВС с Североатлантическим блоком. Был подготовлен план «Болгария в НАТО и европейская оборона — 2020». Министерство

обороны планировало повышение зарплат военнослужащим и ремонт инфраструктуры нескольких подразделений. Тем не менее, три фактора помешали осуществлению программы. Во-первых, для реализации плана выделялся малый бюджет, около 600 млн долларов ежегодно. Во-вторых, нестабильность в правительстве Болгарии, в котором часто меняются кабинеты министров. Это приводит к непоследовательности в осуществлении планов, намеченных предыдущим правительством. В-третьих, реализации программы мешает высокий уровень коррупции. Выделяемые на модернизацию денежные средства зачастую используются неэффективно. Согласно заявлениям официальных лиц евроатлантических структур, это и является основной проблемой для увеличения инвестиций западных стран в вооруженные силы Болгарии [13, с. 59–62].

Болгария компенсирует свою военную слабость за счет наращивания присутствия США. Благодаря поддержке Соединенных Штатов реализуется модернизация болгарской армии. Военная инфраструктура также обновляется для задействования в операциях на Ближнем Востоке под эгидой США. Являясь «пограничной» страной для НАТО и ЕС на юго-восточном фланге Европы, София позиционирует себя «защитником европейских ценностей» и сторонником налаживания контактов с государствами, которые не присоединились к евроатлантическим структурам.

Выводы

Болгария полностью синхронизировала свои концепции и стратегии с аналогичными документами НАТО и Европейского союза. В 2019 году София обозначила Российскую Федерацию в качестве «угрозы национальной безопасности» [19]. София стала одним из немногочисленных членов Североатлантического блока, которые потратили на вооруженные силы больше 2% ВВП. Государство полностью перешло на военно-политическое сотрудничество с Североатлантическим блоком и Европейским союзом, поскольку Болгария не способна обеспечить национальную безопасность самостоятельно, а средства, выделяемые из бюджета, недостаточны для модернизации армии. Болгария является

сторонником концепции «умной обороны», включающей в себя взаимодействие в военной сфере с соседними государствами — членами НАТО.

В социалистический период Болгария являлась форпостом влияния Советского Союза на Балканском полуострове. Тогда республика имела на вооружении передовые образцы советского производства — системы ПВО, авиацию и ракетные комплексы, с помощью которых Болгария могла угрожать безопасности Греции и Турции, что уже не характерно для современного этапа. НАТО не заинтересован в продаже Болгарии современного вооружения. Болгария не способна противостоять региональным игрокам, все ее сопротивление состоит в том, чтобы держать оборону до прибытия подкреплений союзников по Альянсу. Роль Болгарии состоит в том, чтобы предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для более сильных акторов.

Библиография

1. Язькова А. А. Юго-Восточная Европа: долгая дорога к евроинтеграции // Современная Европа. М., 2005. С. 69–82.
2. London Declaration on a transformed North Atlantic Alliance. 1990. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm — 01.02.2022.
3. Ratchev V. NATO and the South-Eastern European security perspectives: Implications for evolution of the national security institutions and decision-making process in Bulgaria. 2005. URL: <https://www.nato.int/acad/fellow/97-99/ratchev.pdf> — 01.02.2022.
4. Договор об использовании США болгарских военных баз продлен на десять лет. 2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3273831> — 02.02.2022.
5. Атанасов П. Черноморский регион: важнейший перекресток. 2018. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2018/05/25/chernomorskij-region-vayonejshij-perekrestok/index.html> — 02.02.2022.
6. США перекрыли «Южный поток». 2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2489447> — 02.02.2022.
7. Vasconcelos A. The European Security Strategy 2003–2008, Building on Common Interests. Paris, 2009. P. 38–67.
8. Стратегия национальной безопасности РБ. 2018. URL: https://www.mod.bg/bg/doc/cooperation/20181005_Akt_strateg_NS_RB.pdf — 03.02.2022.

9. Данные и статистика экономики Болгарии. URL: <https://knoema.ru/atlas/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F> — 03.02.2022.
10. Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности. 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_global_strategy_ru.pdf — 04.02.2022.
11. Болгария завершила строительство своего участка газопровода «Турецкий поток». 2020. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2482801> — 04.02.2022.
12. *Ишин А. В.* О геополитической ситуации в Черноморском регионе: Крымский взгляд // Проблемы постсоветского пространства. М., 2016. С. 38–46.
13. *Шумицкая Е. В.* Болгария и Румыния: 10 лет в ЕС. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 96 с.
14. Болгария объявила тендер на ремонт Су-25. 2018. URL: <https://topwar.ru/145910-bolgarija-obajavila-tender-na-remont-su-25.html> — 04.02.2022.
15. Ставка на МиГ: станет ли Болгария ближе к России в военно-технической сфере? 2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/360735-bolgariya-mig-29-rossiya-nato> — 04.02.2022.
16. Болгария может обратиться к Греции и Турции за военной помощью. 2015. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1892951.html> — 04.02.2022.
17. Ненчев: «Было бы чудесно, если бы Болгария получила какую-то военную технику бесплатно». 2015. URL: <http://www.novinite.ru/articles/15670> — 05.02.2022.
18. В Болгарии увеличат зарплаты военнослужащих. 2017. URL: <http://www.novinite.ru/articles/25945/> — 05.02.2022.
19. Болгария вернула Россию в список «угроз национальной безопасности». 2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2669057.html> — 06.02.2022.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И КРИЗИС В АФГАНИСТАНЕ»

Гарифзянов Рамиль Рафисович

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Магистратура*

Место стран Центральной Азии в российской политике в отношении Афганистана: вызовы безопасности для региона

The Place of Central Asian Countries in Russian Policy towards
Afghanistan: Security Challenges for the region

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме Афганистана и вызовам безопасности для центральноазиатского региона. Автор рассматривает основные аспекты, которые таит в себе афганский конфликт для стран Центральной Азии, а именно анализирует изменения фактора безопасности в регионе после прихода к власти талибов, исследует влияние сопутствующих проблем (терроризм, наркотики, беженцы). Кроме того, автор оценивает роль России во взаимодействии стран ЦА с Афганистаном.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, Россия, ОДКБ, «Талибан», ШОС, СНГ.

Abstract. This article is devoted to the problem of Afghanistan and security challenges for the Central Asian region. In the report, the author examines the main aspects of the Afghan problem for the countries of Central Asia. To do this, an analysis of the changes in the security factor in the region after the Taliban came to power, an analysis of the most important aspects of the Afghan problem (terrorism, drugs, refugees) is carried out. All this is viewed through the prism of the Russian factor in the interaction of the Central Asian countries with Afghanistan.

Keywords: Afghanistan, Central Asia, Russia, CSTO, “Taliban”, SCO, CIS.

Введение

Распад СССР стал переломным моментом как для бывших советских республик Центральной Азии (ЦА), так и для Афганистана. Наиболее сильные экономические последствия ощутили на себе именно страны ЦА, которые остались без финансовой помощи центрального советского правительства. Слабое экономическое развитие стран привело к неспособности обеспечить собственную безопасность, особенно принимая во внимание серьезную опасность от соседнего Афганистана.

По Афганистану распад СССР ударил в разы сильнее, нежели по его соседям. После 1989 г. СССР значительно уменьшил материальную помощь правительству М. Наджибуллы, а с распадом Советского Союза эта помощь вовсе прекратилась. В результате уже 28 апреля 1992 г. войска Северного альянса вошли в Кабул. Это положило начало военным конфликтам и столкновениям внутри страны, которые затянутся на десятилетия и создадут угрозу безопасности для региона.

Очередной приход к власти талибов меняет политический ландшафт региона и создает целый ряд проблем, связанных с миграционными потоками, гуманитарными проблемами и политической неопределенностью. Данная ситуация таит целый перечень угроз для соседей Афганистана.

Анализ любого сложного явления подразумевает типологизацию составляющих его компонентов. Общее понятие угроз можно разделить на три составляющие:

- 1) терроризм и исламский экстремизм;
- 2) производство и распространение наркотиков;
- 3) афганские беженцы.

Терроризм как проблема региональной безопасности

Терроризм — это одна из главных проблем, которую таит в себе Афганистан. Именно этот компонент угрозы безопасности стран ЦА порождает другие (поток беженцев, производство и распространение наркотиков). Одна из причин распространения терроризма, как раз, связана с многочисленными этническими

экстремистскими группировками выходцев с постсоветского пространства, которые сейчас базируются на севере Афганистана, близко к границам стран Центральной Азии [1, с. 208].

Безопасность центральноазиатских стран гарантируется РФ в рамках ОДКБ (Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан) или тесных двусторонних отношений (Узбекистан и Туркменистан).

Так уже на протяжении долгих лет Россия активно сотрудничает с центральноазиатскими государствами в вопросах региональной безопасности и противодействия международному терроризму в рамках международных организаций, таких как СНГ (АТЦ), ШОС (РАТС) и ОДКБ. Афганистан всегда был одним из главных объектов пристального внимания данных организаций. В результате еще в 2006 г. при СМВД ОДКБ начала действовать рабочая группа по Афганистану. Однако она не вела активной деятельности по данному вопросу. Параллельно существовала контактная группа ШОС — Афганистан, прекратившая свою работу в 2009 г. и возобновившая ее в 2017 г. Вышеупомянутые структуры начали проявлять активность начиная с 2017–2018 гг., в контексте роста угроз терроризма в ЦА [2].

С 2019 г. участились встречи глав МИД РФ и стран ЦА из-за ухудшения внутривнутриполитической обстановки в Афганистане [3]. Это способствовало усилению работы по совместному противодействию деятельности террористических организаций в регионе. В частности, речь идет о пресечении вербовки и проникновении боевиков из Афганистана [4].

После захвата власти в Афганистане талибами можно ожидать активизации национализма и сепаратизма в странах ЦА от существующих там меньшинств, а также активизацию исламских фанатиков и радикалов этих стран и мусульманских регионов РФ, симпатизирующих идеологии талибов. К тому же территория Афганистана может стать пристанищем для террористических организаций не талибского происхождения. Так, например, МИД РФ заявил о наличии в Афганистане боевиков «Аль-Кайды» в количестве 500 человек [5], а узбекистанские эксперты утверждают о наличии также 300 экстремистов из ИДУ [6].

Главной угрозой, существовавшей после прихода к власти талибов, являлось прямое вторжение террористических группиро-

вок и самих талибов на территорию соседних государств. В частности, на территорию Таджикистана, в котором проживает меньше таджиков, чем в Афганистане. Именно поэтому Таджикистан единственный из стран ЦА, кто выступил максимально радикально и воинственно по отношению к талибам.

Кроме того, Таджикистан обратился к России с просьбой оказания содействия в обеспечении безопасности афгано-таджикской границы. Москва, в свою очередь, пообещала оказать Душанбе полноценную военную поддержку [2]. В результате российские военные на постоянной основе занимаются переподготовкой кадров армии Таджикистана, с которой вскоре состоится масштабные маневры сил ОДКБ «Рубеж-2022», а в регионе — совместные учения «Поиск», «Эшелон», «Взаимодействие», «Нерушимое братство — 2022» [7].

Во время конфликта в Афганистане даже Узбекистан принял участие в виртуальном саммите Организации Договора о коллективной безопасности, из которого до этого он дважды выходил из-за разногласий с Москвой. Кроме того, российские вооруженные силы с 5 по 10 августа 2021 г. провели совместные учения со своими узбекскими и таджикскими коллегами вдоль афгано-узбекской границы на полигоне Харб-Майдон, который находится примерно в 20 км от афгано-таджикской границы [8].

Все эти события способствовали обсуждению механизмов совершенствования внешнеполитической координации, военного сотрудничества, совместного противодействия международному терроризму и другим вызовам и угрозам в рамках совместного заседания СМВД, СМО и КССБ ОДКБ [9].

В наши дни главным направлением политики РФ в отношении Афганистана является обеспечение защиты центральноазиатских стран от экспансии со стороны «Талибана». Это доказывает и тот факт, что Россия по достаточно льготным ценам поставляет различное вооружение Кыргызстану и Таджикистану, проводит переподготовку их военных подразделений и совместные учения в рамках ОДКБ [8]. По льготным ценам получает оружие и Узбекистан, не входящий в настоящий момент в ОДКБ, с которым у России действует программа стратегического партнерства в военной области до 2025 года. Все это соответствует целям РФ в центрально-азиатском регионе.

Однако в настоящее время ситуация в Афганистане стабилизируется. Прошло уже более полугода после прихода к власти талибов: они постепенно легитимизируются и начинают работать над обеспечением порядка в своей стране.

К тому же важным фактом является то, что талибы в основном сосредоточены на внутренней повестке, т.е. все их ресурсы направлены на решение внутренних вопросов Афганистана, стабилизацию обстановки в нем и легитимизацию своей власти. Другие же террористические группировки, находящиеся в Афганистане, не обладают в настоящий момент достаточным боевым потенциалом для совершения прямых нападений на государства ЦА [10], вдобавок к этому они сами зачастую являются жертвами талибов, которые ведут с ними настоящую войну за сферы влияния в стране.

Относительно недавно МИД РФ направил в посольство Афганистана в Москве ноту об официальном признании направленного талибами дипломата Джамала Насира Гарвала в качестве временного поверенного в делах Афганистана в России [11]. Это говорит о постепенном признании правительства «Талибана». Еще с первых дней прихода к власти в Афганистане талибов Россия начала активно выстраивать с новым правительством дипломатические отношения [12].

Тем не менее, России и ее союзникам нужно быть готовыми к любым действиям талибов и поддерживать друг друга в случае какой-либо агрессии со стороны последних. Для того чтобы обезопасить свои границы и продолжить оказывать влияние на постсоветские центральноазиатские республики, России следует взаимодействовать с ними через общие военные структуры и организации. Такой формат участия РФ в обеспечении безопасности в регионе будет способствовать наиболее эффективному лоббированию своих интересов в каждой из центральноазиатских республик.

Проблема производства и распространения наркотиков из Афганистана

После начала гражданской войны в 1978 г. Афганистан стал главным производителем наркотических веществ из-за отсутствия

у населения средств к существованию, а выращивание мака является самым прибыльным сельскохозяйственным занятием [13, с. 1105].

С начала XXI в. данная проблема приобрела особую актуальность. В период после 2002 г., во время присутствия в стране войск США и НАТО, ситуация в сфере производства и трафика наркотиков только ухудшалась. В наши дни Афганистан снабжает опиатами 80% всех потребителей в мире [14, с. 1114].

На рисунке 1 видно, как за последние 20 лет менялось количество произведенного опиумного мака в Афганистане. Эти изменения отражались на том, сколько наркотических препаратов проникло через границу РФ и ее союзников.

Рисунок 1.

Важная роль в контроле за наркотиками отводится Организации экономического сотрудничества (ОЭС) и ее координационному подразделению, в компетенцию которого входит контроль за оборотом наркотиков. Также большая работа в данном направлении ведется в рамках ОДКБ, координирующей деятельность органов стран-членов с целью предотвращения распространения и транспортировки наркотических средств. Фундаментальным документом ОДКБ по борьбе с наркотрафиком является «Антинаркотическая стратегия государств — членов

ОДКБ на 2015–2020 гг.», принятая в 2014 году. В рамках операции «Канал» в указанный период была пресечена доставка более 50 тонн наркотических веществ [4]. Также для уменьшения проникновения наркотиков в Россию правительство РФ приняло решение о выделении Таджикистану более 3,5 млн долл. на борьбу с наркоугрозой в 2019–2021 гг. [15]. Что, в свою очередь, является составной частью политики России в ЦА по сохранению своего имиджа как «старшего брата», который всегда поможет, если с ним не выходить на конфликт.

Однако, по мнению А. А. Князева, бороться с наркотиками в рамках ОДКБ бесполезно, т.к. наркотики в РФ (а через нее в Европу) могут беспрепятственно попасть в обход членов ОДКБ. По его мнению, бороться нужно с теми, кто занимается транспортировкой и логистикой наркотиков в странах ЦА и России, или же надеяться на то, что приход к власти талибов изменит данную ситуацию.

Многие аналитики прогнозировали, что в случае прихода к власти талибов последние начнут решать проблему наркооборота, как только ситуация в стране начнет стабилизироваться. Сами талибы в разгар военных действий заявляли, что не дадут превратить свою страну в мировой центр по производству наркотиков [16]. Стоит напомнить, что единственный успешный запрет на производство опиума в Афганистане, введенный в период 2000–2001 гг., до вторжения США, был организован именно талибами.

И действительно, с приходом к власти талибов ситуация с наркооборотом в Афганистане начала меняться. Свои первые серьезные заявления по решению данной проблемы, как и предполагалось, талибы начали делать после стабилизации ситуации в стране и легитимизации своей власти [17]. Они призывали мировое сообщество помочь в борьбе с этой проблемой, т.к., по их мнению, виновниками данной проблемы являются американцы и поддерживаемое ими бывшее афганское правительство, которое, как уже было сказано ранее, только усугубляло данную проблему и не вело никакой статистики по наркозависимости в стране.

От слов к делу талибы перешли лишь к концу 2021 г. — началу 2022 г. Они приняли решение о ведении статистики в стране и при-

ступили к массовому лечению наркозависимых [18]. По данным талибов, около 10% населения Афганистана являются наркозависимыми [19]. Поскольку наркомания противоречит нормам шариата, талибы должны вести с ней непримиримую борьбу.

В результате 3 апреля 2022 г. лидер «Талибана» подписал приказ, в котором говорилось, что «все афганцы отныне проинформированы о строжайшем запрете на выращивание мака» [20]. Сообщается, что нарушивших приказ лидера Афганистана будут судить по законам шариата, а обнаруженный урожай в полном объеме будет незамедлительно уничтожен. Отныне в Афганистане запрещено использование, транспортировка, торговля, экспорт и импорт всех видов наркотиков, а также таблеток и алкоголя, в которых содержатся наркотические вещества. С этого момента все предприятия по производству наркотиков на территории Афганистана попадают под запрет. Таким образом, талибы показали серьезность своих намерений и подкрепили свои многочисленные заявления делом.

Вышеизложенные данные говорят о том, что предыдущее правительство Афганистана не стремилось бороться с выращиванием мака. Оно вместе со специалистами и военными из США не смогло решить или вовсе не хотело решать данный вопрос, который тесным образом связан со слабой экономикой страны и децентрализацией власти. В свою очередь, пришедшие к власти талибы, как и прогнозировалось, наконец-то смогли положить начало борьбе с наркотиками.

Однако соседям Афганистана и России не стоит терять бдительность, а наоборот, совместными усилиями постараться перекрыть новообразованные или старые каналы по распространению наркотиков, разобраться с логистами и транспортировщиками внутри самих стран ЦА и РФ и тем самым повысить защищенность своих границ, т.к. заявление главы Афганистана не может решить давнюю проблему сиюминутно, да и в целом может быть лишь популистским решением или вовсе ширмой для монополизации контроля за оборотом наркотиков талибами. О результатах данной политики мы сможем узнать лишь спустя время, в частности, из годовых отчетов некоторых отечественных и зарубежных ведомств по контролю за оборотом наркотиков.

Проблема афганских беженцев

Нестабильность в центральноазиатском регионе, слабая экономика и обилие террористических ячеек порождают миграцию населения. Население центральноазиатских республик, которое в большинстве своем знает русский язык, мигрирует в основном в Россию, где экономика развита лучше. Особое место в данном вопросе занимает Афганистан, население которого практически не знает русского языка и мигрирует в соседние страны, в частности, в бывшие советские республики. Однако туда под видом беженцев могут проникнуть террористы и прочие радикальные элементы с дальнейшим продвижением к границам России.

В связи с этим с 2008 г. в рамках ОДКБ проводятся мероприятия под кодовым названием «Нелегал» для пресечения незаконной миграции, а с 2018 г. проект действует на постоянной основе. В результате за последние годы межведомственного взаимодействия государств ОДКБ было пресечено более 73 000 нарушений и возбуждено более 1500 уголовных дел [4]. В большинстве своем нарушителями были выходцы из постсоветских республик. Доля афганцев среди них крайне мала. Однако Афганистан здесь занимает особое место. В отличие от постсоветских республик ЦА, Афганистан является центром дестабилизации региона, из которого поток беженцев не уменьшается уже десятки лет. В связи с этим афганские беженцы имеют особый статус.

Согласно данным УВКБ ООН, на конец 2020 года в мире насчитывалось 2,6 млн беженцев из Афганистана, что составляет примерно 10% от общего числа беженцев в мире [21]. Это достаточно высокий показатель, говорящий о давнем системном кризисе внутри страны.

Россию все эти годы проблема афганских беженцев обходила стороной. Весь удар брали на себя постсоветские республики, являющиеся т.н. буферной зоной между Россией и Афганистаном. По данным ФМС и МВД России, число граждан Афганистана, пребывающих на территории России в период 2012–2018 гг., равняется примерно 8–10 тыс. человек. На конец 2019 г. это число приблизилось к 11 тыс. человек, но к концу 2020 г. вновь вернулось к предыдущему значению. Многие из этих людей — беженцы.

Однако за последние пять лет российская миграционная служба отказывала в признании беженцами выходцев из Афганистана в 97,5% случаев. До захвата власти в Афганистане талибами в России находилось 686 граждан Афганистана, которых власти РФ посчитали нуждающимися в убежище; только 252 из них имели статус беженца, у остальных 434 человек имелось свидетельство о временном убежище. Российское гражданство за первое полугодие 2021 г. получили 653 выходца из Афганистана. Это больше, чем за первое полугодие 2020 г. (425 человека) и за весь 2019 г. (501 человек).

Резкое обострение данной проблемы произошло в результате захвата власти в Афганистане талибами. Поток беженцев, хлынувших в бывшие советские центральноазиатские республики, был достаточно велик. Центральноазиатские партнеры России, как и раньше, приняли удар на себя, однако последствия данного удара могут позже коснуться самой России. Действительно, есть риск, что под видом беженцев в центральноазиатские республики и РФ попадут члены множества террористических организаций. К тому же победа талибов в Афганистане таит в себе угрозу так называемой «талибанизации» Таджикистана в частности и государств ЦА в целом, в которых существуют группы, поддерживающие идеологию талибов.

Со стабилизацией обстановки внутри Афганистана и постепенной легитимизацией правительства талибов поток беженцев из Афганистана значительно снизился. Большинство недовольных и несогласных с новым режимом мигрировали из страны еще в первые месяцы. В настоящее время страны ЦА не испытывают затруднений в данном вопросе. России повезло больше, лишь малый процент беженцев смог достичь границ РФ.

Таким образом, несмотря на положительные изменения в данном аспекте, странам ЦА необходимо быть всегда готовыми к обострению данной проблемы. Поиск решения которой возможен лишь в тесном сотрудничестве с Россией, которая имеет возможность помогать им по линии общих ведомств и структур. Такая политика России укрепит ее влияние на бывшие советские республики ЦА и позволит «профильтировать» афганских беженцев, тем самым обезопасив свои границы.

Выводы

Территория Афганистана всегда была ареной для геополитических игр сначала Российской империи и Великобритании, а затем СССР, позже Российской Федерации, и Запада. После ухода из Афганистана войск США Россия хочет укрепить свое ранее ослабленное в центральноазиатском регионе влияние. Оказывая военную и материальную помощь странам ЦА, РФ старается укрепить свой статус «старшего брата» для центральноазиатских республик.

Геополитическая борьба, развернувшаяся в постсоветской Центральной Азии и Афганистане, определяется в большинстве своем динамикой глобального развития, которое характеризуется угасанием однополярного мира и уверенным созданием полицентричного миропорядка. Это побуждает искать новые подходы к решению проблем безопасности Центральной Азии в контексте Афганистана. Данная ситуация говорит о необходимости перевода основной ответственности за поддержание стабильности в ЦА от нерегиональных сил (США/НАТО) к региональным (Россия, Китай), действующим в рамках своих экономических и военно-политических структур (ОДКБ, ШОС) [22, с. 269].

Однако, несмотря на стабилизацию обстановки в регионе, России и ее союзникам необходимо быть готовыми к любым проблемам, исходящим от Афганистана, и поддерживать друг друга в случае какой-либо агрессии со стороны последнего. Для этого РФ и странам ЦА необходимо тесным образом взаимодействовать через общие военные структуры и организации.

Библиография

1. *Бекишиев А. А.* Афганский кризис и его влияние на национальную безопасность Центрально-Азиатского региона // Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2021. С. 205–209.
2. Встреча посла России с оперативной группой ОДКБ // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1767421/> — 23.03.2022.
3. О встрече министров иностранных дел России и государств Центральной Азии // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/tm/1444360/> — 24.03.2022.

4. Деятельность ОДКБ // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/vnesnepoliticaleskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/deatelnost-odkb/ — 23.03.2022.
5. Кабулов назвал домыслами слухи о сотрудничестве «Аль-Каиды» и «Талибана». URL: <https://tass.ru/politika/12047727> — 22.03.2022.
6. Эксперт: «Самая большая угроза в Узбекистане — рост радикализации молодежи». URL: <https://crss.uz/2021/06/12/ekspert-camaya-bolshaya-ugroza-v-uzbekistane-rost-radikalizacii-molodezhi/> — 25.03.2022.
7. Как российские военные защищают Центральную Азию в горах Таджикистана. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20220217/kak-rossiyskie-voennye-zaschischayut-tsentralnuyu-aziyu-v-gorax-tadjikistana-22808255.html> — 23.03.2022.
8. *Казаницев А.* Кризис в Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/> — 25.03.2022.
9. Об итогах совместного заседания СМИД, СМО и КССБ ОДКБ // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/tj/1777743/> — 24.03.2022.
10. *Караев Т.* Афганистан после вывода войск НАТО: угрозы безопасности Центральной Азии // Journal of science, 2021. No. 20. P. 43–45.
11. МИД признал дипломата от талибов временным поверенным в делах Афганистана. URL: <https://ria.ru/20220406/diplomat-1782167324.html> — 08.04.2022.
12. Кабулов заявил, что Россия будет налаживать контакты с талибами. URL: <https://tass.ru/politika/12251183> — 21.03.2022.
13. *Аманбекова Ш.* Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 3. С. 1103–1110.
14. *Есентаева А.* Фактор Афганистана во внешнеполитическом курсе Центральноазиатских государств // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 3. С. 1111–1118.
15. Россия и Центральная Азия // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/vnesnepoliticaleskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/ — 21.03.2022.
16. Талибы заявили, что не дадут превратить Афганистан в центр по производству наркотиков. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12154901> — 24.03.2022.
17. Талибы рассчитывают на помощь мирового сообщества в борьбе с наркоманией. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12983217> — 25.03.2022.
18. СМИ: талибы превратили тюрьму в Кандагаре в центр лечения наркозависимых. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13329543> — 11.04.2022.

19. Талибы заявили, что почти 10% населения Афганистана являются наркозависимыми. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13344359> — 24.03.2022.
20. Талибы запретили выращивание мака на всей территории Афганистана. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14265769?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com — 08.04.2022.
21. Global trends. Forced displacement in 2020 // The UN Refugee Agency. URL: <https://www.unhcr.org/statistics/unhcrstats/60b638e37/global-trends-forced-displacement-2020.html> — 26.03.2022.
22. *Мальшева Д. Б.* Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. С. 259–272.

*Зотова Анастасия Сергеевна
Сибирский федеральный университет
Юридический институт
Бакалавриат*

Дипломатические средства урегулирования внутриполитического конфликта в Афганистане

Diplomatic Means to Settle the Internal Political Conflict in Afghanistan

Аннотация. В статье предпринята попытка определить наиболее эффективный формат переговоров по внутриафганской проблематике. Для осуществления поставленной цели автором были изучены шесть возможных форматов и выявлены их преимущества и недостатки. В заключение автор делает вывод о том, какой переговорный формат является наиболее подходящим для разрешения внутриполитического конфликта в Афганистане.

Ключевые слова: внутриафганский конфликт, международное признание, «Талибан», региональная безопасность, мирный процесс.

Abstract. The article attempts to determine the most effective format for negotiations on intra-Afghan issues. To achieve this goal, the author studied six possible formats and identified their advantages and disadvantages. In conclusion, the author shows which negotiation format is the most appropriate for resolving the internal political conflict in Afghanistan.

Keywords: intra-Afghan conflict, international recognition, “Taliban”, regional security, peace process.

Уже более тридцати лет Афганистан является одной из горячих точек, где с начала 90-х гг. XX века шла гражданская война между различными политическими силами, а с 2001 года — борьба правительства с оппозиционным ему радикальным движением «Талибан».

Весной 2021 года президент США Дж. Байден объявил о начале вывода войск из Афганистана. На фоне вывода американских войск началось активное продвижение радикального движения «Талибан» на север страны. Однако правительственные войска не оказывали должного сопротивления, и к середине августа

2021 года талибы подошли к Кабулу, а 17 августа без боя взяли под контроль столицу Афганистана.

Бывшее правительство Афганистана вместе с действующим на тот момент президентом А. Гани покинуло страну, поэтому переход власти произошел бескровно. В первые дни правления новое афганское правительство выдвинуло ряд принципов своей внутренней и внешней политики: создание коалиционного правительства, обеспечение прав человека, борьба с терроризмом и наркотрафиком.

Кроме того, новое афганское правительство в лице талибов столкнулось с разного рода проблемами, которые до сих пор негативно сказываются на внешней и внутренней политике Афганистана.

Внутри страны, в частности, в столице Афганистана, с приходом талибов начался хаос, чем и воспользовалась террористическая группировка «ИГ». При входе талибов в Кабул Ахмад Масуд возглавил Фронт Национального Сопrotивления и объявил войну «Талибану». И без того тяжелое положение Афганистана на фоне данных событий только ухудшилось. Начал усугубляться экономический кризис, квалифицированные кадры стали покидать страну, в стране разразился гуманитарный кризис.

Большую роль в положении сегодняшнего Афганистана играет и международный фактор. Переход власти произошел не конституционным путем, и в этой связи правительство талибов ни мировое сообщество, ни сами афганцы не считают легитимным. Ситуацию ухудшило решение США заморозить большую часть резервов Центробанка Афганистана (по имеющимся данным, афганские активы составляли 7 млрд долл.) и предоставить большую их часть родственникам жертв теракта 9/11 в 2001 году.

Помимо манипуляций с афганскими активами, давление на новое де-факто правительство Афганистана оказывается посредством выдвижения таких требований, как формирование инклюзивного правительства с включением в государственный аппарат представителей этнических меньшинств Афганистана, соблюдение прав человека, особенно прав девочек и женщин.

Власть в Афганистане уже полгода принадлежит «Талибану», а выполнение обещаний, выдвинутых в августе, с трудом можно

заметить на практике: инклюзивное правительство не сформировано, сложная социально-экономическая ситуация приводит к росту наркотической и террористической угрозы. О росте террористической активности заявил посол РФ в Душанбе И. Лякин-Фролов, указав на то, что на севере Афганистана сосредоточено около 6 тыс. террористов разных группировок [1]. А производство опиумного мака в Афганистане увеличилось, даже несмотря на закон о запрете его выращивания.

Таким образом, внутривнутриполитические изменения в Афганистане спровоцировали рост традиционных вызовов для региональных стран, которым предстоит противодействовать угрозам и искать пути разрешения длительного конфликта в Афганистане.

Спустя более 40 лет непрерывного внутривнутриполитического кризиса в Афганистане стало ясно, что военное вмешательство и навязанные извне ценности не приведут к желательному результату. В связи с этим актуальным является дипломатический и политический подход к решению афганской проблемы.

Цель настоящего исследования заключается в определении такого международного переговорного формата по Афганистану, в рамках которого непосредственные стороны конфликта с поддержкой других стран смогли бы разрешить существующие противоречия.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать международные форматы по афганской проблеме.
2. Выявить достоинства и недостатки проведенных форматов по Афганистану.
3. Определить критерии самого эффективного формата переговоров.

За всю историю процесса мирного урегулирования ситуации в Афганистане было предложено несколько форматов по урегулированию ситуации, которые в своей работе имеют как общие, так и отличительные черты. Среди таких форматов можно выделить «четырёхстороннюю координационную группу», в которую входят Афганистан, Пакистан, Китай и США, запущенный по ини-

циативе кабульского правительства в 2017 году «Кабульский процесс», с 2018 года — «Ташкентский процесс», организованный Узбекистаном, «Тройка плюс», участниками которой являются Россия, США, Китай и Пакистан, «Московский формат», инициатором которого стала Россия, а также «Норвежский формат», созданный западными странами.

Созданная в 2016 году «четырёхсторонняя координационная группа», заседания которой проходили на уровне высокопоставленных дипломатов стран — участников переговоров. На заседании Афганистан представлял заместитель министра иностранных дел Хекмат Карзай, Пакистан — министр иностранных дел Айзат Чаудри, Китай — специальный посланник по афганским делам Дэн Сицзюнь, а США — специальный представитель США по Афганистану и Пакистану Ричард Олсон [2]. «Четырёхсторонняя координационная группа» в своей работе поставила цель выработки «Дорожной карты» по завершению многолетнего конфликта с движением «Талибан» [3]. План подразумевает определенные стадии и действия, которые будут предприняты для политического урегулирования конфликта и прекращения насилия в Афганистане. Изначально деятельности «четырёхсторонней координационной группы» давались позитивные оценки, в том числе Москвой. Однако после убийства главы талибов муллы Ахтара Мансура такой формат показал свою неэффективность.

Эффективность «четырёхсторонней координационной группы» была подорвана непримиримостью позиций талибов, их отсутствием во время составления «Дорожной карты», личными целями сторон, например, Исламабад не устраивала второстепенная роль талибов в урегулировании конфликта, а также большой сконцентрированностью участников исключительно на самих талибах [4].

Далее действующим на тот момент правительством А. Гани и при поддержке Запада и США был организован «Кабульский процесс». В переговорном процессе принимали участие специальные представители 25 стран, а также трех международных организаций: ООН, НАТО и ЕС [5]. Бывший президент Афганистана А. Гани официально предложил оппозиционной группировке «Талибан» сесть за стол переговоров. На повестку дня должен

был бы вынесен вопрос национального примирения и борьбы с терроризмом. Кроме того, А. Гани выдвинул ряд дополнительных предложений: принятие поправок к Конституции, открытие офиса «Талибана» в Кабуле, выдача паспортов его членам, признание талибов в качестве законной политической партии, освобождение заключенных и помощь в снятии международных санкций, наложенных на движение [6].

Однако несмотря на значительные шаги А. Гани навстречу «Талибану» в рамках «Кабульского процесса», продвижений в мирном процессе добиться не удалось, поскольку талибы не признавали легитимности режима А. Гани и отказывались от прямых переговоров с ним, а предложения А. Гани талибы рассматривали как условия капитуляции движения. К тому же на тот момент США не были готовы обсуждать вопрос о выводе американских войск из Афганистана. При этом главными условиями радикальной группировки «Талибан» были: вывод оккупационных войск с территории Афганистана, исключение членов движения из списка террористов, а также обмен пленными.

Следующим идет «Ташкентский процесс», наиболее представительный формат из всех. Переговорный процесс был инициирован президентом Узбекистана, также в нем приняли участие президент Афганистана, премьер-министр Пакистана, министры иностранных дел и представители профильных ведомств стран Центральной и Южной Азии и других государств, в том числе России и Китая. Основной целью международного форума являлось укрепление связей, доверия и добрососедства между странами Центральной и Южной Азии [7]. По итогам конференции в 2018 году была принята Декларация Ташкентской конференции «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» [8]. Стороны призывали правительство Афганистана к прямым переговорам с талибами без выдвижения условий, включить «Талибан» в политическую систему Афганистана, разорвать связи с террористическими группировками, также стороны условились о сотрудничестве для противодействия терроризму.

Несмотря на широкий круг участников, сложность переговоров в рамках «Ташкентского процесса» была вызвана расхождением позиций сторон по ряду общих вопросов или взаимными упреками

участников по вопросам, совершенно не касающимся Афганистана. Например, взаимные обвинения Саудовской Аравии и Ирана из-за проведения прокси-войн на Ближнем Востоке, а также взаимные упреки России и США [9]. Кроме того, представители «Талибана» не были приглашены для участия в процессе, и получилось так, что требования талибов вновь не были учтены.

«Тройка плюс», или «Расширенная тройка», является одним из эффективных форматов по урегулированию афганского конфликта, что признавалось самими США. Участниками данного процесса являются специальные представители по Афганистану России, США, Пакистана и Китая, а в 2021 году в нем приняла участие делегация талибов. В ноябре 2021 года на очередном заседании ее участники призвали новое правительство Афганистана соблюдать международно-правовые обязательства, права женщин и девочек, вести борьбу с террористическими группами на территории Афганистана и т.д. [10]. В рамках встречи обсуждались и практические вопросы, например, открытие аэропортов для облегчения доставки гуманитарной помощи.

Однако из-за ограниченного числа участников данного мирного процесса в полной мере позиции и интересы стран, чья национальная безопасность прямо зависит от стабилизации конфликта в Афганистане, не представлены, а из-за уровня переговоров формат «Расширенная тройка» остается лишь совещательной площадкой.

В 2017 году Россия представила «Московский формат» проведения консультаций по Афганистану. Данный формат основывался на шестисторонних переговорах, участниками которых были Россия, Афганистан, Китай, Пакистан, Иран, Индия, а позже страны Центральной Азии.

Важным моментом в работе данной переговорной площадки являлся состоявшийся в 2019 году межафганский диалог с участием представителей кабульского правительства, движения «Талибан» и этнополитических партий [11, с. 28]. Тем не менее, в рамках формата внутриафганский конфликт не был разрешен.

Несмотря на такое количество площадок для обсуждения афганской проблемы, какие-либо значимые продвижения в мирном процессе достигнуты не были. Более того, складывалось впечатление, что государства начали бороться за афганские фор-

маты, поскольку зачастую процесс установления афганского мира пересекался с личными целями каждого государства, например, укрепление своего политического и дипломатического имиджа, что только отдаляло урегулирование афганского конфликта.

Также стоит отметить, что общим недостатком и, соответственно, причиной неэффективности данных форматов являлось отсутствие прямых переговоров между основными афганскими сторонами. Основные требования сторон не учитывались, большое значение играл международный фактор. Этим и обосновывается трудность разрешения конфликта.

В октябре 2021 года, после смены режима в Кабуле, «Московский формат» был возобновлен. В Москве собрались делегации Китая, Пакистана, Ирана, Индии, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана и талибов. Это было первое участие нового де-факто правительства Афганистана в международной встрече.

По итогам заседания стороны приняли совместное заявление, в котором говорилось о дальнейшем взаимодействии с Афганистаном с учетом новой политической реальности, участники призвали к формированию инклюзивного правительства, проведению благоразумной внутренней и внешней политики, борьбе с терроризмом и экстремизмом [12]. Впрочем, данная встреча носила больше исследовательский характер, поскольку было важно в первую очередь ознакомиться с намерениями новой власти в Афганистане.

Не оправдал себя и «Норвежский формат» с участием западных стран, который прошел в начале 2022 года. Целями этой переговорной площадки являлись недопущение гуманитарного кризиса в Афганистане, обращение внимания нового афганского правительства в лице талибов на права человека, прежде всего, допуск девочек к образованию [13]. По итогам встречи удалось добиться частичной отмены санкций, а также понимания по ряду вопросов, обсуждаемых на переговорах. В совместном заявлении страны ЕС и США призвали прекратить нарушение прав человека и вести борьбу против терроризма и наркопреступности.

Однако, по мнению эксперта О. Нессара, встреча в Осло скорее имела контрпродуктивный характер, поскольку на серьезные уступки в конкретных областях талибы идти не собираются [14].

Неэффективность вышеперечисленных форматов по Афганистану подтверждает и тот факт, что в конце марта 2022 г. в китайском городе Туньси министры иностранных дел России, Китая, Пакистана, Ирана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана провели встречу по Афганистану и анонсировали создание механизма регулярных встреч спецпредставителей по афганской проблематике [15].

По результатам встречи стороны призвали талибов продолжать борьбу с террористическими угрозами и работу над установлением национального примирения, и вести политику на основе принципов сдержанности и умеренности. Кроме того, участники условились создать, помимо механизма регулярных встреч на уровне спецпредставителей, три рабочие группы: по политике и дипломатии, экономике и гуманитарным вопросам, по безопасности и стабильности.

Об эффективности будущего механизма говорить пока рано. Однако создание узкопрофильных групп может говорить о стремлении участников переговоров начать активную совместную работу по Афганистану посредством решения практических задач, которые смогут преодолеть социально-экономический, политический кризис и обеспечить безопасность Афганистану.

Выводы

Действующая на сегодняшний день власть в Афганистане вряд ли изменится в обозримом будущем. И мировое сообщество будет вынуждено принимать новую реальность, выстраивая диалог с афганской властью в лице талибов, поскольку они является неотъемлемой частью мирного процесса в Афганистане.

Условия сторон озвучены давно: инклюзивное правительство с представительством разных этнических меньшинств, чей вклад в государственное строительство в Афганистане сможет создать общенациональную гражданскую идентичность страны и прекратить этнические распри, соблюдение прав человека, закрепленных в международном праве, и борьба с международными угрозами.

Мировое сообщество пойдет на международное признание легитимности правительства талибов, если сами талибы предпримут

шаги навстречу мировому сообществу. В свою очередь, государства должны создать условия для конструктивного диалога между «Талибаном» и представителями других этнических меньшинств Афганистана, содействовать интеграции талибов в международное сообщество, учитывая их позиции как равные, воздержаться от реализации исключительно своих собственных интересов.

Оптимальным международным форматом по Афганистану будет формат, объединяющий региональные державы, граничащие с Афганистаном, а также Россию и Китай, которые имеют схожие позиции по афганской проблеме. Внешние игроки не должны прибегать к переговорам с позиции силы, шантажируя правительство талибов замороженными активами, как это делают западные страны, а искать пути соприкосновения с новой властью в Афганистане.

Таким форматом вполне может стать «Московский формат», поскольку он представляет собой площадку на макрорегиональном, макроевразийском уровне. Действующие страны — участники данного формата переговоров предпочли не вести двойную игру в афганской проблематике и не оказывать какую-либо поддержку оппозиционным «Талибану» силам в лице Фронта Национального Сопротивления. Внешние стороны стараются дистанцироваться от различных сторон во внутриафганской политической борьбе.

Стороны данного переговорного процесса поддерживают скорее «Талибан», за исключением Таджикистана. Уже сегодня, спустя более полгода, как к власти в Афганистане вновь пришла группировка «Талибан», участники «Московского формата» устанавливают торгово-экономические, дипломатические контакты с новым правительством, отмечают некоторые позитивные тенденции в Афганистане при новой власти.

Библиография

1. Посол РФ заявил, что угроза для Таджикистана со стороны боевиков в Афганистане сохраняется. URL: https://tass.ru/politika/13560753?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru — 29.01.2022.
2. China Joins Afghanistan, Pakistan, and US for Talks on Afghan Peace Process. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.

- ru.a16715e1-625e8d50-5ace048e-74722d776562/https/thediplomat.com/2016/01/china-joins-afghanistan-pakistan-and-us-for-talks-on-afghan-peace-process/ — 12.01.2018.
3. Четырехсторонняя координационная группа наметила «дорожную карту» для Афганистана. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/02/07/chetyryohstoronnyaya-koordinacionnaya-gruppa-nametila-dorozhnyu-kartu-dlya-afganistana> — 07.02.2018.
 4. The Afghan Peace Talks, QCG and China-Pakistan Role. URL: <https://thediplomat.com/2016/07/the-afghan-peace-talks-qcg-and-china-pakistan-role/> — 08.07.2018.
 5. Govt Issues Declaration after Kabul Process Meeting. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/govt-issues-declaration-after-kabul-process-meeting> — 28.02.2018.
 6. *Нессар О.* Афганский мирный процесс: предварительные результаты и оценки // *Международная жизнь*. 2019. № 5.
 7. Международная конференция в Ташкенте: афганский вопрос и американское «уйти, чтобы остаться». URL: <https://vroanalytics.com/2021/07/21/mezhdunarodnaya-konferentsiya-v-tashkente-afganskij-vopros-i-amerikanskoe-ujti-chtoby-ostatsya/> — 21.07.2021.
 8. Декларация Ташкентской конференции по Афганистану: «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие». URL: <https://gk-usbekistan.de/ru/2018/04/27/> — 28.03.2018.
 9. *Tolipov F.* The Tashkent Conference on Afghanistan: Too Much Diplomacy, Too Little Solution. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13521-the-tashkent-conference-on-afghanistan-too-much-diplomacy-too-little-solution.html> — 29.05.2018.
 10. Итоги заседания расширенной «тройки» по Афганистану. URL: <https://ia-centr.ru/publications/itogi-zasedaniya-rasshirennoy-troyki-po-afganistanu/> — 21.11.2021.
 11. *Степанова Е. А.* Мирный процесс по Афганистану и роль России // *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 2(57). С. 21–33.
 12. Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану. URL: <https://www.rus.rusemb.org.uk/fnapr/5993> — 20.10.2021.
 13. Joint statement after meeting in Oslo. URL: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/hosted_meeting/id2898408/ — 25.01.2022.
 14. Талибы заходят в Европу с севера. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5180792> — 23.01.2022.
 15. Страны — соседи Афганистана запустят механизм встреч спецпредставителей. URL: <https://ria.ru/20220331/afganistan-1781037809.html> — 31.03.2022.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК»

Barabanova Elizaveta

*Saint Petersburg State University
School of International Relations
Bachelor's degree*

Россия в архитектуре мирного процесса в израильско-палестинском конфликте: возможные сценарии участия

Russia in the Peace Architecture of the Israeli-Palestinian
Conflict: Possible Scenarios of Participation

Аннотация. В статье предпринята попытка определить потенциальные сценарии более активного вовлечения России в урегулирование израильско-палестинского конфликта. Для достижения цели автором были проанализированы идентичности и роли, отражающие самовосприятие России в качестве посредника в конфликте между Израилем и Палестиной. Основные характеристики обозначенных идентичностей и ролей были сопоставлены с конкретными направлениями деятельности в рамках трансформации конфликта, сформулированные при помощи матрицы приоритетов в рамках мирного процесса. На основании проведенного анализа автор делает вывод о том, каковы возможные сценарии участия России в разрешении израильско-палестинского конфликта и какими треками дипломатии может быть представлена Россия в архитектуре мирного процесса.

Ключевые слова: израильско-палестинский конфликт, Россия, урегулирование конфликта, идентичность «Запад как “Другой”», идентичность «Хорошие отношения со всеми акторами», роль посредника-балансера, антигегемонистская роль.

Abstract. The article attempts to identify the potential scenarios for Russia's more active involvement in the settlement of the Israeli-Palestinian conflict. To achieve this goal, the author has analyzed identities and roles reflecting Russia's self-perception as a mediator in the conflict between Israel and Palestine. The main characteristics of the outlined identities and roles were juxtaposed with specific areas of activity within the framework of the transformation of the conflict, formulated with the help of a matrix of priorities in the framework of the peace process. Based on the carried-out analysis, the author concludes what the possible scenarios of Russia's participation are in the resolution of the Israeli-Palestinian conflict and what tracks of diplomacy Russia can be represented by in the architecture of the peace process.

Keywords: The Israeli-Palestinian conflict, Russia, conflict settlement, the West as Significant Other identity, the Good Relations With All Neighbours identity, the Mediator-Balancer role, the Anti-Hegemonic role.

Introduction

The Israeli-Palestinian conflict is one of the currently active protracted conflicts characterized by temporarily spiking levels of intensity and deeply rooted identity-based hatred on both sides. Over its long history, the conflict has undergone various transformations, and its parties have witnessed numerous peace initiatives aimed at resolving the conflict. It is noteworthy that peace initiatives designed to resolve the conflict have for, for the most part, proven unsuccessful. Thus, the relevance of the selected topic stems from several factors.

First, the Israeli-Palestinian conflict is one of the destabilizing factors for the peaceful development of international relations.

Second, the approaches to peacebuilding within the conflict, the mechanisms of exerting influence on the parties, as well as the configurations of actors involved in the peace process have thus far been relatively unsuccessful. These factors make it necessary to consider alternative scenarios for the development of the peace process, including a more active involvement of Russia.

Third, the peaceful settlement of the Israeli-Palestinian conflict by diplomatic means is stated as one of the regional priorities within the framework of the foreign policy concept of the Russian Federation.

The purpose of this study is to identify the potential roles of the Russian Federation in the overall architecture of the peace process and scenarios of its participation in the resolution of the Israeli-Palestinian conflict.

To achieve this goal, **the following tasks** are to be fulfilled:

- 1) Identify the factors determining the expedience of more active involvement of Russia in the peace process between Israel and Palestine.
- 2) Identify major self-assigned identities and roles of Russia within the framework of the conflict in scrutiny.
- 3) Formulate the totality of the potential roles and functions of Russia in the peacebuilding process.
- 4) Map the manifestations of the identity-role self-perception of Russia within the framework of the Israeli-Palestinian conflict and the identified scenarios of participation in its resolution.

The study rests upon a thesis whereby the self-perception of Russia and its self-assigned identities and roles within the Israeli-Palestinian conflict possess several characteristic features dictating certain behavioral patterns that are either conducive to the optimization and qualitative amelioration of the peace process or disruptive in terms of the settlement process and could lead to a substantial complication of the peacebuilding axis. To scrutinize this claim, the author will first formulate such behavior-dictating features of the Russian self-assigned identities and subsequently juxtapose them with the presumed functional roles within the peace process.

Russia and the Israeli-Palestinian conflict

While the position of Russia (including the Soviet period) regarding the Israeli-Palestinian conflict has undergone certain transformations throughout the conflict's history, the current official stance of Russia on the conflict is that of impartiality and neutrality. Notably, Russian officials underline the importance of recognizing both interests and needs of Israel and Palestine and devising viable solutions to all the issues at stake [1]. In a similar vein, peaceful resolution of the conflict is listed as one of the regional priorities in the 2016 foreign policy concept of Russia [2].

Certainly, Russia has not been completely abstinent from the peace process within the Israeli-Palestinian conflict. Ever since 2002, Russia has been a part of a mechanism known as “The quartet on the Middle East” comprised of the U.S., the UN, the EU, and Russia. As stated by the Office of the United Nations special coordinator for the Middle East peace process, the Quartet has a mandate of “helping mediate Middle East peace negotiations and to support Palestinian economic development and institution-building in preparation for eventual statehood” [3]. Nevertheless, the Quartet has been strongly criticized, notably for its ineffectiveness, the adoption of the “cut-and-paste” approach, and, most importantly, for prioritizing words over action [4]. Another relevant point to mention is the absolute domination of the USA alongside relative inactivity of the remaining three actors within the structure of this mechanism [5]. All these factors have been conducive to the lack of success in the work of the Quartet.

The expedience of a more active involvement of Russia in the resolution of the Israeli-Palestinian conflict may, therefore, be divided in two major groups of factors. The first pertains predominantly to the national interests of Russia whereas the second pertains to the efficaciousness of the peace process within the conflict in question.

Thus, from the point of view of Russia’s interests, its active participation in the Israeli-Palestinian peace process is determined by the following factors:

- 1) Given the impartial and neutral nature of Russia’s involvement, it may both exert influence on the Russian Jewish community residing in Israel and help preserve benevolent relations with the Muslim community on its own territory.
- 2) Successful involvement in the peace process may bring about the amelioration of Russia’s international image and the strengthening of its stance on the international arena.

On top of that, the expedience of a more active involvement of Russia from the point of view of the peace process itself may also be explained by the following factors:

- 1) Controlled expansion of stakeholders involved in the conflict will allow to counterbalance the agenda favouring one side if the conflict and bring about a more weighted and neutral approach to negotiations

- 2) The involvement of Russia as one of the key mediators means the influx of additional resources and ideas aimed at fostering successful outcomes of the negotiations
- 3) With Russia more active, additional venues for communication between the representatives of the parties to the conflict may be created.

Russia's self-assigned identities and roles within the Israeli-Palestinian peace process

For the purpose of this study, we have utilized the results of constructivist-based research of identities conducted by a Portuguese academic, Bernadette Dangl [6]. The study focused on outlining the identities and roles that have been self-assigned by Russia within the context of the Israeli-Palestinian conflict and the peace process.

The total list of reviewed identities included: The West as Russia's Significant Other; Multi-Ethnicity and Muslim Minority as Part of Russian Identity; Good Relations With All Actors; Against External Influences as Part of Russian Identity; Russia's Great Power Identity, while the total list of reviewed roles included: the Anti-Hegemonic Role; the Co-Patriot Protector role; the Mediator-Balancer role [6].

In our research, however, we have prioritized the identities and roles dominating Russia's official discourse. Therefore, the identities scrutinized in the study are The West as Russia's Significant Other identity, and the Good Relations With All Actors identity. The roles scrutinized in the study are the mediator-balancer role, and the anti-hegemonic role.

The West as Russia's Significant Other identity

The WSO identity reflects the general pattern of the construction of Russia's foreign policy which is tightly related to its relationship with what has come to be known as "the collective West". More precisely, it represents the West (within the context of the Israeli-Palestinian conflict predominantly represented by the U.S.) as the principled "Other", thus worthy of irrevocable policy criticism. This brings about the choice of

Russia to counterpose itself to the decisions and policies undertaken by western mediators within the conflict.

The Good Relations With All Actors identity

The GRWAA identity is most representative of Russia's official stance on the conflict which emphasizes the necessity to acknowledge and fulfill the needs and interests of both parties on an equal footing. The adoption of such an approach is perceived by Russia as a prerequisite for the successful outcome of the peace process. From the identity point of view, the GRWAA dictates Russia's self-perception as a just and fair partner to both sides, striving to represent the positions of both.

The Mediator-Balancer role

The MB role is a direct continuation of the GRWAA identity. Since Russia perceives itself as a just and fair distributor of both Palestinian and Israeli needs, interests, and fears, it self-assigns the role of the balancing power aiming at finding mutually acceptable solutions to all the issues at stake.

The Anti-Hegemonic role

The AH role, on the other hand, is a direct continuation of the WSO identity. Within the scope of this role, Russia aspires to contest the policies, decisions, and narratives undertaken by the West and represent an alternative view on the peace process.

Peacebuilding goals in the immediate architecture of the peace process

Based on the concept of conflict transformation devised by Hugh Miall [7] generic goals of conflict transformation directly related to the field of diplomatic activity have been identified:

- 1) Cease-fire;

- 2) Demilitarization of politics, transformation of the culture of violence into a culture of peace;
- 3) The conclusion of a peace agreement, the implementation of constitutional reform, the process of building political institutions;
- 4) Holding democratic elections, deepening the process of political reforms;
- 5) Rehabilitation of the population, reintegration of demobilized soldiers;
- 6) Overcoming distrust, mediation for dialogue between communities, consultations with local actors;
- 7) long-term reconciliation, education aimed at maintaining peace.

All the goals outlined above have been grouped and reformulated by combining them into more extensive categories. The final list of goals of multitrack diplomacy in the transformation of international conflicts was compiled and placed in the matrix below.

This matrix is built upon the synthesis of the conflict transformation goals outlined above, and the contributions of Johan Galtung's theory of violence (the triad "structural violence — cultural violence — direct violence" [8]). It is assumed that each of the three types of violence in an armed conflict has its own weighting factor, varying from 1 to 9 (1 — is an external manifestation of the conflict, but does not affect systemic factors; 3 — has a more systemic impact on the formation of the conflict but does not belong to the category of root causes of the conflict; 9 — represents the category of root causes of the conflict). Since structural violence is usually the root cause of the conflict and requires the most systematic actions aimed at overcoming it, the weighting coefficient determined for it was 9. For cultural violence, which is a derivative of structural violence, a weighting factor of 3 was determined. Finally, for direct violence, which is merely an external manifestation of an armed, a weighting factor of 1 was determined.

The second parameter that forms the basis of the elaborated matrix is the weighting factor, which is determined for each of the formulated goals of multitrack diplomacy in terms of their ability to eradicate: 1) structural violence; 2) cultural violence; 3) direct violence. For the stated purposes, three coefficients will also be used within the matrix:

1, 3, 9. Moreover, for each of the goals three coefficients are formulated demonstrating the degree to which the achievement of a particular goal of conflict transformation has a positive impact on overcoming each of the types of violence in conflict under consideration: structural, cultural, and direct. The application of a coefficient of 1 to any goal means that the implementation of this goal within the framework of the conflict settlement process has an insignificant impact on overcoming a given type of violence. The use of coefficient 3 means that the completion of this goal within the framework of the conflict settlement process produces significant impact on overcoming one of the three types of violence but is not decisive from the point of view of ending this type of violence within the framework of the conflict under study. The use of the coefficient 9 means that the achievement of the goal in question has a decisive impact on overcoming the given type of violence.

Table 1.

A matrix of goals within the conflict settlement (transformation) process

Criteria	Structural violence	Cultural violence	Direct violence	Total coefficient
Solutions (goals)	Coefficient	Coefficient	Coefficient	
Ceasefire and disarmament	1	1	9	21
Conclusion of a peace agreement (devising durable solutions for all the key issues at stake)	1	1	9	21
Peaceful democratic political transition	3	3	1	37
Transformation of the personal perception of the political leaders and establishment from conflict to compromise	3	3	3	39
Eradication of discriminative legislation and other manifestations of discriminative practices	9	3	1	55
Deep-rooted transformation of identities, reconciliation between representatives of the conflicting parties on the broadest level, long-term reconciliation work (peace training and seminars etc.) aimed at reaching true reconciliation on the grass-root level	3	9	3	57
Overall coefficient: 230				

The goals presented in the matrix will be subsequently used to assess the depth of Russia's potential involvement in the conflict resolution process between Israel and Palestine.

Table 2 represents a juxtaposition of the formulated goals and the actors of diplomacy potentially assigned with the completion of such goals. The contents of this table will be subsequently utilized to formulate the totality of the tracks of diplomacy which can be executed by Russia in its involvement in the conflict settlement process.

Table 2.

Goal-actor juxtaposition

Goal	Diplomacy track (role)
Ceasefire and disarmament	Predominantly – first track diplomacy (official)
Conclusion of a peace agreement	
Peaceful democratic political transition	First track, one and a half track diplomacy (semi-official), less probable – second and third tracks (unofficial)
Eradication of discriminative legislation and other manifestations of discriminative practices	Tracks one, one and a half, two (all tracks)
Transformation of the personal perception of the political leaders and establishment from conflict to compromise	Track one (official), track one and a half (semi-official), second track diplomacy (unofficial)
Deep-rooted transformation of identities, reconciliation between representatives of the conflicting parties on the broadest level, long-term reconciliation work (peace training and seminars etc.) aimed at reaching true reconciliation on the grass-root level	Second and third tracks (unofficial diplomacy)

Juxtaposing the goals of conflict transformation and Russia's self-assigned identities and roles

Having outlined the goals of Russia's participation, as well as the features characterizing its self-assigned identities and roles within the Israeli-Palestinian conflict, we may now move on to juxtaposing these elements so as to define the scenarios which could potentially be utilized by Russia in its participation in the peace process between Israel and Palestine.

Table 3 demonstrates the qualitative juxtaposition of the outlined conflict transformation goals and the WSO identity/AH role (as has been previously outlined, the two notions represent the manifestations of a similar kind, however with different functional load). It can be seen from the table that the features of the WSO/AH produce no direct effect (neither positive nor negative) on the effectiveness of Russia's participation in the resolution of the following goals: ceasefire and disarmament, transformation of the personal perception of the political leaders, eradication of discriminative practices, transformation

of identities, and reconciliation. At the same time, the features of this identity/role have been found to exert certain impact on the expedience of Russia’s participation in mediating the conclusion of a peace agreement and devising solutions to all the key issues at stake. On the one hand, the WSO identity/AH role may prove beneficial for the accomplishment of this goal since it will oblige Russia to contest the narratives and propositions put forward by the U.S. and prioritizing the interests of Israel. On the other hand, such contestation may prove challenging since it could create additional fault lines between Russia and the U.S. and thus lead to the disruption in the peace process. In a similar vein, the goal of peaceful democratic transition may also be influenced by the characteristics of the WSO/AH. On the one hand, the positive pattern of impact could be manifested by Russia’s insistence on the inclusion of a broad spectrum of political actors in the democratic transition which would allow to create a transition process more adapted to the local context. On the other hand, such an approach could also represent an obstacle regarding the relations between the two mediators (Russia and the U.S.) since the USA tends to favour the generic western democratic model implicitly excluding some of the parties which it renders “undemocratic in nature”. As has been previously mentioned, any conflict between mediators could substantially complicate the process of the peaceful settlement.

Table 3.

Juxtaposing the WSO identity/the AH role and the list of formulated goals

Russia's self-assigned Identity/role	Scenarios of participation (sets of goals)											
	Ceasefire and disarmament		Conclusion of a peace agreement (devising durable solutions for all the key issues at stake)		Peaceful democratic political transition		Transformation of the personal perception of the political leaders and the transition from conflict to compromise		Eradication of discriminative legislation and other manifestations of discriminative practices		Transformation of identities, reconciliation	
The West as Significant Other identity/The Anti-Hegemonic role	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
	n/a	n/a	v	v	v	v	n/a	n/a	n/a	n/a	n/a	n/a

Table 4 represents a juxtaposition of the GRWAA identity and the MB role (as has been previously outlined, the two notions represent the manifestations of a similar kind, however with different functional load) with the formulated goals of conflict transformation. As can be concluded from the table, the GRWAA/MB does not produce a substantial impact on the peaceful democratic transition. At the same time, this identity has been found to produce influence (positive and/or negative) on all the remaining goals outlined in the matrix. Since the major parameters characterizing this identity/role are impartiality, neutrality, and the desire to implement solutions acknowledging the interests of both sides, the GRWAA/MB may be conducive to devising viable solutions acceptable to all the parties. On top of that, it may also prove to be beneficial from the point of view of the transformation of perceptions, as it can foster equitable dialogue and reconstruction of views on both sides. Finally, it can be a reinforcing factor for eradicating discriminative practices since it could bring about understanding of how harmful such practices are in the context of the parties' equality. At the same time, the GRWAA/MB could produce a counterbalancing effect within the context of negotiating a peace agreement. Since it represents a more impartial and neutral approach to dealing with the parties' interests, the adoption of such identity could potentially come into conflict with the attitude adopted by the USA which has largely been described as favouring the Israeli side [7]. Thus, while this identity/role may be considered beneficial for the peace process from many points of view, it, nonetheless, has a potential of bringing the mediators apart.

Table 4.
Juxtaposing the GRWAA identity/the MB role and the list of formulated goals

Russia's self-assigned identity/role	Scenarios of participation (sets of goals)											
	Ceasefire and disarmament		Conclusion of a peace agreement (devising durable solutions for all the key issues at stake)		Peaceful democratic political transition		Transformation of the personal perception of the political leaders and the transition from conflict to compromise		Eradication of discriminative legislation and other manifestations of discriminative practices		Transformation of identities, reconciliation	
The Good relations with all actors identity/ the Mediator-Balancer role	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
	✓	n/a	✓	✓	n/a	n/a	✓	n/a	✓	n/a	✓	n/a

Conclusions

As has been established in course of the research, the Good relationships with all actors identity as well as the mediator-balancer role self-assigned by Russia may serve as reinforcing factors for the following directions of Russia's involvement in the peace process: transformation of identities and deep reconciliation, transformation of political leaders' perceptions, transformation of the general public's perceptions. According to the contents presented in table 2, tracks 2 and 3 of diplomacy (unofficial diplomacy) predominantly assigned with these peacebuilding ventures. Simultaneously, the West as Significant Other identity and the Anti-Hegemonic role have both been found to represent an impediment factor for the peace process owing to their capacity to create fault lines with the largest and most influential mediator in the conflict — the U.S. namely, this identity and role might be disruptive regarding political transition and devising solutions to the key issues included in the future agreement (peacebuilding venues occupied by track one — official diplomacy).

It can be concluded, therefore, that the optimal scenario for Russia's active involvement in the conflict transformation process between Israel and Palestine is its participation within the scope of track one and a half (semi-official diplomacy), track two and three (unofficial diplomacy). While such involvement may be energy, time, and resource-consuming, it represents the most weighted tracks of activity based on the matrix of peacebuilding priorities. Since such diplomatic venues are undertaken by academics and scholars, power-vested officials in unofficial status, as well as representatives of the civil society and eminent individuals, this kind of involvement in the peace process could serve as a tacit instrument of Russia's public diplomacy. Consequently, it could foster image building and the increase in the attractiveness of Russia's external image on the international arena.

For the peace process, such an involvement of Russia would imply a substantial influx of recourses, valuable academic experience, and knowledge conducive to improving the effectiveness of the peace process.

At the same time, a possible but more troublesome scenario for Russia is the official participation by track one diplomacy. Although

it is deemed a more “prestigious” track of activity it is less substantive regarding deep transformation of the societies at conflict. Additionally, as has been proven in the research, certain features of Russia’s self-assigned identity in the conflict could negatively impact the flow of the peace process on the level of official diplomacy and may, therefore, be considered disruptive.

Directions for further research

Though the results of this research alone could be used for generating policy recommendations regarding Russia’s more active participation in the Israeli-Palestinian peace process, it is necessary that certain shortcomings of the research be acknowledged.

First, the current research has focused on assessing the features of only two self-assigned Russia’s identities and two roles all of which have been proven most frequently utilized by Russia in its discourse [6]. It could be useful, however, to scrutinize all the remaining identities and roles and subsequently juxtapose them with the outlined goals in the matrix of peacebuilding priorities.

Second, the matrix elaborated for this research represents a generic model derived from the theory of conflict transformation. Nonetheless, one of the prospects for further research is devising a specific model tailored to the conflict in question, its specific context, as well as the history of peacebuilding initiatives and efforts within the conflict. The amalgam of the present and proposed researches could help identify the most optimal scenarios for Russia’s involvement in the peace process between Israel and Palestine in greater detail.

References

1. *Korochkina V. A. Palestinskaya problema i ee mesto vo vneshnepoliticheskoj povestke dnya dlya Rossii // Politeks. 2017. T. 17. № 1. P. 52–68.*
2. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ob utverzhdenii koncepcii vneshnej politiki. 2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> — 19.04.2022.*
3. *The Middle East Quartet // UNSCO. URL: <https://unsco.unmissions.org/mideast-quartet> — 19.04.2022.*

4. *Tocci N.* The Middle East Quartet and (In)effective Multilateralism // Middle East Journal. 2013. Vol. 67. No. 1. P. 29–44. URL: <https://www.jstor.org/stable/23361691> — 19.04.2022.
5. *Leshchenya I. A.* Deyatel'nost' «Blizhnevostochnogo kvarteta» po uregulirovaniyu palestino-izrail'skogo konflikta v ramkah proekta «Dorozhnaya karta» (2003–2008) // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. T. 2. № 47. P. 168–181.
6. *Dangl B.* How Identity and Role Influence Russian Foreign Policy Behavior in the Middle East: A Focus on the Israeli-Palestinian Conflict. URL: <https://repositorio.iscte-iul.pt/handle/10071/21557> — 19.04.2022.
7. *Miall H.* Conflict Transformation: A Multi-Dimensional Task // Transforming Ethnopolitical Conflict: the Berghof Handbook. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. P. 67–90.
8. *Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 167–191.

*Дорошенко Глеб Андреевич,
Шелковников Андрей Игоревич*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Аспирантская школа по МО
Аспирантура*

Эволюция российской концепции безопасности региона Персидского залива

The Evolution of the Russian Concept of the Security of the Persian Gulf Region

Аннотация. Возвращение Российской Федерации в качестве значимого регионального игрока в 2015 г. в регион Ближнего Востока потребовало наличия обновленной концепции развития политического взаимодействия в этом регионе. Обновленная концепция была представлена в июле 2019 года. Несмотря на ряд важных дополнений, в общем и целом в концепции можно заметить преемственность точек зрения на развитие отношений в регионе с 1990-х гг. В исследовании рассматривается эволюция концепции безопасности, предлагаемой Россией региону Персидского залива с 1990-х годов, проводится сравнение этих концепций, а также анализируются перспективы текущей концепции безопасности.

Ключевые слова: Ближний Восток, концепция безопасности, политика России на Ближнем Востоке, региональная безопасность, инклюзивность.

Abstract. The return of the Russian Federation as a significant regional player in the Middle East region in 2015 required an updated concept for the development of political interaction in this region. The updated concept was presented in July 2019. Despite a number of important additions, in general, the concept retains the continuity of Russia's vision of relations in the region since the 1990s. The study examines the evolution of the security concept proposed by Russia to the Gulf region since the 1990s, compares these concepts, and analyzes the prospects for the current security concept.

Keywords: Middle East, security concept, Russian policy in the Middle East, regional security, inclusiveness.

Введение

Региональные изменения, происходящие в регионе Персидского залива в последние годы, создают новые возможности распределения власти. Пространство региона становится далеко не таким консолидированным, как раньше, формируются новые центры силы.

Поворотным моментом в возвращении России на Ближний Восток стало ее участие в конфликте в Сирии. Вопреки прогнозам, это усилило взаимодействие России с монархиями Персидского залива, а также укрепило в их глазах политическую репутацию России.

В условиях продолжающегося снижения активности США в регионе и смены внешнеполитических приоритетов в отношении стран региона, монархии Персидского залива все больше заинтересованы в диверсификации политических связей и сотрудничестве с Россией и другими крупными акторами. Помимо прочего, такая ситуация позволяет Москве наращивать свое присутствие в регионе, закрепляя за собой статус глобальной державы в противостоянии с США.

Ключевыми источниками укрепления позиций России в регионе в условиях слабого экономического развития являются такие сферы, как военно-промышленный комплекс, энергетика, традиционно являющаяся пространством как сотрудничества, так и соперничества со странами региона. Кроме того, в условиях пандемии вируса COVID-19 России удалось открыть новое направление сотрудничества, основанную на экспорте вакцин в страны региона.

В контексте политического сотрудничества со странами региона Россия продвигает идею многополярности, которая также находит одобрение у монархий Персидского залива, стремящихся к политической субъектности, а также идею стабильного Персидского залива, которая основана на российской Концепции коллективной безопасности для региона Персидского залива и во многом аналогична видению безопасности одной из стран Персидского залива — Омана.

Сложные 1990-е

Исторически уровень российского участия в ближневосточных делах и в целом место региона Персидского залива на большой внешнеполитической карте Москвы не были приоритетными и стабильными по отношению к другим направлениям.

После периода холодной войны, когда на Ближнем Востоке, как и в любом другом регионе мира на тот момент, наблюдалось четкое деление сфер влияния Москвы и Вашингтона, начался период забвения региона, совпавший с внутривосточными изменениями.

«Символическим “дном” можно считать отсутствие России на саммите по ближневосточному урегулированию в египетском Шарм-эль-Шейхе, экстренно созванном в октябре 2000 года в разгар палестинской интифады по инициативе президента США Билла Клинтона. Москву просто не пригласили» [1].

В дополнение к отсутствию экономических возможностей активно взаимодействовать с регионом в это десятилетие Россия испытывала сложности в идейном обосновании своего присутствия на Ближнем Востоке. В советский период все было просто — руководство страны поддерживало все страны, желающие противостоять империализму и хоть сколько-нибудь позитивно относящиеся к политическим идеям социализма; что же делать в обновленных условиях, было не совсем понятно [2]. Вдобавок к этим системным сложностям у Москвы со странами региона периодически возникали серьезные расхождения в точках зрения на локальные конфликты, как было, например, во время конфликтов в Афганистане и Чечне, когда ряд ведущих стран региона (в первую очередь, арабские монархии Залива) разошлись в видении ситуации с Москвой и активно поддерживали противоборствующую сторону.

Безусловно, этой непопулярностью России в регионе не могли не воспользоваться США, которые в 1990-е стали не только лидерами в регионе Ближнего Востока, но и претендовали на статус державы номер № 1 в мире (период однополярности, по мнению многих специалистов, был единственным раз в истории достигнут именно тогда) [3]. Стратегия Вашингтона в регионе была весьма активная, США не только налаживали торгово-экономические связи со стра-

нами региона, но и оформляли сотрудничество в рамках системы «защитного зонтика» (становились главными гарантами безопасности конкретной страны в обмен на поддержку позиций Вашингтона по магистральным вопросам в регионе Ближнего Востока). Такая политика в скором времени привела к конфликту со страной, не желавшей разделять навязанные правила игры, — Ираком.

Как раз на этот период приходится оформление стратегии России в регионе Ближнего Востока, которая во многом сохранится и до текущего момента. Главным идейным наполнителем этой стратегии является прагматизм; российская сторона отказалась от поиска идеологических ценностей, которые были характерны для периода СССР, сосредоточившись на решении конкретных проблем региона Ближнего Востока.

Первой такой проблемой на конец 1990-х в Москве небезосновательно видели ситуацию вокруг Ирака. Главным положением в концепции безопасности 1990-х стало полное отвержение принципа «демократического переустройства региона», сформулированного рядом западных стран [4]. Позиция России была проста: региональные дела (в том числе вопросы внутренней политики) должны решаться региональными акторами без вмешательства извне. Также, понимая напряженность ситуации в регионе в военно-политическом плане, Москва предлагала вернуться к давно забытой идее о создании Центра коммуникаций между странами региона в Дохе (Катар), озвученной на Мадридской конференции 1991 года [4]. По этой задумке, Центр выступал бы в качестве своего рода горячей линии во время возникновения острых политических разногласий.

Страны Запада полностью отвергли данную концепцию, и в последующих действиях (вторжение в Ирак, речь Джорджа Буша о демократии на Ближнем Востоке [5]) подтвердили приверженность своим позициям, которые были диаметрально противоположны взглядам России на регион. Также, поскольку страны Запада, в особенности США, использовали принцип «разделяй и властвуй» среди стран региона, не было единой позиции региональных акторов по поводу предлагаемой Россией концепции.

Суммируя вышесказанное о первой российской концепции безопасности региона Персидского залива, можно отметить,

что она имела чрезвычайно важное значение и стала серьезным шагом в оформлении внешнеполитических приоритетов Москвы в регионе на последующие десятилетия. Однако в политической жизни региона по-настоящему заметной и приводящей к каким-то действиям она не стала.

Активизация взаимодействия в 2000-е

С тех пор, как в 2000 году к власти пришел Владимир Путин, Россия год за годом пытается предпринимать внешнеполитические действия, говорящие о ней как об одном из важнейших геополитических игроков. В 2000-х годах начинается период активной российской дипломатии на Ближнем Востоке, которую курирует министр иностранных дел Игорь Иванов. Заключаются выгодные экономические контракты, российское руководство активно использует инструмент списания долговых обязательств для налаживания политического диалога[6].

В период второго срока президентства Владимира Путина (2004–2008 гг.) произошло сближение со странами Персидского залива. В 2007 году после официального визита Владимира Путина в Саудовскую Аравию и Катар резко активизировалось сотрудничество с этими странами, которые всегда находились в сфере влияния Вашингтона.

Неудивительно, что в 2000-е Россия представила сразу две версии дополнений к концепции региональной безопасности (в 2004 и 2007 гг.). Еще одной инициативой Москвы в регионе, о которой необходимо упомянуть (так как во многом на ней базируются дополнения к концепции 1990-х), стала дипломатическая подготовка соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности между Саудовской Аравией и Ираном. Несмотря на прогрессивный взгляд Москвы на ирано-саудовские отношения и серьезные посреднические усилия, Эр-Рияд и Тегеран не смогли преодолеть противоречия, и соглашение не было подписано.

Идея об инклюзивности Ирана в политическую жизнь региона стала основой для внесения дополнений в существующую российскую концепцию региональной безопасности [4]. Главным положением обновленной концепции была необходимость организации

диалога между арабскими странами и Ираном. Предполагалось, что значительная роль в данном диалоге будет принадлежать Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), поскольку в организацию входят как государства, крайне негативно относящиеся к Ирану (КСА, ОАЭ), так и страны, имеющие активные торгово-экономические отношения с Тегераном (Кувейт, Катар, Оман).

В концепции также делался упор на опасность проблемы терроризма для региона и важность объединения усилий всех акторов для борьбы на антитеррористическом направлении (Ирак + точечное подавление ячеек, возникавших в то время во многих странах региона).

Из концепции 1990-х был заимствован пункт о неизменности позиции России по вопросу решения региональных проблем местными акторами, без вмешательства извне. Как и в прошлой концепции, этот пункт вызвал наибольшее неприятие западными странами, в первую очередь США, для которых региональные противоречия начали иметь и практический смысл, поскольку к тому времени Вашингтон прочно организовал систему «защитного зонтика» в регионе, и безопасность большинства стран напрямую зависела от поставок американского ВПК.

Изменение регионального баланса сил в 2010-е

К началу второго десятилетия XXI века Россия подходила уже в более сильном положении, что привело к так называемому возрождению ближневосточного направления в российской внешней политике.

Основную роль в возможности занятия нового положения и активизации своих связей с державами региона сыграли события Арабской весны, которые предопределили дальнейшее изменение структуры международных отношений на Ближнем Востоке и перераспределение баланса сил. Старые лидеры региона под напором революционных изменений на годы потеряли возможность оказывать влияние на региональное развитие и сами стали объектом такого влияния, а новые центры силы искали новых партнеров и формировали новые альянсы [7]. Вместе с этим происходила

постепенная смена акцентов во внешнеполитическом курсе традиционного внерегионального гегемона в лице США, которые все больше стремились к делегированию ряда привычных полномочий региональным партнерам [8].

С начала участия российских вооруженных сил в сирийском кризисе роль России в регионе обрела четкие очертания и стала пристально изучаться новыми региональными лидерами. Подобное положение привело сначала к увеличению контактов с монархиями Залива, а вслед за этим и к заключению новых взаимовыгодных соглашений.

Россия сохраняла участие, пусть и с различной степенью вовлеченности, во всех кризисных ситуациях на территории ближневосточного региона, что нашло отражение в первом варианте обновленной российской концепции безопасности региона Персидского залива в 2019 году. Способность России сохранять выгодные взаимоотношения с различными сторонами региональных конфликтов открывала перед страной «окно возможностей», которым удалось воспользоваться [9]. Одновременное развитие отношений с Ираном и Саудовской Аравией, Катаром и ОАЭ, сирийским официальным правительством и неправительственными формированиями, Турцией, свидетельствовало как о готовности России к диалогу по стабилизации ситуации в регионе, так и о нежелании (как и отсутствии экономических возможностей) пытаться играть в нем роль нового «зонтика безопасности».

Концепция региональной безопасности 2019 года

Увеличивающееся региональное влияние, позитивное развитие взаимоотношений с государствами региона, а также понимание необходимости закрепления усилий последних лет привели к тому, что Россия осознала необходимость обновления своего идейного проекта для региона через переработку ранних предложений.

Кратко суть обновленной российской концепции региональной безопасности для стран Персидского залива можно резюмировать следующим образом: нерегинальные страны должны отказаться от размещения своих военных группировок в зоне Персидского залива. Кроме того, все государства Персидского

залива и государства, не входящие в регион, принимают на себя взаимные обязательства по обеспечению прозрачности в военной сфере. Это означает, что все заинтересованные игроки должны вести диалог по своим военным доктринам, проводить встречи министров обороны, устанавливать «горячие линии» между военными ведомствами для оперативного решения проблем и предотвращения конфликтов.

Особенно стоит отметить, что в рамках Концепции Россия не стремится занять ключевую роль, напротив, она фокусируется на роли помощника для стран региона, медиатора, способного свести различные стороны за столом переговоров для дальнейшего формирования новой структуры региональной безопасности. Кроме того, Концепция региональной безопасности для Персидского залива [10], предложенная в 2019 году, базировалась на нескольких основных принципах, которые долгие годы являются неотъемлемой частью позиции Москвы по региональному развитию:

- *Законность* («Приверженность международному праву, прежде всего Уставу ООН, резолюциям Совета Безопасности ООН»);
- *Универсальность и инклюзивность* («Новая система безопасности должна быть универсальной и комплексной, строиться на основе уважения интересов всех региональных и иных сторон, задействованных во всех сферах безопасности»);
- *Поэтапность* («Продвижение к созданию системы безопасности осуществляется поэтапно, начиная с решения наиболее острых и неотложных проблем. В первую очередь это касается борьбы с международным терроризмом, урегулирования иракского, йеменского и сирийского кризисов, выполнения всех договоренностей по иранской ядерной программе»).

Россия практически сразу запустила дипломатический процесс придания Концепции официального статуса, вынеся ее на обсуждение в Совете Безопасности ООН [11], регулярно напоминая о предложении при встречах с региональными лидерами и в выступлениях представителей МИД и правительства [12].

В то же время, несмотря на очевидные достоинства обновленного предложения 2019 года, рядом экспертов оно было признано чрезмерно громоздким, стремящимся охватить проблемы всего Ближнего Востока, не концентрирующемся на странах Персидского залива [13]. Об этом свидетельствовало наличие в тексте отсылок к решению широкого ряда региональных кризисов, совместной борьбе с международным терроризмом и перспектив создания регионального аналога ОБСЕ. Все эти предложения в концепции, касающейся сугубо региона Персидского залива, выглядели лишними.

О неготовности принятия концепции в первоначальном варианте говорили как привычная реакция западных стран [14], традиционно незаинтересованных в обеспечении поддержки российских предложений, так и не более чем «уважительное ознакомление» со стороны региональных акторов. Если реакция стран региона основывается на некотором опасении за свой суверенитет или, как в случае с Ираном, нежелании видеть в обеспечении безопасности внерегиональных акторов, то реакция западных держав основывается на собственном представлении о развитии безопасности региона, которое является противоположным российским идеям о включении всех акторов в переговорный процесс и заключается в военном балансировании ключевых угроз (в первую очередь Ирана) [15].

Учитывая всю эту критику, в сентябре 2021 года были предложены новые дополнения в Концепцию со стороны МИД РФ. Сохранив приверженность первоначальным принципам и основным идеям, дополнения в Концепцию заключались в отказе от размытых формулировок (из текста исчезли идеи о решении всех региональных кризисов, формировании международной антитеррористической коалиции), конкретизации предложения по формированию регионального диалога и созданию инициативной группы по выработке мер в сфере региональной безопасности, а также предложениях конкретных шагов по реализации принципов, заложенных в Концепцию [16]. Важно отметить, что обновление предложения совпало с тенденцией на сближение в регионе, которое проявилось как в решении кризиса внутри ССАГПЗ на саммите в Аль-Уле, так и в новых контактах между Ираном

и Саудовской Аравией при посредничестве Ирака и в дипломатическом сближении Турции со странами региона. Конечно, такой дипломатический трек должен был быть использован и для продвижения идеи МИД РФ.

Заключение

Российская концепция безопасности региона Персидского залива пережила несколько существенных трансформаций со времени ее первого появления. Концепция стала актуальной с новым российским внешнеполитическим сдвигом и акцентом на ближневосточном направлении во внешней политике. В то же время последние изменения в тексте российского предложения открыли большие перспективы для его дальнейшей реализации не только на бумаге, но и в рамках регионального обеспечения безопасности. При этом нельзя не отметить начавшуюся в конце февраля 2022 года специальную военную операцию российской армии на территории Украины, которая значительно ухудшила взаимоотношения между Россией и странами Запада, а также поставила страны региона в сложное положение потенциального выбора партнера. Учитывая новые геополитические обстоятельства, а также ранние проблемы российского предложения, его перспективы кажутся туманными. Несмотря на понимание необходимости формирования новой архитектуры безопасности в регионе Персидского залива и включенности в нее всех заинтересованных сторон, первоначальное российское предложение имело ряд недостатков, которые прорабатывались, но теперь его реализация тормозится и другими обстоятельствами.

Библиография

1. *Беленькая М.* Восток — дело долгое // Коммерсант. 2019. 5 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4116779> — 06.04.2022.
2. *Васильев А. М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. 670 с.
3. *Богданов А.* «Американская однополярность» и системный баланс сил в начале XXI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2015. № 2. URL: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-odnopolyarnost-i-sistemnyy-balans-sil-v-nachale-xxi-v — 06.04.2022.
4. *Беленькая М.* Странам Ближнего Востока нужно осторожно подходить к подсказкам Запада // Коммерсант. 2019. 25 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4040966> — 06.04.2022.
 5. President Bush Discusses Importance of Democracy in Middle East. 4 February 2004 // The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/02/20040204-4.html> — 01.03.2022.
 6. *Khrestin I., Elliott J.* Russia and the Middle East // Middle East Quarterly. 2007. Vol. 14. No. 1. P. 21–27. URL: <https://www.meforum.org/1632/russia-and-the-middle-east> — 06.04.2022.
 7. Political Change in the Middle East and North Africa: After the Arab Spring / ed. I. Szmolka. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.
 8. *Krieg A.* Externalizing the burden of war: the Obama Doctrine and US foreign policy in the Middle East // International Affairs. 2016. Vol. 92. No. 1. P. 97–113.
 9. Россия на Ближнем Востоке: гармония полифонии // Доклад Международного дискуссионного клуба “Валдай”. 2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/20411/> — 06.04.2022.
 10. Российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива [Полный текст] // ТАСС. 2019. 23 июля. URL: <https://tass.ru/politika/6695215> — 06.04.2022.
 11. Comprehensive Review of the Situation in the Gulf Region // Security Council Report. 2020. 20 October. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2020-10/comprehensive-review-of-the-situation-in-the-gulf-region.php> — 06.04.2022.
 12. *Беленькая М.* В ОАЭ Сергея Лаврова ожидал даже Ливан // Коммерсант. 2021. 9 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4721682> — 06.04.2022.
 13. *Kozhanov N.* Russia and the Issue of a New Security Architecture for the Persian Gulf. 2021. 4 August. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2021/08/04/russia-and-the-issue-of-a-new-security-architecture-for-the-persian-gulf/> — 06.04.2022.
 14. *Saunders P.* How does Washington see Russia’s Gulf security concept? 2019. 11 October. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2019/10/russia-gulf-security-us.html> — 06.04.2022.
 15. *Хлопов О. А.* Подходы США и России к формированию новой системы безопасности в регионе Персидского залива // The Scientific Heritage. 2021. No. 71-5. P. 41–47.
 16. Renewed Russia’s Collective Security Concept for the Persian Gulf. URL: https://india.mid.ru/en/news/renewed_russia_s_collective_security_concept_for_the_persian_gulf/ — 12.04.2022.

Емельяненко Екатерина Гарьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Аспирантура

«Африканский вектор» в стратегии России: проблема африканского самосознания

**“The African Vector” in Russia’s Strategy: The Problem of
African Identity**

Аннотация. В данной статье внимание посвящено изучению вопроса африканской идентичности, который в результате колониального прошлого стал одним из наиболее актуальных как для жителей Африканского континента, так и представителей африканских диаспор по всему миру. В работе проведен анализ общественно-политических движений с целью проследить, каким образом формировалась и посредством каких средств находила выражение данная проблематика начиная с конца XIX–XX вв.. Рассмотрена концепция афроцентризма как одна из форм, в которую в настоящее время облекла себя проблема африканской идентичности. Наряду с этим в работе представлены теории постмодернизма и постколониализма, послужившие основной платформой для построения главных тезисов концепции афроцентризма. В статье представлен ряд идей М. Асанте, главного идеолога афроцентризма, предлагающего пересмотреть привычное восприятие исторических событий.

Ключевые слова: Африка, Россия, Африканский континент, пан-африканизм, негритюд, афроцентризм, постмодернизм, постколониализм, африканское самосознание.

Abstract. This article focuses on the question of African identity, which as a result of the colonial past has become one of the most pressing issues for the inhabitants of the African continent and representatives of the African diasporas around the world. The paper analyzes socio-political movements in order to trace how this issue was formed and by what means was it expressed since the end of the 19th–20th centuries. We consider the concept of Afrocentrism as one of the forms in which the problem of African identity is currently clothed. Along with this, the paper presents the theories of postmodernism and post-colonialism, which served as the main platform for the construction of the main theses of the concept of Afrocentrism. The

article presents a number of ideas of M. Asante, the main ideologist of Afrocentrism, who proposes to reconsider the usual perception of historical events.

Keywords: Africa, Russia, the African continent, pan-Africanism, negritude, Afrocentrism, postmodernism, post-colonialism, African identity.

Введение

Произошедшие за последние 30 лет перемены в установлении нового миропорядка определили положение многих государств. Растущая роль Африки в мировой политике и экономике, а также ресурсы, которыми она располагает, притягивают к себе новых участников глобального рынка. Среди них традиционные игроки — Великобритания, Германия, Франция, США. Появились и новые — Индия, Бразилия, Турция. Страны с сильной экономикой заняли прочные позиции, сделав Африканский регион ключевым для развития своих экономик.

Одним из наиболее значимых событий во внешней политике России стало провозглашение курса на Африку. В 2019 году состоялся саммит Россия — Африка, который стал поворотным моментом в истории российско-африканских отношений. Наряду с возможностью расширения рынков сбыта и сотрудничества в различных областях определенным толчком к пересмотру приоритетов внешней политики России послужили и экономические санкции США и стран ЕС, а также развернутая западными «партнерами» широкомасштабная кампания по дискредитации РФ [1, с. 94]. Все это заставляет Россию пересматривать партнерство с западными государствами и активно развивать сотрудничество с другими регионами, в частности, с Африкой.

Однако за время 30-летнего отсутствия России в Африке многое изменилось. Из «безнадежного континента» она превратилась в динамично развивающийся регион. В 2018 году из двадцати стран с самой быстрорастущей экономикой в мире семь находились на Африканском континенте [10].

У России неплохие шансы на возвращение в Африку. Ни одна из африканских стран не воспринимает Россию в качестве врага, бывшего колонизатора или потенциального гегемона. Более того,

африканское общество помнит вклад СССР в дело освобождения от колониализма. Стоит отметить и тот факт, что у африканских стран нет высокой степени зависимости от РФ, а у нее, в свою очередь, нет желания и возможностей выстраивать в регионе систему доминирования [8, с. 131]. Немаловажным является и то, что многие представители африканской элиты получили образование в СССР, что также влияет на высокую степень лояльности к современной России. Данные обстоятельства выгодно отличают Россию от других игроков на геополитическом пространстве Африки.

Однако российской политике не хватает открыто сформулированной стратегии в отношении континента. Это создает как репутационные, так и экономические ограничения. В частности, позволяет недоброжелателям спекулировать на тему «русской угрозы» и демонизировать «российское возвращение в Африку» [8, с. 131].

Чтобы завоевать доверие со стороны стран континента, установить долгосрочные, прозрачные, взаимовыгодные отношения, африканская политика России должна выгодно отличаться от политики других держав в этом регионе. При разработке стратегии необходимо не только заложить основы взаимовыгодного экономического сотрудничества, но, основываясь на историческом опыте, культуре, ценностях африканского народа, предложить принципиально иную модель взаимоотношений в целом. Опорой для нее могут стать работы африканских ученых, российских историков-африканистов, изучение которых поможет понять внутренние проблемы африканского общества, глубоко проработать решение многих задач, прийти к важным выводам, лучше понять африканцев. Одной из главных проблем, вокруг которой построены так или иначе все постколониальные дискурсы, был и остается вопрос об африканском самосознании.

Главные общественно-политические движения

На протяжении XIX–XX столетий в Африке появлялись различные общественно-политические течения. Направленные на борьбу за независимость, все они имели схожие черты: стремление показать самодостаточность, особенность африканца, уникальность его культуры. Главные нарративы строились на аргу-

ментации непохожести и противостоянии европоцентризму, по лекалам которого формировалось африканское общество. Основные сообщения выстраивались вокруг колониального прошлого и проблемы африканского самосознания как необходимого условия для получения признания и равенства.

В дальнейшем именно последствия колониализма сделают идентичность центральной темой будущих исследований африканских ученых, которая пройдет красной нитью через различные идеологические общественно-политические течения XX века, а их возглавят яркие представители своего времени: панафриканизм (Эдвард Блайден), негритюд (Леопольд Сенгор), коншиенсизм (Кваме Нкрума), африканский социализм (Джулиус Ньерере). В конце XX века в Америке афроамериканскими учеными будет разработана теория афроцентризма, идеи которой лягут в основу идеологического движения среди африканцев и представителей африканской диаспоры по всему миру. Далее будут рассмотрены наиболее значимые общественно-политические движения XIX–XX веков.

Главным идеологом *панафриканизма*, «культурного национализма» и «духовной деколонизации», а также концепции «африканского социализма» является Эдвард У. Блайден. Он сформулировал ряд основополагающих принципов африканского национализма: единство судеб народов негроидной расы и «социалистический» характер африканского общества. Э. Блайден выражал решительный протест против европоцентристского взгляда на «неисторичность Африки», призывал к «африканизации» церкви и всей системы просвещения.

По убеждению Блайдена, катастрофические последствия для прогресса Африки имела работорговля, которая стала преградой на пути общественного развития народов континента. А одно из важнейших ее последствий — внедрение европейцами утверждения о «неполноценности африканцев». Главная задача африканцев, по мнению идеолога концепции, — любыми средствами сохранить своеобразие континента, основное богатство народа — его культуру. Он призывал африканцев освобождаться от духовного порабощения, на которое обрекало их следование европейской культуре, предостерегал от превращения африканцев в «черных европейцев».

В начале 1930-х годов возникает концепция *негритюда*, которая становится одним из ярких ответов на кризис идентичности африканцев. В основе ее лежала идея об исключительности, особом психическом складе «негрской души», которую нельзя понять и объяснить с позиций логики и рационализма. Причину ее возникновения российский африканист Аида Николаевна Мосейко описывает следующими словами: «В условиях независимого развития и форсирования процессов модернизации на традиционный мифологический универсум обрушились новые удары: западные «цивилизованные» формы жизни и образцы поведения; западное образование; непривычные ценности — концентрация богатства, накопление денег и вещей, неприемлемые в традиционном обществе. Внедрение чужих ценностей, культурных образцов сопровождалось унижением африканцев, мышление которых считалось неполноценным, культура — примитивной [9, с. 87].

Кризис идентичности в различные периоды развития африканских стран принимал специфические формы и требовал от африканцев ответа. Унижения, которым подвергались африканцы, были трагически осознаны африканскими интеллектуалами. Африканский философ Жан-Годефруа Бидима назвал выработавшийся в результате этого комплекс «мы тоже» (мы тоже люди, мы тоже можем мыслить, у нас тоже есть философия и т.д.) [9, с. 88]. Основоположниками теории стали Леопольд Седар Сенгор, известный сенегальский поэт, а впоследствии президент Сенегала, Эме Сезер — французский мартиникский писатель, поэт, общественный деятель, и Леон-Гонтран Дамас — французский поэт и писатель.

Негритюд выражал собой стремление черного человека познать себя, стать историческим и культурным актором, а не просто объектом господства или потребителем европейской культуры.

Афроцентризм формировался под влиянием идей постмодернизма (1960–1970-е годы) и постколониализма (конец 1970-х). По словам российского филолога Ю. Кравинской, «Постмодернизм предопределяет наличие дискурсивных связей между западноевропейской теорией деконструкции модернистского нарратива и таким социально-гуманитарным проектом современности, как постколониализм» [7, с. 232]. Последний стал

занимать видную позицию благодаря публикации критики западной (европоцентристской) трактовки образа Востока литературоведом, активистом палестинского движения Эдвардом Саидом «Ориентализм» (1978), обозначившим позицию противостояния системе империалистического господства и европоцентризма. По словам камерунского философа Ашиль Мбембе, данная работа явила собой определенную «деконструкцию колониального нарратива, обслуживающего инфраструктуру имперского проекта» [12].

Основная цель постколониальных дискурсивных практик — разрушить бинарную оппозицию «центр — периферия» имперского дискурса. Ключевыми фигурами постмодернизма и постструктурализма стали Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делез и Ф. Гваттари. Все они внесли свою лепту в продвижение постмодернистских идей и оказали влияние на формирование постколониального нарратива.

Как отмечает А. Мбембе, «Постколониальная критика позволила обнажить возможности исторической фальсификации, находящиеся в распоряжении колониального повествования, — набор функциональных выдумок и неправд, без которых колониализм как историческая модель власти не смог бы состояться. Одновременно обнаруживается процесс “раздвоения” европейского гуманизма, проявления “двуязычия” и искажения реальности, неотъемлемо присущие колониальной парадигме» [12].

Постколониализм, построенный на критике европейского универсализма, открывает новую дискуссию о признании *Другого* и его отличительных особенностей как полноправного субъекта. Эта тема становится ключевой для мыслителей постколониального периода, войдя в труды таких интеллектуалов, как Ф. Фанон, Л. Сенгор, П. Гилрой, став канонами постколониальной мысли. Аналогичные мотивы через некоторое время начинают встречаться у афроамериканских исследователей, которые, однако, сталкиваются с тяжелой необходимостью принять и переосмыслить наследие рабства и расизма.

Благодаря появлению постмодернистского подхода различные социальные и гендерные группы получают право на воссоздание картин прошлого в соответствии со своими взглядами.

На первый план научного исторического исследования стали выходить темы и проблемы, которые ранее не признавались господствующими академическими нормами. В качестве результата влияния постмодернизма различные этнические группы заговорили на расовые, исторические и общественно-политические темы. Именно в русле появления постмодернизма, а также постколониализма следует расценивать появление того, что в западной исторической науке стало называться афрологией и афроцентризмом [6, с. 211].

Как идеология афроцентризм берет свое начало среди представителей интеллигенции афроамериканского происхождения, политических деятелей и историков в активистском движении за гражданские права чернокожих в США и против расовой дискриминации в 1950–1960-е годы. В 1960-е годы афроамериканские интеллектуалы на новообразованных факультетах африканских исследований начали разрабатывать новые способы анализа информации — с «черной точки зрения», имевшей существенные отличия от «белой точки зрения». В конце 1970-х Молефи Кете Асанте, будущий основатель афроцентризма, начал говорить о необходимости афроцентристской ориентации на исторические данные. К 1980 году он опубликовал книгу «Афроцентризм: теория социальных изменений», в которой впервые представил свою концепцию. С 1980-х годов афроцентризм активно распространяется, оказывая влияние на всю зарубежную африканистику. Афроцентризм возникает в качестве альтернативы и борьбы с европоцентризмом, становится идеологией самоутверждения людей негроидной расы, направленной на подчеркивание самобытности африканских культур и их вклада во всемирную историю.

В основу теории М. Асанте была положена идея центрального положения Африканского континента и всех людей африканского происхождения в мировой истории. Новый концепт был призван помочь афроамериканцам и африканцам освободиться от воспоминаний, связанных с годами рабства и сегрегации, и передаваемого по наследству комплекса неполноценности негроидной расы. Исцеление самосознания требовало пересмотра существующих знаний, в первую очередь о своем происхождении,

об истории Африканского континента. Идеологи афроцентризма начинают переписывать историю Древнего Египта и Древней Греции, выискивая влияние своей культуры на исторические процессы. Отечественный историк-африканист Аполлон Борисович Давидсон отмечает, что это был новый «афроцентристский подход к истории, который ставил акцент на провозглашении приоритета первородства “черной расы”» [3, с. 1125].

Российский ученый-африканист Аида Николаевна Мосейко пишет: «История Африки, написанная учеными колониальных держав, до неузнаваемости искажена, фальсифицирована. Это в сущности история колониальной политики европейских империалистических держав на Африканском континенте, а не история ее народов» [9, с. 89]. А. Давидсон отмечает: «Мы говорим: “Великие географические открытия”, подразумевая, что их делали европейцы, отправлявшиеся к далеким от них землям. Европа и европейцы тут предстают субъектом исторического процесса, а другие области мира и их обитатели — объектом. Вся периодизация всемирной истории — так, как она преподается в школах и университетах нашей страны, да и во многих странах Европы, — строится зачастую исходя из истории самой Европы» [3, с. 1119]. Российские историки-африканисты Д. Бондаренко и Н. Хохолькова добавляют, описывая ситуацию в США: «Историю афроамериканцев в американских школах начинали с работорговли и рабства. Африканских школьников в колониальный период заставляли учить не историю и культуру их народов, а прошлое Великобритании, Франции, Бельгии, Португалии» [4, с. 27]. Как указывают исследователи, «африкано-американцы, как и народы Африки, Азии, Латинской Америки были введены европейцами в “дискурс угнетения”, виктимизированы их культурой» [2, с. 33].

Асанте призывал девестернизировать все сферы жизни людей африканского происхождения, переориентировать их сообразно ценностям и традициям африканских народов, воспринимать, интерпретировать и оценивать любые события с точки зрения того, что африканцы находились и будут находиться в его центре [2, с. 36].

Молефи Асанте задумал афроцентризм как теорию, согласно которой африканцы должны научиться воспринимать себя субъ-

ектами с собственным нарративом, отрицать монополию евроцентристского взгляда на историю. М. Асанте подчеркивал, что европейские следы в истории привели к тому, что африканцами было «утрачено представление о своей победоносной сущности» [5]. Он добавляет, что многолетнее присутствие европейцев на землях Африки оставило ее жителей не только разграбленными, но и закрепило целый ряд устойчивых выражений, ставших своего рода клеймом на континенте: «несостоявшаяся Африка», «усталая Африка», «ВИЧ-инфицированная Африка», «больная Африка», «презираемая Африка» и «Африка, которая не может бороться с силами». Чтобы изменить это, Асанте предлагает следующие действия: (1) вернуться к сильному самосознанию, (2) создать международную сеть африканцев на континенте и трансконтинентальную для сотрудничества на глобальном уровне, (3) уделить особое внимание обучению детей быстрому преодолению старых пережитков технологии и поиску новых способов для обучения новым возможностям [11]. Надо сказать, что первая и последняя уже успешно реализуются Асанте.

Асанте утверждает, что нельзя допустить, чтобы Европа осуществила вмешательство в африканское построение науки, истории или искусства. Система образования, ориентированная на людей с белым цветом кожи, заставляет африканцев смотреть на исторические события, например, работорговлю или географические открытия, с точки зрения европейцев, хотя акторами истории были не только они. «Почему нигериец должен писать, что шотландец Мунго Парк открыл реку Нигер? Действительно ли Ливингстон открыл водопад Виктория, или кто-то привел его в Муси ва Тунья, а он из собственного высокомерия заявил, что переименует его в водопад Виктория?» [11].

Американский ученый, основатель концепции афроцентризма, А. Мбембе в своих работах пишет: «Когда новое поколение смотрит на нас, пусть они смотрят с гордостью, которая исходит от осознания того, что были те, кто стоял за правду в то время, когда было легче раствориться в толпе ренегатов. Пусть это новое поколение примет участие в тех же битвах и пойдет от победы к победе, пока мы не сотрем с лица земли все формы человеческой деградации» [11].

Выводы

Появление афроцентризма отражает новые тенденции, которые появились в гуманитарных науках, особенно исторической. В мировом сообществе доминируют представления о прошлом и картины мира, созданные Западом, со всеми вытекающими отсюда политическими, культурными и ментальными последствиями. По мнению Асанте, происходит упадок Европы. В XXI веке должно случиться изменение этой ситуации. А. Б. Давидсон тоже это отмечает: «Кончились ужасные белые столетия <...> идет дальнейший упадок Европы, особенно Британии и Франции» [4, с. 8].

Сегодня постколониальный дискурс, частью которого, безусловно, можно считать концепцию афроцентризма, как никогда популярен. Новые взгляды подкрепляются достаточной аргументацией и дают новые надежды. Асанте отмечает: «Африканский континент и народ с таким невероятным потенциалом могут подняться, чтобы встретить любой вызов, но наши мысли должны стать действительно нашими собственными мыслями, отделенными от порабающих мыслей тех, кто стремился к расовому господству» [11].

Идеи афроцентризма активно распространяются ее идеологами не только в среде афроамериканцев, африканцев и африканских диаспор по всему миру. М. Асанте был одним из первых, кто заговорил о пересмотре роли Запада и места Африки в мировой истории. Его работы позволяют последователям теории обращаться к достаточной аргументации для того, чтобы пересмотреть историю своего происхождения в обход устоявшейся парадигмы европоцентризма. Можно смело сказать, что именно Молефи Кете Асанте первым бросил вызов существующему порядку вещей, предложив пересмотреть однополярность мироустройства не только африканцам, но и представителям других народов.

Негативные последствия эксплуатации африканской идентичности выходцы из Африки испытывают до сих пор. Как и сто лет назад, африканцы организуют общественно-политические и идеологические движения.

Возвращение России в Африку имеет огромное значение для внешней политики России. Крайне важно, чтобы Россия вклю-

чила тщательно проработанную африканскую повестку не только во внешнюю стратегию, но и внутреннюю. Необходимо, чтобы в Российской Федерации велась работа по информированию населения об Африке. В качестве фундаментального способа решения этой задачи следует на уровне школьных учебников и программ уделить больше внимания изучению истории, культуры, философии Африки, установить сотрудничество в области медиа, способствовать различным программам студенческих и научных обменов, стажировок и совместных исследований (в качестве одного из ресурсов реализации студенческих и академических обменов можно взять модель Сетевого университета BRICS), осуществлять поддержку африканских культурных проектов.

Россия должна построить свои отношения с континентом, основанные на знании истории, взаимном уважении, признании культуры и ценностей. Такая российская стратегия будет способствовать подъему африканского самосознания, разрешению множества социальных и экономических проблем, способствовать установлению тесного сотрудничества и дружбы между Россией и Африкой.

Библиография

1. *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л.* Новая стратегия России на африканском направлении // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 90–100.
2. *Бондаренко Д. М., Хохолькова Н. Е.* Метаморфозы идентичности африкано-американцев в постсегрегационную эпоху и теория афроцентризма // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 2. С. 30–45.
3. *Давидсон А. Б.* Битвы вокруг исторического прошлого Африки // *Вестник Российской Академии наук*. 2012. Т. 82. № 12. С. 1119–1126.
4. *Давидсон А. Б.* Исторические пласты афроцентризма / *А. Б. Давидсон, И. И. Филатова // Рах Africana: континент и диаспора в поисках себя / под ред. А. Б. Давидсона. М., 2009. С. 6–40.*
5. *Давидсон А. Б.* Последствия распада империй для XXI века. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/HISTORY/AFRO.HTM#06> — 07.04.2022.
6. *Ерохин В. Н.* Афроцентризм: теоретико-методологические установки и основное идейное содержание // *Актуальные проблемы изучения*

- и преподавания всеобщей истории и международных отношений: сборник статей Международной научно-практической конференции. Рязань, 12–13 мая 2021 года. Рязань: ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2021. С. 209–215.
7. *Кравинская Ю. Ю.* О дискурсивных связях постколониального нарратива с постмодернизмом // *Филология и культура*. 2015. № 4(42). С. 232–237.
 8. *Маслов А. А., Суслов Д. В.* Возвращение в Африку: как сделать его российским приоритетом // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 1. С. 130–148.
 9. *Мосейко А. Н.* Кризис идентичности и духовные искания африканской интеллигенции // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2006. № 4. С. 84–95.
 10. *Муха А.* Рейтинг стран мира по темпам роста реального ВВП в 1980–2024 гг. // *BusinessForecast.by*. URL: <https://businessforecast.by/partners/rejting-stran-mira-po-tempam-rosta-realnogo-vvp-po-tempam-jekonomicheskogo-rosta-v-1980-2024-gg/> — 29.05.2020.
 11. *Asante M. K.* Afrocentricity: Toward a New Understanding of African Thought in the World. 05.04.2009. URL: <http://www.asante.net/articles/5/afrocentricity-toward-a-new-understanding-of-african-thought-in-the-world/> — 26.01.2022.
 12. Что такое постколониализм? Интервью с А. Мбембе // *Easteast*. URL: <https://easteast.world/posts/104> — 05.04.2022.

*Ефимова Анна Александровна,
Баранов Илья Николаевич*

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат*

Конституционные реформы в конкурентно-авторитарных режимах на примере Турции и России

Constitutional reforms in Competitive Authoritarian Regimes on the Example of Turkey and Russia

Аннотация. В статье предпринята попытка бинарного сравнительного анализа подходов гибридных режимов к конституционным реформам на примере референдумов в Турции и России в 2017 и 2020 годах. С целью выявления закономерностей в подходах авторитарных лидеров к реформированию законодательной базы авторы сравнивают содержание конституционных реформ в Турции и России, выделяют предпосылки к их проведению и оценивают влияние преобразований на двусторонние отношения этих стран. В результате исследования делаются выводы о сближении авторитарных режимов друг с другом в противовес демократиям. Авторы заключают, что проведенные реформы являются частью процесса глобального отката от демократии и консолидации власти в руках автократов.

Ключевые слова: Россия, Турция, конкурентный авторитаризм, двусторонние отношения гибридных режимов, конституционные реформы, откат от демократии, российско-турецкие отношения.

Abstract. This article aims at conducting a binary comparative analysis of the approaches of hybrid regimes to constitutional reforms on the examples of referendums Turkey and Russia in 2017 and 2020. In order to identify similar patterns in the approaches of authoritarian leaders towards reforming the legislative framework, the authors compare the contents of constitutional reforms in Turkey and Russia, highlight the prerequisites for their implementation and assess the impact of the reforms on the bilateral relations of these countries. As the result of the study, conclusions are made about how authoritarian regimes are more likely to cooperate with each other while moving away and even opposing the democratic regimes. The authors

conclude that the reforms carried out are part of the process of a global democratic backsliding.

Keywords: Russia, Turkey, competitive authoritarianism, bilateral relations of hybrid regimes, constitutional reforms, democratic backsliding, Russia-Turkey relations.

Введение

В данной работе предпринята попытка бинарного сравнительного анализа подходов конкурентно-авторитарных режимов к конституционным реформам на примере Турции и России в 2017 и 2020 годах. Центральным для исследования является понятие *конкурентного авторитаризма*, введенное Левицким и Вэем в одноименной статье [1]. Кроме того, авторы обращаются к концепции волн демократизации С. Хантингтона [2] и определяют место конкурентных авторитарных режимов в ней посредством сравнения Турецкой Республики и РФ. Для достижения цели авторы посчитали необходимым выявить предпосылки для реформ в ТР и РФ; проанализировать содержание реформ и агитационных кампаний; выявить сходства и различия в подходах к реформированию законодательной базы политического режима в РФ и ТР; сделать вывод о том, как реформирование законодательной базы в РФ и ТР повлияло на двусторонние отношения двух гибридных режимов.

Актуальность такого подхода заключается в необходимости выявления схожих паттернов поведения элит в конкурентных авторитарных режимах в связи с возросшей распространенностью последних в современном мире. Немаловажным является и феномен популизма, характерный как для ТР, так и для РФ. Конституционные реформы в этих государствах невозможно рассматривать в отрыве от концепта популизма, поскольку во многом предложенные изменения получили одобрение на референдумах благодаря консервативной риторике правящих элит.

К началу 20-х годов XXI в. набралось немало примеров, когда политические элиты с целью укрепления действующего режима реформировали основные законы своих государств, однако в отечественной науке мало распространены исследования, выявляющие

различные закономерности в таких процессах. Явно отмечается и нехватка сравнительных работ, посвященных России и Турции. Исследование направлено конкретно на раскрытие данной проблематики, в чем и выражается его научная новизна.

Для осуществления поставленной цели авторами был проведен анализ содержания конституционных поправок и материалов агитационных кампаний в ТР и РФ. При помощи ивент-анализа сделаны выводы о сходствах и различиях процесса проведения реформ.

Понятия гибридных и авторитарных режимов

Необходимым для исследования является разграничение понятий автократии, демократии и гибридного режима.

В работе Левицкого и Вэя «Подъем конкурентного авторитаризма» (2002) выделены следующие критерии демократии:

1. Избрание исполнительной и законодательной власти путем открытых, свободных и честных выборов;
2. Обладание практически всем совершеннолетним населением страны избирательным правом;
3. Функционирование основных политических прав и свобод;
4. Автономия выбранной власти от религиозных и военных лидеров.

Основная разница между демократией и гибридным режимом заключается в том, что в демократиях нарушения данных критериев не систематичны, а значит, не подрывают демократические институты. В гибридных режимах они серьезны настолько, чтобы создать неравные условия борьбы между оппозицией и действующей партией власти. Такие режимы также следует отличать от автократий. В гибридных режимах демократические институты сохраняют свои основные функции и дают оппозиции возможность бросить вызов действующей власти. Однако доступ к институтам оказывается серьезно затруднен за счет действий авторитарного правительства. Таким образом, гибридный режим эффективно сочетает в себе существующие и частично функционирующие демократические институты с авторитарными формами правления.

В Турции и России в 2017 и 2020 гг. наблюдались признаки гибридных режимов. Так, в ТР функционирует институт выборов, к которому допускаются оппозиционные кандидаты (например, Рабочая партия Курдистана). При этом Партия справедливости и развития (ПСР), пользуясь своим нахождением у власти, саботирует электоральный процесс и обеспечивает неравный доступ к нему у оппозиционных партий. Что касается российского режима образца конца 2010-х гг., его можно справедливо назвать гибридным по следующим причинам: во-первых, до начала активного применения закона об иностранных агентах летом 2021 г. в России практически не ограничивалась деятельность СМИ, критикующих действия официальных властей; во-вторых, в нескольких случаях выборы оставались конкурентными, и порой, как это было с губернаторскими выборами в Хабаровском крае в 2018 г., когда губернатором был избран С. Фургал, оппозиции удавалось достигать своих целей.

Предпосылки поправок

Политические элиты в Турции пришли к власти почти одновременно с российскими. В 2002 и 2003 годах ПСР и «Единая Россия» одержали победу на выборах в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) и Государственную Думу соответственно. За годы правления обе партии сформировали конкурентные авторитарные режимы, которые позволили им оставаться у власти вплоть до 2022 года. Тем не менее, оба режима столкнулись с необходимостью конституционных реформ.

Идеология Эрдогана — возвращение к османским амбициям, частичный отход от секуляризма и ориентации на западные ценности — шла вразрез с традиционными для Турции принципами кемализма, закрепленными в Конституции [3]. Проблемой для успешной имплементации реформ являлись слишком широкие полномочия военных структур, установленные в Конституции 1982 года, судов, а также в оппозиции, которая может возникнуть в ВНСТ. Переход от парламентской к президентской республике позволил бы президенту действовать почти без ограничений и санкций со стороны законодательной и судебной власти [4].

Впервые идею о переходе Турции к президентской республике озвучил назначенный Эрдоганом министр юстиции Джемиль Чичик еще в 2005 г. [5]. Поэтому все события, произошедшие до 2017 года были вполне закономерным путем к консолидации власти в руках президента.

За всю историю Турции было проведено четыре конституционных референдума, три из которых — в 2007, 2010 и 2017 гг. — организовала ПСР. В 2007 и 2010 гг. референдумы были направлены на укрепление позиций президента по отношению к военным, судам и бюрократии и подготовили почву для полномасштабных реформ. В 2017 году поправки впервые были нацелены на полную консолидацию власти в руках президента [6]. Поводом для этого стала попытка военного переворота, которая окончательно убедила правящие элиты в потребности немедленного проведения реформ. Партия националистического движения (ПНД) выступила в поддержку поправок, что позволило ПСР набрать большинство голосов в парламенте для последующего выдвижения поправок на референдум. Кроме того, в 2015 г. ПСР впервые не удалось сформировать коалиционное правительство в ВНСТ. При дальнейшей задержке был риск потерять электорат и не закончить начатые реформы [7].

На сегодняшний день правящая партия «Единая Россия» и президент В. Путин находятся у власти в общей сложности уже больше 20 лет, что позволяет делать определенные выводы об их успехах и неудачах. Со времен формирования из избирательных блоков «Отечество — вся Россия», «Наш дом — Россия» и общественно-политического движения «Единство», «Единая Россия» одержала уверенные победы на всех парламентских выборах, причем в трех случаях из пяти заняв конституционное большинство, вследствие чего ее конвенционально стали называть партией власти. Ее думская фракция традиционно поддерживала курс президента РФ, что, в первую очередь, обусловлено партийной принадлежностью Д. Медведева и В. Путина к «Единой России». Именно лояльность крупнейшей партии всегда позволяла президенту легитимизировать решения, вызывающие общественный резонанс, как это было, например, с пенсионной реформой, за проведение которой отдали свой голос 331 депутат от «Единой России» и 1 от ЛДПР. Принятие

данной реформы привело к резкому падению рейтингов доверия Путину среди населения до рекордно низких 60%. Однако политическая система России крепко завязана на кадровой стабильности в высших эшелонах власти, поэтому пока многочисленные консервативные слои российского общества одобряют действия правительства и президента, система не чувствует необходимости адаптироваться и меняться изнутри.

Несмотря на конструктивную критику, политический режим России конца 2010-х гг. оставлял гражданам базовые права на свободу слова, творчества и т.д.; случаи же их несоблюдения справедливо считались исключениями. С точки зрения макроэкономики, Россия пребывала и пребывает в стабильном положении благодаря большому золотовалютным резервам и важной позиции на мировом рынке сырья, что в значительной степени оберегает страну от экономических потрясений. Во многом именно благодаря курсу действующей власти все вышеперечисленные факторы имеют место быть и могут использоваться медиа как доказательства эффективности действий властей, что позволяет поддерживать провластные настроения среди населения. Таким образом, выстроенный режим продлевает свою легитимность, тогда как для легальности приходится искать новые методы.

Конституция старой формации разрешала президенту РФ осуществлять свои полномочия не более двух сроков подряд. Когда В. Путин занимал этот пост в 2012 и 2018 гг., правовые нормы не были нарушены, но для дальнейшего сохранения действующего режима было необходимо реформировать Конституцию, что и случилось в 2020 г. Несмотря на постепенное снижение рейтингов партии власти и президента, они все еще пользуются доверием большей части населения, что подтверждается, кроме прочего, опросами, проводимыми центрами социологических исследований.

Действующая власть не растеряла свой электорат, о чем говорит победа «Единой России» на парламентских выборах 2021 г. Исходя из их итогов, можно сделать следующий вывод: неоднозначные по своей сути конституционные поправки, в большинстве своем предложенные депутатами «Единой России», не навредили имиджу власти [8].

Содержание реформ

Главным сходством пакетов конституционных реформ в ТР и РФ является их направленность на консолидацию власти в руках президента.

Поправки 2017 года [9] официально сделали Турцию президентской республикой. Система сдержек и противовесов была скорректирована в пользу исполнительной власти.

Так, президент стал одновременно главой государства и правительства с правом самостоятельного назначения и увольнения министров и вице-президентов (ст. 104), мог принимать решение о проведении досрочных выборов в ВНСТ (ст. 116) и вводить чрезвычайное положение (ст. 119). Были также изменены взаимоотношения между исполнительной и судебной властями — президент теперь назначал 4 из 13 членов Совета судей и прокуроров (ст. 159). Упраздняялась обязанность министров устно отчитываться перед ВНСТ (ст. 98), что уменьшило ответственность исполнительной власти перед законодательной. Отменялась и обязанность президента приостанавливать свое членство в политической партии (ст. 101).

Поправки, внесенные в российскую конституцию, имеют ряд общих черт с вышеописанной конституционной реформой в Турции. Президент РФ получил право самостоятельно назначать и отстранять от должности основных федеральных министров, отправлять в отставку премьер-министра, сохраняя остальной кабинет, а также не распускать нижнюю палату парламента, если она трижды отклонила представленную президентом кандидатуру премьера. Таким образом, глава государства получил большую вариативность в ротации кадрового состава высших органов власти. Кроме того, президент получил право вносить представление о прекращении полномочий федеральных судей в Совет Федерации, что вкупе с возможностью лично назначить генпрокурора дает весомый рычаг влияния на судебную власть.

Агитационные кампании

Кампанию за принятие поправок (*Kararımız evet*) в Турции вели две партии: ПСР и ПНД. Они опирались на необходимость

сильной президентской власти для борьбы с угрозой терроризма и экономическим кризисом [10]. Целью партий было строительство обновленной Турции (*Büyük ve Güçlü Türkiye*), которая сможет справиться с новыми вызовами только с сильным президентом во главе государства. Оппозиция, проводившая кампанию «против» (*Başkanlığa Hayır*), обвиняла ПСР и Эрдогана в узурпации власти. Данные по голосованию оказались предсказуемыми: «за» проголосовали 51%, «против» — около 49%.

В России же дело обстояло иначе: инициаторы реформ приняли решение обратить внимание широкой публики в первую очередь на поправки, призванные защищать традиционные ценности, институт семьи, историко-культурное наследие, природные богатства и т.д. Главным образом внимание уделялось социальным гарантиям, что возымело свой эффект в отношении наименее социально-защищенных слоев населения.

Под началом М. Ходорковского стартовала кампания «Нет», противопоставляющая себя официальной позиции властей. В разных городах страны проходили несогласованные митинги и пикеты; в социальных сетях звучали призывы к объединению оппозиции и отказу от бойкота референдума. Лидеры движения позиционировали поправки исключительно как охранительные меры для укрепления существующего режима.

В итоге за внесение пакета поправок было отдано 78% голосов. Среди причин, обусловивших такой результат, стоит выделить бойкот референдума частью оппозиции, недостаточно широкую социальную базу движения «Нет» и общую поддержку курса партии власти консервативной частью населения.

Влияние внутривнутриполитических процессов на двусторонние отношения РФ и ТР

Двусторонние турецко-российские отношения укрепляются год за годом в стратегически важных аспектах, среди которых стоит выделить энергетическое сотрудничество, импорт российского вооружения, а также координацию совместных действий в Сирии. По данным «Газпрома», за 2021 г. Турция импортировала рекордный объем природного газа из России, в том числе

15,98 млрд куб. м через «Голубой поток» [11]. В 2019 г., несмотря на сопротивление НАТО, была завершена крупная сделка по зенитной ракетной системе российского производства «С-400». Что касается Сирии, то стоит обратить внимание на несколько принципиально важных соглашений, в том числе Сочинский меморандум и соглашение по Идлибу от 05.03.2020.

Было бы неправильно говорить о том, что изложенные выше позитивные факты и тенденции полностью исключают кризисные явления из российско-турецких отношений, однако же они качественно влияют на процесс решения такого рода проблем. Даже в нынешней мирополитической обстановке Турция не присоединилась к *антироссийским санкциям* [12], исходящим от коллективного Запада, следовательно, в Анкаре в достаточной степени осознают стратегическую важность стабильных отношений с Москвой. Из этого следует логичное умозаключение: правительство Турции склонно полагать, что независимая политика в отношении России соответствует национальным интересам страны.

По итогам изучения определяющих для России и Турции внутривнутриполитических событий и процессов, которым посвящено данное исследование, вероятно, будет целесообразно сделать следующий вывод: схожая во многих аспектах траектория развития политических режимов обеих стран в сущности предопределяет их постепенное сближение. Неоосманизм, продвигаемый ПСР, отвергает многие социокультурные либеральные и демократические ценности, присущие западному обществу, тогда как Россия вновь возвращается к идее своего «особого пути», постепенно отказываясь от формально еще действующих демократических норм и институтов. В свою очередь, США и ЕС резко негативно относятся к данным тенденциям, в сущности, призывая Россию и Турцию к приведению их политического устройства к западному образцу. На этом фоне существенно сокращается военное, экономическое и социально-гуманитарное сотрудничество ТР и РФ с Западом. В результате этого амбициозные Россия и Турция обращаются к поиску новых стратегических партнеров в различных регионах и абсолютно закономерно находят друг друга. Здесь стоит вернуться к вопросу укрепления российско-турецкого сотрудничества, основания для которого были изложены выше.

Российский бизнес активно инвестирует в турецкую экономику. Среди наиболее наглядных примеров стоит выделить «Газпром» как главного экспортера природного газа, покрывающего половину потребностей Турции в голубом топливе, и DenizBank, ранее подконтрольный «Сбербанку», — один из крупнейших банков Турции на сегодняшний день. В то же время Турция экспортирует в Россию продукты сельского хозяйства, автомобильные запчасти для заводов КАМАЗ и АвтоВАЗ и многое другое. Следует упомянуть и туристический бизнес, приносящий большие доходы обеим сторонам.

Очевидно, что любые угрозы такому сотрудничеству невыгодны ни России, ни Турции. Кризис 2015 г., вызванный крушением российского Су-24, был разрешен только когда Эрдоган лично проявил инициативу по разрешению конфликта почти через полгода после трагедии. Однако уже в 2020 г. инцидент в Идлибе, в результате которого погибли турецкие военнослужащие, был урегулирован специальным соглашением [13] менее чем за 10 дней.

Зачастую в политике важны не события, но тренды, ведь именно они главным образом определяют положение дел как внутри стран, так и на мировой арене в долгосрочной перспективе. Конституционные реформы, продемонстрировавшие тяготение турецкого и российского политических режимов к авторитаризму, в определенном смысле послужили сигналом к сближению этих государств.

Выводы

Как показано выше, конституционные реформы в Турции и России являются закономерным результатом процесса концентрации власти в руках автократов, который начался еще в 2000-х годах. Ситуации в Турции и России сигнализируют о более глобальных изменениях в мировом порядке — вероятно, мы станем свидетелями полноценного, длящегося до сих пор, третьего отката от демократизации в сторону автократизации, что создает условия для отхода некоторых стран от гибридных режимов в сторону авторитарных, как это произошло в России.

Такие режимы будут постепенно утрачивать многие наработанные десятилетиями экономические и социально-гуманитарные связи со странами, политический режим которых можно назвать демократическим. Практика России и Турции показывает, что авторитарные режимы более склонны взаимодействовать и поддерживать тесные связи с другими авторитарными режимами, а не с либеральными демократиями Запада.

Библиография

1. *Levitsky S., Way L.* Elections Without Democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 51–65.
2. *Huntington S. P.* The third wave: Democratization in the late twentieth century. University of Oklahoma Press, Norman, 1991
3. *Yilmaz I., Bashirov G.* The AKP after 15 years: emergence of Erdoganism in Turkey // *Third World Quarterly*. 2018. Vol. 39. No. 9. P. 1812–1830.
4. *Esen B., Gümüççü S.* Rising competitive authoritarianism in Turkey // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. No. 9. P. 1581–1606.
5. *Gündem başkanlık tartışması* // NTV Turkey. URL: <http://arsiv.ntv.com.tr/news/303471.asp> — 21.03.2022.
6. *Bilgin H., Erdoğan E.* Obscurities of a Referendum Foretold: The 2017 Constitutional Amendments in Turkey // *Review of Middle East Studies*. 2018. Vol. 52. No. 1. P. 29–42.
7. *Esen B., Gümüççü S.* A Small Yes for Presidentialism: The Turkish Constitutional Referendum of April 2017 // *South European Society and Politics*. 2017. Vol. 22. No. 3. P. 303–326.
8. *Эбзеев Б. С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного закона // *Государство и право*. 2020. № 4. С. 7–24.
9. Сравнительная таблица действующей Конституции Российской Федерации с учетом одобренного закона Российской Федерации «О поправке к Конституции Российской Федерации», «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <http://duma.gov.ru/media/files/WRg3wDzAk8hRCRoZ3QUGbZ84pI0ppmjF.pdf> — 27.02.2022.
10. Официальный буклет ПСР, выпущенный к Референдуму 2017 г. URL: <https://www.akparti.org.tr/media/277954/2017-subat.pdf> — 28.02.2022.
11. Поставки по газопроводу «Голубой поток» в 2021 г. достигли рекордного значения // *Газпром Экспорт*. URL: <https://gazpromexport.com/presscenter/news/2589/> — 28.02.2022.

12. Turkey will not join sanctions against Russia — Erdogan // ТАСС. URL: https://tass.com/politics/1427365?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com — 26.03.2022.
13. Лавров назвал три договоренности России и Турции по Идлибу // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2020/5e6106459a79475127524e80> — 29.03.2022.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА»

Демихов Кирилл Андреевич

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат*

Влияние фактора секьюритизации российской угрозы в регионе Балтийского моря на эволюцию оборонной политики Швеции с 1990 по 2021 годы

The Impact of the Russian Threat Securitization Factor in the Baltic Sea Region on the Evolution of Swedish Defense Policy from 1990 to 2021

Аннотация. В данной работе предпринята попытка определить характерные черты процесса эволюции шведской оборонной политики и то, каким образом на данный процесс повлиял появившийся в последнее время в международной риторике тезис о «русской угрозе». Для осуществления данной цели автором была проанализирована история взаимоотношений Российской Федерации и Королевства Швеция, зафиксированы статистические изменения в численном и материальном составе шведских вооруженных сил, а также проанализированы соответствующие правительственные программные документы. Итогом стало формирование вывода о том, что Швеция определенно опасается каких-либо силовых действий со стороны России, но еще не поздно доказать ее правительственным и общественным кругам, что данные опасения беспочвенны.

Ключевые слова: секьюритизация, НАТО, российская угроза, безопасность, оборона.

Abstract. In this article was made an attempt is made to identify the characteristic features of the process of evolution of the Swedish defense policy and how this process has been influenced by the thesis

of the “Russian threat” that has recently appeared in international rhetoric. To achieve this goal, the author analyzed the history of relations between the Russian Federation and the Kingdom of Sweden, recorded statistical changes in the numerical and material composition of the Swedish armed forces, and also analyzed the relevant government policy documents. The result was the formation of the conclusion that Sweden is definitely afraid of any military actions coming from Russia, but it is not too late to prove to its government and society that these fears are groundless.

Keywords: securitization, NATO, Russian threat, security, defense.

Введение

Фактор секьюритизации российской угрозы в регионе Балтийского моря в течение продолжительного периода времени влиял на трансформацию оборонной политики Швеции. Образ большого и непредсказуемого северного соседа в лице России так или иначе всегда воспринимался в Швеции как угроза, как в период Советского Союза, так и сейчас. В данном исследовании мы сосредоточимся на современном этапе.

Также заметим, что политика нейтралитета, которой придерживается Королевство Швеция на протяжении более чем двухсот лет, подвергается критике со стороны многих исследователей. Она не так однозначна, как само королевство пропагандирует ее на внешней арене. Дискуссии на тему того, стоит ли Швеции и Финляндии вступать в Североатлантический альянс (НАТО), длятся последние десятилетия, и фактически в 2016 году обе страны подписали соглашение, согласно которому они получают равные права без необходимости вступать в Альянс.

Оборонная же политика Швеции, несмотря на достаточно тесное военно-техническое сотрудничество с Альянсом и даже участие в некоторых операциях (к примеру, в операции в Ливии в 2011 году), достаточно самостоятельна, с учетом развитого военно-промышленного комплекса, исправно работающего над удовлетворением потребностей вооруженных сил этого государства. Однако стоит отметить, что в последние годы в шведской оборонной политике намечаются некоторые тенденции, которые свидетельствуют о возможных переменах в ней. Катализатором

данных перемен в значительной степени послужил украинский кризис 2014 года, после которого в министерствах иностранных дел и министерствах обороны Северных стран все более активно начали говорить о российской угрозе в районе Балтийского моря, тем самым секьюритизируя дискурс о российской угрозе.

Актуальность данной темы определяется следующими тезисами.

Во-первых, трудно отрицать наличие прямой связи нынешней политической ситуации вокруг урегулирования российско-украинского конфликта и восприятия российской внешней политики на Западе в целом с изменениями шведской оборонной политики — как уже произошедшими, так и грядущими.

Во-вторых, исследование аспектов влияния секьюритизации российской угрозы на изменение оборонной политики способно пролить свет на процесс поляризации и деглобализации международных отношений, усиление значимости потенциальных причин для региональных конфликтов.

В-третьих, изучение предпринимаемых Швецией мер представляет особый интерес в контексте продолжающейся в Европе дискуссии о необходимости замены блока НАТО чем-то более отвечающим непосредственно интересам европейских государств. С учетом того, что подобные инициативы уже существуют (хороший тому пример — Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны, PESCO), опыт Швеции может иметь довольно большое значение для остальных государств — участников инициативы, особенно принимая во внимание, что Швеция тоже является ее частью.

Соответственно, целью исследования будет определение того, как фактор секьюритизации российской угрозы в регионе Балтийского моря повлиял на изменение шведской оборонной политики. Достижение данной цели предусматривает решение ряда научно-исследовательских задач:

1. Проанализировать исторический аспект восприятия России в Швеции в хронологических рамках последних двухсот лет.
2. Сравнить мероприятия оборонной политики Швеции, которые проводились до и после 2014 года.

3. Определить тенденции, наблюдающиеся в настоящее время, и на данном основании сделать вывод о долгосрочных целях шведской оборонной политики.

Методологический аппарат исследования представлен сравнительно-историческим методом для рассмотрения эволюции развития дискурса российской угрозы в регионе Балтийского моря, контент-анализом для выявления конкретных мер в оборонной политике Швеции, которые отражены в шведских правительственных документах, и теорией секьюритизации, сквозь призму которой рассматриваются мероприятия Швеции.

Научная новизна исследования может быть определена следующим:

1. Проводится сравнительный анализ шведской оборонной политики, которую можно разделить на этапы до и после 2014 года.
2. Осуществляется последовательное рассмотрение отхода Швеции от принципа нейтралитета и появления риторики о возможном противостоянии конкретному государству — России.

Степень научной разработанности темы представляется неоднозначной, так как существует ряд работ как зарубежных [1, 2], так и отечественных [3, 4] исследователей, рассматривающих проблему, но, как правило, они делают это в контексте всего региона, а не только Швеции.

Обзор исторического аспекта взаимоотношений России и Швеции

Стоит отметить, что отношения Швеции с Россией, а также с государствами-предшественниками РФ на международной арене, длительное время были весьма мирными. Последний вооруженный конфликт был завершен в 1809 году после подписания Фридрихсгамского мирного договора. Однако, несмотря на это, с тех пор было несколько периодов, которые отмечались охлаждением отношений в силу определенной совокупности обстоятельств, способных создать в Швеции мнение о российской угрозе. Первый такой временной отрезок наблюдается незадолго

до Первой мировой войны, когда в придерживающейся прогерманских взглядов Швеции были сильны антироссийские настроения — вплоть до шпиономании. Впрочем, как мы знаем, тогда они оказались необоснованными.

Второй всплеск напряженности между Швецией и уже СССР случился после окончания Второй мировой войны. Тогда у обеих стран были претензии друг к другу — Швеция до 1957 года тщетно пыталась выяснить судьбу своего дипломата Рауля Валленберга, пропавшего в Венгрии во время продвижения советских войск к Берлину, а СССР, в свою очередь, обвинял Швецию в шпионаже в пользу НАТО во время инцидента со сбитым разведывательным самолетом Швеции DC-3 в 1952 году. Однако после урегулирования данных кризисов отношения между государствами в целом были спокойными. Имели место, например, визиты глав государств (хороший тому пример — визит Н. С. Хрущева в Стокгольм). А шведский премьер-министр Улоф Пальме, представитель социал-демократов, хоть и критиковал СССР за тоталитарный строй и диктатуру, в целом относился к нему не в пример более дружелюбно, чем большинство его коллег из правительств западных держав.

Спокойными и дружественными шведско-российские взаимоотношения оставались и какое-то время после окончания холодной войны и распада СССР. Однако в настоящее время мы можем судить об эскалации напряженности, где отправной точкой данного процесса, вне всяких сомнений, служит украинский кризис 2014 года.

Анализ оборонной политики Швеции с окончания холодной войны до украинского кризиса

С 1992 по 2013 гг. военные расходы Швеции снизились с 6,07 до 5,11 миллиардов долларов США [5]. В целом, по данным Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ), доля военных расходов Швеции в 1992 году составляла 2,4% ВВП, а в 2013 г. — 1,1% ВВП. Происходило также значительное сокращение военного контингента: по данным Международного института стратегических исследований, численность активного компонента

ВС Швеции в 1992 году составляла 70 тысяч человек, в 2013 г. — 16,1 тысяч человек [6] (стоит отметить, что национальные отчеты оценивают численность шведских вооруженных сил в 19 тысяч человек в 2013 году, однако это не меняет тезис о значительном снижении численности ВС). Что же в это время делала шведская оборонная промышленность? Ответ достаточно прост: экспортировала свою продукцию. Дело в том, что политика нейтралитета не помешала Швеции развивать мощный военно-промышленный комплекс (ВПК), причем нам представляется возможным утверждать, что именно нейтралитет этого государства является одной из главных предпосылок построения такой развитой военной промышленности — ведь, в отличие от Дании и Норвегии, побывавших во время Второй мировой войны под нацистской оккупацией и после окончания данного конфликта вступивших в НАТО, сделав Альянс гарантом своей безопасности, Швеция сделала ставку на защиту своей территориальной целостности, суверенитета и национальных интересов собственными силами, без необходимости присоединения к каким-либо блокам. Во время холодной войны Швеция, естественно, не избежала участия во всеобщей гонке вооружений (в контексте данного государства — довольно ограниченной, надо заметить, особенно в сравнении со многими другими западными державами, но нам важно отметить сам факт), но после окончания величайшего геополитического противостояния двадцатого века и разрядки международной напряженности успешно перевела производственную мощь своего ВПК на пополнение государственного бюджета путем продажи его продукции заинтересованным в ней государствам и добилась в этом определенных успехов. Согласно данным шведского правительства, в последние годы XX века объем экспорта продукции военного назначения составлял 4,37 миллиардов шведских крон, а в 2013 году — 11,94 миллиардов шведских крон (данные приводятся по ценам 2020 года) [7, 8, 9].

Таким образом, мы можем наблюдать, что в шведских политических и военных кругах в этот период достаточно явно господствовал тезис о том, что время блокового противостояния держав (да и противостояния государств в целом) подошло к концу и теперь настала эпоха борьбы с другими, глобальными проблемами. Это подтверждается рядом примеров: участие Швеции во множестве

миротворческих операций, гуманитарных миссий, как правило, проводимых под эгидой ООН, а также вступление в Европейский союз в 1994 году. С учетом сокращения численности вооруженных сил и расходов на оборону мы можем предположить, что шведские политики и военные не рассчитывали, что в ближайшее время может возникнуть необходимость в защите королевства от внешних угроз и что основной сферой применения войск будет как раз-таки миротворческая.

Анализ изменений оборонной политики Швеции после 2014 года

Что же изменил украинский кризис в умах политиков и военных? Достаточно наглядно, по нашему мнению, документ под названием «Ключевые направления оборонной политики на 2016–2020 гг.» [10] — доктрина шведских вооруженных сил на этот период. Этот документ важен тем, что отражает изначальное отношение шведского политического руководства к оборонной политике после украинского кризиса, и в нем мы можем видеть следующие интересные моменты:

1. Появляется термин «российская агрессия»;
2. Высказывается предположение, что следующим местом, где Россия нанесет удар, станут прибалтийские государства;
3. Отмечается ухудшение военно-политической обстановки в Европе в целом.

Соответственно, с учетом вышеизложенного, в документе предлагается ряд мер для повышения обороноспособности Швеции. Среди них: увеличение сил ПВО, ремилитаризация острова Готланд (состоялась в 2016 году), увеличение численности и боеготовности армейских подразделений (в 2017 году была возвращена воинская повинность [11], что характерно, при одобрении общественного мнения — 72% шведов поддержало инициативу [12]).

Усиление оборонных мер Швеции вновь подтверждается цифрами: по состоянию на 2019 год, общая численность воинского контингента составила 22,7 тысяч человек. Кроме того, планиру-

ется увеличить на 40% ассигнования на военные расходы в период с 2021 по 2025 годы [13].

Вышеперечисленные меры показывают, что Швеция готовится к возможной необходимости защищать свои границы. Мы можем наблюдать три основных аспекта: увеличение численности состава вооруженных сил, подготовка дополнительных возможных опорных пунктов и рубежей обороны, общее увеличение ассигнований в военной сфере. Можем ли мы трактовать данные меры как исключительно оборонительные? Однозначно утвердительный ответ на этот счет дать нельзя, так как любое из мероприятий, упомянутых в документе, можно трактовать как наступательное действие (подготовка сил для наступления, подготовка плацдарма, общее финансирование возможной операции). Впрочем, с учетом того, что в правительственных и военных кругах Швеции уже достаточно давно не проявлялись сколь-нибудь существенные имперские или реваншистские амбиции (мы делаем данное утверждение, основываясь на некоторых исторических фактах — к примеру, на том обстоятельстве, что самым болезненным последствием Фридрихсгамского мира для Швеции стала именно потеря Финляндии, а также на том, что у Швеции был, на наш взгляд, как минимум один шанс попытаться вернуть данную территорию под свой контроль — в период Крымской войны 1853–1856 годов, но Швеция, как известно, предпочла его проигнорировать и враждебных действий против России не предпринимала ни тогда, ни после), есть основания верить, что шведы действительно попросту боятся возможного нападения, а значит, ими движет не русофобия, не какие-либо антироссийские настроения, а достаточно ожидаемое и нормальное для международной политики желание обеспечить свою государственную безопасность, которое в такой же степени свойственно и Российской Федерации. Данная общность интересов, на наш взгляд, служит хорошей почвой для предметного диалога между державами.

Заключение

В сознании как политических элит, так и широких общественных масс Швеции определенно произошли перемены. Россия

и ранее воспринималась ими как несколько нестабильный партнер, с которым в прошлом были определенные сложности в отношениях, но сейчас же мы можем наблюдать — шведы действительно считают Россию угрозой, что подтверждается не только словом, но и делом. Сложно как-либо иначе истолковать меры, прямо направленные на повышение военного потенциала государства, учитывая при этом, сколь важное значение Швеция придает нейтралитету, на протяжении столетий занимавшему место не только основного ориентира шведской внешней политики, но и одной из основных ценностей общества наряду с демократией, защитой прав человека и так далее. К счастью, как можно судить по последним заявлениям, шведское правительство сохраняет прагматичность, осмотрительность и пока совершенно не демонстрирует желания совершать какие-либо поспешные, необдуманные действия. Общественное мнение, как показывают опросы, тоже не склонно к радикальным мерам: опросы общественного мнения, проводимые в течение десятилетий, отнюдь не демонстрируют готовности жителей Швеции немедленно что-то менять (а с учетом сложившейся политической традиции, согласно которой общественное мнение традиционно играет большую роль в принятии решений в масштабе данной страны, переступить через него будет непросто, и вряд ли шведские политики обладают такой властью). Все вышеперечисленные факторы наталкивают нас на мысль, что еще не поздно разъяснить шведам не только словом, но и делом, что российской угрозы для них не существует. Да и в целом не все так плохо в российско-шведских отношениях — есть в них и позитивные моменты. К примеру, не секрет, что огромную озабоченность России вызывает расширение состава НАТО — но, согласно неоднократным заявлениям шведских политиков и опросам общественного мнения, Швеция не намерена становиться участником Альянса в ближайшее время, сохраняя приверженность собственной, а не коллективной политике безопасности. Швецию больше всего беспокоит ее собственная безопасность, а не какие-либо проблемы Альянса — и это дает нам основания полагать, что сложности во взаимоотношениях Швеции и России могут быть улажены путем открытого и искреннего диалога.

Библиография

1. Pezard S., Radin A., Szayna T. S., Larrabee F. S. European Relations with Russia; Threat Perceptions, Responses, and Strategies in the Wake of the Ukrainian Crisis. Santa Monica: RAND Corporation, 2017.
2. Veebel V., Ploom I. Are the Baltic States and NATO on the right path in deterring Russia in the Baltic? // *Defense & Security Analysis*. 2019. No. 35(4). P. 406–422.
3. Mezhevich N. M., Markushina N. Y. Russia and the Baltic States: Some Results Interstate Relations / eds. G. Fedorov at al. // *Baltic Region — The Region of Cooperation*. Cham: Springer Nature, 2019. P. 53–59.
4. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Вызовы региональной безопасности: балтийский вектор // *Международная жизнь*. 2021. Январь. С. 28–43.
5. SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> — 20.02.2022.
6. Armed Forces personnel, total — Sweden // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.TOTL.P1?locations=SE> — 20.02.2022.
7. Strategisk exportkontroll 2005 — krigsmateriel och produkter med dubbla användningsområden // Regeringskansliet. URL: Regeringen.se — 20.02.2022.
8. Strategisk exportkontroll 2010 — krigsmateriel och produkter med dubbla användningsområden // Regeringskansliet. URL: Regeringen.se — 20.02.2022.
9. Strategisk exportkontroll 2015 — krigsmateriel och produkter med dubbla användningsområden // Regeringskansliet. URL: Regeringen.se — 20.02.2022.
10. Försvarspolitisk inriktning — Sveriges försvar 2016–2020 // Regeringskansliet. URL: Regeringen.se — 20.02.2022.
11. Sweden reintroduces conscription, in a changing European security environment // International Institute for strategic studies. URL: <https://www.iiss.org/blogs/military-balance/2017/03/sweden> — 20.02.2022.
12. Majority of Swedes back return to military service // The Local SE. Majority of Swedes back return to military service. URL: thelocal.se — 20.02.2022.
13. Швеция значительно увеличивает расходы на оборону, опасаясь «угрозы нападения» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9728575> — 20.02.2022.

Коровина Анастасия Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Северная Европа и экологизация энергетического сектора: трансформация сотрудничества Российской Федерации и скандинавских стран

Northern Europe and the Greening of the Energy Sector:
Transforming Cooperation between the Russian Federation and
the Nordic countries

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния энергетического перехода и роста роли возобновляемых источников энергии на энергетическое сотрудничество Российской Федерации с государствами Северной Европы. Актуальность темы, по мнению автора, заключается в изменениях, которые затрагивают весь энергетический рынок Европейского союза, где Россия является одним из крупнейших поставщиков невозобновляемых источников энергии. Целью работы является определение ключевых изменений в сотрудничестве стран Северной Европы и Российской Федерации в области энергетики и возникновение новых форм партнерства. Автор приходит к выводу, что энергетические отношения Северной Европы и Российской Федерации проходят серьезную трансформацию, которая также обусловлена событиями на политической арене.

Ключевые слова: энергетическая трансформация, «зеленый поворот» в государствах Северной Европы, возобновляемые источники энергии, сотрудничество Скандинавии и России в области энергетики.

Abstract. The article examines the impact of the energy transition and the growing role of renewable energy sources on energy cooperation between the Russian Federation and the Nordic countries. The relevance of the topic, according to the author, lies in the changes that are affecting the entire energy market of the European Union, where Russia is one of the largest suppliers of non-renewable energy sources. The aim of the paper is to identify key developments in Nordic-Russian energy cooperation and the emergence of new forms of partnership. The author concludes that the Nordic-Russian

energy relationship is undergoing a major transformation, which is also driven by developments in the political arena.

Keywords: energy transition, the Nordic Green Pivot, renewable energy, Nordic-Russian energy cooperation.

Энергетическая трансформация — процесс, напрямую определяемый кризисами в области демографии и экологии. Он требует особых мер по изменению привычной модели жизни общества. За последние десятилетия вопрос энергетической трансформации стал ключевой темой международной повестки. Позитивным трендом сегодня является признание данной проблемы в качестве одной из определяющих в выстраивании политического курса государства.

Целью данной работы является определение ключевых изменений в сотрудничестве государств Северной Европы и Российской Федерации в области энергетики и новых форм партнерства.

В соответствии с поставленной целью исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Обозначить ключевые положения энергетического сотрудничества государств Северной Европы и Российской Федерации;
2. Выявить, как достижения в области экологизации энергетического сектора повлияют на сотрудничество государств;
3. Обозначить ключевые трудности в энергетических отношениях стран Скандинавии и России;
4. Определить формы сотрудничества государств Северной Европы и Российской Федерации в сфере энергетики.

Методологическая база статьи включает в себя общенаучные методы. Был применен системный подход для изучения климатической и энергетической политики Европейского союза и государств Северной Европы. Проведен анализ официальных документов, представленных структурами Европейского союза, и работы ряда экспертов. Для достижения цели и задач, поставленных в рамках данной статьи, были использованы: синтез различных аспектов энергетического перехода, обобщение и систематизация полученных данных.

Государства Северной Европы — одни из лидеров по использованию возобновляемых источников энергии и внедрению инновационных продуктов. Достижения региона позволяют на практике увидеть, что экологизация энергетического рынка возможна. Более того, процентное соотношение возобновляемых источников энергии (ВИЭ) довольно высокое, что сказывается на энергетическом партнерстве в регионе.

Согласно отчету Фонда информационных технологий и инноваций, Дания и Финляндия наряду с Великобританией заняли лидирующие позиции в области «зеленых» технологий. Их подход признан успешным, поскольку совмещает удовлетворение растущей потребности населения в энергии и стремление избежать климатической катастрофы [1].

Создание энергетического рынка, основанного на ВИЭ, — одна из ключевых целей Европейского союза, включая страны Северной Европы. Для энергетической трансформации обязательным условием стал переход к приоритетному использованию газа, который является более экологичным и безопасным вариантом для стабильного перехода к новой системе. Возобновляемые источники энергии — основа стратегии по сокращению выбросов парниковых газов.

Все принимаемые в рамках Европейского союза, на региональных площадках и на национальных уровнях инициативы в рамках энергетической трансформации сказываются на формировании политического курса в североевропейских странах, напрямую определяя динамику партнерских отношений. Формирование основы для энергетической политики государств Северной Европы активно реализуется в рамках площадки Совета министров Северных стран. Программа сотрудничества Северных стран по энергетической политике на 2022–2024 годы направлена на превращение региона в наиболее устойчивый и интегрированный в мире к 2030 году. В документе закреплены ключевые принципы, которых рекомендуется придерживаться:

1. Зеленый переход энергетического сектора;
2. Более тесное сотрудничество в области исследований для содействия зеленому переходу;
3. Сотрудничество Северных стран на рынке электроэнергии;

4. Энергоэффективность технологий и изменение поведения;
5. Совместная работа по энергетическим вопросам, связанным с ЕС и ЕЭЗ;
6. Общественное признание новых электростанций;
7. Зеленый переход транспортного сектора [2].

Один из курсов на пути по поддержке климатического и энергетического перехода, который был выбран Европейским союзом, отражен в Европейском законе о климате (The European Green Deal). Государства Северной Европы, входящие в состав ЕС, также поддерживают принимаемые меры. Европейский закон о климате закрепил цель по достижению климатической нейтральности к 2050 году, а также промежуточную цель по сокращению выбросов парниковых газов по меньшей мере на 55% к 2030 году. Сам закон опирается на национальные планы государств Европейского союза по энергетике и климату [3, 4].

Европейский закон о климате напрямую затрагивает энергетические отношения ЕС с другими государствами и климатическую политику партнеров. Изменение приоритетов энергетической политики — от энергетической безопасности и конкурентоспособности к изменению климата и устойчивости — меняет динамику взаимоотношений с государствами-партнерами.

В июле 2021 года Европейский союз предложил ввести с 2026 года тариф на выбросы CO₂, что обяжет компании, которые импортируют в ЕС углеродоемкую продукцию, включая электроэнергию, сталь и алюминий, выплачивать налог. Подобные меры вызвали ответную реакцию со стороны России: в начале февраля 2022 года заместитель министра энергетики Российской Федерации Павел Сниккарс отметил, что поспешный переход от ископаемых видов топлива может привести к росту цен на электроэнергию, что, несомненно, станет еще одним фактором, влияющим на рост цен на невозобновляемые энергоносители и замедление темпов реализации «зеленой» трансформации [5].

Российская Федерация уже долгое время является крупнейшим экспортером природного газа в Европейский союз. Однако политическая зависимость ЕС от поставок привела к необходимости уменьшения объемов внешних поставок углеводородов.

При рассмотрении вопроса перехода на ВИЭ необходимо отметить, что в короткие сроки невозможно отказаться от природного газа. Обеспечение энергией, основанное лишь на ВИЭ, может иметь нестабильный характер (к примеру, непредсказуемость погодных условий). Однако финансирование в инфраструктуру и новые технологии продолжается, особенно это можно отметить на примере Северной Европы. Это позволяет говорить о том, что в ближайшее десятилетие приоритет может перейти от строительства новых газо- и нефтепроводов к вложениям в развитие ВИЭ.

Российская Федерация является одним из крупнейших энергетических партнеров Европейского союза. Согласно данным статистического управления Eurostat, на 2019 год почти 90% всего объема природного газа было импортировано Европейским союзом, в 2020 году — 84%. Российская Федерация — крупнейший поставщик данного энергоносителя. Статистические данные за 2020 год подтверждают, что процент российских поставок природного газа составил 41,1% (в 2019 году — 45,5%). Второе место (также два года подряд) занимает Норвегия с 22,7% и 20,0% соответственно [6, 7]. Это подтверждает значимость Российской Федерации в энергетической безопасности Европейского союза.

Статистические данные Eurostat за 2020 год также показывают, что в ряде государств Северной Европы сохраняется относительная зависимость от импорта энергии. Так, в Швеции зависит от импорта в данной сфере на 33,5%, в Финляндии — 42%, в Дании — 44,9%. Для сравнения, подобный показатель для Европейского союза в целом составил 57,5% [8].

Необходимость природного газа для ЕС не ставится под сомнение. Ключевой целью на данном этапе является сокращение объема сжигания угля и последующий отказ от его использования. Более того, несмотря на многочисленные проекты по развитию ВИЭ, их усовершенствованию и повсеместному внедрению, существует множество обстоятельств, которые могут помешать реализации максимальной мощности (к примеру, ветряные генераторы находятся в прямой зависимости от силы, скорости и направления ветров).

Однако партнерство заключается не только в поставках возобновляемых источников энергии, но и в разработке совместных

проектов по всестороннему развитию региона, приграничных территорий и энергетического сектора. Благодаря соседству ряда территорий Российской Федерации с государствами Северной Европы, доступными стали различные формы сотрудничества, включающие в себя реализацию совместных проектов в области внедрения «зеленых технологий» в энергетическую систему России.

Тренд на реализацию энергетической трансформации в Северной Европе напрямую затрагивает те проекты, которые запускают государства и частные компании. Во-первых, все больше внимания уделяется устойчивому развитию и возможности привнести идеи данной концепции в формат транснационального и межгосударственного сотрудничества. Так, деятельность многих североευропейских энергетических компаний на территории Российской Федерации за последние несколько лет перестала ограничиваться «традиционными» (работа в области невозобновляемых источников энергии) направлениями и стала охватывать зоны развития «зеленых» технологий. Во-вторых, многие инициативы в области приграничного развития регионов, ранее направленные на развитие социально-экономических аспектов, сегодня включают в себя и создание системы по развитию и включению в энергетическую систему возобновляемых источников энергии.

В рамках приграничного сотрудничества между Финляндией и Российской Федерацией уже долгое время реализуется проект «Карелия», который объединил национальные и региональные усилия по развитию регионов на территории обоих государств. Со стороны Финляндии в качестве основных территорий принимают участие Северная Остроботния, Кайнуу и Северная Карелия, со стороны России — Республика Карелия. В программу также вовлекаются и другие прилегающие территории государств, а также крупные города: Хельсинки, Санкт-Петербург, Москва.

Само сотрудничество по программе «Карелия» направлено на формирование и поддержание привлекательных условий для развития культурной среды, ведения бизнеса в регионе. Необходимо было превратить приграничные территории в привлекательное для людей место, тем самым мобилизовав поток миграции и инвестиций [9].

При этом в разработанной на период 2021–2027 гг. стратегии в рамках программы одно из ключевых мест отводится вопросам окружающей среды. Сама программа была создана Финляндией и Российской Федерацией для формирования платформы по улучшению условий в регионе для жизни людей, создания и развития бизнеса. Забота об окружающей среде является одним из приоритетов программы. В 2021 году были определены пять конкретных целей:

1. Адаптация к изменению климата;
2. Энергоэффективность;
3. Охрана природы и биоразнообразия;
4. Устойчивое управление водными ресурсами;
5. Экономика замкнутого цикла.

В рамках программы активно ведутся эксперименты по адаптации современного оборудования и «зеленых технологий» к местным условиям. Они проводятся как на территории России, так и на территории Финляндии. В период с 2014 по 2020 гг. реализовывался проект по повышению экологической осведомленности людей, в него также входили меры по модернизации систем мониторинга воды и воздуха, установка эффективного и подходящего оборудования для автоматизированных станций мониторинга [9, 10].

Североевропейские энергетические компании активно реализуют свою деятельность на территории Российской Федерации, а также развивают партнерские отношения с российскими компаниями. Ярким примером является норвежская компания Equinor, которая уже более 30 лет ведет свою деятельность в России. Основная деятельность компании в России была связана с разработкой нефти в Харьягинском месторождении (Тимано-Печорский бассейн). Крупнейшим партнером компании стала «Роснефть», вместе с которой реализуются разработка Северо-Комсомольского нефтяного месторождения и добыча известняковой формации Доманик (Самарская область). Сотрудничество реализуется с 2012 года [11].

Однако даже в формате деятельности Equinor в России за последние несколько лет можно проследить влияние идей устойчивого развития и «зеленого» перехода. Equinor заключила со своим

партнёром «Роснефть» соглашение о сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды. Было также подписано соглашение по управлению выбросами углерода. Данный проект направлен на снижение углеродного следа реализуемых проектов, а также должен стать площадкой для будущих низкоуглеродных инициатив [12].

В 2021 году между «Роснефтью» и Equinor было подписано соглашение о начале работы над проектами в области водородной энергетики и возобновляемых источников энергии. Кооперация предусматривает внедрение инициатив по углеродному менеджменту и «зеленых» технологий. «Роснефть» и Equinor в рамках соглашения планировали в будущем реализовать еще больше проектов в сфере «зеленой» трансформации с применением ВИЭ, включая ветрогенерацию, развитие «синего» и «зеленого» водорода [13].

Иным форматом энергетического сотрудничества является работа российских энергетических компаний над проектами в странах Северной Европы. Так, еще в 2011 году правительство Финляндии приняло решение о строительстве новой атомной электростанции «Ханхикиви-1», разработкой проекта занялись финская компания Fennovoima и «Русатом Оверсиз», являющийся дочерним предприятием российской государственной компании «Росатом» [14]. В рамках проекта российское правительство выделило 2,4 миллиарда евро. Стремление Финляндии сократить долю использования нефтепродуктов и реализации «энергетического» перехода на основе альтернативных источников энергии открывало для российско-финских отношений новые перспективы [15]. Однако Fennovoima до событий февраля 2022 года не успела получить лицензию для строительства АЭС [16].

«Росатом» на площадке своей топливной компании ТВЭЛ также подписал контракт со шведской компанией Vattenfall Nuclear Fuel AB по поставкам ядерного топлива «ТВС-Квадрат» с 2021 года. Топливо было разработано специально для зарубежных реакторов, что позволило бы «Росатому» выйти на международный рынок. Более того, уже с 2014 года топливные сборки «ТВС-Квадрат» тестировались на крупнейшей атомной электростанции «Рингхальс» в Швеции [17].

К сожалению, события на политической арене с февраля 2022 года позволяют говорить о начавшемся сокращении партнерских связей между Российской Федерацией и государствами Северной Европы. Финская компания Fortum, чье российское подразделение управляло семью теплоэлектростанциями по централизованному теплоснабжению, приостановила поток инвестиций, а также планирует сократить свою долю в производстве тепловой энергии. Энергетическая компания Fortum с 2015 года развивает гидро- и атомную энергетику, применяет установки совместного производства тепла и электричества [18]. Норвежская компания Equinor также приняла решение о прекращении инвестирования. Проект «Ханхикиви-1» [19], по заявлению министра экономики Финляндии Мика Линтиля, не получит лицензию [15]. Шведская компания Vattenfall прекратила поставки ядерного топлива из Российской Федерации [20].

В конце февраля 2022 года стало известно, что министерство экономики Германии хочет ускорить имплементацию проектов в области солнечной и ветряной энергии, а к июлю 2022 года намеревалось ввести в силу Закон о возобновляемых источниках энергии. Тем самым ФРГ хочет снизить уровень зависимости от поставок газа из России [21]. Можно предположить, что государства Северной Европы также присоединятся к подобным действиям по сокращению энергетической зависимости не только региона, но и Европы в целом.

Энергетическая трансформация в Северной Европе сегодня представляет не только масштабное изменение системы обеспечения энергией, но и затрагивает социальную, экономическую и политическую сферы. Именно поэтому можно проследить значительные изменения в энергетических курсах государств Северной Европы. Это влияет и на сам процесс выстраивания партнерских отношений с другими государствами и их энергетическими компаниями, и на взаимоотношения с Российской Федерацией.

По итогам проведенного исследования можно прийти к выводу, что энергетические взаимоотношения стран Северной Европы и Российской Федерации переживают серьезный кризис, связанный с обострением политической ситуации. Однако невозможно полностью исключить шансы будущего сотрудничества,

которое может выйти на новый уровень. Реализация совместных национальных и региональных проектов по развитию ВИЭ и их внедрению, создание партнерских связей в области поставок сырья для производства биоэнергии представляют собой уникальный опыт, связанный с трансформацией энергетического сектора. Государства Северной Европы также обладают ценным опытом, который является определенной площадкой выстраивания партнерских отношений. Таким образом, энергетический переход оказывает сильное влияние на взаимоотношения России и стран Скандинавии, но приводит к их трансформации, а не полному исчезновению.

Более того, можно говорить о том, что благодаря реализации энергетической трансформации в североевропейских странах сотрудничество приобретает новые формы, создаются дополнительные рабочие места. Реализуются масштабные проекты, которые затрагивают не только энергетические компании, но и население приграничных регионов. Все это говорит о положительной динамике развития энергетических отношений между Российской Федерацией и государствами Северной Европы в рамках «зеленого перехода».

Библиография

1. *Wazir Z.* European Union Leads World in Clean Energy Progress // U.S. News & World Report. Oct. 2021. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2021-10-27/europe-outpaces-us-china-in-clean-energy-innovation> — 20.04.2022.
2. Nordic Co-Operation Programme on Energy Policy 2022–2024 // Сайт Северного Совета. URL: <https://pub.norden.org/politkord2021-731/#> — 20.04.2022.
3. European Green Deal // Сайт Европейского совета. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/> — 20.04.2022.
4. European Green Deal: Commission proposes transformation of EU economy and society to meet climate ambitions // Сайт Европейской Комиссии. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_3541 — 20.04.2022.
5. *Lyrchikova A., Soldatkin V.* Russia warns of power price spike if energy transition is hasty // Reuters. Feb. 2022. URL: <https://www.reuters.com>

- com/markets/commodities/russia-warns-power-price-spike-if-energy-transition-is-hasty-2022-02-02/ — 20.04.2022.
6. Extra-EU imports of natural gas by partner, 2019 and 2020 // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Extra-EU_imports_of_natural_gas_by_partner,_2019_and_2020.png#file — 20.04.2022.
 7. Chadwick L. Europe's energy crisis: Five charts to explain why your bills might go up this winter // Euronews. URL: <https://www.euronews.com/2021/10/25/europe-s-energy-crisis-five-charts-to-explain-why-your-bills-might-go-up-this-winter> — 12.12.2021.
 8. Energy Data. Indicators on energy mix and import dependency // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/energy/data> — 20.04.2022.
 9. Програма Karelia — Cross-border cooperation // Сайт ППС «Карелия». URL: <https://www.kareliacbc.fi/ru/programmnyy-dokument> — 20.04.2022.
 10. CBC Karelia Finland-Russia brings green energy to rural areas // Сайт Европейской Комиссии. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/newsroom/news/2021/11/16-11-2021-cbc-karelia-finland-russia-brings-green-energy-to-rural-areas — 20.04.2022.
 11. Russia // Сайт норвежской энергетической компании Equinor. URL: <https://www.equinor.com/en/where-we-are/russia.html> — 20.04.2022.
 12. «Роснефть» и Equinor договорились о сотрудничестве в области углеродного менеджмента // Сайт российской нефтегазовой компании «Роснефть». Сентябрь 2021 г. URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/207855/?> — 20.04.2022.
 13. «Роснефть» и норвежская Equinor займутся проектами в области ВИЭ и водородной энергетики // ТАСС. Сентябрь 2021 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12533671> — 20.04.2022.
 14. Торгово-экономическое сотрудничество России и Финляндии // РИА Новости. Март 2020 г. URL: <https://ria.ru/20161209/1483033859.html> — 20.04.2022.
 15. Воронков Л. Каким будет энергетическое сотрудничество России и Финляндии? // Российский совет по международным делам. Декабрь 2017 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakim-budet-energeticheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-finlyandii/> — 20.04.2022.
 16. Власти Финляндии сочли невозможным выдать лицензию на строительство АЭС «Ханхикиви» // Интерфакс. Март 2022 г. URL: <https://www.interfax.ru/business/830780> — 20.04.2022.
 17. Новый прорыв Росатома: ядерное топливо из России поставят для АЭС в Швеции // РИА Новости. Декабрь 2016 г. URL: <https://ria.ru/20161214/1483606483.html> — 20.04.2022.

18. *Kauranen A., Steitz C.* Finnish utility Fortum halts new investment in Russia // Reuters. March 2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/finnish-energy-group-fortum-halt-investments-russia-2022-03-03/> — 20.04.2022.
19. Norway's Equinor confirms trading halt in Russian oil // Reuters. March 2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/norways-equinor-confirms-trading-halt-russian-oil-2022-03-14/> — 20.04.2022.
20. Vattenfall stops deliveries of Russian nuclear fuel // Сайт шведской транснациональной энергетической компании Vattenfall. Feb. 2022. URL: <https://group.vattenfall.com/press-and-media/newsroom/2022/vattenfall-stops-deliveries-of-russian-nuclear-fuel> — 20.04.2022.
21. Germany aims to get 100% of energy from renewable sources by 2035 // Reuters. Feb. 2022. URL: <https://www.reuters.com/business/sustainable-business/germany-aims-get-100-energy-renewable-sources-by-2035-2022-02-28/> — 20.04.2022.

Коришунова Екатерина Андреевна

Дипломатическая академия МИД России

Факультет «Международные отношения и международное право»

Бакалавриат

Украинский кризис в норвежских СМИ: ключевые идеи нарратива

The Ukrainian Crisis in Norwegian Media: Key Ideas of the Narrative

Аннотация. В настоящей статье путем анализа структуры новостных сообщений в норвежских СМИ предпринимается попытка выделить механизмы формирования общественного мнения относительно российской политики на этапе, предшествовавшем началу вооруженного конфликта на территории Украины в феврале 2022 г. В частности, анализируются приемы подачи информации массовому зрителю или читателю ключевыми изданиями страны, выделяются нарративы, транслируемые в общественное сознание.

Ключевые слова: СМИ, коммуникация, общественное мнение, Норвегия, российско-украинский конфликт, нарратив, украинский кризис.

Abstract. The article provides an overview of key instruments Norwegian mass media used in order to shape public opinion about Russian policy towards Ukraine in February 2022 — a period of an active media campaign in Western media, preceding military phase of the conflict. Particularly, the research focuses on structure of the communication process, highlighting information submission techniques, key narratives and ideas, adapted to mass audience and transmitted by newspapers and television.

Keywords: mass media, public opinion, Norway, communication, Russian-Ukrainian conflict, narrative, Ukrainian crisis.

Введение

В условиях демократии общественное мнение становится одной из важнейших составляющих политической жизни общества, его поддержка дает органам публичной власти карт-бланш на исполнение политических решений, принятие их в качестве легитим-

ных, исходящих от народа. Характерными чертами, сущностью явления «общественное мнение» в политологии считают происхождение его из общественного интереса к значимой для социума проблеме, крайнюю оценочность и часто эмоциональность суждений, склонность его носителей оперировать образами и стереотипами, способность его определять нормы поведения в социуме [1].

В этой связи акторы, способные оказывать влияние на общественное мнение, становятся важными элементами политической системы общества, а потому представляют интерес для политической науки. Сообщения, нарративы, образы, транслируемые средствами массовой информации, не только задают повестку дня, но и содержат в себе некий месседж, который аудитория осознанно или подсознательно усваивает и принимает за собственное мнение о происходящем.

Эта функция СМИ особенно активно проявляется в период острого политического противостояния, которое может происходить как внутри страны, так и выходить за ее пределы, иными словами, больше всего политические акторы нуждаются в поддержке общественного мнения в период конфликтов. В связи с конфликтными ситуациями резко увеличивается интерес аудитории к происходящему как во внутривнутриполитическом ландшафте, так и на международной арене. Противоборствующие стороны по всем возможным каналам коммуникации стремятся продвигать собственные нарративы — целостные, логично выстроенные повествования, интерпретирующие реальные события наиболее выгодным для рассказчика образом. Социолог А. К. Уледов выделял конфликтную природу формирования общественного мнения: «Важным признаком общественного мнения является то, что оно возникает в связи с расхождением во взглядах людей» [2].

Особенности освещения в СМИ международных конфликтов, закономерности функционирования военной пропаганды и принципы манипулирования общественным сознанием — темы, хорошо изученные в политической науке, социологии, филологии ввиду того, что все конфликты современности становятся медийными, а значит, военные действия сопровождаются активными информационными баталиями сторон конфликта, и материалов для изучения достаточно. В частности, изучению медий-

ных стратегий в период конфликтов, механизмов формирования общественного мнения и управления им посвящены исследования Р. Г. Бабаевой [3], В. А. Евдокимова [4], И. Э. Калоева [5], И. И. Фролова [6].

Медийность обрел и российско-украинский конфликт. Одна из его особенностей заключается в том, что широкая медийная кампания в западных изданиях началась за несколько месяцев до непосредственного столкновения сторон: сначала это были слухи и спекуляции относительно мотивации российского руководства при размещении войск вдоль западных границ, затем риторика становилась все жестче, стали публиковаться заявления официальных лиц о наличии данных разведки, сообщающих о датах начала наступления [7]. Наиболее напряженный период — последние недели февраля: количество статей с аналитикой и комментариями политиков, репортажей из Украины тогда резко увеличилось. Эта кампания подготовила общественное мнение стран Европы к возможному обострению ситуации на востоке Украины, ввела в дискурс основные понятия, которыми события описывают сегодня, обозначила круг «друзей» и «врагов», правых и виноватых. Иными словами, был сформирован нарратив, логично и последовательно интерпретирующий события реальности. Не обошел этот тренд и норвежские СМИ.

Актуальность работы обусловлена необходимостью представлять, каким образом развитие российско-украинского конфликта в 2022 г. сказывалось на формировании общественного мнения о России в Норвегии, как этому общественному мнению преподносилась фаза конфликта, получившая название «украинский кризис» (так называли период наиболее жесткой риторики, предшествовавший началу вооруженного противостояния, которое в западных медиа стали именовать «украинская война»), в каких категориях, образах и нарративах в массовом сознании были закреплены события данного периода. Кроме того, работа может представлять интерес с точки зрения определения ценностной системы координат массового потребителя информации, под восприятие которого адаптируется информация в СМИ.

Отношения России и Норвегии с 2014 г. переживают не лучшие времена. Осло присоединился к санкционному режиму, вве-

денному ЕС в связи с вхождением Крыма в состав РФ, выступал с критикой российского законодательства об иностранных агентах, на официальном уровне заявлялось о нарушении прав человека в РФ и попытках государства противостоять инициативам гражданского общества. Официальные лица Норвегии еще до начала эскалации украинского конфликта хоть и дипломатично, но достаточно ясно показывали не самое доверительное отношение к «большому соседу на севере» фразами типа «страна не выбирает географию» (намек на нежелательное соседство) [8], а формула внешнеполитического курса по отношению к России заключалась в балансировании между «умиротворением» (beroligelse) посредством поддержания диалога, народной дипломатии, приграничного сотрудничества, прозрачного внешнеполитического курса и сдерживанием (avskekking) посредством участия страны в Североатлантическом альянсе, регулярном проведении военных учений [9]. Несмотря на обещание нового правительства расширить сотрудничество в Арктике [10], в ближайшее время ждать значительного улучшения отношений не приходится, и последствия украинского конфликта играют в таких прогнозах не последнюю роль.

Тем не менее, отслеживание официальной риторики, публичных дискуссий о политике в отношении России, а также мнений, транслируемых общественно-политическими изданиями Норвегии относительно «северного соседа», не теряет своей актуальности даже в периоды максимального охлаждения в отношениях между странами.

Целью данной работы является анализ ключевых нарративов, транслировавшихся норвежскими СМИ в период за неделю до принятия ключевых внешнеполитических решений: официального признания независимости республик Донбасса 21 февраля, объявления намерения использования вооруженных сил РФ за рубежом 24 февраля.

Таким образом, в фокусе исследования находится период с 14 по 20 февраля 2022 г. Особенность данного временного отрезка заключается в том, речь здесь пойдет исключительно об информационном противостоянии.

В ходе работы был применен коммуникационный анализ по модели Г. Лассуэла. Он предполагает выделение структурных элементов коммуникационного процесса: ключевых коммуникаторов (кто сообщает?), событий, непосредственно спровоцировавших появление сообщения (что сообщается?), получателей сообщений (кому сообщают?) и реакции аудитории (с каким эффектом сообщается?). При этом предметом исследования остается не аудитория и ее реакция, а именно стратегии и инструменты, использованные СМИ, их риторика относительно возможного конфликта, поэтому в рамках исследования предполагается изучить не эффект, реально произведенный на аудиторию, а эффект, который СМИ предполагали произвести.

Анализ новостных сообщений по коммуникационной модели Г. Лассуэла

В качестве коммуникаторов, передающих сообщения, рассматривались ключевые норвежские издания — газета Aftenposten, таблоиды Verdensgang (VG), Dagbladet, а также национальная телерадиовещательная корпорация NRK. Если первые три принадлежат частным медиакорпорациям, то последняя является государственным СМИ. Все они с необычным для Норвегии интересом к внешнеполитическим делам следили за развитием событий на Украине. При этом в ходе исследования рассматривались материалы, опубликованные этими коммуникаторами в интернет-изданиях — эфиры, репортажи, статьи, фотографии.

Отвечая на вопрос «что сообщается», можно заключить, что суть передаваемых сообщений сводится к ограниченному ряду сюжетов, которые повторяются как в одном и том же, так и в разных изданиях и освещают следующие события: подготовка мирных жителей к «вторжению», паника и эвакуация в республиках Донбасса, Мюнхенская конференция по безопасности, передвижение российских войск вдоль границы. Кроме новостей-событий встречаются также новости-аналитика, в большинстве своем рассматривающие мотивацию и возможность российского вмешательства в конфликт.

Что касается эффекта, которые данные сообщения призваны были производить на зрителя или читателя, то здесь нужно выделить ряд инструментов, используемых СМИ для эффективного воздействия на общественное сознание.

Очевидно стремление коммуникатора говорить от лица газеты или телеканала, избегая ссылок на иностранные СМИ, использовать материалы, собранные собственными репортерами — прямые включения, обилие фото и интервью норвежским изданиям. Это стремление произвести эффект независимости в оценке происходящего.

Кроме того, применялся такой прием, как персонализация образа врага, который, как показывают исследования, достаточно широко используется СМИ в целях концентрации внимания общественного сознания на конкретном человеке, которому можно предъявить те или иные обвинения. Такой инструмент, например, использовался в ходе конфликта в Сирии, когда лидер государства предстал в образе единоличного автора всех злодеяний, а зачастую даже дегуманизировался [11]. На эту роль в данном случае выбрали российского президента, чье имя должно было четко быть связано с ответственностью за эскалацию конфликта (например, используются следующие фразы: «[президент России] потратил много сил и денег на то, чтобы несколько месяцев пытаться нас (*å holde oss på pinebenken i flere måneder*)» [12]. Согласно новостным статьям, он главный архитектор конфликта, и события развиваются по его «стратегии». Этот образ неоднозначен: где-то через прямое цитирование высказываний украинцев его называют безумцем, чьи действия иррациональны и непредсказуемы («Никто не знает, что в голове у Путина») [13], где-то он, согласно аналитикам, стратег и «шахматист» [14], поднимающий градус напряжения и заставляющий нервничать мировых лидеров с целью добиться уступок на переговорах о европейской безопасности («у Путина появится очень важная переговорная точка», «то, что сейчас делают русские, поднимает температуру западным лидерам») [15]. Здесь однозначно есть стремление создать антигероя.

Что касается образа героя, он персонифицирован не до такой степени. Так, рассматривая образ украинского лидера, создаваемый СМИ, можно обнаружить, что он был раскрыт только в день

Мюнхенской конференции по безопасности. Через обильное цитирование высказываний президента его показывают как человека, до последнего призывавшего к выбору дипломатического пути разрешения российско-украинских противоречий, неготового сдавать позиции, просящего о помощи, но готового в крайнем случае обойтись и без нее. Новостные сообщения из Мюнхена почти полностью состоят из цитат типа: «В течение восьми лет Украина была надежным щитом. В течение восьми лет Украина противостояла одной из крупнейших армий мира», «Мы будем защищать нашу страну с помощью наших партнеров, так и без нее» [16].

В остальное же время герой был коллективный, представленный простым народом. Его показывают через репортажи с улиц крупнейших украинских городов, передающих атмосферу и настроения гражданского населения, прогулки репортеров по дворикам, беседам с журналистами за чашкой чая [17]. Этот герой живет небогато (о чем свидетельствуют фото со скромным бытом), патриотичен, готов стоять до конца, он простой человек, которому грозит опасность. Страдающим из-за сложившейся ситуации показано и население Донбасса, находящееся в панике, стоящее в очередях в банкоматы, запуганное собственными властями [18].

Таким образом, сравнивая конструкции героя и антигероя, можно заключить, что эффект, производимый на аудиторию, сводится к противопоставлению врага-одиночки, хитрого игрока, иногда иррационального безумца, действующего по собственному усмотрению, герою-коллективу или герою-народу, многочисленному и самоотверженному, чей лидер — лишь один из множества. Кроме того, нельзя не заметить явно лирической составляющей сюжетов, обращенной к эмоциям аудитории, которой показывают простого человека, такого же, как и сам зритель, который дожидается беды у себя дома или в страхе из этого дома бежит.

Рассматривая новости-аналитику, которые призваны объяснять мотивацию действующих лиц и давать прогнозы, нужно отметить очень скептическое отношение их авторов к перспективе реального вооруженного столкновения [19]. Перемещение российских войск вдоль границ рассматриваются в качестве запугивания, повышения ставок, но не как реальная угроза. Применение вооруженных сил, таким образом, становится выходящим за рамки

общей стратегии рационального лидера-шахматиста, чем-то противоречащим холодной логике стратега.

Часто встречается прием отделения народа от официальной власти или «режима», который также является достаточно популярным в журналистской практике освещения международных конфликтов [20]. Так, например, при освещении эвакуации гражданского населения из республик Донбасса встречаются такие фразы, как «режим становится все более авторитарным», «власти отколовшихся регионов» [21]. Здесь нужно отметить, что администрация Донбасса показана как марионеточная через фразы типа «поддерживаемые Россией районы», «пророссийские сепаратисты».

Эффект, производимый такими сообщениями, очевидно, сводится к констатации факта пренебрежения демократическими ценностями, посягательства врага не только на территориальную целостность независимого государства, но и на независимость группы, пожелавшей отделиться; власть, таким образом, должна предстать перед аудиторией абсолютно нелегитимной и несамостоятельной.

Выводы

Подводя итог, можно заключить следующее: борьба за общественное мнение — неотъемлемая часть современных конфликтов ввиду их медийности. Информационная кампания в таких условиях может начаться заранее, до перехода сторон к вооруженному столкновению. Ярким примером такой стратегии СМИ является освещение российско-украинского конфликта 2022 года. Применение метода коммуникационного анализа по модели Г. Лассуэла показало, что, несмотря на стремление СМИ Норвегии казаться независимыми и объективными, информационная кампания, развернутая за неделю до начала конфликта ведущими изданиями страны, во многом пользуется часто применяемыми в пропаганде инструментами, описанными в учебных пособиях по журналистике или так или иначе известными в политологии: апелляция к эмоциям аудитории, персонификация образа врага, создание героя и антигероя, разведение понятий «власть» и «народ».

Суть нарратива, транслируемого СМИ, сводится к идеям об антидемократическом режиме как в России, так и на территориях, поддерживаемых ею и косвенным образом ею управляемых, о лидере-одиночке, принимающем решения и выстраивающем стратегию самостоятельно, о народе-герое, переживающем страх и страдания, но готовом сопротивляться, об иррациональности стратегии применения военной силы. Очевидно, что эти идеи рассчитаны на сознание, в котором неприемлемо вооруженное насилие, недемократические формы принятия решений, расширение зоны влияния за счет распространения недемократии, запугивание населения. По всей видимости, в ближайшее время в общественном сознании норвежцев закрепятся именно такие стереотипы о России и ее участии в конфликте.

Библиография

1. *Коняшин С. С.* Стереотипы в информационно-новостном управлении общественным мнением: на примере телевизионных СМИ. М.: Ленанд, 2017. 196 с.
2. *Уледов А. К.* Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963. 391 с.
3. *Бабаева Р. Г.* Концептуальная метафора как средство создания образа врага в западных и российских СМИ. М.: Изд-во Ипполитова, 2021. 144 с.
4. *Евдокимов В. А.* Политизация социального конфликта в средствах массовой информации. Омск: Омский гуманитарный ин-т, 2006. 183 с.
5. *Калоева И. Э.* Вооруженные конфликты и СМИ. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2008. 206 с.
6. *Фролова И. И.* Информационная война в современных СМИ как фактор манипулятивного воздействия на общество. Курск: Университетская книга, 2018. 168 с.
7. Russian buildup continues, but insufficient for full-scale invasion, Ukrainian military intelligence says. URL: <https://edition.cnn.com/2022/02/16/europe/ukraine-russia-news-wednesday/index.html> — 17.02.2022.
8. *Huitfeldt A.* Russlandskonferansen 2021: вступительное слово министра иностранных дел // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a22HWSSumtU> — 29.03.2022.
9. *Huitfeldt A.* Om den sikkerhetspolitiske situasjonen i Europa // Regjeringen. no. URL: https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/tale_uio/id2901008 — 20.02.2022.

10. Hurdalsplattformen // Regjeringen.no. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/hurdalsplattformen/id2877252/> — 17.03.2022.
11. Кузьминская С. И. «Образ врага» в современной политической мифологии / С. И. Кузьминская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 49–52.
12. Bruker utbrytere i Øst-Ukraina til å øke krigsfaren. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/7dMdQ3/bruker-utbrytere-i-oest-ukraina-til-aa-oeke-krigsfaren> — 17.02.2022.
13. Krigsklare men tar det med humor. URL: <https://www.dagbladet.no/nyheter/krigsklare-men-med-humor/75407112> — 19.02.2022.
14. Krigsfrykt i Ukraina: Putins argumenter for og mot å angripe. URL: https://www.nrk.no/urix/krigsfrykt-i-ukraina_-putins-argumenter-for-og-mot-a-angripe-1.15853618 — 20.02.2022.
15. Bruker utbrytere i Øst-Ukraina til å øke krigsfaren. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/7dMdQ3/bruker-utbrytere-i-oest-ukraina-til-aa-oeke-krigsfaren> — 17.02.2022.
16. Ukrainas president: Vi vil forsvare landet vårt. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/nWPMeL/ukrainas-president-vi-vil-forsvare-landet-vaart> — 20.02.2022.
17. Disse landsbyene må russerne gjennom før Kyiv. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/Kz2bPG/disse-landsbyene-maa-russerne-gjennom-foer-kyiv> — 20.02.2022.
18. Melding om masseevakuering av 700.000 til Russland: “Kun for å hisse opp stemningen”. URL: <https://www.aftenposten.no/verden/i/x8pe1n/melding-om-masseevakuering-av-700000-til-russland-kun-for-aa-hisse-o> — 19.02.2022.
19. Krigsfrykt i Ukraina: Putins argumenter for og mot å angripe. URL: https://www.nrk.no/urix/krigsfrykt-i-ukraina_-putins-argumenter-for-og-mot-a-angripe-1.15853618 — 20.02.2022.
20. Амиров В. М. Пресса в современных вооруженных конфликтах: теория и дискурсивная практика. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2010. 138 с.
21. Sender innbyggere i busser til Russland. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/bGJqJ3/sender-innbyggere-i-busser-til-russland> — 19.02.2022.

Файзеева Милана Руслановна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет коммуникаций, медиа и дизайна

Бакалавриат

Не плюшками, а митболами балуемся: сравнение культурных особенностей СССР и Швеции на примере советских экранизаций произведений Астрид Линдгрэн

No-buns-but-köttbullar Indulgence: Comparison of the Soviet and Swedish Cultural Features by the Case of the Soviet Adaptations of the Astrid Lindgren's Works

Аннотация. В статье рассматриваются советские экранизации трех произведений шведской писательницы Астрид Линдгрэн: «Карлсон, который живет на крыше», «Пеппи Длинныйчулок» и «Мио, мой Мио». С целью выявления культурных различий между советскими экранизациями и английскими переводами текстов автор, опираясь на теории Д. Дамроша и Р. Валкович для анализа культурно-лингвистической адаптации оригиналов и концепцию «мягкой силы» Дж. Ная для определения целей адаптации, показывает, как особенности шведского уклада репрезентируются в фильмах. В результате исследования установлено, что советские режиссеры, стремясь сделать произведения более понятным советскому зрителю, адаптировали некоторые шведские культурные особенности, но сохранили отдельные значимые черты страны, что формировало положительный образ Швеции в СССР и РФ.

Ключевые слова: Астрид Линдгрэн, детская литература, Швеция, СССР, экранизация, культурные особенности, «мягкая сила».

Abstract. The article considers the Soviet adaptation of three works by the Swedish writer Astrid Lindgren: “Karlsson-on-the-Roof”, “Pippi Longstocking”, and “Mio, my Son”. To identify cultural differences between Soviet film adaptations and English translations of texts, the author uses the theories of D. Damrosch and R. Walkowitz to analyze the cultural and linguistic adaptation of the originals and the concept of “soft power” by J. Nye to consider the aims of adaptations. The research defines how the features of the Swedish way of life are represented in the films. As a result of the study, it was found that

Soviet film directors, to make the works more understandable to the Soviet audience, adapted some Swedish cultural attributes, but retained some significant features of the country which formed a positive image of Sweden in the USSR and the Russian Federation.

Keywords: Astrid Lindgren, children's literature, Sweden, USSR, film adaptation, cultural features, "soft power".

Введение

«Карлсон, который живет на крыше», «Пеппи Длинныйчулок» и «Мио, мой Мио» — произведения шведской писательницы Астрид Линдгрэн, которая получила широкое признание на родине. В 1958 году она награждена премией Ганса Христиана Андерсона как успешный автор детской литературы [1]. Пожалуй, самым популярным произведением Астрид Линдгрэн в России является «Карлсон, который живет на крыше». В «народном» рейтинге лучших фильмов IMDb советский мультфильм про Карлсона входит в топ-5 советско-российских мультипликаций за все время [2]. Однако такой рейтинг популярности не совпадает со шведским. На родине автора в списке книг-бестселлеров Астрид Линдгрэн на Amazon первое место занимает продолжение серии «Пеппи Длинныйчулок» — «Пеппи идет в школу», на втором месте — «Мио, мой Мио», на третьем — «Пеппи Длинныйчулок», и только на шестом месте оказывается «Карлсон...» [3]. Интересно, что история про Пеппи в Швеции является гораздо более востребованной, чем в России: в рейтинге лучших советских фильмов для детей экранизация «Пеппи Длинныйчулок» даже не попала в топ-145 фильмов [4]. Такая разница в популярности произведений и экранизаций на родине автора и в нашей стране говорит о различии не только вкусов, но и восприятия оригинального произведения. Для того, чтобы понять, почему одни и те же сюжеты производят разное впечатление на разную аудиторию, было проведено данное исследование.

В настоящей работе проанализированы три произведения Астрид Линдгрэн в английском переводе: «Карлсон, который живет на крыше», «Пеппи Длинныйчулок» и «Мио, мой Мио». Выбор книг обусловлен наличием советских экранизаций этих сюжетов: мультфильмов «Малыш и Карлсон» (1968) и «Карлсон вернулся»

(1970), фильмов «Мио, мой Мио» (1987), «Пеппи Длинныйчулок» (1982). В ходе исследования мы постарались понять, как шведские произведения были адаптированы советскими режиссерами. Согласно нашей гипотезе, советские режиссеры адаптировали культурно-исторические особенности шведских произведений детской литературы под советские реалии, чтобы сделать шведское произведение более понятным зрителю, а также сформировать положительный образ о стране. Целью исследования стало выявление культурных различий между советскими экранизациями и английскими переводами текстов Астрид Линдгрэн. Для достижения обозначенной цели нами были поставлены следующие задачи: во-первых, выделить культурно-исторические особенности жизненного уклада в Швеции и СССР; во-вторых, найти сюжетные элементы в английском переводе оригинальных текстов и в советских экранизациях, которые отражают эти культурные особенности; в-третьих, выявить, как культурные особенности Швеции репрезентируются или трансформируются в советской экранизации; в-четвертых, определить, как разные репрезентации одного произведения влияют на формирование образа страны.

Методология

При проведении исследования мы опирались на три основные теории, две из которых связаны с анализом литературного произведения, а третья — с влиянием образов культуры на международные отношения. Первая теория принадлежит Дэвиду Дамрошу, заведующему кафедрой сравнительной литературы Гарвардского университета. Он ввел понятие «практика эллиптического чтения» (*elliptical reading practice*): во время чтения две перспективы — читателя и произведения — встречаются в разных контекстах, локализуя произведение [5]. Так, во время чтения книги зарубежного писателя (в нашем случае — Астрид Линдгрэн), встречаются два контекста — Швеции и СССР/России. Это создает двустороннее восприятие литературы не только «там», но и «здесь», и текст отделяется от культурного оригинала и адаптируется под местный контекст. Подход Дэвида Дамроша поможет проанализировать перевод книг Астрид Линдгрэн как произведения, отделившиеся

от контекста шведской культуры и ставшие доступными для советского читателя без специальных знаний о скандинавской стране. Однако если бы мы обращались только к этой концепции, наше исследование не было бы таким многогранным: мы бы рассмотрели только восприятие читателя, но не уделили внимания роли литературных агентов (переводчиков, режиссеров) при адаптации книги. По этой причине мы дополняем методологию второй концепцией.

Вторая теория принадлежит Ребекке Валкович, профессору английского языка университета Нью-Джерси. Она утверждала, что произведения пишутся *для* перевода, *как* перевод и *из* перевода (Novels were written *for* translation, *as* translation, and *from* translation) [6]. Это означает, что когда литературный агент (переводчик, издательство) начинает работать с оригиналом, он создает свое, новое произведение: с другим голосом автора, с иными персонажами, характером главного героя. Иными словами, в процессе перевода произведение отделяется от оригинала и становится самостоятельным. С помощью этой концепции мы рассмотрим переводы шведских оригиналов и экранизации как две независимые истории, которые отражают культурные различия в переводе. Недостаток теории Р. Валкович состоит в том, что она не перечисляет культурные факторы, которые трансформировали оригинал истории (перевод текста, другая репрезентация быта и т.д.), поэтому уникальность этого исследования будет заключаться в самостоятельном выявлении этих признаков.

Третья теория показывает, как репрезентация культурных кодов соотносится с политическими целями в международных отношениях. Это концепция «мягкой силы», основоположником которой является американский политолог Джозеф С. Най [7]. Согласно его представлению, «мягкая сила» — это производная трех измерений государственной политики: культуры, политической идеологии и внешней политики (дипломатии) [8, с. 51]. Государства стремятся проводить политику таким образом, чтобы сформировать интернациональные предпочтения в связи со своими интересами. Ученица Дж. Най, профессор Принстонского университета Энн-Мари Слотер, дополняет концепцию и приводит еще три составляющие «мягкой силы»:

наличие «кооперативной силы» (collaborative power), то есть внешних коммуникаций, с помощью которых государство может диктовать глобальную повестку дня; активная иммиграция, так как иммигранты устанавливают доверительные отношения со страной, откуда они прибыли; усиление глобализации и стремление к международному взаимодействию [8, с. 52]. В нашем исследовании мы будем опираться на факторы, выделенные классиком теории Джозефом С. Наем, проанализируем влияние культуры на внешнюю политику Швеции в XX веке и уделим особое внимание фактору «кооперативной силы», который выделила Энн-Мари Слотер. Концепция «мягкой силы» поможет нам рассмотреть, как экранизация фильмов влияла и влияет на восприятие страны и, следовательно, формирование имиджа государства. Если первые две концепции помогают нам проанализировать признаки культурной адаптации, которые привнесли литературный агент (переводчик) и режиссер, то концепция «мягкой силы» раскрывает причины, по которым культурная адаптация в целом состоялась, и как она была связана с политическими целями продюсеров экранизаций — правительств.

Эмпирическая часть

Первым объектом для анализа стала серия советских мультфильмов «**Малыш и Карлсон**» (1968) и «**Карлсон вернулся**» (1970), снятых Борисом Степанцевым. Большую роль в культурной адаптации сыграл перевод Лилианны Лунгиной, которая трансформировала речевые характеристики персонажей под восприятие советского зрителя. Например, вместо реплики шведского Карлсона «Это не так уж важно» (It's a small matter) [9, p. 6] советский Карлсон произносит: «Пустяки, дело житейское!», что ближе к “It's nothing!” Л. Лунгина, поменяв реплики персонажей, изменила и характеры героев, показав Карлсона и Малыша более озорными. Переводчица изменила и имя главного героя: если в шведской версии мальчика зовут Эрик, то в советской — Малыш. Тем самым Л. Лунгина хотела подчеркнуть, что мальчик был самым младшим среди братьев и сестер. Иными словами, переводчица создала новое произведение, что подтверждает концепцию Р. Валкович, согласно которой

при переводе произведение отделяется от оригинала и становится самодостаточным¹.

Режиссер мультфильма также сыграл значимую роль в культурной адаптации. В английском переводе семья живет «в самом обычном доме» [9, р. 3], в то время как в мультфильме показано здание, похожее на советскую хрущевку. Благодаря узнаванию деталей быта произведение становится более понятным читателю другой страны, и, исходя из концепции «эллиптической практики чтения» Дэвида Дамроша, он воспринимает историю скорее «здесь», чем написанную «там». Однако Б. Степанцев сохранил ключевые культурные и сюжетные характеристики — количество персонажей и их родственные связи: в мультфильме показана семья с тремя детьми, что свойственно для шведского быта с нуклеарным типом семьи, где пожилые «редко живут с взрослыми детьми и их семьей» [10, р. 166]. Сохранено и место действия — Стокгольм, что можно увидеть в газете, которую читает папа Малыша. В то же время советский Карлсон ест не köttbullar — фрикадельки, о которых говорится и в английском переводе (“Meatballs!” he said. “Tasty little meatballs I like ver-ry much”) [9, р. 10], а плюшки, знакомые советским и российским бабушкам, и персонажи упоминают их в разговоре: «А мы тут так, плюшками балуемся». Таким образом, режиссер старался сохранить культурные черты Швеции (место действия, нуклеарная семья), но адаптировал некоторые особенности под советскую аудиторию (Карлсон ест плюшки, а не фрикадельки, и семья Малыша живет в хрущевке, а не в «самом обычном» шведском доме).

Культурная адаптация также прослеживается в идеологической направленности книги и мультфильма. Для публикации перевода шведской книги было необходимо, чтобы содержание истории соответствовало советской идеологии. «Иностранные писатели должны быть авторами-классиками, то есть мертвыми,

¹ Подробнее культурные адаптации перевода мы рассмотрели в статье, посвященной «Карлсону, который живет на крыше», в сборнике по итогам международной конференции «Межкультурный диалог в современном мире»: Файзеева М. Р. Не плюшками, а митболами балуемся: репрезентация культурных особенностей СССР и Швеции на примере художественного произведения “Карлсон, который живёт на крыше” (“Karlsson på taket”) // Межкультурный диалог в современном мире: материалы X конференции с международным участием. – СПб.: Скифия-принт, 2022. – С. 164-168.

или прогрессивными и соответствующими идеям советского режима», — пишет в своей работе Ольга Мязотс [11, р. 20]. Как утверждает исследовательница, редакторы старались представить А. Линдгрена как прогрессивного политического лидера, который противопоставит капиталистическому обществу. Описание советской книги иллюстрирует коммунистическую политику воспитания: «Это поучительная книга. Ребенок узнает о жизни в большом городе, узнает, что в мире, который кажется радостным и счастливым, есть преступники и дети, брошенные родителями. Мальчик постепенно понимает, что нужно занимать активную позицию в жизни и помогать слабым» [11, р. 20]. Сама публикация книги о Карлсоне — результат тесного сотрудничества СССР и Швеции и одобрения шведской политики советскими властями: государство всеобщего благосостояния в североевропейской стране, где правили социал-демократы, воспринималось в СССР как «шведский социализм», что вместе с нейтральным статусом и критикой шведскими премьер-министрами американского политического курса объединяло страны, способствовало политическим и культурным контактам [12, с. 594]. Сотрудничество СССР и Швеции также говорит о «кооперативной силе» скандинавской страны и умению создавать положительный образ за счет коммуникаций и связей с различными государствами.

Идея просвещения молодого поколения прослеживалась не только в переводе оригинала, но и в мультфильме, что отчетливо видно в сцене с преступниками. В английской версии Карлсон просто выгоняет преступников из квартиры, где находились дети, и тем самым спасает мальчику жизнь. В советском мультфильме он еще и показательно «учит» преступников. Когда Карлсон с Малышом забрались на крышу и увидели, как преступники воруют постельное белье, Карлсон сказал: «Начнем *воспитательную* работу!» — и спугнул преступников, притворившись привидением. Так как Малыш в оригинале книги был ребенком из буржуазной семьи, Е. Цуканов, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, интерпретирует эту сцену как «мягкую попытку перевоспитания молодого буржуа» [13, с. 116], соответствующую советской идеологии.

Следующее произведение для анализа — «**Пеппи Длинныйчулок**». Советский режиссер сохранил шведские имена и фамилии персонажей (Аника, Томми, фрекен Сеттергрэн, фру Лаура и др. [14]) и внешность: главные героини — со светлыми волосами и серыми или голубыми глазами, что ассоциируется у зрителя с образом скандинава. В кинокартине прослеживаются характерные черты шведского культурного кода: когда воспитательницы детского дома проводили с Пеппи устный экзамен, то спрашивали дату рождения и смерти короля Швеции Карла XII. Героиня ответила, что не помнит, и тогда воспитательницы отметили, что «девочка чудовищно невежественна». Незнание Пеппи оценивается строго, ведь для шведского школьника фигура Карла XII крайне важна, тогда как для советского или российского он в первую очередь ассоциируется с эпохой Петра I и должен производить другое впечатление (вероятно, восприниматься как образ врага в Северной войне 1700–1721 годов), хотя и остается знакомым шведским историческим персонажем. В фильме также упоминается национальная валюта: помещение цирка — дом Пеппи — продается за 1000 шведских крон [15]. Следует сказать, что Швеция по сей день сохраняет свою валютную независимость от евро, еще в 2003 г. отказавшись от него на референдуме [16, с. 112]. Исследователи отмечают этот шаг Швеции как часть экономической мягкой силы — сохранение влияния на валютном рынке [8, с. 53].

Некоторые сюжетные детали также были адаптированы под советский быт. Так, героини едят не шведские блюда (например, упомянутые köttbullar), а плюшки, как было в примере с книгой «Карлсон, который живет на крыше». В экранизации также четко прослеживается тема воспитания и, в случае с Пеппи, перевоспитания: девочка растет сиротой, ее хотят отдать в детский дом, и фру Лаура говорит: «У всех детей должен быть кто-то, кто их *наказывает*» [15]. В оригинале книги одиночество девочки интерпретируется как неправильность ситуации, ребенок не должен расти без семьи [14]. В советской экранизации лейтмотив одиночества переходит в тему необходимого воспитания и перевоспитания «беспризорника». Более того, в начальных титрах написано, что фильм был снят по заказу Государственного комитета СССР

по телевидению и радиовещанию, то есть идеи воспитания в ленте были рассмотрены и одобрены на правительственном уровне, и идеи фильма можно считать частью государственной политики.

Произведение «**Мио, мой Мио**» анализировать сложнее, так как если в предыдущих книгах действие происходит в реальности, пусть и с элементами вымысла (домики в Швеции реалистичны, но «мужчина в самом расцвете сил» с пропеллером — элемент волшебства), то в этой кинокартине сюжет разворачивается в Стране желанной, к тому же жанр фильма обозначен создателями как «фильм-сказка». Тем не менее до того, как главный герой отправляется в Страну, мальчик живет в городе, и можно заметить культурные особенности шведского быта. Во-первых, как и в экранизации «Пеппи Длинныйчулок», имена персонажей были полностью сохранены: главный герой — Мио, антагонист — черный рыцарь Като [17]. Во-вторых, осталось прежним и место действия: Мио живет в Стокгольме, встречает волшебника и после этого отправляется в Страну желанную. Советский режиссер не изменил название шведского города на какое-либо русское, костюмы, предметы быта и мебели также соответствуют быту Швеции того времени [18].

Тем не менее, можно заметить и культурную адаптацию. Как и в предыдущих фильмах, главная роль была отведена теме воспитания. В фильме красочно рассказана сказка о похищенных детях («Сказка от колодца»): черный рыцарь Като похищает детей, вкладывает в них каменное сердце и превращает в своих шпионов и стражников, поэтому стоит слушаться родителей и не выходить из дома ночью. Из темы воспитания вытекает тема недоверия. Когда Мио со своим другом приходит к старцу, чтобы узнать местонахождение замка Като, старец неоднократно говорит о том, что рыцарь Като превращает подопечных в шпионов. В одной сцене старец повторяет это несколько раз: «В стране вечной ночи даже стены слышат», «Что бы вы ни делали, не доверяйте никому», «Даже если вы заходите в хижину, думаете, что они вам друзья, — не доверяйте», «Вас предадут», «Никому не доверяйте, дети, никогда», «Даже мне не доверяй» [18]. Все эти фразы неоднократно повторялись в одном диалоге, чтобы привлечь внимание юных зрителей. В Советском Союзе особое внимание уделялось высле-

живанию врагов, шпионажу, доносам (можно вспомнить историю Павлика Морозова), поэтому ряд подобных реплик про недоверие окружающим можно отнести к культурной адаптации сюжета про черного рыцаря Като и его стражников для советской аудитории.

Стоит отметить, что фильм создан при поддержке как советского, так и шведского правительства: в начальных титрах говорится о том, что фильм-сказка снят «Центральной киностудией детских и юношеских фильмов имени М. Горького» при поддержке партнеров «Нордиск Тонефильм Инт.АБ (Швеция)», «при участии «В/О «Совинфильм», «Шведского киноинститута» и Норвежской ассоциации развития кино». То, что фильм снят при поддержке шведского правительства, может говорить о производстве кино как части внешней политики — «кооперативной силе»: правительство сотрудничало с советским государством и помогло снять фильм по мотивам книги соотечественника. Тем самым шведское правительство применило «мягкую силу» и внесло вклад в создание положительного образа своей страны.

Выводы

В результате анализа трех произведений шведской писательницы Астрид Линдгрэн наша гипотеза подтвердилась: советские режиссеры действительно адаптировали некоторые культурные особенности страны, чтобы сделать произведение более понятным советскому зрителю. В книгах Астрид Линдгрэн ребенок одинок и либо растет без родителей, либо ими не понимается, в советских же экранизациях этот лейтмотив переходит в тему воспитания — наставления и научения зрителей. Тему воспитания можно объяснить как жанром адаптируемого литературного произведения — детская литература обычно имеет целью донести важные моральные ценности до юных читателей, так и господствующей в государстве идеологией — в советское время было важно «просвещать» молодое поколение. Режиссеры в каждой экранизации учили зрителей прописным истинам: воровать — плохо (мультфильм о Карлсоне), с незнакомцами общаться нельзя, никому не стоит доверять (сказка о рыцаре Като из фильма «Мию, мой

Мио»), дети должны быть воспитанными и жить с родителями (история Пеппи Длинныйчулок). Тем не менее, советские режиссеры сохранили сюжетную целостность произведения, а также локацию, имена героев и антураж Швеции. Публикация книг и выход экранизаций в прокат также говорят о сотрудничестве Швеции и СССР: во время холодной войны Астрид Линдгрэн представлялась советской аудитории как прогрессивная писательница, которая противостояла «капиталистическому обществу», что создавало для советских граждан позитивный образ Швеции.

Стоит сказать, что стратегия «мягкой силы» Швеции и установление дружественных отношений через искусство, литературу и культуру имеет успех и сегодня. По данным опроса Soft Power Survey журнала Monocle за 2018–2019 годы, Швеция занимает седьмое место в мировом рейтинге «мягкой силы» [19]. Страна улучшила свои позиции за счет того, что успешно популяризовала бренды Volvo и IKEA. Интересно, что в опросе россиян от «Левада-Центра» на вопрос об ассоциациях со Швецией респонденты в первую очередь называли Альфреда Нобеля (10% ответов), группу АВВА (10%), далее — Астрид Линдгрэн (8%) и «Карлсона, который живет на крыше» (7%) [20]. В том же 2018 году 65% россиян ответили, что считают российско-шведские отношения «дружескими», «добрососедскими», «нормальными». Данные опросов доказывают уровень влияния Швеции на формирование своего образа: правительство использует культуру (литературу, кинематограф), чтобы развивать отношения с другими странами и распространить свое влияние невоенным способом. Феномен «мягкой силы» в отношении Швеции и СССР/РФ интересен для изучения и может стать основой для дальнейших исследований не только советских экранизаций шведских произведений, но и шведской адаптации советских или российских книг.

Библиография

1. The Hans Christian Andersen Awards 1956–2002 // International Board on Books for Young People. URL: https://www.ibby.org/subnavigation/archives/flipbook?tx_archive_archivelist%5Baction%5D=show&tx_archive_archivelist%5Bcontroller%5D=Publication&tx_archive_archiveli

- st%5Bpublication%5D=4&cHash=572fd5aef5fbab8a9156d6d9571ac598 — 28.04.2022.
2. TOP 55 Soviet/Russian Animated Films // Imdb.com. 29.11.2020. URL: <https://www.imdb.com/list/ls073133229/> — 28.04.2022.
 3. Best Sellers of Astrid Lindgren // Amazon. URL: <https://www.amazon.com/Best-Sellers-Books-111750010-Lindgren-Astrid/zgbs/books/170748> — 28.04.2022.
 4. Советская классика для детей // Онлайн-кинотеатр ivi. URL: <https://www.ivi.ru/collections/detskoe-sovetskoe?sort=ivi&ratingpart=main&ratingmodel=ready> — 28.04.2022.
 5. *D'haen T., Damrosch D., Kadir D.* The Routledge companion to world literature. London, New York: Routledge, 2011. 521 p.
 6. *Walkowitz R. L.* Translated // Further Reading. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 325–335.
 7. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 208 p.
 8. *Агашкова П. И.* Мягкая сила Швеции: большие успехи маленькой страны // Дискурс-Пи. 2014. № 4. С. 50–55.
 9. *Lindgren A.* Karlsson-on-the-Roof. New York: Viking Press, 1971. 127 p.
 10. *Daun Å.* Individualism and collectivity among Swedes // Ethnos. 1991. No. 3–4. P. 165–172.
 11. *Maerots O.* Karlsson Flies over Russia: Astrid Lindgren's Books in Russia // Bookbird. 2004. Vol. 42. No. 1. P. 19–23.
 12. *Кан А. С.* История Швеции. М.: Наука, 1974. 719 с.
 13. *Цуканов Е.* Карлсон, который живет на крыше, и левый уклон в европейской политике (медиаальный аспект) // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 2. С. 113–118.
 14. *Lindgren A.* Pippi Longstocking. New York: Viking Press, 1950. 158 p.
 15. Пеппи Длинныйчулок [Фильм] // Онлайн-кинотеатр ivi. URL: https://www.ivi.ru/watch/peppi_dlinnyichulok — 28.04.2022.
 16. *Захарова Н. Ю.* Швеция против евро // Современная Европа. 2004. № 3. С. 112–119.
 17. *Lindgren A.* Mio, My Son. New York: Viking Press, 1956. 179 p.
 18. Мио, мой Мио [Фильм] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EfTmE0A-Mz8> — 28.04.2022.
 19. Soft Power Survey 2018/19 // Monocle. 21.12.2018. URL: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2018-19/> — 28.04.2022.
 20. Большинство россиян хорошо относятся к Швеции // Посольство Швеции в Москве. 10.12.2018. URL: <https://www.swedenabroad.se/ru/embassies/россия-москва/актуальная-информация/новости/большинство-россиян-хорошо-относятся-к-швеции/> — 28.04.2022.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

Гриднева Анна Олеговна

*Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации
Факультет международных отношений*

Бакалавриат

Влияние исторической политики В. Орбана на отношения с Россией: формирование, функционирование, прогнозы

**The Impact of the Historical Policy of V. Orban on Relations
with Russia: Formation, Functioning, Forecasts**

Аннотация. В данной статье рассматривается историческая политика В. Орбана касательно Второй мировой войны. Разбирается общее восприятие этого события в политическом дискурсе, а также делается попытка проанализировать влияние исторической политики Венгрии на взаимоотношения с Россией. Для этого в статье также дается описание тенденций российской исторической политики. Исследование основано на источниках, касающихся проправительственной оценки исторических событий (например, были просмотрены основные СМИ России и Венгрии) и на исторических трудах, посвященных обсуждаемому в обществе эпохам.

Ключевые слова: Виктор Орбан, Венгрия, российско-венгерские отношения, историческая память, Вторая мировая война, политика исторической памяти.

Abstract. This article discusses the historical policy of V. Orban regarding the World War II. The general perception of this event in political discourse is analyzed, and an attempt is made to analyze the impact

of Hungary's historical policy on relations with Russia. To do this, the article also provides a description of the main trends of the Russian historical policy. The research is based on a number of sources concerning the pro-government assessment of historical events (for example, the mainstream media of Russia and Hungary) and on historical works devoted to the eras under discussion.

Keywords: Viktor Orban, Hungary, Russian-Hungarian relations, historical memory, World War II, politics of historical memory.

Венгрия является одним из немногих партнеров России в Европе. Однако во взглядах на историю между Венгрией и Россией часто возникают противоречия, особенно когда речь заходит о Второй мировой войне — одном из главных событий в исторической политике России. Можно вспомнить инцидент, произошедший 29 октября 2020 г., когда В. Орбан, премьер-министр Венгрии, назвал памятник, посвященный советским солдатам — освободителям Будапешта, «памятником советской оккупации» [1]. Это вызвало недопонимание на высшем уровне — в частности, официальный представитель МИД РФ М. Захарова назвала высказывания венгерского политика «извращающими правду».

Понимание позиции собеседника, осознание причин таких заявлений во многом поможет более гибко выстраивать двусторонние отношения и убедительно продвигать собственную позицию. В случае с Венгрией, являющейся одним из главных европейских партнеров РФ, более детальное изучение совместных исторических моментов может привести к более тесному сотрудничеству и снижению уровня взаимонепонимания. Однако, к сожалению, на данный момент нет ни одной работы, описывающей базовые концепты исторической политики Венгрии и их влияния на отношения с Россией, так же как нет работы, описывающей исторические воззрения Венгрии касательно Второй мировой войны. В данной статье мы попытаемся проанализировать влияние противоречий в исторической политике Венгрии и России в оценке их роли во Второй мировой войне на их сотрудничество.

Для начала стоит отметить, что историческая политика Венгрии схожа с исторической политикой, проводимой другими странами Восточной Европы. Большинство стран Восточной Европы стали

«бойцами с историей» — там идет наиболее активное использование истории в политических целях. Формирование крайне «националистического» подхода объясняется тем, что в Восточной Европе долгое время не было условий для обсуждения проблем истории. Многие темы были табуированы или просто недоступны для изучения из-за закрытых архивов. Контроль над исторической наукой спровоцировал появление «белых пятен», которые после распада соцблока привлекли внимание историков и общественности. Важную роль сыграл тот факт, что история стала важным фактором самоидентификации в условиях кризисного состояния и нестабильности 1990-х годов.

История, особенно события Второй мировой войны с последующим включением в соцблок, стала важным фактором самоидентификации для стран Восточной Европы. В этих странах особую популярность получила концепция «двух тоталитаризмов», исходящая от тождественности нацизма и коммунизма [2], что переворачивает привычное россиянам понимание Второй мировой войны. Во всей Восточной Европе сформировался совершенно иной взгляд на историю, где главной трагедией была трагедия своего собственного народа, а главной жертвой — своя нация. Подобные идеи начали формулироваться и в Венгрии во время правления В. Орбана.

Первый раз В. Орбан и его партия «Фидес» пришли к власти в 1998 г. на волне разочарования политикой коалиции Венгерской социалистической партии и либеральной партии «Союз свободных демократов». Придя к власти, правительство во главе с В. Орбаном активизировало свою историческую политику, во многом в попытке укрепить свои позиции в глазах избирателя. Было очевидно, что образ Венгрии как страны, ответственной за преступления, мало востребован среди массового избирателя, переживающего череду экономических трудностей переходного периода, распад прежней привычной системы. Суть нарратива «Фидес» во многом заключалась в том, что история Венгрии, особенно в XX веке, — это череда трагедий, с которой население страны мужественно боролось. В результате перипетий истории Венгрия потеряла большую часть своей территории — согласно Трианонскому мирному договору, от Венгрии отторгалось 2/3 ее территорий. Спустя пару

десятилетий страна также не смогла стать частью западноевропейского мира, поскольку была включена в социалистический блок. На этом фоне забываются все грехи в политике Венгрии — союз с Гитлером, участие в Холокосте.

Так, из-за воззрений В. Орбана, началась линия на «очищение» прошлого Венгрии, в частности, эры адмирала М. Хорти. В начале это выражалось в небольших шагах, призванных вернуть некоторые символы той эпохи. Так, в начале 2000 года правительство В. Орбана возобновило присуждение премии Корвина, государственной награды, введенной Хорти в 1930 году.

Но вскоре правительство начало формировать свою политику и по отношению к Холокосту, отбрасывающему негативную тень на М. Хорти. Поначалу действия были не всегда успешными: на рубеже 1999–2000 гг. разразился скандал с попыткой создания проправительственным историком И. Ихасом при поддержке министерства культуры экспозиции о венгерских евреях для музея Холокоста в Аушвице. Большинство специалистов по Холокосту и периоду 1930–40-х годов признали, что «проект исторически был настолько ненадежным и фальсифицированным, что организация из него выставки — особенно в Освенциме — равносильно провокации международного скандала» [3]. На выставке (так и не ставшей частью экспозиции музея Холокоста), как отмечает историк Дж. Д. Ласло, ознакомившийся с ее черновиками, доказывалось, что «почти все, что происходило с венгерскими евреями во время чрезвычайной ситуации, происходило под давлением Германии. Политика венгерского правительства заключалась в спасении евреев» [4].

Вскоре «Фидес» обратилась к исследованию недавнего коммунистического прошлого. Именно правительство В. Орбана и приближенные к нему историки стали последовательно проводить мысль о равенстве трагедии Холокоста и «трагедии» коммунизма. В 2000 году, при поддержке парламента, в котором большинство составляли члены партии «Фидес», 25 февраля было объявлено днем памяти жертв коммунизма. А 24 февраля 2002 г. был открыт первый новаторский музей, посвященный периоду коммунизма и нацизма в Венгрии — «Дом террора», который, по мнению Ф. Жофия и К. Х. Жолта, стал «центральным памятником новой религии памяти “Фидес”» [5].

Согласно официальному веб-сайту, миссия музея основывается на особой концепции истории страны: Венгрии пришлось бороться против «двух самых жестоких систем XX века», то есть нацизма и социализма, чтобы вернуть себе «свободу и независимость» [6]. В музее доминирует мотив о стране как героическом мученике перед лицом ужасных событий XX века. Поэтому в музее особое внимание уделяется насильственному установлению коммунистического режима и фактически замалчивается роль Красной армии в освобождении Венгрии. Отмечается, что коммунизм (а не общая послевоенная разруха) привел к экономическому упадку после войны. В целом, в музее упор делается именно на периоде 1944–1989 гг., особо подчеркивается произвол государства в это время.

Из-за доминирования идеи, что венгры — главные пострадавшие, полностью замалчивается проблема Холокоста (которому, в отличие от коммунистического периода, посвящено всего 2 комнаты). Многие историки критикуют такой подход. В их числе А. Содаро, которая отдельно подчеркнула, что «нигде четко не говорится о том, насколько разрушительным был холокост в Венгрии (было убито 75% еврейского населения), равно как и не поднимается вопрос о внутреннем росте антисемитизма в Венгрии, который проложил путь к Холокосту» [7]. Вся ответственность возлагается на «внешние» силы, из-за которых Венгрия и пережила свое падение.

Время для открытия музея было выбрано не случайно — «Дом террора» был задуман Виктором Орбаном и был оплачен государственными деньгами в разгар ожесточенной избирательной кампании 2002 года против Социалистической партии, преемницы Венгерской коммунистической партии. Учитывая ситуацию того времени, негативные отсылки к коммунистическому прошлому казались необходимыми.

Таким образом, «Фидес» смогла установить, разрекламировать и даже канонизировать в музее исторический нарратив, который подходит ей по вкусам, политическим целям и запросам современности, в то время как левые партии, по мнению С. Беназзо, «провалились и не смогли предложить свою версию прошлого» [8].

К моменту прихода «Фидес» к власти во второй раз внутриполитическая обстановка изменилась. Это повлияло и на историческую политику Венгрии. Правительство начало свою работу с оглушительного успеха на выборах внутри страны (союз «Фидес» — ХДНП собрал 53,64% голосов, что позволило блоку занять 263 депутатских места в парламенте) [9, с. 71], чему предшествовала блестящая победа консервативно-демократического блока «Фидес–ХДНП» на выборах в Европарламент. Остальные политические партии ушли в оппозицию. Внушительная победа дала В. Орбану возможность образовать правительство с национально-консервативной и христианско-демократической идеологией.

Отсылки к периоду правления М. Хорти стали ярче проявляться. Де-факто, начался процесс публичного «обеления» данного исторического периода. Так как предыдущие правительства не формулировали чётких оценок о событиях того времени, «Фидес» получила монополию на его трактование в политике. Заполняя вакуум, В. Орбан и его правительство сделали неизбежным сравнение между правлением адмирала и своими действиями, причем исключительно в позитивном ключе.

Можно выделить следующие причины популярности М. Хорти у «Фидес». Во-первых, это действительно тяжелый период интербеллума, выпавший Венгрии как проигравшей стороне. Во-вторых, важна роль М. Хорти в подавлении коммунистического восстания. На этом фоне действия М. Хорти выставляются партией «Фидес» как единственно возможный вариант. Адмирал рисуется как жертва исторических обстоятельств и тем самым отделяется от событий Холокоста, антиеврейских ограничений и сотрудничества с Германией. Более того, он был сторонником пересмотра Трианонского мирного договора.

Из-за всех этих причин, дающих повод для романтизации М. Хорти в школьных и вузовских учебниках, стандартизированных после реформы 2012 года, делается акцент на том, что М. Хорти выступал против физического уничтожения евреев и не имел понятия о планах немецкого руководства в данном вопросе. Подчеркивается, что венгерский лидер был единственным из союзников Германии, который сделал что-то для защиты евреев на своей территории (воспрепятствовав депортации примерно

200 тыс. венгерских евреев) [10, с. 47]. Также отдельно подчеркивается тот факт, что М. Хорти хотел выйти из войны. Как отмечают историки Д. Бебеш и А. Колонтари, исследовавшие проблему венгерских учебников, «цитируются фрагменты из речи регента по радио 15 октября, в которой он говорил, что Германия проиграла войну, и Венгрия не может приносить себя на алтарь союзнической верности» [10, с. 50]. Все преступления и проблемы перекидываются на период немецкой оккупации. Тем самым замалчивается то, что часть еврейского населения погибла до прихода Ф. Салаша к власти, а антиеврейские законы были введены именно Хорти еще в 1920 г.

Такой взгляд на М. Хорти отражается и на позиции по отношению к еврейскому населению. В 2010 году В. Орбан назначил А. Гала руководителем Центра памяти и документации Холокоста в Будапеште. Одни из первых инициатив «назначенца», по словам его коллег, было «исключить упоминание союза Миклоша Хорти с Адольфом Гитлером и участия в расчленении трех соседних государств — Чехословакии, Румынии и Югославии — как “не имеющих отношения к Холокосту” из экспозиции музея. Второе предложение было еще более радикальным — предать забвению участие Венгрии в антиеврейской политике и возложить всю вину на Германию» [11]. И хотя в конце концов из-за разразившегося конфликта спорная кандидатура была убрана с поста, следующий шаг «Фидес» фактически воплотил заявленные идеи в урезанном масштабе.

В год памяти жертв Холокоста в Будапеште был поставлен памятник «Жертвам немецкой оккупации». Мемориал схематически изображает ситуацию во Второй мировой войне и положение Венгрии в ней. Статуя архангела Гавриила символизирует пострадавшую Венгрию. На нее нападает орел, символизирующий Германию. Посыл, который предлагает мемориал — в войне у Венгрии была пассивная роль, она скорее жертва; ужасы начались после прихода немцев 19 марта 1944 года. И вновь это действие связано с желанием «Фидес» укрепить свои позиции: политолог М. Сабо отметила, что открытие подобного монумента точно «подогнано» под выборы и сделано с целью переманить часть правого электората на свою сторону [12].

Другим противоречивым шагом, который закрепил нужную версию истории, стала проведенная в 2012 году реформа школьной программы. Ряд вопросов вызвало включение в список литературы, обязательной к прочтению, книг трех авторов-антисемитов: Йожефа Ньи́ро, Альберта Васса и Дезо Сабо. Альберт Васса был осужден правительством Румынии за преступления военного времени, включая участие в убийстве двух евреев.

В итоге усиленная работа над эпохой Хорти оказалась настолько успешной, что западные СМИ проводят параллели между правлением адмирала и авторитарным режимом В. Орбана, антисемитизмом Хорти и антииммигрантской риторикой В. Орбана [11].

Если период М. Хорти продолжает активно воспеваться, то коммунистический период активно порицается. В этом «Фидес» развивает тенденции первого своего нахождения у власти. Вершиной успеха стал тот факт, что версия «Фидес» о том, что Венгрия долгое время была жертвой коммунистического периода, была закреплена на конституционном уровне. В 2011 году была принята новая Конституция Венгрии, в которой провозглашалось, что с 1944 по 1990 гг. Венгрия была под оккупацией: «восстановление государственного самоопределения нашей Родины, утраченного девятнадцатого марта 1944 года, мы отсчитываем от второго мая 1990 года — дня создания первого свободно избранного народного представительства. Этот день мы считаем началом новой демократии и нового конституционного порядка нашей Родины» [13]. Тем самым с М. Хорти и венгров снималась ответственность за военные преступления, а период коммунистического режима приравнялся к нацистскому.

Так, мы видим, что В. Орбан за 2010-е годы смог сформировать и закрепить свой курс в области исторической политики. Его идеи применяются и в 2020-е гг., являясь все еще актуальными для венгерского общества. Например, в ходе недавней подготовки к выборам вновь встал вопрос об отношении В. Орбана к М. Хорти [14] и о параллелях между ними [15]; оппозиционеры признают, что В. Орбан находится у власти во многом по той причине, что он хорошо знает историю и управляет ею [16]. Опять же, в связи с прошедшими парламентскими выборами всплы-

вают истории других политиков, открыто почитающих М. Хорти [17], что еще раз доказывает успешность выбранного В. Орбаном нарратива. Премьер-министр играет на желаниях избирателей, показывая им ту историческую картинку, которую им приятнее видеть. Но такой нарратив совершенно противоречит воззрениям руководства Российской Федерации на события Второй мировой войны и следующими за них итогов.

В России на данный момент Вторая мировая война (Великая Отечественная война) превратилась в основной инструмент самоидентификации современного государства. Победа легитимирует сегодняшний политический режим [18]. О степени важности исторической политики для государственной власти говорит следующий факт — в Основном законе РФ закреплено, что не допускается фальсификация истории, умаление значения подвига народа при защите Отечества [19]. Также для России, часть территорий которой находилась под венгерской оккупацией и которая помнит участие венгров в войне на стороне Германии, неприемлема позиция, что Венгрия была жертвой войны. Все это создает почву для споров.

Поэтому, несмотря на в общем неплохие отношения между двумя странами, из-за имеющихся расхождений время от времени между Венгрией и Россией возникает недопонимание. То, что в российской историографии называют «освобождением Европы от фашизма» [20], в Венгрии трактуют как начало оккупации (активно используется термин «двойная оккупация», который подразумевает, что после немецкой оккупации ей на смену пришла советская [21]). Из-за этого возникают такие скандалы, когда В. Орбан назвал памятник советским солдатам мемориалом оккупации, что вызвало негативную и бурную реакцию российских СМИ [1]. Но из-за расходящихся трактовок в области истории фактически невозможно совместное продуктивное научное сотрудничество в ряде исторических областей — до сих пор не создана совместная комиссия по исследованию спорных исторических сюжетов, а также отсутствуют площадки «круглых столов» по проблематике Второй мировой войны.

Но стоит учитывать, что сильного противостояния между Венгрией и Россией нет. Противоречащая историческая политика

преимущественно используется внутри стран и фактически никогда — в диалоге. Также с момента второго кабинета В. Орбана, когда началось более активное экономическое и политическое сближение России и Венгрии, антикоммунистический нарратив об оценках Второй мировой войны стал менее агрессивным, а новые проекты, подобные «Дому террора», больше не появлялись. В. Орбан осторожен, затрагивая тему Второй мировой войны, не винит современную Россию и не требует с нее компенсаций (в отличие от других стран Восточной Европы).

Таким образом, обе страны придерживаются хрупкого баланса, сохраняя сотрудничество друг с другом. Однако наличие неразрешенных противоречий может в какой-то момент оказаться опасным препятствием к сближению. Вечно обходить тему Второй мировой войны и ее последствий в диалоге между странами не получится. По этой причине, мы надеемся на интенсификацию контактов научного сообщества двух стран и росту проектов, направленных на обсуждение общих исторических сюжетов прошлого.

Библиография

1. Захарова назвала заявления Орбана извращающими правду. URL: <https://rg.ru/2020/10/29/zaharova-nazvala-zaiavleniia-orbana-izvrashchaiushchimi-pravdu.html> — 21.03.2022.
2. European Parliament Resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism. URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0213+0+DOC+XML+V0//EN> — 21.03.2022.
3. Szobota I. Ne négyszázezer magyar sírján csináljuk ezt, ha lehet Interjú Karsai László holocaust-kutató történésszel. URL: <http://epa.oszk.hu/00800/00804/00079/5523.html> (дата обращения 21.04. 21) — 21.03.2022.
4. Stark T., Gyorgy L. J. Ez nem a magyar történetírás terméke. URL: <https://www.es.hu/old/9937/interju.htm> — 21.03.2022.
5. Zsolt Z. F., Horvath K. The Offended Hungary. The House of Terror as a Demonstration of Objects, Memorial, and Political Rite. URL: <http://mezosfera.org/the-offended-hungary-the-house-of-terror-as-a-demonstration-of-objects-memorial-and-political-rite-2002/> — 21.03.2022.
6. Terror Háza Múzeum: официальный сайт. Венгрия. URL: <https://www.terrorhaza.hu/hu> — 21.03.2022.

7. Sorado A. The House of Terror: The Only One of Its Kind. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1v2xskk.7>. — 21.03.2022.
8. Benazzo S. Not All the Past Needs to Be Used: Features of Fidesz's Politics of Memory. URL: https://www.researchgate.net/publication/322239532_Not_All_the_Past_Needs_To_Be_Used_Features_of_Fidesz%27s_Politics_of_Memory — 21.03.2022.
9. Желицки Б. Й. Коалиционное правление Венгрии: партийные союзы и их лидеры. 1998–2018 г. // Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX — начало XXI в. / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб: Нестор-История, 2020. С. 53–96.
10. Бебеши Д., Колонтари А. Венгрия и Вторая мировая война в учебных пособиях для средних школ и вузов // Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации: материалы международной конференции. Москва, 8–9 апреля 2010 г. / под ред. Т. С. Гузенковой, В. Н. Филяновой. М.: РИСИ, 2010. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/bf26abf687e37574778f0ff3804a603b75df7d90.pdf> — 21.03.2022.
11. Echikson W. Viktor Orbán's anti-Semitism problem. URL: <https://www.politico.eu/article/viktor-orban-anti-semitism-problem-hungary-jews/> — 21.03.2022.
12. Szabo M. Parbeszed szuksegessege. URL: <https://www.egyhazestarsadalom.hu/2014/03/14/szabo-marton-a-parbeszed-szuksegessege/> — 21.03.2022.
13. Основной закон Венгрии: принят Венгерским парламентом 25 апреля 2011 г. URL: https://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/oroszyomda_jav%C3%ADtott.pdf — 21.03.2022.
14. Szombat: Nem hihető, hogy Magyarország az öt leginkább antiszemita ország közé tartozná. Gadó János. URL: <https://www.szombat.org/politika/nem-hiheto-hogy-magyarorszag-az-ot-leginkabb-antiszemita-orszag-koze-tartozna> — 21.03.2022.
15. Jako Hitler a Horthy. URL: https://www.irozhlas.cz/zpravy-svet/putin-orban-madarsko-bazoki_2203302201_cen — 21.03.2022.
16. Önmagában egy ellenzéki győzelem nem fogja elhozni a változást. URL: <https://www.szabadeuropa.hu/a/cszimadia-ervin-interju-fidesz-orban-valasztasok-ellenzek/31694380.html> — 21.03.2022.
17. A Horthy tér megálmódója is a Gyurcsány-listán jutott be az Országgyűlésbe. URL: <https://www.kisalfold.hu/orszag-vilag/2022/04/a-horthy-ter-megalmodoja-is-a-gyurcsany-listan-jutott-be-az-orszaggyulesbe> — 21.03.2022.
18. Историческая политика в России. URL: <https://carnegie.ru/2017/08/09/ru-pub-72746> — 21.03.2022.

19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8 — 21.03.2022.
20. 75-летие освобождения Восточной Европы от нацизма. URL: <https://historyrussia.org/proekty/75-letie-osvobozhdeniya-vostochnoj-evropy-ot-natsizma.html> — 21.03.2022.
21. Kettős megszállás. URL: <https://www.terrorhaza.hu/hu/allando-kiallitas/masodik-emelet/nem-a-pincebrtn-rekonstrukcija> — 21.03.2022.

Кашапов Тимур Ильшатович

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Факультет международных отношений
Бакалавриат*

Опыт Бразилии и России в преодолении наследия организованного террора в контексте правосудия переходного периода

Brazilian and Russian Experience of Overcoming the Legacy of Government Repressions in the Context of Transitional Justice

Аннотация. В статье было проведено сравнение опыта бразильской и российской государственной политики исторической памяти в сфере преодоления организованных государственных репрессий. Выделив основное сходство ситуаций в России и Бразилии, автор проанализировал государственные меры в вышеотмеченной сфере и соотнес их с действиями, предпринятыми в рамках правосудия периода политического транзита. В заключении делается вывод о сходствах в исторической политике двух стран и выделяются недостатки в российской политике памяти на современном этапе.

Ключевые слова: Россия, Бразилия, историческая память, правосудие переходного периода, политика памяти, государственные репрессии, исследования памяти.

Abstract. The article made a comparison between the Brazilian and Russian experience of government historical memory policy concerning overcoming government campaigns of terror. Having emphasized major similarities of the situations in Russia and Brazil, the author analyzed government measures in this sphere and correlated them with actions suggested by the theory of transitional justice. At the end the author makes a conclusion about parallel features in historical policies of the two countries and points out the disadvantages of Russian historical memory policy at the present stage.

Keywords: Russia, Brazil, historical memory, transitional justice, memory policy, government repressions, memory studies.

Введение

В конце 2010-х — начале 2020-х гг. в России нарастал интерес, особенно у молодого поколения, к тяжелому наследию советской эпохи. Об этом свидетельствуют, к примеру, результаты исследования, проведенного ВИЦОМ в 2018 году [1]. Подавляющее большинство граждан страны интересуется прошлым своей семьи, знает о репрессированных предках. Отдельно отмечено, что среди молодых людей стремление узнать об истории семьи выше среднего. При этом исследователи констатируют незавершенность и непоследовательность государственной политики [2, с. 131; 3, с. 51], что отражено также в государственных документах по данной тематике, например, в «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» [4]. Таким образом, фиксируется значительный общественный и государственный интерес в изучении данной темы.

Для исследования российской государственной исторической политики было бы полезно провести сравнительный анализ политики России и Бразилии в этом вопросе. Компаративистский подход в изучении политики исторической памяти мало разработан в России, особенно в отношении неевропейских стран. Среди ключевых работ можно назвать книгу Н. Эппле «Неудобное прошлое» и сборник А. Миллера, М. Липмана «Историческая политика в XXI веке». Бразильский опыт может оказаться полезным для исследования российской исторической политики как в силу своей новизны, так и в силу принципиального сходства в государственном курсе преодоления трудного прошлого.

Для определения более четких критериев сравнения опыта двух стран была выбрана концепция правосудия переходного периода, сложившаяся во второй половине XX века. В документах ООН закреплено следующее определение данной концепции: «комплекс процессов и механизмов, связанных с попытками общества преодолеть тяжкое наследие крупномасштабных нарушений законности в прошлом с целью обеспечить подотчетность, справедливость и примирение» [5, с. 6]. Спусковым крючком процесса складывания правосудия переходного периода стала демократизация ряда авторитарных военных режимов именно

в Латинской Америке (в том числе в Бразилии) и последующие действия государств, направленные на расследование преступлений прошлого периода и обеспечение компенсаций жертвам и потомкам пострадавших от репрессий. В рамках как латиноамериканского региона, так и мирового сообщества на сегодняшний день сложился комплекс мер в пяти сферах, которые должны способствовать достижению примирения и справедливости в обществе. «Пять столпов» правосудия переходного периода включают в себя: право на справедливость, право на правду, право на компенсацию, право на память и гарантию неповторения насилия [6, 7].

В рамках статьи сравнивается государственная политика исторической памяти стран по двум направлениям. Сначала выделены сходства и различия, связанные с непосредственным сопоставлением России и Бразилии. Затем государственная политика памяти проанализирована с точки зрения соответствия критериям, разработанным в рамках концепции правосудия переходного периода. На основании проведенного сравнения выделены наиболее существенные характеристики российской политики исторической памяти.

Бразильский опыт в истории

Военный режим в Бразилии установился в результате военного переворота в 1964 году. На протяжении всего периода своего существования режим проводил масштабные репрессии: похищения, убийства и пытки политических оппонентов. Часть оппонентов военного режима организовала вооруженное сопротивление — Арагуайскую герилью, длившуюся в течение 7 лет. К концу существования диктаторского правления под давлением общества был принят «Закон об амнистии» 1979 года [8]. Его действие было направлено не на реабилитацию лиц, подвергшихся политическим преследованиям, а в большей степени на защиту самих организаторов террора. Фриас Сампайо называет закон об амнистии «самоамнистией» режима [9, р. 32]. Этот шаг можно оценить как попытку подвести черту и отказаться от обсуждения темы без осуждения государственного насилия.

Во второй половине 1980-х — середине 1990-х годов политические перемены вышли на первый план и повлекли за собой повышение общественного интереса к проблеме политики памяти [9, р. 38]. Под давлением ряда общественных организаций государство взяло обязательство выплатить денежные компенсации семьям погибших и взять на себя поиск их останков, для чего были созданы Специальная комиссия по политическим смертям и исчезновениям (Comissão Especial sobre Mortos e Desaparecidos Políticos, CEMDP) и Комиссия по амнистии (Comissão de Anistia). Кроме того, символ репрессий — Национальная разведывательная служба в 1990 году была распущена президентом Фернанду Колор ди Мелу. При этом до конца 1990-х отсутствие достаточной политической легитимности и воли откладывали создание новой системы спецслужб, подконтрольной обществу [10, р. 2–3]. Работа комиссий также была затруднена из-за недостаточных полномочий и сложной процедуры подтверждения факта гибели, установленной законом [11, р. 35, 38]. Несмотря на определенные трудности и недостатки, именно в это время были заложены основания будущей политики.

Современный этап

В дальнейшем приход к власти Лулы да Силвы и Дилмы Русеф и новая волна общественного интереса к проблеме исторической памяти привели к интенсификации и деятельности на данном направлении: расширение круга имеющих право на компенсацию, почти полное открытие архивов спецслужб, образование Национальной комиссии правды (Comissão Nacional da Verdade) и целой сети «комиссий примирения» на уровне штатов, передача дела увековечивания памяти в руки частных НКО путем грантов. Необходимо заметить, что еще на этапе создания комиссий по компенсациям и поиску тел погибших фиксируется инициатива региональных властей [12, р. 141], которая отчасти повлияла на создание федеральных органов. В случае с Национальной комиссией правды импульс исходил из центра, но большинство комиссий на региональном и местном уровне продолжили работу и после финального доклада Национальной комиссии [13, р. 6]. Активный курс, основанный

на стремлении определить истину, возместить ущерб пострадавшим как финансово, так и морально-психологически и поддерживать память о терроре, проводился при вовлечении военных — главных противников данной политики — в работу большинства учреждений, в том числе Национальной комиссии правды.

Отдельно нужно рассмотреть вопрос институциональных реформ. После роспуска Национальной разведывательной службы в начале 2000-х годов была создана разветвленная система из 13 спецслужб, подотчетных различным ведомствам. Оценки новой системы разнятся. Большинство авторов согласны, что стремление обеспечить общественный контроль за спецслужбами повредило их эффективности, при этом часть исследователей оценивают реформы как чрезвычайно успешные, другие, напротив, отмечают недостаток реальных механизмов контроля и подотчетности спецслужб президенту и парламенту [10, р. 5; 14, р. 9–11]. Так или иначе, именно реформы спецслужб рассматриваются главным способом недопущения повтора государственного насилия.

В годы президентства Жаира Болсонару (2019–2022) большая часть мероприятий предшественников была свернута, сайты мемориальных проектов заблокированы, глава государства сменил 4 из 7 членов SEMDP, что привело к резкому росту числа отказов в компенсационных выплатах. Болсонару рассматривает деятельность военного режима как «героическую», направленную на сохранение страны от «коммунистической угрозы» [15, р. 2], и резко критикует историческую политику Лулы да Силвы и Дилмы Русеф. Таким образом, постепенное развитие политики памяти на принципах правосудия переходного периода в Бразилии достигло лишь определенных успехов и было прервано приходом к власти Болсонару.

История российской политики памяти

Российский опыт преодоления государственного террора имел схожие с бразильским этапы. Первоначальное давление общества привело к частичной и ограниченной реабилитации невинно репрессированных и даже осуждению сталинского террора в 1950–1960-е годы (XX съезд КПСС). Однако данная политика была направлена

не на восстановление исторической справедливости, а лишь на достижение политических целей новой элиты, прежде всего, первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева [3, с. 29–30]. На это указывают и ограниченное количество реабилитированных, и незатронутость главных политических процессов 1930-х годов [16, с. 8]. Кроме того, в свидетельствах о смерти, выдаваемых родственникам репрессированных, не указывалась реальная причина смерти, за исключением периода 1955–1963 годов, когда причина указывалась, но была вымышленной [4]. Реабилитация в хрущевское время носила ограниченный и политизированный характер, но положила начало долгому процессу работы с исторической памятью.

Во второй половине 1980-х — 1990-х годах произошла более масштабная, чем в Бразилии, реабилитация всех жертв террора. Президентский указ от 13 августа 1990 года расширил рамки репрессий до 1920–1950-х годов, осудил внесудебное преследование и принял решение восстановить права репрессированных [17]. Ряд постановлений также реабилитировал депортированные народы. Но при этом не было создано никаких механизмов компенсаций, не были проведены институциональные реформы. Важным шагом можно считать решение об установке памятника жертвам политических репрессий [18], вылившееся в создание «Соловецкого камня». В России в октябре 1991 года был принят закон «О реабилитации жертв политических репрессий», предусматривавший доступ пострадавших и их потомков к архивам и материалам дел, выплату компенсаций репрессированным и право на получение жилья в регионе, где проживал человек до начала преследования [19]. Несмотря на значительные успехи в плане вербального осуждения и признания вины, в этот период государство не смогло выстроить механизм практической реализации прав на правду, на компенсацию и гарантию неповторения.

«Тотальная преемственность»

Однако во второй половине 1990-х и в 2000-е годы государственный и общественный интерес к теме заметно снизился, историческая политика стала инструментом формирования нового образа государства на основе концепции «тотальной пре-

емственности» [20, с. 70–71]. Новый дискурс включает в себя удобные нарративы прошлого, утверждает главенствующую роль государства. Подобно тому, как с началом Великой Отечественной войны были «реабилитированы» некоторые герои прошлой истории (А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Дмитрий Донской, Александр Невский и др.) для конструирования нового образа государства как преемника военных побед прошлого, новая Россия стремилась объединить разрозненные и часто противоречивые эпизоды в общую картину. Снизившийся интерес общества к проблеме политики памяти позволил государству во многом игнорировать запросы общественных организаций, прежде всего «Мемориала». К примеру, коллективный иск «детей ГУЛАГа» о предоставлении жилья в регионах, откуда их вместе с родителями выселили, потребовал изменения закона [21], также была организована общественная кампания в поддержку этого требования. До сегодняшнего дня вопрос так и не был разрешен.

Напротив, в последние годы нарастала тенденция по пересмотру отношения к репрессиям. Государственная политика памяти стремится подвести черту и исключить тему из общественного обсуждения, избежать осуждения ответственных лиц и возместить нанесенный ущерб. Появилась тенденция к оправданию массовых репрессий, осуждению пострадавших. Начало было положено работой «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», которая стремилась «уравновесить» репрессии достижениями пятилеток и индустриализацией [3, с. 42; 22, с. 215–216]. С ликвидацией «Мемориала» в 2021–2022 годах власть окончательно порвала с предыдущими оценками, осуждением террора и отказалась от попыток восстановления исторической справедливости. Таким образом, усилия государства по осуждению репрессий и примирению общества оказались недостаточными, так что в конце концов политические репрессии снова стали восприниматься как приемлемый инструмент.

Выводы

Таким образом, по результатам анализа можно выделить следующие общие черты, объединяющие опыт России и Бразилии

в проведении исторической политики памяти. Во-первых, незавершенность и нелинейность государственной политики в преодолении опыта репрессий. Безусловно, проведение политики памяти всегда связано с текущей политической конъюнктурой [23, с. 138]. Прежде всего, решение принимается исходя из наличия легитимности и общественного запроса. Несмотря на это, явное наличие запроса общества на разных этапах не конвертировалось в проведение единой исторической политики памяти в обеих странах.

Во-вторых, федеративное устройство, обусловленное большим разнообразием территорий, открывает возможности широкого взаимодействия центральной власти и органов субъектов или штатов. В Бразилии эти возможности широко реализовывались в разных сочетаниях в процессе формирования общей политики. В России же такой потенциал носит скрытый характер, основной формой связи центра и субъектов остается копирование федеральных практик. Даже в 1990-е годы в качестве монумента жертвам политических репрессий в разных городах выбирали свой «Соловецкий камень», не создавались новые уникальные региональные практики мемориализации.

В-третьих, значительный исторический промежуток, отделяющий опыт террора от современности, не позволяет использовать ряд признанных практик. Например, требования принятия ответственности и извинений за работорговлю в XIX веке сегодня лишены смысла [23, с. 144]. Если в Бразилии компенсацию смогли получить как сами пострадавшие, так и их родственники, то по российским законам наследники не имеют права на компенсацию, а возвращение «детей ГУЛАГа» домой может так и не состояться.

В-четвертых, наличие прямой преемственности между режимом военной диктатуры в Бразилии и сталинским режимом в России также создает препятствия для переработки прошлого. В Бразилии ограничения носят не только моральный, но и юридический характер — сохраняющийся «Закон об амнистии» 1979 года не позволяет добиться восстановления справедливости. Советское наследие в России заключено и в признании юридической преемственности СССР и Российской Федерации, и в сохранении системы институтов, особенно спецслужб, в прежнем формате [3, с. 65], и в системе взглядов на место государства в жизни общества.

Наконец, в обеих странах заметен отход в последние годы от прежней государственной политики памяти и формулирование нового подхода. Российский подход, закрепляющий «тотальную преемственность» и главенство государства, получил оформление к 2010-х годам и активно продвигается в школах, университетах, в публичных обсуждениях. Бразильская попытка ревизионизма не смогла пока занять главенствующих позиций, а, напротив, собрала против себя целую общественную коалицию [14, р. 5–8]. Этим бразильская ситуация напоминает мобилизацию российского гражданского общества в период действия «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

В контексте правосудия переходного периода явно заметен более значительный прогресс Бразилии. Пострадавшие и их родственники имеют практически полный доступ к архивам, могут требовать установления всех обстоятельств и виновников смерти или преследования, имеют право на денежные и психологические компенсации. Выстроена сеть мемориальных комплексов и музеев, посвященных репрессиям. Проведена кардинальная перестройка системы спецслужб, гарантирующая общественный контроль за ними. Слабым местом бразильской политики памяти остается право на справедливость. Несмотря на озвучивание и публичное осуждение организаторов со стороны государства, они все еще не могут быть привлечены ни к какой ответственности из-за «Закона об амнистии» 1979 года. В этой связи нужно упомянуть решение Межамериканского суда по правам человека от 24 ноября 2010 года, который признает неправомерность использования закона в отношении тех, кто совершал преступления против человечества [24]. Также сохраняются ограничения доступа к отдельным секретным архивным документам. В целом бразильскую историческую политику на сегодняшний день можно охарактеризовать как следующую, пусть не без сложностей, по пути восстановления исторической справедливости согласно рекомендациям концепции правосудия переходного периода.

Российская политика памяти лишь в малой части привержена следованию реализации «пяти столпов». Денежные компенсации ограничены как в объемах, так и в круге возможных получате-

лей из числа репрессированных, а неденежные связаны с большими бюрократическими трудностями, которые, по сути, делают невозможным их получение. После открытия части архивов в 1980–1990-е годы не было налажено системной работы по рассекретчиванию и организации доступа потомков репрессированных к секретным документам под предлогом защиты персональных данных. Создание музеев и мемориалов носит ограниченный характер, за исключением музея ГУЛАГа в Москве не появилось крупных центров памяти, посвященных жертвам преследований. Вопрос привлечения к ответственности организаторов и исполнителей террора не поднимается, напротив, из-за сохранения преемственности спецслужб работники НКВД и КГБ героизируются. Таким образом, реализация российской политики памяти не следует в русле правосудия переходного периода, за исключением сохранившегося наследия 1980–1990-х годов или редких случаев успешных гражданских кампаний.

Библиография

1. Аналитический обзор ВЦИОМ. Репрессии XX века: память о близких. 05.10.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/repessii-khkh-veka-pamyat-o-blizkikh> — 18.04.2022.
2. Miller A. I. Historical memory policy // Political Use of the Past in Russia and Abroad: Collection of essays. Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information for Social Sciences. Department of Political Sciences. Moscow, 2020. P. 120–134.
3. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 574 с.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. № 1561-п // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/08/18/jertvy-site-dok.html> — 18.04.2022.
5. Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах: доклад Генерального секретаря ООН. URL: <https://undocs.org/ru/S/2004/616> — 18.04.2022.
6. Инструкция Генерального секретаря ООН о подходе ООН к правосудию переходного периода. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/682111> — 18.04.2022.
7. Привлечение к ответственности: судебное преследование и наказание за грубые нарушения прав человека и серьезные нарушения междуна-

- родного гуманитарного права в рамках процессов правосудия переходного периода: доклад Специального докладчика по вопросу о содействии установлению истины, правосудию, возмещению ущерба и гарантиям недопущения нарушений г-на Фабиана Сальвиоли. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/45/45> — 18.04.2022.
8. LEI No 6.683, DE 28 DE AGOSTO DE 1979. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l6683.htm — 18.04.2022.
 9. *Sampaio E. F.* Politics of memory of the recent past in Brazil: the federal government's role in constructing collective memory between 2003 and 2016 // *Global Campus of Human Rights*. 2019. URL: <https://repository.gchumanrights.org/handle/20.500.11825/1826> — 18.04.2022.
 10. *Thomas C. B.* Intelligence Reforms in Brazil: Contemporary Challenges and the Legacy of the Past // *Strategic Insights*. 2007. Vol. 6. No. 3. URL: <http://edocs.nps.edu/npspubs/institutional/newsletters/strategic%20insight/2007/bruneau1May07.pdf> — 18.04.2022.
 11. CEMDP (Brasil), 'Direito à Memória e à Verdade' (n 144). URL: http://www.dhnet.org.br/dados/livros/a_pdf/livro_memoria1_direito_verdade.pdf — 18.04.2022.
 12. *De Brito A. B.* Truth, Justice, Memory, and Democratization in the Southern Cone / A. B. De Brito, C. González-Enríquez, P. Aguilar (eds.) // *The Politics of Memory: Transitional Justice in Democratizing Societies*. New York: Oxford University Press, 2001.
 13. *Hollanda C. B. de, Israel V. P.* Panorama das Comissões da Verdade no Brasil: uma reflexão sobre novos sentidos de legitimidade e representação democrática // *Revista de Sociologia e Política* [online]. 2019. Vol. 27. No. 70.
 14. *Cepik M.* Intelligence and Security Services in Brazil. Reappraising Institutional Flaws and Political Dynamics // *The International Journal Of Intelligence, Security, And Public Affairs*. 2021. Vol. 23. No. 1. URL: https://professor.ufrgs.br/marcocepik/files/cepik_2021_intelligence_security_brazil_ijispa.pdf — 18.04.2022.
 15. *Schneider N.* Bolsonaro in Power: Failed Memory Politics in Post-Authoritarian Brazil? // *Modern Languages Open*. 2020. URL: <https://www.modernlanguagesopen.org/articles/10.3828/mlo.v0i0.324/#> — 18.04.2022.
 16. *Кононов А. Л.* К истории принятия российского Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» // *Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР*. М.: Мемориал, Звенья, 2016. URL: <https://www.memo.ru/media/uploads/2017/03/02/reabilitacia.pdf> — 18.04.2022.
 17. О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов: Указ Президента СССР. 13 августа 1990 г. // *Сборник законо-*

- дательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 187–189.
18. Постановление Политбюро ЦК КПСС о сооружении памятника жертвам репрессий // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 43.
 19. О реабилитации жертв политических репрессий: закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/ — 18.04.2022.
 20. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
 21. *Пушкарская А.* Верховный суд России не принял иск детей ГУЛАГа к Госдуме. Они 70 лет не могут вернуться домой // BBC News. Русская служба. 27.10.2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59060559> — 18.04.2022.
 22. *Миллер А. И.* Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // НП/НР. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-v-strategiyah-formirovaniya-natsionalnyh-i-regionalnyh-identichnostey-v-rossii-aktory-instituty-i-praktiki> — 18.04.2022.
 23. *Маколи М.* Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. Россия 2020. Часть II. 2011. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProetContra_51_134-149_all.pdf — 18.04.2022.
 24. Corte Interamericana de Derechos Humanos Caso Gomes Lund e outros (“Guerrilha do Araguaia”) vs. Brasil. Sentença de 24 de novembro de 2010. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_219_por.pdf — 18.04.2022.

Коцур Глеб Владиславович

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Инженер-исследователь

Три типа связи между политическими эмоциями на примере российской исторической политики

Three Forms of Link between Political Emotions: The Case of Russian History Politics

Аннотация. Исследование посвящено проблеме связи между политическими эмоциями, которая оставалась на периферии внимания профильных ученых в силу ряда особенностей теоретического развития данной области знания. На примере дискурса Победы в Великой Отечественной войне возможно выделить три типа связи между политическими эмоциями: дополняющая связь выражается в формуле «гордости со слезами на глазах»; в рамках компенсаторной связи отвращение к врагу противопоставляется восхищению героями-защитниками Отечества; наконец, когерентная связь предусматривает призывы к солидарности на основе обозначенных выше эмоций.

Ключевые слова: эмоциональный поворот, эмоциональная культура, политические эмоции, политика памяти, дискурс Победы.

Abstract. This paper is devoted to the problem of the link between political emotions, which remained the marginal one for the previous studies due to a number of theoretical reasons. The case of the Russian official discourse of the Victory in the Great Patriotic War provides us with the empirical evidence to distinguish three forms of link between political emotions: the complementary link is expressed through the credo “pride with tears in our eyes”; within the compensatory link, disgust for the enemy is opposed to admiration for the heroes-defenders of the Fatherland; finally, coherent link is manifested in calls for national and international solidarity.

Keywords: emotional turn, emotion culture, political emotions, politics of memory, discourse of Victory.

Введение

В последние несколько лет политика памяти становится все более важным фактором внешней политики России и международных отношений в целом. Диалог по поводу исторических событий уступает место все усиливающимся войнам памяти, а государства вводят новые институциональные рычаги для стигматизации и репрессии альтернативных трактовок прошлого. Особое место в механизмах исторической памяти занимают эмоции. Французский историк П. Нора в самой цитируемой работе в данной области знания назвал память изначально «аффективной и магической» [1, р. 8] по принципу своего функционирования. Пожалуй, наиболее заметный российский специалист по политике памяти А. И. Миллер отмечает мотивы страдания и страха в качестве центральных для подобных нарративов в России, Восточной Европе и мире [2, 3]. Другой классик в этой сфере А. Ассман даже разработала полноценную «теорию эмоций в культурной памяти» [4]. Репрезентация победы в Великой Отечественной войне занимает центральное место в символической политике российских властей сегодня. Очевидна и ключевая роль эмоций в процессе выстраивания и воспроизводства данного нарратива. Все это влечет необходимость исследования эмоциональной стороны политической репрезентации Победы.

Конкретный фокус данной работы — это связь между политическими эмоциями. Слово «связь» относится к числу самых популярных в конструктивистских исследованиях эмоций. Сами исследования становятся возможными благодаря связке между тем, что К. Гирц назвал «публичными образцами чувствования» [5, р. 82], и типом событий. Ученые изучают связь между эмоциями и рациональностью, нормами, дискурсом, телом [6, 7, 8]. И этот список можно продолжать еще очень долго. Однако мы знаем чрезвычайно мало о непосредственной связи между политическими эмоциями. Существуют ли какие-то абстрактные закономерности функционирования и соотнесения разных эмоций друг с другом внутри эмоциональных структур тех или иных культур? Подавляющая часть исследований здесь сосредоточена либо на общетеоретическом уровне (об этом было сказано выше), либо на пе-

рипетиях работы и восприятия отдельных эмоций — страха, солидарности, скорби и проч. [9]. Исключение составляет, например, каноническая монография Э. Росса 2013 года. Там он рассматривает эмоции как смешанные, и, по его мнению, нет смысла изучать отдельные эмоции, потому что их феноменологически не существует в сепарированном виде. Из этого следует и то, что «нет надежного способа проследить эти текучие обмены аффектами» [10, р. 154], необходимо изучать постфактум каждый конкретный случай. Наше исследование вступает в открытую полемику с подобным подходом. Познание социальных процессов устроено таким образом, что ни один из изучаемых феноменов никогда не представлен отдельно. Все взаимосвязано и сосуществует одновременно, мы же как исследователи методологически выделяем объекты для изучения. То же самое применимо и к эмоциям. Поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить три обобщенных типа связи между политическими эмоциями и показать их место внутри соответствующей эмоциональной культуры исторической памяти.

Теоретико-методологическая рамка исследования

Теоретико-методологическая рамка работы включает три уровня. Верхний парадигмальный уровень — это культуроцентричные исследования эмоций. Долгое время даже в социальных науках здесь господствовала биологическая парадигма, когда эмоции воспринимались через призму физиологии как врожденный атрибут человеческого тела. Все изменилось в 1980-х гг. в связи с постпозитивистской революцией и прорывными работами в нескольких пионерских дисциплинах — прежде всего в истории и антропологии эмоций, также свой вклад внесла и социология [11]. Было показано, что эмоции радикально отличаются в разных типах обществ в зависимости от их культуры. Все это привело к тому, что сегодня в социальных науках доминирует скорее конструктивистский, нежели эссенциалистский подход к рассмотрению эмоций. Через некоторое время общая научная революция дала свою проекцию на ТМО, когда в начале 2000-х гг. зародилась область конструктивистских исследований эмоций в науке о международных отношениях [12].

Второй уровень — теоретический — представлен нарративными теориями эмоций, где выделяются труды американского социального психолога и антрополога Т. Сарбина. Он предложил определение эмоций как «нарративных образований, устроенных по определенному образцу и предназначенных для разрешения тех или иных ценностно нагруженных проблем» [13, р. 178]. По Сарбину, вербальное и жестовое поведение для изменения отношений между собой и другими является наиболее мощным средством создания и регулирования связей, которые характеризуют социальную жизнь. Эмоции, согласно Сарбину, это так называемые драматические риторические действия, источником представлений о которых являются реконструированные сюжеты нарративов, услышанные, увиденные и воспроизведенные в процессе инкультурации.

Наконец, на третьем, концептуальном уровне выбирается конкретная модель для анализа эмпирического материала. В нашем случае это концепция эмоциональной культуры видного теоретика конструктивистских исследований в ТМО С. Кошута, являющаяся своего рода проекцией нарративных теорий на сферу МО [14]. Эмоциональная культура предусматривает связь между «эмоциональными кодами» и «культурными сценариями», которые соединяют тип события, например, День Победы, с тем, какие публичные образцы чувствования надлежит демонстрировать в подобной ситуации. В практическом отношении исследование включает дискурс-анализ с фокусом на эмотивах — речевых актах, связанных с репрезентацией эмоций [15, р. 63–112]. Эмпирической базой работы выступили 10 последних выступлений президента РФ на парадах Победы с 2012 по 2021 г.¹. Выбор кейса продиктован

¹ Также важно отметить три методологических принципа, которыми мы руководствуемся при осуществлении прикладной части исследования. Во-первых, мы изучаем не индивидуальные эмоции (в том числе лиц, принимающих решения), а коллективные эмоции, которые находят свое отражение в публичных образцах чувствования. Проблемы возникновения и функционирования индивидуальных эмоций, их перехода в коллективный статус и наоборот — все это, по нашему мнению, является скорее вопросом исследования для социологов, антропологов и впоследствии историков эмоций, а не профильных политологов. В фокусе внимания последних должны находиться политические, то есть публичные феномены, например, публичные образцы чувствования. Во-вторых, подробные образцы содержатся в двух типах источников: соответствующих речевых актах и визуальных репрезентациях. В рамках

следующим обстоятельством. В своих более ранних работах я обращал внимание на стигматизацию эмоциональной компоненты в публичной политике в связи с идеалом рационального гражданина и государственного деятеля [17]. Подобная стигматизация в соответствии со всеми канонами постструктуралистской онтологии приводит к специфической локализации эмоций внутри политической системы, где они обретают гипертрофированный вес. Одной из таких точек становится именно политика памяти, а в России это дискурс Победы, так как именно он находится в центре не только исторической политики Кремля, но и построения национальной идентичности в целом.

Эмоциональная культура Дня Победы

Первый и самый сложный тип связи между политическими эмоциями, который можно идентифицировать на рассматриваемом эмпирическом материале, — это *дополняющий* тип. В данном случае эмоции связаны не друг с другом, а с событием в целом, осуществляя взаимное дополнение и достраивание до нужного эмоционального регистра. Подобный тип выражается в известной песенной формуле, которую необходимо методологически уточнить: не «радость со слезами на глазах», а «гордость со слезами на глазах». Примеры артикуляции связки изобилуют в речах президента последних 10 лет на парадах Победы: «Сегодня они тоже держат равнение на Знамя Победы и с гордостью пройдут военным маршем по легендарной Красной площади. Пройдут в знак глубочайшего уважения к тем, кто подарил нам этот великий день, кто навеки остался на полях

нашей работы мы не имеем возможности охватить оба типа, поэтому сосредоточимся на речевых актах, или «эмотивах». Это концепция британского историка У. Редди, которая отсылает к специфическим видам речевых актов, соединяющих в себе свойства констатива и перформатива, объектом которых являются эмоции [15, р. 63–112]. В-третьих, мы придерживаемся имплицитного, а не эксплицитного принципа изучения репрезентации эмоций. Одна из методологических школ здесь связана с точкой зрения, согласно которой возможно исследовать лишь те кейсы, когда политический актер прямо артикулирует определенную эмоцию (эксплицитный принцип). Другая позиция (имплицитная) вытекает из идеи эмоционального контента М. Нуссбаум. Она заметила, что эмоции не являются неделимым атомом эмоционального языка, но могут быть разложимы на элементы, что и продемонстрировала на примере эмоции гнева [16, р. 17]. В таком случае вовсе не обязательно ограничиваться только кейсами прямой артикуляции эмоций, добавив к ним фиксацию элементов эмоционального контента.

сражений, кто уже никогда не сможет встретить с нами этот священный праздник», «Это день национального триумфа, народной гордости, день скорби и вечной памяти», «Сегодня мы сердечно благодарим тех, кто в строю, кто рядом, и не скрываем при этом своей гордости и слез», «Поздравляю вас с Днем Победы — днем нашей гордости и скорби, нашей безграничной благодарности защитникам Отечества, разгромившим нацизм», «Наш по праву наследников поколения победителей, поколения, которое мы чтим и которым гордимся. Наш народ слишком хорошо знает, к чему все это ведет...» [18–27]. Заметим, что гордость и скорбь в анализируемой конструкции не связаны друг с другом каузально напрямую. Дискурсивный актер не предлагает скорбеть по причине гордости или гордиться своей скорбью. Однако обе эти эмоции обусловлены самим героическим событием и подвигом, с ним связанным. Без артикуляции гордости или скорби эмоциональная культура в данной части была бы неполной, а нарратив не достроен до своего понятного и легко воспринимаемого аудиторией вида.

Второй тип связи получил название *компенсаторного*. Он предусматривает такое соотношение эмоций, когда одна напрямую вытекает из другой на контрфазе, антитезе. В случае дискурса Победы это оппозиция отвращения к врагу и восхищения героями — защитниками Отечества. Отвращение в первой половине связки достигается за счет конституирования делегитимирующих качеств врага — его жестокости, бесчеловечности, вероломства, варварства: «67 лет назад был разгромлен нацизм — страшная и циничная сила», «Именно наша страна гнала нацистов до их логова», «сокрушить и уничтожить эту темную силу», «возмездие за миллионы жертв, за все изуверства и бесчинства на нашей земле», «торжества жизни и разума над смертью и варварством», «преступной идеологии расового превосходства», «сокрушил нацизм, положив конец его зверствам», «эгоизм и нетерпимость, агрессивный национализм и претензии на исключительность», «Этой обнаглевшей силе покорились многие государства, и безнаказанность застилала нацистам глаза», «когда в центре Европы наглед и набирал хищную силу чудовищный нацистский зверь» [18–27]. Приведенное выше описание довольно точно соответствует эмоциональному контенту отвращения, выделяемому про-

фильными специалистами [28, 29]. Во-первых, это негативная эмоция, в своей социальной версии формируемая через моральную оценку: в нашем случае дискурсивный актер характеризует нацизм как зло. Во-вторых, отвращение становится основанием для физического и социального отчуждения, вынесения вовне коллективной идентичности. В вышеуказанных цитатах враг предстает не просто в качестве Другого, но и утверждается социальный антагонизм, когда все его качества предстают антитезой свойств инсайдеров политического сообщества. В-третьих, отвращение предполагает эстетическо-онтологический дисбаланс между субъектом и объектом: они принципиально не могут быть сопоставимы из-за уничижительного, отвратительного статуса объекта. Данный критерий реализуется через пассажи о «нацистском звере» и бесчеловечности врага, что отделяет отвращение от смежных эмоций, например, ненависти, где зачастую речь идет о сопоставимости, если не равном статусе субъекта и объекта.

Компенсаторная связь функционирует благодаря прямому противопоставлению, и в нашем случае это восхищение героями — защитниками Отечества. В практическом отношении эффект достигается через утверждение монолитного идеализированного образа с россыпью легитимирующих качеств (мужество, жертвенность, патриотизм и др.): «ваше мужество, умение любить и защищать свою Родину никогда не уйдут в прошлое, будут мерилом нравственности, патриотизма и долга», «Такое глубокое, самоотверженное, без доли пафоса отношение к жизни переворачивает душу. Патриотизм, веру в свою страну, любовь к Отечеству вы считали главными ценностями», «Солдаты своей страны не жалели жизни ради ее свободы, ради мирного будущего, ради каждого из нас. Мы никогда не забудем их мужества и самопожертвования, ту непомерную цену, которой оплачена Победа», «мужество блокадного Ленинграда, отвага защитников Севастополя, доблесть тысяч бойцов», «Русский, российский солдат и сегодня, как во все времена, проявляя мужество и героизм, готов на любой подвиг, на любую жертву ради своей Родины, ради своего народа», «силой своей нравственной, человеческой правоты, жертвенным мужеством солдатских матерей, верностью тех, кто каждый день ждал от родных весточки с фронта. Той силой добра и любви к ближ-

нему, которая испокон веков в нашем национальном характере» [18–27]. Эмоциональный контент «восхищения» предусматривает несколько элементов, совпадающих с описанием выше [30, 31]. Во-первых, наличие положительного морального образца, которым выступают предки-ветераны и их подвиг. Во-вторых, образец утверждается зачастую за счет определенной добродетели (*virtue*), в качестве которой в нашем кейсе выделяется «мужество», упомянутое 17 раз в 10 речах. В-третьих, субъект при демонстрации восхищения склонен подчеркивать стремление к подражанию, идентификации или хотя бы к соотнесению с образцом. Данный критерий также присутствует, так как дискурсивный актер неизменно делал акцент на стремлении подражать отцам и дедам.

Наконец, третий тип связи между политическими эмоциями может быть назван *когерентным* и описывает ситуацию, когда одни коллективные чувства напрямую вытекают из других плавно, без оппозиции. Примером здесь служит призыв к национальной (а в отдельных случаях и международной) солидарности на основании рассмотренных выше элементов эмоциональной культуры. В дискурсивном отношении это артикулируется через означающие «единство», «сплочение» и «объединение»; дискурсивный актер проводит параллель между солидарностью в прошлом и призывает к ней в настоящем: «С днем памяти, гордости и скорби, который объединяет сейчас всех граждан России. Дорогие наши ветераны! Через всю войну вы прошли в едином строю, в едином братстве и вместе вынесли такие трудности, такие лишения и муки, какие человек, казалось, выдержать не может... и вновь доказали, что побеждать можно не только силой оружия, но и силой духа, сплоченности и веры... проявили несгибаемый характер, волю и единство... Вы умели дружить, поддерживать друг друга, быть вместе и в радости, и в горе», «Помним историческую встречу союзников на Эльбе. То доверие и единство, которые стали нашим общим наследием, примером объединения народов ради мира и стабильности», «И сейчас в едином парадном строю — уже внуки и правнуки военного поколения», «Вместе с российскими военными по Красной площади пройдут парадные расчеты еще десяти государств», «Нас объединяют глубокие, пронзительные чувства к нашим отцам, дедам, прадедам», «И в такой сплоченности,

в преданности Родине — наша сила, уверенность и достоинство», «9 Мая объединяет все поколения историей мужества. У каждой семьи свои, родные герои, они живут в наших сердцах, они вместе с нами в рядах “Бессмертного полка”», «День Победы всегда сближает, роднит все поколения, открывает сердца навстречу друг другу», «Вместе с тем Россия открыта к сотрудничеству со всеми, кто на деле готов противостоять терроризму, неонацизму и экстремизму. Коллективный отпор носителям смертоносных идей снова имеет определяющее значение», «Но эта безжалостная армада оказалась бессильной перед сплоченностью советских граждан» [18–27]. Мужество и восхищение подвигом предков, сам факт героического единения в прошлом становятся основанием для национальной и международной солидарности уже сегодня, придавая историческую легитимность актуальным политическим проектам нынешних руководителей страны.

Рассмотренный кейс не дает эмпирических оснований предполагать, что данная культура является доминирующей во всем дискурсе Победы. Тем не менее, она существует, она значима для российской исторической политики, а ее разветвленная эмоциональная структура во многом обуславливает чувственный накал события, предопределяя важность Дня Победы в индивидуальном и коллективном отношении.

Заключение

Дискурс-анализ эмоциональной культуры данного кейса позволяет выявить все три типа связи между политическими эмоциями. Во-первых, самая сложная дополняющая связь предусматривает такой тип соотношения эмоций, когда одна не вытекает из другой, но обе детерминированы эмоциональной культурой события и последовательно «достраивают» ее до полноценного вида. Данная связь репрезентирована известной, но несколько модернизированной формулой «гордость со слезами на глазах». Во-вторых, при компенсаторной связи эмоции проистекают друг из друга на контрфазе, контрасте: отвращение к врагу противопоставляется восхищению героями. В-третьих, когерентная связь образуется, когда одна эмоция напрямую вытекает из другой плавно,

без оппозиции, например, переход от большинства вышеобозначенных эмоций к общенациональной (а в отдельных случаях и международной) солидарности. С одной стороны, наличие всех трех типов провоцирует чувственный накал публичной репрезентации события и его значимость как для официального дискурса, так и для аудитории. С другой стороны, присутствие сразу трех типов связи в одном месте может быть маркером специфического пункта локализации эмоциональной компоненты в политической системе, о которой шла речь выше. Гипотеза для будущих исследований состоит в том, что подобные эмоциональные лакуны отличаются от остального политического пространства именно наличием всего спектра эмоциональных связей, позволяющим выстраивать сложные структуры публичного чувствования. В этом их различие с другими кейсами выражения эмоциональности (посещение руководством страны больницы с тяжело больными детьми, публичный гнев по отношению к «нерадивым» чиновникам или противникам и проч.), где наблюдаются более примитивные одномерные взаимосвязи между компонентами чувствования.

Библиография

1. *Nora P. Between memory and history: les lieux de mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7–24.*
2. *Миллер А. И. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 118–134.*
3. *Бешикинская В. С., Миллер А. И. Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5. С. 60–88.*
4. *Assmann A. Impact and Resonance: Towards a Theory of Emotions in Cultural Memory / T. Stordalen, S.-A. Naguib (eds.) // The Formative Past and the Formation of the Future: Collective Remembering and Identity Formation. Oslo: Novus Press, 2015. P. 41–70.*
5. *Geertz C. The Interpretation of Cultures // New York: Basic Books, 1973. 470 p.*
6. *Hutchison E., Bleiker R. Emotions, discourse and power in world politics // International Studies Review. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 501–508.*
7. *Mercer J. Human nature and the first image: emotion in international politics // Journal of International Relations and Development. 2006. Vol. 9. No. 3. P. 288–303.*

8. *Hutchison E.* Emotions, bodies, and the un/making of international relations // *Millennium*. 2019. Vol. 47. No. 2. P. 284–298.
9. *Emotions, Politics and War / L. Åhäll, T. Gregory (eds).* New York: Routledge, 2015. 239 p.
10. *Ross A. G.* Mixed emotions. Beyond Fear and Hatred in International Conflict. Chicago: University of Chicago Press, 2013. 232 p.
11. *Плампер Я.* История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 561 с.
12. *Crawford N. C.* The passion of world politics: propositions on emotion and emotional relationships // *International Security*. 2000. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
13. *Sarbin T. R.* Emotions as Narrative Emplotments / K. E. Scheibe, F. J. Barrett (eds.) // *The Storied Nature of Human Life: The Life and Work of Theodore R. Sarbin*. New York: Palgrave Macmillan, 2017. P. 165–187.
14. *Koschut S.* The structure of feeling — emotion culture and national self-sacrifice in world politics // *Millennium*. 2017. Vol. 45. No. 2. P. 174–192.
15. *Reddy W. M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p.
16. *Nussbaum M. C.* Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice. Oxford: Oxford University Press, 2016. 315 p.
17. *Коцур Г. В.* Эмоции и международные отношения // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 3(66). С. 43–67.
18. Военный парад в честь 67-й годовщины Великой Победы. 2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15271> — 01.04.2022.
19. Военный парад в честь 68-й годовщины Великой Победы. 2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/18089> — 01.04.2022.
20. Парад Победы на Красной площади. 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20989> — 01.04.2022.
21. Выступление Президента России на параде, посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49438> — 01.04.2022.
22. Военный парад на Красной площади. 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51888> — 01.04.2022.
23. Военный парад на Красной площади. 2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54467> — 01.04.2022.
24. Военный парад на Красной площади. 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57436> — 01.04.2022.
25. Парад Победы на Красной площади. 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60490> — 01.04.2022.
26. Парад в честь 75-летия Великой Победы. 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63560> — 01.04.2022.

27. Парад Победы на Красной площади. 2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65544> — 01.04.2022.
28. Tybur J. M., Lieberman D., Griskevicius V. Microbes, mating, and morality: individual differences in three functional domains of disgust // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97. No. 1. P. 103–122.
29. Rozin P., Fallon A. E. A perspective on disgust // *Psychological Review*. 1987. Vol. 94. No. 1. P. 23–41.
30. Haidt J. Elevation and the Positive Psychology of Morality / C. L. M. Keyes, J. Haidt (eds.) // *Flourishing: Positive psychology and the Life Well-Lived*. Washington DC: American Psychological Association, 2003. P. 275–289.
31. Algoe S. B., Haidt J. Witnessing excellence in action: The 'other-praising' emotions of elevation, gratitude, and admiration // *The Journal of Positive Psychology*. 2009. Vol. 4. No. 2. P. 105–127.

Погорельский Дмитрий Михайлович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Факультет государственного управления

Магистратура

Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и Межведомственная комиссия по историческому просвещению: сравнительный анализ

The Commission on Countering Attempts to Falsify History to Detriment of Russia's National Interests and the Historical Education Interdepartmental Commission: Comparative Analysis

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка сравнить два органа межведомственной координации, а именно Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и Межведомственную комиссию по историческому просвещению. Для осуществления поставленной цели автором были рассмотрены цели, задачи и иные характеристики выбранных государственных институтов, которые стали полноценной частью «инфраструктуры» коллективной памяти России. Изучив характеристики двух комиссий, автор приходит к выводу о том, что Межведомственная комиссия по историческому просвещению является более перспективным и жизнеспособным институтом, чем ее предшественник в виде Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Ключевые слова: политическая система России, политика памяти, фальсификация истории, историческое просвещение, Администрация Президента России.

Abstract. This article aims to compare two bodies of interdepartmental coordination, namely the Commission on countering attempts to falsify history to detriment of Russia's national interests and the Historical education interdepartmental commission. To achieve this goal, the author considered the goals, objectives and other characteristics of these two institutions, which have become a part of the Russia's collective memory "infrastructure". The author claims

that the Historical education interdepartmental commission is a more stable, promising and viable institution than its predecessor in the form of the Commission on countering attempts to falsify history to detriment of Russia's national interests.

Keywords: Russian political system, politics of memory, history falsification, history education, the Presidential Administration of Russia.

Введение

Современная политика памяти представляет собой конкурентное пространство борьбы интерпретаций и решения политическими субъектами своих задач. Примером данного явления можно назвать разные взгляды России и западных стран на причины начала Второй мировой войны. В 2009 году Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе одобрила Вильнюсскую декларацию, которая указывала на то, что СССР и Третий рейх одинаково виновны в развязывании Второй мировой войны и ее последствиях. В 2019 году Европейский парламент принял аналогичную резолюцию под названием «О важности европейской памяти для будущего Европы». Некоторые государства тоже возлагают ответственность за мировую войну на СССР. Так, в 2020 году Сейм Республики Польша и Рийгикогу Эстонской Республики обнародовали соответствующие резолюции. При этом те или иные страны зачастую не ограничиваются декларациями, переходя на более низкие уровни политики. Так, правящая партия Молдавии внесла в парламент республики законопроект, предполагающий запрет показа советских военных фильмов.

Можно заключить, что проблематика исторической справедливости и трактовки принципиальных последствий тех или иных исторических событий в настоящее время представляется одной из наиболее важных в современной политической науке.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении отличительных характеристик двух органов межведомственного взаимодействия в сфере исторической политики (политики памяти), действовавших в современной российской истории и продолжающих оказывать влияние в настоящее время. Учитывая произошедшие с 2009 года внутри- и внешнеполитические изменения,

представляется важным сравнить статус, задачи и состав Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (далее — Комиссия по противодействию фальсификации истории) и Межведомственной комиссии по историческому просвещению (далее — Межведомственная комиссия). Основой для сравнительного анализа стали указы президента РФ [1, 2] об их учреждении, а также иная официальная информация.

Для достижения указанной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Обозначить причины учреждения Комиссии по противодействию фальсификации истории и Межведомственной комиссии.
2. Изучить функции, а также качественный и количественный состав участников двух комиссий на предмет выявления принципиальных отличий и влияния на потенциал деятельности органов.
3. Идентифицировать сравнительные преимущества и риски двух комиссий как бюрократических структур, имеющих свои независимые цели и мотивы.

Причины и хронология учреждения двух комиссий

Россия как суверенное государство и правопреемник СССР прилагает политические усилия по защите своего взгляда на исторические события. В новую редакцию Конституции РФ, утвержденную в 2020 году, были включены пункты, затрагивающие тематику защиты исторической правды. В частности, в статье 67.1 декларируется, что Россия «обеспечивает защиту исторической правды». В июле 2021 года была утверждена новая редакция Стратегии национальной безопасности РФ. В ней среди стратегических приоритетов была обозначена «защита традиционных ценностей, культуры и исторической памяти». Кроме того, было законодательно запрещено отрицание «решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы». Данные новации будут учтены в других документах стратегического планирования — Государственной национальной политике РФ, Основах государственной культурной политики РФ

и т.д. Угрозы «искажения исторической правды» и «разрушения исторической памяти» нашли отражение и в проекте разрабатываемых Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В частности, историческая память в нем отнесена к традиционным ценностям многонационального народа РФ [3].

Очевидно, что для противодействия попыткам фальсификации истории и реализации государственной политики в данной сфере возникает необходимость создания единого органа межведомственной координации, который мог бы объединить разрозненные и ограниченные четкой сферой компетенции усилия отдельных ведомств и структур. Как отмечается в литературе, во многом под влиянием внешнеполитических факторов, выражающихся в «войнах памяти», в 2009 году при Президенте РФ была учреждена Комиссия по противодействию фальсификации истории. Ее создание являлось частью процесса формирования «инфраструктуры» коллективной памяти, в которую также вошли различные государственные музеи, профильные государственные и квазиобщественные организации вроде Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества. Однако результаты деятельности этой комиссии в целом можно назвать неудачными [4, с. 128]. Как подчеркивали эксперты, «символический эффект оказался намного значительнее практических последствий» [5, с. 23]. Комиссия так и не смогла предложить и имплементировать целостную и последовательную стратегию исторической политики [6, с. 438]. Она была расформирована в феврале 2012 года. Помимо ее низкой эффективности работы в качестве причины роспуска назывался уход ее главы С. Е. Нарышкина с поста руководителя Администрации Президента РФ на пост председателя Государственной Думы РФ. Ввиду отсутствия практических результатов новый руководитель Администрации Президента РФ С. Б. Иванов принял решение не сохранять эту комиссию [7]. При этом данное решение не привлекло внимание СМИ и общественности, что свидетельствует о низкой публичности комиссии и незначительном интересе граждан к ее работе. Само решение о ее роспуске было максимально скрыто и упоминалось среди многих других пунктов только в конце Указа Президента РФ «Об утверждении состава комиссии при пре-

зиденте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров, изменении и признании утратившими силу некоторых актов президента Российской Федерации».

В 2021 году была создана Межведомственная комиссия, которую можно назвать преемницей предыдущей. Несмотря на относительно недолгий срок своего существования, она уже предприняла ряд публичных действий, которые привлекли к ней внимание. Так, летом 2021 года в антиэкстремистское законодательство были внесены поправки, запрещающие публичную демонстрацию нацистской символики и атрибутики, а также изображения «руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала». Сразу после этого представители издательской отрасли в лице Российского книжного союза заявили об объективных трудностях, с которыми они встретились. В результате проведенной проверки книжных фондов выяснилось, что во многих научных и научно-популярных изданиях присутствуют изображения фюрера Третьего рейха А. Гитлера и другие аналогичные изображения. Поскольку подобные изображения не ставят перед собой цели пропагандировать нацистскую идеологию, правоохранные органы отметили необходимость разъяснений, касающихся новых правил [8]. Данный вопрос в оперативном порядке был урегулирован Межведомственной комиссией, отметившей, что ограничительные нормы не распространяются на печатную продукцию, «созданную в научно-просветительских, культурных, контрпропагандистских и образовательных целях». Именно на этом кейсе очевидно наличие у Межведомственной комиссии необходимых инструментов влияния на политический процесс, предоставляемых ее расширенными полномочиями.

Функциональные различия двух комиссий

Наиболее очевидным различием являются их названия. Наименование Комиссии по противодействию фальсификации истории носит явный негативный, алармистский и, по словам директора Института стран СНГ, депутата Государственной Думы РФ К. Ф. Затулина [9], «конфронтационный» характер. Оно было заменено на более нейтральное и предполагающее более широкий спектр

работы. Также важно, что публичный статус Межведомственной комиссии изменился, поскольку она не была названа «Комиссия по историческому просвещению при Президенте РФ». Отчасти ввиду межведомственного характера деятельности комиссии ее организационно-техническое, информационное и иное обеспечение было возложено на Управление делами Президента РФ и Администрацию Президента РФ. Ранее аналогичные функции для Комиссии по противодействию фальсификации истории выполняло Министерство образования и науки РФ.

Корректировке подвергся и перечень задач комиссии. На Комиссию по противодействию фальсификации истории возлагалось пять задач, среди которых: обобщение и анализ информации о фальсификации истории; выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации; подготовка предложений Президенту РФ; рассмотрение предложений и координация деятельности органов государственной власти по вопросам противодействия фальсификации истории; выработка соответствующих рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации. Задачами Межведомственной комиссии являются: координация деятельности государственных органов и профессионального сообщества по выработке единого подхода к осуществлению исторического просвещения и образования, а также к предупреждению попыток фальсификации истории; анализ деятельности иностранных структур и лиц, наносящей ущерб интересам РФ в исторической сфере, и принятие оперативных мер по противодействию ей; подготовка соответствующих предложений. Анализируя списки, мы можем заметить, что полномочия Межведомственной комиссии значительно шире, чем у ее предшественницы. Из отличительных аспектов наиболее важны включение в сферу влияния комиссии профессионального сообщества (научно-образовательного и культурного); акцентирование внимания на действиях зарубежных субъектов и наделение правом принимать оперативные меры по противодействию им; расширение деятельности на всю сферу исторического просвещения и образования.

Одним из потенциальных направлений работы Межведомственной комиссии может стать участие в разработке и обсуждении проекта «Основ государственной политики в обла-

сти исторического просвещения РФ» или аналогичного по смыслу документа стратегического планирования. Учитывая повышение внимания президента РФ [10], министерства просвещения РФ [11] и других органов государственной власти к сохранению культурно-исторического наследия народов РФ и преподаванию истории в образовательных учреждениях, можно предположить, что о начале разработки подобного профильного документа, о котором говорят некоторые анонимные и неофициальные источники в сети Интернет, будет объявлено официально.

Анализ состава участников двух комиссий

Интересно проследить количественный и качественный состав двух органов [12]. В состав Комиссии по противодействию фальсификации истории входило 30 человек, в Межведомственной комиссии 48 участников. Свое представительство в ней впервые получили Росгвардия, Генеральная прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, ряд других министерств и ведомств, а также Русская православная церковь. Стоит отметить, что высокий уровень представленности органов государственной власти, особенно силовых ведомств (Министерство обороны РФ, ФСБ, Служба внешней разведки и др.) является общей чертой обеих комиссий. Многие эксперты отмечают их бюрократический характер, непрозрачность процесса принятия решений и превалирование административных методов управления и коммуникации с научным сообществом [13, с. 123; 14]. Иллюстративной может являться ситуация [15], когда в 2009 году руководителям научных учреждений РАН было разослано письмо, в котором содержалась просьба составить перечень исторических фальсификаций с указанием лиц и организаций, имеющих отношение к их распространению, а также описать опасность этих потенциальных фальсификаций для национальных интересов РФ. В результате общественного резонанса его авторы были вынуждены обещать отозвать документ, признав, что он не соответствует принципам научной этики и может негативно повлиять на внутреннюю жизнь научных коллективов.

При этом малая представленность профессиональных ученых не восполнялась иными методами — при обеих комиссиях не были

созданы экспертные советы и свои независимые аппараты. Точку зрения профессионального сообщества могли отстаивать лишь несколько руководителей институтов РАН и некоторые другие. Руководство двух комиссий также изменилось. Председателем Комиссии по противодействию фальсификации истории был назначен руководитель Администрации Президента РФ С. Е. Нарышкин. Главой же Межведомственной комиссии на данный момент является помощник Президента РФ В. Р. Мединский, что может свидетельствовать о понижении официального статуса комиссии. Нарышкин, уже в качестве директора Службы внешней разведки, вошел в ее президиум. Однако учитывая, что Мединский курирует исключительно сферу исторической политики, комиссия в его лице обрела более активного и вовлеченного руководителя, чего невозможно было бы достичь при сохранении главой комиссии чиновника уровня руководителя Администрации Президента РФ.

Выводы

Подводя итоги, мы можем отметить, что полномочия и состав Межведомственной комиссии по историческому просвещению были существенно расширены по сравнению с Комиссией по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В частности, были учтены попытки иностранных государств и международных институтов провести ревизию принципиальных для российского общества и государства исторических событий. Также стоит отметить, что даже с ростом числа привлеченных сторон внутренняя структура работы комиссии не изменилась. Такими инструментами было восполнено незначительное понижение официального статуса комиссии. В то же время неизбежно возросли издержки достижения общего консенсуса и принятия решений.

Библиография

1. О Межведомственной комиссии по историческому просвещению: Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2021 № 442. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47084> — 19.04.2022.

2. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России: Указ Президента РФ от 15.05.2009 № 549. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29288> — 19.04.2022.
3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проект Указа Президента РФ. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967> — 19.04.2022.
4. Грибовод Е. Г., Ковба Д. М., Моисеенко Я. Ю. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты // Дискурс-Пи. 2018. № 2. С. 123–132.
5. Малинова О. Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: Эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х гг. // Россия и современный мир. 2015. № 2. С. 6–29.
6. Государственная политика и управление: учеб. пособие для вузов / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2017.
7. Кремль прекратил борьбу с фальсификациями. URL: <https://republic.ru/posts/21636> — 19.05.2022.
8. Комиссия Мединского назвала исключения для запрета изображать нацистов. URL: <https://www.rbc.ru/society/30/09/2021/6154ca519a79473777f8986b> — 19.04.2022.
9. С фальсификацией истории покончено. URL: <https://svpressa.ru/society/article/53717/> — 19.04.2022.
10. Знание истории поможет сделать верные выводы из прошлого, заявил Путин. URL: <https://ria.ru/20220419/istoriya-1784245449.html> — 19.04.2022.
11. История для первоклассников и уроки без телефонов. Новые инициативы Минпросвещения. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14414937> — 19.04.2022.
12. Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/structure/administration> — 19.04.2022.
13. Криворученко В. К. Борьба с фальсификацией истории на постсоветском пространстве: история или политика? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 4. С. 121–130.
14. Комиссия Владимира Мединского будет заниматься исторической и культурной контрпропагандой. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/08/01/880366-komissiya-medinskogo> — 19.04.2022.
15. В Академии наук запросили список фальсификаторов истории. URL: <https://polit.ru/news/2009/07/01/falselist/> — 19.04.2022.

Попов Дмитрий Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Роль исторической памяти в обострении отношений России и Чехии в 2021 г.

The Role of Historical Memory in the Aggravation of Relations between Russia and the Czech Republic in 2021

Аннотация. В настоящей статье рассматривается роль исторической памяти во время российско-чешского дипломатического кризиса весны 2021 года. С целью выявления значения образов прошлого в обострении отношений двух стран автор, опираясь на концепции коллективной памяти М. Хальбвакса и исторической политики А. И. Миллера, анализирует место событий прошлого в риторике властей РФ и ЧР при развитии конфликта, изменение их подхода к историческим событиям в 2021 году, роль России и памяти о ней в ходе предвыборных дебатов в Чехии. В результате исследования выявлено, что историческая память не была определяющим фактором в конфликте, однако политики ЧР и РФ ссылались на различный исторический опыт для подчеркивания враждебности противостоящей стороны.

Ключевые слова: Россия, Чехия, историческая память, историческая политика, Врбетице, Андрей Бабиш, ввод войск ОВД в Чехословакию.

Abstract. This article deals the role of historical memory in the Russian-Czech diplomatic crisis in the spring of 2021. In order to identify the significance of images of the past in the aggravation of relations between the two countries, the author, based on the concepts of collective memory by M. Halbwachs and historical politics by A. I. Miller, analyzes the place of past events in the rhetoric of the Russian and Czech authorities in the conflict, the change in their approach to addressing historical events in 2021, the role of Russia and memory about it during the election debates in the Czech Republic. As a result of the study, historical memory was not a determining factor in the conflict, but Czech and Russian politicians referred to different historical experiences to emphasize the hostility of the opposing side.

Keywords: Russia, Czech Republic, historical memory, historical politics, Vrbětice, Andrej Babiš, Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia.

Посвящается Милане Файзеевой

Введение

В российско-чешских отношениях в последние годы наблюдались определенные трудности, связанные со спорными решениями Праги по демонтажу памятника И. С. Коневу и установке памятной таблички о роли Русской Освободительной армии в освобождении чешской столицы в 1945 году, однако события 2021 года — дискуссия вокруг возможного участия РФ в организации взрыва складов боеприпасов во Врбетице — привели к высшей точке разлада между Москвой и Прагой. И поскольку предыдущие годы отмечались активным обращением обеих сторон к истории, именно трактовка событий прошлого становилась камнем преткновения во взаимоотношениях двух стран. Мы можем выдвинуть гипотезу, что и в рамках данного кризиса и российские, и чешские власти могли бы обращаться к историческим сюжетам для подчеркивания правильности своих действий и обвинения противоположной стороны в желании обострить отношения.

Важно, что дипломатический кризис произошел за несколько месяцев до парламентских выборов в Чехии, и эта связь уже освещалась в ряде исследований [1]. На наш взгляд, контекст проведения выборов, настрой чешской политической элиты на общение со своими потенциальными избирателями может также стать основой активного обращения к исторической памяти чехов — к образам, которые вызывают в чешском обществе явные аналогии, кажутся неоспоримыми. В ответ на это российское руководство, для которого в целом характерна историческая политика, также могло бы пользоваться данным инструментом.

Таким образом, целью нашего исследования стало определение роли исторической памяти в обострении отношений России и Чехии в первой половине 2021 года. Для ее достижения мы изучили выступления представителей правительств РФ и ЧР во время дипломатического конфликта на момент отсылок к ис-

торическим сюжетам, особенности исторической политики двух стран в целом, а также значение российско-чешских отношений во время предвыборной гонки в ЧР. В соответствии с задачами источниковой базой исследования стали публикации на порталах внешнеполитических ведомств России и Чехии, их страницах в социальных сетях, программы чешских политических партий, а также материалы СМИ. Основными используемыми методами являются сравнительно-аналитический и историко-описательный, системный подход, контент-анализ документов.

В рамках данного исследования мы опираемся на введенное М. Хальбваксом понятие о коллективной памяти, согласно которому группы людей, в т.ч. нация, обладают общей памятью о прошлом [2, р. 47], и идеи А. Ассман о существовании политической памяти, насаждаемой элитами для достижения конкретных целей [3, с. 35]. В соответствии с этим события прошлого, сохраняющиеся в памяти нации, могут во многом определять поведение граждан в настоящем, их восприятие политического курса властей, а руководство страны обращается к ним для оправдания своих действий, поиска поддержки со стороны общества, особенно когда правящим элитам существует реальная альтернатива в лице оппозиционных сил накануне выборов, которые могут продвигать иной исторический нарратив, свою собственную политическую память. Это приводит нас к обращению к концепции исторической политики — набору практик, с помощью которых различные политические силы (руководство РФ и ЧР, оппозиционные чешские партии) стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [4, с. 10].

Обострение российско-чешских отношений в 2021 году, в т.ч. в контексте парламентских выборов в ЧР, уже освещалось в ряде русскоязычных исследований, прежде всего сотрудников Института Европы РАН (например, статьи М. Ведерникова [1] и Л. Шишлиной [5]), но такому аспекту, как влияние исторической памяти, во время произошедшего дипломатического конфликта особого внимания не уделялось. Вместе с тем можно вспомнить ряд работ, в которых подчеркивается определенная связь популистской политики. К примеру, её проявлением можно считать курс чешского премьер-министра А. Бабиша, которого

исследователь из Университета Хельсинки И. Хартикайнен называет технократическим популистом [6], и коллективной памяти, важности для популистов обращения к истории для достижения поставленных целей [7]. На данный момент подобные исследования проводились на примерах исторической политики В. Орбана в Венгрии [8] или партии «Право и справедливость» в Польше [9]. Таким образом, изучение роли истории в российско-чешском дипломатическом конфликте представляется важным для дальнейшего развития темы исторической памяти в контексте взаимоотношения России со странами ЦВЕ, популистского движения в регионе и в Чехии в частности, а также для построения наиболее полной картины современных российско-чешских отношений.

Обращение к прошлому руководства России и Чехии во время дипломатического кризиса

В заявлениях руководства Чехии во время разворачивающегося дипломатического кризиса прямое обращение к исторической памяти не было заметно, ссылки делались на международное право — Венскую конвенцию о дипломатических сношениях 1961 г. [10]. Не ссылаясь на исторический опыт и глава МИД Я. Кулганек, когда описывал текущие российско-чешские отношения [11]. В СМИ же событие сравнивалось с подобными современными сюжетами в Европе и характеристикой политического режима в самой России. Так, в ходе протестов чешские граждане воздержались от обращения к истории отношений РФ и ЧР, но указывали связь нынешних действий России с якобы произошедшими отравлениями Скрипалей и А. Навального [12].

Тем не менее, отдельные элементы исторической политики в произошедшем обнаружить можно. Во-первых, в пик кризиса бывший глава МИД, представитель правящей Чешской социал-демократической партии Т. Петршичек, на странице в Twitter обратился к историческим аналогиям, поставив в один ряд ввод войск ОВД в Чехословакию, присоединение Крыма и взрывы во Врбетице [13], что должно было создать единый образ России, враждебной Чехии и всей Европе, в недалеком прошлом и в настоящем. Но на официальном уровне история во Врбетице с со-

бытиями 1968 года, которые, по мнению исследователей, играют ключевую роль в формировании антироссийского дискурса [14, р. 35], напрямую не сравнивалась, хотя дипломатический скандал привел к обсуждению вопроса о возвращении Праге части парка Стромовка, присоединенной к российскому посольству именно после тех событий [15].

Во-вторых, интересная аналогия прослеживалась в интервью представителя военного руководства ЧР генерала П. Павела, который в контексте единства НАТО сравнил взрывы во Врбетице с терактом 11 сентября 2001 г., хотя и отметил, что это события разного масштаба [16]. Тем не менее, генерал хотел указать на значение данной истории для всего мира и оправдать этим необходимость сплочения всего западного мира.

Наконец, в СМИ пытались противопоставить произошедшее российской исторической политике: происходило активное обсуждение участия посла Чехии в Параде Победы 9 мая 2021 года. Тогда подключение чехов к памяти о Великой Отечественной войне, т.е. исторической политике современной России, стало считаться недопустимым [17], хотя руководство Чехии, вероятно, таким образом пыталось пойти на компромисс, показать, что оно может учитывать позицию России по важным для нее вопросам истории.

Не основополагающее, но тоже заметное обращение к истории в условиях дипломатического конфликта было характерно и для России. События весны 2021 г. в заявлениях М. Захаровой представляют итог цепи из нескольких событий, в т.ч. разногласий по вопросам истории — она вспоминает сюжет с монументом И. С. Коневу в апреле 2020 г., который подается как «циничная вакханалия со сносом памятника освободителю Праги, маршалу Советского Союза» [18]. Хотя при этом использовались и другие образы, связанные не с историей, а с культурой: в другом заявлении М. Захарова сравнивает конфликт с сюжетом о бравом солдате Швейке [19]. Обращение к литературе должно было сделать Чехию и происходящие в ней события более понятными и близкими для граждан России, привлечь их внимание к конфликту.

Таким образом, для той и другой стороны конфликта главной целью обращения к истории было сплотить граждан вокруг

властей, показать враждебность другой страны, но если для Чехии важным стало показать масштабность угрозы, якобы исходящей со стороны России для всего Запада, то российские власти делали акцент на симптоматичности кризиса и его тесной связи с Россией, когда под угрозой оказывается национальная историческая память.

Особенности исторической политики России и Чехии в 2021 г.

Рассматривая, как дипломатический кризис повлиял на историческую политику обеих стран в течение всего 2021 г., обратим внимание на явное упоминание Чехии российским руководством среди тех стран, которые предстают активными борцами с исторической памятью РФ в контексте Великой Отечественной войны, например, в публикации МИД РФ к Международному дню памятников и исторических мест в апреле 2021 г., где первыми приведены именно случаи в Чехии, и в докладе «О ситуации с героизацией нацизма...» 25 октября 2021 г., в котором Прага особенно критикуется ввиду ее обращения к правозащитной тематике во внешней политике, согласно которому она, по мнению Москвы, обязана, наоборот, бороться с нацизмом [19]. Также посольство РФ в ЧР в декабре 2021 г. указывало на публикацию в чешской газете «Рефлекс» статьи о доброжелательном отношении нацистов к советским гражданам, что называлось «переписыванием истории Второй мировой войны» [20]. При этом важно, что в данных документах обвиняются чешские власти, а общество показано сохраняющим уважительное отношение к памяти о советских войнах и, следовательно, принимающим российский нарратив.

В связи с этим власти РФ стремились продвигать среди чехов свою точку зрения на события Великой Отечественной войны: посольство организовывало мероприятия в Праге и других чешских городах к 9 мая и 22 июня [21]. Подчеркивается участие в них представителей властей ЧР — члена правившей партии ANO, председателя Палаты депутатов Р. Вондрачека и В. Филипа, лидера коммунистов, поддерживавших правящую коалицию [22], тем самым показывая, что власти и общество расколоты на прагматиков и либералов-идеалистов [23, с. 17], «друзей» и «врагов»

России по вопросу восприятия истории. Россия таким образом делает упор на взаимодействие со «здоровыми силами» в чешском обществе [21], и именно среди них идет продвижение российского взгляда на события истории.

Вместе с тем, власти РФ пытались реагировать и на чешскую историческую политику. Так, МИД РФ в ноябре 2021 года выпустил записку к 100-летию деятеля Пражской весны А. Дубчека, но посвященное ему мероприятие прошло в более дружественной для России Словакии. Акцент в описании заслуг А. Дубчека делался на его связях с СССР, участии в антинацистском сопротивлении, что важно для российской исторической политики, уже затем он описывался как реформатор 1960-х гг., а события 1968 г., в контексте которых А. Дубчек и значим в Чехии, не упоминались [19]. На наш взгляд, это некий ответ чешской исторической политике, стремление показать, что А. Дубчек — герой и российской истории, и память о нем не может быть направлена против России.

Чехия в своей исторической политике в отношении России для формирования ее враждебного образа стала активнее обращаться к правозащитной тематике, деятельности российских диссидентов в советское время, обозначив тем самым общность СССР и РФ и дихотомию нынешних агрессивных действий России на фоне демократических и миролюбивых традиций. Например, в дни дипломатического скандала особое внимание уделялось 100-летию А. Д. Сахарова и его связям с Чехией [24], а также умершему в 2021 г. С. Ковалёву, награжденному орденом Т. Г. Масарика [25]. Подобный подход тоже нацелен на разделение российского общества на враждебные и дружественные силы, формирование сложной картины России, в истории которой можно найти образы, включающиеся в историческую память чехов.

Также существуют примеры альтернативного взгляда на Вторую мировую войну, соединение образов двух тоталитарных режимов — в чешских СМИ обращают внимание на аресты НКВД после освобождения Праги от нацистов [26], что противоречит российскому подходу к выстраиванию образа освобождения Чехословакии советскими войсками. Упоминание в этом контексте русских и украинских эмигрантов также должно рождать ассоциа-

ции с современными проблемами защиты прав человека и украинским кризисом.

Интересен пример сравнения в августе 2021 г. спикером Сената ЧР М. Встрчила из оппозиционной Гражданской демократической партии присоединения Крыма к России с Мюнхенским стовором, который воспринимается чешским обществом как трагическая история, должен отсылать к дальнейшим действиям России и показывает, что впереди будут еще большие трудности в отношениях [27]. И хотя это происходило в августе, когда чехи активно вспоминают ввод войск ОВД в Чехословакию, к этому образу руководство Чехии не обращалось.

Важно, что и в саму памятную дату к событиям 1968 г. рассказывалось только о самой истории, а прямые ассоциации с современными сюжетами не проводились [28], хотя воспоминание об СССР само по себе может рождать образ единого во времени агрессивного поведения России. Тем не менее, большее внимание уделялось событиям недавней истории — отмечались даты присоединения Крыма, 13-летие грузинского конфликта [25], что напрямую связано с нынешней Россией, и поэтому эта память не может ставиться РФ под сомнение, в отличие от советской историей, преемственность с которой не столь однозначна [14, р. 39].

Историческая память о России в программах чешских политических партий к парламентским выборам 2021 г.

Проведя контент-анализ партийных программ на выборах 2021 г., написанных, как можно предположить, под влиянием дипломатического кризиса, мы можем утверждать, что Россия все-таки не стала ключевой частью предвыборной повестки. Так, в программной книге А. Бабиша РФ только упоминается как одна из ведущих стран мира, к уровню значимости которых Чехия должна тяготеть. Премьер-министр говорит, что владеет русским языком, т.е. образ России не является полностью негативным, ее упоминание возможно. Тем не менее, в части, посвященной реконструкции Национального музея, что подается как одно из достижений премьерства А. Бабиша, он упоминает события 1968 г., во время которых музей пострадал, причем вместе с другим разрушением —

от нацистов в 1945 г. Так эти две истории как бы уравниваются, хотя при этом не связываются с современными событиями. При этом события 1968 г. называются «русским вторжением», а не советским [29], т.е. определенные аналогии с современными действиями РФ могут появляться.

Главная оппозиционная сила — либерально-консервативная коалиция SPOLU — упоминает Россию только в контексте современных отношений: недопустимости ее участия (как и КНР) в строительстве нового энергоблока АЭС «Дукованы» [30], но в социальных сетях ее лидеры обращаются к событиям 1968 года [31]. Этот же тезис о России и КНР характерен для их нынешних союзников «Пиратов и старост», которые оправдывают исключение двух стран из проекта недемократичностью режимов, но не вспоминая исторические сюжеты, а также говоря при этом о заинтересованности в хороших отношениях с РФ. Но в аспектах памяти они указывают, например, на необходимость помнить о судьбе чехословацких легионеров в России [32], отношение к которым в РФ оказывается противоречивым, а ввод войск ОВД в Чехословакию описывается достаточно часто на страницах партий в социальных сетях [33].

Правая партия «Свобода и прямая демократия» Россию в программе совсем не упоминает [34], т.к. ее часто считали пророссийской силой, вероятно, она не стала провоцировать обвинения в нынешних непростых условиях. А в программе Коммунистической партии Чехии и Моравии присутствует лишь тезис о восстановлении всесторонних связей с Россией (но также и с КНР) [35]. Однако интересно, что, говоря о восстановлении связей, коммунисты, вероятно, подразумевают, что раньше отношения были лучше. Хотя напрямую не обозначается, когда именно была эта идеальная эпоха, можно предположить, что они обозначают социалистический период, предлагая, таким образом, альтернативный нарратив о чешской истории XX века, более близкий российской исторической памяти.

Заключение

Таким образом, в заявлениях руководства ЧР и РФ, определивших обострение отношений стран весной 2021 года, исторические

образы не оказались центральными. Чешская сторона предпочитала ссылаться на международное право и недружественность действий современной России в отношении всего Запада, хотя сравнения с вводом войск ОВД в Чехословакию в 1968 г., присоединением Крыма в 2014 г. прослеживались [13]. Российское руководство также обращалось прежде всего к нынешним чешским лидерам и сравнивала их действия с антироссийской деятельностью других европейских стран.

Вместе с тем вне дискуссии по происшествию во Врбетице и высылке дипломатов и Россия, и Чехия продолжили вести характерную для них историческую политику. Можно отметить активную работу российского посольства по закреплению образа Второй мировой войны [21], которая особенно важна для современной российской идентичности и взгляд чехов на которую в последнее время все больше отличается от российского. В заявлениях чешских политиков и публикациях чешских СМИ продолжают оказывать влияние образы диссидентского движения и защиты прав человека в социалистическую эпоху, которая подкрепляет современные обвинения в адрес властей РФ [25]. Вместе с тем, во время предвыборной борьбы в Чехии образ России и ее истории напрямую не связывался с нынешним кризисом, хотя оппозиционные правоцентристские и либеральные силы апеллировали к событиям 1968 года [31, 33], однако не это определило исход избирательной кампании [36, с. 74]. И в целом историческая память была не определяющим, а дополняющим фактором во взаимодействии России и Чехии в 2021 г., в отличие от «войн памятников» в предыдущие месяцы, когда именно вопросы истории обострили отношения двух стран.

Библиография

1. *Ведерников М. В.* Чешско-российский дипломатический кризис: внутривнутриполитический аспект // Аналитические записки ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 35–39.
2. *Halbwachs M.* On collective memory. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. 235 p.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

4. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 5. С. 6–23.
5. Шишелкина Л. Н. Кризис в российско-чешских отношениях и его возможные последствия // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 16–21.
6. Hartikainen I. Authentic expertise: Andrej Babiš and the technocratic populist performance during the COVID-19 crisis // Frontiers in Political Science. 2021. No. 3. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpos.2021.734093/full> — 18.04.2022.
7. Manucci L. Populism and Collective Memory // Oswald M. The Palgrave Handbook of Populism. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 451–468.
8. Toomey M. History, nationalism and democracy: myth and narrative in Viktor Orbán's 'illiberal Hungary' // New Perspectives. 2018. No. 1. P. 87–108.
9. Попов Д. И., Матвеевская А. С. Историческая политика польской политической партии «Право и справедливость»: особенности, проблемы и результаты // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием. Ч. 2. СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 205–208.
10. Response of Ministry of Foreign Affairs to Russia's decision to include Czech Republic in list of "unfriendly countries" // MFA of CR. 14.05.2021. URL: https://www.mzv.cz/jnp/en/issues_and_press/mfa_statements/x2021_05_14_response_of_ministry_of_foreign_affairs.html — 18.04.2022.
11. Kulhánek: První vstřícný krok musí udělat Rusko // Novinky. 07.08.2021. URL: <https://www.novinky.cz/domaci/clanek/40368415> — 18.04.2022.
12. «Ганба!», «Позор!». Пражане протестовали перед посольством России // Radio Prague. 19.04.2021. URL: <https://ruski.radio.cz/8715238> — 18.04.2022.
13. Tomáš Petříček // Twitter. URL: <https://twitter.com/TPetricek> — 18.04.2022.
14. Baqués-Quesada J., Colom-Piella G. Russian influence in the Czech Republic as a grey zone case study // Politics in Central Europe. 2021. No. 1. P. 29–56.
15. Okupace části Stromovky ze strany Ruska musí skončit, vyzvala vládu Praha // Novinky. 07.08.2021. URL: <https://www.novinky.cz/domaci/clanek/40357501> — 18.04.2022.
16. Генерал Петр Павел: «Россия вообще не считает себя обязанной что-либо объяснять и доказывать» // Radio Prague. 21.04.2021. URL: <https://ruski.radio.cz/8715438> — 18.04.2022.
17. Český velvyslanec na ruském mejdanu // Reflex. 10.05.2021. URL: <https://www.reflex.cz/clanek/zajimavosti/107048> — 18.04.2022.
18. Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с заявлениями из Праги // МИД РФ. 03.06.2021. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cz/1423851/> — 18.04.2022.

19. МИД России // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/mid> — 18.04.2022.
20. Комментарий Посольства России в Чехии // Посольство РФ в ЧР. 24.11.2021. URL: https://czech.mid.ru/ru/novosti/news/kom_iy_pos_rossii_v_chekhii/ — 18.04.2022.
21. 22. červen 1941 symbolizuje nejmocnější vzepětí lidu // Haló noviny. 22.06.2021. URL: <http://www.halonoviny.cz/articles/view/55551971> — 18.04.2022.
22. О мероприятии в Праге по случаю Дня Победы // Посольство РФ в ЧР. 09.05.2021. URL: https://czech.mid.ru/ru/novosti/news/o_meropriyatii_v_prage_po_sluchayu_dnya_pobedy/ — 18.04.2022.
23. Ведерников М. В. Внешние и внутренние вызовы для Чехии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 6. С. 15–23.
24. Bojoval za lidská práva. Výstava pod Špilberkem provede Brňany životem Sacharova // Brněnský deník. 17.07.2021. URL: https://brnensky.denik.cz/zpravy_region/bojoval-za-lidska-prava-vystava-pod-spilberkem-provede-brnany-zivotem-sacharova.html — 18.04.2022.
25. Czech MFA // Twitter. URL: <https://twitter.com/CzechMFA> — 18.04.2022.
26. 11 мая 1945 года: начало массовых арестов эмигрантов «первой волны» органами СМЕРШ и НКВД // Radio Prague. 11.05.2021. URL: <https://ruski.radio.cz/8717193> — 18.04.2022.
27. Vystrčil (ODS): V rámci Krymské konference se ČR a EU jednoznačně připojí k Ukrajině // Parlamentní listy. 24.08.2021. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/politika/politici-volicum/674623> — 18.04.2022.
28. Чехословакия 1968 — когда оккупация поставила крест на иллюзиях // Radio Prague. 21.08.2021. URL: <https://ruski.radio.cz/8725008> — 18.04.2022.
29. Babiš A. Sdílejte, než to zakážou! URL: <https://www.sdilejteneztozakazou.cz> — 18.04.2022.
30. SPOLU. Program. URL: <https://www.spolu21.cz/#program> — 18.04.2022.
31. SPOLU // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/spolu21> — 18.04.2022.
32. Piráti a Starostové. Program. URL: <https://www.piratiastarostove.cz/program/> — 18.04.2022.
33. Česká pirátská strana // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/ceska.piratska.strana/> — 18.04.2022.
34. Politický dlouhodobý program SPD. URL: <https://www.spd.cz/program-vypis/> — 18.04.2022.
35. Program KSČM 2021. URL: <https://www.kscm.cz/program/> — 18.04.2022.
36. Ведерников М. В. Парламентские выборы в Чехии: триумф оппозиции // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 5. С. 68–76.

Уварова Анжелика Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт истории

Магистратура

Отражение исторической памяти в музеях исторического профиля. Опыт Российской Федерации и стран постсоветского пространства

Representation of Remembrance in the Historical Museums.
The Case of the Russian Federation and Post-Soviet Countries

Аннотация. В статье рассмотрен феномен исторической памяти и особенности ее активизации в Российской Федерации и странах постсоветского пространства. На примере таких стран, как Эстония, Молдавия и Белоруссия, проанализированы особенности политического вектора государства в данной сфере и их отражение в музеях исторического профиля периода, когда они входили в состав СССР. Также были рассмотрены способы отражения национальной идентичности в данных институциях.

Ключевые слова: историческая память, музеи исторического профиля, национальная идентичность.

Abstract. The article considers the phenomenon of historical memory and the features of its activation in the Russian Federation and the countries of the post-Soviet space. Author analyzed the characteristic features of the political vector and its reflection in the historical museums in Estonia, Moldova, Belarus of the period when the country was incorporated into the USSR. Moreover, there were considered the ways of reflecting national identity in these institutions.

Keywords: remembrance, historical museums, national identity.

Одним из явлений, характерных для постиндустриальной культуры, в которой общество живет на данный момент, является процесс глобализации. Он включает в себя «социальные изменения, связанные с формированием единого всемирного рынка, информационных технологий, а также увеличением глобальных культурных связей людей и народов» [1, с. 112]. Глобализация оценивается исследователями неоднозначно. С одной стороны,

данный процесс способствует объединению различных существующих обществ, создает некую площадку для международного диалога, способствует взаимопониманию в мировом сообществе. С другой же стороны, происходит унификация многих сфер жизни общества, в том числе культуры, грозящая потерей многих уникальных объектов материального и нематериального культурного наследия. Н. В. Розенберг отмечает, что «самая большая проблема, возникающая в процессе глобализации культуры, — это угрожающая вероятность того, что малые культуры будут поглощены, и мы будем наблюдать унификацию и стандартизацию, сопровождающиеся отсутствием культурного разнообразия» [1, с. 113]. Однако стоит отметить — то, что происходит в сфере культуры на мировом и локальном уровнях на данный момент, имеет противоположную данному утверждению динамику. Происходящие события обозначаются культурологами термином «глокализация», который включает в себя появившиеся в результате влияния глобализации на национальные культуры уникальные глобально-локальные связи.

В современной культуре происходит два полярных явления: «сжатие» социального мира и осознание «расширения» миром самого себя. Как результат, народы, нации, государства начинают конструировать собственную историю в целях самоидентификации. Становится актуальным вопрос приобщения молодежи к изучению собственных истоков, который может быть решен посредством диалога поколений. Ресурс, актуализирующий связь времен в современной науке, называется исторической памятью. Это коллективная память, присущая отдельным социальным группам, обществам и этносам. Как отмечал создатель теории исторической памяти М. Хальбвакс, она «развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности» [2].

Во второй половине XX в. было обращено внимание на двойственность культурного наследия, отмечена необходимость исследования и передачи последующим поколениям не только позитивных, но и негативных его аспектов. Антропологом Линн Мессел в 2002 г. был введен термин «негативное наследие», которое она

характеризовала как «конфликтное место, которое становится хранилищем отрицательной памяти в коллективном воображении» [3, с. 183]. Во многом формированию такого представления культурного наследия в сознании исследователей прошлого способствовали события Второй мировой войны. Поэтому проблема отражения «негативного наследия» началась с переосмысления музеев и частей экспозиций военно-исторических музеев, посвященных Второй мировой войне. Встал вопрос о том, как посредством музейной экспозиции не только донести до музейного посетителя информацию о таких событиях, но и не вызвать у него сопротивление, отторжения нелицеприятных исторических периодов и последующего их забвения. Решение данного вопроса становится все актуальнее в наше время.

Историческая память идеологична. Она является эффективным инструментом в патриотическом воспитании народа, его сплочении. На данный момент наблюдается повышенный интерес к активизации данного процесса у населения со стороны властных структур во всем мире. Причиной этому стали взаимосвязанные процессы глобализации и глокализации. Кроме того, в современном мире также наблюдается процесс вестернизации, ведущий к созданию однополярного мира, где главной правящей силой может стать Запад. Одним из инструментов становится переписывание истории значимых для мирового сообщества событий. В качестве примера можно назвать пересмотр событий Второй мировой войны с целью очернения роли СССР. Происходит дегероизация — «сознательный отход от героического пафоса и героических образов в художественном творчестве и шире — в постоянно иницируемых социальных практиках, навязываемых всему обществу. Наиболее разработанными технологиями дегероизации являются: подмена героического подвига, замалчивание и принижение героического поступка, компрометация личности героя, извращение его образа» [4, с. 223]. Данный процесс делает актуальным исследование феномена исторической памяти и его грамотного применения.

В странах — бывших республиках Советского Союза проблема возрождения исторической памяти является одним из ведущих направлений государственной политики. Причина этому кроется

в явлениях, происходивших на их территории после распада СССР в 1991 г. Произошло переосмысление фактов, связанных с советским периодом, их нарочная негативизация. Ее результатом стало рассекречивание многих архивных документов с целью представления истории Советского Союза и конкретной страны в данный период в более нейтральном ключе. Результат этой работы нашел свое отражение в музеях исторического и военно-исторического профиля, перед которыми в тот период стояла задача поиска новой концепции построения диалога с музейным посетителем.

Исторические музеи — одна из самых многочисленных групп музеев. Причина этого кроется в простоте отбора предметов в их коллекции. Аргументировать данное утверждение можно музейной потребностью, присущей каждому человеку, — специфическим стремлением к собирательству предметов, несущих определенную ценность, без учета их утилитарной функции [5]. Данный термин был введен чешским музеологом З. Странским, который употреблял его в качестве одной из причин появления музеев. Кроме того, в музеях исторического профиля предметы выступают свидетелями, прямыми участниками тех или иных событий или, если они принадлежали значимой личности, формируют представление о ней. В связи с этим можно говорить о тесной взаимосвязи исторических музеев и процессов коммеморации.

На территории Российской Федерации в последние годы как создается, так и реэкспонируется большое число исторических и военно-исторических музеев с целью активизации диалога между поколениями, передачи в его процессе информации о событиях прошлого, в том числе тех, которые не имеют положительной оценки. Например, большое внимание уделяется событиям Великой Отечественной войны и ужасам, связанным с ней. Кроме того, данное событие наиболее удобно для интенсификации обращения к прошлому. Во-первых, еще остались живые свидетели тех событий, способные предложить собственный взгляд происходившего. Во-вторых, к Великой Отечественной войне причастны все семьи нашей страны. В каждой найдется человек, который или воевал на фронтах, или работал в тылу. Последним фактом активно пользуются сотрудники исторических музеев, внедряя в свою работу с посетителями интерактивные элементы, позво-

ляющие каждому желающему рассказать о вкладе его семьи в дело Победы. Так, например, в новом музейном комплексе «Зоя» в деревне Петрищево Московской области оборудован специальный интерактивный зал [6]. В нем посетитель может не только ознакомиться с историями, записанными на специальных устройствах, но и поделиться собственной историей.

Музей обороны и блокады Ленинграда проводит различные образовательные мероприятия, способствующие активизации интереса к блокадной жизни Ленинграда у современной молодежи [7]. Кроме того, рассматриваемый музей выступает в качестве площадки для презентации книг, посвященных различным эпизодам Великой Отечественной войны. Такие мероприятия, как правило, проводятся прямо на выставке, а попасть на них может любой желающий.

Говоря о резекспонировании ранее существовавших музеев, мы можем рассмотреть обновленный зал Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, посвященный Великой Отечественной войне. Отметим, что он все еще находится в процессе разработки. Однако уже на данный момент посетители могут всесторонне ознакомиться с данным периодом. Помимо военной техники тех лет, в экспозиции представлены предметы обмундирования и снаряжения как советской, так и немецкой стороны, фотоматериалы, знамена, предметы быта, макеты. Также здесь представлено отражение событий в искусстве посредством скульптур и постоянно сменяющихся выставок современных художников. Для юных посетителей музей организовал маршрут по залу под названием «По дорогам войны». Кроме того, на базе музея проводятся торжественные мероприятия, конференции, презентации. В своих выставках Артиллерийский музей также стремится отразить преемственность поколений, используя хронологический метод построения экспозиции, переходя от событий прошедших веков к современности. Так, например, на выставке, посвященной Петру Великому, которая откроется в скором времени, посетители смогут ознакомиться как с жизнью и деятельностью первого русского императора, так и с событиями Северной войны. Посредством представленных музейных предметов и сопроводительных материалов можно узнать, какие традиции сохра-

нились в армии нашей страны спустя более 300 лет [8]. Все это является ярким примером того, какими разными способами может быть осуществлена работа по аккумуляции процессов исторической памяти и преемственности поколений.

Однако при упоминании активизации процессов исторической памяти в России стоит отметить такую характерную черту, как излишняя героизация событий, уход в ура-патриотизм. Стремясь придерживаться «идеологии победы», кураторы экспозиций и выставок забывают о том, что посетитель должен самостоятельно сформировать собственное мнение о тех событиях, что он видит в музее или учреждениях музейного типа. Они стремятся к отражению лишь героической стороны войны, используя подход, охарактеризованный британским исследователем Джеймсом Скоттом как «торжественный подход». Его отличительной чертой Скотт называл показ только торжеств и достижений войн [9, р. 490]. Данный подход не очень актуален в современном мире, так как вызывает у музейного посетителя чувство недоверия, подозрения, что его хотят обмануть, что-то от него скрыть.

После распада СССР в 1990-х гг. перед странами — бывшими союзными республиками, как и перед Россией, встала задача переосмысления своего исторического пути. Возникает потребность в поиске своих корней, что приводит появлению тренда к созданию музеев национальной истории [10, с. 3]. Его также можно охарактеризовать как стремление властей к активизации исторической памяти народа. В основе таких музеев, как правило, лежит стремление показать древность нации, ее вовлеченность в общеисторический процесс, влияние на него. Особое внимание в них, как отмечает А. И. Филюшкин, уделяют проблеме отражения периода Средневековья. Однако здесь возникает проблема, так как в то время ни одна из рассматриваемых стран постсоветского пространства не существовала как самостоятельное государство. В связи с этим в музеях уделяется внимание народам, которые считаются прародителями данных наций, их культуре и самоидентичности.

Отдельное внимание стоит уделить отображению периода вхождения рассматриваемых стран в состав СССР в музейном деле. Стоит отметить, что начиная с XVI в. существует дискурс, обусловленный противостоянием России и Запада. И. Ю. Окунев обобщил

его фразой «Россия — не Европа» [11, с. 57]. Международный политический антагонизм постоянно усиливается. Особенно сильно его проявления влияют на страны, находящиеся на «ментальной границе»: Украину, Молдавию, страны Прибалтики и частично на Белоруссию. Вследствие этого появляется потребность в реинтерпретации того периода истории, который связан с вхождением данных государств в состав СССР. Для него в ряде стран вводится термин «оккупация», с целью его обособления от исторической канвы. В государствах с более прозападной политикой создаются музеи оккупации, где экспозиция рассказывает зрителю о годах нахождения страны в составе Советского Союза.

В 2003 г. в Таллине фондом Кистлер-Ритсо Ээсти был создан Музей оккупации и свободы Vabamu, посвященный истории Эстонии в период ее нахождения в составе Советского Союза. Своей главной задачей музей ставит обучение, эмоциональное вовлечение жителей Эстонии и гостей страны, «чтобы они размышляли о новейшей истории, чувствовали хрупкость свободы, а также отстаивали свободу и справедливость» [12]. Постоянная экспозиция называется «У свободы нет границ» и состоит из пяти частей. Экспозиционная группа, связанная с советским периодом, делится на два тематических раздела: установление советского режима с его идеологией и особенности быта советского человека. Интересен принцип его фондообразования. Все собрание разделено по тематическому принципу на 4 коллекции: оккупация, репрессии и сопротивление, восстановление, свобода. Как сказано на сайте, музей реализует акции по сбору «музейных предметов и/или историй», что можно рассматривать как способ активизации процессов исторической памяти путем приобщения поколений к исследованию определенного периода через собирательскую деятельность.

В Республике Молдова вопрос конструирования исторической памяти также актуализировался после распада СССР. Значительная роль в его реализации была отведена Румынии, с которой страна в 2000-е гг. пыталась выстроить тесные контакты. Данная связь практически не отражена в Национальном историческом музее Республики Молдовы в Кишиневе. Однако для его экспозиции характерна тенденция негативизации периода нахождения государства в составе СССР, которая является проявлением официаль-

ной политики. В отличие от Эстонии «оккупация» не выделяется самостоятельно, а дополняет историческое повествование основной экспозиции Национального исторического музея. Данная тема выражена с помощью особо темных красок, реконструкции в рамках экспозиции сцен из истории, имеющих наибольшее эмоциональное воздействие на музейного посетителя.

Совершенно иная ситуация наблюдается в музейном деле Белоруссии. Как и в остальных рассматриваемых странах, здесь прослеживается процесс аккумуляции исторической памяти путем приобщения к национальной истории. Результатом данных поисков стал Музей национальной истории Белоруссии, открывшийся в Минске.

Однако при рассмотрении музейного дела данной страны стоит отметить идеологический раскол общества: часть граждан видит себя преемниками Великого княжества Литовского, — Руси. Отсюда и неоднозначное отношение музейщиков к периоду Великого княжества Литовского. Например, в Музее Белорусской национальной истории в Минске ему посвящен только один зал. Как отмечает А. И. Филюшкин, «при обращении к Средневековью упор делается не столько на политическую историю (в ней слишком много “неудобных” проблем и сюжетов, не нашедших пока консенсусных трактовок), сколько на культуру, искусство, социальные отношения, реконструкцию военного искусства» [10, с. 7].

Что же касается отражения советского периода в музейном пространстве, то здесь стоит отметить, что Белоруссия никак не выделяет себя из единого государства — Советского Союза. Для примера возьмем экспозицию одного из музеев мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», носящего название «Музей войны — территория мира». Она посвящена истории места и людей, оборонявших ее, в годы войны [13]. Целью музейного показа является не отражение именно белорусской нации, а вообще жизни людей в годы войны и героического подвига, совершенного солдатами Брестской крепости.

Подводя итог всему вышесказанному, хотим отметить, что историческая память не должна строиться лишь на моментах истории, полных героического пафоса. «Негативное наследие» также должно быть увековечено с той целью, что отражение истори-

ческих событий со всех сторон вызывает большее доверие у тех, кто ими интересуется. Особенно данное утверждение касается музейных экспозиций, которые делают исторический контекст «осязаемым», помогают наглядно ознакомиться с происходившим в прошлом. Ведя диалог с предметами, являвшимися свидетелями событий прошлого, индивид строит свою собственную картину происходивших событий. Наслаивание определенной позиции будет лишь препятствовать этому процессу.

Начиная со второй половины XX в. ведется активная работа, связанная с решением вопроса, как объективно рассказать о влиянии войны на судьбы людей в образовательных целях. Этот вопрос особенно актуален в современной России и странах постсоветского пространства, где события 1990-х гг. кардинально изменили систему ценностей людей, подвергли сомнению значимые исторические факты. Особенно это явление отразилось на трактовке событий Великой Отечественной войны в России и советского периода в странах — бывших республиках СССР. Причина этому заключается в том, что рассматриваемые события относительно недавние и имеют влияние на несколько поколений, в том числе и на то, которое не было их современником. Можно говорить, что из коллективного сознания, где формировались образы, посредством оценки произошел переход в сознание индивидуальное. Благодаря этому процессу и формируется историческая память.

Задача современных музеев, посвященных данной тематике, кроется в том, чтобы этот переход происходил без каких-либо крайностей. Однако достичь такого результата практически невозможно по ряду причин. В странах постсоветского пространства причина в прозападной политике правящих кругов (за исключением Белоруссии в последние годы), в России — в сохранении советской тенденции к излишней героизации событий, запечатленных в музейной экспозиции.

Библиография

1. Розенберг Н. В. Национальные культуры как вызов глобализации // Известия высших учебных заведений. Поволжский район. 2014. № 3(31). С. 111–117.

2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> — 23.02.2022.
3. Стаф В. С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Томского университета. 2018. № 4(28). С. 183–187.
4. Смирнов С. Ю. Технологии дегероизации в сознании российского общества // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 4. С. 222–226.
5. Музейная потребность // Словарь музейных терминов. URL: <http://museum.ru/rme/dictionary.asp?95> — 23.02.2022.
6. Музейный комплекс «Зоя»: официальный сайт. URL: <https://mk-zoya.ru/> — 20.02.2022.
7. Музей обороны и блокады Ленинграда: официальный сайт. URL: <https://blokadamus.ru> — 23.02.2022.
8. 350-летие Петра I. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: официальный сайт. URL: <https://artillery-museum.ru/ru/350-letie-petra-i.html> — 23.02.2022.
9. Scott D. Objects and the Representation of War in Military Museums // Museum & society. 2015. No. 13(4). P. 489–502.
10. Филюшкин А. И. Как изображать прошлое нации? Два подхода в музейных экспозициях (на примере Белоруссии и Эстонии) // Вопросы музеологии. 2016. № 1(13). С. 3–9.
11. Окунев И. Ю. Россия и Европа: деконструкции дискурса противопоставления (othering) (на примере геополитического конфликта в Молдавии) // Сравнительная политика. 2015. № 4(21). С. 56–58.
12. Музей оккупации и свободы Vabamu: официальный сайт. URL: <https://www.vabamu.ee> — 23.02.2022.
13. ГУ «Мемориальный комплекс “Брестская крепость-герой”»: официальный сайт. URL: <https://www.brest-fortress.by/> — 23.02.2022.

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА»

Зацева Елизавета Игоревна

*Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Аспирантура*

Особенности реализации образовательных и цифровых проектов публичной дипломатии США для молодежи России

**The Features of Educational and Digital Projects
Implementation as an Instrument of U.S. Public Diplomacy for
Youth in Russia**

Аннотация. Обострение отношений между Россией и США в последние годы стало предпосылкой для трансформации существующих программ публичной дипломатии США. В настоящей статье предпринимается попытка определить ключевые особенности реализации образовательных и цифровых проектов публичной дипломатии США для российской молодежи на современном этапе развития. Для достижения поставленной цели автором рассматриваются результаты реализации цифровых и образовательных программ, направленных на создание лояльных к американским ценностям кругов молодежи в России. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что в 2022 году произошла важная трансформация молодежных программ публичной дипломатии США, в результате которой приоритетным для американского правительства станет цифровое воздействие на молодежь России и развитие такого направления, как международная молодежная дипломатия.

Ключевые слова: публичная дипломатия США, молодежь, «мягкая сила», образовательные проекты, цифровые проекты, Россия, США.

Abstract. The aggravation of relations between Russia and the United States in recent years has become a prerequisite for the transformation

of existing U.S. public diplomacy programs. This article aims at identifying the key features of the implementation of educational and digital projects of U.S. public diplomacy for Russian youth at the present stage of development. To achieve this goal, the author examines the results of the implementation of digital and educational programs aimed at creating loyal Russian youth to American values. According to the results of the study, the author comes to the conclusion that in 2022 there will be an important transformation of the youth programs of U.S. public diplomacy. The priority for the American government will be the digital impact on Russian youth and development international youth diplomacy.

Keywords: U.S. public diplomacy, youth, soft power, educational projects, digital projects, Russia, USA.

Введение

Окончание холодной войны ознаменовало изменение стремлений государств к использованию «жесткой силы» во внешней политике. На смену силовым методам воздействия на зарубежные аудитории пришли «мягкие», направленные на понимание интересов других государств. В рамках неолиберализма возникла концепция «мягкой силы» (soft power), которую известный американский политолог Джозеф Най определил как способность добиваться желаемых внешнеполитических целей с помощью дипломатических инструментов влияния. Правительством США стала использоваться публичная дипломатия, представляющая собой комплексную систему институтов и механизмов, задача которых состоит в сопровождении внешнеполитических интересов государства через создание привлекательного образа страны, то есть реализацию концепции «мягкой силы». Большое внимание во внешней политике США занимает идея установления и поддержания долгосрочного диалога с молодым поколением России с целью создания лояльных политике США молодежных кругов, ориентированных на западные ценности.

В условиях проведения специальной военной операции России на Украине российско-американские отношения переживают новый этап трансформации, в результате которого во внешней политике США следует ожидать изменений в стратегии реализации публичной дипломатии США в отношении российской молодежи.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей реализации таких направлений публичной дипломатии США в России, как образовательное и цифровое, а также определении новых приоритетов в реализации молодежных программ на 2022–2023 гг.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть публичную дипломатию США как инструмент достижения внешнеполитических целей по формированию лояльных кругов молодежи;
2. Изучить наиболее популярные среди молодежи России образовательные и цифровые проекты публичной дипломатии США;
3. Определить вектор развития проектов публичной дипломатии США в отношении молодежи России.

Этапы реализации проектов публичной дипломатии США для российской молодежи

Как социально-демографическая группа, молодежь всегда привлекала особое внимание политиков, ученых, общественников и других специалистов в США. Ежегодно правительством США разрабатываются, дополняются и внедряются новые молодежные программы, направленные на вовлечение молодых лидеров со всего мира в установление и поддержание диалога с США, а также развитие гражданского общества в своих странах и демократии в целом. С начала XX века США преследуют цель выявления наиболее талантливой молодежи в мире, обладающей необходимым потенциалом для трансформации местных сообществ, активного участия в жизни своих государств и продвижения американских ценностей. Действительно, мировой опыт показывает, что государства стремительно продвигались в решении важных проблем, когда им удавалось сплотить молодое поколение и организовать ключевые ориентиры его развития. На сегодняшний день молодежь по-прежнему остается объектом особого внимания со стороны государств, ведь она является наиболее активной составляющей гражданского общества и обладает инновационным

потенциалом. Не стоит забывать о том, что высокий потенциал молодого поколения может иметь как конструктивную, созидательную направленность, так и обладать деструктивным воздействием, способным подорвать внутренний уклад жизнедеятельности государства и жизни общества. В истории международных отношений существует множество примеров деструктивной молодежной активности: в Югославии в 2000 г., в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 и 2013–2014 гг., в Киргизии в 2005 г., на Ближнем Востоке (события Арабской весны) в 2010 г., в России в 2019–2020 гг. и другие. Волна «цветных революций» 2004–2005 годов привела к более подозрительному отношению российского руководства в отношении западных обменных программ [1, с. 80], что впоследствии повлияло на решения российского правительства об ограничении возможностей реализации академических программ обмена для российской молодежи.

Ежегодно США выделяют миллионы долларов на поддержку реализации программ публичной дипломатии, направленных на установление диалога с молодежью. По результатам ежегодного отчета о реализации публичной дипломатии и международного вещания за 2021 год, Россия занимает второе место по финансированию проектов публичной дипломатии США. В 2020 году на реализацию проектов публичной дипломатии США в России было выделено \$5,29 млн основных и \$6,12 млн дополнительных средств (табл. 1).

Таблица 1.

**Финансирование проектов публичной дипломатии США
в страновом разрезе за 2017–2020 гг. [2, с. 176]**

	Country Name	FY 2017		FY 2018		FY 2019		FY 2020	
		DP (.7)	Supplemental	DP (.7)	Supplemental	DP (.7)	Supplemental	DP (.7)	Supplemental
1	Ukraine	\$1.82 million	\$9.78 million	\$1.81 million	\$6.56 million	\$2.54 million	\$10.1 million	\$2.24 million	\$9.67 million
2	Russia	\$5.80 million	\$8.68 million	\$4.91 million	\$6.33 million	\$5.07 million	\$6.78 million	\$5.29 million	\$6.12 million
3	Germany	\$5.95 million	\$173,514	\$6.18 million	\$150,320	\$6.27 million	\$0	\$5.64 million	\$0
4	Georgia	\$956,650	\$6.30 million	\$890,000	\$3.44 million	\$1.24 million	\$3.37 million	\$1.59 million	\$3.71 million
5	Albania	\$567,450	\$589,510	\$581,000	\$1.29 million	\$666,642	\$2.41 million	\$1.41 million	\$3.14 million

Стоит отметить, что внешнеполитическая деятельность США в отношении российской молодежи в XXI веке пережила несколько этапов становления, в рамках которых происходила выработка понимания места молодежи России во внешней политике США, механизмов работы с ней, а также осуществлялся поиск эффективных путей вовлечения молодого поколения в проекты публичной дипломатии США.

Первый этап (2000–2011 гг.) связан с вовлечением российской молодежи в образовательные проекты. Соединенные Штаты стабильно занимают лидирующие позиции в мире по количеству принимаемых студентов-иностранцев. Стремление к обучению в американских вузах обусловлено несколькими причинами. Во-первых, американские университеты являются «инкубаторами» и «лабораториями» демократических ценностей, для развития которых приглашаются ведущие эксперты со всего мира. Среди ключевых аргументов многих иностранных студентов, решивших учиться в США, можно встретить стремление стать высококвалифицированным специалистом, овладеть передовым опытом и получить высокооплачиваемую работу (также владение английским языком является преимуществом на мировом рынке труда). Во-вторых, существующие образовательные и академические программы обмена предполагают полное или частичное финансирование обучения талантливых студентов. Пока молодое поколение стремится к поиску источника стабильности и обеспечения комфортных условий пребывания в другой стране, американское правительство постепенно «привязывает» зарубежных студентов к культуре и традициям своей страны, вызывая высокий уровень симпатии и доверия по отношению к американским ценностям. Начало третьего тысячелетия ознаменовалось для США наращиванием международных образовательных программ для российской молодежи. Разработка новых образовательных стандартов, молодежных программ обмена стала приоритетной частью внешнеполитической деятельности США. Одной из ключевых структур, обеспечивающих реализацию проектов публичной дипломатии США в России, было Агентство международного развития (U.S. Agency for International Development, USAID). С 2002 г. проекты Агентства в России были сокращены по причине возникновения

проблем на Ближнем Востоке, укрепления государственности страны, а также усиления антиамериканских настроений в российском обществе. Вместе с тем Россия сохраняла значимое место в реализации проектов публичной дипломатии США.

Второй этап (2012–2013 гг.) был связан с запретом деятельности Агентства международного развития на территории России в 2012 году [3, с. 161]. Данное событие стало переломным в реализации США своего внешнеполитического курса и потребовало пересмотра существующих подходов к молодежным программам в России. С этого момента официальные отчеты о реализации образовательных проектов публичной дипломатии для российской молодежи стали тщательно скрываться правительством США от зарубежной аудитории. Последние отчеты о деятельности в России датируются 2013 годом, так как американское правительство направило свои усилия в сторону развития информационных и цифровых проектов.

Третий этап (2014–2021 гг.) стал результатом принятия решения президентом России В. В. Путиным о присоединении Крыма к Российской Федерации в 2014 году. Данное событие привело к нарастанию противоречий в российско-американских отношениях и принятию ряда санкций, направленных на ограничение возможности Соединенных Штатов вовлекать российскую молодежь в проекты публичной дипломатии. Помимо этого, Россия продолжила наращивать свое присутствие в сфере мирового вещания, что пошатнуло монополию США на распространение информации в мире и предопределило расширение проектов публичной дипломатии для русскоязычного населения в цифровом пространстве.

Четвертый этап (начиная с 2022 года) стал следствием проведения Россией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. США выдвинули ряд санкций в отношении России, предприняли комплекс мер, повлекших обострение двусторонних отношений в экономической, академической, культурной, научной и других сферах. В качестве ответной меры правительством России были введены санкции, запрещающие реализацию большинства образовательных и цифровых проектов публичной дипломатии США. Так Соединенным Штатам

был брошен вызов по поиску новых подходов к установлению диалога с российской молодежью и восстановлению своего авторитета в глазах молодежи России.

Образовательные и цифровые проекты публичной дипломатии США для молодежи России

В 1999 году Конгрессом США была утверждена программа «Открытый мир», направленная на организацию краткосрочных визитов в США для участников из России и стран СНГ. Целью программы стали развитие и укрепление взаимопонимания и сотрудничества между Российской Федерацией и Соединенными Штатами путем создания единой образовательной платформы для обмена опытом участников. Реализация программы была призвана обеспечивать положительное воздействие на участников из России и США, создавая возможности для дальнейшего профессионального роста молодых лидеров и развития деловых проектов. Программа Year of exchange in America for Russians (YEAR) открыла российской молодежи возможность годового обучения в высших учебных заведениях США для изучения особенностей функционирования системы образования, установления тесных связей и конструктивного взаимодействия с представителями местных сообществ, а также получения четкого представления о современном американском обществе. Future Leaders Exchange (FLEX) предоставляла российским учащимся возможность познакомиться с народом и культурой Соединенных Штатов Америки и представить культуру России своим американским сверстникам. Особенностью данной программы была возможность участия с 14 лет.

Наибольшим спросом у российской молодежи пользовались такие образовательные программы, как Global UGRAD и Fulbright. Fulbright — одна из самых старых образовательных программ публичной дипломатии США, созданная в середине прошлого века. Данная стипендиальная программа полностью компенсировала обучение на магистерских программах в университетах США. Помимо этого, в рамках программы предоставлялась возможность прохождения исследовательских стажировок для российских аспирантов и кандидатов наук. Основная цель стипендиальной

программы Fulbright заключалась в укреплении культурно-академических связей между народами США и других стран, улучшении взаимопонимания между странами. Участие в программе Global UGRAD предполагало обучение талантливых молодых лидеров на протяжении одного семестра в колледжах и университетах США, без получения диплома.

Поддержка развития дистанционного обучения также является инструментом взаимодействия США с российской молодежью. Это обеспечение открытого доступа к просмотру десятков бесплатных курсов, посвященных разным темам, областям исследований, с возможностью подключения субтитров на разных языках. Диппредставительства США сегодня активно поддерживают открытые курсы для обучения на таких информационных платформах, как Massive open online courses — MOOCs, Coursera, edX, Udacity, Open CourseWare. Продвижение изучения английского языка на территории России также является неотъемлемой частью работы Государственного департамента США. Одной из наиболее успешных программ по развитию навыков английского языка является микрогрантовая программа Access, ориентированная на молодежь в возрасте от 13 до 20 лет.

Стоит отметить, что одной из ключевых особенностей реализации образовательных проектов публичной дипломатии для молодежи России выступает их ограниченный доступ, поскольку многие программы имеют достаточно жесткие критерии отбора, что сужает возможности целевой аудитории массово принимать участие в американских программах.

Важным инструментом американской публичной дипломатии в России являются американские центры (American Corners, Spaces, Centers), осуществляющие деятельность при посольствах США. Особенность функционирования центров заключается в приглашении спикеров для ведения дискуссий по наиболее проблемным и востребованным вопросам граждан страны. Помимо этого, в рамках реализации проекта EducationUSA предоставляются бесплатные консультации по вопросам обучения в США и участию в образовательных проектах.

Особенностью реализации данного образовательного направления публичной дипломатии США выступает действующий

запрет правительства России на развитие американских центров и НКО на территории государства.

Характерной чертой американской публичной дипломатии является ее гибкость. Программа Cargill Global Scholars Program (CGSP) предоставляет финансовую поддержку для развития лидерства студентов старших курсов из Бразилии, Китая, Индии, Индонезии, России. Ключевой целью данного вида молодежных программ является создание глобальной сети лидеров, которые будут иметь решающее значение в развитии бизнеса, сельского хозяйства и продовольственной безопасности. CGSP поддерживает развитие лидерского потенциала студентов посредством проведения семинаров, сетевых мероприятий и индивидуальной программы наставничества при содействии волонтеров программы Cargill.

В цифровую эпоху все большую значимость играют информационные технологии, социальные сети и дистанционные открытые платформы. В данной связи важно рассмотреть инновационное направление публичной дипломатии — цифровую дипломатию (digital diplomacy) или дипломатию веб 2.0. (diplomacy web 2.0.). Данный инструмент США влияет на формирование общественного мнения и процессы принятия политических решений за рубежом. Цифровая дипломатия обеспечивает возможность американским государственным и негосударственным акторам доносить свое мнение до многомиллионной аудитории с минимальными издержками, а также получать мгновенную реакцию общественности и гибко реагировать на нее. Основными формами реализации цифровой дипломатии являются ведение блогов и страниц официальных лиц США, создание информационных каналов вещания, проведение онлайн-конференций с дистанционным участием высокопоставленных лиц Соединенных Штатов, а также поддержка диссидентов и оппозиционных блогеров. Информационный контент размещается в таких социальных сетях, как Facebook и Instagram (признаны экстремистскими организациями с марта 2022 года), Twitter и YouTube, которые охватывают широкие массы молодежи в России.

С 2015 г. возникло новое направление публичной дипломатии США, направленное на выстраивание диалога с российскими активистами и блогерами через Интернет. Для правительства США

особенно важной стала поддержка цифрового канала под названием «Настоящее время» (Current Time TV), новостные программы которого представляют альтернативный взгляд на все события, освещаемые в российских СМИ. Основную аудиторию зрителей составляют молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет. Тщательно подготовленный для российской молодежи материал зачастую формирует антиправительственные настроения, направленные на дестабилизацию общественного порядка. На данный момент информационная программа новостного канала Current Time предлагает значительный новостной блок и развлекательные программы, цель которых сводится к продвижению демократических ценностей и борьбе с пропагандой в России.

Еще одним результативным направлением цифровой дипломатии США можно считать развитие блогерства. На фоне волны протестов в арабских государствах стали появляться первые школы блогеров. В 2012 году успешный старт был дан информационному проекту Open School for Responsible Bloggers (OSRB), главная цель которого заключалась в создании групп блогеров в России на местном, региональном и федеральном уровнях для продвижения идей демократии и защиты прав человека. Позже для взаимодействия с российской молодежью была создана Школа гражданского лидерства, программа которой включала возможность участия в очных лекциях ведущих экспертов по экономике, праву, политике. Участники очных семинаров и лекций получали возможность обмениваться опытом с коллегами и экспертами, а также обсуждать актуальные проблемы активизма в России для их дальнейшего решения. Детальная информация о данном проекте размещена в официальных аккаунтах Twitter и Facebook (признаны экстремистскими организациями с марта 2022 года) под хештегом #CiviLeaders129.

Правительство США прикладывает большие усилия по созданию культуры активизма в сети Интернет. В данной связи активизацию подписки российской молодежи на аккаунты президента США, правительственных учреждений и образовательных программ можно считать одним из направлений цифровой дипломатии США. Социальные сети с каждым днем завоевывают все большую молодежную аудиторию, предлагая новые способы взаимо-

действия политической власти и общества. Власть становится все более доступной и достигаемой для молодых активистов из России.

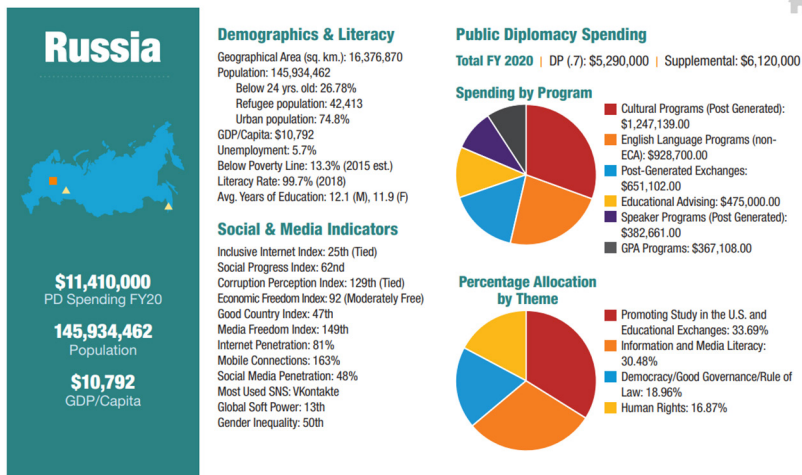

Рисунок 2. Финансирование проектов публичной дипломатии США в России в 2020 году [2, с. 199]

Таким образом, в реализации цифровых проектов публичной дипломатии США в отношении российской молодежи можно выделить несколько особенностей. Во-первых, цифровые проекты включают несколько направлений: 1) взаимодействие с блогерами; 2) формирование альтернативных точек зрения на политический курс России; 3) содействие в развитии гражданского общества; 4) вовлечение молодежи России в прямой диалог с политическими лидерами США. Во-вторых, образовательные и цифровые программы направлены на молодежь России в возрасте от 14 до 35 лет.

Трансформация программ публичной дипломатии США для российской молодежи в 2022 году

Начало 2022 года ознаменовалось коренными изменениями на международной арене. Так, в результате принятия решения пре-

зидентом России В. В. Путиным о проведении специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины в феврале 2022 года в российско-американских отношениях произошел новый виток кризиса. Правительством США был реализован пакет санкций, направленный на «блокаду» устойчивого социально-экономического развития России. Помимо этого, американские каналы вещания стали продвигать ложную информацию о российской операции, продвигая негативный месседж среди российской молодежи через социальные сети, в частности, через Facebook и Instagram¹. Массовое распространение ложных фактов, призывы молодежи к участию в антиправительственных акциях и другие действия повлекли ответные санкции со стороны России. В первую очередь, наиболее популярные среди российской молодежи социальные сети (Instagram, Facebook) были признаны экстремистскими и получили блокировку на территории России, что подорвало возможность выстраивания диалога с молодежью России через официальные страницы американских политических ведомств и личные страницы американских политических лидеров. Вторым этапом ответных санкций стало приостановление деятельности сайтов американских образовательных программ (FLEX, YEAR, Global UGRAD, Fulbright и других). Стоит отметить, что если в марте официальное представительство программы Fulbright в России заявляло о продолжении деятельности вне зависимости от политической ситуации в мире, то в начале апреля страница программы для россиян была заблокирована, а офис представительства в Москве закрыт.

Запрет на реализацию в России наиболее успешных проектов публичной дипломатии США стал настоящим вызовом для установления диалога с российской молодежью. Сегодня перед американским правительством стоит стратегическая задача по трансформации подходов к реализации молодежных программ публичной дипломатии США в России. Разработка новой стратегии может занять от нескольких месяцев до года. В данных условиях стоит ожидать, что в новой стратегии публичной дипломатии США в отношении России будет сделан акцент на развитии цифро-

¹ Признаны экстремистскими организациями с марта 2022 года.

вых проектов, направленных на всестороннее вовлечение молодежи в диалог. Тема украинского кризиса будет использоваться США как «болевая точка» для освещения в интернет-пространстве и привлечения внимания российской молодежи с антиправительственными настроениями. Вместе с тем, российское правительство только за первые два месяца проведения спецоперации предприняло жесткие ограничивающие действия в отношении ведущих цифровых площадок вещания. Высока вероятность того, что следующим шагом станет частичное ограничение или полное закрытие площадки YouTube, на которой сегодня размещаются наиболее известные пропагандистские американские каналы цифрового вещания — «Настоящее время», «Радио Свобода» и другие.

Еще одним возможным направлением публичной дипломатии США в отношении российской молодежи может стать реализация проектов международной молодежной дипломатии, под которой следует понимать инструмент сближения молодежи по всему миру с целью сохранения и продвижения традиционных ценностей, культуры за рубежом, а также мирного разрешения конфликтных ситуаций между государствами [4, с. 129]. В рамках данного направления США будут стремиться к созданию международных площадок на нейтральных территориях с возможностью вовлечения не только российской молодежи, но и молодежи из других государств для обсуждения и разработки решений наиболее острых глобальных проблем.

Выводы

По результатам проведенного исследования получены следующие выводы. Во-первых, Россия занимает приоритетное положение в публичной дипломатии США, подтверждением чего служит ежегодное увеличение финансирования программ для российской молодежи. Во-вторых, до начала 2022 года приоритетными направлениями публичной дипломатии США для молодежи России были образовательные (FLEX, YEAR, Global UGRAD, Fulbright и другие) и цифровые проекты (Open School for Responsible Bloggers, Cargill Global Scholars Program, Current Time). В-третьих, после начала спецоперации России на Украине был новый кризисный этап рос-

сийско-американских отношений, предопределивший коренные изменения существующих подходов к реализации проектов публичной дипломатии США для российской молодежи.

Библиография

1. *Фоминых А. Е.* «Мягкая мощь» обменных программ / А. Е. Фоминых // *Международные процессы.* 2008. № 16. С. 76–85.
2. 2021 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting // Official site of U.S. Department of States. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/2021-ACPD-Annual-Report-508-WEB.pdf> — 20.04.2022.
3. *Цветкова Н. А.* К вопросу о создании программ международного развития в публичной дипломатии России: деятельность USAID в зарубежных странах / Н. А. Цветкова, Г. О. Ярыгин, И. А. Антонова // *Вестник СПбГУ.* 2014. № 1. С. 154–163.
4. *Зацена Е. И.* Развитие молодежной дипломатии Шри-Ланки в послевоенное время 2009–2019 гг. // *Сборник докладов участников I международной научно-практической конференции Social Science.* 2019. С. 129–132.

Короваикина Елизавета Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Процесс принятия внешнеполитических решений РФ и США как фактор противоречий в двусторонних отношениях

**Foreign Policy Decision-Making in Russia and the USA as a
Factor of Contradiction in Bilateral Relations**

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка выявить роль механизма выработки внешнеполитических решений в противоречий двусторонних отношений России и США. Для осуществления поставленной цели был рассмотрен механизм разработки внешнеполитических решений отдельно в США и в России. Далее был проанализирован конфликт 2014 года, а именно то, как вырабатывались решения в ходе конфликта как со стороны Российской Федерации, так и со стороны США. На основе сравнительного анализа номинального и эффективного процесса выработки внешнеполитических решений автор делает вывод о том, какую роль в противоречий двусторонних отношений играет механизм выработки внешнеполитических решений.

Ключевые слова: процесс принятия внешнеполитических решений, санкции, 2014 год, двусторонние отношения, США, Россия, Совет безопасности РФ, Совет национальной безопасности США.

Abstract. This article aims at formulating the role of the process of decision-making as a reason of contradiction in bilateral relations between the Russian Federation and the USA. To achieve that, the author has scrutinized the mechanism of foreign decision-making in both states. Further, the conflict of the 2014 was analyzed especially the peculiarities of the process of decision-making during the conflict. Due to nominal and effective aspects of the decision-making, the comparative analysis has been conducted. The author describes the place that the process of decision making takes in contradictive relations between Russia and The USA.

Keywords: the process of decision-making, sanctions, 2014 year, bilateral relations, the USA, Russia, The Security Council of Russian Federation, The United States National Security Council.

Введение

Современные двусторонние отношения Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки характеризуются достаточно большим пластом противоречий. Многие из этих противоречий складывались исторически: вторая половина двадцатого века ознаменовалась холодной войной между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки — идеологическим, политическим, экономическим и военным противостоянием в условиях биполярного мира. Соответственно, именно Советский Союз и Соединенные Штаты Америки оказывали наиболее сильное влияние на международную обстановку, мировой порядок. После завершения холодной войны был период однополярности — решающее слово оставалось за Соединенными Штатами Америки [1]. В этот период Российская Федерация, как правопреемница распавшегося Советского Союза, выстраивала новую идентичность, политическую и экономическую систему, сосредотачивая свое внимание на аспектах именно внутренней политики, нежели внешней [2]. Однако с укреплением и политического строя, и экономической системы Российская Федерация начала принимать активное участие в международной политике и стала проводить более суверенную и независимую политику, бросая вызов устоявшейся системе *Pax Americana* — американской гегемонии. Начиная с 2008 года можно говорить о том, что отношения Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации постепенно усложнялись, противоречия развивались, принимая новые черты. В современной обстановке противоречия в двусторонних отношениях являются конструктом из множества факторов, например, различий в работе политических институтов, гражданской культуры, культуры принятия внешнеполитических решений, фигуры президента, политических элит [3].

Целью настоящего исследования является выявление различий в работе механизмов принятия внешнеполитических реше-

ний, а также выявление степени влияния данных различий на двусторонние отношения между Россией и США. Для достижения поставленной цели были выделены следующие задачи:

1. Рассмотреть процесс принятия внешнеполитических решений в Соединенных Штатах Америки;
2. Рассмотреть процесс принятия внешнеполитических решений в Российской Федерации;
3. Провести сравнительный анализ на примере конфликта 2014 года и выявить черты сходства и различия в процессе выработки внешнеполитических решений;
4. Определить степень влияния сходств и различий в процессах принятия внешнеполитических решений в России и США на противоречия в двусторонних отношениях.

Процесс принятия внешнеполитических решений в Соединенных Штатах Америки

Механизм выработки внешнеполитических решений в США характеризуется отлаженной работой системы «сдержек и противовесов», в рамках которой происходит своеобразный «торг» и поиск компромисса между всеми ведомствами и политическими фигурами.

Во-первых, главным департаментом, созданным для принятия внешнеполитических стратегий и развития векторов внешней политики в Соединенных Штатах Америки, является Совет национальной безопасности. Данный орган является консультативным органом при президенте. Основная функция Совета национальной безопасности, как сказано в законе США: «Давать президенту рекомендации, касающиеся интеграции внутренней, внешней и военной политики, связанной с национальной безопасностью, с целью более эффективного сотрудничества военного ведомства и других министерств и агентств правительства в делах, имеющих отношение к национальной безопасности» [4]. Основная реформа Совета национальной безопасности произошла при администрации президента Барака Обамы: слияние Совета внутренней безопасности и Совета национальной безопасности. Благодаря данной реформе два ведомства были объединены в единый орган [5,

р. 88–89], что повысило эффективность его работы. Руководителем Совета национальной безопасности является советник по национальной безопасности, который имеет достаточно широкую автономию: в его обязанности входит формирование межведомственных комиссий, а также собственной позиции по внешнеполитическим вопросам. Задача межведомственных групп, постоянных и временных, заключается в комплексной разработке векторов внешней политики, связанных напрямую с природой ведомств. Помимо президента и советника по национальной безопасности в состав Совета национальной безопасности также входят: государственный секретарь, вице-президент, глава Пентагона, председатель Объединенного комитета начальников штабов и директор ЦРУ. Каждый из представленных членов формирует собственную позицию по каждому внешнеполитическому аспекту.

Во-вторых, еще одним важным органом, участвующим в процессе принятия внешнеполитических решений, является Конгресс США. Конгресс США — законодательный орган, однако в рамках осуществления внешнеполитического курса данный орган имеет своеобразную «власть кошелька» [6, р. 100–105]: бюджетные средства, израсходованные исполнительной властью, должны быть ассигнованы Конгрессом. Конгресс может открыто объявить о прекращении финансирования того или иного вектора политики. Именно таким образом Конгресс может продемонстрировать несогласие с политикой президента. Власть Конгресса в процессе принятия внешнеполитических решений может иметь разную степень: зачастую в период «затишья» Конгресс практически не вмешивается во внешнюю политику, однако в моменты кризиса Конгресс набирает силу. Еще одним рычагом давления Конгресса является лоббизм. Именно законодательный орган наиболее сильно подвержен влиянию посредников, представляющих интересы тех или иных групп влияния, защищающих свои интересы. Помимо этого, законодательный орган Соединенных Штатов Америки является отражением настроений политических элит и других групп населения. Любые изменения внешнеполитической повестки находят свое отражение в позиции Конгресса.

Таким образом, выработка внешнеполитического решения в Соединенных Штатах Америки осуществляется через согла-

сование позиций множества ведомств и политических фигур, в этом и заключается отлаженная система «сдержек и противовесов». Еще одной чертой выработки внешнеполитических решений является характер взаимодействия ведомств и политических фигур: отсутствие жесткой вертикали власти. Любое внешнеполитическое решение является результатом серьезных торгов и компромиссов между всеми ведомствами и политическими фигурами. Помимо этого, механизм разработки внешнеполитических решений Соединенных Штатов задействует достаточно большой пласт политических фигур, глав политических ведомств, депутатов и представителей политических элит, лоббистов.

Процесс принятия внешнеполитических решений в Российской Федерации

Процесс принятия внешнеполитических решений в Российской Федерации носит более закрытый характер. Основным ведомством, которое разрабатывает внешнеполитические решения, является Совет безопасности Российской Федерации. Совет безопасности Российской Федерации — государственный консультативно-совещательный орган, осуществляющий подготовку решений президента Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности, организации обороны, военного строительства, оборонного производства, военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, по иным вопросам, связанным с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости и территориальной целостности Российской Федерации, а также по вопросам международного сотрудничества в области обеспечения безопасности. Председателем Совета безопасности РФ является Президент РФ. Состав постоянных и временных членов Совета безопасности формируется президентом. Президенту также подчинен секретарь — формальный глава Совета безопасности, однако все заседания проводятся председателем Совета безопасности. Задачей секретаря Совета безопасности Российской Федерации является информирование президента о работе Совета, а также предоставление ему ежегод-

ного доклада о положении дел во внешнеполитическом векторе развития. В рамках деятельности Совета безопасности по инициативе президента формируются различные межведомственные комиссии, которые создаются для решения вопросов внешнеполитического характера. Порядок разработки и принятия решений в межведомственных комиссиях и Совете безопасности непосредственно, согласно Конституции РФ, «определяется председателем Совета безопасности».

Таким образом, президент определяет основные направления внешней политики России, от него напрямую зависит положение России на международной арене [7, р. 12]. Государственный орган, созданный для реализации внешней политики России, носит совещательный характер, решения разрабатываются в «порядке, определяемом председателем Совета безопасности». На основе вышеперечисленных факторов можно сделать вывод о том, что полномочия президента в разработке внешнеполитических решений ограничены слабо: фактически выстроена достаточно сильная вертикаль принятия и разработки внешнеполитических решений.

На основании вышеизложенных положений о процессе принятия внешнеполитических решений в США и России можно сделать ряд выводов.

Во-первых, форма принятия внешнеполитических решений имеет ряд сходств: в обоих государствах существует специальный орган по выработке внешнеполитических решений, должности председателя и секретаря, формируются межведомственные комиссии по выработке решений.

Во-вторых, сам процесс принятия решений имеет серьезные отличия. В США сложилась система «сдержек и противовесов», которая слаженно работает и тем самым создает более «горизонтальный» процесс выработки внешнеполитических решений, так как любое решение любого ведомства или политического лица может быть заблокировано другим лицом или ведомством. Таким образом, любое внешнеполитическое решение, прежде чем быть разработанным и представленным, проходит серьезный процесс «торга» и поиска компромисса. Иная система действует в Российской Федерации. В выработке внешнеполитического ре-

шения в России сложилась жесткая и обособленная вертикаль власти: так или иначе все сводится к решению президента, который является председателем Совета безопасности и волен сам определять порядок принятия внешнеполитических решений.

В-третьих, еще одной чертой различия в процессе разработки внешнеполитических решений является открытость, прозрачность процесса. В Российской Федерации работа Совета безопасности не афишируется: заседания проходят в закрытом формате, механизм разработки и принятия решений является закрытым от общественности. Иная ситуация наблюдается в Соединенных Штатах Америки, где процесс принятия внешнеполитических решений достаточно открыт и прозрачен.

В-четвертых, несмотря на то, что формы принятия внешнеполитических решений в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки схожи, в соотношении власти и масштабности вовлечения в процесс политической элиты также есть ряд отличий. Количество присутствующих, которые могут иметь голос на заседаниях Совета безопасности Российской Федерации, варьируется от десяти до пятнадцати человек, в зависимости от политической повестки и приказа президента. В процессе выработки внешнеполитических решений в Соединенных Штатах присутствует гораздо большее количество политических фигур, представители политической элиты, и даже лоббисты могут оказывать определенное влияние.

Сравнительный анализ процесса принятия внешнеполитических решений на примере конфликта 2014 года

Конфликт 2014 года достаточно ярко иллюстрирует разницу в процессе выработки внешнеполитических решений в России и США.

Так, решение о проведении референдума в Крыму выработывалось сверхсекретно, в рамках работы Совета безопасности РФ. Процесс принятия данного решения носил закрытый и быстрый характер: члены Администрации Президента не принимали участие в разработке данного решения, для многих представителей

политических элит решение носило неожиданный характер, так как в политических кругах и не подозревали о разработке такового.

Ответ Соединенных Штатов Америки был незамедлительный: еще до проведения референдума в Крыму Конгресс США начал разработку двух законопроектов по инициативе обеих палат: и Сената, и Палаты представителей. Несколько дней спустя Барак Обама одобрил оба законопроекта [8], а также подписал указ о введении санкций против лиц и компаний, участвовавших в действиях на Украине. Далее, после заседания Совета национальной безопасности Соединенных Штатов Америки, Департамент казначейства по своей инициативе и поручению Барака Обамы занялся расширением пакета санкций. С момента введения первого указа и расширения пакета санкций прошел достаточного продолжительный промежуток времени — почти месяц. Все инициативы законодательной власти и заседания Совета национальной безопасности сопровождалось сотрудничеством с прессой и громкими заявлениями Администрации Президента. В данном случае видно, как система «сдержек и противовесов» была достаточно единогласна в вопросе ввода санкций против России, однако, в силу специфики горизонтально выстроенного процесса принятия внешнеполитических решений, открытого процесса и достаточного широкого круга лиц, вовлеченных в принятие внешнеполитических решений, разработка решений заняла достаточно долгий промежуток времени.

Таким образом, на основе конфликта 2014 года виден ряд отличий в процессе разработки внешнеполитических решений России и США.

Одним из критериев различий является фактор вовлечения политических элит. В Соединенных Штатах Америки в рамках разработки проекта санкций принимало участие гораздо большее число политических элит, нежели в Российской Федерации. Многие из политических элит Соединенных Штатов обозначали свои позиции в прямых заявлениях прессе. В России же разработка решения принималась ограниченным кругом политических лиц на заседании Совета безопасности.

Другим критерием различий является прозрачность процесса. В США процесс разработки санкций освещался прессой, решения,

выработанные на основе заседаний, были прозрачны и открыты, в отличие от России, где заседание проводилось в режиме «сверхсекретно».

Третьим критерием различий в процессе принятия решений является продолжительность. Решение о проведении референдума в РФ было принято практически молниеносно, в то время как разработка санкций в США заняла достаточно продолжительное время.

Вывод

На основе вышеизложенных фактов можно сделать ряд выводов.

Во-первых, разница в процессе принятия внешнеполитических решений в России и США имеет как формальные, так и существенные различия, которые характеризуются рядом факторов: продолжительностью, вовлеченностью политических элит, степенью открытости процесса, характером взаимодействия различных ведомств и принятия решений.

Во-вторых, разница процесса принятия внешнеполитических решений может быть почвой для недопонимания. Соединенные Штаты Америки часто упрекают Россию в чрезмерной секретности при разработке решений, что становится темой для спекуляций и антиправительственной пропаганды. Однако данный процесс работает и в другую сторону: Российская Федерация обвиняет Соединенные Штаты в чрезмерной «медийности» процесса принятия политических решений, громких лозунгах и т.д. Тема функционирования политических институтов и их различия в двух странах также является элементом взаимного недопонимания.

В-третьих, помимо того, что процесс выработки внешнеполитических решений может стать своеобразной почвой для пропаганды, данный процесс является наглядной иллюстрацией в различии работы политических институтов, взаимодействии ветвей власти и построении политического процесса. Таким образом, процесс принятия внешнеполитических решений является своеобразной кульминацией всех источников противоречий и скорее наглядно их иллюстрирует, нежели является прямым источником

противоречий. Особую роль в данном контексте играет культура принятия внешнеполитических решений: в Российской Федерации, исходя из культурных, политических и исторических особенностей развития и набора идентичностей, принято, что внешнеполитические решения, как особо важный и значимый аспект политики, вырабатываются узкоспециализированным составом. Несмотря на то, что законодательные органы по официальным документам имеют определенные полномочия в вопросах внешней политики, их обязанности и возможности довольно размыты. Также в Российской Федерации не принято привлекать лоббистов, широко вовлекать политические элиты. В Соединенных Штатах Америки сложилась противоположная ситуация: для того, чтобы система «сдержек и противовесов» эффективно функционировала, обязательно привлечение множества департаментов и ведомств, политических элит и законодательной власти. Так или иначе, механизм выработки внешнеполитических решений является отражением не только политических процессов внутри государства, но и противоречий двух систем.

Библиография

1. Батюк В. И. Режимы в российско-американских отношениях // Вестник РУДН. 2007. № 1. С. 55–66.
2. Андрюшева Е. В. Современная российская внешняя политика в условиях международных кризисов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2016. № 1. С. 165–188.
3. Кочетков В. В. Концептуальные подходы и теоретические модели процессов принятия внешнеполитических решений: критический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2008. № 3. С. 100–112.
4. U.S. Code. Title 50 — War and National Defense. Washington, 1983. P. 402.
5. Бедрицкий А. В. Реформирования системы национальной безопасности США при президенте Б. Обаме // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3. С. 80–97.
6. Безруков А. Э. Механизм принятия внешнеполитических решений в США: между национальным и частным интересом // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 5. С. 98–106.

7. *Искендеров С. А.* Влияние институтов президентства и личностей глав государств России и США на отношения двух стран на современном этапе // *Социально-политические науки*. 2018. Вып. 4. С. 10–15.
8. *Воловик А. В.* Санкции США в ответ на воссоединение России и Крыма // *Политология. Вестник РМАТ*. 2017. № 3. С. 21–25.

Kurlaeva Aleksandra

Saint Petersburg State University

School of International Relations

Master's degree

Role of the US Diplomatic Mission in Moscow in the Formation of American Postwar Foreign Policy towards the USSR (1945–1946)

Роль дипломатической миссии США в Москве в формировании американской послевоенной внешней политики в отношении СССР (1945–1946 гг.)

Аннотация. В данной статье автор стремится определить роль дипломатической миссии США в Москве в формировании американской внешней политики в отношении СССР и степень влияния главы посольства У. А. Гарримана на развитие советско-американских отношений в конце Второй мировой войны. Для достижения поставленной цели автором была изучена личность Гарримана с точки зрения его взглядов и опыта работы в СССР в качестве посла, а также специфика его дипломатии. Автор приводит характеристику советско-американских отношений в 1945–1946 гг. и делает акцент на отношении посла США к СССР и Сталину. Изучив все необходимые аспекты, автор формирует выводы о том, какую роль играли дипломатическая миссия и глава посольства США в Москве в формировании американской послевоенной внешней политики в отношении СССР.

Ключевые слова: дипломатия, внешняя политика США, советско-американские отношения, послы США, Вторая мировая война, холодная война.

Abstract. In this article, the author seeks to determine the role of the US diplomatic mission in Moscow in the formation of American foreign policy towards the USSR and the level of influence of the Embassy head W. A. Harriman on the development of Soviet-American relations at the end of World War II. To achieve this aim, the author studied the personality of Harriman, in terms of his views and experience in the USSR as an American ambassador, as well as the specifics of his diplomacy. The author gives a description of the Soviet-American relations in 1945–1946 and focuses on the attitude

of the US ambassador to the USSR and Stalin. Having studied all the necessary aspects, the author draws conclusions about the role played by the diplomatic mission and the head of the US Embassy in Moscow in the formation of American post-war foreign policy towards the USSR.

Keywords: diplomacy, US foreign policy, Soviet-American relations, US ambassadors, World War II, Cold War.

Introduction

Bilateral relations between Russia and the United States are of great interest today, both for researchers and the world community, primarily Russian and American. In this regard, it is important to study the dynamics of development of Russian-American cooperation, analyzing the history of Soviet-American relations first. Secondly, in contemporary international relations, the role of personality is far from the last place. Currently, politicians, heads of states and diplomats attract more and more interest. It is not only about their professional activities, but also about their biography, the history of appointment to a particular post, their thoughts and feelings. This part of history is hidden from us, but it helps to trace the continuity of generations and gives the reasons for actions of many current politicians. Therefore, studying the history of Soviet-American relations, it is necessary to focus on the work of the American embassy in Moscow and on the specifics of A. Harriman activity, as an example of a diplomat who managed to make an important contribution to the history of international relations, as well as to the work of his predecessors and successors. By focusing on the study of the role of American ambassadors in the development of Soviet-American relations, we can see that often the subjective assessment of a certain diplomat influences the process of making decisions that formed the international relations within which contemporary Russia exists today. Therefore, the study of the role of personality in history seems to be one of the most important and relevant topics for study.

The aim of this research is to determine the role of the US diplomatic mission in Moscow, especially the head of the embassy, in the formation of American post-war policy towards the USSR in 1945–1946.

To achieve this aim, the following objectives were set by the author:

1. Determine the key qualities of William Averell Harriman in terms of his views, attitude towards the USSR and experience of diplomatic work in Moscow as the US ambassador;
2. Describe the period of Harriman's work as the head of the US diplomatic mission in Moscow, determine his achievements;
3. Identify changes in the work and position of the heads of the US diplomatic mission in Moscow today by providing a comparative analysis;
4. Reveal the level of influence of the activities of US diplomatic mission and the embassy head on the process of forming the US foreign policy towards the USSR in 1945–1946.

The work of US diplomatic mission in Moscow headed by W. A. Harriman

Studying the role of the personality in the history of international relations, we should focus on the work of the American ambassador to Moscow, William Averell Harriman, and on the specifics of his work, as an example of a diplomat who made an important contribution to the history of Soviet-American relations, and whose negotiating style inspires contemporary diplomats.

In 1943, Roosevelt appointed Harriman ambassador to the USSR. The new US ambassador was often received by Soviet leaders. From time to time, he visited Stalin with messages from Roosevelt, which helped to consolidate his official contacts with the Soviet leadership. The intelligence service, quoting a senior US government official, said: "Harriman was a very good choice for the role of ambassador to the USSR. He is a sober-minded person who gets along well with people. Moreover, he is one of the few whom Stalin can call his friend abroad" [1, p. 5]. The ambassador was inspired by his appointment and believed that the US diplomatic mission in Moscow at that time should do everything to contribute to the successful prosecution of war and positively influence post-war cooperation between the powers. During Harriman's mission in the USSR as ambassador, the United States sent significant assistance to the Soviet Union for war against Nazi Germany. Soon Harriman began not only to negotiate on behalf of his state, to provide information, but also to promote his ambitious projects regarding US-Soviet cooperation.

One such proposal was a project to provide the Soviet Union with a loan to buy American goods and equipment after the war. Being not only a professional diplomat, but also an experienced businessman, Harriman understood that this would help solve the economic problems of the USSR after the war. Harriman saw the provision of loan to the USSR as helping the American economy, namely, obtaining a share in the Soviet post-war business, and strengthening ties with the USSR [2, p. 1034]. The development of military cooperation was another area in which the ambassador played a significant role and went to great lengths.

Harriman understood that the United States and the Soviet Union needed to find a common language and maintain friendly relations until the final defeat of Nazi Germany. “Give, give and give without expecting a return! No thoughts of getting anything in return!” — Harriman instructed the delegations arriving for negotiations in Moscow from Washington. At that time, negative trends were increasingly felt in the relationship between Moscow and London. Harriman tried to improve relations between the USSR and Great Britain, at a time when W. Churchill and A. Eden started talking about “the impossibility of dealing with the Russians”. Later, it was Harriman who accused Britain of undermining the policy of cooperation with the USSR after the war.

The US diplomatic mission in Moscow worked successfully under the leadership of Harriman. Diplomats respected the head of the embassy and he even the young staff scared of him, as he was a prominent diplomat and highly respected in the White House. Harriman’s positive attitude towards establishing and maintaining friendly and mutually beneficial relations with the Soviet Union was reflected on other embassy diplomats and everyone understood the importance of cooperation with the Kremlin.

“Crocodile” of American diplomacy

Speaking about the professional qualities of the head of the US diplomatic mission in Moscow, it should be noted that the heads of the two great powers listened to his advice and personal opinion. Not every US ambassador in Moscow has succeeded. Harriman skillfully coped with his duties, moreover, he did not seek to look in the best light for someone, and he always remained himself and had his own opinion.

The ambassador was a professional diplomat and had his own unique negotiating style. Many professional diplomats were afraid to participate in negotiations with Harriman, because his charisma and firmness of speech did not allow others to say something across. For example, the US ambassador to Congo once said, "In negotiations with him, I was scared to death most of the time..." [3]. He was called the "crocodile" because he "bites off" any arguments and objections of the opponent. His strong character and experience in big business helped him in Moscow, because he understood not only the political but also the economic agenda. The ambassador knew how to present reports from the United States in such a way that Stalin would consider them beneficial for the Soviet state, although, in fact, they were not. Roosevelt considered Harriman to be very charismatic. He hoped that Harriman could lay the foundation for a personal friendship between him and Stalin. Harriman was impressed by the offer to become the US ambassador to the USSR. Harriman was used to doing big deals. If business, so big business; politics, so big politics; if work in foreign state, then in a big state [4, p. 1105].

Relations between A. Harriman and I. Stalin

It is also necessary to analyze Stalin's attitude towards the US diplomatic mission in Moscow and the heads of the embassy in particular. Stalin had a special attitude to the American ambassadors to Moscow. For example, Stalin disliked Bullitt, Steinhardt and Standley. He knew that they felt it necessary for the US to take a tougher position towards him. He could neither kill them, nor order them to be imprisoned, nor tortured to death, nor executed [5, p. 102]. All he could do was pressure Roosevelt to replace his ambassadors, and he did. But he was afraid of Harriman, because he knew about a much closer personal relationship between Harriman and Roosevelt than was the case in the case of other ambassadors.

The same can be said about the attitude of the ambassador Harriman towards Stalin. Harriman did not admire him, but respected him. Harriman quickly realized that Stalin was the only person in the system he created who made important decisions, and personal contact with him was the decisive factor. Harriman wrote in his memoirs that those who did not know Stalin personally saw him only as a tyrant,

while he saw him from the other side: “His high intelligence, his fantastic grasp of details, his insight and amazing human sensitivity, which he showed, at least during the war years,” the ambassador said. Once, Soviet intelligence intercepted one of the speeches that took place at the US National Press Service. Despite not the most accurate translation, the received material flattered the Kremlin. It was the speech of A. Harriman, in which he praised “very capable people”, officers of the Red Army, Soviet workers and engineers, “good staff”, and especially he singled out the commander-in-chief. He said, “I have never met a man who kept in his head such an extraordinarily large store of facts and information... He knows every weapon in every factory... He knows what tactics the Germans use and why... I am sure that he is the main military thinker in the USSR and that he directs his war. I am sure that the USSR will fight as long as they have weapons. I believe that we must enter this war and the sooner the better” [6, p. 25]. At the beginning of his work in Moscow, Harriman caught himself thinking that he had learned to understand, to “read” him, but he was mistaken. After several dozen meetings with him over the course of four years, he still could not find an explanation for one or another point. For example, that incredible magnetism of Stalin’s personality, as Harriman said, which hovers in the USSR. Harriman recalled: “Others who did not know Stalin personally saw him only as a tyrant. I saw him from the other side: his high intelligence, his fantastic understanding of details, his insight and amazing human sensitivity, which he showed, at least during the war years. I found him far better informed than Roosevelt, more realistic than Churchill; in some ways even the most effective of military leaders... But I must confess that for me Stalin’s character remains the most incomprehensible and contradictory character I have known” [7, p. 535].

Changes in the work of the US diplomatic mission and Harriman’s policy towards the USSR

Unfortunately, by the end of 1944, after the failure of the Warsaw Uprising, Harriman’s attitude towards the Soviet regime changed dramatically [8, p. 38]. The ambassador became disillusioned with the Soviet government, as well as the first ambassador W. Bullitt in the first years after the diplomatic recognition of the USSR by the

USA, and began to negotiate in a tougher manner. He also wrote in his diaries that if the United States did not get down to business, the Soviet Union would become the main disturber of world peace wherever its interests were affected [9]. After the death of Roosevelt in 1945, Harriman was sure that the new president, H. Truman, would follow the policy of his predecessor. As Harriman later retold, Stalin met him with mournful silence and did not let go of his hand for thirty seconds. "President Roosevelt is dead," said Stalin, "but his work must be continued. We will support President Truman" [10, p. 57]. Stalin was very interested in whether US foreign policy would change due to a change in president. Harriman said: "Truman is a man of action who will surely please Marshal Stalin". The ambassador himself, at that time, was not yet familiar with the new president. Roosevelt's death forced Truman, far from foreign policy issues, to quickly act on the world scene. The result of new president policy was the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki, and then the American administration chose a strategy to confront the USSR. And since the State Department paid special attention to the Soviet direction, Harriman turned out to be almost the main assistant to President Truman. Moreover since the State Department paid special attention to the Soviet direction, Ambassador Harriman turned out to be almost the main assistant to President Truman. Stalin's special attitude towards Harriman also changed. Stalin held Harriman responsible for the deterioration of Soviet-American relations after Roosevelt's death. Changes in Harriman's policy were reflected in the work of the entire diplomatic mission as a whole. Diplomats have become skeptical about their work in Moscow and more wary of communicating with Kremlin officials. Moreover, changes in Harriman's personal attitude towards the USSR and Stalin fueled Truman's already aggressive course towards the Soviet State. Truman headed for a confrontation with the Soviet Union, and later the hope for post-war cooperation gave way to the Cold War.

Nevertheless, whether Truman or Roosevelt, Harriman took an active part in resolving the problems that arose between the US and the Soviet Union. Certainly, he advised the presidents what he personally desired, however, Harriman objectively assessed the situation and insisted on maintaining friendly relations between the two powers, since from his point of view this was undoubtedly beneficial primarily

for the United States during that period. Ultimately, Harriman's work was judged differently. The United States recognized Harriman's merits in Moscow and his contribution to forming foreign policy towards the USSR with a high honor medal back in 1946, but the Kremlin "waited" for almost forty years to award Harriman the Order of the Great Patriotic War, first degree in 1985 [11, p. 277].

Heads of the US diplomatic mission in Moscow today: "Kings or Pawns"?

Comparing with today, we can see a noticeable difference in the level of influence of the US diplomatic mission in Moscow on the formation of American foreign policy towards Russia. Today we see that the ambassadors are no longer given due attention, they have become an instrument of foreign policy. The White House does not seek to send to Moscow a person who knows Russia well nor is an outstanding diplomat. J. Huntsman (2017–2019) did not speak Russian, was not a prominent diplomat, and was not an expert on Russia. This important criterion no longer plays a role for the ambassador in Moscow. The current US ambassadors "have no voice of their own"; their influence on US-Russian relations is practically invisible. Moreover, they openly declare that they are following the instructions of the White House. For example, the current US ambassador in Moscow J. Sullivan has stated that he considers it his priority and absolute necessity to ensure joint work between the United States and Russia. However, later in the interview it turned out that these were not his personal ideas and desires. He said it was US President Donald Trump who had instructed him to do "everything in my power to try to improve relations between the United States and Russia". That is, modern ambassadors do not offer their ideas for improving relations; they no longer have the independence to conduct business on their own. However, US Ambassador M. McFaul (2012–2014) was an exception, and his diplomacy was similar to that of Harriman. He promoted his policy of resetting relations with Russia; he knew Russia and its government well. His approach to Putin was very similar to Harriman's approach to Stalin. Nevertheless, he failed to influence the formation of US foreign policy. Moreover, the Russian Ministry of Foreign Affairs

said that the ambassador showed absolute professional unsuitability and failed his diplomatic mission. Surprisingly, even the ambassadors who were disliked by Stalin and G. Kennan, who was expelled from the country and declared *persona non grata*, were not honored with such loud statements.

Conclusion

On the example of William Averell Harriman, we can see that the heads of the two great powers listened to his advice and personal opinion. Not every US ambassador in Moscow has succeeded. The US diplomatic mission in Moscow headed by Harriman played an important role in the formation of US foreign policy towards the Soviet Union during the war and post-war period. Obviously, not all ambassadors made an important contribution to history; some of their work even had a negative impact on Soviet-American relations. This article focused on William Averell Harriman as an example of the fact that an ambassador can play the role of not only a diplomatic representative of his state abroad, but also a personal adviser and even friend of the president of his country. Harriman contributed ideas, promoted his own initiatives, and was a master at negotiating. He did not always succeed, but Harriman never remained unheard, unlike his predecessors. All this shows the status and influence of ambassador and US diplomatic mission in general. Summing up, it should be noted that Harriman always considered diplomacy to be the main instrument of foreign policy; he was a professional diplomat and sought to resolve all issues through negotiations. In contemporary international relations and in relations between the United States and Russia in particular, details about the diplomats behind the leaders of states forming foreign policy are often omitted. Definitely, it is necessary to study the negotiating manners of diplomats, to understand their mood and personal goals, because these materials can explain the reasons for certain events and help to look at history and the current situation on the world arena from a different angle. Moreover, diplomacy for a specialist in international relation today is one of the most important tools, and looking at the situation in the world today, we can see that diplomacy and negotiation skills are more relevant than ever and we will need to build and establish new ties.

References

1. *Pechatnov V. O.* The Harriman review: Averell Harriman's mission to Moscow. 2003. P. 5.
2. A. Harriman to the Secretary of State. January 9, February 14, 1944. FRUS. 1944. Vol. 4. P. 1034.
3. Averell Harriman, The Old Crocodile of Diplomacy // Association for Diplomatic Studies & Training. URL: <https://adst.org/oral-history/fascinating-figures/averell-harriman-the-old-crocodile-of-diplomacy/> — 12.04.2022.
4. FRUS. 1944. Vol. 3. P. 1105.
5. *Dunn D.* Between Roosevelt and Stalin. America's Ambassadors to Moscow. Moscow, 2004. P. 102.
6. *Pechatnov V. O.* The Harriman review: Averell Harriman's mission to Moscow. P. 25.
7. Foreign relations of the United States. The Soviet Union, Special Envoy. P. 535.
8. FRUS. 1944. Vol. 3. P. 38.
9. Columbia University Libraries. Archives: William Averell Harriman papers on Special Envoy to Stalin. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/archival/collections/ldpd_4078867/ — 14.04.2022.
10. Military Literature: The Memoirs of William Averell Harriman. URL: <http://militera.lib.ru/memo/index.html> — 14.04.2022.
11. FRUS. 1958–1960. Vol. 10. Part 1. P. 277.

Мильдзихова Элиза Иосифовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Сравнительный анализ стратегий арктической политики Российской Федерации и Канады

Comparative Analysis of Arctic Policy Strategies of the Russian Federation and Canada

Аннотация. В настоящей статье была предпринята попытка рассмотреть основные меры и шаги в развитии территорий Арктики на примере России и Канады. Для этого автором изучались основные документы стран, в которых ставятся цели и приоритеты по развитию региона, определены основные направления, а также проведен их анализ. В результате исследования можно прийти к выводу о том, что большой вес в принятии решений в Канаде имеют представители коренного населения (инуиты, «Первые Нации» и метисы), а в Российской Федерации большую роль играет экономическая составляющая.

Ключевые слова: Арктика, Канада, Российская Федерация, стратегии развития Арктики.

Abstract. In this article the author has attempted to consider the main measures and steps in the development of the Arctic territories on the example of Russian Federation and Canada. For this purpose the author has studied the basic documents of the countries, which set the goals and priorities for the development of the region, determined the main directions of development, and carried out their analysis. As a result of the study, we can conclude that a large weight in decision-making in Canada has representatives of the indigenous population (Inuit, First Nations and Métis), while in Russia the economic component has a greater role.

Keywords: Arctic, Canada, Russian Federation, Arctic development strategies.

Введение

Начиная со второй половины XX века на мировой арене все чаще стал затрагиваться вопрос важности Арктики в политике

стран и о перспективах развития региона. Для таких государств, как Канада и РФ (СССР), это особенно важно, ведь их большие территории находятся в арктической зоне. Эти страны рассматриваются как основные акторы региона, их представители принимают участие не только в двусторонних встречах, но и в многосторонних, при участии других стран, заинтересованных в развитии Арктики. Так, до 2014 года действовала Межправительственная экономическая комиссия между Россией и Канадой, «в целях координации усилий по развитию двусторонних торгово-экономических связей», в структуре комиссии была и рабочая группа по Арктике [1]. Сегодня же РФ и Канада ведут диалог на полях Арктического совета, где Россия является председателем с 2021 до 2023 года [2]. Отмечу, что в апреле 2022 года должен был состояться Международный арктический форум, но «все запланированные обсуждения будут проведены в рамках других мероприятий председательства России в Арктическом совете» [3].

Для изучения темы будут рассматриваться основные документы стран, позволяющие проанализировать приоритеты в развитии региона. При проведении исследования в качестве методологической базы будет использоваться сравнительный анализ.

Вопрос арктических стратегий представляет особый интерес ввиду того, что Арктика становится местом притяжения большого количества стран (членов Арктического совета, а также Китая, Японии и Южной Кореи), т.к. является богатым источником природных ископаемых. Также возможно развитие более выгодного (особенно для России) Северного морского пути, переадресация грузопотоков из Суэцкого канала. Отмечу, что особенно популярной тема развития этого торгового пути стала на фоне блокировки судоходства по Суэцкому каналу из-за севшего на мель танкера *Ever Given* в марте прошлого года [4]. Более того, Канада и Российская Федерация имеют перспективы сотрудничества в рамках Арктического совета. Об этом заявляла посол Канады в РФ Элисон Леклер. Она также подчеркнула, что Россия «представила очень интересную программу, и Канада поддерживает РФ в стратегических приоритетах» и отметила важность двусторонних отношений между странами в арктическом регионе [5].

Российская Федерация и Канада являются самыми крупными государствами в Арктике по количеству территорий (40% и 25% от общего числа соответственно) [6], поэтому то, как страны развивают месторождения, какие планы и стратегии используют для освоения региона и какое место во внешней и внутренней политике этих стран занимает Арктика, во многом может повлиять на всестороннее развитие региона. Соответственно, изучение данной темы необходимо для понимания будущих тенденций развития Арктики. Отмечу, что зачастую исследователи акцентируют внимание на общем развитии региона или выбранных отраслях, не учитывая приоритеты в стратегиях отдельных стран. В этой работе будет предпринята попытка сравнить планы Российской Федерации и Канады.

Основная часть

Для обеих стран регион представляет интерес в первую очередь в экономической сфере: в арктической зоне России добывается более 80% горючего природного газа и 17% нефти [8], тогда как на северные территории Канады приходится около 25% разведанных общеканадских запасов нефти и газа, а с учетом неразведанных — около 40% [7]. Например, на Северо-Западные территории, Нунавут и Юкон в 2019 году приходилось 7500 баррелей нефти в день и 407 миллионов кубометров газа в день [9]. Конечно, цифры очень маленькие даже по сравнению с другими провинциями, в Ньюфаундленде и Лабрадоре размеры добычи в разы больше. Но, согласно данным исследования Геологической службы США, в Северо-Западных территориях Канады находятся 11 из 15 крупнейших залежей нефти, которые она не использует сейчас, тогда как у РФ таких источников — 2 [10]. По данным министерства финансов РФ, за 9 месяцев 2021 года нефтегазовый сектор принес в бюджет страны 9056,5 миллиарда рублей, тогда как все доходы страны составляли 25 286,5 миллиарда рублей [11]. Но важно отметить, что арктическая политика Канады во многом определяется коренным населением и стремлением развивать социально-политические аспекты. Это можно проследить в документе «Canada's Arctic and Northern Policy Framework» от 18 ноября 2019 года [12].

В тексте ясно прослеживается важность вовлечения коренного населения и правительств северных территорий, общественных организаций и объединений в развитие региона. В составлении документа участвовали федеральные правительства, коренное население, инуиты, Первые Нации и метисы, 6 территориальных и провинциальных правительств. Также важность вовлеченности можно увидеть и в том, что все официальные делегации Канады на конференциях, форумах и встречах на высшем уровне всегда включают в себя представителей народов Севера. Этим не может похвастаться Россия. Подчеркну, что в российских правовых документах также отмечается важность социального аспекта в развитии региона, но посредством устойчивого экономического развития [8].

Север в понимании канадцев это часть идентичности, повод для гордости граждан страны. Здесь будет уместным вспомнить строки из гимна Канады, где также упоминается Север: «With glowing hearts we see thee rise, The True North strong and free!» [13]. Также показателен тот факт, что именно Канада выступила с инициативой создания Арктического совета, о котором упоминалось ранее [14]. Для Канады особенно важно провозгласить суверенитет над территориями региона. В качестве иллюстрации можно привести пример одного из многочисленных территориальных споров Канады, в данном случае с Данией, из-за необитаемого острова Ханс [15]. Канадцы очень трепетно относятся к северным территориям страны, поэтому факт установки в августе 2007 года на дне Северного Ледовитого океана российского флага был воспринят как претензия Российской Федерации на суверенитет над территориями [7].

Главной тенденцией арктической политики Российской Федерации все же является развитие региона в экономической сфере: разведка новых месторождений углеводородов и развитие старых запасов природных ископаемых. Но поистине важнейшим аспектом российской стратегии является Северный морской путь — переадресация грузопотоков с Суэцкого канала. Этот путь является главной национальной морской артерией, самым выгодным и коротким путем из Европы в Азию. Например, расстояние от Санкт-Петербурга до Владивостока по Северному морскому

пути составляет свыше 14 тысяч километров, а через Суэцкий канал надо пройти на 8 тысяч километров больше. Грузооборот арктических морских портов России составил более 70,4 миллиона тонн за 9 месяцев 2021 года [16]. Российские арктические и северные порты имеют ряд преимуществ над канадскими, например, развитую инфраструктуру, многолетний опыт: Мурманский порт был основан в 1915 году [17]. Тогда как в Канаде и портов меньше, и грузопоток ниже. Но, конечно, основным преимуществом Северного морского пути над Северным проходом является более удобное географическое положение [18]. Если в случае России преградой для активного судоходства являются ледники, то у Канады проблемой являются и многочисленные острова, которые затрудняют и замедляют путь для судов, а также отсутствие инфраструктуры для обслуживания судов. Более того, встает вопрос суверенитета над этим путем, ведь США также претендуют на его использование, что вызывает споры и является поводом для дискуссий в обеих странах Северной Америки. Но проблема суверенитета и вопросы международного права также актуальны для Российской Федерации и Северного морского пути, потому что некоторые страны заявляют о необходимости присвоения международного статуса данной морской артерии. Об этом заявил заместитель секретаря Совета безопасности РФ Михаил Попов, подчеркнув, что США также хотят оспорить права на природные ресурсы [20]. Главной задачей Российской Федерации в этом вопросе является отстаивание суверенитета над Северным морским путем, опираясь на нормы международного права.

Россия отмечает значимость региона для обеспечения национальной безопасности страны и союзников. Эти намерения находят отражение в указе Президента Российской Федерации «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [8]. В данном случае приоритеты совпадают, ведь сохранение мира и безопасности в регионе обозначается приоритетным в программе Либеральной партии Канады 2021 года, где подчеркивается, что Канада будет и дальше развивать свое сотрудничество с США в рамках Командования воздушно-космической обороны Северной Америки (North American Aerospace Defense Command)

«для обеспечения безопасности не только в Северной Америке, но и для дальнейшего усиления суверенитета Канады в Арктике» [20]. Тема развития военного потенциала региона становится особо актуальной для России на фоне недавних заявлений посла по особым поручениям МИД РФ Николая Корчунова: Россия обеспечена ростом активности НАТО в регионе [21].

Среди перспективных и развивающихся сфер в Арктике можно также выделить науку. С целью сотрудничества в данной области странами — членами Арктического совета было ратифицировано Соглашение по укреплению международного Арктического научного сотрудничества [22], главной и единственной целью которого является «укрепление сотрудничества в области научной деятельности для повышения результативности и эффективности развития научных знаний об Арктике». Помимо геологических разведок, регион может привлекать ученых для изучения последствий изменения климата, что представляет особый интерес ввиду большого вреда от освоения месторождений газа и нефти. Решение экологических проблем требует большой консолидации и совместных усилий всех стран, акторов региона.

Среди общих позиций в основополагающих документах стран можно выделить стремление к освоению региона в социальной сфере: развитие медицинской инфраструктуры, создание механизмов для оказания помощи людям, проживающим на Крайнем Севере; привлечение граждан, проживающих в арктической зоне, к политической жизни страны; решение вопросов, связанных с коренными народами Севера (саамы, инуиты, ненцы, чукчи и др.).

Заключение

Рассмотрев основные направления деятельности Канады и Российской Федерации в Арктике, можно отметить неравномерность реализации арктических стратегий. Как отмечалось ранее, для успешной борьбы с изменением климата необходимо международное сотрудничество. Поэтому, данная сфера представляется потенциально перспективной для плодотворного сотрудничества или обмена опытом. К примеру, Канада располагает различными законодательными актами, запрещающими или определяющими

природопользование в Арктике. Опыт таких механизмов можно использовать как базу для разработки аналогичных актов в РФ. При этом необходимо учитывать бурное экономическое развитие, т.е. обеспечить охрану природы при отсутствии существенных ограничений для предприятий.

Россия гораздо успешнее развивает регион в экономической сфере. Это подтверждают данные: 50% всего ВВП арктического региона приходится на Российскую Федерацию, когда сам регион и объём его экономических цепочек занимает от 15% до 20% в ВВП страны [23]. Россия и Канада заинтересованы в дальнейшем освоении данного пространства, что может быть осуществлено посредством обеспечения транзитных транспортных путей в арктических широтах, например, «Арктический мост» или «Северный воздушный мост».

Сотрудничество двух стран может быть активизировано через председательство России в Арктическом совете с 2021 по 2023 год. Выдвигая программу собственных намерений, Россия обозначила приоритеты развития Совета [24]. Многие из представленных нашей страной пунктов сочетаемы с канадскими приоритетами. Следовательно, наши страны имеют перспективы сотрудничества в полях данного форума.

Библиография

1. Сайт Посольства Российской Федерации в Канаде. URL: https://canada.mid.ru/ru/countries/torgovo_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo — 23.03.2022.
2. Сайт Арктического совета. URL: <https://arctic-council.org> — 23.03.2022.
3. Международный арктический форум «Арктика — территория диалога» не состоится // РИА Новости. 14.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220314/forum-1778012581.html> — 22.03.2022.
4. Bloomberg: контейнеровоз сел на мель в Суэцком канале // ТАСС. 24.03.2021. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/10979559> — 22.03.2022.
5. Канада поддержит Россию в Арктическом совете, сообщил посол // РИА Новости. 02.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211202/kanada-1761858287.html>. — 23.02.2022.
6. *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Стратегия Канады в освоении Арктики // Интернет-портал РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=835#top — 04.03.2022.

7. Тимашева Т. Н. Политика Канады в Арктике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 1. С. 103–110.
8. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации. 26.10.2020 г. № 645. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033?index=0&rangeSize=1> — 04.03.2022.
9. Canada's Upstream Oil & Natural Gas Industry. URL: <https://www.capp.ca> — 21.03.2022.
10. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle // USGS. 23.06.2008. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049> — 20.03.2022.
11. Сайт министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzhetadannye_s_1_yanvary_a_2006_g — 04.03.2022.
12. Canada's Arctic and Northern Policy Framework. 18.11.2019. URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587> — 04.03.2022.
13. Anthems of Canada. URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/anthems-canada.html> — 04.03.2022.
14. Declaration on the establishment of the Arctic Council. Ottawa Declaration. 19.09.1994. URL: <http://hdl.handle.net/11374/85> — 04.03.2022.
15. Барановский К. Ю. Территориальный спор между Канадой и Данией // США и Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 12. С. 77–80.
16. Сайт Ассоциации морских торговых портов РФ. URL: <https://www.morport.com/> — 02.03.2022.
17. Сайт Мурманского морского торгового порта. URL: <http://www.portmurmansk.ru/ru/about/history> — 03.02.2022.
18. Гуранова А. А. Логистические преимущества Северного морского пути // *Journal of International Economic Affairs*. 2019. No. 9(1). P. 169–176.
19. Совбез РФ: Западные лидеры должны осознать, что Россия никому не угрожает // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2022/02/16/sovbez-rf-zapadnye-lidery-dolzheny-osoznat-chto-rossiya-nikomu-ne-ugrozhaet.html> — 03.02.2022.
20. Forward. For Everyone, 2021. URL: <https://liberal.ca/wp-content/uploads/sites/292/2021/09/Platform-Forward-For-Everyone.pdf> — 04.03.2022.
21. МИД РФ: Москва обеспокоена ростом активности НАТО в Арктике // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2022/04/17/mid-rf-moskva-obespekoe-na-rostom-aktivnosti-nato-v-arktike.html> — 17.04.2022.

22. Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> — 04.03.2022.
23. Российская Арктика: наука важнее ресурсов // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/arktika-nauka-vazhnee> — 17.04.2022.
24. Приоритеты председательства Российской Федерации в Арктическом совете в 2021–2023 годах. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2646/%d0%90%d1%80%d0%ba%d1%82%d0%b8%d0%ba%d0%b0%20%d0%bf%d1%80%d0%b8%d0%be%d1%80%d0%b8%d1%82%d0%b5%d1%82%d1%8b%2021.06.2021.pdf?sequence=12&isAllowed=y> — 04.03.2022.

Теплякова Александра Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Национальные интересы России и Канады в отношении правового статуса морских путей Арктики

National Interests of Russia and Canada Regarding the Legal Status of the Arctic Maritime Routes

Аннотация. Происходящие в Арктике климатические изменения открывают новые перспективы для региона, повышая интерес международного сообщества к морским путям — в первую очередь, к Северному морскому пути и Северо-Западному проходу. Управление логистическими потоками дает прибрежным государствам ряд преимуществ, включая доступ к залежам природных ископаемых и активизацию торгово-транспортных операций. Как следствие, особое значение приобретает правовой статус арктических путей. В данной статье автор рассматривает место Северного морского пути и Северо-Западного прохода в обеспечении национальных интересов России и Канады соответственно и возможность согласования правовой позиции двух государств, принимая во внимание американо-канадские отношения.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, Северо-Западный проход, правовой статус, национальные интересы, суверенитет.

Abstract. The current climate changes in the Arctic open the new possibilities in the region, focusing attention of the international community on the maritime routes, primarily on the Northern Sea Route and the Northwest Passage. The control of logistic flows confers an advantage to the coastal states, including natural resources exploitation and an intensification of the trade and transport operations. As a result, the legal status of the Arctic routes is to be determined. The article analyses the role of the Northern Sea Route and the Northwest Passage in ensuring Russian and Canadian national interests, as well as an opportunity for the states to coordinate their legal positions taking into consideration Canadian-American relations.

Keywords: Arctic, Northern Sea Route, Northwest Passage, legal status, national interests, sovereignty.

Происходящие климатические изменения, прежде всего, таяние льдов, открывают новые перспективы для Арктического региона. Исследователи из Школы дипломатической службы имени Эдмунда Уолша Джорджтаунского университета даже назвали то, что сейчас происходит в Арктике, глобальным сдвигом, которого мир не видел с открытия вроейцами Северной и Южной Америки и Африки [1, р. 2]. Согласно отчету рабочей группы Арктического совета по реализации программы Арктического мониторинга и оценки (Arctic Monitoring and Assessment Programme, АМАР), Северный Ледовитый океан будет в значительной степени освобожден ото льда в летние месяцы уже к концу 2030-х гг., а не к середине века, как считали ранее [2, р. 5]. Как следствие, возрастает интерес к наиболее пригодным в ближайшей перспективе арктическим маршрутам для навигации — Северному морскому пути (далее — СМП) около побережья России и Северо-Западному проходу вдоль многочисленных островов Канадского Арктического архипелага (далее — СЗП).

Их покорение воспето в песнях и стихах, запечатлено в документальных и художественных фильмах; они являются важной частью культурного наследия и национальной идентичности обеих стран. С точки зрения морского права, высокоширотная и низкоширотная трассы СМП, так же, как и несколько трасс (около 7) СЗП, пересекают зоны с разным правовым статусом: внутренние воды и территориальное море, на которые распространяется суверенитет прибрежного государства, с той разницей, что в территориальном море действует право мирного прохода; прилежащую зону и исключительную экономическую зону, на которые распространяется юрисдикция прибрежного государства. Как и Канада в отношении СЗП, Россия воспринимает СМП как «исторически сложившуюся» и единую «национальную транспортную коммуникацию» [3], обязывая суда спрашивать разрешение на проход по водам. Для защиты своих правовых позиций стороны обращаются к одним и тем же аргументам.

Во-первых, к понятию «исторические воды», опирающемуся на многовековую историю проживания в Арктике коренных народов и осуществление ими хозяйственной деятельности. Впрочем, учитывая неопределенности в международном праве касательно статуса «исторических вод», в том числе вопрос соотношения прав на землю и на воду, к тому же начавшую освобождаться ото льда не так давно, один из ведущих канадских правоведов из Университета Оттавы Донат Фаранд считает данный аргумент довольно спорным [4].

Во-вторых, к положениям Международной конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (Россия ратифицировала ее в 1997 г., Канада — в 2003 г.). Согласно ст. 7 данной конвенции, прибрежное государство в случае «глубоко изрезанной или извилистой» береговой линии или наличия «вдоль берега или в непосредственной близости от него цепи островов» может провести прямые исходные линии [5, с. 31]. Кроме того, в решении Международного суда ООН от 18 декабря 1951 года по спору о рыбной ловле между Великобританией и Норвегией говорится о необходимости учитывать особые экономические интересы местного населения [6, с. 26–28]. При этом существование данных интересов не может служить серьезным основанием в отсутствие первых двух критериев [7, р. 26]. СССР и Канада воспользовались правом проведения прямых исходных линий в 1985 г., в результате чего проливы Вилькицкого, Шокальского, Карские Ворота, Дмитрия Лаптева и Санникова были включены в состав внутренних вод СССР [8, с. 1110], а вся акватория СЗП оказалась расположена во внутренних водах Канады.

Наконец, стороны ссылаются на ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву, принятие которой стало возможным благодаря усилиям канадских дипломатов. Согласно этой статье, прибрежное государство имеет «право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдом районах в пределах исключительной экономической зоны, где особо суровые климатические условия и наличие льдов, покрывающих такие районы в течение большей части года, создают препятствия либо повышенную опасность

для судоходства, а загрязнение морской среды могло бы нанести тяжелый вред экологическому равновесию или необратимо нарушить его» [5, с. 158].

Отсутствие всеобъемлющего документа, определяющего правовой статус Арктики, приводит к тому, что ряд государств, в первую очередь США, считают СМП и СЗП международными проливами. Руководствуясь принципом свободы судоходства, в 1964 г. два американских ледокола зашли в арктические акватории СССР, не получив на это разрешения. Подобные прецеденты имели место и у побережья Канады. В 1969 г. во льдах, сковывающих СЗП, застрял супертанкер ледового класса «Manhattan», исследовавший возможные маршруты транспортировки нефти с открытого годом ранее на Аляске месторождения Прадхо-Бей. Правительство Канады заранее знало о его маршруте и признавало выгоду для развития северных земель в случае удачного завершения проекта, однако Госдепартамент США не посчитал нужным уведомить о том, что «Manhattan» будет сопровождать американский ледокол [9, р. 215]. Ситуация повторилась в 1985 г. с проходом по СЗП ледокола береговой охраны США «Polar Sea». Попытки оспорить национальный статус СЗП стали катализатором принятия в 1970 г. и 1985 г. правительством Канады актов о предупреждении загрязнения арктических вод.

В политическом курсе России Арктика в целом и СМП в частности занимают особое место. В ст. 5 Указа Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» перечислены следующие национальные интересы России в Арктике: защита суверенитета и территориальной целостности, сохранение Арктики как территории мира, обеспечение высокого качества жизни населения, освоение ресурсной базы, повышение конкурентоспособности СМП, охрана окружающей среды и защита коренного населения [10]. В Канаде стратегии развития СЗП, подобной «Плану развития инфраструктуры Северного морского пути до 2035 года», утверждённом правительством Российской Федерации в 2019 г., нет, что объясняется меньшей привлекательностью СЗП для внутреннего и международного трафика ввиду проблемы скорости таяния льдов, узости проливов и рифов.

Вместе с тем, в канадских национальных правовых документах, в первую очередь в Рабочей программе по арктической политике (Canada's Arctic and Northern Policy Framework), в качестве приоритетов государственной политики в отношении СЗП указаны защита суверенитета и окружающей среды; партнерство с коренными народами [11].

Стоит отметить, что в Канаде в большей степени, чем в России, коренное население серьезно обеспокоено увеличением добычи полезных ископаемых в Арктике и, как следствие, возрастающим трафиком по СЗП. Так, компания Baffinland Iron Mines, эксплуатирующая железорудную шахту Мэри Ривер в Баффинлянд была вынуждена сократить объемы добычи руды под давлением общественности [12]. Кроме того, признается возможность перемещения кораблями инвазивных видов далее на север, что приведет к изменению структуры популяции рыб и повлияет на привычный образ жизни морских млекопитающих [13, p. 40–41].

Еще более важной проблемой для Канады является вопрос суверенитета. В 2009 году СЗП был официально переименован в «Канадский Северо-Западный проход», при этом название морского пути на языке инуктикут — «tallurugik», т.е. линейный пейзаж, решили не менять. Однако не все поняли такой шаг. Профессор Университета Британской Колумбии Майкл Байерс посчитал, что, приняв подобное решение, Канада показала неуверенность в собственной позиции по поводу национального статуса пути [14]. Стоит отметить, что и в СМИ, и в научной литературе, и даже в официальных документах принято написание «Северо-Западный проход», без прилагательного «Канадский» в начале.

Вопрос суверенитета над СЗП в канадских политических кругах стоит особенно остро в контексте отношений с ближайшим союзником — США. Напряжение между двумя североамериканскими государствами значительно снизилось в 1988 г. с заключением Соглашения о сотрудничестве в Арктике, которое в научной литературе обычно характеризуют фразой «стороны согласились не соглашаться» [15, p. 111]. Дело в том, что согласно ст. 3 данного соглашения правительство США обязуется спрашивать разрешение у правительства Канады на проход своих ледоколов по «водам, которые Канада считает своими внутренними», однако ст. 4 под-

черкивает, что данный факт не влияет на позицию государства по «вопросам, касающимся морского права в регионе» [16, р. 103].

Закрепление status quo привело к укреплению сотрудничества США и Канады в самых разных сферах. В США интерес к Арктике получил новое развитие при президенте Бараке Обаме. Так, в 2013 году была опубликована Национальная стратегия для Арктического региона, а в 2015 году был создан Исполнительный комитет по управлению Арктикой (The Arctic Executive Steering Committee). Пиком развития двусторонних отношений в экологической сфере стал 2016 г., когда был введен мораторий на разработку новых морских месторождений нефти и газа в Северном Ледовитом океане (включая еще один спорный регион — море Бофорта) сроком на 5 лет с возможностью продления. Это было сделано для проведения комплексного исследования Арктики и прорабатывания возможных рисков, связанных с интенсификацией хозяйственной деятельности, в том числе по трассе СЗП. Мораторий вызвал смешанные чувства у коренного населения Канады, обвинившего федеральное правительство в отсутствии консультаций с местным населением и принятии данного решения под влиянием внешнеполитических интересов и под давлением лобби защитников окружающей среды [17, р. 22–23].

Несколько обострились отношения двух держав в Арктике с приходом к власти в США Дональда Трампа в 2016 году. В 2019 году на встрече представителей арктических государств в Рованиеми, Финляндия, посвященной изменению климата и добыче ресурсов, государственный секретарь США Майкл Помпео заявил, что Российская Федерация — не единственное государство, которое имеет якобы незаконные притязания в Арктике, то же самое можно сказать и о Канаде. По понятным причинам подобное выступление вызвало возмущение в Канаде.

После избрания Джозефа Байдена президентом США начавшееся охлаждение в отношениях было преодолено. Береговая охрана Канады в рамках программы Northern Low-Impact Shipping Corridors (которая будет выведена на новый этап в июле 2022 года) укрепила сотрудничество с американскими коллегами для выявления современных тенденций в северном судоходстве и определения зон пониженной и повышенной коммерческой деятельности [18].

Особое место занимает укрепление американо-канадского диалога в военной сфере на уровне трех ведомств: Объединенного командования аэрокосмической обороны Северной Америки (NORAD), Северного командования вооруженных сил США и Командования совместных операций Канады. В 2020 году в своем выступлении перед Комитетом Сената США по вооруженным силам генерал Терренс О'Шонесси, руководивший тогда NORAD, сказал следующее: «В Арктике больше не спрячешься как за крепостной стеной, и наши океаны не могут больше служить оборонительными рвами — теперь это только пути подхода для новых видов обычного вооружения» [19, р. 2]. Обвинения в отношении России в милитаризации ведут к росту напряжения в Арктике и сближению позиций США и Канады по ряду вопросов.

Так, принимая во внимание не только экономический, но и стратегический потенциал СЗП, в американских и канадских научных кругах все чаще стали говорить о разрешении проблемы его спорного статуса. Дуэйн Смит, председатель региональной корпорации «Инувиалуит», иронично заметил, что вместо того, чтобы развивать инфраструктуру СЗП вместе с местным населением, принимая все необходимые меры для минимизации вреда окружающей среде, правительство Канады «размахивает кленовыми листьями в адрес США, Китая и всех, у кого есть планы на нашу Арктику» [13, р. 95]. Признание национального статуса СЗП может облегчить предотвращение незаконного проникновения оружия, наркотиков, иммигрантов и, возможно, террористов в Северную Америку [20, р. 1188–1189], укрепить поисково-спасательные возможности. Кроме того, в эпоху соперничества великих держав в Арктике совместное американо-канадское патрулирование СЗП осложнит возможное появление российских и китайских подлодок.

Если говорить об опасениях США предать принцип свободы судоходства и создать опасный прецедент, то профессор Монреальского университета Сюзанна Лалонд и профессор Университета им. Лавалля и директор Квебекского совета по геополитическим исследованиям Фредерик Лассерр в своем исследовании отмечают, что риск возникновения прецедента небольшой,

так как практически все стратегически важные маршруты либо контролируются международными договорами (например, конвенция Монтре регулирует судоходство через проливы Босфор и Дарданеллы), либо и так признаются международными проливами с правом транзитного прохода (например, Ормузский пролив). Авторы считают, что признание национального статуса СЗП сможет ослабить юридическую позицию США только по статусам Северного морского пути, пролива Хайнань и пролива Хуана-де-Фука (тоже, кстати, канадского) [21, р. 61–62].

К сожалению, в современных реалиях, несмотря на культурную идентичность народов Севера и схожесть правовых позиций России и Канады в вопросе статуса Северного морского пути и Северо-Западного прохода, создание пространства для диалога между двумя странами по данным вопросам не предоставляется возможным. Морские споры США и Канады, хотя последняя и воспринимает любые попытки посягательства на свой суверенитет болезненно, наоборот, обрели надежду на урегулирование: слишком важным представляется политическое, военное и экономическое партнерство между двумя странами. Однако со временем климатические изменения и вовлечение в Арктический регион все новых акторов может заложить основу для нормализации российско-канадских отношений. На нынешнем же этапе, в условиях минимального сотрудничества России и Канады в Арктике, важно не допустить ситуацию, способную привести к созданию «непроницаемого ледяного занавеса» [22], о котором говорил канадский журналист российского происхождения Роберт Кейзерлинг применительно к реалиям холодной войны.

Библиография

1. The New Arctic: Navigating the Realities, Possibilities, and Problems. Working Group Report. (город?), Walsh School of Foreign Service, Georgetown University, 2018.
2. Snow, Water, Ice and Permafrost in the Arctic. Summary for Policy-makers. The Arctic Council's Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP), 2017. URL: <https://oaarchive.arcticcouncil.org/bitstream/handle/11374/1931/swipaspm.pdf.pdf?sequence=1&isAllowed=y> — 20.01.2022.

3. О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации: федеральный закон РФ от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (ред. 14.03.2022). — 20.01.2022.
4. House of Commons. Standing Committee on National Defense meeting. Evidence. May 13, 2009. URL: <https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/40-2/NDDN/meeting-20/evidence> — 22.01.2022
5. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf — 22.01.2022
6. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда. 1948–1991. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1993. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf — 22.01.2022.
7. The Law of the Sea. Baselines: An Examination of the Relevant Provisions of the United Nations Convention of the Law of the Sea. Office for Ocean Affairs and the Law of the Sea. United Nations. New York, 1989.
8. *Вылежанин А. Н., Назаров В. П., Буник И. В.* Северный морской путь: к решению политико-правовых проблем // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 12.
9. Canadian Sovereignty in the Arctic: Memorandum for Cabinet / Lackenbauer P. W., Lajeunesse A. (eds.). March 20, 1969 // Documents on Canadian Arctic Maritime Sovereignty: 1950–1988. University of Calgary. 2018. Vol. 13.
10. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164. (источник?)
11. Canada's Arctic and Northern Policy Framework, 2019. URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng> — 23.01.2022.
12. High Arctic Protest: Inuit blockading Mary River Iron Ore Mine since Feb. 4. URL: <https://www.aptnnews.ca/national-news/high-arctic-protest-inuit-blockading-mary-river-ironore-mine-since-feb-4/> — 19.04.2022.
13. Nilliajut 2. Inuit Perspectives on the Northwest Passage Shipping and Marine Issues / Kelley K. (ed.). Inuit Tapiriit Kanatami. (город? изд-во?), 2017.
14. The “Canadian” Northwest Passage. URL: <https://www.cryopolitics.com/2009/12/03/the-canadian-northwest-passage/> — 16.04.2022.
15. *Байерз М.* Правовой статус Северо-Западного прохода и арктический суверенитет Канады: прошлое, настоящее, желаемое будущее // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2.
16. Agreement Between the Government of Canada and the Government of the United States of America on Arctic Cooperation // Berkman P. A.,

- Vylegzhanin A. N., Young O. R. [J4] Baseline of Russian Arctic Laws. (ро-род?): Springer, 2019.
17. Breaking the Ice Curtain? Russia, Canada, and Arctic Security in a Changing Circumpolar World / Lackenbauer P. W., Lalonde S. (eds.). (ро-род?): Canadian Global Affairs Institute, 2019.
 18. Northern Low-Impact Shipping Corridors. Government of Canada. URL: <https://www.dfo-mpo.gc.ca/about-notre-sujet/engagement/2021/shipping-corridors navigation-eng.html> — 19.04.2022.
 19. Statement of General Terrence J. O’Shaughnessy, United States Air Force Commander, United States Northern Command and North American Aerospace Defense Command. US Senate, 2020. URL: https://www.armedservices.senate.gov/imo/media/doc/OShaughnessy_02-13-20.pdf — 23.01.2022.
 20. Byers M., Lalonde S. Who Controls the Northwest Passage? // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. 2009. Vol. 42. No. 4.
 21. Lalonde S., Lasserre F. The Position of the United States on the Northwest Passage: Is the Fear of Creating a Precedent Warranted? // *Ocean Development & International Law*. (ро-род?): Taylor & Francis Group, 2013. DOI: 10.1080/00908320.2012.726832
 22. Robert Keserlingk: “Between the Iron and the Ice Curtain”. The Empire Club of Canada Addresses // Toronto: Empire Club of Canada. 10 November 1949. URL: <http://speeches.empireclub.org/62566/data?n=2> - 23.01.2022.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА: ЛУЧШИЕ РАБОТЫ¹

Белевцева Валерия Павловна,

Белякова Анна Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Роль концепции «Изменение через сближение» («Wandel durch Annäherung») во внешней политике ФРГ по отношению к РФ на современном этапе

The Role of the Concept “Change through Rapprochement”
 (“Wandel durch Annäherung”) in the Foreign Policy of the
Federal Republic of Germany towards the Russian Federation
at the Present Stage

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли концепции «Изменение через сближение» («Wandel durch Annäherung») во внешней политике Германии по отношению к России на современном этапе. В работе приводится объяснение ее основной идеи и практического воплощения. Актуальность темы заключается в том, что существует необходимость иметь представление о характере германо-российских отношений, чтобы быть готовым к новым вызовам. В процессе исследования были изучены внешнеполитические заявления и действия германских политиков за 2001–2021 гг. Авторы показали, что черты концепции «Изменение через сближение» сохранились сего-

¹ Статьи, представленные в данном разделе, были приняты к публикации в декабре 2021 г.

дня в рамках «стратегий двойных решений», которую Германия применяет в отношении РФ.

Ключевые слова: «Изменение через сближение», «стратегии двойных решений», внешняя политика ФРГ, российско-германские отношения, национальная безопасность.

Abstract. The article is devoted to identifying the role of the concept of “Change through rapprochement” (“Wandel durch Annäherung”) in Germany’s foreign policy towards Russia at the present stage. The paper provides an explanation of its main idea and practical implementation. The relevance of the topic lies in the fact that there is a need to have an idea of the nature of German-Russian relations in order to be ready for the new challenges of the time. In the course of the research, the foreign policy statements and actions of German politicians for 2001–2021 were studied. The authors have shown that the features of the “Change through rapprochement” concept have been preserved today within the framework of the “strategy of double solutions” developed by Germany in relation to the Russian Federation.

Keywords: “Change through rapprochement”, “strategy of double solutions”, German foreign policy, Russian-German relations, national security.

В широком смысле концепция «Изменение через сближение» («Wandel durch Annäherung») является составной частью политики разрядки в мире, которая имела место на рубеже 60–70-х годов XX столетия. Она была сформулирована в 1963 году, а переход к ней начался в 1966 году, когда новый кабинет канцлера К. Г. Кизингера представил обновленный внешнеполитический подход, предполагавшийся «Стратегией мира» Джона Ф. Кеннеди [1]. В узком значении В. Брандт понимал под ней наступательные действия ФРГ и США по мирному изменению статус-кво в Европе. Концепция «Изменение через сближение» имела своей целью трансформировать советскую политику через расширение контактов между обычными гражданами ФРГ и ГДР, экономическое и культурное сотрудничество, снижение военной напряженности. В краткосрочной перспективе эти подходы позволяли снизить угрозу войны в Европе, а длительный горизонт планирования подразумевал декоммунизацию и воссоединение Германии, [2]. В широком смысле концепция «Изменение через сближение» ориентировалась не только на германское направление, но и весь Восточный блок.

Она не раз видоизменялась до тех пор, пока ГДР и ФРГ не объединились и «холодная война» в Европе не завершилась.

В начале 2000-х годов главный стратегический интерес Германии заключался в обеспечении собственной безопасности. После присоединения к России Крыма в немецкой «Белой книге по политике безопасности и будущему Бундесвера» Москва была отнесена к категории возможных вызовов безопасности, а в стратегических документах появился тезис о сотрудничестве лишь в определенных вопросах, представляющих особый интерес для Берлина [3]. Сегодня главный германский внешнеполитический интерес в отношении РФ заключается в недопущении ее превращения из потенциальной угрозы ФРГ в реальную. Концепция «Изменение через сближение» может быть использована для достижения этой цели, так как она подразумевает воздействие на политику другой стороны мирными средствами и исторически вводилась с целью нормализации советско-германских отношений. Германия относит постсоветское пространство к источникам косвенных вызовов (неконтролируемой миграции, экспорта вооружений, роста международной преступности), поэтому в настоящий момент в отношении России реализуются «стратегии двойных решений», имеющие схожие черты с рассматриваемой концепцией. Изучая взаимоотношения России и Германии на современном этапе (с 2001 по 2021 годы) с точки зрения подхода «Изменение через сближение», следует отметить, что концепция присутствует в трансформированном виде и активно используется в немецкой внешнеполитической практике.

Большое значение в процессе реализации концепции уделялось налаживанию контактов между гражданами ФРГ и ГДР, что, как предполагалось, помогло бы воздействовать на коммунистические режимы «снизу», через общественное мнение. По аналогии, на современном этапе Берлин предпринимает попытки реформирования российской политики и формирования правового государства через модернизацию общественно-политических структур. В 2001 году был создан форум гражданских обществ России и Германии «Петербургский диалог». Именно тогда начала активно обсуждаться тема развития гражданского общества в России. Коалиция ХДС/ХСС со дня образования настаивала

на необходимости внутривнутриполитического развития России в ключе европейских ценностей, что подтверждают положения программы коалиции от 2007 года [4]. Содействие становлению демократического общества в РФ должно было осуществляться через критику существующих проблем и укрепление сотрудничества с гражданским обществом. В программных документах СвДП основой развития общества были названы права человека в Германии и в странах-партнерах, а их ограничения должны быть подвергнуты критике [5]. До 2005 года критика внутренней политики Москвы со стороны Берлина отсутствовала. Она развернулась с приходом к власти политиков партии ХДС, которые в 2008 году проводили переговоры с представителями российской оппозиции. Были выработаны положения о важности соблюдения Россией демократических стандартов, которые позже вошли в коалиционный договор 2013 года [6]. Председатель германского Координационного комитета форума «Петербургский диалог», бывший глава Федеральной канцелярии Ангелы Меркель Рональд Пофалла в 2020 году заявил, что в рамках форума Европейский союз требует от Российской Федерации соблюдения основных демократических ценностей: прозрачности действий; способности общества вести дискуссии; политического плюрализма; предоставления свободы информации и печати [7]. Так, и В. Брандт говорил о необходимости поддерживать решимость Москвы строить правовое государство, сопоставимое с европейскими представлениями. Данный подход можно сопоставить с исторической концепцией «Изменение через сближение», так как он предполагает выстраивание и поддержание диалога с гражданским обществом, сохраняя при этом критику в отношении правительства.

Культурные связи и контакты на уровне неправительственных организаций сохраняются даже во время острых кризисов. После событий 2014 года на Украине первой реакцией германской политической элиты было желание приостановить торговые и иные отношения с Россией. Так, например, в 2014 году был отменен ежегодный форум «Петербургский диалог», но в дальнейшем он продолжил свое существование. Через год после присоединения Россией Крыма германские контрагенты стали предпринимать попытки выстраивать диалог на уровне научного обмена и гра-

жданских обществ. С 2016 года отмечалась нацеленность членов германских партий на либерализацию визового режима и развитие контактов на уровне неправительственных организаций. Заинтересованность в либерализации визового режима проявило гражданское общество в РФ и ФРГ [8].

Экономические соображения всегда играли важную роль. Еще в 1963 году американский президент Джон Ф. Кеннеди выдвинул формулу, согласно которой следовало «развивать торговлю со странами Восточного блока, не подвергая опасности капиталистический мир» [1]. Затем ФРГ инициировала развитие экономического сотрудничества между двумя германскими государствами и Восточным блоком в целом. Здесь стоит отметить, что в 2000-е появляются программа «Партнерство ради модернизации» и концепция «Сближение через переплетение» («Annäherung durch Verflechtung»), которая являлась, по сути, продолжением концепции «Изменение через сближение» [9]. Эти подходы предполагали многоплановое экономическое сотрудничество между Германией и Россией. Немецко-российские тематические годы были неотъемлемой частью диалога с Россией с 2014 года и важным элементом межобщественного сотрудничества. В 2020 году стартовал перекрестный год бизнеса и устойчивого развития между Германией и Россией [10]. В кризисные этапы и сегодня в период пандемии показатели двустороннего товарооборота сохраняют позитивную динамику. Бизнесмены из ЕС и ФРГ являются основными зарубежными инвесторами в российскую экономику. [11].

Традиционно на российском векторе германской внешней политики важное значение имеет необходимость искупления вины за развязывание Второй мировой войны. Сегодня правительство ФРГ анонсирует добровольные гуманитарные жесты в отношении ныне здравствующих блокадников Ленинграда, а также совместные проекты по оцифровке архивных документов советских и германских военнопленных. В 2020 году состоялось возложение цветов и венков у памятника советским воинам в Берлине. В мероприятии участвовал посол России в Германии Сергей Нечаев [12].

Сотрудничество между Москвой и Берлином в настоящее время продолжается в торгово-экономической, научно-образовательной, культурно-гуманитарной сферах, а также на межрегио-

нальном и общественном уровнях. Немалое значение приобретают различные форматы обмена, деятельность германской службы академических обменов, партнерство городов России и Германии. По состоянию на 2021 год между городами обеих стран существует более 100 партнерских программ [13].

Наряду с намерением ФРГ поддерживать диалог с РФ по линии общества и бизнеса, сохраняется критика внешней и внутренней политики Москвы. Заявления германских политиков о сдерживании и одновременном сотрудничестве указывают на средство достижения внешнеполитических целей Германии в отношении России на современном этапе — «стратегии двойных решений» [14]. В 2020 году экс-министр иностранных дел Германии в четвертом правительстве Ангелы Меркель Х. Маас заявлял о желании восстановить прежний ритм германо-российских связей: «Очень важно создавать базу для того, чтобы шаг за шагом мы возвращались к обычным, нормальным личным встречам как на нашем уровне, так и на всех уровнях общественного и политического взаимодействия, чтобы действительно восстановить тот ритм германо-российских связей и взаимоотношений, который у нас существует» [15]. В приветственном слове по случаю открытия германо-российского перекрестного года Хайко Маас подчеркнул, что Германия рассчитывает на «еще более тесное взаимодействие между нашими гражданскими обществами, наукой и бизнесом», так как «экономика и ее вклад в устойчивое развитие определяют наши двусторонние отношения» [10]. На встрече министров иностранных дел НАТО 23 марта 2021 года Х. Маас неоднократно давал понять, что Германия хочет улучшить двусторонние отношения с Россией, и указывал, что «для этого важно, чтобы Москва налаживала экономическое сотрудничество с Берлином в прагматических вопросах» [16]. Он также выделил роль Североатлантического альянса в выстраивании диалога между странами: «В настоящее время в Совете Россия — НАТО есть способы вести этот диалог очень интенсивно и доверительно с точки зрения безопасности» [17]. Совет остается, по мнению Х. Мааса, важнейшим форумом для переговоров с Россией. Он был учрежден в 2002 году с целью активного вовлечения России в работу НАТО и должен был собираться на уровне послов раз в месяц. В репортаже из Берлина

25 апреля 2021 года Хайко Маас высказался против ужесточения санкций в отношении России: «Это часть сути дипломатии — разговаривать с государствами, с которыми сложны отношения, а не только с теми, с кем вы согласны. Это особенно актуально в отношении России сейчас» [18]. По мнению бывшего премьер-министра Бранденбурга Маттиаса Платцека (СДПГ), «сегодня диалог между нашими гражданскими обществами важнее, чем когда-либо, потому что он наводит мосты, которые поддерживают нас даже в трудные времена» [13].

В 2021 году Х. Маас также заявлял о намерении повысить устойчивость к внешним воздействиям со стороны России на встрече министров иностранных дел ЕС [19], на встрече с коллегами по ЕС в Люксембурге [20] и на заседании Совета ЕС по иностранным делам [21]. Усилить давление на Москву призвали министр иностранных дел Германии Анналена Бербок [22], председатель германского Координационного комитета «Петербургского диалога», бывший глава Федеральной канцелярии Ангелы Меркель Рональд Пофалла [23], эксперт фракции СвДП по странам Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы Рената Альт [24], немецкий дипломат Вольфганг Ишингер [25].

Таким образом, в настоящее время существует комплекс вопросов, по которым немецкие дипломаты надеются на уступки со стороны России. Он включает в себя сферу прав человека и демократии, повестку расширения культурных и иных контактов, факторы безопасности, связанные с восточной границей Европы и необходимостью сотрудничать с РФ как со стратегическим партнером. Реализуемые ФРГ «стратегии двойных решений» можно рассматривать как трансформированный вариант концепции «Изменение через сближение», так как они подразумевают влияние на политику другой стороны через критику существующих проблем, укрепление экономического сотрудничества и контактов с гражданским обществом. Как и концепция «Изменение через сближение», «стратегии двойных решений» направлены на поддержание системы безопасности ФРГ и реализуются путем сотрудничества в определенных областях, не представляющих угрозы безопасности Германии, при сохранении критики действий российского правительства.

Библиография

1. Manfred Wilke. 1961–1963: Vom Mauerbau bis zum Konzept „Wandel durch Annäherung“. URL: <https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/312613/i-1961-1963-vom-mauerbau-bis-zum-konzept-wandel-durch-annaeherung> — 02.12.2021.
2. Kuschel S. Die neue Ostpolitik: Entspannung unter der Regierung Brandt / Scheel (1969–1974) / S. Kuschel. Norderstedt: GRIN Verlag, 2011.
3. Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/736102/64781348c12e4a80948ab1bdf25cf057/weissbuch-zur-sicherheitspolitik-2016-download-data.pdf> — 11.12.2021.
4. Freiheit und Sicherheit. Grundsätze für Deutschland. 4.Dezember 2007 // Christlich Demokratische Union Deutschlands. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=5f72a0b2-5c95-01ad-092f-0039ff40c168&groupId=252038 — 11.12.2021.
5. Die Mitte stärken. Deutschlandprogramm 2009. Programm der Freien Demokratischen Partei zur Bundestagswahl 2009. Beschlossen auf dem Bundesparteitag vom 15.-17.Mai 2009 in Hannover. S. 67 // Freie Demokratische Partei (FDP). Die Liberalen. URL: https://www.abgeordnetenwatch.de/system/files/qa-files/deutschlandprogramm_2009.pdf — 11.12.2021.
6. Хришкевич Т. Г. Коалиционные договоры ХДС/ХСС — СДПГ в 2005 и 2013 гг.: теория и практика // *Метаморфозы истории*. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koalitionsnyye-dogovory-hds-hss-sdpg-v-2005-i-2013-gg-teoriya-i-praktika> — 01.12.2021.
7. Буркхард Уленбройх Поффалла: «Диалог с Россией сейчас важнее чем когда бы то ни было». 19.09.2020. URL: https://petersburger-dialog.ru/files/SMI/smi_20200919_bild.pdf — 10.12.2021.
8. Федотов: «Гражданское общество в России и ФРГ ждет упрощения визового режима» // РИА Новости. 23.05.2019. URL: https://petersburger-dialog.ru/images/smi_20190523_ria.pdf — 11.12.2021.
9. *Wehner M.* Nur keine falschen Signale aus Moskau // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Berlin. 25.10.2017. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/bundespraesident-frank-walter-steinmeier-besucht-russland-15261770.html> — 11.12.2021.
10. Приветствие министра иностранных дел Хайко Мааса по случаю открытия немецко-российского года «Экономика и устойчивое развитие» // *Deutsche Vertretungen in Russland*. 11.12.2020. URL: <https://germania.diplo.de/ru-de/aktuelles/-/2426090> — 11.12.2021.
11. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Высоким представителем

- Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности, заместителем Председателя Европейской комиссии Ж. Боррелем, Москва, 5 февраля 2021 года // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/4553286 — 11.12.2021.
12. Возложение венков состоялось у советского памятника в Берлине // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8424789> — 11.12.2021.
 13. Министр иностранных дел Маас хочет активизировать диалог между Германией и Россией // RedaktionsNetzwerk Deutschland. 28.06.2021. URL: <https://www.rnd.de/politik/aussenminister-maas-will-mehr-dialog-zwischen-deutschland-und-russland-T4FF55JJ7OVWYPWLGYYX6GTOBE.html> — 11.12.2021.
 14. Власов Н. А. Россия в политике безопасности ФРГ на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 184–199. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.205>
 15. Маас заявил, что РФ и Германии необходимо открыто общаться по теме кибератаки на бундестаг // ТАСС. 11.08.2020. URL: https://petersburger-dialog.ru/files/SMI/smi_20200811_tass.pdf — 12.11.2021.
 16. Transatlantischer Neubeginn und Strategie-Prozess: Maas bei NATO-Außenministertreffen // Auswaertiges Amt. 23.03.2021. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/internationale-organisationen/nato/maas-nato-aussenministertreffen/2449596> — 11.12.2021.
 17. Außenminister fordert Dialog zwischen Nato und Russland // Die Zeit. Artikel. URL: https://www.zeit.de/politik/ausland/2021-03/heiko-maas-nato-russland-bruessel-wiederaufnahme-gespraechе?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F — 11.12.2021.
 18. Маас отвергает более жесткие санкции // Tagesschau. 25.04.2021. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/maas-russland-sanktionen-101.html> — 11.12.2021.
 19. Virtueller Außenrat: Maas sichert Ukraine Unterstützung zu // Auswaertiges Amt. 19.04.2021. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/maas-rfab/2454644> — 11.12.2021.
 20. Maas bei Außenministerrat in Luxemburg: EU-Beziehungen zur Golfregion und Östliche Partnerschaft sowie aktuelle Fragen auf der Tagesordnung // Auswaertiges Amt. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/maas-rfab/2489660> — 11.12.2021.
 21. Maas beim EU-Außenrat in Luxemburg: Russland und Belarus im Fokus // Deutsche Präsidentschaft im Rat der Europäischen Union. 12.10.2020. URL: <https://www.eu2020.de/eu2020-de/aktuelles/artikel/maas-beim-eu-aussenrat-in-luxemburg--russland-und-belarus-im-fokus/2404510> — 11.12.2021.

22. Maas warnt vor „Konfrontationsgeschrei“ gegen Russland // Die Welt. Artikel. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article230653893/Maas-warnt-vor-Konfrontationsgeschrei-gegen-Russland.html> — 11.12.2021.
23. Глава «Петербургского диалога» призвал не сносить мосты в Россию // Deutsche Welle. URL: https://petersburger-dialog.ru/files/SMI/smi_20200920_dw.pdf — 02.12.2021.
24. Реакция в ФРГ на аресты в России: санкции против силовиков и «Северного потока-2» // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/reakcija-v-frg-na-aresty-v-rossii-sankcii-protiv-silovikov-i-severnogo-potoka-2/a-56409064> — 01.12.2021.
25. Конец идеи стратегического партнерства // Новая газета. 08.10.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/10/08/87441-konets-idei-strategicheskogo-partnerstva> — 05.12.2021.

Иванов Глеб Иннокентьевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Бакалавриат

Общественное мнение и российская внешняя политика 2020–2021 гг.

Public Opinion and Russian Foreign Policy 2020–2021

Аннотация. Цель данной статьи — определить, как российское общественное мнение оценивает внешнюю политику страны в 2020–2021 гг., и расходится ли мнение россиян по каким-либо вопросам с позицией руководства страны. Исследователи уделяют недостаточно внимания проблематике общественного мнения в России, особенно в сфере внешней политики страны. В рамках статьи анализируются количественные опросы общественного мнения в период 2020–2021 гг. для достижения заданной цели. В результате исследования делается вывод, что на данный момент россияне разделяют позицию государства по большинству вопросов внешней политики, однако общая оценка успехов внешнеполитической деятельности страны снижается. В ближайшем будущем изменение данной ситуации маловероятно.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, общественное мнение, опросы.

Abstract. The aim of this article is to define, how Russian public opinion evaluates foreign policy of the country in 2020–2021 and does the opinion of Russians on any issues differ from the position of the country's leadership. Researchers pay insufficient attention to the problematic of public opinion in Russia, especially in the field of the country's foreign policy. Within the article quantitative polls of public opinion during 2020–2021 are analyzed to achieve the given aim. As a result of research the conclusion is made that presently Russians share the position of the state on the majority of foreign policy issues, however the general assessment of the successes of the foreign policy activity goes down. In the near future, the change of this situation is unlikely.

Keywords: Russia, foreign policy, public opinion, polls.

2020 и 2021 годы могут быть охарактеризованы как период, в который Россия проводила достаточно активную внешнюю политику и в который произошло достаточно много событий, затрагивавших внешнеполитические интересы страны. На этом фоне в Российской Федерации проводились различные опросы общественного мнения и анализ отношения россиян к тем или иным событиям. ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центр»¹ являются примерами организаций, которые занимались этим вопросом.

Одним из ключевых внешнеполитических событий 2020 года для России и россиян, конечно, является начало протестов в Республике Беларусь после президентских выборов, на которых, по официальным данным, действующий президент Лукашенко получил 80% голосов, а оппозиционный кандидат Тихановская — 10%, что вызвало серьезное недовольство белорусского электората. Согласно данным ВЦИОМ, 72% россиян интересуются событиями в Белоруссии в той или иной степени [1]. В целом мнения по поводу того, стоит ли доверять результатам выборов в Республике Беларусь, разделились: 22% от общего числа полностью доверяют результатам выборов (в основном это сторонники «Единой России» и КПРФ); большинство сторонников непарламентских партий совершенно не доверяют прошедшим выборам (44%); 27% считают, что доверять не стоит; 29% — что подтасовки были, но они не повлияли на результат; 64% считают, что для России выгодно, чтобы президентом оставался Александр Лукашенко [1]. Повышенный интерес к Белоруссии связан с тем, что это соседнее славянское государство, с которым у России исторически сложились тесные политические, культурные и экономические связи, так как обе страны входили в состав СССР, а сейчас между ними заключен договор о Союзном государстве. Политическое руководство России поддерживает Лукашенко и признает его легитимным президентом страны, что соответствует мнению большинства россиян, особенно тех, которые поддерживают правящую партию. Несмотря на разделение мнений по поводу доверия к результатам выборов, российские граждане понимают, что Лукашенко как президент важен для России, и поддерживают позицию руководства

¹ Признан иноагентом в РФ.

страны по данному вопросу. Республика Беларусь является важнейшим союзником России на протяжении многих лет, поэтому неудивительно, что в глазах россиян создается положительный образ страны и личности Лукашенко, а историческое родство государств только способствует этому. Данные «Левада-Центра» подтверждают эти выводы [2, с. 131] и показывают, что в глазах россиян белорусские протесты казались вызванными провокациями зарубежных спецслужб, а не реальным недовольством избирателей [2, с. 132].

Следующее событие, которое должно было бы являться внутренним делом России, однако приняло международный масштаб — предположительное отравление Алексея Навального. Анализ данных «Левада-Центра» по этому вопросу позволяет нам сделать вывод, что большинство россиян слышали об этом событии (61% на декабрь 2020 года), а количество считающих, что это попытка власти устранить политического оппонента — 15% от общего числа [3]. Это молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет, внимательно следящие за данным событием, не одобряющие деятельность президента, предпочитающие Интернет, приложение Telegram как источники информации [3]. Стоит отметить, что это типичный портрет гражданина, критикующего внешнюю политику государства, который повторяется во многих исследованиях. Людей, придерживающихся мнения, что никакого отравления не было или же что это провокация западных спецслужб, — 30% и 19% соответственно, а их общий портрет прямо противоположен предыдущей группе респондентов: они одобряют деятельность президента, используют телевидение для получения информации, относятся к старшему поколению (55+), но тоже следят за происходящим с Алексеем Навальным, хотя и не так пристально [3]. В итоге, позиция примерно половины россиян полностью соответствует заявлениям МИД РФ на различных заседаниях и встречах, где полностью отвергалась причастность государства к данному событию. Но эта поддержка в основном шла от сторонников власти, которые, конечно, не склонны винить ее и критиковать, а оппозиция и пользователи Интернета гораздо чаще обвиняют в отравлении Навального российские власти. Однако любопытно, что при этом 50% россиян не одобряют действия оппозицион-

ного политика, это говорит о том, что критики власти, возлагающие вину за отравление на государство, далеко не всегда видят в Навальном своего лидера и зачастую не симпатизируют ему [4].

В 2020 году произошла эскалация замороженного Карабахского конфликта, который был важен для российской внешней политики, так как события происходили в приоритетной сфере интересов государства. Согласно данным «Левада-Центра», возросла общая осведомленность россиян о конфликте. Зачинщиками войны общественное мнение считает Азербайджан (18%) и Турцию (16%), не говоря уже о США и странах НАТО (21%) [5], так как феномену негативного образа данных государств и мнению, что они вмешиваются чуть ли не во все международные конфликты, можно посвятить отдельное исследование. Количество россиян, которые не поддерживают ни одну из сторон в этом конфликте, равно 74% [5], положительно относятся к вводу российских миротворцев 57% респондентов, и такой же процент считает, что влияние России усилилось благодаря пресечению дальнейшего конфликта и увеличению своего военного присутствия в регионе [6]. Симпатия к Армении, которая заключается в обвинении Азербайджана и Турции в эскалации конфликта, объясняется общностью религий России и Армении, а также частично ухудшившимся отношением к мусульманам из-за большого количества мигрантов из Центральной Азии, все еще сохраняющейся негативной памятью о войнах в Чечне 1990-х годов. Несмотря на симпатии общественного мнения к Армении, российское политическое руководство решило не поддерживать какую-либо из сторон, а выступить в «нейтральной» роли миротворца в данном конфликте. Можно заметить, что и такая позиция соответствует чаяниям россиян, которые считают положительными последствиями данного решения рост влияния страны на международной арене и недопущение появления в регионе военных сил НАТО. Так, например, 69% опрошенных выступает против размещения в Нагорном Карабахе миротворческих сил Турции [5].

Заключительным событием 2020 года, на которое стоит обратить внимание, являются выборы президента США, на которых победил Джозеф Байден. Исходя из материалов ВЦИОМ, 64% россиян традиционно следили за этими выборами, 55% опрошенных

с трудом могли бы назвать их свободными и демократическими, хотя молодые люди (18–24 года) чаще всего с этим не согласны (21%) [7]. Если сравнивать двух кандидатов, то к Трампу 29% опрошенных относится положительно, 38% — отрицательно, а к Байдену — 4% положительно и 34% — отрицательно [8]. Несмотря на это, россияне считают, что неважно, кто будет президентом, отношения России и США не изменятся (53%), а если что-то и поменяется, то только в худшую сторону (20%) [7]. Многим экспертам и российским политикам было понятно, что отношение США к России в случае избрания Байдена не изменится. Тем не менее, более существенным представляется тот факт что Трамп и Байден различаются по своим взглядам на отношения с ЕС, глобализацию и роль Соединенных Штатов в мире. Для России взаимодействовать с консолидированным евроатлантическим сообществом сложнее, поэтому неофициальная поддержка более критически настроенного к Европе Трампа была заметна в различных медиа и оценках экспертов.

В итоге американцы выбрали Байдена, а уже летом 2021 года президенты РФ и США встретились в Женеве, чтобы обсудить ряд вопросов, касающихся как международной повестки, так и двусторонних отношений. Взаимоотношения двух держав 57% респондентов характеризуют как плохие, причем те, кто ответил, что отношения между странами ухудшаются, винят в этом либо США (9% — только из-за США, 7% — в основном из-за США), либо обе страны в равной степени (8%), а свою страну винит в этом только 1% россиян, что, в принципе, свидетельствует об одобрении политики государства в отношении Соединенных Штатов [9]. Если говорить об ожиданиях россиян и оценке важности этой встречи, то большинство называют это событие скорее важным, но считают, что это событие никак не изменит двусторонних отношений [9]. Для российских граждан такая встреча на высшем уровне является показателем статуса и величия своей страны, того, что Россия находится на одном уровне с США и что страны имеют наибольшее влияние на мировую политику.. Говоря о результатах встречи, россияне все так же отмечали важность данного события (66%), высказывания Путина на них произвели скорее положительное впечатление (41%), отмечалось, что он успешно провел перегово-

воры и отстаивал интересы России, а вот высказывания и поведение Байдена вызвали больше отрицательных эмоций, хотя и с небольшим перевесом (21% против 14%) [10]. В общем, как и для российских граждан, так и для руководства страны эта встреча была важна в первую очередь не конкретными результатами, а самим фактом того, что лидеры США должны говорить с российским руководством напрямую, без посредников и не через какие-либо организации, хотя, конечно, такой формат не исключается полностью. Встреча имела скорее символическое значение, и такое мнение превалировало как в обществе, так и в сознании российских лидеров.

Летом 2021 года одним из важнейших мировых событий явилось свержение кабульского правительства и приход к власти движения «Талибан»² в Афганистане. Для россиян это событие в августе стало самым запоминающимся и важным [11], однако 37% россиян ничего не знали даже о самих талибах [12]. 56% респондентов, слышавших о талибах, считают их победу негативным событием для России, не соответствующим ее интересам, так как в сознании россиянина члены этой организации — в первую очередь, террористы и бандиты, поэтому увеличивается угроза нашим границам [12]. Это совпадает с мнением властей России и экспертов, указывающих на опасность проникновения боевиков на территорию Российской Федерации и распространения радикальной идеологии в государствах Центральной Азии, ряд из которых к тому же входят в ОДКБ. Однако несмотря на негативное отношение к новому правительству Афганистана, большинство россиян считают, что вести переговоры с ним допустимо, так как любые переговоры лучше открытого конфликта, и диалог позволит стабилизировать ситуацию и избежать войны [12]. При этом 60% считают, что Россия не должна оказывать поддержку ни свергнутому правительству, ни правительству талибов [13]. Таким образом, можно сделать вывод, что в данном вопросе российское общественное мнение разделяет позицию руководства страны и понимает, что при нынешней конъюнктуре диалог

² Запрещенная в РФ террористическая организация

является единственно возможным методом влияния на ситуацию в Афганистане.

Среди всех вышеперечисленных событий и явлений стоит уделить отдельное внимание тому, как российское общественное мнение относится к Западу в целом, видит ли оно в нем врага, партнера или друга, опасен ли он для России или нет и тому подобное. Согласно данным ВЦИОМ, 69% российских граждан считают, что России нужно укреплять взаимовыгодные связи с государствами Западного мира, тем не менее, для респондентов это не означает, что Российская Федерация должна стремиться вступить в НАТО, три четверти россиян ответили на данный вопрос отрицательно. Когда речь заходит о Европейском сообществе, разница в голосах не настолько велика: 57% считают, что России не нужно стремиться стать частью Европейского сообщества, а 29% полагают, что нужно. Однако 64% опрошенных согласны с тем, что Европейский союз дискриминирует по политическим соображениям Российскую Федерацию [14]. Последнее, скорее всего, нужно понимать так, что ЕС не объективен, когда предъявляет претензии к России и принимает меры против нее. Из вышеприведенных данных можно сделать вывод, что в российском общественном сознании все еще доминирует восприятие Запада и особенно НАТО в качестве врага и угрозы, но когда речь заходит о Европейском сообществе, то данный антагонизм смягчается, что дает нам возможность говорить о влиянии «мягкой силы» европейцев на среднестатистического россиянина, хотя политическая позиция Европейского союза по отношению к России воспринимается нашими гражданами отрицательно. Вдобавок, более лояльное отношение к Западу, НАТО и ЕС высказывали именно респонденты от 18 до 24 лет [14], так как они, в отличие от старших поколений, свободны от предубеждений XX века, они не жили во времена биполярной системы и антагонизма США и СССР, НАТО и ОВД, капитализма и социализма. У представителей старшего поколения уже сложился некий стереотип об априорной враждебности Запада, воспроизводимый и сегодня.

Таким образом, рассмотрение и анализ вышеприведенных опросов общественного мнения россиян по ряду ключевых сюжетов, связанных с российской внешней политикой, позволяют

сделать следующие выводы. Большинство россиян практически во всех случаях и по всем внешнеполитическим вопросам занимает такую же позицию, как и российское государство. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, в России в целом очень высокий уровень поддержки президента Владимира Путина, который, согласно Конституции, определяет внешнюю политику страны. Несмотря на некоторое падение рейтингов Путина с начала 2020 года, уровень доверия к нему является наибольшим среди российских политиков — 63,5% [15]. Во-вторых, нужно понимать, что одним из смыслов политического управления в XXI веке является получение наибольшей поддержки населения путем управления общественным мнением [17]. В российском медиапространстве доминируют государственные СМИ, и они являются наиболее популярными в стране, особенно это касается телевидения. С помощью такого мощного информационного ресурса российскому государству зачастую удается формировать такое восприятие международных событий и внешней политики страны, которое соответствует позиции руководства страны, поэтому в подавляющем большинстве опросов можно видеть поддержку действий государства на мировой арене. Вследствие этого, общественное мнение становится еще одной опорой власти [18], а широкая дискуссия, которая, по мнению Б. А. Грушина, является ключевым фактором при выработке общественного мнения людей, сходит на нет. Тем не менее, заметно, что граждане оценивают внешнюю политику России не так высоко, как лично президента. Согласно данным ФОМ, 38% считают, что у России было больше успехов во внешней политике, а 29% — больше неудач, и существует явная тенденция к более негативной оценке результатов международной деятельности страны [16].

Исходя из данных выводов, можно предположить, что в ближайшем будущем ситуация вряд ли изменится. Прошедшие выборы в Государственную Думу утвердили доминирование партии власти в парламенте России, а у нынешнего президента впереди еще почти половина срока. Повлиять на общественное мнение россиян могут либо выборы 2024 года и смена президента Российской Федерации, либо резкое ухудшение международной обстановки, острый кризис в отношениях с Западом и более сильное давление

(в том числе санкционное) на Россию, что приведет к серьезному ухудшению уровня жизни и финансовой защищенности населения и заставит россиян пересмотреть свою лояльность к власти и оценку внешней политики страны. Однако такой вариант развития событий представляется маловероятным.

Библиография

1. Белоруссия после выборов: Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/belorussiya-posle-vyborov> — 27.11.2021.
2. Общественное мнение-2020: Ежегодник. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2021/02/OM-2020.pdf> — 27.11.2021.
3. Отравление Алексея Навального // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/12/24/chto-rossiyane-dumayut-ob-otravlenii-alekseya-navalnogo/> — 30.11.2021.
4. Алексей Навальный: Отношение и отравление // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/02/aleksej-navalnyj-otnoshenie-i-otravlenie/> — 01.12.2021.
5. Что думают россияне про конфликт в Карабахе? // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/30/chto-dumayut-rossiyane-pro-konflikt-v-karabahe/> — 01.12.2021.
6. Ситуация вокруг Нагорного Карабаха // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Mir/14504> — 01.12.2021.
7. Россия — Америка: новый президент, старые проблемы // ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10751> — 04.12.2021.
8. Выборы в Америке // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Mir/14486> — 04.12.2021.
9. Отношения России и США // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Mir/14592> — 04.12.2021.
10. Встреча Владимира Путина и Джо Байдена в Женеве: реакция россиян // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Mir/14600> — 06.12.2021.
11. События месяца. Август // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/08/31/sobytiya-mesyatsa-9/> — 06.12.2021.
12. Движение «Талибан» // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Mir/14642> — 06.12.2021.
13. Смена власти в Афганистане и позиция России: Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/smena-vlasti-v-afganistane-i-pozicija-rossii> — 08.12.2021.

14. Россия и Запад: вместе или порознь? Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-zapad-vmeste-ili-porozn> — 10.12.2021.
15. Доверие политикам // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> — 16.12.2021.
16. Оценка внешней политики России // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Politika/14650> — 16.12.2021.
17. *Рокотьянская В. В.* Управление общественным мнением в современной России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-obschestvennym-mneniem-v-sovremennoy-rossii/viewer> — 16.12.2021.
18. *Туманов С. В., Гаспаривили А. Т.* К вопросу об изучении общественного мнения в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-izuchenii-obschestvennogo-mneniya-v-rossii/viewer> — 16.12.2021.

Кравчик Елена Ильинична

Санкт-Петербургский государственный университет

Факультет международных отношений

Магистратура

Российско-финляндские отношения: состояние финского общественного мнения в отношении России на современном этапе

**Finland-Russia Relations: The Contemporary Public Opinion in
Finland on Russia**

Аннотация. В статье рассматривается состояние финского общественного мнения в отношении российско-финляндских отношений на современном этапе. Приведено несколько главных критериев, влияющих на общественное мнение финнов в отношении России, таких как военная угроза и экономическое сотрудничество стран, а также влияние на российско-финляндские отношения взаимоотношений России и ЕС. Также были проанализированы изменения общественного мнения по приведенным вопросам. Материалом для исследования послужили опросы 2021 года, проведенные финской организацией EVA и государственной телерадиокомпанией YLE.

Ключевые слова: Финляндия, Россия, общественное мнение, российско-финские отношения.

Abstract. The particular emphasis of the article is placed on the public opinion in Finland and its attitude towards Finland-Russia relations. Several main aspects are examined as the most influential on the formation of Finnish public opinion. They are the growing Russian military threat, trade cooperation, the impact of EU politics on Finland-Russia relations. The article also considers the way public opinion changed and what events caused such shifts. The research is based on the questionnaires performed in 2021 by the Finnish analytical company EVA and Finnish broadcasting company YLE.

Keywords: Finland, Russia, public opinion, Finland-Russia relations.

Введение

Отношения России и Финляндии занимают довольно важное место в исследованиях, посвященных странам Балтийского моря.

Финляндия как страна с наибольшей протяженностью границы с Российской Федерацией имеет, довольно активную и насыщенную историю взаимодействия с Россией. Исследователями отмечается, что Россия существенно влияет на внутреннюю и внешнюю безопасность страны, торговлю и культуру [1].

Отношение финнов к своему восточному соседу постоянно менялось, находясь в зависимости от состояния диалога между правительствами Финляндии и России. В то же время общественное мнение является одним из факторов, отражающимся на внешнеполитическом курсе государства и политике безопасности страны, целесообразным является определение основных факторов, влияющих на него, и тенденций его развития [2].

Таким образом, **целью** данной работы является определение состояния финского общественного мнения по вопросу российско-финляндских отношений на современном этапе.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Дать определение понятию «общественное мнение» и выявить наиболее эффективный метод его оценки.
2. Изучить опросы общественного мнения в отношении российско-финляндских отношений, предоставленные новостным порталом YLE и некоммерческой организацией «Аналитический центр деловой жизни — EVA» («Elinkeinoelämän valtuuskunta - EVA»).
3. Определить наиболее значимые факторы, влияющие на состояние финского общественного мнения, касающиеся российско-финляндских отношений.

Актуальность данной работы обусловлена тем фактом, что Финляндия, имея общую границу с Российской Федерацией, является важным партнером России в вопросах экономического взаимодействия, экологии, обмена технологиями и судостроения, а также культурно-гуманитарного сотрудничества. Таким образом, для продуктивного взаимодействия обеих стран необходимо оценить состояние финского общественного мнения по отношению к России и проследить общие настроения населения страны в отношении развития российско-финляндских отношений и совместной деятельности двух стран. Заметим, что в российской науке тема

восприятия России финским общественным мнением исследована мало, и это свидетельствует о новизне нашего исследования.

В качестве теоретической базы данного исследования были использованы работы политологов О. Холсти и У. Липпманна, чьи работы по изучению общественного мнения и его роли в принятии внешнеполитических решений являются ключевыми по данной теме. Также были изучены работы финского дипломата и ученого-международника А. Руси, объясняющие роль общественного мнения в формировании внешней политики страны.

Опросы, использованные в данной работе, были проведены финским аналитическим центром деловой жизни EVA, работа которого направлена на исследование тенденций, влияющих на благосостояние финского общества и бизнеса. Вторым источником стал информационный портал YLE, являющийся самым крупным и авторитетным государственным СМИ в стране.

Общественное мнение как явление: определение и способы измерения

Единого и общепризнанного определения понятия «общественное мнение» не существует, поскольку сам концепт включает в себя множество уровней оценки и варьируется в зависимости от целей использующего его исследователя. Однако наиболее емкое определение было дано профессором социологии Э. Гидденсоном: общественное мнение — общее мнение членов общества отекущих вопросах. Для понимания того, насколько сильно разнятся интерпретации данного понятия, можно привести определение американского политолога В. Ки: общественное мнение составляет мнение тех, к кому правительство сочтет нужным прислушаться [3].

Наряду с этим, исследователи также по-разному оценивают влияние общественного мнения на политику, проводимую государством. Определение уровня значимости общественного мнения существенно зависит от того, через призму какой политической школы рассматривать это явление. Так, если изучать общественное мнение посредством использования либеральной парадигмы, оно обладает сдерживающей силой в условиях соблюдения демократических норм и значительно влияет на проводимую правя-

щей элитой политику [4]. Однако представители реалистической парадигмы утверждают обратное: общественное мнение можно охарактеризовать как непоследовательное и иррациональное, не имеющее влияния на политические решения истеблишмента и даже, наоборот, отчасти формулируемое и навязываемое населению государством [4, 5].

Однако стоит отметить, что общественное мнение может отражаться на действиях политической элиты, если будет представлено органам власти.

Так, наиболее ярко влияние общественного мнения на политику, проводимую государством, проявляется на выборах. Граждане отдают свой голос тем кандидатам, которые наиболее точно отражают их мнение на актуальные политические вопросы в своих предвыборных обещаниях. Тем не менее, избранные кандидаты могут отклониться от своей политической программы, нарушая данные ими обещания. В демократических обществах эта проблема регулируется посредством переизбрания политиков, не позволяя последним полностью игнорировать общественное мнение [6].

Для оценки общественного мнения и его измерения зачастую используются опросы. Данный метод оценки широко применяют начиная с 1930-х годов [6]. Посредством опросов можно собрать мнение различных слоев общества в довольно сжатые сроки, позволяя правительству эффективно отслеживать реакцию населения на политические решения [7]. Согласно утверждению Филипа Конверса, результаты опросов фактически стали олицетворять собой общественное мнение [8].

Также стоит подчеркнуть различия общественного мнения и реальной государственной политики, поскольку одно не равно другому. В центре концепта общественного мнения лежит понятие общественного интереса, который возникает в отношении проблем, носящих актуальный характер, затрагивающих вопросы жизни и развития общества. Согласно исследователю В. Коробейникову, такой интерес сохраняется относительно короткий промежуток времени к весьма ограниченному кругу проблем [9]. В то же время государственная политика чувствительна к общественному мнению, которое обеспечивает поддержку курса государства, а значит, влияет на его целостность и эффективность. [2].

Российско-финляндские отношения: оценка финского общественного мнения

Для Финляндии вектор России сопряжен с противоречиями. С одной стороны, Москва воспринимается как важный торговый партнер, с другой – как угроза безопасности.

Согласно опросу, предоставленному EVA, наибольшие изменения в общественном мнении финнов о России произошли в 2012 г. (третий срок В. В. Путина), после чего тенденция к скорее негативной оценке России сохранилась (см. рис. 1) [10]. Так, если в 2012 году порядка 63% опрошенных относились к России позитивно, а 19% — негативно, то в 2021 году количество позитивно настроенных к России опрошенных снизилось до 34%, а негативно настроенных возросло до 45%.

Рисунок 1. Ответы финских респондентов на вопрос об их отношении к России EVA [10]

По мнению финского аналитика Хаависто, финны довольно внимательно следят за действиями России и ее внутренней и внешней политикой. Так, на общественное мнение финнов существенно повлияли: кризис на Украине (2014 г.), военные действия в Сирии

(2016 г.), политика российских властей по отношению к оппозиции (кейс А. Навального). Позитивно на общественное мнение повлиял Чемпионат мира по футболу, а также саммит Россия — США, проведенный в Хельсинки (2018 г.) и показавший готовность России к диалогу с западными странами [10].

Стоит также отметить, что общественное мнение о России в 2014 году ухудшилось из-за сюжетов в сфере безопасности. Согласно опросу, проведенному YLE, в 2015 году на вопрос «Является ли усиление военного развития России угрозой для Финляндии?» больше половины опрошенных (56%) ответили утвердительно, однако в течение времени общественное мнение менялось в сторону положительной оценки политики РФ. Так, в 2017 году только 39% опрошенных считали Россию угрозой Финляндии (см. рис. 2) [11].

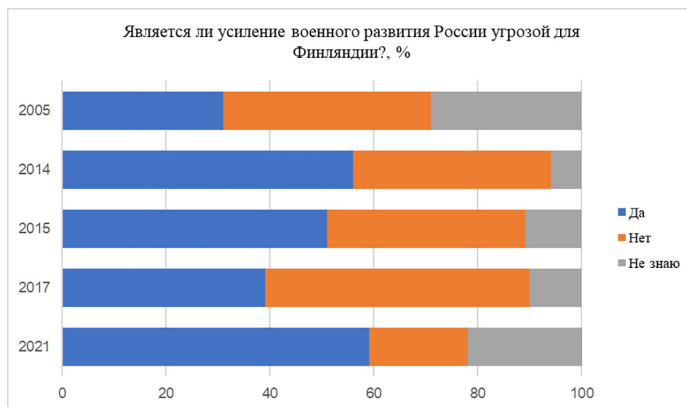

Рисунок 2. Результаты опросов YLE и EVA за 2005-2021 гг. [10, 11]

Можно заключить, что формирование негативного восприятия России было вызвано начавшимся кризисом на Украине, а также определенной неизвестностью дальнейших действий России в отношении прочих стран. Заметно и то, что к 2017 году общественный интерес сместился с темы украинского кризиса, она утратила свою актуальность в информационном поле. Ситуация сохранялась до нового обострения отношений России и стран

Запада в 2021 году, когда 59% финнов снова стали относиться к своему восточному соседу с опасением.

Обратимся теперь к экономической тематике. На рис. 3 представлены критерии оценки финнами российской экономической политики, а также российско-финляндских торговых отношений.

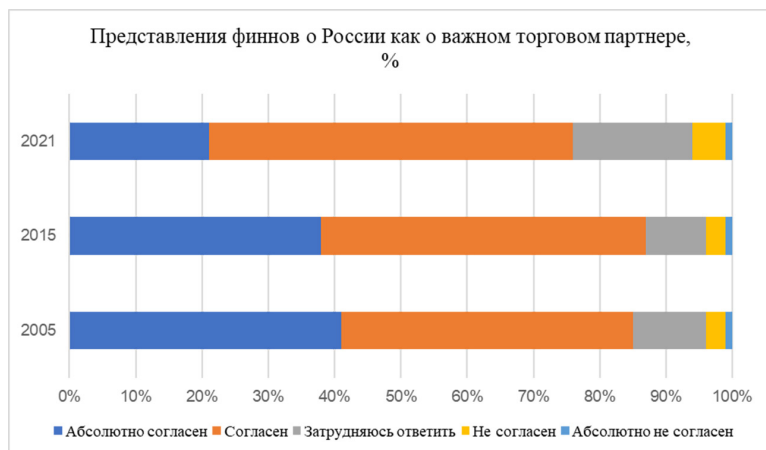

Рисунок 3. Результаты опроса об отношениях финнов к России как к торговому партнеру [10]

Так, по состоянию на 2021 год больше половины опрошенных негативно оценивают состояние российской экономики. Однако даже при такой низкой оценке Россия в глазах финнов все равно остается одним из важнейших торговых партнеров — порядка 76% опрошенных согласны с этим утверждением.

Важно отметить, что в опросах общественного мнения 2015 года Россия также была на лидирующих позициях в области торговли с Финляндией (87%), несмотря на обострение политических отношений в 2014 г. (см. рис. 2). Однако будет справедливым отметить, что показатели снизились приблизительно на 10% [10]. Этот факт обуславливается взаимно введенными странами Европы и Россией санкциями.

Применительно к российско-финляндским торговым отношениям мы можем отметить, что ограничения больше всего ударили

по финскому экспорту продуктов питания, тогда как товарооборот по прочим позициям остался почти без изменений [12].

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что большая часть опрошенных придерживается мнения, что экономические причины не могут ослабить российско-финляндские отношения. На момент проведения опроса (2021 г.) экономический аспект российско-финляндских отношений для финнов является весомым, и ухудшение торговли по политическим причинам не поддерживается большинством опрошенных [10].

Немаловажным также является состояние финского общественного мнения по вопросу отношений России, Финляндии и ЕС. Согласно опросу 2021 года, только 13% финнов считают, что Финляндия, выстраивая отношения с Россией, в первую очередь должна ориентироваться на то, какие на данный момент взаимоотношения у России и ЕС. При этом большинство опрошенных (68%) считает важным для Финляндии выстраивать двусторонние отношения с РФ независимо от того, как ЕС воспринимает Россию и какую политику ведет в ее отношении (см. рис. 4).

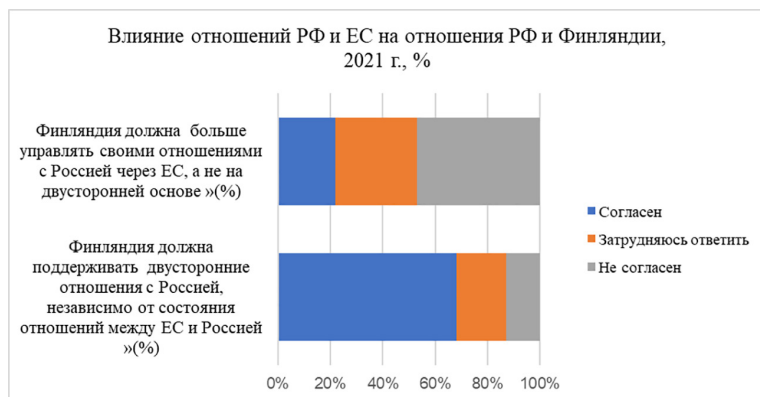

Рисунок 4. Опрос о влиянии отношений РФ и ЕС на российско-финляндские отношения 2021 г. [10]

Таким образом, еще одной тенденцией общественного мнения Финляндии является стремление к самостоятельному выстраива-

нию российско-финляндских отношений, без участия посредника в лице ЕС. Несмотря на сформированное негативное общественное мнение финнов о России в качестве военной угрозы, финны предпочитают самостоятельно выстраивать двусторонние отношения со своим соседом, без вмешательства со стороны ЕС.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что наиболее influential факторами, формирующими финское общественное мнение в отношении российско-финляндских отношений, стали факторы безопасности и экономики.

Анализируя данные опросов об оценке уровня угрозы, исходящей от России в отношении Финляндии, можно столкнуться с негативным общественным мнением финнов о нашей стране. Оно выражается в беспокойстве, касающемся наращивания Россией военного потенциала, а также проводимой страной активной внешней и авторитарной внутренней политики.

В то же время экономическая тематика создает скорее позитивный фон восприятия России: в Финляндии ее рассматривают как одного из главных торговых партнеров, отмечая издержки от сокращения экспорта в нашу странумолочной и мясной продукции из-за санкций.

Учитывая указанные выше факты, нужно отметить также стремление финнов к самостоятельному формированию двусторонних отношений с Россией, без участия ЕС и влияния его отношений с Россией. Таким образом, финны довольно активно следят за политикой РФ, видят в стране значимого торгового партнера, а возникающее напряжение в отношениях стремятся решать без вмешательства третьей стороны.

Библиография

1. Heusala A.-L., Pyukönen E., Kivinen M. Venäjän turvallisuuspolitiikka — tutkimus Suomessa ja kehitystrendit Venäjällä, Valtioneuvoston selvitys- ja tutkimustoiminnan. URL: <https://tietokayttoon.fi/documents/10616/1266558/Venäjän+turvallisuuspolitiikka+-+tutkimus+>

- Suomessa+ja+kehitystrendit/b70c1ae4-2125-4672-b40a-db2ec4cf8b52 — 15.11.2021.
2. *Rusi A.* Yleinen Mielipide Ja Ulkopoliitikka. Media & Viestintä, 2021, 8 (3). Turun yliopisto. URL: <https://journal.fi/mediaviestinta/article/view/73680> — 15.11.2021.
 3. *Kernell S., Jacobson G., Kousser T., Vavreck L.* The Logic of American Politics. URL: <https://edge.sagepub.com/kernell8e/student-resources/chapter-10/chapter-summaries> — 19.11.2021.
 4. *Holsti O.* Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus // *International Studies Quarterly*. 1992. No. 36(4). URL: <https://academic.oup.com/isq/article-abstract/36/4/439/1799204?redirectedFrom=fulltext> — 15.11.2021.
 5. *Lippmann W.* Essays in the public philosophy. Boston-Toronto: University of Florida libraries, 1955. URL: <https://ia800407.us.archive.org/11/items/essaysinpublicph00inlipp/essaysinpublicph00inlipp.pdf> — 17.11.2021.
 6. *Пишцова С.* Общественное мнение в механизме формирования государственной политики // *Управленческое консультирование*, 2010, № 4 RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-mnenie-v-mehanizme-formirovaniya-gosudarstvennoy-politiki/viewer> — 17.11.2021.
 7. *Berinsky A.* Measuring Public Opinion with Surveys // *Annual Review of Political Science*. 2017. URL: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev-polisci-101513-113724> — 17.11.2021.
 8. *Converse P.* Changing conceptions of public opinion in the political process // *Public opinion quarterly*. 1987. No. 51(2). URL: <https://www.uvm.edu/~dguber/POLS234/articles/converse.pdf> — 17.11.2021.
 9. *Коробейников В. С.* Пирамида мнений (общественное мнение: природа и функции). М.: Знание, 1987. 222 с.
 10. *Haavisto I.* Venäjistä vieroitettu. Suomalaiset suhtautuvat itänaapuriinsa aiempaa kriittisempi. URL: <https://docplayer.fi/220637681-Venajasta-vieroitettu.html> — 10.12.2021.
 11. *Pajunen J.* Suomen jäsenyys NATOssa. URL: http://data.yle.fi/dokumentit/Utuset/Nato_Venajanuhka_johdanto_07122017.pdf — 01.12.2021.
 12. *Дробот Е.* Влияние санкционных войн на развитие внешнеторговых отношений России и Финляндии // *Российское предпринимательство*, 2017, Т.18, № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlianie-sanktsionnyh-voyn-na-razvitie-vneshnetorgovyh-otnosheniy-rossii-i-finlyandii> — 04.12.2021.

Подписано к публикации 24.01.2023.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 36,17.
Заказ №14126

Отпечатано в типографии Скифия-принт.
Адрес: 197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., д. 10
тел.: (812) 982 83 94,
skifia-print@mail.ru